

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

Е.Н. Чернолуцкая

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ
НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
в 1920 — 1950-е гг.**

Владивосток
Дальнаука
2011

УДК 947.084.4/.087(571.6)

Чернолуцкая Е.Н.

**Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке
в 1920—1950-е гг. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 512 с.**

В книге всесторонне исследован феномен массовых принудительных миграций на Дальнем Востоке как существенный элемент сталинской репрессивной политики, показано его влияние на социально-демографические процессы с учётом локальных особенностей краев и областей региона. Выделены этапы депортационных процессов, показаны формы насильственных вселений и выселений, рассмотрена эволюция паспортных ограничений в рамках формирования пограничных и «режимных» зон, освещены история и география системы спецпоселений на Дальнем Востоке, проанализирован характер использования принудительного труда и хозяйственно-бытового обустройства спецпоселенцев. В научный оборот вводится обширный материал, выявленный автором в российских центральных и региональных архивах. Книга предназначена для специалистов, студентов-историков и читателей, интересующихся историей российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: принудительные миграции, депортации, социальные «чистки», спецпереселенцы, сталинский режим, советский Дальний Восток.

Научный редактор - д-р ист. наук А.С. Ващук

Рецензенты: д-р ист. наук Л.И. Галлямова, д-р ист. наук О.П. Еланцева

Разд. 3.1. выполнен при поддержке гранта Президиума ДВО РАН № 09-III-A-11-550, разд. 3.4. и 4.1. - гранта Президиума ДВО РАН 09-II-CO11-001.

Утверждено к печати Ученым советом института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

ISBN

© Е.Н. Чернолуцкая, 2011

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East

E.N. Chernolutskaya

**THE FORCED MIGRATIONS
IN THE SOVIET FAR EAST
in 1920s — 1950s**

Vladivostok
Dalnauka
2011

E.N. Chernolutskaya.

**The forced migrations in the soviet Far East in 1920s — 1950s. -
Vladivostok: Dalnauka, 2011. — 512 p.**

The phenomenon of the mass forced migrations in the Far East as essential element of Stalinist repression politics is over-all studied in the book, its influence on the social-demographic processes is shown taking into consideration the local district peculiarities of the region. The stages of deportation processes are determined, the forms of the compulsory settlings and banishments are shown, the evolution of passport restrictions in the frame of forming frontier and “regime” zones is examined, the history and geography of the “special settlements” system in the Far East are elucidated, the character of using the forced labor of special deportees and their conditions of life are analyzed. The vast material taken by author from the Russian central and regional archives is introduced into scientific study. The book is intended for specialists, students-historians and all those interested in history of the Russian Far East.

Key words: forced migrations, deportations, social “cleansing”, special deportees, Stalinist regime, soviet Far East.

Оглавление

Введение	9
Глава 1	Характер принудительных выселений с территории советского Дальнего Востока в 1920-е гг. 18
1.1.	Особенности применения принудительных выселений в уголовно-репрессивной практике Советской России в 1920-е гг. 18
1.2.	«Разгрузка» региона от «избыточного населения» как одно из последствий военного периода..... 26
1.3.	Использование высылки в борьбе с политическими противниками и уголовной преступностью 36
1.4.	К вопросу об использовании принудительного труда на Дальнем Востоке в 1920-е гг. 44
Глава 2	Принудительная колонизация Дальнего Востока в 1930 — начале 1940-х гг. 53
2.1.	«Кулацкая ссылка» и спецпоселения в ДВК в 1930—1941 гг. 53
2.1.1.	Государственная политика массовых депортаций крестьян и переселение «кулаков» внутри ДВК..... 55
2.1.2.	Переселение «раскулаченных» крестьян на Дальний Восток из других регионов страны..... 69
2.1.3.	Общие итоги «кулацкой ссылки» на Дальнем Востоке 76
2.1.4.	Трудовое использование спецпереселенцев 78
2.1.5.	Организация и дислокация спецпосёлков 87
2.1.6.	Динамика численности спецпереселенцев в ДВК и её факторы 94
2.1.7.	Хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцев.....103
2.1.8.	Становление медицинского обслуживания и школьного образования спецпоселенцев.....124
2.2.	«Лагерная колонизация» на Дальнем Востоке (1933—1940 гг.)134
Глава 3	Политика пограничного режима и социальные «чистки» на Дальнем Востоке в преддверии Второй мировой войны167
3.1.	Паспортизация дальневосточного населения в 1933—1934 гг. и её миграционные последствия173
3.2.	«Корейский вопрос» и депортация корейцев 1937 г.....201
3.2.1.	Проблемы корейской иммиграции в Россию имперского периода.....202
3.2.2.	Решение «корейского вопроса» в советский период211
3.2.3.	Депортация корейцев с Дальнего Востока СССР в 1937 г.....228
3.3.	Вытеснение китайцев с советского Дальнего Востока и депортация 1938 г.....234
3.3.1.	Проблемы китайской иммиграции на российском Дальнем Востоке237
3.3.2.	Ликвидация «Миллионки»252
3.3.3.	Массовые операции по арестам китайцев (декабрь 1937 — март 1938 г.).....258

3.3.4.	Депортация китайцев 1938 г.	262
3.3.5.	Немного о судьбах.....	270
3.4.	К вопросу о миграции немецкого населения на Дальнем Востоке в 1930-е гг.	273
3.5.	Практика внесудебных методов выселения «неблагонадёжных» лиц из дальневосточного приграничья в 1930-е гг.	284
3.5.1.	Ссылка и высылка, «административное» переселение	284
3.5.2.	Выселение «неблагонадёжного» населения из Приморского края в 1939 г.	296
3.6.	Итоги и последствия «чистки» Дальнего Востока	312
Глава 4	Особенности принудительных миграций на Дальнем Востоке в период Великой Отечественной войны	333
4.1.	«Кулацкая ссылка» в 1941—1945 гг.	333
4.2.	Война и судьба немецкого населения на Дальнем Востоке	344
4.3.	Мобилизация спецпоселенцев на строительство железной дороги Комсомольск — Советская Гавань.....	355
Глава 5	Послевоенный этап принудительных миграций на Дальнем Востоке (1945—1950-е гг.)	366
5.1.	Окончание «кулацкой ссылки».....	366
5.2.	Спецконтингент, «власовцы»	368
5.3.	Этнические депортанты.....	385
5.3.1.	Немцы	385
5.3.2.	Калмыки	399
5.3.3.	Пополнение 1949 г.: оуновцы, высленцы из Крыма, Прибалтики, Молдавии, с Кавказа.....	402
5.4.	«Указники» (крестьяне, высленные из колхозов на основании Указа ПВС СССР от 2 июня 1948 г.).....	415
5.5.	Ссылнопоселенцы, ссыльные и высланные	429
5.6.	«Особый контингент» на Колыме.....	434
5.7.	Общая характеристика принудительных миграций послевоенного этапа	450
	Заключение.....	483
	Список сокращений	489
	Приложения	494

CONTENTS

Introduction	9
Chapter 1. The character of the banishments from the soviet Far East in 1920s	18
1.1. The peculiarities of using the banishments in the soviet criminal prosecution in 1920s	18
1.2. Decongesting the region of the «superfluous population» as a consequence of the Civil war period.....	26
1.3. Using the exile in the struggle against political enemies and criminality	36
1.4. To the question of using the forced labour in the Far East in 1920s	44
Chapter 2. The forced colonization of the Far East in 1930s – early 1940s	53
2.1. The «kulak exile» and «special settlements» in Dalkrai in 1930 – 1941.....	53
2.1.1. The state politics of mass peasant deportations and «kulak» resettling inside the region	55
2.1.2. Settling the dekulakized peasants from another regions to the Far East	69
2.1.3. The total results of «kulak exile» in the Far East	76
2.1.4. Using the labour of the special deportees ..	78
2.1.5. Organization and disposition of the «special settlements»	87
2.1.6. Changing the number of «special settlers» in Dalkrai and its factors	94
2.1.7. The conditions of «special settlers» life ..	103
2.1.8. Arranging the health service and school education of the «special settlers»	124
2.2. The «Gulag camp’s colonization» in the Far East (1933 – 1940)	134
Chapter 3. The politics of frontier regime and social «cleansing» in the Far East on the threshold of the World War II	167
3.1. The passportisation in 1933 – 1934 and its migration consequences	173
3.2. The «Korean question» and Korean deportation in 1937	201
3.2.1. The problems of Korean immigration of imperial period	202
3.2.2. Solving the «Korean question» in soviet period	211
3.2.3. The Korean deportation from the soviet Far East in 1937.....	228
3.3. Ousting the Chinese from the soviet Far East and deportation in 1938	234
3.3.1. The problems of the Chinese immigration in the Russian Far East	237
3.3.2. Liquidation of «Millionka»	252
3.3.3. The operations of mass arrests of the Chinese (December, 1937 – March, 1938)	258
3.3.4. The deportation of the Chinese in 1938	262
3.3.5. A little about the personal fates	270
3.4. To the question about the migration of the soviet Germans in the Far East in 1930s	273
3.5. The practice of extrajudicial methods of banishing the «unreliable» population from the Far Eastern frontier zones in 1930s	284
3.5.1. The exile and the banishment, the resettlement «by administrative order»	284

3.5.2.	Banishing the «unreliable» population from Primorskii krai in 1939	296
3.6.	The results and the consequences of «cleansing» the Far East	312
Chapter 4.	The peculiarities of the forced migrations in the Far East in the Great Patriotic War period	333
4.1.	The «kulak exile» in 1941 – 1945	333
4.2.	The War and the fate of the Germans in the Far East	344
4.3.	The mobilization of the «special settlers» to the construction of the rail way Komsomolsk – Sovetskaya Gavan	355
Chapter 5.	The postwar stage of the forced migrations in the Far East (1945 – 1950)	366
5.1.	The end of the «kulak exile»	366
5.2.	The «special contingent», «vlasovtsy»	368
5.3.	The ethnic deportees	385
5.3.1.	The Germans	385
5.3.2.	The Kalmyks	399
5.3.3.	The replenishment of 1949: the ounovtsy, deportees from the Crimea, Caucasus, Moldavia, the foreigners ..	402
5.4.	The «ukazniks» (the peasants banished from the collective farms according to the 2 August, 1948 Decree of PSS of the USSR).....	415
5.5.	The convicts into exile on settle, the exiles, the banished persons ..	429
5.6.	The «special contingents» in the Kolyma.....	434
5.7.	The common characteristics of the postwar forced migrations Conclusion	450
Conclusion		483
List of abbreviations		489
Appendix		494

Введение

На протяжении XX в. принудительные миграции как форма государственной репрессивной политики использовались властями разных стран для решения тех или иных политических задач, приобретая порой самые жестокие формы. Так, в Турции в 1915 г. были проведены тотальная депортация и массовое истребление армян (по разным оценкам, депортировано от 0,5 до 1,5 млн. чел., из них погибло две трети). В годы Первой мировой войны воюющие державы, в том числе Франция и Россия, из превентивных соображений интернировали подданных вражеских государств. В 1942 г. власти США насильственно переместили с западного побережья в специальные лагеря во внутренних штатах около 120 тыс. японцев, большинство из которых являлись американскими гражданами, и т.д.¹

Однако в истории найдется немного примеров, когда данный вид репрессии приобрел бы столь же внушительный размах, как в сталинском государстве. В мировой исторической литературе проблема принудительных миграций в СССР² впервые была поднята в 1960-е гг. западными исследователями (Р. Конквест, Й. Хоффман, Я. Гросс, М. Гильберт, уехавший из СССР А. Некрич и др.). Сама постановка проблемы в качестве самостоятельной научной задачи являлась несомненной заслугой этой плеяды учёных, однако труды того времени опирались на скудную источниковую базу, поэтому раскрытие проблемы носило приблизительный характер. В Советском Союзе объективное изучение данного феномена было невозможно по причине табуированности самой темы и секретности необходимой документальной базы. Государство тщательно скрывало информацию о проведении большинства кампаний насильственного переселения граждан. Небольшое исключение в этом ряду составляла лишь «кулацкая ссылка», однако её освещение находилось под мощным идеологическим прессом, сегодня оно не может претендовать на сколько-нибудь значимое место в историографии.

По-настоящему серьёзное изучение истории принудительных миграций в СССР как отечественными, так и зарубежными исследователями началось в 1990-е гг. с открытием бывших секретных фондов российских архивов. За прошедшие два десятилетия в этом направлении произошёл историографический прорыв, накоплено значительное количество трудов, включающих публикации документов в научных журналах и сборниках, статьи и фундаментальные монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Характерной особенностью современной историографической ситуации является то, что большинство авторов занимается историей одного вида депортаций, охватывавшего определённую этническую или социальную группу, вне общего контекста принудительных миграций в стране. Например, Н.А. Ивницкий посвятил свои труды «кулацкой ссылке», В.Ф. Зима, Ж. Ле-

веск — крестьянам, выселенным из колхозов в 1948 г., В.П. Попов, г. Кесслер, Н. Муан, Ш. Фицпатрик — контрольно-ограничительным функциям паспортной системы 1930-х гг., повлиявшим на миграционные процессы, и т.д.

Обобщающих публикаций сравнительно немного, к наиболее известным и цитируемым относятся труды Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, П.М. Поляна и некоторых др. Эти российские исследователи ввели в научный оборот обширный корпус источников, в том числе подробную статистику, что позволило показать общую картину принудительных миграций в СССР, их географию, правовую базу, социальный и этнический состав мигрантов, характер использования их труда в различных отраслях экономики. Важной составляющей современных исследований является тесная увязка проблем принудительных миграций и принудительного труда, в результате чего историки вышли на рассмотрение «спецконтингента» в целом как системного элемента советского общества 1920 — 1950-х гг. (О.В. Хлевнюк, А.Б. Суслов, А.К. Соколов, С.А. Красильников, Г.А. Гончаров).

Особо следует сказать о региональном срезе исследований. В значительной части трудов депортации изучаются в территориальных рамках конкретного региона выхода или вселения принудительных мигрантов — Украины, Поволжья, Крыма, Сибири, Казахстана, республик Коми, Калмыкии и др. Как правило, они посвящены определённой категории переселенцев. Например, существует обширная литература о депортациях репрессированных крестьян в период раскулачивания — в Сибири (С.А. Красильников, Н.Я. Гушин, В.П. Данилов), на Урале (И.Е. Плотников, Т.И. Славко), Европейском Севере (В.Я. Шашков) и т.д. Этнические депортации исследовались на материалах многих регионов выселения — немцев из Поволжья (В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева, Н.Ф. Бугай, А.А. Герман, А.Н. Кичихин), коренных народов из Прибалтики (Н.Ф. Бугай, Х.П. Стродс), Западной Украины и Белоруссии (В.С. Парсаданова, С.Г. Филиппов, В. Чебриков), Кавказа (Н.Ф. Бугай, А.М. Гонов, В.П. Сидоренко, Э. Эркенов), а также на материалах ряда регионов вселения (В. Бруль, А.А. Шадт о немцах в Сибири). Свой вклад в анализ принудительных этномиграционных процессов в СССР внесли зарубежные коллеги (Т. Мартин, А. Айсфельд, П. Холквист, С. Меррит и др.).

Несмотря на длинный список работ, комплексное изучение принудительных миграций за весь советский период в рамках конкретных территорий остаётся редким явлением (А.Б. Суслов — по Пермскому краю, Е.В. Боркова — по Западной Сибири). Большинство же регионов страны пока не охвачены такими исследованиями.

К числу последних относится и Дальний Восток России. Между тем этот край, будучи, с одной стороны, пограничным и стратегически важным, а с другой, — суровым, отдалённым и слабозаселённым, но богатым сырьевыми ресурсами, стал одним из активных полигонов реализации политики насильственных миграций, которые приобретали специфические черты и разворачивались в обоих направлениях — как по выселению местных кате-

горий «неблагонадёжного населения», так и по приёму таковых из других регионов страны. Однако среди них внимание историков привлекли лишь отдельные акции, главным образом, — это «кулацкая ссылка» (Л.И. Проскурина, Е.А. Лыкова, Е.М. Ермизина и др.) и депортация корейцев (Ф.Н. Бугай, А.Т. Кузин, Г.А. Ткачёва, Б.Д. Пак, А.А. Торопов и др.). Другие формы насильственных миграций на Дальнем Востоке в работах наших коллег не получили никакого или почти никакого освещения. К таким сюжетам относятся административные «чистки» 1930-х гг., связанные с паспортизацией населения, реализацией режима пограничных и запретных зон, депортация китайцев, принудительные миграции периода Второй мировой войны. Вне поля зрения исследователей оказались депортации второй половины 1940 — 1950-х гг., если не считать публикацию немногочисленных материалов «точечного» характера (И.Д. Бацаев, А.Г. Козлов, С.М. Мельников — по Колыме, В.В. Щеглов, А.М. Пашков — по Сахалину). По ряду позиций неполнота и фрагментарность приведённых авторами материалов определила дискуссионный или явно ошибочный характер утверждений (например, о сроках и масштабах выселения раскулаченных крестьян на Дальнем Востоке, о миграциях немецкого населения и др.).

Определённый вклад в освещение сформулированной темы внесён и автором настоящей монографии. Результаты, полученные нами в ходе многолетней исследовательской работы, были частично апробированы в опубликованных статьях и выступлениях на конференциях, вошли как составные части в коллективные монографии. Так же, как и другим коллегам, нам не удалось избежать некоторых неточностей, заблуждений и ошибок, которые мы старались преодолевать, шаг за шагом выявляя и накапливая необходимую информацию. Более подробный историографический обзор конкретных аспектов темы, справочный аппарат, а также рассмотрение дискуссионных вопросов даётся в основных разделах этой книги.

В данной монографии поставлена задача исследовать принудительные миграции на Дальнем Востоке в полной совокупности форм, потоков и направлений за весь период их массового применения в советском государстве, проанализировать их региональные особенности, общие итоги и влияние, оказанное на социальное, демографическое и экономическое развитие региона. В качестве исключения нами не будут рассмотрены такие виды международных принудительных миграций, имевших место на Дальнем Востоке по окончании Второй мировой войны, как репатриация японских граждан с присоединённых территорий Южного Сахалина и Курил и внутрирегиональные перемещения японских военнопленных с последующей их репатриацией, поскольку эти акции не являлись системным элементом сталинской репрессивной политики.

Хронологические рамки исследования обусловлены развитием изучаемого феномена. Его зачатки в репрессивной практике советского государства стали вызревать уже в 1920-е гг. В наиболее развернутом виде массовые при-

нудительные миграции проводились в 1930-х — первой половине 1950-х гг., конец 1950-х гг. стал периодом их заката. Следует, однако, отметить, что некоторые принудительные переселения, проведённые на Дальнем Востоке в сталинскую эпоху, имели более глубокие исторические корни. Так, причины депортаций корейского и китайского населения 1937 и 1938 гг. невозможно в полной мере понять без ретроспективного анализа проблем «жёлтой иммиграции», возникших с самого начала её появления на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX в. В связи с этим в разделах, посвящённых данному аспекту, мы позволили себе хронологические отступления.

Под принудительными миграциями мы понимаем меру репрессивного воздействия со стороны государства, выражавшуюся в насильственном территориальном перемещении определённых групп населения или конкретных лиц, в числе которых были как советские, так и иностранные граждане. Одним из наиболее изучаемых видов массовых принудительных миграций являются депортации. П.М. Полян выделяет их характерные особенности — административный (внесудебный) характер и списочность (контингентность), т.е. направленность не на конкретного индивида, а на определённую группу, отвечающую заданным сверху критериям (по социальному, этническому или др. признакам), охватывая её полностью (тотально) или частично. Директивными основаниями проведения депортаций являлись решения партии и правительства, что ставило эти акции вне правового поля советского судопроизводства³. Отличием массовых депортаций являлся также характер их организации: выселения проводились в жестком режиме, в короткие сроки, под принуждением и надзором силовых структур, с высокой концентрацией выселенцев в пути следования на специально предоставлявшихся транспортных средствах, без обеспечения приемлемыми бытовыми условиями, следствием чего были человеческие потери.

Соглашаясь с П.М. Поляном в том, что массовые депортации являлись одной из главных составных частей сталинской репрессивной политики, мы, однако, не можем не уделять внимания и другим формам принудительных миграций, которые осуществлялись не только в списочном, но и в индивидуальном порядке на основе постановлений судебных инстанций (ссылка, высылка, ссылка на поселение) либо местных административных органов (например, в связи с запретами на проживание в режимных местностях). Практическая реализация таких переселений отличалась от массовых депортаций. Например, при проведении некоторых административных выселений власти ограничивались объявлением конкретному лицу о запрете проживания в данной местности, соответствующим образом оформляя их личные документы (паспорта, удостоверения, справки), и возлагали организацию выезда на самих выселяемых. Независимо от размаха таких акций (нередко весьма значительного), все они являлись неотъемлемыми элементами карательной системы сталинского государства, с одной стороны, и оказали своё непосредственное воздействие на состояние дальневосточного общества — с другой.

Поскольку в сталинскую эпоху Дальний Восток являлся одновременно регионом массовых социальных «зачисток» и регионом-реципиентом «спецконтингентов», то мы посчитали важным показать не только процессы принудительного выселения людей из мест прежнего проживания, но и насильственного удержания их в местах нового расселения.

Некоторое пояснение требуется дать используемым терминам. В советской делопроизводственной практике обозначение принудительных мигрантов в разные годы менялось, что было связано с особенностями репрессивной политики и структурными изменениями в пенитенциарной системе. Первый массовый поток подневольных граждан, который составляли репрессированные крестьяне («кулацкая ссылка»), до 1934 г. назывался «спецпереселенцами», в 1934 — 1944 гг. — «трудпоселенцами» (в эту же группу вошли и группы, выселенные по «разгрузке» городов и «зачистке» погранзон), в 1944 — 1949 гг. — снова «спецпереселенцами». В годы войны и после её окончания в СССР были проведены массовые депортации по этническому признаку и в связи с репатриацией советских граждан из-за границы и зоны оккупации. Эти категории делились на «выселенцев» (выселенных навечно) и «спецпоселенцев» (выселенных на сроки и без указания сроков). Однако вскоре в обиходе утвердился общий для всех термин «спецпоселенцы». Места поселений назывались «спецпосёлками» кроме периода 1934 — 1944 гг., когда они обозначались как «трудпосёлки». На наш взгляд, с происходившей сменой употребления терминов не менялась суть обозначаемого явления, поэтому в современных исследованиях вполне допустимо использовать их как синонимы, что мы и делаем в представленной монографии и что наблюдается в работах других авторов. Показательны в этом отношении названия известных изданий по одной и той же проблеме и хронологии (1930 — 1950-е гг.): монография В.Н. Земскова озаглавлена «Спецпоселенцы в СССР», а сборник документов из пятитомного издания по истории Гулага — «Спецпереселенцы в СССР».

Основную источниковую базу нашего исследования составляют документы силовых органов, которые осуществляли депортации и надзор, т.е. ОГПУ, НКВД, МВД и МГБ СССР. Эти материалы долгое время были секретными. В настоящее время доступным является большой комплекс документов 1930 — 1960-х гг., который хранится в ГАРФе в фондах НКВД МВД СССР. Другая важная категория источников — документы государственных и партийных органов как центральных, так и местных, которые раскрывают картину принятия решений о депортациях, размещения принудительных мигрантов по регионам, их бытового устройства и трудового использования и т.п. Однако эти источники не так систематичны, как материалы репрессивных органов, они разбросаны по различным архивным фондам и делам и требуют значительных временных затрат на их выявление. За время работы над монографией нам удалось познакомиться с такими материалами в центральных (ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ) и местных архивах всех краёв и областей Дальнего Востока кроме Камчатского края и Еврейской автономной области.

При написании работы мы использовали также такой источник информации, как личные контакты с людьми, которые либо сами были жертвами депортаций, либо являются их родственниками. Переписка и интервью автора с ними помогли раскрыть некоторые конкретные детали исследуемых событий, которые невозможно выявить в документальных материалах.

Важное место в исследовании мы уделили статистике, позволившей определить масштабы различных депортационных кампаний на Дальнем Востоке, состав миграционных потоков, их демографические характеристики, место принудительных мигрантов в общей структуре населения региона, а в ряде случаев уточнить и хронологию процессов, что было единственно возможным в отсутствие иной документальной базы. Особенностью такого вида информации в рамках нашей темы является её несконцентрированность, что потребовало соответствующей длительной скрупулезной работы по её сведению и анализу. Данное обстоятельство объясняет наличие многочисленных статистических таблиц в монографии. Мы надеемся, что они не только станут аргументами для наших выводов, но и окажутся полезными в качестве источника для исследователей смежных проблем.

Ценным подспорьем в работе явился значительный массив опубликованных документов, специализированный на проблематике принудительных миграций в СССР. С начала 1990-х гг. они стали печататься в журналах и отдельных сборниках (составители Ф.Н. Бугай, В.Н. Земсков, С.А. Красильников, В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева и др.)⁴. В 2000-е гг. на базе фондов центральных архивов страны ведущие специалисты историки и архивисты издали несколько солидных многотомных сборников документов по истории политических репрессий, исправительно-трудовых лагерей и принудительных миграций, в том числе специальный том о сталинских депортациях издательства Международного Фонда «Демократия», а также 7-томное собрание документов «История сталинского ГУЛАГа» издательства РОССПЭН, в котором один из томов посвящён спецпоселенцам⁵.

Особый вид публикаций составляет «Книга Памяти жертв политических репрессий». Кроме своей основной мемориальной функции она является источником массового характера — носителем систематизированной информации о времени, месте и характере наказания, применённого государством к конкретным лицам, пострадавшим в годы сталинских репрессий. В период работы автора над монографией такие издания выпущены в большинстве краёв и областей Дальнего Востока — Хабаровском крае, Амурской, Сахалинской и Магаданской областях, некоторые из этих томов посвящены спецпоселенцам и депортированным⁶. Важным дополнением к основному материалу в них являются воспоминания очевидцев. Несмотря на то, что авторам-составителям Книг Памяти не удалось собрать абсолютно полных сведений о жертвах государственного террора в рамках обозначенных территорий, тем не менее массовость приведённых сведений позволяет делать

ориентировочные статистические построения и выявлять общие тенденции, а также анализировать конкретные индивидуальные случаи.

К сожалению, далеко не все аспекты исследуемой темы обеспечены достаточной источниковой базой, вследствие чего они ещё не в полной мере проанализированы, при рассмотрении некоторых вопросов приходится ограничиваться гипотетическими суждениями, а саму проблему нельзя назвать исчерпанной. Особенно остро в проработке нуждаются проблемы историко-антропологического плана, связанные с анализом адаптационных процессов в каждой депортированной группе, сохранения их этнической и культурной идентичности, взаимоотношений местного свободного населения и пришлого депортированного и др.

Завершая эту большую работу, надо воздать должное людям, которые оказывали мне помощь и поддержку. Прежде всего хотелось бы поблагодарить своего первого Учителя в науке д.и.н., проф. Э.В. Ермакову, а также д.и.н., проф. А.С. Вашук за многолетнее сотрудничество, методологическое руководство и теплое человеческое участие. Слова признательности адресую сотрудникам ГАРФа, РГАСПИ, РГАЭ, всех дальневосточных архивов, Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, которые неустанно и бескорыстно, нередко в авральном режиме помогали пройти лабиринты документальных фондов, познакомиться с фотоколлекциями, среди них работники РГИА ДВ Е.М. Гончарова, ГАХКа — Т.И. Косицына, спецфондов ГАРФа — Д.Н. Нахотович, ГАСО — Е.И. Савельева, ГАМО — А.В. Эйчис, ПГОМ — И.Н. Клименко. Любезно поделились со мной некоторыми из своих архивных находок и коллеги — к.и.н. А.А. Кузин (Южно-Сахалинск), Д.И. Бацаев (Магадан), к.и.н. Л.А. Крушанова (Владивосток). Немало важных советов, творческая поддержка и профессиональное содействие работе были получены со стороны директора РГИА ДВ к.и.н. А.А. Торопова, его заместителя, к.и.н. Н.А. Троицкой, начальника управления по делам архивов Сахалинской области, д.и.н. А.И. Костанова, директора ПГОМ, к.и.н. В.Н. Соколова. Многие идеи оттачивались на конференциях и научных встречах, в ходе которых ценные замечания высказывали д.и.н. Н.И. Дубинина (Хабаровск), д.и.н. С.М. Высоков (Южно-Сахалинск), д.и.н. А.А. Герман (Саратов), к.и.н. А.И. Савин (Новосибирск), американский коллега проф. Т. Лахузен и др. Нельзя не отметить уважаемых рецензентов д.и.н. Л.И. Галлямову, д.и.н. О.П. Еланцеву, согласившихся дать свою квалифицированную оценку этой монографии, и Л.Г. Вечерскую, проделавшую кропотливую работу по литературному редактированию текста. Искреннюю благодарность выражаю также очевидцам и участникам изучаемых событий, их родственникам, которые посчитали возможным сообщить подробности пережитого, несмотря на всю тяжесть и деликатность этой проблемы, — К.И. Щегоцкой, Т.П. Гречкиной, Н.М. Сладченко, М.А. Дыге, Л.М. Ковтуну, Ю.И. Бастину, П.Г. Аркатовой-Задорожной, С.М. Бржезинской. Отдельное «спасибо» — моему мужу В.Н. Чернолуцкому за помощь в подготовке к печати фотографий, сердечное «ненаучное» участие и веру в успех.

- 1 Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: Текст, 2003. С. 75 – 99, 628; Позняк Т.З. Реализация на Дальнем Востоке России государственной политики в отношении подданных неприятельских держав в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX – начале XX века. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 34; Stephan J. Hawaii under the rising sun. Japan's plans for conquest after Pearl Harbor. Honolulu: University of Hawaii Press, 1984. P. 5.
- 2 См. историографические обзоры по данной проблематике в трудах: Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.): сравнительный анализ // Назаканный народ. М.: Звенья, 1999. 288 с.; Красильников С.А. Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 7 – 25; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. С. 6 – 10; Введение // История сталинского Гулага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 24 – 30; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 3 – 12; Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1923–1953 / под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.П. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. С. 14 – 19.
- 3 Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 11 – 12; Его же. Депортации и этничность... С. 5.
- 4 Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников и др. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1992. 283 с.; Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...» Документы, факты, комментарии / вступ. ст., послесл. Н. Бугая. М.: Дружба народов, 1992. 286 с.; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. документов. (1940-е годы) / сост. Н.Ф. Бугай. 2-е изд. М.: Готика, 2000. 350 с.; История российских немцев в документах. Т. 1. (1763–1992 гг.) / сост.: В.А. Ауман, А.Г. Чеботарева. М.: МИГУП, 1993. 448 с.; и др.
- 5 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР; Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. 904 с.; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939: документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.; То же. Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.; То же. Т. 4. 1934–1936. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 кн. Кн. 1. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. 912 с.; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2004. 736 с.

-
- 6 Книга Памяти жертв политических репрессий в Амурской области. Т. 4. / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск, 2005. 448 с.; То же. Т. 6. Спецпоселение. 1920–50-е годы. Благовещенск: Приамурье, 2008. 384 с.; Пашков А.М. Боль и память. Южно-Сахалинск, 1990. 139 с.; Его же. Книга Памяти о калмыках-спецпереселенцах на острове Сахалин. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2003. 262 с.; Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области (Книга Памяти, т.3.). Южно-Сахалинск: Администрация Сах. обл., СЦДНИ, 1996. 268 с.; Их же. Книга Памяти о корейцах Сахалинской области, пострадавших от политических репрессий и депортации. Т. 5. Южно-Сахалинск: Ин-т экономики, права и информации, 2000. 140 с.; «Хотелось бы всех поименно назвать...»: Книга-мартиролог. А-К. Кн. 1. Хабаровск, 1997. 376 с.; То же. Т. 6. А – Я. Хабаровск, 2004. 359 с.; За нами придут корабли: Список реабилитированных лиц, смертные приговоры в отношении которых приведены в исполнение на территории Магаданской области. Магадан: Кн. изд-во, 1999. 215 с., и др.

Глава 1

ХАРАКТЕР ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСЕЛЕНИЙ С ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-Е ГГ.

1.1. Особенности применения принудительных выселений в уголовно-репрессивной практике Советской России в 1920-е гг.

К тому времени, когда последние белые войска покинули Дальний Восток, западные районы страны уже пережили ужасы Гражданской войны, военного коммунизма и перешли к нэпу. Была реформирована юридическая система, ликвидированы чрезвычайные внесудебные репрессивные органы, введены Уголовный кодекс и новое судоустройство. Потребовались и новые формы подавления враждебных большевикам сил. В феврале 1922 г. вместо ВЧК появилось Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, реорганизованное в ноябре 1923 г. в Объединённое государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В регионах создавались его Полномочные представительства.

В первые годы своего существования советское государство сделало и первые шаги по применению принудительных миграций как репрессивной меры. Данная проблема не стала предметом специального освещения в научной литературе, по-видимому, в силу неразвитости самого явления в 1920-е гг., но в ряде публикаций рассмотрены её отдельные аспекты. В трудах А.М. Плеханова, О.Б. Мозохина, С.А. Красильникова показаны перипетии разработки юридической нормы ссылки и высылки сквозь призму анализа действий органов ОГПУ и НКВД¹. Некоторые авторы приводят немногочисленные примеры первых советских насильственных переселений, справедливо оценивая их как предысторию массовых депортаций 1930-х — 1950-х гг. Так, в работах Н.Ф. Бугая и П.М. Поляна сообщается, что в 1920 г. около 9 тыс. семей терских казаков в ответ на выступления против советской власти были выселены в Донбасс и на север европейской части, а в 1921 г. под лозунгом ликвидации неравноправных отношений между пришлым и коренным населением состоялось выселение зажиточных русских крестьян-казаков из Семиречья². Несколько более подробно, в том числе и в формате монографии, изучена депортация группы известных российских интеллигентов в августе — сентябре 1922 г., получившая в историогра-

фии нарицательное название «философский пароход»³. Сведения о других принудительных миграциях в СССР 1920-х гг. весьма отрывочны и почти не введены в научный оборот. Что касается Дальнего Востока, то исследований по данной проблеме в этих территориальных границах практически нет, за исключением нашей статьи (2007)⁴, которая и легла в основу предлагаемого раздела.

Исследователи единодушны в том, что первые принудительные миграции того времени чаще проводились не на массовой (контингентной), а на индивидуальной основе. Юридической базой для этого стала разработка правовых норм о ссылке и высылке и применении их в отношении граждан Советской России и иностранцев.

По Декрету СНК «О порядке высылки иностранцев из пределов РСФСР», принятому 29 августа 1921 г., удалению из страны подлежали иностранные граждане, «образ жизни, деятельность и поведение коих» признавались «несовместимыми с принципами и укладом жизни Рабоче-крестьянского государства». В юридической терминологии они получили определение «порочные иностранцы». Их высылку производили органы ВЧК на основании постановлений ВЧК или приговоров судебных органов. Порядок высылки определялся особой инструкцией, издававшейся по соглашению НКВД, НКЮ, ВЧК и НКВД. Кроме того, в декрете была прописана специальная статья, определявшая права нахождения в стране лиц, оппировавших иностранное гражданство (жители России, оформившие гражданство лимитрофных государств, т.е. отделившихся от России в ходе революционных событий — Польши, Литвы, Латвии и Эстонии). Они обязаны были в определённый срок выехать из РСФСР, а при намерении остаться — оформить особое разрешение НКВД. В противном случае они подлежали принудительной высылке⁵.

В отношении граждан Советской России применялись высылка (удаление из данной местности с запрещением проживать в тех или иных местах или без такового запрещения) и ссылка (удаление из данной местности с обязательным поселением в иной местности). Оба вида наказания могли быть назначены либо судом, либо во внесудебном (административном) порядке. Историк С.А. Красильников обращает внимание на то, что ссылать и высылать «антисоветские элементы» в советском государстве стали в начале 1920-х гг., ещё до того как эта норма была разработана законодательно⁶.

Высылка по суду была введена в Уголовный кодекс РСФСР (принят 26 мая 1922 г., вступил в силу с 1 июня 1922 г.) статьей 49, по которой суды могли «лишать осуждённых в случае признания их по их преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными права пребывания в определённых местностях». Исполнение этих приговоров возлагалось на милицию. Причём ни судебные органы, ни НКВД не устанавливали места высылки, а таковые избирались высылаемыми по их усмотрению, исключая район, в котором им запрещено было проживание согласно постановлениям судебных органов⁷.

В том же году стали активно практиковать административную высылку. Современные исследователи связывают её введение с двумя главными факторами: борьбой с бандитизмом и уголовной преступностью, с одной стороны, и стремлением большевиков обезвредить своих идейных противников — с другой. Эти задачи в репрессивной политике рассматривались как наиболее важные, и основная ответственность за их выполнение возлагалась на органы госбезопасности.

Разгул политического и уголовного бандитизма был одной из наиболее серьёзных проблем внутривластной обстановки Советской России того времени. Поэтому, несмотря на провозглашение отхода от чрезвычайных внесудебных форм репрессий, решением от 9 марта 1922 г. (утверждённым ВЦИК) Политбюро ЦК РКП(б) предоставило ГПУ право непосредственной расправы в отношении лиц, уличённых в вооружённых ограблениях, уголовников-рецидивистов и лиц, пойманных с оружием на месте преступления. Органы безопасности наделялись также правом ссылать в Архангельск и заключать в местные концлагеря анархистов, левых эсеров и уголовников-рецидивистов⁸.

Через два месяца — 9 марта того же года — Сталин получил из ГПУ докладную записку, в которой, учитывая невозможность постановки ряда дел в судебном порядке и одновременно необходимость избавиться «от наглых и вредных элементов», предлагалось внести дополнение в положение о ГПУ (от 6 февраля 1922 г.): предоставить права административной ссылки в определённые губернии или высылку из пределов РСФСР неблагонадёжных русских и иностранных граждан на срок до двух лет за антисоветскую деятельность, причастность к шпионажу, бандитизм и контрреволюционную деятельность. Политбюро одобрило это предложение⁹.

Другое направление работы ОГПУ заключалось в установлении жёсткого контроля над представителями бывших привилегированных слоёв общества и небольшевистских политических сил. Эти категории населения брались на учёт путём официальной регистрации или негласного надзора. Согласно инструкции от 9 августа 1923 г. они были разбиты на 13 основных групп, подлежащих специальной регистрации: правые эсеры, левые эсеры, меньшевики, анархисты, кадеты, народные социалисты, монархисты (с включением подгрупп бывших жандармов, полицейских и охранников), члены националистических партий, бывшие белые офицеры и офицеры старой армии, находившиеся на территории белых, антисоветские элементы, бывшие коммунисты, судимые при советской власти за уголовные и другие (кроме политических) преступления, а также заподозренные в таковых преступлениях¹⁰.

Правовая норма административной высылки появилась с изданием Декрета ВЦИК от 10 августа 1922 г., дополненного постановлением ВЦИК от 16 октября того же года. Высылка применялась на срок от двух месяцев до трёх лет к лицам, причастным к контрреволюционным выступлениям, деятелям

оппозиционных партий и уголовникам-рецидивистам (позже её распространили также на спекулянтов, скупщиков сырой платины, контрабандистов). Устанавливалось три вида высылки: а) с воспрещением проживания в других определённых пунктах РСФСР, б) в определённые местности РСФСР, в) за границу. На месте высылки данных лиц могли заключать в лагерь принудительных работ на тот же срок. Практика административной высылки носила как единичный, так и групповой характер, но решение о ней для каждого лица принималось в индивидуальном порядке специально созданной Особой комиссией при НКВД под председательством наркома¹¹. Особенно известным примером её применения была высылка за границу и административная ссылка в отдалённые районы страны более 160 чел., представлявших цвет русской интеллигенции — врачей, профессуры, юристов, литераторов, политических и религиозных деятелей, студентов, — которая была проведена в августе — сентябре 1922 г. («философский пароход»)¹². Ещё более масштабной стала «разгрузка» Москвы от спекулятивных элементов («борьба с накипью НЭПа»), проведённая ОГПУ в ноябре 1923 — январе 1924 г., когда из столицы в Печорский, Нарымский края, Вятку и на Урал были высланы 1,7 тыс. чел. и 2 тыс. арестованы. Аналогичная «очистка» Москвы от преступников и профессиональных нищих, выселенных на Соловки, состоялась в 1925 г.¹³ (в 1930-е гг. такие акции стали регулярными и повсеместными).

В дальнейшем это направление работы репрессивных органов продолжало развиваться. 1 ноября 1922 г. ОГПУ выслало на места циркуляр «Об антисоветском движении среди интеллигентов» с сообщением, что при начальнике СОУ ГПУ создано Особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции во главе с Я.С. Аграновым. Предлагалось создать подобные бюро при всех полномочных представительствах и губернских отделах ГПУ¹⁴. В разъяснении Президиума ВЦИК о применении административной высылки, направленном на места 8 декабря 1922 г., говорилось, что меру пресечения в отношении высылаемого лица мог самостоятельно выбирать местный орган ГПУ, но право вынесения внесудебных приговоров принадлежало исключительно Коллегии ГПУ¹⁵.

Нормы судебной и внесудебной высылки не были достаточно проработаны, нередко вносили путаницу в работу соответствующих инстанций и, как выразился С.А. Красильников, стали предметом «глухой междуведомственной борьбы между НКВД РСФСР и ОГПУ с участием Наркомюста РСФСР» за разграничение прав и полномочий¹⁶.

Некоторые суды, применяя ст. 49 УК РСФСР, указывали, например, что исполнение приговора должно быть произведено через комиссию НКВД, образованную согласно Декрету ВЦИК от 10 августа 1922 г. Распространёнными стали запросы с мест о том, в какие губернии и районы следовало высылать по приговорам судов. Наркомюст вынужден был рассылать специальные циркуляры в губернские отделы управлений НКВД и прокуратуры, разъяснявшие, что высылка по суду не имеет отношения к административ-

ной высылке, что местности вселения осужденным не назначаются и т.д. В одном из циркуляров от 7 февраля 1923 г. обращалось внимание также «...на участвовавшие случаи применения этой статьи на сравнительно мелких разрушителей и на всякого рода рецидивистов, что создаёт совершенно излишний контингент лиц, которым необходимо селиться в отведённых местах». В связи с этим НКВД и НКЮ рекомендовали пользоваться статьёй 49 «лишь в исключительных и серьёзных случаях»¹⁷.

Постреволюционный «синдром изгнания всех нежелательных слоёв» в условиях неразвитой правовой базы нового государственного режима явился причиной того, что в 1922 — 1923 гг. попытки выселения «неблагонадёжного элемента» за пределы уездов и губерний стали предпринимать и те органы, которые не обладали на это никакими полномочиями — уездные и волостные исполкомы, сельсоветы, общества (сходы) граждан, руководствуясь тем, что подобные наказания практиковались в дореволюционное время. Под «неблагонадёжными» понимали главным образом «...вредителей общественному порядку — рецидивистов и профессиональных воров, карманников, поджигателей и т.п., которые производят кражи и грабежи не ввиду голода, а с целью наживы». В Курской губернии даже появилась информация о якобы имевшемся декрете ВЦИК от 18 марта 1920 г., опубликованном в Известиях ВЦИК №67 от 27 марта 1920 г. «О выселении вредных элементов из пределов того или иного общества» (на самом деле такого декрета не существовало). Были случаи высылки по распоряжению различных местных административных органов не только в определённые районы РСФСР, но даже за границу.

Не имея соответствующих распоряжений по этому вопросу, уездные власти просили разъяснений у губернских органов, а те, в свою очередь, — у НКВД о том, куда необходимо направлять ходатайства о выселении, кто их утверждает, куда выселять граждан и за чей счёт (из Нижегородского губисполкома, май 1922 г.), и можно ли вообще выселять «неблагонадёжных» лиц, в каком порядке, есть ли на этот предмет какие-либо распоряжения Центра (из Вольского уисполкома, май 1922 г.). В ответах НКВД особо подчеркивалось, что местные административные органы ни в каких случаях не могут применять высылку. И в целом НКВД считал выселение преступных элементов из одной местности в другую нецелесообразным, «так как последние, находясь на свободе, могут продолжать и в другой местности свою преступную деятельность, а посему до разрешения в Центре вопроса об административном выселении» предлагал в конкретных случаях регулировать данный вопрос на месте, совместно с ГПУ (в Курский губернский отдел управления, 8 июня 1922 г.)¹⁸.

Но и в верховных структурах ст. 49 УК вызывала неоднозначное толкование. Одним из предметов дискуссии была попытка определить перечень местностей, куда следовало по суду ссылать преступников, в таком случае трактовка статьи должна была расширяться и включать в виде наказания

не только высылку, но и ссылку. Эту позицию в противовес НКВД отстаивал Наркомюст. В течение 1923 г. вопрос обсуждался в официальной переписке и междуведомственных совещаниях с участием представителей НКВД, НКЮ, Верховного суда, Наркомнаца, ГПУ. Начальник административного отдела НКВД Зайцев предлагал НКЮ выработать категории социально-опасных элементов, а НКВД на комиссии о высылке назначать им места пребывания, поскольку суд мог лишь воспретить пребывание в определённой местности, в то время как назначение места высылки, по его мнению, входило в компетенцию органов управления. Помощник прокурора РСФСР Катанян считал оба эти аспекта настолько связанными друг с другом, что «разделить их без ущерба для дела было теоретически невозможно». Поэтому, на его взгляд, в особой комиссии из представителей НКЮ, НКВД и Наркомнаца следовало разработать перечень местностей, куда необходимо высылать социально-опасный элемент в порядке действия ст.49 УК, при этом места поселения разделить на разряды — более отдалённые, менее отдалённые, поселения на родине, в места приписки. Нарком внутренних дел РСФСР А.Г. Белобородов, наоборот, советовал разработать список мест, куда нельзя высылать, согласовать его с ГПУ, направить на заключение НКЮ и в окончательном виде провести через СНК и ВЦИК. В декабре 1923 г. Зайцев, ознакомившись с предложенным Наркомюстом перечнем категорий осуждённых, подлежащих ссылке, увидел в нём слишком широкий круг контингентов. По его словам, если все они «... будут ссылаться в определённые местности народными судьями, то НКВД может быть поставлено перед фактом больших недоразумений с теми местами, куда будут направляться высылаемые»¹⁹.

В дальнейшем центральные органы власти не раз возвращались к разработке этой формы репрессии. Вопрос об административных высылках и выселениях рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) 18 января, 13 и 29 декабря 1923 г., 6 марта 1924 г.²⁰

28 марта 1924 г. Президиум ЦИК СССР принял «Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационные лагеря», которым вынесение постановлений о высылке и ссылке (из местностей проживания или в определённые другие местности страны или за границу) было возложено на Особое совещание в составе трёх членов Коллегии ОГПУ по назначению председателя с обязательным участием прокурорского надзора. Высылка на срок не более трёх лет могла применяться лишь к «социально-опасным элементам», в том числе контрабандистам, валютчикам, спекулянтам золотой монетой, драгметаллами и платиной. Особым совещаниям ГПУ союзных республик было предоставлено «исключительное право высылки лишь в пределах территории данной республики...» лиц, подозреваемых в бандитизме, разбоях и грабежах, их пособников и укрывателей, профессиональных игроков, наркоторговцев и нелегальных торговцев спиртным, а также лиц, ранее дважды судимых или

имевших четыре привода за имущественные преступления или посягательства против личности.

ОГПУ поручалось «...разработать список местностей, куда будет производиться высылка, согласовав его с ЦИКом Союзных республик и представить на утверждение Президиума ЦИК Союза ССР». Для всех высылаемых решением ВЦИК СССР от 6 июня 1924 г. определены места проживания: Архангельская, Северо-Двинская, Вологодская, Вятская, Иркутская губернии, Уральская область, Воткинская автономная область, Киргизия, Туруханский край, Нарым и др.

С 1925 г. внесудебная высылка распространялись на лиц без определённых занятий, хлебных спекулянтов в неурожайных местностях и спекулянтов ширпотребом. При согласовании спорных вопросов между ОГПУ и прокуратурой в 1926 г. было оговорено, что в исключительных случаях возможна высылка семей при наличии санкции Президиума ЦИК СССР²¹.

В 1920-е гг. кроме Особой комиссии при НКВД, Особого бюро и Коллегии ОГПУ в качестве одной из внесудебных репрессивных структур выступали и т.н. «тройки» ОГПУ, целью которых было ускоренное уголовное преследование наиболее «проблемных» групп преступников. Такие «тройки», например, сыграли существенную роль в борьбе с фальшивомонетчиками. Они организовывались при всех полномочных представительствах ОГПУ, специального аппарата не имели, а использовали оперативный состав органов ОГПУ и Уголовного розыска. С 1927 г. решениями Политбюро ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР региональные «тройки», наделённые правом применять самые строгие меры наказания вплоть до расстрела, стали создаваться для вынесения внесудебных приговоров виновным в преступлениях белогвардейцам и другим противникам советской власти, а также бандитам и шпионам. При Полномочном представительстве ОГПУ по ДВК такая «тройка» была образована 29 июня 1927 г. В неё вошли председатель ПП ОГПУ Ф.Д. Медведь, начальник Секретно-оперативного управления И.Ф. Решетников, начальник Управления погранохраны С.И. Кондратьев²².

Норма высылки по суду продолжала практиковаться на основании ст. 49 УК РСФСР 1922 г., а с принятием нового Уголовного Кодекса в 1926 г. была усилена: в Кодексе появились статьи 35 и 36, которые узаконили практику не только высылки, но и ссылки в судебном порядке²³. При этом новый Уголовный Кодекс сохранил норму УК 1922 г. о лицах, «представляющих общественную опасность по прошлой деятельности и связи с преступной средой», что создавало легальную основу для репрессий в отношении лиц, не за их реальные преступления, а на основании субъективных оценок об их «общественной опасности».

Вслед за Советской Россией аналогичная практика административной высылки была введена и правительством ДВР, которое считало военную обстановку и усиление бандитизма обоснованными причинами для введения внесудебных репрессивных методов. На это был направлен ряд правитель-

ственных актов, в том числе принятый 27 октября 1922 г. Закон «Об административной высылке за пределы ДВР»*. Под действие закона попадали лица, «...изобличённые в соучастии в шпионаже, злостном подрыве хозяйственного строительства республики, а также иной контрреволюционной или противоправительственной деятельности, пребывание которых признано вредным для государственного или общественного спокойствия». По утверждению А.А. Азаренкова, высылка производилась на основании распоряжения министра внутренних дел. Однако нам представляется, что исследователь не совсем точен, поскольку текст закона, опубликованный в газете «Красное знамя» 2 декабря 1922 г., гласил: «...Вопрос о сроке этой высылки и местах рассматривается в Особом совещании (...) При обсуждении представления о высылке Совещание, если найдет нужным, может потребовать необходимые дополнения и разъяснения включительно до вызова для личных объяснений лица, подлежащего высылке. Порядок административной высылки устанавливается особой инструкцией»²⁴. Согласно исследованию В.В. Сониной Особые совещания были созданы в ДВР для координации действий правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Они состояли из представителей прокуратуры, милиции, суда и военного командования и наделялись широкими полномочиями²⁵.

Граждане ДВР, высланные на основе этого закона, автоматически лишались активного и пассивного избирательного права. Среди наиболее «вредных для государственного спокойствия» республики оказались эсеры, 28 наиболее активных из них были арестованы и в конце октября высланы в РСФСР. Это позволило правящим большевикам в ДВР победить оппозицию и на открывшейся вскоре сессии Народного собрания исполнить разработанный Дальбюро план советизации Дальнего Востока²⁶. Бывшая ДВР была включена в состав РСФСР как его нераздельная часть в виде Дальневосточной области со всеми вытекающими правовыми условиями.

30 ноября 1922 г. Распорядительное бюро Дальревкома (прот. № 5, п. 16) приняло решение об образовании губернских комиссий по административной высылке на базе Закона ДВР от 27 октября 1922 г. Текст закона для опубликования в местной прессе был разослан из Читы губернским органам власти, в том числе Приморскому Губвоенревкому. Но уже 14 декабря 1922 г. ДРК ввёл в действие постановление ВЦИК об административной высылке (Бюллетень ДРК № 6, ст. 22). С этого времени решение Распорядительного бюро ДРК от 30 ноября 1922 г. утратило свою силу, и образованные губернские комиссии по административной высылке были распущены. Их функции передавались Особой комиссии при ДРК в составе представителей от отделов управления и юстиции ДРК и ГПУ. Аналогичные действия ДРК произвел и по поводу «порочных» иностранцев: постановление от 26 дека-

* Фактически речь шла также и о высылке в определённые местности самого «буфера» на срок до 3 лет.

бря того же года вводило на территории советского Дальнего Востока декрет СНК «О порядке высылки иностранцев из пределов РСФСР» с одновременной отменой соответствующего закона ДВР²⁷.

Все последующие акции репрессивной политики советского государства, включая практику судебных и внесудебных форм назначения и исполнения уголовного наказания, в полной мере действовали на территории дальневосточного региона. Вместе с тем здесь происходили процессы, отражавшие его географическую и политическую специфику, связанную с окраинным положением и поздним выходом из состояния Гражданской войны и иностранной интервенции.

1.2. «Разгрузка» региона от «избыточного населения» как одно из последствий военного периода

По окончании Гражданской войны на Дальнем Востоке сложилась непростая обстановка в результате скопления большого количества беженцев, военнопленных, демобилизованных красных партизан, остатков белых частей.

Особенно высокая концентрация белых наблюдалась в Приморье и вокруг него — в приграничных районах Китая и Кореи. В район ст. Пограничная отступили 3,5 тыс. военнослужащих из частей генерала Смолина. В районе Хуньчуня перешли границу крупные группировки каппелевцев, «Земской рати», корпуса генералов Бородина и Молчанова и другие белые части общей численностью более 10 тыс. чел. вместе с женщинами и детьми. В районе Имяньпо собралось около 7,5 тыс. чел., бежавших из Приморья на военных судах и высадившихся в корейском порту Гензан. Тысячи беженцев были расквартированы в Хуньчуне, Гиристине и других городах Маньчжурии. Оттуда они перебирались в Харбин, Шанхай и далее. Немало из них поступили на службу в войска местных китайских милитаристов или стали участниками белых банд, которые осуществляли активные вооруженные вылазки на территорию России.

Значительная часть беглецов долгое время влачила чрезвычайно бедственное существование в специально организованных лагерях. Многие начали возвращаться в Россию. Так, в отчёте Посьетского райбюро РКП(б) по состоянию на 10 декабря 1922 г. говорилось: «Китайская граница интересна тем, что около неё сосредоточены ещё крупные части белых, положение коих ужасно (женщины продаются в собственность за 15 — 20 руб.). ¾ фунта чумизы, выдаваемой Чжан-Цзолином, конечно, не обеспечивают, и белые толпами направляются на нашу территорию»²⁸. Владивостокская газета «Красное знамя» от 5 декабря 1922 г. сообщала: «В Хайларском районе белые офицеры массажи стали регистрироваться у представителей РСФСР с целью получить возможность выехать на родину. Ежедневно у агентов РСФСР регистрируется по несколько сот человек...»²⁹ К концу декабря 1922 г. из Хуньчуня в Приморье вернулось около тысячи бывших служащих белой армии и

ожидалось прибытие других³⁰. Из самой непримиримой белой группировки в Гензане весной 1923 г. ушло 900 чел., из которых 700 переправилось в Советскую Россию³¹.

В это же время в красных частях проходила демобилизация из 5-й Краснознаменной армии, которая сформировалась под командованием И.П. Уборевича в ноябре 1922 г. после того, как Народно-революционная армия ДВР влилась в РККА. К концу 1922 г. в бессрочный отпуск было отправлено 2395 военнослужащих-дальневосточников, а с декабря 1922 г. по май 1923 г. уволено 914 чел. командно-административного состава, из которых 559 чел. являлись бывшими белыми офицерами. К октябрю 1923 г. численность войск армии сократилась с 36 тыс. до 17,7 тыс. чел.³²

Кроме военнослужащих на Дальнем Востоке скопились беженцы и военнопленные Первой мировой войны. В 1923 г. беженцы составляли чуть ли не половину городского населения. Начальник дальневосточного управления милиции Лебедев писал: «Города Сибири и, в частности, Дальнего Востока переполнены этим элементом, который, благодаря длительности «беженства», уже прочно обосновался в городах, куда его закинула война, приобрёл прочное домообзаведение, службу, одним словом, приобрёл осёдлость...»³³

Следствием переполненности городов и медленного восстановления экономики была безработица. К 1 мая 1923 г. владивостокский рынок труда имел 17,6 тыс. безработных, 1 января 1925 г. — 8,3 тыс., к началу 1926 г. — 2,4 тыс. чел., и только в 1927 г. впервые возник дефицит квалифицированных кадров³⁴. Не случайно в марте 1924 г. Дальревком поставил перед Москвой вопрос о недопущении в Приморье демобилизованных военных ввиду наличия большого числа безработных³⁵.

Таким образом, одной из первоочередных задач, вставших перед новой властью Дальнего Востока, была разгрузка края от «избыточного» населения, которую осуществляли по нескольким каналам. В первые же дни советизации Приморья Исполнительное бюро профсоюзов предложило всем профессиональным союзам приступить к немедленной регистрации желающих выехать в Советскую Россию. 11 ноября 1922 г. в газете «Красное знамя» оно опубликовало информацию «К отправке безработных в Совроссию»: «Каждый уезжающий должен указать, способен ли он уплатить за проезд, а также запастись провизией. Проездная плата будет самая минимальная, питание во время пути поездом всецело возлагается на самих едущих. Причём союзы должны регистрировать и те категории членов, кои в настоящее время не состоят членами ввиду неуплаты членских взносов (...) Приезжая в Россию, едущие не могут рассчитывать на какое-либо пособие со стороны государства и о дальнейшем существовании должны заботиться сами. Союзы должны через каждые два дня посылать заполненные регистрационные листы в исполбюро СПСП, чтобы можно было приступить к немедленной отправке»³⁶.

С февраля 1923 г. Отдел управления ДРК начал регистрацию бывших австро-венгерских, германских и турецких военнопленных, оставшихся на Дальнем Востоке, в том же году была проведена их эвакуация. В 1923 — 1925 гг. организована оптация (выбор гражданства) и репатриация граждан лимитрофных государств — Литвы, Латвии, Эстонии, Польши. В своих указаниях местным органам власти Отдел управления ДРК обращал внимание на обязательность выезда оптантов с территории региона в течение определённого срока, указанного в оптационных удостоверениях, выданных во время регистрации граждан губернскими органами власти. В противном случае оптанты подлежали выселению в принудительном порядке через ГПУ или принимались обратно в гражданство СССР с соблюдением правил, установленных декретом ВЦИК от 22 мая 1921 г. Задержаться с выездом можно было только по уважительным причинам, например, по случаю холодов, если в семье имелись малолетние дети. Эвакуируемые имели право на получение льготного проезда по железной дороге³⁷. Из Приморья на запад отправлялись также поезда с демобилизованными красными партизанами³⁸.

Но более всего властей беспокоила большая концентрация во Владивостоке бывших служащих белых армий. В конце 1922 г. первый руководитель ГПУ на Дальнем Востоке Л.Н. Бельский в одном из своих выступлений говорил: «Находящиеся в городе белогвардейцы остались неспроста. Некоторые из них остались для того, чтобы мутить население. И вот для того, чтобы вылавливать таких лиц, введён отдел ГПО. Все такие лица будут задерживаться, судиться и высылаться из пределов Приморской губернии»³⁹.

К 1923 г. на всей территории Советской России Особый отдел ГПУ по согласованию с РВС республики наладил систематический особый учёт бывших белых офицеров и военных чиновников. Каждый из них обязан был пройти регистрацию с заполнением специальной анкеты. На эту категорию граждан налагались некоторые правовые ограничения в отношении использования их на военной и гражданской работе и передвижения по территории страны. Особым отделом ГПУ по согласованию с РВСР была выработана запретная зона, в которую входил ряд местностей, с воспрещением поселения там бывших белых офицеров⁴⁰.

Регистрация этой категории населения сразу после победы НРА была открыта и во Владивостоке в помещении коменданта города. «С утра у здания толпится большое число лиц, идущих зарегистрироваться, — писала газета «Красное знамя» 29 октября 1922 г. — Весьма возможно, что в связи с этим окончательный срок регистрации будет перенесен на 1 — 2 дня». За три дня встало на учёт 4 886 чел., из них — 32 генерала. В первый день ноября газета констатировала: «Регистрация в помещении коменданта города заканчивается. Сегодня нет такого оживления у столов, как в предыдущие дни. Очевидно, бывшие чины белых армий зарегистрировались почти все»⁴¹.

Но это было только начало. 8 ноября 1922 г. вышел приказ Приморского губернского воинского управления г. Владивостока за № 8, который мы приводим дословно.

«1. Для точного учёта всех военспецов, находящихся в г. Владивостоке и его окрестностях, служивших ранее в белых армиях, а также и не служивших, но проживавших на территории белых, как то: а) генералов, штаб- и обер-офицеров; б) военных чиновников; в) чиновников военного времени; г) кандидатов на классные должности; д) юнкеров; е) медицинских и ветеринарных врачей, фельдшеров и фармацевтов; ж) окончивших кадетские корпуса; з) рядового и унтер-офицерского состава, — Приказываю: таковым явиться в губернское воинское управление (бывший штаб крепости) для регистрации и получения удостоверений, имея при себе документы о возрасте и прохождении военной службы, в следующие сроки: 1) офицеры (...) — 10, 11 ноября 1922 г., 2) рядовой, унтер-офицерский состав, кадеты — 12 — 14 ноября.

2. Все лица, являющиеся на регистрацию, обязаны иметь на руках следующие документы: а) справку о прописке в милиции, удостоверяющую последнее место жительства; б) документы и послужные списки о прохождении службы.

3. Регистрации подлежат все лица, зарегистрировавшиеся в управлении коменданта города, а также не зарегистрировавшиеся по разным причинам.

4. Уклоняющиеся от явки для регистрации будут привлечены по всем строгостям закона военного времени.

Подписи: Начальник Приморского губернского воинского управления Вольский, Военком Васильев, Начмоботделения Качаев»⁴².

В дополнение к этому приказом № 13 от 10 ноября такая же регистрация назначалась на 15 ноября для всех священнослужителей, находившихся на службе в белых армиях⁴³.

Всем явившимся в губернское воинское управление были выданы удостоверения сроком до 1 декабря 1922 г., которые в дальнейшем периодически продлевались в обязательном порядке — в противном случае виновники привлекались к ответственности «как злостные дезертиры»⁴⁴.

То же самое происходило и в других губерниях Дальнего Востока. Телеграфное агентство Дальта 19 декабря 1922 г. сообщало Приморскому губбюро РКП(б): «В Приамурской губернии приказом военного комиссара берутся на учёт военачальники. Уклонившиеся от учёта будут привлечены к суду военного трибунала»⁴⁵.

К этому времени в местные военкоматы региона поступил приказ из штаба 5-й Краснознамённой армии от 25 ноября 1922 г. за № 55, в котором объяснялись изменения ранее отданных распоряжений по особому учёту бывших офицеров. Тем из них, кто был уволен в бессрочный отпуск и состоял на особом учёте, разрешался свободный переход на новые места граждан-

ской службы, увольнение с неё, свободное передвижение и свободное избрание места постоянного жительства в пределах республики, за исключением запретных зон, специально оговоренных для каждого региона. В европейской части к ним относились 15-верстная полоса по Финляндской границе, Финскому заливу, побережью Черного моря и др., в Сибири — Иркутская губерния, Минусинский уезд Енисейской губернии, Кузнецкий уезд Томской губернии, Горно-Алтайский уезд Алтайской губернии и т.д. При перемене своего местожительства для бывших белых офицеров устанавливалась обязательная явка в соответствующий губвоенкомат и в губотдел ГПУ по местам покидаемого и нового жительства на предмет снятия с учёта в первом случае и взятия на учёт — во втором⁴⁶.

Проведя учёт бывших белых военнослужащих, Приморский военкомат приступил к их принудительному выселению из края. При этом рядовой состав отправлялся к месту постоянного жительства, а офицеры — в Читу, в распоряжение начальника штаба 5-й Краснознамённой Армии.

В декабре 1922 г. — феврале 1923 г. вышло несколько экстренных выпусков «Красного знамени», в которых печатались соответствующие приказы губвоенкома Лебедева и списки высылаемых. Первый такой приказ за № 23 от 6 декабря 1922 г. гласил: «Приказываю лицам, поименованным в прилагаемом при сем списке (*в списке перечислялись 353 фамилии. — Е.Ч.*), явиться с вещами 8 декабря не позднее 10 час. дня в Губвоенкомат для получения соответствующих документов и отправки по месту жительства. Лица, поименованные в списке и не явившиеся в указанный срок, будут рассматриваться и привлекаться к ответственности как шпионы и дезертиры»⁴⁷.

Первый же список показал, что в него «...вкрались некоторые ошибки по чисто техническим причинам. Все неправильно занесённые в списки подали прошения в губвоенкомат об отмене отправки. Поскольку просители связаны с Владивостоком постоянством занятий, определённой службой, имущественным положением, прошения удовлетворяются», — сообщала пресса⁴⁸.

Второй список (294 чел.) был опубликован 13 декабря. Так же, как и в первом случае, приказ завершался предупреждением о том, «что лица, не явившиеся в указанный срок, как и не отправившиеся с первым эшелонам по разным причинам, будут преданы суду реввоен трибунала»⁴⁹.

В последующих приказах объявлялись фамилии как очередных высылаемых, так и отставших или не выехавших с предыдущими эшелонами. Губвоенком также категорически запретил обращаться к нему с ходатайствами по поводу предоставления отсрочек и об оставлении во Владивостоке⁵⁰. Для проверки тех, кто отказывался выехать по болезни, назначалась медицинская комиссия. Всем отправляемым разрешалось брать с собой семьи и вещи. На всё время пути пассажиры эшелонов снабжались продуктами питания за счёт государства.

Военно-административная власть губернии через прессу давала разъяснение о происходившей акции. Один из материалов вышел под заголовком «Кто и почему высылается из Владивостока». В нём говорилось: «В настоящее время предпринята губвоенкоматом разгрузка города от военнопленных и перебежчиков белых армий путём отправления их на родину. Ни для кого не тайна, что во Владивостоке свирепствует безработица. (...) При определении контингента безработных видно, что большая их часть падает на людей, мало связанных с Владивостоком, занесённых сюда гражданской войной, эвакуацией и беженством. В этой группе преобладают военные — бывшие солдаты и офицеры белых войск. Их во Владивостоке скопилось великое множество. Теперь, в дни хозяйственного кризиса, они ложатся балластом на биржу труда и создают хаос в плановой работе по восстановлению хозяйства. При подыскании мер к уменьшению безработицы случайное местонахождение лиц в городе было принято во внимание в первую очередь. Переброска их в места постоянного жительства, от которых они были оторваны гражданской войной, представляется делом разумной целесообразности. Так как эту переброску взяло на себя военное ведомство и так как бывшие военнослужащие едут в эшелонном порядке, то отъезд на родину производится бесплатно. Сами отправляемые положительно нуждаются в «перемене климата». Если за ними есть грехи против советской власти и трудового народа, то в будущем они должны сделаться полезными для государства гражданами. А это возможно лишь в том случае, если из обстановки Дальнего Востока, где они были объектами белогвардейских авантюр и иностранной интриги, они будут возвращены в здоровые бытовые условия родины, где они очутятся вне досягаемости белых и жёлтых вербовщиков»⁵¹.

Однако во многих случаях взятые на учёт лица, служившие в белых армиях, высылались независимо от их трудоустроенности. Об этом свидетельствует «чистка» ряда учреждений, милиции, армии, вузов, школ. К работе по выявлению «бывших белых и штрейкбрехеров» с целью их выселения на запад были привлечены и профсоюзы⁵².

В конце 1922 г. ДРК приказал до 20 января следующего года уволить из рядов милиции бывших белых офицеров и по согласованию с ГПУ выслать основную их часть в другие районы страны. Для этой работы при Отделе управления ДРК была создана специальная комиссия. Дальревком потребовал, чтобы в будущем приём бывших белых офицеров на службу в милицию мог производиться только по согласованию с органами ОГПУ⁵³.

«Нашей задачей, — докладывал 7 марта 1923 г. на заседании 5-й дальневосточной областной партконференции зам. полпреда ГПУ на Дальнем Востоке Чибисов, — стала не только чистка армии, но и сов. учреждений, в первую голову милиции. В ней белых было 83 чел. только на командных должностях. Сов. учреждений мы пока не трогаем. Те учреждения, которые находятся на запретной территории, будут чиститься в первую очередь»⁵⁴.

Ещё одной целевой сферой «зачистки» органы власти считали систему образования. В центре России к лету 1922 г. прошёл ряд забастовок профессуры и студенчества, требовавших автономии высших учебных заведений в ответ на реформу высшей школы, которая, в частности, предусматривала резкое сокращение прав вузовской общественности⁵⁵. Весьма напряжённой была обстановка и в вузах Дальнего Востока. Так, в ГДУ значительная часть профессуры и студенчества, дети состоятельных родителей, занимали враждебную позицию по отношению к революционной борьбе и советской власти. Многие «запятнали» себя службой у белых — по убеждению или принуждению. Только в 1921 г. по мобилизации в белогвардейские войска из университета выбыло 958 студентов⁵⁶. По окончании войны молодёжь стремилась продолжить образование, но, как оказалось, многие вынуждены были вновь прервать его в связи с депортацией. В эти дни газета «Красное знамя» писала: «Продолжается высылка из Владивостока студентов Дальневосточного университета, служивших в белых армиях. Слухи о приостановке такой высылки — сплошной вымысел»⁵⁷. К сожалению, сведений об общей численности изгнанных из региона студентов и профессуры не выявлено.

Край лишился образованных кадров, а высылаемые — те, кто был устроен, — более или менее стабильного положения. В органы власти посыпались ходатайства об отмене высылки или её отсрочке. Редактор хабаровской газеты «Дальневосточный путь»* Карасев просил у зам. полпреда ГПУ Чибисова об отмене высылки своих сотрудников Ф.И. Кривоножкина и А.К. Бингера, работавших с момента основания этого издания, высылка которых, по словам редактора, «тяжело отразится на положении газеты, так как указанных лиц нечем заменить»⁵⁸.

И.о. ректора государственного пединститута им. Ушинского, проф. П. Девин 25 декабря 1922 г. обращался к председателю ДРК Кобозеву по поводу назначенного на 27 декабря отправления в Читу и.д. профессоров А.П. Бекеева, С.Ф. Знаменского, преподавателей А.А. Вегнера, Н.А. Арцыбашева, Б.С. Муханова, С.П. Прозоровского и многих студентов. «Так как лишение Педагогического института целого ряда лиц профессорско-преподавательского состава, — писал он, — должно губительно отразиться на деле правильной и хорошей постановки преподавания и занятий в Институте, задача которого — дать краю для просвещения рабочих и крестьян хорошо подготовленных, с широким образованием работников, в которых Дальний Восток так нуждается, убедительно прошу Вас удовлетворить просьбу Института не лишать его опытных работников, заменить которых в настоящее время нет возможности. Точно так же и в отношении учащихся Института, служивших в белых армиях уже давно и то по насильственной мобилизации, — прошу Вас не лишать возможности докончить своё образование и подготовку в той

* Газета «Дальневосточный путь» являлась органом Дальбюро ЦК РКП(б) и ДРК.

нужной для страны деятельности, к которой они стремились и на что ими уже затрачено много сил и энергии»⁵⁹.

Жалобы и ходатайства посыпались и в Москву. Наркомпрос, пославший в ДРК по этому поводу запрос, получил следующий ответ: «В настоящий момент происходит реорганизация вузов* Владивостока под руководством уполномоченного профессора Огородникова. Дальревкомом проявляется максимальная осторожность в подходе к старой школе. Высылка части профессоров, преподавателей и студентов объясняется необходимостью удаления белых из Приморья. Производится на общих основаниях»⁶⁰.

Аналогичная ситуация была и в школах, в связи с чем ГубОНО издал специальный приказ № 37 от 28 декабря 1922 г. «О недопустимости выступлений учащихся в качестве ходатаев за высылаемых бывших чинов белых армий»: «В связи с высылкой из Владивостока учителей, бывших офицеров, учащиеся некоторых средних школ большими группами посещают различные учреждения с ходатайствами об оставлении в г. Владивостоке тех или иных учителей офицеров. Эти ходатайства делаются массовыми и приобретают характер спорта и развлечения (! — Е.Ч.). Предлагаю заведующим средними школами принять меры к прекращению вышеуказанных незаконных и, в конечном счёте, бесцельных выступлений учащихся»⁶¹.

Но всё же были и некоторые исключения. Так, Дальбюро своим постановлением от 2 февраля 1923 г. разрешило оставить в органах РКИ 8 чел. из числа «бывших белых», за которых поручилась коммунистическая ячейка РКИ⁶².

В городе сложилась напряжённая психологическая ситуация, ходили слухи о том, что высланных репрессируют, что произошли крушения эшелонов на железной дороге, что люди едут в неотопливаемых вагонах и есть случаи замерзания в пути. Дальбюро в информационном отчёте за первый квартал 1923 г. докладывало в Центр: «...Обывательская масса (...) волновалась при высылке белогвардейского элемента из Приморья, искала поручительства у «надёжных коммунистов»; в то же время, питаясь провокационными слухами о тифе среди выселенных, расстрелах и т.д., на почве панического настроения среди обывательщины циркулировали слухи о готовящейся войне с Чжан-Цзолинем, Японией и т.д. Теперь, с получением сведений о продвижении эшелонов на запад и получением писем от высланных, паника утихла...»⁶³

Начальник Приморского Губотдела ГПУ Каруцкий и губвоенком Лебедев вынуждены были выступить с публичным опровержением слухов в печати, назвав их «не имеющими под собой никакой почвы и вздорными». По их

* В апреле – мае 1923 г. эта «реорганизация» была продолжена путём «классовой чистки» вузов, для чего 12 апреля 1923 г. была создана специальная комиссия в составе представителей отдела агитации и пропаганды Дальбюро, РКСМ, Красного студенчества, ДВСПС и Губкома партии. См.: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 203. Л. 15.

словом, все эшелоны благополучно добирались до места назначения, поезда отапливались, люди снабжались продуктами питания. Они также разъясняли: «Высылка не является репрессивным актом по отношению к служившим в белых армиях и отнюдь не связана с политической благонадёжностью того или иного лица. (...) В Приморье и, в частности, во Владивостоке, благодаря японской интервенции, затянувшей и продлившей дни черной реакции, сложилось и осело все то, что не успело бежать ещё со времени беспорядочного отступления колчаковской армии от ударов и натиска Красной Армии. Весь этот осевший элемент, оторванный от родины и ходящий без определённых занятий, представляет сейчас вследствие объективных условий Приморья, бесформенный в политическом отношении балласт, увеличивающий безработицу. Не говоря уже о том, что несколько тысяч человек не имеет применения своим рукам, они усугубляют и без того тяжёлое положение приморского пролетариата. Советская власть, высылая всех служивших в белых армиях на родину и в распоряжение 5-й Краснознамённой Армии, разгружает Приморье от того балласта, который накопился здесь в течение последних 4-х лет. Высылка из пределов Приморья преследует следующие цели: 1) Уменьшить безработицу и тем самым облегчить положение рабочих. 2) Использование военных специалистов на службе в Красной Армии. 3) Вернуть к себе на родину всех оторванных от неё вследствие белогвардейских авантю и дать им возможность вернуться к своим заветам и к мирному труду. Офицеры же, служившие в белых армиях, демобилизованными не считаются и поэтому направляются на службу в Красную Армию для использования по своей квалификации. Всякая же неявка к отправке на службу в Красную Армию будет рассматриваться как злостное дезертирство и вызовет предание Суду Военно-революционного трибунала со всеми вытекающими последствиями»⁶⁴.

Более откровенными были объяснения, звучавшие из уст руководителей края на закрытых партийных форумах. Сотрудники ГПУ, упоминая о выселении чинов белой армии, использовали слова «вышвырнули» и «выбросили из пределов Дальнего Востока»⁶⁵. Л.Н. Бельский, первый председатель Приморского губревкома, позже — полпред ГПУ по ДВК, в своём отчёте на заседании I Приморской губернской партконференции 3 февраля 1923 г. говорил: «...Перед нами стояла задача очищения края, выкорчёвывание той белогвардейщины, которая здесь осталась. Мы провели регистрацию белогвардейцев и решили их выпроводить. Может быть, выпроводили и тех, кого можно было оставить. Но для того, чтобы быть уверенными, что если и остались их соратники после увода главных их сил, чтобы строить нам козни, мы посредством массовых выселений эти концы должны были здесь вырывать. Подойти с тонкой чекистской работой в смысле взятия на учёт нельзя было. Проведение этой задачи заняло бы слишком длинное время. И для первого периода, когда мы не знали, что будет, когда нужно было вырвать почву из под ног белогвардейщины, мы высылали их целыми группами. Если были

ошибки, то небольшие. Белогвардеец — так и есть белогвардеец. И какой бы мы не сделали ошибки, всё же гораздо лучше было очистить край именно таким путём, путём массовых выселений»⁶⁶.

Практически то же самое он повторил на первом Приморском губернском съезде Советов в марте 1923 г: «Основная работа — очистка края, выселение белогвардейского кадра офицерства, который мог бы стать угрозой в будущем — проделана. Во время высылки, может быть, были отдельные ошибки, в смысле выселения того или иного лица, возможно, были люди не опасные для нас, но при массовом выселении, так как основной кадр был опасен, останавливаться на отдельных личностях было некогда, поэтому выселение проводилось сурово»⁶⁷.

Всего из Приморья, согласно обобщенному списку, составленному по экстренным выпускам «Красного знамени» от 8, 17, 28 декабря 1922 г., 11 января, 3 февраля 1923 г., высылке подверглись 2 316 чел.⁶⁸ Кроме этого, в отчётах Дальбюро и ГПУ неоднократно отмечалось, что в январе — феврале 1923 г. была закончена высылка белых офицеров из Приморской области: из 704 чел., подлежавших высылке, было эвакуировано 490, а 214 оставлено на месте по разным причинам⁶⁹. Данная акция в общем обзоре работы Дальбюро ЦК РКП(б) за 1923 г. была названа одним из наиболее важных политических событий в крае⁷⁰.

Но эти данные неполны. В докладе на заседании Бюро Приморского губкома РКП(б) от 19 апреля 1923 г. начальник Приморского губотдела ГПУ П.И. Карпенко сообщил, что со времени окончания Гражданской войны из Владивостока было выслано 3,5 тыс. белогвардейцев*. Кроме того, добровольно уехало в Центральную Россию более 10 тыс. чел., из армии «вычищено» до 900 чел., из них часть старого офицерства. Однако на этом ГПУ не считало задачу по оздоровлению обстановки в крае выполненной. На перспективу основную проблему спецорганы видели уже не в разгрузке губернии от «балластного» населения, а в борьбе с противниками власти: «...Здесь, в Приморье, при наличии скопившегося за время пяти лет контрреволюции громадного числа преступного элемента как политического, так и уголовного, и целой сети иностранных шпионских организаций приморская публика настолько развращена, настолько специализировалась в шпионаже, что в каждом обывателе можно встретить бывшего контрразведчика»⁷¹.

В целом нельзя не признать, что поствоенная «разгрузка» Приморья от избыточного населения являлась необходимой мерой оздоровления социально-экономической обстановки в крае. Методы же и принципы её проведения соответствовали политической доктрине новой власти, явственно проявив некоторые родовые черты последующих сталинских депортаций: направленность на определённые стигматизированные социальные слои,

* В июне 1923 г. в одном из документов Бельский отмечал, что из пределов Дальнего Востока «вышвырнули свыше 5000 чел. белогвардейщины». См.: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 216. Л. 87 об.

контингентный характер выселения, в ходе которых «прихватка» случайных лиц (не подпадавших под характеристику выселявшейся группы) считалась неизбежной и оправданной.

1.3. Использование высылки в борьбе с политическими противниками и уголовной преступностью

Новая власть считала проведённую высылку «белогвардейского элемента» недостаточной, особенно в условиях разгула белого бандитизма⁷². При обсуждении этого вопроса на заседании Приморского губкома РКП(б) 1 июня 1923 г. Карпенко докладывал: «Информация у банд довольно хорошая. У них имеются списки наших видных работников, а также точно известно количество воинских частей. Есть уверенность, что в армии имеются определённые ячейки белобандитские, дающие информацию и снабжающие оружием. (...) Необходимо провести чистку и высылку белогвардейского элемента, чтобы ликвидировать все чайनिया белобандитов на возможность организации своих сил...» Начальнику Губотдела ГПУ вторили и другие участники заседания. Бахвалов: «Нужно провести высылку белогвардейского элемента из губернии, а особенно обратить внимание на контрреволюционную профессуру и студентов». Шишлянников: «Чтобы заставить белобандитов притихнуть, нужно провести высылку этого элемента в ближайшем будущем». Якубовский: «Сведения о военных частях, имеющиеся у белых, говорят, что они даны каким-то штабником, так как они написаны в том же порядке, в каком эти списки пишутся в штабах и в секретных бумагах. Необходимо ещё раз провести чистку рядов армии, чтобы избавиться от этого элемента». Пшеницын: «Кто знаком с приморской обстановкой в прошлом и настоящем, тот должен знать, что приграничный район, населённый по преимуществу кулацким элементом (бывшее уссурийское казачество), всегда был хорошей опорой белогвардейщины и базой для провокационных действий иностранцев. (...) Нужно подвергнуть внезапной чистке белогвардейцев в городах с указанием центра». В итоге губком ВКП(б) постановил: «Считать необходимым провести чистку и высылку белогвардейского элемента из Приморья. При чистке обратить особое внимание на разные учреждения и предприятия. Меру эту проводить с особой осторожностью и в полном согласовании соответствующих органов с губкомом РКП и начальником ГПУ, а также с санкции высших инстанций»⁷³.

Бывшие белые офицеры и военные чиновники продолжали находиться на особом учёте губотделов ОГПУ и ежемесячно должны были являться на регистрацию. Например, по Хабаровскому уезду на таком учёте состояли: в октябре 1924 г. — 141 чел. (16 чел. в этом месяце были выселены), в ноябре — 198, в январе 1925 г. — 220 и т.д.⁷⁴ Ежемесячно фиксировалось, сколько из них не явилось на регистрацию, выбыло и снято с учёта, поступило на учёт новых. По данным А.М. Буякова, в 1924 — 1926 гг. большая группа

(количество не названо) бывших военных, священнослужителей и интеллигенции была выслана из Владивостока в Китай⁷⁵.

Со временем руководство страны стало смягчать своё отношение к бывшим белым офицерам. Часть из них за безупречную службу в рядах РККА, гражданских учреждениях и проявленный героизм постановлением Президиума ЦИК СССР от 12 декабря 1924 г. была снята с особого учёта и получила все права и преимущества военнослужащих и военнообязанных. Но на Дальнем Востоке послабления по отношению к этой группе населения вводились крайне медленно. Начальник военно-морской инспекции Наркомата РКИ СССР Н.И. Муралов, побывавший в Дальневосточном округе, в записке на имя Ф.Э. Дзержинского утверждал, что «положение с обязательной регистрацией белых офицеров в ДВО совершенно ненормально. Это положение бьёт по лояльным, стесняет их, делает париями, создаёт волокитнейшую переписку и т.д., не давая им возможности найти работу и стать к нам лояльными». На эту записку Дзержинский ссылался в письме к В. Менжинскому от 21 октября 1925 г.⁷⁶

Однако проблема борьбы с бандитизмом продолжала оставаться на Дальнем Востоке очень острой в течение всего десятилетия, что заставляло местные органы власти прибегать не только к силовым методам её решения (использование войск ОГПУ и отрядов ЧОН в ликвидации банд, усиление охраны границ), но и «профилактическим» («чистка» учреждений, организаций и пограничных районов от «антисоветского элемента», изъятие оружия у населения и т.п.). Именно такие действия были намечены, например, в резолюции «О борьбе с бандитизмом в крае», принятой на заседании Далькрайкома ВКП(б) 22 сентября 1927 г.⁷⁷

Административная высылка «неблагонадёжных» лиц становилась привычным методом репрессий против тех, кого нельзя было привлечь к суду за недостатком доказательной базы. На съезде Советов Никольско-Уссурийского уезда в марте 1923 г. председатель уездного ревкома Дубко сообщал: «...Очистка уезда от ненадёжного элемента ещё не закончена. Выслано из уезда 1 231 чел. Но есть укрывающиеся. Вводится обязательная регистрация всех бродячих элементов в уезде»⁷⁸. Военно-политическое совещание в том же уезде, проходившее 26 мая 1923 г., вновь признало необходимым просить органы ГПУ приступить к выявлению скрывавшихся белых офицеров и выселению из уезда. По данным А.Д. Самойлова, в результате принятых мер к концу года 490 чел. покинуло пределы уезда⁷⁹.

На Северном Сахалине, как только он освободился от японских войск, на секретном заседании Сахалинского бюро РКП(б) 2 октября 1925 г. было решено «...в целях очистки острова от наиболее активного белогвардейского элемента» просить Дальневосточное бюро ЦК дать директиву о срочной (до окончания навигации) высылке с острова контрреволюционного элемента (лиц, ведущих антисоветскую агитацию, не связанных с островом и склонных к авантюрным выступлениям)⁸⁰. В дальнейшем такого рода выселени-

ям периодически подвергались как отдельные лица, так и группы людей. В меморандуме от 22 сентября 1928 г. начальник Сахалинского погранотряда ОГПУ Дзедатайс просил у полпреда ОГПУ санкции на высылку из Сахалинского округа 6 чел. «антисоветского элемента», которые «...вели пропаганду в период белогвардейщины, оккупации и в первые годы советской власти». Избрание такой меры мотивировалось, с одной стороны, условиями Сахалина, непродолжительным периодом его советизации, наличием иностранных концессий, расположением г. Александровска в зоне 7,5 км погранполосы, а с другой — тем, что у сотрудников ОГПУ не было достаточных обличительных материалов, которые можно было бы передать уголовному следствию. «Вредность» этих лиц определялась лишь агентурными данными⁸¹.

По Амурской области имеются отрывочные сведения о применении в 1927 — 1929 гг. к некоторым гражданам наказания в виде ссылки или высылки в Сибирь сроком на три года по ст. 58 (пункты 2, 8, 10, 11, 13) УК РСФСР на основании постановлений ОСО при Коллегии ОГПУ. В одном из томов областной «Книги Памяти...» приводится информация о шести таких лицах, пятеро из которых — крестьяне⁸².

Принудительному выселению из районов дальневосточного региона подвергались и другие категории населения. Среди них — члены небольшевистских партий, националистических организаций, духовенство. Первая Приморская губернская конференция РКП(б) (март 1923 г.) в резолюции по докладу о государственном строительстве наметила задачу: «...Окончательная ликвидация контрреволюционных организаций и разгрузка Приморья от контрреволюционных элементов, для чего укрепить аппараты ГПУ, влив в них стойких партийных товарищей, и привлечение для этой цели всей парторганизации»⁸³. Безусловно, депортации этой группы не могли быть массовыми, прежде всего, в силу немногочисленности оставшихся членов данных организаций.

Главными политическими противниками большевики считали эсеров и меньшевиков, наиболее активные из них подверглись арестам и высылке, что отражено в партийных документах того периода: «Закончено очищение (аресты и высылка) области от активных эсеров и меньшевиков» (из отчёта Дальбюро за период с 1 января по 1 марта 1923 г.)⁸⁴; «Авторитетность РКП среди рабочих увеличивается, частично бывшее влияние меньшевиков (Чита) и максималистов (Амурская железная дорога) изживается успешно, тем более что активный слой эсеров-меньшевиков выслан из области ещё в начале советизации» (из отчёта Дальбюро за 1923 г.)⁸⁵; «Общее положение поставило перед ГПУ следующие задачи: 1) Ликвидация эсеров и меньшевиков. (...) О первой задаче можно сказать, что эсеры ликвидированы. Головка изъята в момент советизации. (...) Меньшевики сейчас арестованы по всему Дальнему Востоку» (из прот. № 4 заседания 5-й дальневосточной областной партконференции от 7 марта 1923 г.)⁸⁶; «В области борьбы с враждебными нам политпартиями должно быть обращено особое внимание на меньше-

виков, особенно теперь, когда они изменили свою платформу, провозгласив активную борьбу с советской властью. Они должны быть искоренены из пределов Дальнего Востока» (из записки Л.Н. Бельского «Основные задачи, стоящие перед органами ОГПУ на Дальнем Востоке». Чита, июнь 1923 г.)⁸⁷.

Примером такого рода репрессий могут служить уголовные дела бывших членов Народного собрания ДВР Потемкина, Ващенко, Величанского и Павлова, первые два принадлежали к фракции «крестьян меньшинства», последние — эсеров. В январе 1923 г. их дела следствием были закончены и находились в производстве Высшего Кассационного суда РСФСР. Всем четырём инкриминировались дискредитация бывшего правительства ДВР, агитация за невыполнение его законов и распоряжений о продналоге, мобилизации и пр. среди крестьянского населения Прибайкальской области. 31 января 1923 г. председатель суда Матвеев обратился с «совершенно секретной» запиской в Дальбюро. Суть его обращения сводилась к следующему: «Контрреволюционная деятельность этих лиц не может, с одной стороны, остаться без возмездия, с другой — вызывает необходимость их изоляции от окрестного крестьянского населения как элементов политически вредных и опасных. Но в силу некоторых причин применение к ним методов судебной репрессии сопряжено с рядом неудобств, трудно устранимых при гласном судебном разбирательстве. Потому наиболее желательным, приемлемым и политически целесообразным выходом из положения является применение ко всем этим лицам постановлений ВЦИК от 10 августа и 16 октября 1922 г. (...) Но, по мнению ПП ГПУ, применение к ним такого рода мер возможно лишь с санкции Москвы, против чего Высш. Касс. Суд и возражает, находя, что решение вопросов о высылке этих лиц из пределов Дальнего Востока отнюдь не превышает компетенцию подлежащих местных органов, о чём просит Дальбюро сделать соответствующее распоряжение». Письмо было рассмотрено на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) от 2 февраля 1923 г. (протокол № 6), которое постановило: «Предложить ГПУ провести внесудебную расправу по отношению к Потёмкину, Величанскому, Павлову, Ващенко»⁸⁸. Сведениями о дальнейшей судьбе данных лиц мы не располагаем, однако нет сомнения в том, что с получением санкции Дальбюро их высылка органами ГПУ состоялась.

Другой мишенью власти были монархисты. В феврале 1923 г. Л.Н. Бельский говорил: «На наше разрешение остался вопрос о самой организованной группе монархистов в лице их монархических организаций. Ведётся следствие, и будут высланы. Осталась ещё контрразведка, которая также уличена, частью будет предана трибуналу, частью будет просто ликвидирована. Вот так мы подходим к выкорчевыванию нежелательных элементов по области. Если это и делалось худо, в этом отношении обижаться на нас нельзя»⁸⁹.

В 1922 — 1924 гг. во Владивостоке было проведено расследование по делу о «Комитете монархических организаций Дальнего Востока». Комитет

был образован в августе 1922 г. в период диктатуры Дитерихса. В него входили 13 объединений, в том числе «Вера, царь и народ», «Союз Георгиевских кавалеров Восточной окраины», «Русское национальное студенческое общество» и др. Возглавлял его известный монархист М.Я. Домрачев. Из 12 чел., вошедших в правление, шесть были генералами⁹⁰. В конце 1922 г. органы безопасности арестовали ряд видных деятелей организаций, входивших в комитет. Расследованием дела, которое затянулось более чем на два года, занималась прокуратура. В 1924 г. оно было закончено, из 55 обвиняемых 30 высланы в административном порядке из пределов Дальнего Востока, в том числе Высоцкий К.А., Вершинин И.Х., Горюнов П.А., Гусев А.С., Грачёв А.М., Дехтярёв Ф.Ф. и др. Двое из них — Мисеюк Т.Д. и Ненецкий Л.Д., будучи польскими гражданами, были высланы в Польшу как «порочные иностранцы»⁹¹.

Если высылка военнослужащих белых армий в конце 1922 — начале 1923 гг. осуществлялась массово по спискам, составленным в губвоенкомате, то в случае с «монархистами» в отношении каждого обвиняемого решение рассматривалось индивидуально внесудебной инстанцией — Особой комиссией при НКВД на основании Декрета ВЦИК от 16 октября 1922 г. В качестве примера приведём представление на выселение И.А. Красногорского по ст. 61 УК, составленное 20 декабря 1923 г. следователем по особо важным делам Барашем: «Красногорский И.А., 31 год, бывший дворянин, бывший капитан колчаковских войск, бывший студент Владивостокского университета. (...) В рядах колчаковских войск (...), принимает участие в боях против Красной Армии. Прodelал с каппелевской армией т.н. «ледяной поход» до Читы, где принимал участие в боях с красными. Оставался у белых, потому что не мог перейти к красным, служить ему было все равно кому — белым или красным. (...) Случаев расстрела попавших в плен красных у Колчака совсем не было, а вот офицеров, оказавшихся в руках красных, последние расстреливали. Боялся этого и он, что было другой причиной его нежелания перейти к красным или отстать от армии Колчака в каком-либо городе. (...) Амнистию, обещанную в 1920 г. правительством бывшей ДВР, Красногорский считал «ложной», ибо верившие ей и оставлявшие ряды каппелевцев платились жизнью. (...) Полагал бы (...) направить в порядке внесудебном из пределов ДВО как лица социально опасного»⁹².

В тот же период прошли гонения и на представителей других политических организаций и партий. К апрелю 1923 г. Приморским губотделом ГПУ было арестовано 20 членов украинской организации, 85 максималистов и анархистов, 30 членов молодёжной организации монархической ориентации в Никольске-Уссурийском⁹³. К сожалению, нам не известна дальнейшая судьба арестованных. Возможно, часть из них выслали в административном порядке, так как общий характер политических репрессий в первой половине 1920-х гг. был относительно мягким. Например, из почти 200 руководителей и активистов украинских организаций, арестованных во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Имане, Спасске, Благовещенске, Хабаровске в кон-

це 1922 г., большинство освободили. К судебному процессу, состоявшемуся в январе 1924 г., привлекли 24 украинских лидера. Почти всех обвиняемых оправдали или амнистировали, некоторым зачли время пребывания в тюрьме в качестве исполнения наказания. Лишь троих суд приговорил к реальным срокам заключения — от 3 до 10 лет⁹⁴.

Также нет точных сведений о числе репрессированных в тот период священнослужителей кроме отдельных примеров. Так, в Благовещенске в августе — сентябре 1923 г. были арестованы архиепископ Евгений (Зернов) и пытавшиеся организовать протест против его ареста о. Александр (Покровский), о. Василий (Осипов), о. Александр (Самсель), о. Михаил (Соколов), о. Илья (Мосолов), о. Василий (Киреевский), о. Иоанн (Подбережский). Епископа обвинили в связях с Колчаком, контрреволюционной агитации и т.п. 22 февраля 1924 г. комиссией НКВД по административным высылкам его приговорили к заключению в концлагерь на три года и отправили на Соловки. Священников Самсея и Покровского выслали в Зырянский край на два года. Остальных арестованных освободили. Однако в 1926 — 1932 гг. они были подвергнуты вторичному аресту с последующей высылкой⁹⁵. Из Приморской губернии в 1923 г. распоряжением ГПУ выслали епископа Павла, что также взбудоражило его сторонников, которые подали в органы власти прошение за подписью 500 верующих с просьбой разрешить епископу остаться на месте⁹⁶. Власти не скрывали, что это направление своей репрессивной деятельности они рассматривали в числе важнейших, формулируя его как «парализация действий» и «раскол» духовенства⁹⁷.

Из региона выслали также и членов ВКП(б), если за ними усматривали политические «грехи». Например, имеются сведения, что в 1927 г. из Приморья удалили группу большевиков корейцев за активную фракционную борьбу. Парадоксально, но в результате они переместились ближе к Центру — в Новосибирск, а в 1930-е гг. оказались в Москве и Ленинграде⁹⁸.

Высылка с Дальнего Востока использовалась в отношении не только политических противников, но и других категорий населения, привлеченных к уголовной и административной ответственности, при этом иностранные граждане выслались за границу. Так, согласно информации «Красного знамени», в 1922 г. в Китай выслано 800 чел. «преступного элемента» китайских подданных⁹⁹.

В начале 1923 г. объявлялась обязательная регистрация иностранных граждан в строго установленные сроки. Во Владивостоке постановлением Примгубревкома срок завершения регистрации был определен до 26 февраля, но затем продлен до 5 марта. Через губернскую газету объявлялось, что иностранцы, не прошедшие этой регистрации, будут высланы из губернии¹⁰⁰. И действительно, проводилась такая практика. Например, в марте 1923 г. в с. Красный Яр Суйфунской волости милиция задержала четверых корейцев, не имевших определенных занятий и русского вида на жительство. Их заключили под стражу в Никольскую тюрьму, а затем отправили на родину¹⁰¹. По

сообщению Главного полицейского управления ОРВП Маньчжурии, 23 марта 1923 г. из России прибыло 70 высланных китайских резидентов, отправленных за нарушение паспортных правил¹⁰². Такая же мера была применена ко многим китайцам и японцам, работавшим в публичных домах¹⁰³.

Вместе с тем иностранцы выдворялись из страны и по политическим мотивам. Так, в декабре 1922 г. Дальбюро вело негласное наблюдение за делегатами корейского съезда и предложило губотделу ГПУ организовать отправку группы из 47 чел. на места жительства в Корею. «В противном случае не останавливаться перед арестом и высылкой административным порядком», «осуществить это конфиденциально»¹⁰⁴. В 1929 г. во время конфликта на КВЖД в ответ на принудительную депортацию 352 советских граждан из Китая в СССР советские власти выслали столько же китайских граждан¹⁰⁵.

Но всё же большинство высланных иностранцев обвинялись в нарушениях административных правил, контрабанде, употреблении и распространении наркотиков. На совещании в Управлении РКМ Дальнего Востока 3 апреля 1923 г. (прот. № 6) при обсуждении вопроса «О порядке и правилах высылки порочных иностранцев из пределов РСФСР» было решено выйти с предложением в ДРК «...о запрещении иметь для личного потребления и для продажи наркотических средств, как-то: опий, морфий, кокаин и т.д.» и о регулировании служебной деятельности в этой части между органами милиции и ОГПУ¹⁰⁶.

Большое число китайцев и корейцев иностранного подданства высылались из России, а советские граждане — за пределы региона, за контрабанду. В 1920-е гг. в условиях острого дефицита товаров широкого потребления и прозрачности дальневосточных границ этот вид преступлений получил в регионе столь широкий размах, что местные власти ходатайствовали перед Центром о создании в крае Особого совещания по административным высылкам при ПП ОГПУ по ДВК* (напомним, что это была прерогатива центральных органов ОГПУ). Бюро Далькрайкома признало целесообразным применение административной высылки также в отношении валютных спекулянтов, обратив особое внимание «на выявление методов работы иностранного капитала в крае и в частности на концессионных предприятиях». Вместе с тем оно отметило «нецелесообразность применения к контрабандистам, китайцам и корейцам, в виде наказания высылки из пределов СССР, так как последнее им даёт возможность вновь, но под другой фамилией, водворять на территории Союза контрабанду»¹⁰⁷.

Только за один год — с 1 июня 1926 г. по 1 июня 1927 г. — Особым совещанием при Коллегии ОГПУ за этот вид преступления в регионе было приговорено к расстрелу 4 чел., к заключению в концлагеря сроками до 10 лет — 71 чел., к высылке за пределы Дальнего Востока — 395 чел., к высылке из СССР — 127 чел. Кроме того, часть контрабандных дел рассмотрела

* Протоколы заседаний бюро Далькрайкома ВКП(б) № 30 от 5 июля 1926 г., № 46 от 4 декабря 1926 г.

специальная комиссия при ПП ОГПУ ДВК, которая в тот же период направила в лагеря сроком до 3 лет 37 чел., выслала за пределы края — 73, из СССР — 2 чел.¹⁰⁸.

Следует отметить, что одновременно с выдворением из края «ненадёжного» населения, подобные категории граждан высылались и на Дальний Восток из других мест. К началу 1928 г., по данным Далькрайисполкома, в ДВК находилось 7 тыс. административно высланных¹⁰⁹.

К сожалению, подробных сведений о применении в 1920-е гг. в регионе высылки и ссылки по суду нами не выявлено. Возможно, в первой половине 1920-х гг. такая практика не была широко распространена. Так, в отчётах о деятельности Амурского губернского суда за 1924 — первую половину 1926 г. в списке «мер репрессий» соответствующая графа (ссылка, высылка) отсутствует, количественные данные о приговорах приводятся по следующим показателям: расстрел, расстрел с заменой 10 годами лишения свободы, лишение свободы на сроки — до 6 мес., от 6 мес. до 1 года, от 1 года до 2 лет, от 2 до 5 лет, от 5 до 10 лет, условно, к принудительным работам, имущественное взыскание, общественное порицание, освобождение от наказания¹¹⁰.

В 1929 — 1930 гг. высылка по суду систематически применялась в массовой репрессивной кампании, которая развернулась против крестьянства с целью выполнения планов хлебозаготовок. Только с ноября 1929 по конец января 1930 г. суды Дальневосточного края вынесли различные приговоры в отношении 3 940 чел., в том числе 2 448 — по ст. 61 УК РСФСР (за неуплату или недоплату натуральной и денежной повинностей, скрытие хлебных излишков), 640 — за должностные нарушения в заготовительных организациях и советском аппарате, более 600 — за неплатёж или злоупотребления с гарнцевым сбором и невыполнение договоров по контрактации, 193 чел. — по ст. 58 (за террористические действия). На расширенном заседании пленума Дальневосточного краевого суда 2 марта 1930 г. отмечалось: «...Уголовно-судебная политика в отношении злостных несдатчиков кулаков и зажиточных была достаточно жёсткая и в основном классово выдержанная: к лишению свободы осуждено кулаков и зажиточных — 1 253, конфискации — 1 524, **с применением ссылки и высылки — 638** и штрафа — 557...»¹¹¹ (выделено нами. — Е.Ч.). Сведения по другим регионам показывают, что такая политика была повсеместной. Так, в Сибири в 1929 г. в рамках хлебозаготовительной кампании почти 2 тыс. крестьянских хозяйств были высланы из мест проживания с конфискацией имущества (ст. 61. п. 3 УК РСФСР)¹¹².

С появлением новых форм сопротивления крестьян политике раскулачивания государство вносило уточнения и в практику судебных репрессий, в том числе в виде высылки. Специальные разъяснения на этот счёт дал пленум Верховного Суда РСФСР, состоявшийся 6 апреля 1930 г.: «...Умышленная порча, распродажа, уничтожение сельскохозяйственного инвентаря и имущества, совершаемая кулаками в районах, ещё не объявленных районами

сплошной коллективизации, равно как и подстрекательство к этому других с тем, чтобы это имущество в дальнейшем не могло быть использовано при проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства, карается по ст. 16 и 79 — 1 УК, предусматривающей лишение свободы сроком до двух лет с высылкой из данной местности или без таковой»¹¹³.

Таким образом, сюжет о судебной практике в период хлебозаготовительной кампании 1929—1930 гг. в контексте нашей темы приобретает принципиальное значение, так как отражает переходный момент к последующему процессу массовых крестьянских репрессий и депортаций (см. разд. 2.1.).

1.4. К вопросу об использовании принудительного труда на Дальнем Востоке в 1920-е гг.

Рассматривая правоприменительную практику принудительных миграций в 1920-е гг., нельзя обойти и тесно связанную с ней проблему использования государством принудительного труда. Современные исследования показывают, что в 1920-е гг. принудительный труд в рамках советской пенитенциарной системы ещё не имел массовости и экономической значимости, что соответствовало социально-экономической политике государства того периода¹¹⁴.

В основу теоретической концепции советской пенитенциарной политики 1920-х гг. был положен принцип «исправляющего труда». Не случайно основной документ, регламентировавший порядок исполнения различных видов уголовного наказания в РСФСР, утверждённый в 1924 г., назывался «Исправительно-трудовым кодексом». В разработанной им системе мест заключения основная роль отводилась учреждениям «исправительно-трудового характера», к которым относились дома заключения, исправительно-трудовые дома, трудовые колонии, изоляторы специального назначения. Как самостоятельный вид исполнения уголовного наказания выделялись принудительные работы без содержания под стражей¹¹⁵.

На Дальнем Востоке в 1920-е гг. пенитенциарная система была представлена тюрьмами (они назывались «домами лишения свободы», «домами заключения», «исправительно-трудовыми домами»), которые размещались во всех крупных городах региона — Чите, Верхнеудинске, Нерчинске, Благовещенске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Владивостоке, Николаевскена-Амуре. В них содержались как подследственные, так и лица, уже осуждённые на определённые сроки, общая среднемесячная численность узников по региону составляла около 3—5 тыс. чел.¹¹⁶ В 1926 г. в ДВК имелось 20 мест заключения: краевой изолятор с особо опасными преступниками, 4 исправительно-трудовых дома, 13 домов заключения, Амурская трудовая колония и Иргенский трудовой дом для несовершеннолетних¹¹⁷.

Действовавшие нормативные акты и инструкции требовали обязательного использования долгосрочных заключённых на работах при домах

лишения свободы. Однако на практике принцип «исправляющего» и «обязательного» труда существенно расходился с теорией. В 1920-е гг. состояние экономики страны в целом и Дальнего Востока в частности не только не позволяло «перевоспитывать трудом» заключённых, но и обеспечить всех их какой бы то ни было работой. Большинство заключённых использовались на внутренних работах — переплётных, сапожных, портняжных, слесарных, кузнечных, столярных, плотницких и т.п., которые производились в тюремных мастерских. Выполнение наружных работ в связи с малочисленностью конвойных команд и отсутствием спроса на рабочую силу, как правило, было весьма ограничено, носило бессистемный, случайный характер (работа конюхов, ассенизаторов, прачек, заготовка дров, погрузочные работы и т.п.). При этом руководители пенитенциарных учреждений видели ценность трудовой занятости своих поднадзорных не столько в её исправительно-воспитательной функции, сколько в возможности хотя бы частичного самообеспечения заключённых, которые, по выражению одного из начальников тюрем «висели на шее у государства». С 1930 г. стал осуществляться перевод мест заключения на полную самокупаемость¹¹⁸.

Ещё одним видом уголовного наказания являлись принудительные работы без содержания под стражей. Они назначались преступникам, не представлявшим большой общественной опасности (за мелкие и случайные правонарушения), на сроки до 6 мес. и свыше, но не более одного года. При этом частично или полностью их заработок удерживался в пользу государства. Для организации принудительных работ создавались специальные бюро при губернских (областных) инспекциях мест заключения на правах отдельного аппарата, но под руководством губернского инспектора¹¹⁹.

Нормативными актами «отработка» предполагалась как по месту жительства, так и вне его на специально выделенных или организованных для этой цели предприятиях, кроме того, некоторым лицам, работавшим по найму, разрешалось отбывать наказание по месту постоянной службы. На начало 1930 г. число «принудработников» в ДВК составляло 4,5 тыс. чел., из них 1 060 исполняли приговор по месту службы, 874 — на заготовке леса, 249 — на заготовке угля, 490 — «на разных работах», остальные — неизвестно¹²⁰.

Практика 1920-х гг. показала неэффективность этого пенитенциарного института. Организации трудового использования «принудработников» была присуща стихийность и хаотичность. Созданные бюро с их местными отделениями в большинстве случаев не только не имели собственной производственной базы, но и необходимой договорённости с другими предприятиями об использовании осуждённых. Они также не могли полноценно контролировать своевременность явки последних по месту назначения из-за малочисленности собственных штатов и разбросанности мест «принудительной работы» по территории края. Слабым оказался и контроль со стороны прокуратуры и суда. По этой причине приговоры нередко приводи-

лись в исполнение лишь для видимости или вообще не исполнялись. Экономическая значимость «принудработ» была невелика из-за краткосрочности отбытия наказания и высокой сменяемости таких кадров на предприятиях. В 1930-е гг. в системе исполнения принудительных работ появилась большая организованность, чем раньше. Стали создаваться колонны «исправработников», выделяться специальные сотрудники для проведения политико-воспитательной работы. Всем местным отделениям ИТР Краевое управление ИТУ определяло финансовые планы, которые рассчитывались, исходя из удержания доли заработка осуждённых¹²¹.

Кардинальные изменения в советской карательной и пенитенциарной политике произошли на рубеже 1920 и 1930-х гг. Как известно, по всей стране развернулись репрессии против крестьян в связи с хлебозаготовками, против т.н. «буржуазных специалистов-вредителей» и антисталинской оппозиции (как реальной, так и мнимой). Быстрый рост числа заключённых потребовал реформирования системы исполнения уголовного наказания, а начавшаяся форсированная индустриализация — многочисленной мобильной рабочей силы. Наложение этих факторов привело к созданию нового типа пенитенциарных учреждений с высокой концентрацией заключённых и массовым использованием их труда.

Первыми крупными «держателями» подневольной рабсилы стали бывшие концентрационные лагеря или «лагеря особого назначения ОГПУ» (ЛОНЫ, в последующем — ИТЛ). Нормативной базой, обеспечивавшей создание и функционирование ИТЛ в качестве особого пенитенциарного сектора, послужил ряд партийных и правительственных актов, в том числе: Постановления Политбюро от 13 и 23 мая 1929 г. «Об использовании труда уголовных арестантов», от 27 июня 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключённых» (оформлено одноименным Постановлением СНК СССР от 11 июля), Постановление ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г., (которое определило необходимость направления в ИТЛ всех лиц, осуждённых на сроки свыше 3 лет), Положение об исправительно-трудовых лагерях, утверждённое Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г. Именовать бывшие концентрационные лагеря исправительно-трудовыми было предписано постановлением Политбюро от 27 июня 1929 г.¹²²

Если на протяжении почти всех 1920-х гг. в системе ОГПУ функционировал лишь один крупный концентрационный лагерь — Соловецкий, то в июне — июле 1929 г. были созданы новые — Северный и Вишерский, а с 1 октября того же года — ещё четыре: Дальневосточный, Сибирский, Среднеазиатский и Казахстанский. 9 ноября 1930 г. появилась и печально известная аббревиатура «ГУЛАГ»¹²³. В Дальневосточном крае вопрос о необходимости создании концлагеря поднимался ещё в конце 1926 г. на заседании бюро Далькрайкома ВКП(б) в связи с возросшим числом лиц, осуждённых по контрабандным и валютным делам¹²⁴. Тогда он не получил своего разрешения, но в 1930-е гг. вслед за Дальлагом здесь были организованы ещё два

крупных ИТЛ — Севвостлаг и Бамлаг¹²⁵. Все трудоспособные заключённые ИТЛ были задействованы на крупных объектах индустриализации, главным образом в строительстве, горнодобывающей промышленности и на лесозаготовках.

* * *

В 1920-е гг. принудительные миграции на советском Дальнем Востоке не имели ещё характера аномальной репрессии, хотя и осуществлялись как в прямом (ссылка из других регионов), так и обратном (высылка в другие районы страны или за границу) направлениях. Материалы, рассмотренные в данной главе, позволяют выделить три основных вида выдворения из края «нежелательного» населения. Первый из них был связан с одним из последствий Гражданской войны, выразившемся в демографической перегрузке края за счёт разных категорий мигрантов военного времени. Для решения этой проблемы, не считая организации добровольного выезда людей, были проведены обязательная репатриация оптантов прибалтийских государств и военнопленных Первой мировой войны, а также массовая высылка из Приморья бывших военнослужащих белых армий. Последняя осуществлялась на списочной (контингентной) основе по решению губернского военкомата и не рассматривалась органами власти как вид наказания. Однако не скрывалась её политическая подоплёка: территорию края «разгружали», прежде всего, за счёт лиц, «запятнавших» себя службой на стороне военных противников большевиков.

Другой вид принудительных выселений — административная высылка — являлся карательной мерой, имел юридические основания в виде декретов и постановлений, применялся в Советской России повсеместно. Однако недостаточно чёткая проработанность этой правовой нормы позволяла исполнявшим органам трактовать её с различного рода «вольностями». Приговоры к высылке принимались в индивидуальном порядке, но решающая инстанция носила внесудебный характер. Высылке с Дальнего Востока наиболее активно подвергались уголовные преступники и нарушители паспортного режима из числа иностранцев (в основном китайцы), контрабандисты, члены небольшевистских партий и организаций.

Третий вид — высылка и ссылка по суду — являлся наиболее «правовой» из названных формой уголовного наказания, отражённой в соответствующих статьях Уголовного Кодекса. Вопрос о практике его применения нуждается в дальнейшем изучении. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что в 1920-е гг. принудительные миграции и принудительный труд как в стране в целом, так и на Дальнем Востоке не были массовыми и не были связаны между собой в одном виде репрессии.

Конец 1920-х — начало 1930-х гг. — переломный этап как в социально-экономической, так и в карательной политике сталинского режима. Хлебозаготовительная кампания 1929 г. стала предвестником массовых антикрестьянских акций с применением высылки. Политические репрессии в целом

начали приобретать широкомасштабный характер, появились ИТЛ как новый вид пенитенциарных учреждений, использовавших массовый принудительный труд заключённых. Все это послужило трамплином для последующего резкого расширения принудительных миграций и объединения этой репрессии с принудительным трудом.

- 1 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006. С. 92 – 176; Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М. – Жуковский: Кучково поле, 2006. С. 23 – 110; Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов. Новосибирск, 1998.
- 2 Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2006. С. 57 – 63; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 53 – 55.
- 3 См.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921 – 1923. М.: Русский путь, 2005.
- 4 Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-е гг. // Известия РГИА ДВ: сб. науч. тр. Т. 10. Владивосток, 2007. С. 108 – 125.
- 5 ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1390. Л. 37; РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 956. Л. 23.
- 6 Красильников С.А. На изломах социальной структуры... С. 37, 38.
- 7 ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43. Д. 36. Л. 8, 12.
- 8 Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х – начале 1930-х годов // Отечественная история. 2005, № 6. С. 81; Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 45 – 46.
- 9 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 46 – 47.
- 10 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 294.
- 11 Там же. С. 149; Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении... С. 81, 82; Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 49 – 51, 57 – 60, 81 – 82; Полян П.М. Не по своей воле... С. 55.
- 12 Подробнее см.: Высылка вместо расстрела...
- 13 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 55 – 56, 79 – 80.
- 14 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 418 – 419.
- 15 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 52.
- 16 Красильников С.А. На изломах социальной структуры... С. 39.
- 17 ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43. Д. 36. Л. 8, 10.
- 18 Там же. Д. 59. Л. 10 – 18; Д. 36. Л. 17.
- 19 Там же. Д. 36. Л. 27 об, 29, 29 об., 33, 50.
- 20 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 141.

- 21 Там же. С. 141, 151, 152; Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 61 – 62, 75; Говоров И.В. Люди. События. Факты. Советское государство и преступный мир (1920-е – 1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 144.
- 22 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 468 – 469; Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 111 – 115.
- 23 Красильников С.А. На изломах социальной структуры... С. 39.
- 24 Газ. Красное знамя. Владивосток, 1922. 2 дек. С. 1.
- 25 Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики. 1920–1922. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. С. 300 – 301.
- 26 Азаренков А.А. Методы ликвидации Дальневосточной республики в 1922 г. // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 95, 99.
- 27 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 202. Л. 16; Д. 956. Л. 18, 23.
- 28 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 26. Л. 22 об.
- 29 Красное знамя. Владивосток, 1922. 5 дек.
- 30 Там же. 1922. 28 дек.
- 31 Худяков П.П. Военно-политическая характеристика белого движения на Дальнем Востоке в первой половине 20-х годов // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2002. С. 229.
- 32 Кузин А.В. Состояние вооружённых сил на Дальнем Востоке в начале 20-х гг. // Там же. С. 187.
- 33 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 960. Л. 387 – 387 об.
- 34 Красное знамя. Владивосток, 1930. 25 апр.
- 35 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 340. Л. 279.
- 36 Красное знамя. 1922. 11 нояб.
- 37 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Военнопленные и беженцы Первой мировой войны на российском Дальнем Востоке и их репатриация // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.3. Проблемы истории социально-экономического и культурного развития. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2000. С. 138 – 143.
- 38 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 15. Л. 111.
- 39 Там же. Д. 11. Л. 13.
- 40 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 295.
- 41 Красное знамя. Владивосток, 1922. 29 окт.; 1 нояб.; 3 нояб.
- 42 Там же. 1922. 9 нояб.
- 43 Там же. 1922. 11 нояб.
- 44 Там же. 1922. 5 дек.
- 45 ГАПК. Ф. П-61. Оп.1. Д. 4. Л. 9.
- 46 Там же. Д. 15. Л. 189 – 189 об.
- 47 Красное знамя. Владивосток. 1922. 8 дек. Экстренный выпуск.
- 48 Там же. 1922. 9 дек.
- 49 Там же. Приложение к № 66. 1922, 13 дек.
- 50 Там же. 1923. 3 февр. Экстренный выпуск.
- 51 Там же. 1922. 9 дек.
- 52 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 107. Л. 19.

- 53 Шабельникова Н.А. Кадровая политика в органах рабоче-крестьянской милиции на Дальнем Востоке (1922–1930 гг.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.3. ... С. 311.
- 54 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 198. Л. 49. Л.50.
- 55 Макаров В.Г., Христофоров В.С. Предисловие // Высылка вместо расстрела... С. 15, 16.
- 56 Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 56 – 57.
- 57 Красное знамя. 1922. 29 дек.
- 58 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 216. Л. 4.
- 59 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 225. Л. 8.
- 60 Там же. Л. 6.
- 61 Вестник Приморского ГУБОНО. Владивосток, 1922. № 2. 30 дек. С. 8.
- 62 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 201-б. Л. 3.
- 63 Там же. Д. 234. Л. 57 об.
- 64 Красное знамя. Владивосток, 1922. 29 дек.
- 65 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 198. Л. 49.
- 66 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 90. Л. 92 об.
- 67 Местные Советы Приморья. Страницы истории: сб. документов. 1922–1985 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. С. 38.
- 68 Подсчитано по: ГАПК. Ф. 715. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 – 27 об.
- 69 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 198. Л. 49; Д. 203. Л. 239.
- 70 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.
- 71 Там же. Д. 97. Л. 49.
- 72 О разгуле белого бандитизма на Дальнем Востоке в 1920-е гг. см.: РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 188. Л. 398 – 399 об.; ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 97. Л. 84 об.; Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября (Крах контрреволюции на Дальнем Востоке). М., 1986. С. 136 – 141; Саначев И.Д. «Белобандитское движение» на Дальнем Востоке в 20-е гг. : причины и смысл вооруженной борьбы // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Хабаровск, 1995. С. 138 – 140; Смирнов А.Г. У самой границы. История Пограничного района. Владивосток: «Русский Остров», 2005, и др.
- 73 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 97. Л. 79 об – 80 а; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 201-а. Л. 201 – 202 об, 205 – 207 об.
- 74 ГАХК. Ф. 424. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 – 2, 5, 5 об., 11 – 13 об., 17 – 18 об.
- 75 Буюков А. Русские в Шанхае // Газ. Владивосток. Владивосток, 1993. 11 марта.
- 76 Цит. по: Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 296.
- 77 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 25.
- 78 Красное знамя. 1923. 9 марта.
- 79 Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября... С. 139 – 140.
- 80 Высоков М.С. Советская колонизация Сахалина на рубеже 20—30-х годов: выбор пути // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры: Докл. и сообщ. науч. конф. Южно-Сахалинск, 1994. С. 99.
- 81 СЦДНИ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 44. Л. 65 – 66.
- 82 Книга Памяти жертв политических репрессий в Амурской области. Т. 4. / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск, 2005. С. 117, 131, 143, 164.
- 83 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 91. Л. 7.

-
- 84 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 203. Л. 239.
 - 85 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 88. Л. 27.
 - 86 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 198. Л. 48.
 - 87 Там же. Д. 216. Л. 87 об.
 - 88 Там же. Д. 208. Л. 1 – 2 об.
 - 89 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 90. Л. 92 об.
 - 90 Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996. С. 159.
 - 91 ГАПК. Ф. Р-1588. Д. П-15955. Л. 2, 6, 7.
 - 92 Там же. Л. 715 – 717.
 - 93 Там же. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 97. Л. 49.
 - 94 Черномаз В.А. Читинский процесс (1924 г.) и разгром украинского национального движения на Дальнем Востоке // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы: Материалы первой дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток, 1997. С. 197 – 211; его же. Национально-культурное развитие украинского населения Дальнего Востока в начале XX в. // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке. Владивосток, 1999. С. 30.
 - 95 Ермацанс И.А. Благовещенская епархия и её архиереи (1914–1930-е гг.) // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию окончания Гражданской войны... С. 128, 129.
 - 96 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 93. Л. 30.
 - 97 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 198. Л. 49; ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.
 - 98 ГАПК. Ф. Р-1588. Д. П-22848. Т. 8. Л. 268 – 269.
 - 99 Красное знамя. Владивосток, 1922. 5 дек.
 - 100 Там же. 1923. 1 марта.
 - 101 Там же. 1923. 7 марта.
 - 102 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 202. Л. 293.
 - 103 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 90. Л. 93; Ходасевич А. Отблеск истории: книга очерков о советской милиции, Хабаровск, 1993. С. 93.
 - 104 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 83. Л. 44, 48.
 - 105 Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 90.
 - 106 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1439. Л. 4, 5.
 - 107 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 12. Л. 123, 369 – 370, 377.
 - 108 Там же. Д. 43. Л. 167; Д. 12. Л. 377.
 - 109 Там же. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 100. Л. 59.
 - 110 ГАО. Ф. 403. Оп. 2. Д. 3. Л. 66 об.; Ф. 376. Оп. 1. Д. 12. Л. 21 об. – 22.
 - 111 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 68, 68 –а, 76, 85; Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Судебные репрессии на Дальнем Востоке в период хлебозаготовительной кампании 1929–1930 гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке... С. 129 – 137.
 - 112 Красильников С.А. Серп и Молох... С. 62.
 - 113 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 3. Д. 718. Л. 3 об.
 - 114 Суслов А.Б. Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 1930-х годов // Отечественная история. 2004. № 5. С. 82 – 83.
 - 115 Советское исправительно-трудовое право. М., 1977. С. 38 – 40.

- 116 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 132. Л. 78 об.
- 117 Ткачёва Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока России в 20–40-е годы // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск. 1996, № 1. С. 100.
- 118 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Известия РГИА ДВ. Т. 3. Владивосток, 1998. С. 95 – 107.
- 119 Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975. С. 21.
- 120 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 25.
- 121 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительный труд как мера уголовного наказания на советском Дальнем Востоке в 20-х – нач. 30-х гг. (на материалах РГИА ДВ) // Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие: материалы регион. науч.-практ. конф. Владивосток, 1998. С. 118 – 126.
- 122 Рябинин А.А. Исправительно-трудовое (уголовно-исполнительное) право Российской Федерации. М.: Юристъ, 1995. С. 21; Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры. Статья первая // Свободная мысль – XXI. 1999. №8. С. 110, 111.
- 123 Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры. С. 110 – 112.
- 124 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 12. Л. 370.
- 125 Подробнее см.: Chernolutskaia E.N. Stalin's Camps: Vladivostok and Russian Far East in the 1920s // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol.27, Nos. 2–3. (2000). Chares Schlacks, Jr., Publisher. Idyllwild, California (USA). P. 279 – 291.

Глава 2

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА в 1930 — начале 1940-х гг.

2.1. «Кулацкая ссылка» и спецпоселения в ДВК в 1930—1941 гг.

Следующий этап в развитии принудительных миграций в СССР относится к 1930-м — 1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны) и характеризуется переходом к поистине массовым депортациям, не имевшим ранее аналогов в практике государства. Начало им положила т.н. «кулацкая ссылка» — принудительное переселение репрессированных крестьянских семей в специально организованные населенные пункты (спецпосёлки) и функционирование на их базе особого социально-экономического сектора в структуре государства, названного системой спецпоселений. Несмотря на то, что в применявшейся терминологии звучали слова «кулак» и «раскулаченные», подразумевавшие слой сельской буржуазии или зажиточное крестьянство, в действительности же спецпереселению подверглись значительно более широкие слои крестьян. Поэтому термин «кулацкая ссылка» мы даем в кавычках.

Данный феномен весьма активно изучается историками в масштабах страны и многих её регионов (Н.А. Ивницкий, С.А. Красильников, В.П. Данилов, В.Н. Земсков, В.Я. Шашков и др.)¹, однако специальные исследования применительно к Дальнему Востоку СССР практически отсутствуют. Некоторые общие материалы о расселении высланных «кулаков» в ДВК, их хозяйственно-бытовом устройстве на фоне данных по другим краям и областям приведены в монографии Н.А. Ивницкого². Дальневосточные авторы рассматривают лишь некоторые аспекты проблемы сквозь призму коллективизации и раскулачивания в Приморском крае (Л.И. Проскурина, Е.А. Лыкова³) и Амурской области (Е.М. Ермизина (Рудакова)⁴), истории пенитенциарных учреждений Амурской области (Ю.М. Бобков⁵), реализации репрессивной политики в регионе (С.А. Головин⁶), применения принудительного труда (Г.А. Ткачева⁷). При этом они не избежали некоторых спорных или ошибочных суждений (об этом см. ниже). Таким образом, назрела необходимость проанализировать формирование и функционирование «кулацкой ссылки» на Дальнем Востоке как целостного явления, отразив и её репрес-

сивную функцию, и роль в миграционно-колониационной политике государства⁸.

Переходя непосредственно к рассмотрению темы данного раздела, мы считаем возможным не останавливаться подробно на известных деталях развития общесоюзной кампании раскулачивания. Напомним лишь, что она, направляемая из Центра, в наиболее масштабном виде развернулась с января 1930 г. Ключевую роль в этом сыграло Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г., положения которого были практически сразу же подкреплены документами высших государственных и силовых органов: 1 февраля вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», 2 февраля — Приказ ОГПУ № 44/21 о проведении кампании ликвидации кулачества как класса (даны «разнарядки» по районам выселения и вселения кулаков), 4 февраля — секретная инструкция ЦИК и СНК СССР Центральным исполкомам и Совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам о мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества⁹ и др.

Все крестьяне, признанные кулаками, были разделены на три категории, от которых зависела мера репрессивного воздействия. К первой категории относились «наиболее контрреволюционные» главы семейств, они подлежали аресту, а затем либо отправке в исправительно-трудовые лагеря, либо расстрелу. «Кулаков» второй категории («остальные элементы кулацкого актива») целыми семьями должны были выселить в отдалённые регионы страны, их участь разделяли и семьи «кулаков» первой категории. Третью категорию полагалось расселять внутри областей и краёв за пределы коллективных хозяйств и в 22 км от погранполосы, устраивая отдельными посёлками на специально отведённых участках в пределах этих же районов.

«Кулацкая ссылка» стала дополнением к предварявшему её другому виду репрессии — собственно «раскулачиванию», заключающемуся в конфискации имущества и лишении избирательных прав. По правовому характеру принудительное переселение «раскулаченных» крестьян условно можно отнести к одной из форм административной (внесудебной) ссылки, но она существенно отличалась от формально действовавшей в то время правовой нормы административной высылки и ссылки, назначение которых осуществлялось в индивидуальном порядке в отношении конкретного взрослого дееспособного гражданина внесудебным органом при ОГПУ/ НКВД СССР, а также при их территориальных органах (в разные годы это были Особая комиссия, Особое бюро, Особое совещание, «тройки») (см. разд. 3.5.1.).

«Кулацкая ссылка» же, как будет показано ниже, значительно превзошла количественные показатели жертв внесудебной ссылки-высылки и находилась вне пределов охарактеризованной выше юридической нор-

мы. Репрессированные крестьяне выслались скопом. Никаких индивидуальных решений об этом ни одним из названных внесудебных органов не принималось. Вместо этого имелись директивы Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР либо союзных республик, а также повторявшие их документы местного уровня власти в отношении «кулаков» в целом или их определённых групп. Непосредственное выселение из деревень проводилось силами партийно-комсомольского, советского и батрацко-бедняцкого актива, который доставлял «кулацкие семьи» в сборные пункты под надзор ОГПУ. Оттуда выселенцев транспортировали в регионы вселения, где передавали под опеку местных властей, а для трудового использования — хозяйственным органам¹⁰. Как справедливо отметил С.А. Красильников, «кулацкая ссылка» не была «прописана» ни как судебная, ни как внесудебная мера репрессии. Её экстраординарность заключалась в том, что ей подверглись целые семьи, включая младенцев и стариков, она осуществлялась в соединении с принудительными работами (ранее это была форма только судебных репрессий) и была бессрочной (ранее ни один вид ссылки или высылки не назначался на срок более 10 лет). При этом правовое положение этой категории граждан в целом и отдельных её групп с течением времени неоднократно менялись, что создавало неясность их жизненных перспектив («игра без правил»)¹¹.

2.1.1. Государственная политика массовых депортаций крестьян и переселение «кулаков» внутри ДВК

Директивные документы января — февраля 1930 г. наметили проведение кампании в первую очередь в районах сплошной коллективизации, к которым были отнесены зерновые республики, области и края — Украина, Северный Кавказ, Средне- и Нижне-Волжские края, Центрально-Чернозёмная область, Белоруссия. Оттуда крестьянские семьи выселялись в Северный край, на Урал, в Казахстан, Сибирь.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» Дальневосточный край был отнесён к третьей группе незерновых районов, срок завершения коллективизации в которых был предусмотрен до весны 1933 г. Тем не менее уже в первые месяцы 1930 г. местные власти объявили 26 районов края районами сплошной коллективизации, и под административным нажимом здесь к апрелю 1930 г. 45% крестьянских хозяйств вынуждены были вступить в колхозы, в отдельных округах ДВК темпы коллективизации были ещё выше (позже произошёл отлив из колхозов, а затем новый нажим на единоличников: к началу 1931 г. доля объединённых крестьянских хозяйств составляла 28%, к концу года — 59,5%).

Однако центральная власть, пытаясь сдерживать местную стихию, осудила такую спешку. Политбюро ЦК ВКП(б) в постановлении от 5 февраля 1930 г. с укором отметило попытки руководителей регионов «незер-

нового типа, имевших замедленный темп коллективизации» (Московской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской, Западной областей и ДВК), «механически перенести намеченные ЦК мероприятия против кулачества (постановление ЦК от 30.1)» на эти территории. Для выработки соответствующих конкретных мероприятий 21 февраля в Москве было созвано совещание с партийными работниками этих регионов. От ДВК в нём принял участие председатель ДКИК, член бюро Далькрайкома партии Я.В. Полуян. Совещание в числе основных задач для данных территорий выдвинуло прекращение раскулачивания, начатого вне связи со сплошной коллективизацией¹².

Тем не менее именно в конце февраля в ДВК был разработан детальный план выселения кулацких семейств. Особенность этой акции на Дальнем Востоке состояла в том, что все раскулаченные крестьяне выселялись не за пределы края, а внутри него — в районы золотых приисков и лесоработок. Межведомственное совещание с участием представителей краевой прокуратуры, ОГПУ и других органов определило местности вселения: Зейский, Амурский, Читинский, Сретенский округа. Как отмечалось в документе, они были особенно удобны потому, что заселённые туда люди «...с прекращением дорожной связи вынуждены будут в силу естественного положения заняться своим трудовым устройством, бросив мысли о побеге ввиду его невозможности»¹³.

Планировалось выселить из Амурского округа 496 хозяйств, Читинского — 855, Зейского — 467 (в том числе по 1-й категории — 227, 2-й — 190, 3-й — 50), Владивостокского — 583 (соответственно — 223, 253, 107)¹⁴. Всего же Далькрайисполком на заседании 24 февраля 1930 г. наметил депортировать из местных сёл 4 тыс. семейств¹⁵, о чём секретарь Далькрайкома ВКП(б) И.Н. Перепечко в тот же день информировал В.М. Молотова шифротелеграммой и просил соответствующей санкции¹⁶. Видимо, таковая была получена, поскольку в центральных сводках в дальнейшем по Дальнему Востоку фигурировали плановые цифры: 4 тыс. семей, 20 тыс. чел.

В марте — апреле 1930 г. ДКИК утвердил конкретные участки для расселения этих 20 тыс. чел. в двух округах — Зейском на 11 тыс. чел. и Николаевском-на-Амуре на 9 тыс. (территории Читинского и Сретенского округов были выведены из административного подчинения ДВК, они отошли Восточносибирскому краю).

Местные власти встретили это решение с большой опаской. Так, Николаевский-на-Амуре окружной исполком 20 марта 1930 г. обратился к председателю ДКИК со следующим письмом: «Из полученных нами Ваших сообщений видно, что не позднее как с открытием навигации в Николаевский округ будут направлены первые партии кулачества, выселяемые из других округов ДВК. Общее количество выселяемых кулаков определено в 12 тыс. чел., что составляет 40% по отношению к общему количеству рус-

ского народонаселения нашего округа. Ясно, что это вселение кулачества будет иметь ряд нежелательных явлений (бандитизм, налёты и т.д.). А так как наш округ в течение 4 месяцев в году бывает совершенно оторван от краевого центра, президиум ОИК просит срочно разрешить вопрос о посылке в Николаевский округ хотя бы одной роты красноармейцев и окончательного решения по затронутому вопросу сообщить телеграфно окрисполкому с тем, чтобы до прихода первого парохода можно было бы обеспечить квартиры и прочее довольствие войсковой части». Президиум ДКИК рассмотрел ходатайство Николаевского окрисполкома на заседании 28 апреля 1930 г. (протокол № 55/40) и вынес постановление: «...Считать необходимым во избежание возможных контрреволюционных и бандитских выступлений со стороны выселяемых увеличить гарнизон г. Николаевска-на-Амуре не менее чем на одну стрелковую роту, предложив по телеграфу т. Слинкину возбудить о том ходатайство в СТО». Кроме того, было решено «обязать Союззолото и Дальлес* срочно организовать в надлежащем количестве ведомственную милицию в образуемых посёлках»¹⁷.

Как отмечено выше, для расселения «кулаков» были выделены наиболее отдалённые глухие районы, добираться до которых порой приходилось в несколько этапов. Характерен путь, проделанный семьей И.И. и Е.И. Поповых, высланных из с. Чуевки (Амурская область) в марте 1930 г.: «Посадили на сани, погрузили кое-что из вещей и отправили в Благовещенск, а оттуда увезли в Юхту. Поселили в Юхте в бараки, пожили там немного до лета. На пароходе «Батрачка» отправили семью дальше до ст. Чекунда на Бурее. Там дождались лодок, на которых по 2—3 семьи плыли по реке вверх. Речка быстрая, камениста, доплыли до Усть-Лимана. Много народу везли, лодок очень много было. В Усть-Лимане встретил начальник прииска. Перегрузили вещи из лодок на лошадей. Сами шли за ними пешком. Не дошли до места, такой дождь ливанул, все промокли, пока мужики делали шалаши. Переночевали, а утром — солнце, погода хорошая установилась, проводник довёл до места — до посёлка Иерохан Хабаровского края. Там нас ждали двухквартирные дома, правда, окна не были застеклены, а материалом обшиты. По несколько семей поселили в квартиры...»¹⁸ (См. также прил. 6.)

* Союззолото – Всесоюзное государственное золотопромышленное акционерное общество – организовано в 1927 г., объединяло всю государственную золотопромышленность Урала, Сибири и Дальнего Востока, с 1928 г. – всю платиновую промышленность, в 1930 г. включало в себя 30 главных приисковых управлений, 52 рудника, 93 фабрики и завода для обработки руды. 6 марта 1930 г. Союззолото реорганизовано и переименовано в Цветметзолото – Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины (см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 899.). Дальлес – государственный трест по заготовке и экспорту леса на Дальнем Востоке – функционировал в 1920–1930-е гг.

Осуществить намеченное внутрикраевое переселение на Дальнем Востоке в полном объёме местным властям в текущем году не удалось. Сначала — из-за транспортной недоступности районов вселения в зимний период. К весне же оказалось, что выделенные участки не были подготовлены к приёму людей. К тому же ДВК наряду с Сибирью «отличился» особо жёсткими методами раскулачивания — «вплоть до последней нитки». К началу вселения, как отмечалось в справках ОГПУ, бывшие зажиточные крестьяне не имели самых минимальных запасов продовольствия, фуража, скота и птицы, инвентаря, одежды, и направлять их в отдалённые необжитые районы было невозможно¹⁹. Поэтому на Дальнем Востоке было разрешено «кулаков» и их семьи второй категории выселять вместе с третьей категорией внутри округов, но за пределы районов сплошной коллективизации. В реальности же во Владивостокском (за исключением двух районов), Амурском и Зейском округах крестьян всех трёх категорий выселяли большей частью в худшее жильё на окраины тех же сёл. Озлобленные выселенцы отказывались участвовать в хозяйственных работах, угрожали активистам и тем, кто занимал освобожденные дома, устраивали над ними расправу. Из-за этого многие бедняки-колхозники опасались переселяться в освобожденные дома и на общих собраниях выносили постановления о выселении кулаков за пределы селений, районов и округов²⁰.

Другой способ выселения заключался в том, что зажиточных крестьян просто выдворяли за пределы села и в дальнейшем предоставляли их самим себе. В письме полпреда ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерибаса на имя секретаря Далькрайкома ВКП(б) Перепечко и председателя ДКИК Асаткина от 21 апреля 1930 г. отмечалось, что «за счёт таких выселяемых образуются группы бродячих кулаков с женщинами и детьми, нередко полураздетых, кочующих по районам, ведущих антисоветскую агитацию, примыкая к уголовным элементам, пополняя банды и разные шайки, принимающие участие в массовых эксцессах». В целом расселение семей 3-й категории проводилось «хаотически, без всякой организованности, плановости, контроля со стороны соответствующих окружных и районных органов советской власти. (...) При наличии перегибов, искривлений, головоугодия на местах в число таких внутри выселяемых попали отдельные середняки, бедняки, бывшие красноармейцы и т.п.»²¹

Повсеместно кампания «раскулачивания» вызывала бегство крестьян из родных сёл. Согласно оперсводке СОУ ОГПУ с 5 по 10 марта 1930 г. в с. Прохоры Спасского района 10 участников «кулацкой группировки» ушли в сопки, в Завитинском районе Амурского округа 33 семьи «выселились в глубь тайги, полагали заняться хлебопашеством», в районе рек Буреи и Тирмы было выявлено 100 бежавших семейств, занимавшихся охотой. В сводке за период с 20 по 30 мая 1930 г. сообщалось о бегстве «кулаков» из Михайловского, Гродековского и Шкотовского районов Владивостокского округа на

Сахалин, Камчатку, частично в города края или за границу. Во Владивостокском и Сретенском кругах фиксировалось бегство корейцев за границу²².

Весной 1930 г. наблюдался большой приток раскулаченных или бегавших из деревни крестьян в города, где они пытались найти работу. Но государственная политика была направлена на максимально возможное ограничение такого притока и вытеснение «кулаков 3-й категории» на те же предприятия в труднодоступных районах, куда ссылались остальные крестьяне. Биржи труда опасались трудоустроить «кулаков» на легальных основаниях «во избежание засорения советского аппарата и кадров рабочих противосоветскими элементами». Вместе с тем в условиях острого дефицита трудовых ресурсов Президиум ДКИК (протокол №54/39 от 18 апреля 1930 г.) разрешил «использовать труд кулаков групп 2-й, 3-й и семей 1-й группы на работах, имеющих сезонный характер». Краевой отдел труда считал, что это могли быть «...сплав в таёжных и отдалённых районах, каменоломные работы и другие, где особо ощущался недостаток и условия хуже других»²³ (выделено нами. — Е.Ч.).

«Проникновение кулацких элементов» на государственные предприятия и в учреждения считалось недопустимым. Амурский окрисполком 20 июня 1930 г. разослал всем райисполкомам округа циркуляр, в котором обращал внимание на то, что «...при поступлении на работу кулаки скрывают своё истинное лицо (...) под видом бедняков», трудоустроившись, они «начинают вести разлагающую работу среди остальной массы работников, не останавливаясь и перед явным вредительством». Руководителям предприятий и учреждений предписывалось «...при найме на работу выходцев из деревни обязательно требовать от них соответствующие справки сельсоветов, и без справок или справок без указания социально-имущественного положения на работу не принимать». «Выходцы из деревни, — говорилось в циркуляре, — принятые на работу, начиная примерно с декабря месяца, т.е. начала репрессий за неспаску хлеба, должны быть подвергнуты тщательной проверке, и все выявленные кулацкие элементы должны быть немедленно уволены с работы»²⁴. Дальнейшая практика показала, что руководители труднодефицитных предприятий, несмотря на запреты, закрывали глаза на «кулацкое» происхождение работников, но оно оставалось тем «чёрным пятном в биографии», которое держало человека в постоянном психологическом напряжении и могло «сработать» в любое время, что и происходило, особенно в периоды разгула политических репрессий.

На 6 мая 1930 г. внутри ДВК из запланированных 4 тыс. семей (20 тыс. чел.) было переселено 447 (2 533 чел.). В октябре 1930 г. краевое руководство признало работу по выселению кулачества сорванной. В последующее время вплоть до февраля 1931 г. в справках ОГПУ фигурируют цифры 447 семей, 2235 чел., из чего можно было бы сделать вывод, что с апреля 1930 г. в течение последующего года дополнительного внутрикраевого переселения кулаков не производилось. Да и размещать их было негде: в

мае 1930 г. на Дальний Восток стали поступать партии раскулаченных крестьян из разных регионов страны (см. раздел 2.1.2.), которых за неимением других пригодных участков направляли в места, отведённые для расселения местных кулаков²⁵.

Однако документы регионального уровня показывают, что в течение 1930 г. отдельные акции по переселению кулаков в ДВК всё же осуществлялись, но данные об этом не попали в центральные сводки. Такая операция была, например, проведена осенью в Шкотовском районе Владивостокского округа. Район являлся одной из болевых точек местной власти. Там в соопки ушла большая группа раскулаченных крестьян, из которых образовалась и продолжительное время действовала банда Куксенко. Жизнеспособность банды во многом объяснялась тем, что она пользовалась поддержкой местных жителей — родственников и соседей, — снабжавших её продовольствием, одеждой, информацией о продвижении борющихся с ней оперотрядов. В целях ликвидации базы бандитизма во второй половине сентября 1930 г. в Шкотовском районе было одновременно арестовано, а затем выселено 60 крестьянских семей (260 чел., в том числе 75 муж., 52 жён., 113 детей). Их посадили на баржу и отправили в Николаевский-на-Амуре округ в распоряжение предприятий Союззолота. После этого банда Куксенко из района ушла и переправилась за границу.

Подробности акции, изложенные в письме полпреда ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерибаса руководству края от 8 октября 1930 г., являются яркой иллюстрацией произвола на местном уровне. Вначале районные власти наметили к выселению 197 семей. При последующей проверке оказалось, что в списки были включены лица, «никогда кулаками не бывшие», а характеристики на выселяемых, по словам начальника дальневосточных спецслужб, «явно тенденциозны и неправдоподобны». В доказательство Дерибас привел ряд примеров: «Крестьянин Иванов, состав семьи — 6 душ, земли 4 га, посева 2 га, 1 дом, 1 амбар, 1 лошадь, 1 корова, налог — 600 р., кулак. Почему кулак и за что налог 600 р., не известно», или «...исторический кулак, может стать организатором банды и контрреволюционного элемента» и т.п. Были случаи, когда, по данным РИКа, тот или иной крестьянин платил налог 500—600 руб., при проверке же оказывалось, что только 16 руб. Во время обсуждения списков особую «твёрдость» проявляли советские и партийные руководители района, которые в противовес работникам окружного ОГПУ предлагали «брать всех», в том числе нетрудоспособных и калек. В конце концов из списка исключили 137 семей или 70% от первоначального плана. Но и после этого обнаружилось, что среди отправленных в Николаевский округ оказались 4 середняцких семьи. Позже их было решено вернуть на прежнее место жительства²⁶.

Всего в ДВК в 1930 г. число раскулаченных крестьянских хозяйств достигло 3 937, что составляло 2,6% от их общего количества. Из них, согласно сводке Особого отдела ОГПУ по состоянию на 10 декабря 1930 г., было вы-

селено по 2-й категории — 447 семей (2 235 чел.), по 3-й категории — 90 семей, итого — 537 семей, и оставалось в крае раскулаченных, но не выселенных 3 400 семей. Однако в более поздних справках той же инстанции общее число выселенных в 1930 г. внутри ДВК крестьянских семей было представлено в меньших числах: в документе от 15 июля 1931 г. — 120 семей, от 30 сентября 1931 г. — 114 семей или 527 чел.²⁷ Разница между первой и последней по времени цифрами составляет 333 семьи (1 708 чел.), что могло быть отражением как плохого бюрократического учёта на начальном этапе массовых депортаций, так и результатом высокой смертности людей, бегства из спецпоселений, а также возвращения некоторой части семей из ссылки в связи с удовлетворением жалоб и ходатайств. Ещё одна причина уменьшения могла быть связана с территориально-административными изменениями (районированием) во второй половине 1930 г., когда Сретенский и Читинский округа были выведены из состава ДВК и в статусе районов переведены в подчинение Восточносибирского края.

Весной 1931 г. начался второй этап раскулачивания, в течение которого, как отмечают исследователи, массовые антикрестьянские репрессии постепенно переводились в «плановое, экономически целесообразное русло». Для координации работы по выселению, расселению и трудоустройству кулаков 11 марта 1931 г. была создана специальная комиссия ЦК ВКП(б) во главе с зам. председателя СНК А.А. Андреевым (с 1 октября его заменил председатель ЦК ВКП(б) и нарком РКИ СССР Я.Э. Рудзутак; комиссия распущена в марте 1932 г.), совместно с ОГПУ определявшая «лимиты» на высылку не по заявкам региональных властей на раскулачивание, а по заявкам хозяйственных органов на рабочую силу. Предложения комиссии, как правило, оформлялись в виде решений Политбюро²⁸. На заседании 18 марта 1931 г. комиссия Андреева, заслушав вопрос о ходе «внутрикраевых выселений кулацких семейств» в ряде регионов страны, в т.ч. в ДВК, постановила: «Предложить ОГПУ обязать местные органы ОГПУ дальнейшее переселение кулацких хозяйств производить исключительно после санкции этого переселения комиссией ЦК»²⁹ (*подчеркнуто в документе. — Е.Ч.*).

Кампании по выселению 1931 г. прошли в марте — апреле и мае — сентябре. Тогда в стране было раскулачено вдвое меньше крестьянских хозяйств, чем в 1930 г., однако выселенных семей оказалось в два раза больше. Н.А. Ивницкий объясняет это тем, что вывозились не только раскулаченные в текущем году, но и оставшиеся в местах проживания с предыдущего года. Кроме того, в 1931 г. почти все раскулаченные хозяйства были отнесены ко второй категории и потому выселялись³⁰.

На Дальнем Востоке весенняя кампания 1931 г. началась 3 марта и завершилась к концу месяца. В сводке Секретно-политического отдела ОГПУ от 3 апреля сообщалось: «...Переселение прошло без эксцессов, при активной поддержке бедноты и колхозников. Отмечены отдельные случаи бегства кулаков из мест постоянного жительства, узнавших от уполномоченных

РИКов о предстоящем выселении»³¹. В некоторых сёлах (например, в Шкотовском районе Приморского края) было раскулачено от 6 до 18% жителей. В отличие от предыдущего года депортационные акции, которые стали называться операциями, готовились властями более основательно. Уже в декабре 1930 г. были составлены списки на раскулачивание. 18 февраля 1931 г. постановлением Далькрайисполкома предписывалось к 7 марта выселить «кулаков» 1-й и 2-й категорий из районов сплошной коллективизации и 22-км погранполосы и одновременно расселить «кулаков» 3-й категории за пределами 22-км погранполосы. Для руководства операцией в сёла отправились уполномоченные, снабженные подробными инструкциями с указанием порядка действий, расписанных по дням и часам.

Среди населения пошли разговоры о том, что выселяют всех — и зажиточных крестьян, и середняков, и даже бедняков. И такие разговоры были небеспочвенны. Так, в Тамбовском районе, по данным райисполкома, «...работники погранотряда под видом кулаков пытались выселить весь антисоветский элемент, а некоторые уполномоченные пошли на этот нажим». Крестьяне ждали своей участи по ночам, готовили сухари, одежду, резали мелкий скот. Многие уходили из своих деревень: по итогам 1931 г. оказалось, что из 748 «выявленных кулацких хозяйств» этого зажиточного района было выселено 403 (54%), остальные разбежались³². В отчёте Тамбовского РИКа от 14 апреля 1931 г. эта работа была признана удовлетворительной. Доля выселенных к общему количеству населения составила 11%, наиболее пострадавшими (свыше 11%) оказались старожильческие селения, например, с. Толстовка (15%)³³. Всего в марте 1931 г. внутри ДВК выселению подверглись 987 семей, в том числе по 2-й категории — 808, по 3-й — 179 семей³⁴.

План следующей массовой операции в деревне, разработанный ОГПУ, был утверждён постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 марта 1931 г.: в первую очередь предлагалось выслать за пределы регионов проживания 25 тыс. крестьянских семей из ряда краёв и областей, в том числе в ДВК — 5 тыс.³⁵ Однако дальневосточные власти подали заявку и получили разрешение на выселение 2 тыс. семейств, из них 600 уже раскулаченных, 1 200 подлежавших раскулачиванию и 200 — из кулацких посёлков 3-й категории. Сопоставление учётных сведений показывает, что этот план был реализован в июне — июле: согласно справкам Особого отдела ОГПУ, на 1 июня 1931 г. число переселённых в текущем году внутри ДВК крестьянских семей составляло 870, а на 15 июля — 2 808³⁶.

В это время центральное руководство страны объявило о «выполнении в основном» плана массовых крестьянских выселений и о необходимости перехода в дальнейшем к выселению кулаков из районов сплошной коллективизации только в индивидуальном порядке (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июля 1931 г. «О кулаках»). Основная причина, по-видимому, заключалась в том, что система не смогла «переварить» депортации предыдущего периода, то есть создать минимальные условия для выживания много-

тысячной армии спецпоселенцев, следовательно, полноценно использовать их в качестве рабочей силы, что отражено в п. 8 постановления³⁷. Следуя политике центральных органов, ДКИК 29 июля 1931 г. принял решение завершить ликвидацию кулачества в крае, наметив окончательные сроки проведения сплошной коллективизации на 1931 — весну 1932 г.

Очередная операция по выселению крестьян в ДВК была проведена в сентябре 1931 г. с целью «устранить всех кулаков, сбежавших из деревни или проникших в колхозы». Материалы о ней по Амурской области приведены Е.М. Ермизиной (Рудаковой). Срок операции, на которую «бросили все лучшие силы райкомов», сократили до одних суток и сделали все возможное, чтобы сочувствующие односельчане не смогли предупредить выселяемых: в ночь с 3 на 4 сентября после совещания с «активом села» арестовывали глав семей и трудоспособных мужчин с одновременным обыском их домов, с утра проводилось собрание бедноты, днём — общее собрание колхозников и единоличников для формального утверждения списка кулаков, которые к этому моменту уже были взяты под стражу. Несмотря на то, что колхозники заявляли: «Кулаков у нас нет, а под выселение попали даже бедняки», в сентябре 1931 г. дополнительно оказалось выселено не меньше, чем раскулачено в 1930 г.³⁸

Тогда же была проведена аналогичная операция на Сахалине. Краевая комиссия утвердила на выселение из Рыковского и Александровского районов области 55 «кулацких семей», из Рыбновского — 20. В это число не входило аборигенное население, так как на этот счёт имелось специальное указание ДКИКа от 19 марта 1931 г. Допускалось лишь «ограничение их эксплуататорских тенденций».

Тот факт, что депортация крестьян с острова проводилась на втором году существования «кулацкой ссылки» и имелись директивы Москвы о некотором смягчении её технологии с учётом драматического опыта первого года, нашёл отражение и в рабочей документации по Сахалину. Утверждая списки на выселение из Рыковского и Александровского районов, уполномоченный ПП ОГПУ по ДВК Маковский (г. Хабаровск) в заключении от 29 августа настоятельно рекомендовал «под личную ответственность» председателя Сахалинского окрисполкома «...ещё раз произвести проверку данных о каждом хозяйстве с учётом указаний, предусмотренных совершенно секретной инструкцией ЦИКа СССР от 4 февраля 1930 г., чтобы абсолютно исключить возможность применения ниже перечисленных мероприятий к середняцким хозяйствам и только после подтверждения соответствующими материалами кулацкого характера перечисленных в списках хозяйств». Возможно, поэтому списки выселенцев были слегка откорректированы в сторону уменьшения на заседании президиума Сахалинского окрисполкома 25 сентября 1931 г.

Кроме того, для должностных лиц имелась «Техническая инструкция» от 27 мая 1931 г., ряд пунктов которой требовал по возможности лояльного

отношения к крестьянам во время перевозки. Например, необходимо было согласовывать время передачи крестьян уполномоченному ОГПУ в пункте сбора в с. Верещагино с таким расчётом, чтобы семьям не пришлось дожидаться подачи парохода более одних — двух суток. На сборном пункте о раскулаченных должен был заботиться райисполком, обеспечивая их помещением, продовольствием и медицинским обслуживанием. Инструкция также рекомендовала: «При всей операции следует быть особенно выдержанными и стойкими, ни в коем случае не прибегая к каким-либо грубым обращениям, всемерно применяя меры к недопущению каких-либо эксцессов, и необходимо твердо помнить, что кулак не есть арестованный или административно-высланный элемент, а чуждые люди, изгоняемые из своей среды батрацко-бедняцким и колхозным крестьянством». Как известно, вся эта «лояльность» в основном оставалась на бумаге, в реальности крестьяне сталкивались с прямо противоположным отношением.

Выселенные с Сахалина семьи отправлялись в Николаевск-на-Амуре, где передавались местным органам ОГПУ и Нижне-Амурскому комбинату Цветметзолота для использования на Удильских приисках в качестве постоянной рабочей силы³⁹.

Общие итоги внутрикраевых и внутриобластных принудительных расселений крестьянских семей за два года были подведены в справке, составленной Особым отделом ОГПУ не позднее 30 сентября 1931 г., по ДВК они выглядели следующим образом: 1930 г. — 114 семей, 527 чел., 1931 г. — 2 808 семей, 14 040 чел., всего — 2 922 семьи, 14 567 чел.⁴⁰ Эти данные остались неизменными после 15 июля 1931 г., таким образом, результаты осенних операций не вошли в итоговый документ и были, по-видимому, перенесены в отчёт следующего года (см. табл. 4.).

Несмотря на провозглашенный перелом в политике депортаций, они вовсе не прекратились, но масштабы их стали уменьшаться. Если в 1930 г. общее по стране число выселенных крестьян составило 559,5 тыс., а в 1931 г. — 1 243,9 тыс., то в 1932 г. — 71,2 тыс. чел.⁴¹ Как отмечается исследователями, 1932 год можно считать временем перехода от массовых депортаций крестьянства к локальным, «точечным», затрагивавшим отдельные регионы или отдельные категории деревенского населения⁴².

На Дальнем Востоке в этом году принудительного переселения раскулаченных не планировалось⁴³ и данных о его проведении не имеется, если не считать отдельных примеров направления в спецпосёлки репрессированных граждан в индивидуальном порядке. Например, последний православный священник сахалинского села Рыковского А.Н. Гнеушев, осуждённый в 1929 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ на 3 года лишения свободы и отбывший наказание в Приморье в Дальлаге, в июле 1932 г. был освобождён и вернулся на остров. Однако «тройка» ПП ОГПУ по ДВК 7 сентября 1932 г. определила, что лагерной администрацией при его освобождении допущена серьёзная ошибка: «...При отбытии меры соцзащиты Гнеушев

подлежит высылке в спецпосёлок в порядке кулацкого расселения» (хотя в решении ОСО никаких дополнительных мер наказания не предусматривалось). 2 октября 1932 г. бывшего священника разыскали и первым отходившим пароходом вывезли, скорее всего, в Нижне-Амурский округ Хабаровского края, куда ссылались и остальные сахалинцы⁴⁴.

В 1933 г. по стране первоначально намечалось выселить 2 млн. чел., затем — 1 млн., в конце концов, план был сокращен до 550 тыс. из-за серьёзных трудностей организационного и материально-финансового порядка. В реальности же депортации этого года охватили в общей сложности 268,1 тыс. чел. Предыдущий почти однородный крестьянский состав выселенцев стал «разбавляться» и некоторыми слоями населения промышленных центров (Москвы, Ленинграда и др.). В деревне акции шли под предлогом чистки колхозов от «кулацких элементов» и «саботажников хлебозаготовок», в городах — в целях удаления маргиналов (бродяг, беспаспортных, цыган и т.д.)⁴⁵.

Ещё одним источником пополнения спецпосёлков стали места заключения. В секретном Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О разгрузке тюрем» от 10 мая 1933 г. (подтвердившем курс на «немедленное прекращение всяких массовых выселений крестьянства», допуская их «только в индивидуальном и частном порядке и в отношении только тех хозяйств, главы которых ведут активную борьбу против колхозов и организуют отказ от сева и заготовок»), давалось разрешение на депортацию из ряда регионов 12 тыс. крестьянских хозяйств. Одновременно ОГПУ, НКЮ и прокуратуре предлагалось направить осуждённых на срок свыше 5 лет в лагеря ОГПУ, а на срок от 3 до 5 лет — в трудовые посёлки ОГПУ (таких, по расчётам зам. председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьева, должно было набраться 173 тыс. чел.), последние — вместе с находившимися на иждивении лицами, то есть с членами семей⁴⁶. В ходе выполнения этой директивы на Дальнем Востоке с марта по сентябрь 1933 г. из домов заключения было переведено в ИТЛ и трудпосёлки 1 148 чел.⁴⁷ Отдельных сведений о количестве направленных в трудпосёлки нет, однако вряд ли стоит сомневаться, что их число составило около или менее 1 тыс. чел. Прибытие вчерашних заключённых отрицательно повлияло на обстановку в местах расселения раскулаченных крестьян: «На этой почве, — как сообщалось в одном из документов, — отмечается ряд отрицательных явлений, как-то: побеги (40 случаев), отказы работать, усиление краж и скандалов в местах их расселения, заражение венерическими болезнями местного населения и т.д.»⁴⁸

Летом 1933 г. руководство ДВК, движимое стремлением получить дополнительную рабочую силу, а вместе с тем и «очистить» сёла от выселенных на окраины или разбежавшихся по районам раскулаченных крестьян, подняло вопрос о новой операции внутрикраевого переселения. В письмах на имя Сталина от 16 мая и 23 июля 1933 г. крайком партии и ПП ОГПУ по ДВК просили разрешения выселить из сельских районов края 5 тыс. семей для пе-

редачи их на предприятия золотодобывающей и лесной промышленности. Мотивируя просьбу, Лаврентьев и Дерibas писали: «...Около 5 000 кулацких семейств в основных приграничных районах ведут паразитический образ жизни и разлагающе действуют на колхозников. Из 5000 семей около 4000 являются семьями кулаков, репрессированных органами ОГПУ и Юстиции за контрреволюционную деятельность, кои в большей массе осуждены в спецпосёлки и концлагеря, причём в приговорах оговорено выселение семей в спецпосёлки. Считаем, что в отношении этих категорий приговоры в исполнение должны приводиться, и семьи кулаков, согласно этим приговорам, должны водворяться в спецпосёлки. Коменданты посёлков, охрана набраны, точки организации спецпосёлков не только намечены, но достаточно оборудованы — построены помещения охраны, помещение и питание целиком обеспечиваются высылаемым. Хозяйственные организации — леспромхозы, ЦМЗ, Транслес — настаивают на объединении кулаков, находящихся на работах в этих организациях, с их семьями, одновременно просят о дополнительной даче рабочей силы. В соответствии с инструкцией ЦК и СНК от 8 мая обеспечиваем постепенное, не массовое выселение — кулацкие семьи будут направляться отдельно в порядке соединения с главами семей в спецпосёлках, организованное направление на хозяйственные работы в предприятия указанных организаций». Политбюро ЦК ВКП(б) удовлетворило эту просьбу постановлением от 1 августа 1933 г. (протокол №142, п. 83/69)⁴⁹.

К сожалению, мы не имеем точных сведений о том, каким образом заявка была выполнена, но косвенные данные подтверждают её реализацию: на 1 января 1933 г. в ДВК было учтено 40 563 спецпоселенцев, а на 1 января 1934 г. — 46 495, и это при отрицательном естественном приросте (- 2 129 чел.), бегстве из мест поселения (2 860 чел.) и освобождении неправильно выселенных (402 чел.). Разница между числом прибывших и убывших (помимо рождений, смертей, побегов и освобождённых) составила 10 921 чел. В отчёте также имеется графа «прибыло новых», по которой значился 601 чел.⁵⁰; если предположить, что это лица, поступившие из других регионов страны, то масштабы внутрикраевого выселения исчисляются в 10 320 чел.

Других поступлений спецпоселенцев кроме освобождённых из тюрем (менее 1 тыс. бывших заключённых) за этот год не выявлено. Поскольку данная акция вступала в противоречие с запретом на массовые депортации, то руководство края обещало провести её «постепенно» и только «в порядке воссоединения с главами семей». На самом деле эти условия не соблюдались и были заведомым бюрократическим лукавством (учитывая, что за 3 — 4 летне-осенних месяца необходимо было переселить более 10 тыс. чел.), что подтверждают и свидетельства очевидцев. Так, в с. Прохладное Завитинского (совр. Октябрьского) района в 1933 г. пришла *разнарядка* на выселение двух «кулацких» семей. Под этот спущенный сверху план попала семья Дмитрия и Марфы Калюжных с четырьмя детьми, которую трудно было отнести

к «кулацкой». Сельчане со слезами провожали их, многие старались незаметно сунуть в телегу узелок с хлебом или семенами. Калужных отправили в Сивакский леспромхоз, где они прожили до 1947 г. Старший сын из спецпосёлка в 1942 г. был призван в армию и погиб под Сталинградом, двое младших стали участниками войны с Японией⁵¹.

Ещё одна история рассказана в автобиографической повести Р.Ф. Гаврилова. Летом 1933 г. из г. Зеи, сёл Сиама, Нового Ямполья, Мазаново, Успенки и др. Зейского района выселили большое количество ранее раскулаченных семей. Для их перевозки по р. Зее потребовался целый караван барж. Затем выселенцев перегрузили в вагоны и отправили в район Оборской ветки Уссурийской железной дороги. Из тех, кого знал очевидец, никто не ехал на «воссоединение», так как семьи были либо в полном составе, либо с отсутствующими старшими мужчинами, репрессированными по 1-й категории (лагеря или расстрел). Между тем в самом Зейском районе к тому времени тоже находились спецпереселенцы, но завезённые ранее из Белоруссии⁵². Такого рода «перекрёстные» или «замещающие» депортации вступали в абсурдное противоречие с задачами «спецколонизации», поскольку из районов, требовавших освоения, вывозили обустроенные семьи, а ввозили тех, кто был разорён и должен был в труднейших условиях налаживать жизнь с нуля.

Директивных документов за 1934 г. по направлению раскулаченных дальневосточников в спецссылку нами не выявлено. Однако годовой отчёт о движении трудпоселенцев прямо свидетельствует о поступлении таковых в спецпосёлки ДВК в количестве 4 957 чел. (графа «внутрикраевое переселение»)⁵³. Мы рискнём предположить, что это было продолжение операции предыдущего года, проводившейся с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 августа 1933 г., поэтому упомянутые выше 5 000 семей мы относим к выселенным в течение двух лет — 1933 и 1934. Это вполне возможно и с учётом того, что общее число отправленных в трудпосёлки по региону за два года составляет 15,3 тыс. чел. соответственно в среднем на семью приходилось по 3,1 чел.

Таким образом, мы подошли к определению общих масштабов внутрикраевого переселения репрессированных крестьян. Этот вопрос требует особого внимания не только из-за важности самого параметра для решения нашей научной задачи, но и потому, что в современной историографии сложилась его неадекватная оценка. Дальневосточные историки как итоговую используют цифру крестьянского выселения в ДВК за 1930—1931 гг., составлявшую 2 922 семьи, введённую в научный оборот В.Н. Земсковым ещё в 1990 г.⁵⁴ Она вполне корректна, но только для указанного отрезка времени. К этому обычно добавляется ошибочное утверждение журналиста А.С. Сутурина в его известной книге «Дело краевого масштаба» (1991 г.) о том, что всего на Дальнем Востоке кулаками было признано около 5 тыс. чел., и их насильственно отправили в Казахстан, Иркутскую область, Красноярский

край и на Север⁵⁵. В лучшем случае в современных публикациях указывается, что насильственное выселение крестьян в регионе продолжалось более длительное время⁵⁶.

Проанализированный нами материал позволяет говорить, что на самом деле кампании по выселению репрессированных крестьян на Дальнем Востоке продолжались до 1934 г. включительно.

Следует отметить, что кроме «обычного» механизма направления в спецпосёлки, т.е. по спискам, подготовленным, как правило, партийно-советским руководством данной местности совместно с органами ОГПУ и оформленным в виде постановлений сельских сходов или собраний бедноты, использовалось также и индивидуальные приговоры «тройки» ОГПУ по ДВК. Материалы «Книг Памяти жертв политических репрессий» Амурской и Сахалинской областей содержат ряд таких примеров по 1930—1933 гг. Приговоры, жертвами которых становились не только сельские, но и городские жители, выносились на основании ст. 58 (пункты 2, 6, 10, 11) УК РСФСР с формулировками «выслать в спецпосёлок», «выслать в спецпосёлок с семьей», «выслать в спецпосёлок в порядке кулацкого расселения», и т.п.⁵⁷

Общие и годовые итоги дальневосточной «кулацкой ссылки» отражены в табл.1.

Таблица 1

**Численность дальневосточных крестьян, подвергшихся
принудительному переселению в 1930—1934 гг.**

	1930	1931	1932	1933	1934	Всего
Семей	114	2 808	нет св.	5 000		7 922
Человек	527	14 040	нет св.	10 320	4 957	29 844

Приведённые цифры свидетельствуют, что вначале региональные власти медленно включались в проведение переселенческих операций, не сумев полностью выполнить ни правительственных заданий, ни собственных планов. Но вскоре, получив определённый опыт организации массовых принудительных переселений и «вкусив» выгоду от использования принудительной рабочей силы, они с лихвой перекрыли первоначальные объёмы депортаций. Общее число дальневосточников, подвергшихся «кулацкой ссылке» в 1930, 1931, 1933 и 1934 гг., только по официальным данным, достигло 7,9 тыс. семей, или 29,8 тыс. чел. и оказалось больше, чем планировалось краевым руководством в феврале 1930 г. Однако, принимая во внимание крайне плохой учёт переселяемых крестьян в первые два года «ссылки», а порой и его отсутствие, можно не сомневаться, что реальное число жертв кампании на Дальнем Востоке было ещё больше.

В последующие годы число лиц, обозначенное в отчётах в графе «прибыло в спецпосёлки по внутрикраевому переселению», снизилось на порядок, оно составляло: в 1935 г. — 581 чел. 1936 г. — 412, 1937 г. — 464,

1938 г. — 361, в 1939 и 1940 гг. — не проводилось⁵⁸. Это свидетельствовало о завершении массового переселения «раскулаченных» в регионе и переходе к другим формам принудительных миграций.

2.1.2. Переселение «раскулаченных» крестьян на Дальний Восток из других регионов страны

В 1930-е гг. основными спецпоселенческими районами в стране были Северный край, Урал, Западная Сибирь и Казахстан. В ДВК, расположенном на далёкой окраине страны и имевшем протяжённые государственные границы, было сосредоточено относительно небольшое число спецпереселенцев.

Первые выявленные документы о переброске «раскулаченных» крестьян в ДВК датируются 4—6 мая 1930 г. В них сообщалось о направлении в регион 2 533 семей (15 347 чел.), в том числе из Татарии — 2 000 (10 000), из Средневолжского края (Мордовия) — 350 (3 213), из Белоруссии — 183 семьи (1 787 чел. категории «одиночки особого назначения» — о них подробнее см. ниже), в пути уже находились все намеченные выселенцы из БССР и 650 семей (3310 чел.) из Татарии, всего 833 семьи (5 097 чел.).

В дальнейшем число вселённых планировалось увеличить. В докладе начальника оперативной группы ПП ОГПУ от 6 мая 1930 г. речь шла об ожидавшихся 4,5 тыс. семей, но их прибыло меньше: по состоянию на 20 мая — 2 095 семей (11 556 чел.), на 17 ноября 1930 г. — 2 865 семей (16 087 чел.)⁵⁹.

Взаимоотношения между разными этническими группами спецпоселенцев складывались непросто. В сводке ПП ОГПУ по ДВК от 4 июля 1930 г. «О положении вселённых кулаков» сообщалось: «Между русскими, татарами и чувашами остро развит национальный антагонизм. Бывшие крупные торговцы, муллы, татарские учителя устраиваются обособленно. Остальная часть вселённых относится к ним враждебно. Категорически отказываются с ними жить вместе, предпочитая селиться на чердаках и под открытым небом. (...) В религиозные праздники работать отказываются. Собираются толпами по 100—200 чел. и просят отпустить в церковь. Ходатайствуют о присылке священников на прииск [прииск Целик]»⁶⁰.

На втором этапе «кулацкой ссылки», в марте — апреле 1931 г., в ДВК из Средневолжского края и Центрально-Черноземной области переселили 2970 семей (13 962 чел.). Общие итоги принудительного ввоза крестьян на Дальний Восток к маю 1931 г. года согласно официальному учёту составили 6 766 семей (34 137 чел.) (см. табл. 2). По регионам выхода структура мигрантов была следующей: из Средневолжского края — 30,7%, Татарской АССР — 23,3%, Белорусской ССР — 21,4%, Центрально-Черноземной области — 15,6%, Украинской ССР — 9,0%.

Таблица 2

**Динамика численности «раскулаченных» крестьян,
прибывших в ДВК из других регионов в 1930 — апреле 1931 г.⁶¹**

Регионы выхода	1930 г.		1931 г.		Всего	
	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
ТатАССР	1 614	7 956	—	—	1 614	7 956
БССР	1 561	7 309	—	—	1 561	7 309
УССР*	314	3 084	—	—	314	3 084
СВК	307	1 826	1 873	8 647	2 180	10 473
ЦЧО	—	—	1 097	5 315	1 097	5 315
Итого	3 796	20 175	2 970	13 962	6 766	34 137

Примечание: * — в документе, на основании которого составлена таблица, записано, что 314 семей (3 084 чел.) прибыли из Западносибирского края, на самом же деле это были «одиночки особого назначения» из УССР, проходившие транзитом через ЗСК (см. ниже).

Однако кроме сведений, приведённых в табл. 2, в отдельных документах встречается информация ещё о двух группах депортантов, отправленных в ДВК в первой половине 1931 г.: из Белоруссии — 3 700 семей «особого назначения» (для объединения Цветметзолото), из Ленинградской области — 512 семей (для Дальлеспрома)⁶², в обоих случаях численность людей не указана. Материалы о выселенцах из БССР рассмотрены ниже. Что касается ленинградских семей, то факт их отправки на Дальний Восток подтверждается воспоминаниями бывших спецпоселенцев. А.С. Комзина и В.С. Клопова сообщают, что их родители С.Д. и А.И. Комзины, двое детей и несколько родственников проживали в с. Тучино Псковского района Ленинградской области и занимались крестьянским трудом. В 1931 г. отца арестовали, а всех остальных выслали в Амурскую область. Отец прибыл на спецпоселение в район размещения своей семьи в 1935 г. после четырёх лет лагерей в Мурманской области⁶³. В Амурской областной «Книге Памяти...» среди бывших спецпоселенцев названы и некоторые другие выходцы из Ленинградской области — И.Н. Нилов (прибыл в 1931 г. из с. Поддубки Пушкинского района), П.Ф. Брянцев (1931 г., д. Маклаково Ефимовского района), А.Т. Шепета (год прибытия не указан, с. Заходы Псковского района), Е.В. Петрова (с. Лавровка), Б.А. Варламов (д. Гмырино), А.В. Коротков (с. Филяново)⁶⁴.

По неясным причинам данные о семьях из Белоруссии и Ленинградской области не вошли отдельными строками в дальнейшие итоговые отчёты о спецпереселении 1931 г. Можно предположить, что из-за плохой организации общего учёта они были «потеряны» или «присоединены» к другим группам депортантов. Не исключено также, что вышеназванные цифры были плановыми, в дальнейшем не реализованные в полном объёме. Если же считать, что эти сведения относятся к отдельным и полностью проведён-

ным переселенческим акциям, то общие итоги депортации репрессированных крестьян на Дальний Восток из других регионов существенно изменятся по сравнению с приведёнными в табл. 2 и за 1931 г. составят 7 182 семьи (ориентировочно 30 тыс. чел.), а в сумме за 1930—1931 гг. — 10 978 семей (около 50 тыс. чел.), из них половина — это «кулаки особого назначения» и их семьи (из БССР — 43%, УССР — 6%), 20,5% — выходцы из СВК, 15,6% — ТатАССР, 10,4% — ЦЧО, 4% — Ленинградской области.

«Кулаки-одиночки особого назначения»

Данная категория принудительных мигрантов, «зашифрованная» на языке сталинской бюрократии, требует более подробного освещения. Первыми, кто попал в эту группу, были жители пограничных районов (22-километровой зоны) Украины и Белоруссии, высланные оттуда как «социально опасный элемент» (СОЭ). Собственно с них и начались масштабные государственные акции, в которых обозначился переход от планово-добровольных методов массовых переселений к принудительным, что показали в своих работах П.М. Полян и С.М. Красильников. Согласно их исследованиям постановления о «зачистке» западных границ сначала принимались не на союзном уровне, а республиканскими совнаркомом. В Постановлении СНК Украинской ССР № 20369 от 13 ноября 1929 г. «О переселении социально-опасного элемента из пограничных округов УССР» необходимость данной акции мотивировалась целями «наискорейшего оздоровления хозяйственных условий погранполосы» и «облегчения проведения в ней реконструктивных мероприятий»⁶⁵. В разъяснениях Центра сибирским переселенческим органам говорилось, что эта группа, в основной своей массе состоявшая из бедноты, считалась «опасной» лишь потому, что находилась в приграничной полосе и была связана близкими взаимоотношениями с проживавшими за границей родственниками. Их выселение наметили провести в «добровольном порядке», поэтому все граждане, попавшие в эту категорию, независимо от социального статуса (кулаки, середняки, бедняки), не должны были подвергаться какому-либо особому режиму по сравнению с прочими плановыми мигрантами, более того, их надлежало обеспечить установленными льготами с целью закрепления на новых местах. Однако первые несколько сотен глав семейств, отправленных поздней осенью 1929 г. из Белоруссии в Томский округ для ознакомления с условиями переселения, выразили бурный протест против вселения на неподготовленные таежные земли, и местным властям пришлось задержать их в округе силой⁶⁶. Положение этой категории депортантов в Сибири раскрывает С.М. Красильников в подробных комментариях к публикации документов⁶⁷.

В дальнейшем переселении СОЭ из погранполосы произошёл полный переход к принудительности. Направляли их, как правило, из УССР — в Сибирь⁶⁸, а из БССР — на Дальний Восток и Якутию (на Алдан). Причём первы-

ми были депортированы в основном главы семейств, а поскольку кампания по времени совпала с «кулацкой ссылкой», то, видимо, поэтому в официальной статистике и отчётах выселяемые назывались «кулаками-одиночками особого назначения» либо просто «одиночками особого назначения», а с весны 1931 г., после утверждения дополнительной заявки Цветметзолота на эту рабочую силу — «особой командой» или «особовцами». Все практические вопросы, связанные с их депортацией, курировало ОГПУ.

По данным Транспортного отдела ОГПУ, в мае 1930 г. из Украины в Сибирь было доставлено 14 873 чел. (включая 32 семьи), относившихся к этой категории, а из Белоруссии на Дальний Восток — 1 784 (183). Как следует из служебной переписки руководителей местных ОГПУ, регионы, принявшие мигрантов, иногда беспорядочно «обменивались» ими. Так, в ДВК были отправлены около 2 тыс. украинцев-«одиночек» из Западной Сибири по распоряжению тамошнего полпреда ОГПУ Л.М. Заковского, что вызвало недовольство его коллеги в ДВК Т.Д. Дерибаса, считавшего такие действия «бесконтрольными»⁶⁹.

По прибытии на места депортанты передавались объединению Цветметзолота для работы на приисках. Поначалу люди надеялись, что их отправили на восток лишь на время — «для ликвидации прорывов в золотодобыче». Многие старались хорошо работать, лишь бы скорее выполнить производственную программу. Отмечалась высокая работоспособность вселённых, на некоторых приисках было развито ударничество и соревнование. Но главный лейтмотив всех разговоров сосредоточивался на одном — «когда же отправят домой»⁷⁰. Тоска по семьям усугублялась крайне тяжёлыми условиями труда и быта. Так, на Алдане для «одиночек» был введён лагерный режим, на работу и с работы их водили под конвоем, вся зарплата шла в комендатуру, которая организовывала питание и содержание лагеря. Появилось большое число больных и инвалидов.

Обоснованно опасаясь, что в дальнейшем среди этих работников начнется резкое снижение производительности труда и массовое бегство, органы ОГПУ подняли перед центральной властью вопрос о направлении к «одиночкам особого назначения» их семей «...в целях лучшей приживаемости высланных кулаков (...) на новых местах и предотвращения их бегства обратно в погранполосу УССР и БССР». Зампред ОГПУ С.А. Мессинг в служебной записке секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову от 16 сентября 1930 г. настаивал на принятии быстрого решения, чтобы успеть подготовить помещения для приёма людей. И уже 20 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло соответствующее Постановление «О семьях высланных кулаков» (протокол №10, п.8/16)⁷¹.

На следующий день, 21 сентября, руководство ОГПУ разослало своим аппаратам в Новосибирск, Иркутск, Хабаровск и Алданский округ распоряжение № 44754, в котором сообщало о принятом решении и требовало срочное (к 8 час. 22 сентября) по прямому проводу представить сведения о коли-

честве находившихся в каждом из регионов «одинок», станциях предполагаемой выгрузки семей, местах временного и постоянного их размещения, ориентировочную смету расходов. При этом полпреду ОГПУ по ДВК предлагалось учесть «временное размещение на своей территории 800 семей, ориентировочно 4 тыс. чел., отправляемых на Алдан».

22 сентября ОГПУ послало указание (№13367) и в районы выселения — в аппараты ОГПУ Украины и Белоруссии. Им предлагалось (тоже срочно) проверить местонахождение семей высланных «одинок», обеспечить «...их высылку без эксцессов, для чего вести усиленную работу по изъятию всего активного к/р элемента этих районов и ликвидацию к/р образований», представить план концентрации и отправки выселяемых семей, смету расходов. Специальным пунктом оговаривалось, что семьи должны иметь двухмесячный запас продовольствия, тёплую одежду и обувь, учитывая суровые морозы в местах ссылки. Ориентировочный срок отправки объявлялся на октябрь, но поднимать с мест семьи до получения специального распоряжения не разрешалось.

25 сентября Заковскому и Дерибасу по прямому проводу было передано распоряжение ОГПУ № 44777 о том, что на них возлагается ответственность за приём и временное размещение всех семей, направляемых к «одиночкам». Соответственно «специализация» регионов оставалась прежней: Западная Сибирь должна была принять семьи с Украины, а Дальний Восток — из Белоруссии. Дальнейшее их расселение на постоянное жительство следовало провести после выяснения точного местопребывания глав семейств. Для создания условий временного размещения депортантов в распределительных пунктах Западной Сибири и Дальнего Востока был отдан приказ о немедленном начале строительства бараков, закончить которое необходимо было к 15 ноября, «...постройку бараков (землянок) производить с расчётом, чтобы предотвратить возникновение массовых заболеваний, также исключив случаи обмороживания, замерзаний». На это отправлялся аванс: Заковскому — 300 тыс. руб., Дерибасу — 100 тыс. руб. К 26 октября аванс, переведённый в ДВК, увеличился до 300 тыс. руб., что составляло 1/3 от плана, поскольку общая смета на все расходы (без учёта продовольствия) по приёму семейств в ДВК предварительно исчислялась в объёме 983 787 руб.

Основная тяжесть транзитного устройства семей «особого назначения» легла на Западносибирский край, для руководителей которого они стали дополнительной обузой в рамках общего приёма спецпереселенцев, а для полпредов региональных ОГПУ и «предметом дележа». Заковский, не дожидаясь выяснения адресов пребывания всех «одинок» в других краях, начал делать это в своём регионе, а семьи «не выявленных» решил сразу же эшелонами направлять в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, где, по его сведениям, находились соответственно 6 214 и 2356 глав семейств. О своём намерении он сообщил руководителям ОГПУ этих краёв в телеграмме от 25 сентября и чуть ли не в приказном порядке рекомендовал им

ускорить составление списков, строительство жилья и т.п., на что Дерибас отреагировал весьма болезненно. В телеграмме центральному руководству ОГПУ от 26 сентября он с возмущением писал: «Судя по телеграмме Заковского № 26687, он намерен также бесконтрольно, как засылал в ДВК одиночек, направить и спецпереселенцев по его принципу отбора — семьи всех затерянных, умерших в Сибири и бежавших одиночек будут направлены в ДВК. Я предупредил Заковского, что все спецпереселенцы, направленные в ДВК без предварительной установки глав семьи на месте, будут возвращаться обратно. Настоятельно прошу предложить Заковскому высылать в ДВК семьи только после получения от меня списков, в строгом соответствии Вашей директивы № 44777»⁷². Такое поведение региональных руководителей не было исключением. В документах ОГПУ (май 1930 г.) «как характерный факт» отмечалось «...не только отсутствие всякого желания у работников Сибири и Казахстана принять и расселить выселяемых из других областей кулаков, но и стремление под всяческими предлогами совершенно отказаться от приёма выселяемых кулаков»⁷³.

Перебранка между краевыми полпредами ОГПУ свидетельствовала не только об острых проблемах, связанных с размещением спецпереселенцев, но также о запущенности их учёта. Приказ о быстрой передаче в Центр информации о местонахождении «одиночек особого назначения» выполнить в установленные сроки не удалось. Так же, как и Заковский, Дерибас лишь с получением распоряжения из Центра приступил к составлению списков, обещая выслать их к 29—30 сентября на первую группу (1,2 тыс. чел.), а на остальных — к 10 октября, объясняя это тем, что люди без его ведома засылались в Сибирь.

По данным на начало декабря 1930 г., восточнее Урала размещалось 13 176 чел. «кулаков-одиночек», в том числе в Западной Сибири — 4 895 чел., в Восточной Сибири — 6 211, на Алдане — 557, в ДВК — 1513 чел. Примерно столько же семей должны были выслать для воссоединения с ними.

ГПУ Украины 15 октября информировало Центр о плане вывоза двадцать одним эшелонам 36 104 чел., но из-за отсева и, частично, бегства с 27 октября по 6 ноября семнадцатью эшелонами всего было отправлено 31 504 чел. (10 769 семей). По прибытию эшелонов в пункты назначения обнаружилось громадное расхождение между ожидаемым по карточному учёту и реальным количеством депортантов. Нередки были случаи, когда глава семьи находился в одном регионе, а его семью отправляли в другой. В Сибири выселенцы с Украины концентрировались сначала в двух распределителях — Томском и Иркутском, затем пришлось организовать ещё один — Яйский. В них к 10 декабря 1930 г. поступило 32,2 тыс. чел., а вывезено к месту постоянного жительства 14,6 тыс., из которых 13 510 чел. были расселены в Западной и Восточной Сибири, а 1139 отправлены в ДВК для воссоединения семей. По официальным данным от 5 мая 1931 г., всего в 1930 г.

с Украины в Сибирь было завезено 14,9 тыс. мужчин и 31,5 тыс. членов семей, отнесённых к категории «кулаки особого назначения», из них 485 чел. отправили на Алдан, а 1 828 мужчин и 314 семей (1256 чел.) — на Дальний Восток.

Из Белоруссии наметили вывезти пятью эшелонами 1880 семей, или ориентировочно 9 тыс. чел. При этом начальник Белорусского ГПУ Г.Я. Рапорт решил кроме семей уже высланных «кулаков-одиночек» прихватить также «наиболее мощных в прошлом и настоящем, оставшихся злостных кулаков тыловых округов», в результате «особовцы» стали представлять смешанный контингент — СОЭ и «кулаков». Со значительными задержками выселение из БССР прошло с 12 по 15 ноября, в ДВК было отправлено 5,5 тыс. чел., среди них примерно 800 полных семей вместе с главами⁷⁴.

На Дальнем Востоке прибывавших на постоянное жительство решено было принимать на станциях Тыгда и Михайло-Чесноковская (М. Чесноковская), а тех, кто подлежал в будущем отправке на Алдан, — на ст. Большой Невер (далее - Б. Невер). Временно (до отправки на прииски к главам семейств) белорусских переселенцев разместили в трёх пунктах — спецпоселке Бушуйке (специально организованном с этой целью в 17 км от ст. Б. Невер), пос. Свободном и г. Зее⁷⁵.

Таблица 3

**Прибытие семей «кулаков-одиночек» из БССР в ДВК
на 6 декабря 1930 г. (чел.)⁷⁶**

Станция разгрузки	Всего прибыло	Из них		
		мужчин	Женщин	детей
Юхта — Тыгда	2 196	890	781	520
Б. Невер	3 326	1 475	1 197	654
Итого	5 522	2 365	1 977*	1 180**

Примечания: итогов приводится по источнику, пересчёт итоговой цифры даёт

* — 1978; ** — 1174.

С 30 ноября по 6 декабря из Белоруссии в ДВК прибыло 5 522 чел., в том числе 2 365 муж., 1 977 жён., 1 180 детей (см. табл. 3). В пути с поездов было снято 8 больных (4 муж., 3 жён., 1 реб.), 2 муж. умерли, 11 чел. (9 муж. и 2 жён.) арестованы за попытку к бегству и подстрекательство к этому среди других⁷⁷.

Весной 1931 г. директивные органы утвердили заявку руководства золотоплатиновой промышленности на получение дополнительной рабочей силы из числа «особовцев». 31 марта уполномоченный ЦМЗ Исаев по прямому проводу сообщил председателю правления ЦМЗ Серебровскому о том, что на территории Восточносибирского края «разгружаются» 2 800 семей, на Дальнем Востоке — 3 700, из них на ст. Могоча с направлением на Могочинские прииски — 600, ст. Тыгда (Зейские прииски) — 1000, ст. М.-Чесноковская (Се-

лемджинские прииски) — 300, г. Хабаровск (Нижнеамурские прииски) — 800, ст. Б. Невер с направлением на Алдан — 1000 семей*. Однако, поскольку алданские власти категорически отказывались принимать семьи в полном составе, в апреле 1931 г. в Якутию отправились лишь трудоспособные мужчины, а члены их семей остались на Дальнем Востоке. В сентябре 1931 г. на Алдане работало 3 549 белорусских спецпереселенцев, из которых у 694-х чел. семьи (2 257 чел.) находились в пос. Бушуйке, откуда к 1 января 1932 г. на воссоединение с мужьями и отцами выехали только 1 373 чел.⁷⁸ (см. также разд. 2.1.7.).

Всего в 1930 г. в ДВК было вселено 10 393 чел. (1 875 семьи) категории «кулаков особого назначения», в том числе из БССР — 7 309 (1 561), УССР — 3 084 (314)⁷⁹, а в 1931 г. — предположительно ещё 3 700 белорусских семейств, увеличив их общее число до 5 575, из них около 2 тыс. считалось размещёнными в крае временно.

2.1.3. Общие итоги «кулацкой ссылки» на Дальнем Востоке

На конец августа 1931 г., по официальным данным СПО ОГПУ, общее число отправленных на спецпоселение в ДВК составило 9 697 крестьянских семей (48 903 чел.). Но, как показано выше, предположительно их было больше — только прибывших из других регионов с учётом мигрантов из Белоруссии и Ленинградской области (1931 г.) насчитывалось 10 978 семей (около 50 тыс. чел.). Кроме этого, внутрирегиональной депортацией было охвачено не менее 2 922 семей (14 567 чел.) дальневосточников.

Летом 1932 г. ОГПУ представило в Политбюро план выселения по стране ещё 38 650 семей, из которых 2 200 предназначалось для ДВК (500 — из Татарской АССР, 1 000 — из Западносибирского и 700 — из Восточносибирского краёв)⁸⁰. План был утверждён постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1932 г. (протокол № 98, п.57/33) и СНК СССР от 7 мая (протокол № 65/161/сс). Однако 16 мая того же года Политбюро (протокол №100, п.14), а 19 мая — СНК СССР (пост. № 752/180/сс) отменили свои решения, «предложив ОГПУ отдельные контрреволюционные злостные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста»⁸¹. Исследователи считают, что это произошло в связи с активным возражением председателя ЦИК СССР М. Калинина, через ведомство которого прошло колоссальное количество жалоб, связанных с раскулачиванием и выселением крестьянства. В итоге весной и летом 1932 г. массовые депортации не проводились, а основное внимание уделялось стабилизации системы спецпоселений. Всего по стране за год из мест проживания была принудительно вывезена 71 тыс. чел.⁸²

* Как отмечено выше, сведения о завозе на Дальний Восток этой группы «особовцев» не выделены в итоговой статистике за 1931 г. Поэтому не совсем ясно, отражает ли данное сообщение реальное прибытие людей или только плановое распределение.

В 1932 г. в трудпосёлках Дальнего Востока, согласно годовому отчёту о движении спецпереселенцев, числилось вновь прибывших 4 426 чел., однако не ясно, были ли это крестьяне-дальневосточники или завезённые извне. Вместе с тем были случаи их вывоза из ДВК в другие регионы. Об этом свидетельствует разница в учётных данных между числом прибывших (2 553) и убывших (5 281) по графе «прочие причины», которая составила 2728 чел.⁸³ В.Н. Земсков объясняет, что в этой графе отражалась ведомственная переподчинённость «ссылных кулаков», в частности их передача в систему промышленных наркоматов, при этом сами трудпоселенцы, как правило, нигде не «убывали» и не «прибывали», оставаясь в своих посёлках⁸⁴. В нашем же примере мы видим исключение из этого правила. Возможно, это были члены семей «особовцев», отправленные в конце концов на Алдан на воссоединение с мужьями и отцами.

С окончанием внутрикраевой операции 1933—1934 гг. (см. разд. 2.1.1.) массовые депортации крестьян периода «раскулачивания» на Дальнем Востоке были завершены. Их общие итоги показаны в табл. 4.

Таблица 4

**Общее число раскулаченных крестьян,
направленных в спецпосёлки ДВК в 1930—1934 г.**

Год	Внутри ДВК		Из других регионов		Итого	
	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
1930	114	527	3 796	20 175	3 910	20 702
1931	2 808	14 040	2 970*	13 962*	5 778	28 002
1932	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.	нет св.	4 426
1933	5 000	10 320	нет св.	601	5 000	10 921
1934		4 957	нет св.	128		5 923****
Итого	7 922**	29 844 **	6 766 ***	34 866 **	14 688 **	69 974

Примечание: * — без учёта 3700 семей «особовцев» и 512 семей из Ленинградской области; ** — без учёта 1932 г.; *** — только за 1930—1931 гг.; **** — в указанное число включены также 838 чел., прибывших для воссоединения с семьями (регион выхода не известен).

Согласно подсчётам В.Н. Земскова из общего количества семей, направленных в 1930—1931 гг. в регионы РСФСР, на Дальний Восток попало 2,6%. В 1934 г., когда «кулацкая ссылка» в основном сформировалась и стабилизировалась, в ДВК находилось 4,3% общего количества спецпереселенцев⁸⁵.

В дальнейшем принудительные миграции в СССР продолжались, охватывая кроме «кулаков» и другие категории населения. Но на Дальний Восток вплоть до конца Великой Отечественной войны они практически не направлялись. С 1934 г. в годовых отчётах по ДВК численность лиц, указанных в графе «прибыло из других краёв», сошла почти на нет: 1935 г. — 172 чел., 1936 г. — 42, 1937 г. — 11, 1938 г. — 8, 1939 г. — 39, 1940 г. — 63, первая поло-

вина 1941 г. — 1 чел. Разница между числом прибывших и убывших по графе «прочие причины» также была невелика, к тому же, как правило, не в пользу ДВК: отрицательный результат получился в 1934 (-39), 1935 (-194), 1936 (-442), 1938 (-5), 1939 (-55) гг., и только в 1937 и 1940 гг. — положительный (+ 14 и +47).

Таким образом, состав спецпереселенцев в регионе в 1930-е — первую половину 1940-х гг. был представлен в основном раскулаченными крестьянами и выселенцами из западной погранполосы (СОЭ). Небольшую долю составляли лица, осуждённые на трудпоселение по приговорам судов и органов ОГПУ. В 1939 и начале 1940 г. в Хабаровском крае их насчитывалось 1 475 чел. (6,3% от общей численности спецпоселенцев в крае), в том числе на определённые сроки — 449, без указания сроков — 1 026, из них по составу преступления (используется терминология документа): контрреволюционеры, белогвардейцы, бандиты — 863, деклассированные — 73, нарушители закона о паспортизации — 27, осуждённые за другие преступления — 512. На 1 июля 1940 г. отчетные сведения по Хабаровскому краю были сформулированы несколько иначе: всего осуждённых судами и бывшими органами ОГПУ — 1 490 чел., в том числе высланные в порядке очистки государственной границы — 252 (на срок), 1 238 (без срока), что свидетельствовало о частичном освобождении осуждённых на срок и небольшом пополнении категории «бессрочных». В целом же по стране таких осуждённых на 1 апреля 1939 г. было 21 667 чел. (примерно 2,2% от всего количества спецпоселенцев), в том числе осуждённых на сроки — 5 152, без сроков — 16 515 чел.⁸⁶

Представление об этническом составе спецпоселенцев на Дальнем Востоке дают данные на 1 июня 1940 г., согласно которым в Приморском крае находились семьи: русских — 171, украинцев — 53, поляков — 5, белорусов, немцев, татар и бурят — по одной. В Хабаровском крае: русских — 3 669, украинцев — 1 164, белорусов — 593, татар — 189, мордвы — 84, поляков — 45, немцев — 17, молдаван — 12, финнов — 10, латышей — 6, евреев — 5, корейцев — 2, чехов, китайцев и турок — по одной⁸⁷.

2.1.4. Трудовое использование спецпереселенцев

География расселения крестьян на новых местах была связана с их трудовым использованием в соответствии с политикой т.н. спецколонизации — освоения малообжитых сырьёдобывающих регионов страны с помощью принудительных переселений. В наиболее чётко сформулированном виде эта политика была представлена в известном Постановлении СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», где признавалось необходимым «...максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдалённых, остро нуждающихся в рабочей силе районах; (...) в сельском хозяйстве устраивать лишь

тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах»⁸⁸.

Ко времени принятия постановления практика распределения высланных крестьян по предприятиям соответствующих наркоматов была уже опробована. На Дальнем Востоке в зону действия политики «спецколонизации» попали золото- и лесодобывающие отрасли, которым в период начавшейся индустриализации государство стало уделять особое внимание как валютно-экспортным. В марте — апреле 1930 г. Далькрайисполком специальными документами установил конкретные участки, на которых предполагалось размещение 20 тыс. «внутрикраевых кулаков»:

1) в Зейском округе — на вселение 11 тыс. чел. из Читинского, Сретенского и Зейского округов, в том числе по р. Зее в район с. Дамбуки на участки колонизационного фонда и в районы приисков «Зеязолото» — 5 000 чел., устье р. Норы — 500 чел., по течению р. Селемджи до слияния с р. Норой у с. Стойба — 5 500 чел.

2) в Николаевском-на-Амуре округе — на вселение 9 тыс. чел. из Владивостокского, Амурского и Хабаровского округов (на прииски «Цветметзолота» и лесоразработки «Дальлеса»), в том числе по течению р. Амгуни около с. Керби — 3 000 чел., Верхне-Михайловский район — 6 000 чел.

В документах подчеркивалось, что вселение необходимо было проводить для колонизации заселяемых районов, снабжения приисков и лесоразработок постоянной местной рабочей силой, с развитием в них, в зависимости от почвенных возможностей, огородничества, животноводства, а по рекам — и рыболовства⁸⁹.

Первой в ДВК спецпереселенцев получила золотодобывающая промышленность, у которой в течение предыдущих трёх лет катастрофически рос дефицит рабочей силы. 15 апреля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О привлечении кулаков к работам по золоту на Дальнем Востоке» (протокол №123, п.57), разрешив председателю правления Цветметзолото Серебровскому использовать кулаков на золотых приисках Дальнего Востока, исключая районы Охотского края и Камчатки⁹⁰. Согласно докладу начальника оперативной группы ПП ОГПУ Пузицкого от 6 мая 1930 г., на прииски ДВК планировалось передать 4,5 тыс. раскулаченных семей, в том числе на Сретенские — 1 тыс., Зейские — 1,3 тыс., Селемджинские — 750, Могочинские — 350, Бирско-Сутарские — 350, Нижне-Амурские — 750⁹¹. На практике число принудительных мигрантов в ДВК в 1930 г. оказалось меньшим (см. выше), но все они, как местные, так и прибывшие из других регионов страны, были переданы в распоряжение именно этого ведомства и размещены на участках, подготовленных для внутрикраевого расселения.

24 июня 1930 г. ОГПУ заключило договор с ЦМЗ о передаче выселяемых в ДВК кулаков золотодобывающим предприятиям в качестве *постоянной* рабочей силы⁹². На 22 августа 1930 г. в трёх дальневосточных округах

(Сретенском, Зейском и Николаевском-на-Амуре) числилось 12 650 спецпоселенцев⁹³. Хотя зимой 1930/31 г. 1,5 тыс. «ссылных кулаков» использовали и на лесоразработках, но это считалось их временным занятием, весной их планировалось передать приисковым управлениям ЦМЗ⁹⁴.

В феврале 1931 г. ЦМЗ для выполнения программы года по добыче золота старательским способом запросило для ДВК ещё 10 257 раскулаченных крестьян с устройством их на постоянное жительство в приисковых районах и получило поддержку Наркомзема СССР, ВСНХ, СНК СССР. Вместе с членами семей, по подсчётам ЦМЗ, общее число переселённых должно было составить около 41 тыс. чел.⁹⁵

В это время острые вопросы снабжения рабочей силой золотоплатиновой промышленности уже уверенно решались не только с помощью средств материального стимулирования вольных работников, но и за счёт планового направления принудительных мигрантов. 15 марта 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление (протокол № 29, п. 30/51), в приложении к которому говорилось: «Считать необходимым обеспечить специалистов, работающих в золотоплатиновых районах, продовольствием и промтоварами по нормам не ниже (а в особо отдалённых районах и выше) рабочего снабжения. Поручить т.т. Микояну и Серебровскому установить нормы повышенного снабжения специалистов в зависимости от отдалённости районов, а также создать для этой цели специальный фонд продовольствия и промтоваров. Для использования рабочей силы кулаков и тылового ополчения в золотопромышленных районах Западной и Восточной Сибири, Д. Востока, Якутии и Казахстана предложить комиссии т. Андреева выделить 10 тыс. кулацких семейств по преимуществу из центральных районов СССР, а ОГПУ выделить 3 тыс. тыловых ополченцев из Сибири*. Обязать т.т. Ягоду и Серебровского принять все необходимые меры к отправке, приёму на месте и использованию кулаков и ополченцев, установив в 3-дневный срок районы их отбора и назначения. Отпустить на эту операцию 12 млн руб., из них 6 млн руб. за счёт резервного фонда ВСНХ СССР и 6 млн руб. за счёт резервного фонда СНК СССР»⁹⁶.

Если в 1930 г. Политбюро не решило использовать спецпоселенцев в районе Охотского побережья, то через год такую попытку сделал Совет Труда и Оборона, обязав своим постановлением №183/сс от 23 августа 1931 г. отправить с последним пароходным рейсом навигации в Нагаево 500 чел., преимущественно одиноких, для работы на Колыме. Однако зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягода в письме от 27 августа просил это задание отменить по следующим причинам: «1. Проводившееся расселение кулачества закончено, и все кулаки на договорных началах переданы различным хозяйствен-

* Вскоре решили тылоополченцев заменить «кулацкими» семьями. См.: Политбюро и крестьянство... С. 295.

ным организациям и заняты на работах. 2. Постановлением директивных инстанций массовое выселение кулачества впредь производиться не должно и не будет. Кроме того, по имеющимся в ОГПУ данным, на приисках Цветметзолота на Колыме (Нагаево) совершенно нет жилищ, продовольствие не завезено, и в случае посылки туда спецпереселенцев таковые обречены на вымирание»⁹⁷. В последующие годы вплоть до середины 1940-х гг. спецпоселенцев на Колыме не было.

На втором этапе раскулачивания при выявлении перспективных мест спецколонизации на Дальнем Востоке было обращено внимание не только на золотоносные районы, но и на лесные массивы, так как лесная промышленность региона также остро нуждалась в рабочих руках. Ещё в 1927—1929 гг. в тресте Дальлес заявляли, что они подошли к рубежу максимального использования местных трудовых ресурсов. Дефицит рабочей силы в этой отрасли, по подсчётам дальневосточного крайисполкома, составлял 60%⁹⁸. В ориентировочной справке Особого отдела ОГПУ о районах размещения спецпереселенцев от 3 февраля 1931 г. раздел по ДВК гласил: «*Хорское лесничество. Совершенно не освоенное. Население редкое. Лесоразработки. Особенно ценная порода: кедр около 50%. Обеспечен круглогодовой цикл работы. Целесообразна организация промышленного хозяйства. Работы хватит на ряд лет — 4 000 [семейств]. Бассейны рек Зеи, Селемджи, Биры. Районы Магоча, Н.-Амурский. Малоосвоенные районы. Золотопромышленность, связанная в своём развитии недостатком в рабсиле. Рыболовство, охота, подсобное огородничество — 2 500 [семейств]*»⁹⁹ (*курсивом выделено в документе. — Е.Ч.*).

В соответствии с этим принудительных мигрантов стали направлять не только в золотодобывающую, но и в лесную промышленность. Масштабы этого процесса в довоенный период иллюстрируют следующие цифры (число спецпереселенцев, переданных предприятиям, по состоянию на первую половину года):

1931 г.: Цветметзолото — 11 904 чел. (2 429 семей), Дальлеспром — 1 530 (338), Транслеспром — 528 (203), всего — 13 962 чел. или 2 970 семей.

1934 г.: Амурзолото — 20 519 чел., Приморзолото — 6 724, Среднеамурлес — 10 151, лесной отдел Уссурийской железной дороги — 3 861, Дальдревтранс — 2 385, всего — 43 640 чел.

1941 г.: Амурзолото — 10 211 чел., Приморзолото — 9 857, Хабаровсклес — 6 524¹⁰⁰.

Кроме того, спецпоселенцев в случае необходимости переводили и в другие отрасли. Так, в 1940 г. на строительство нефтепровода, который шёл с о-ва Сахалин на материк под проливом Невельского (стройка № 15), по решению правительства и на основании указания ГУЛАГа НКВД СССР № 27/7484 от 14 августа 1940 г. из трестов Хабаровсклес и Приморзолото было передано 647 чел., в том числе из Троицкого ЛПХ — 288, Нижне-Тамбовского

ЛПХ — 60, Удыль-Лимурийского РПУ — 44, Кизинского ЛПХ — 200, Мариинской спецкомендатуры — 55 чел.¹⁰¹

В среднем 85—60% трудпоселенцев на Дальнем Востоке находилось в распоряжении золотодобывающих предприятий, 15—30% — лесозаготовительных и только 10—11% было привлечено к развитию сельскохозяйственного производства. В этом проявилась специфика дальневосточного региона, где сосланные крестьяне практически сразу же были «раскрестьянены».

Во многих других местах (Сибирь, Северный край, Урал) производственная деятельность депортированных в начальный период спецсылки имела сельскохозяйственную или лесозаготовительную специализацию. В 1935 г. всего по стране в сельском хозяйстве было занято 42,7% спецпереселенцев, в 1941 г. — 33,6%¹⁰². С годами их все более стали использовать в добывающей промышленности, строительстве и некоторых других отраслях. Как справедливо отметил С.А. Красильников, «сталинский режим превратил репрессированных крестьян в универсальную рабочую силу»¹⁰³.

Развитие сельского хозяйства в спецпосёлках Дальнего Востока тормозилось по ряду причин, главной из которых можно считать повышенный спрос на промышленную рабочую силу. Были и другие факторы организационно-технического характера. По постановлению СНК СССР от 16 августа 1931 г. подготовка земельных фондов для спецпереселенческих совхозов и неуставных артелей и сельскохозяйственное устройство этих спецпереселенцев возлагалось на Наркомзем СССР и наркомземы союзных республик. Однако в большинстве краёв и областей РСФСР, включая ДВК, местные земельные органы не уделяли необходимого внимания этой работе. Особенно слабо спецпереселенческие хозяйства были обеспечены агро-, зоо- и ветобслуживанием. В мае 1932 г. они имели только 40% необходимого сельхозинвентаря¹⁰⁴.

Большие сложности для развития аграрного производства в районах приисков и лесоразработок, где в основном сконцентрировали раскулаченных крестьян, создавала и природная среда. В докладной записке И.В. Сталину «О выполнении решений ЦК ВКП(б) об устройстве спецпереселенцев» от 4 января 1932 г. Г.Г. Ягода писал: «...Специфические особенности мест расселения спецпереселенцев на Дальнем Востоке (тайга, сильная заболоченность) не дают достаточных стимулов для развития там сельского хозяйства. Сельскохозяйственное освоение на Дальнем Востоке в 1932 г. возможно как максимум в пределах до 1/10 га на семью спецпереселенцев. Весной 1932 г. они в основном должны будут заняться работами по улучшению и подготовке земфондов (раскорчёвка, осушка, обводнение и дорожные работы). Приступлено к заготовке лошадей и коров»¹⁰⁵.

В 1934 г. в спецпосёлках ДВК работала 21 неуставная сельхозартель¹⁰⁶ (см. прил. 7). К началу 1938 г. трудпоселенцы освоили 19 757 га земель,

подняли 320 га целинных земель, раскорчевали и расчистили от кустарников и мелкого леса 9 279 га, содержали 1 093 головы рабочего скота, 6 064 крупного рогатого скота, 7 157 свиней, 379 коз и овец. С 1935 г., согласно постановлению СНК СССР, сельхозартели спецпереселенцев привлекались к обязательным поставкам государству зерна, мяса, молока и др. продуктов по нормам единоличников этих районов. В 1938—1939 гг. эти неуставные артели переводились на устав в соответствии с постановлением СНК СССР от 9 сентября 1938 г.¹⁰⁷

В Хабаровском крае на заседании бюро крайкома ВКП(б) 20 мая 1939 г. (протокол № 7, п.1.) решение о таком переводе было принято в отношении шести артелей — в посёлках Экимчан Селемджино-Буреинского района, Кербинского района, Тулуйн Кур-Урмийского района, на приисках «Майский» Мазановского района, «Сомнительный» Ульчского района, «Колчан» Нижне-Амурского района. Для них вводился правовой режим, установленный уставом сельхозартелей, за исключением права свободного проживания трудпоселенцев вне трудпосёлков. Секретарям обкомов и райкомов ВКП(б), начальнику и местным органам УНКВД поручалось обеспечить проведение выборов руководящих органов артели из числа проверенных работников района и других необходимых мероприятий¹⁰⁸.

В Приморье на ходатайство о переводе на колхозный устав единственной Сидатунской сельхозартели трудпоселенцев (организована в 1934 г.) Уссурийский облисполком 2 ноября 1940 г. ответил отказом. Он предложил Иманскому Золотопродснабу на землях артели организовать овощекартофельный совхоз. Руководство Владлага НКВД вынуждено было вмешаться и приостановить это решение, так как считало Сидатунскую сельскохозяйственную артель перспективным предприятием, которое не только обеспечивало овощами свои 43 семейных хозяйства, но и сдавало продукцию Иманскому Золотопродснабу. Из урожая 1940 г. было сдано 200 т картофеля, 50 т капусты, 30 т огурцов, 12 т помидоров, 17—18 т свёклы и моркови, 4 т лука. Сами артельщики получили на трудодень по 5 р. 30 коп. деньгами и натурой — картофеля по 4 кг, зерновых — по 1 кг 170 г. У некоторых трудпоселенцев было выработано за год по 500 трудодней. Однако при заключении нового договора на 1941 г. Золотопродснаб намеревался снять со своего снабжения членов сельхозартели как не работавших непосредственно в золотопромышленности. В конце концов, артель осталась и была переведена на колхозный устав решением Приморского крайисполкома № 214 от 15 марта 1941 г. К этому времени её общий земельный массив охватывал 320,52 га, в том числе пашня — 149 га, огороды — 11 га, сенокосы — 160 га. Пахотные земли засевались преимущественно огородными и частично зерновыми культурами. Валовой доход за 1940 г. составил 29 532 руб. 90 коп.¹⁰⁹

Экономическая мощь трудпоселенческих колхозов Хабаровского края (включая Амурскую область) в 1941 г. характеризовалась следующими показателями: посевная площадь зерновых — 698 га, овощей — 984 га, рогатого скота — 965, лошадей — 262, свиней — 541, птицы — 1 270, пчелоульев — 598, тракторов — 13, автомашин — 1, скотных дворов — 23, овощехранилищ — 16, сельхозмашин — 7, электростанций — 1, кирпичных заводов — 1. В колхозе «Победа» Нижне-Амурской области на 1 трудодень получали овощей — 200 г, рыбы — 160 г, сена — 3,2 г, наличными — 7 руб. 54 коп.¹¹⁰

В начале 1940-х гг. на Дальнем Востоке в системе трудпоселений насчитывалось 13 колхозов и 3 кустарно-промысловых артели (пошивочная, сапожная, парикмахерская), из них по одному колхозу находилось в Приморском крае и Амурской области, остальные — в территориальных границах современного Хабаровского края, включая тогдашнюю Нижне-Амурскую область (см. табл. 5).

Таблица 5

Дислокация колхозов и кустарно-промысловых артелей трудпоселенцев на Дальнем Востоке в первой половине 1941 г.¹¹¹

Комендатура	Область, край	Колхозы	В них		Куст.-пром. артели	В них	
			семей	чел.		чел.	семей
Мазановская	Амурская область	2	119	556	—	—	—
Мариинская	Н-Амурская область	1	71	323	—	—	—
Удиль-Лимурийская	Н-Амурская область	3	100	474	—	—	—
Колчанская	Н-Амурская область	1	33	159	1	150	223
Кербинская	Н-Амурская область	2	117	493	1	10	39
Троицкая	Хабаровский край	2	120	633	1	4	23
Инская	Хабаровский край	1	21	128	—	—	—
Сидатунская	Приморский край	1	43	235	—	—	—
Всего		13	624	3001	3	164	285

Принудительный труд стал одним из основных показателей правовой дискриминации спецпоселенцев наряду с принудительным переселением и лишением гражданских прав. Пункт об обязанности всех трудоспособных жителей спецпосёлков заниматься «общественно-полезным трудом» был

первым во «Временном положении ОГПУ о правах и обязанностях спецпереселенцев ...» от 25 октября 1931 г., правом выбора места и характера работы наделялись надзорные органы ОГПУ. За отказ от работы коменданты могли применять меры воздействия, в том числе подвергать аресту до 10 суток, денежному штрафу до 10 руб. или переводить на другие, менее удобные или хуже оплачиваемые работы. Полностью освободить от работы могла только спецкомендатура, в необходимых случаях — по заключению врачебных комиссий. Положение декларировало равные права спецпереселенцев с вольнонаёмными работниками в вопросах оплаты труда и снабжения продовольствием и товарами, но последующие директивы и практика перечеркивали эту декларацию — решение данных вопросов зачастую определялось произволом местных хозяйственных и административных структур (см. ниже). Ещё одной дискриминационной мерой было удержание из заработка «ссылных крестьян» расходов, связанных с административным обслуживанием (в разные годы они составляли 25, 15 и 5%).

В качестве психологического стимула к производительному труду «добросовестно работавшим» спецпереселенцам было обещано «право на полное восстановление во всех гражданских правах через 5 лет со дня переселения»¹¹². Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О льготах для работников золотопромышленности» от 10 июля 1932 г. (прот. № 107, п. 30.) крайисполкомам и облисполкомам разрешалось «...восстанавливать в правах и до истечения пятилетнего срока тех спецпереселенцев, которые проработали на приисках три года и по отзывам администрации приисков выделяются своей работой и перевыполняют заданные нормы выработки»¹¹³.

Перед спецкомендатурами и производственниками ставились две основные задачи — добиться максимального процента трудоиспользования населения, проживавшего в районе предприятий (включая женщин, подростков и даже «ограниченно трудоспособных» — см. табл. 6), и максимально увеличивать производительность их труда. Среди спецпереселенцев, как правило, было около половины трудоспособных, из них работало 65—90%. На 8 апреля 1932 г. из 28 746 чел., переданных Дальцветметзолоту, было 14 270 трудоспособных, из которых занято на производстве 12 503, не использовалось — 1 767¹¹⁵; на 1 января 1938 г. из всех 43 142 чел., состоявших на учёте по Дальнему Востоку соответственно — 19 560, 15 447 и 4 113 чел.; на 1 января 1941 г. по Хабаровскому краю — 25 439, 13 651 и 4 480¹¹⁶. К последней группе в основном относились женщины, имевшие малолетних детей. В зимний период частой причиной невыхода на работу было отсутствие тёплой одежды и обуви. На золотых приисках зимой женский труд почти не применялся, так как промерзлая земля на старательских работах требовала большую физическую силу. Подростки большей частью (если в семье были взрослые трудоспособные люди) работали сезонно. Так, по данным Сидатунской комендатуры Приморского края, осенью 1940 г. они учились в школе, а уже в первом квартале 1941 г. все вышли на работы¹¹⁷.

Таблица 6

**Сведения о трудовом использовании спецпоселенцев
на Дальнем Востоке в первом квартале 1941 г.¹¹⁴**

	Хабаровский край		Приморский край	
	чел.	% от числа трудо- способных	чел.	% от числа трудо- способных
Всего расселено	25 439		1 005	
из них: а) трудоспособных				
всего	13 651		557	
в т.ч. мужчин	6 868		300	
женщин	5 355		245	
подростков	1428		12	
из них занято на работах				
всего	9 171	67,2	415	74,5
в т.ч. мужчин	6 465	94,1	300	100
женщин	2 502	46,7	103	42,0
подростков	204	14,3	12	100
б) ограниченно трудоспособных				
всего	3 431		—	
в т.ч. мужчин	631		—	
женщин	2 800		—	
из них занято на работах				
всего	342	10,0	—	
в т.ч. мужчин	217	34,4	—	
женщин	125	4,5	—	

Помимо принуждения «сверху» тяжёлым трудом на приисках и лесозаготовках спецпереселенцев заставляла заниматься и собственная «нужда» — другой возможности зарабатывать средства на жизнь и содержание семей в местах вселения, как правило, не было. К тому же для работавших существовали более высокие нормы снабжения продуктами питания. В связи с этим особенно тяжело приходилось многодетным и семьям, не имевшим трудоспособных мужчин.

Сосланные крестьяне прошли через ужасы адаптации к новым условиям как в быту, так и на производстве. Хозяйственные руководители относились к ним грубо, нередко давали худшие участки работы и очень высокие нормы выработки. Например, на некоторых приисках Зейского округа

в 1930 г., где не было мерзлоты, рабочий должен был выработать 8 кубометров грунта, а на мерзлоте и сыпучих почвах — 4 кубометра. По словам старых приисковых рабочих, такая норма никогда не вырабатывалась. Люди, ранее совершенно не знакомые с подобным трудом, не достигали и четверти этой нормы, в связи с чем и заработок одного человека не превышал 1 руб. 20 коп. в день, а зачастую бывал от 40 до 75 коп. Постепенно по мере адаптации и приобретения опыта производительность труда «ссылных кулаков» стала повышаться, а нормы перевыполняться, чему, несомненно, способствовали как вышеназванные меры «психологического стимулирования», так и необходимость отчислять проценты от заработка на содержание администрации спецпосёлков, а значит, работать больше, чтобы приблизиться по доходам к «вольным работникам».

Средняя зарплата на предприятиях ЦМЗ составляла от 56 до 100 руб., в начале 1940-х гг. — до 360 руб. в месяц, в лесной — до 430 руб., в кустарно-промысловой артели — от 375 до 400 руб. Нередко отмечалось, что спецпоселенцы работают значительно лучше, чем вольные рабочие. Среди них появились ударники, стахановцы и бригады, выполнявшие нормы до 200% и более. Например, в Хабаровском крае в 1940 г. было 925 стахановцев и 595 ударников. В первом полугодии 1941 г. заработок некоторых стахановцев — лесозаготовителей — достигал 1 500 руб., грамотами и подарками был премирован 91 чел.

Накануне войны на спецпереселенцев распространялись действия постановлений СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. (о трудовой дисциплине) и Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 г. (о восьмичасовом рабочем дне, семидневной рабочей неделе и запрещении самовольного ухода с предприятий и учреждений). В 1940 — первой половине 1941 г. по Указу от 26 июня 1940 г. к уголовной ответственности в Хабаровском крае были привлечены 126 трудпоселенцев, в Приморском крае во второй половине 1940 г. — 2 чел., из них один — на 3 мес., второй — на 6 мес. исправительно-трудовых работ¹¹⁸.

В целом материалы Дальнего Востока подтверждают выводы наших коллег по другим регионам о превращении сосланных крестьян в подневольную универсальную мобильную рабочую силу, брошенную на освоение труднодоступных зон страны в эпоху форсированной индустриализации.

2.1.5. Организация и дислокация спецпосёлков

В первый год «кулацкой ссылки» координацией действий по переселению и транспортировке людей ведали органы ОГПУ, а вопросами устройства на местах — региональные власти. Предприятия, которые использовали спецпереселенцев в качестве своей рабочей силы, обязаны были создать необходимые условия труда и быта. Однако ни хозяйственники, ни местные

власти не были готовы к этому, что вынуждены были признать и центральные руководящие органы. По предложению комиссии А.А. Андреева, считавшей использование рабочей силы спецпереселенцев «безобразным», а содержание «беспорядочным»¹¹⁹, было принято Постановление ЦК ВКП(б) от 20 мая 1931 г., которое санкционировало передачу спецпереселенцев под начало ОГПУ. В постановлении отмечалось, что положение расселённого кулачества в 1930 и 1931 гг. оказалось «абсолютно нетерпимым (...) вследствие отсутствия минимальных забот о них со стороны местных советских органов и хозяйственных организаций, использующих их труд»¹²⁰. Решение ЦК ВКП(б) было проведено и как Постановление СНК СССР от 1 июля 1931 г., которым хозяйственное и административное устройство крестьян, их использование в местах принудительного расселения было возложено на ОГПУ, по меткому выражению итальянского историка А. Грациози, «для того, чтобы остановить гуманитарную катастрофу»¹²¹.

Специальные (трудовые) поселения ГУЛАГа были организованы согласно постановлениям СНК СССР от 16 августа 1931 г. № 174с, 20 апреля 1933 г. № 775/146с и 21 августа 1933 г. № 1796/393с. В Центре с июля 1931 г. непосредственное руководство надзором, устройством, хозяйственно-бытовым обслуживанием и трудоиспользованием высланных осуществлял специальный отдел ГУЛАГа ОГПУ/НКВД¹²² (1931—1934 гг. — Отдел по спецпоселениям, 1934—1940 гг. — Отдел трудовых поселений, 1940—1941 гг. — Управление исправительно-трудовых колоний и трудовых поселений ГУЛАГа). В качестве рабочей силы спецпоселенцы передавались предприятиям на основании заключённых с ними договоров.

Соответствующие структуры создавались и в регионах: в Уральской области, Северном и Восточносибирском краях, Казахстане — отделы по спецпереселенцам в полпредствах ОГПУ, в Ленинградском военном округе, Нижегородском крае и Якутской АССР — инспекции по спецпереселенцам, в Западной Сибири и ДВК работа возлагалась на управления лагерей ОГПУ с необходимым увеличением штатов¹²³. На Дальнем Востоке спецпосёлки вошли в подчинение Управления Дальлага ОГПУ (с 1934 г. — НКВД). Всеми режимными вопросами на низовом уровне ведали спецкомендатуры при райотделах ОГПУ/НКВД.

Первые трудпосёлки в ДВК были организованы в районах золотодобычи: в Джалиндо-Урканском районе — на приисках Соловьёвский, Уркан, Стрелка, Желтулак, Яныр, Курбатовский, в Зейском районе — в смотрительствах Могодском, Курбатовском, Уния-Бомском, Берчанском, Сугджарском, пос. Знаменском, г. Зее (совр. Амурская область), в Верхне-Буреинском районе — близ рудника Умальта (Хабаровский край) и др.¹²⁴ Лесозаготовительные предприятия, где использовался массовый труд принудительных мигрантов, располагались в Оборском, Хорском, Кур-Урмийском, Троицком, Тамбовском районах. Осенью 1931 г. 48,9 тыс. спецпереселенцев, находившихся на Дальнем Востоке, распределялись примерно поровну между Хаба-

ровским краем и Амурской областью (в совр. границах)¹²⁵. С 1934 г. их стали отправлять и на север Приморья, где для контроля над ними была организована Сидатунская (Сидатун — совр. пос. Мельничное) райкомендатура, а в составе Приморского УНКВД создана инспекция трудовых и специальных поселений¹²⁶.

Согласно директивам Центра посёлки, в каждом из которых могли проживать не более 100 семей (500 чел.), располагались не ближе 10 км друг от друга. Они управлялись комендантами с помощью 2—5 стрелков специальной охраны¹²⁷. В документах нередко отмечался неудовлетворительный качественный состав комендантов. Большинство из них были малограмотными, наблюдались случаи пьянства. По этой причине, например, в Хабаровском крае в 1940 г. было уволено 3 поселковых коменданта и 2 подлежали замене как не справившиеся с работой¹²⁸.

В 1932 г. поселения стали укрупнять (до 1 000 чел и более), но оставалось также и много мелких, поэтому в 1938 г. в ДВК в среднем на посёлок приходилось по 229 жителей¹²⁹. Большинство из сёл строились с «нуля» специально для сосланных кулаков, но частично людей размещали в уже существовавших населённых пунктах и даже подсаляли в дома к местным жителям. В некоторых случаях использовались дома и сёла, освободившиеся в связи с прокатившимися репрессиями. Таким, например, было с. Улунга (совр. пос. Охотничий) на севере Приморья, где в 1932 г. было подавлено крестьянское восстание. Около 250 его участников в 1933 г. отправили в заключение, а семьи повстанцев выслали на Амур. В свою очередь, зимой 1933—34 г. в опустевшую Улунгу направили спецпереселенцев с Амура¹³⁰.

В Хабаровском крае сосланные крестьяне в основном размещались в спецпосёлках. Но в Селемджинском районе Амурской области в большинстве из 23 таких поселений проживало лишь по четыре семьи спецпереселенцев и по 40—50 вольных граждан. В 1940 г. вне трудпосёлков временно находилось 98 чел., в том числе 71 — в Хабаровске на строительстве дома НКВД и в Ушосдоре НКВД на дорожном строительстве и 27 чел. — в подсобном хозяйстве Благовещенского УНКВД. В Приморье все спецпереселенцы размещались в обычных приисковых посёлках среди вольного населения¹³¹. В трудпосёлки не запрещалось приезжать и свободным гражданам для воссоединения с семьями. В ДВК в 1934—1938 гг. таковых насчитывалось 2 138 чел. Они сохраняли свой «свободный» статус и могли в любое время уехать¹³².

В 1934 г. с окончанием массового притока раскулаченных система трудовых поселений на Дальнем Востоке в основном была сформирована: на территории нынешних Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв в ведении Управления Дальлага находилось 17 спецпереселенческих районов со 127 спецпосёлками, из которых на Амурзолото приходилось 70, Приморзолото — 26, Среднеамурлес — 23, лесной отдел Усурийской железной дороги — 5, Дальдревтранс — 3¹³³. К 1938 г. посёлков стало 128¹³⁴. В это вре-

мя Отдел трудовых поселений УНКВД ДВК состоял из 96 штатных единиц, в т.ч. — 34 милиции, на их содержание было затрачено 1 208,5 тыс. руб.¹³⁵

Хозяйственные организации неоднократно перемещали трудпоселенцев из одного населенного пункта в другой, если того требовала «производственная необходимость» (см. прил. 6—8). Такие «переброски», означавшие вторичное или даже большее число раз переселение, могли охватывать как небольшие партии людей, так и более крупные. Так, во время закладки Комсомольска-на-Амуре Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О развитии Амурского судостроительного завода» от 13 ноября 1932 г. (прил. к протоколу № 122, п. 11) ОГПУ было предложено «под личную ответственность т. Менжинского обеспечить переброской с февраля по июль 1933 г. на площадку строительства Дальпромстроя 10 000 спецпереселенцев рабочих (без учёта семей)». Но, видимо, такая задача оказалась трудновыполнимой, поскольку 25 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) внесло изменение в своё прежнее постановление, уменьшив число «перебрасываемых» людей до 5 тыс. чел.¹³⁶

Как правило, такого рода перемещения людей не затрагивали систему размещения трудпоселений в целом. Однако административные изменения, проводившиеся в регионе в 1930-е гг., вносили свои коррективы в территориальную подчинённость районов и посёлков. В 1930 г. из состава ДВК были выведены Сретенский и Читинский округа, а в 1937 г. — Зейская область (была образована в 1934 г.). Это привело к уменьшению числа спецпосёлков и соответственно их жителей, находившихся в ведомстве дальневосточных подразделений ГУЛАГа. К сожалению, нами не найдено прямых документальных свидетельств о бюрократических процедурах в связи с этой переподчинённостью, но косвенные данные убедительно говорят о том, что она была проведена в 1938 г. (см. разд. 2.1.6.). Вместе с Зейской областью из ДВК «ушли» приисковые спецпереселенческие районы — Желтулакский, Зейский, Могочинский, Тыгдинский и др.

Если в данном случае сами спецпереселенцы остались на месте, «поменяв» лишь свои надзорные органы, то к концу десятилетия в регионе были проведены их реальные территориальные перемещения, связанные с превентивной «социальной чисткой» приграничных районов страны, осуществлявшейся в условиях обострения международной обстановки и нарастания военной угрозы¹³⁷. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР, рассматривая 1 февраля 1938 г. «Вопрос НКВД по Дальнему Востоку», приняли Постановление, один из разделов которого назывался «О запретной пограничной зоне и пограничном режиме» (подробнее см. разд. 3.5.). В нём руководство страны поручало Народному Комиссариату внутренних дел разработать план выселения из пограничной зоны «антисоветского и неблагонадёжного элемента»¹³⁸, к которому не могли не причислить и трудпоселенцев. В справке Отдела трудовых поселений ГУЛАГа «О состоянии трудовых поселений» (1938 г.) говорилось: «Врагами народа умышленно дислоцировались трудпосёлки в погранрайонах с целью создания в них контрреволюционных и

повстанческих организаций, что было вскрыто следствием по делу контрреволюционной организации на ДВК*. В трудпосёлки засылались лица, осуждённые по контрреволюционным статьям к лишению свободы, высланные из погранполосы и по паспортизации (на срок и без срока), высланные как деклассированный элемент»¹³⁹.

В это время на Дальнем Востоке в пределах 100 км от границы располагались 43 трудпосёлка с 12 988 жителями (некоторые посёлки — в 12 — 20 км от границы)¹⁴⁰. Однако в 1938 г. вывоз трудпоселенцев из пограничной зоны не был осуществлён. Лишь 29 сентября 1938 г. НКВД СССР шифротелеграммой № 1818 дал распоряжение начальникам УНКВД по ДВК, Красноярскому, Алтайскому краям, Иркутской, Мурманской, Ленинградской областям и НКВД Казахской, Таджикской ССР и Бурят-Монгольской АССР представить соображения о переселении трудпоселенцев из пограничных районов внутрь краёв и областей. На основании этих сведений НКВД рассчитывал получить разрешение на проведение массовых операций по выселению. 27 февраля 1939 г. наркомат внутренних дел шифротелеграммой № 64501 просил краевые управления ускорить исполнение поручения¹⁴¹.

Однако эта задача вступила в противоречие с принятыми на завершающей стадии Большого Террора постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. и приказом НКВД СССР №00762 от 26 ноября 1938 г., запротивившими массовые депортационные операции. Выселение из погранполосы допускалось в каждом отдельном случае с разрешения СНК СССР и ЦК ВКП(б) по специальному представлению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР¹⁴². Поэтому в кабинетах НКВД возникла некоторая заминка, и потребовалось дополнительное принятие решений.

Начальник ОТП ГУЛАГа НКВД СССР А.В. Тишков в служебной записке заместителю наркома внутренних дел В.В. Чернышову от 23 февраля 1939 г., упоминая о постановлении от 17 ноября 1938 г., писал: «...В процессе работы Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД возникает необходимость переселения трудпоселенцев из одних областей или районов в другие. Необходимость эта вызывается рядом причин, как то: отсутствие производственной базы и условий для их дальнейшей работы (...), очищение погранполосы и некоторых промышленных городов (посёлки на берегу Японского и Охотского морей, посёлки у Маньчжурской границы, город Игарка и т.д.). Прошу Ваших указаний». Резолюция на документе гласила: «Всякое такое переселение ставить на решение наркома. Постановление ЦК и СНК действует и на эти

* На самом деле известно, что уголовно-следственные дела данного периода были сплошь сфальсифицированными. Организация же спецпосёлков в погранрайонах, как показано выше, была вызвана необходимостью обеспечить рабочими руками расположенные там золотодобывающие и лесозаготовительные предприятия.

случаи. (...) Подобрать вопросы, которые ставят перед нами места о переселении, рассмотреть и при необходимости по каждому случаю — наркомун». В марте проблема обсуждалась на уровне Л.П. Берии и В.В. Чернышова¹⁴³ и затем была вынесена на Политбюро ЦК ВКП(б), которое 28 марта 1939 г. приняло Постановление «О спецпереселенцах Хабаровского края» (протокол № 1, п. 74): «1. Разрешить Наркомвнуделу всех спецпереселенцев, живущих в пограничных районах Хабаровского края, переселить в тыловые районы этого края. Хозяйственное устройство спецпереселенцев в местах нового расселения возложить на Дальлес и Примзолото. 2. Наркомвнуделу к 1 мая представить в Совнарком Союза ССР смету на расходы, связанные с переселением»¹⁴⁴.

В Хабаровском крае вопросы «О спецпереселенцах» и «О мероприятиях по переселению спецпереселенцев» были заслушаны на заседаниях бюро крайкома ВКП(б) 20 и 29 мая того же года. Было решено переселение провести с 10 июня по 15 июля. Судя по тексту постановления, основная тяжесть «зачистки» легла на Оборский район, специализировавшийся на заготовке леса. В числе переселённых оказались также сельхозартели «Возрождение», «Новый путь», «Коллективный труд». Руководству края и Дальдревтранса поручалось разработать мероприятия, обеспечивавшие бесперебойность работы леспромхозов, откуда изымали рабочую силу¹⁴⁵.

«Зачистка» погранполосы охватила 2 924 семьи (13 104 чел.) трудпоселенцев, т.е. половину находившихся на Дальнем Востоке: из приграничных районов Хабаровской области* их отправили в Нанайский и Комсомольский районы, а из Нижне-Амурской области — в Ульчский и Кербинский районы. На старом месте остались посевы, хозяйственные постройки, скот, освобонилось 726 личных и 14 многоквартирных домов. Дома, посевные площади, земельные участки, скот, инвентарь передавались Переселенческому отделу оргкомитета Верховного Совета РСФСР по Хабаровскому краю, предприятиям Хабаровсклеса и Приморзолота для вселения вольной рабочей силы и демобилизованных красноармейцев, Военному Совету 2-й ОКА — для нужд армии, Хабаровскому краевому управлению НКВД — для передачи детской исправительной колонии¹⁴⁶.

В число таких вторично переселённых попала и семья Р.Ф. Гаврилова, находившаяся в пос. Кедраче Оборской ветки. Он вспоминает: на сборы жителям дали три дня, затем вместе со скарбом и живностью погрузили в «телячьи» вагоны и отправили на Амур, а там — на баржах в Ульчский район, где на берегу оз. Кизи находились леспромхоз и несколько посёлков — Мариинское, Санники, Гусиный и др. Одну группу семей из этой партии отправили ещё дальше — на прииски, перегружая на буксиры, затем на автомашины и, наконец, на запрежжённые лошадьми волокуши. Более двух суток люди не

* Хабаровская область входила в состав Хабаровского края с 22 июня 1934 г. по 26 мая 1939 г.

спали и еле двигались от усталости. Конечным пунктом был небольшой пос. Дин-Биран Удыльской спецкомендатуры¹⁴⁷.

В результате переселения число трудпосёлков Хабаровского края сократилось со 105 (на 01.01.1939 г.) до 34 (на 01.01.1940 г.). В Приморском крае трудпоселенцы в этот период проживали в трёх посёлках. В 1940 г. сеть спецпоселений выросла до 66. В частности, в связи с выделением людей на строительство № 15 было организовано три новых поселковых комендатуры — М. Лазарева, Софийское и Де-Кастри. В первой половине 1941 г. руководство УНКВД края внесло уточнение: как оказалось, поселковые комендатуры считали одним посёлком пункты, расположенные друг от друга на расстоянии от 3 до 15 км, поэтому число трудпосёлков в Хабаровском крае было принято за 81, а в Приморье их стало 6, таким образом, к середине года их общее количество составило 87¹⁴⁸ (см. табл. 7).

Таблица 7

Дислокация спецпосёлков на Дальнем Востоке на 1 июля 1941 г.¹⁴⁹

Райкомендатуры	Поселковые комендатуры	Спецпосёлки	Семьи	Число людей
Амурская область				
Мазановская	4	7	458	1 814
Селемджинская	4	19	603	2 057
Благовещенский совхоз НКВД	—	1	19	63
Мухинский дом инвалидов	—	—	6	136
Итого по области	8	27	1 086	4 070
Хабаровский край				
Колчанская	3	8	606	2 447
Кербинская	4	17	897	3 686
Мариинская	7	7	520	2 875
Троицкая	6	6	1 247	5 920
Удыль-Лимурийская	6	7	1 187	5 426
Софийская участковая*	2	8	189	829
Инская поселковая*	1	1	59	222
Итого по краю	29	54	4 705	21 405
Приморский край				
Сидатунская	2	6	219	1 002
Всего по Дальнему Востоку	39	87	6 010	26 477

Примечание: 1) края и области выделены в соответствии с современным административно-территориальным делением; 2) * — Инская поселковая и Софийская участковая комендатуры находились в непосредственном подчинении ОТП УНКВД Хабаровского края.

Тогда же ОТП НКВД по Хабаровскому краю передало по акту из-под своего надзора трудпоселенцев, находившихся в Благовещенском совхозе НКВД и Мухинском доме инвалидов соответственно областному управлению милиции и заведующему домом инвалидов. Однако в октябре того же года руководство ГУЛАГа разъяснило Хабаровскому отделу трудпоселений, что такая передача «противоречит существующему порядку», и потребовало вернуть указанных людей на учёт комендатур¹⁵⁰. В прил. 1 представлен подробный перечень спецпосёлков Дальнего Востока на 1941 г.

2.1.6. Динамика численности спецпереселенцев в ДВК и её факторы

Согласно официальному учёту на Дальнем Востоке в течение 1932 — 1941 гг. проживало спецпереселенцев (на 1 января каждого года)¹⁵¹:

1932 — 40 440	1936 — 51 079	1940 — 26 540
1933 — 40 563	1937 — 44 423	1941 — 26 434
1934 — 46 495	1938 — 43 142	
1935 — 50 248	1939 — 24 253	

Нельзя не обратить внимания на значительную разницу между числом крестьян, отправленных в «кулацкую ссылку» в ДВК, с одной стороны, и состоявших на учёте спецпоселений — с другой. Так, по данным СПО ОГПУ на конец августа 1931 г. первых было 48 903 чел.¹⁵², вторых — около 40 тыс. (расхождение почти на 9 тыс.), к началу 1935 г. соответственно — почти 70 тыс. (см. табл. 4) и 50 тыс. (расхождение на 20 тыс.), с учётом же «неясных» групп депортантов, не вошедших в общегодовые отчёты (см. разд. 2.1.2. и 2.1.3.) эта разница существенно увеличится. Такое несовпадение учётных данных может быть объяснено, прежде всего, высокой смертностью принудительных мигрантов в пути и на местах вселения, плохим учётом, случаями беспорядочного межрегионального «обмена» спецпереселенцами, а также их бегством и частичным освобождением по ряду причин (см. ниже).

Эти же факторы влияли на годовую динамику численности населения в самих спецпосёлках. Как видим, она стабильно увеличивалась с 1930 по 1936 гг. В 1930—1934 гг. этот рост определялся миграциями, а в 1935—1936 гг. — стабилизацией естественного воспроизводства. С 1932 г. стал проводиться учёт рождаемости и смертности спецпереселенцев, данные по Дальнему Востоку приведены в табл. 8.

За 1930—1931 гг. аналогичных материалов не выявлено, кроме некоторых отрывочных сведений. Так, в записке Г.Г. Ягоды на имя Сталина от 4 января 1932 г. сообщается, что на 1 ноября 1931 г. в спецпосёлках ДВК умерло 1883 чел.¹⁵⁴ Табл. 8 показывает, что смертность спецпоселенцев в регионе была выше рождаемости до 1934 г. включительно. По этой причине естественная убыль за 1932—1934 гг. составила 3 128 чел. Всего за 1931—1939 гг. умерло не менее 9 577 чел., особенно высока была детская смертность.

Таблица 8

**Естественное движение спецпереселенцев в ДВК в 1932—1939 гг.
(чел.)¹⁵³**

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1932	531	901	- 370
1933	688	2 817	- 2 129
1934	661	1 290	- 629
1935	1 183	767	416
1936	1 227	555	672
1937	1 159	505	654
1938	783	334	449
1939	665	289	376
1940	660	236	424
Итого*	7 557	7 694	- 137

Примечание: * — строго говоря, оценивать результаты естественного воспроизводства спецпереселенцев за 9 лет по приведённым в таблице суммарным показателям не совсем корректно, так как они не учитывают число рождений и смертей в спецпосёлках, отошедших в 1938 г. в административное подчинение Читинской области.

С 1935 г. произошла стабилизация естественного воспроизводства, что было характерно и для ряда других районов «спецколонизации». Повсеместно же по СССР рождаемость в трудпосёлках превысила смертность лишь в 1937 г. Подробные данные в целом по стране и по регионам и их сравнительный анализ приведены в исследовании В.Н. Земскова, которое свидетельствует, что Дальний Восток по этим показателям был скорее в числе «лучших» (если здесь уместно такое выражение), чем «худших». В среднем по СССР в 1932 г. в «кулацкой ссылке» людей умерло в 5 раз больше, чем родилось, в то время как на Дальнем Востоке — в 1,7 р., в 1933 г. соответственно — 8,9 и 4,1, в 1934 г. — 2,6 и 1,9. Наиболее высокие потери несли Северный край, Казахстан, Западная Сибирь и некоторые другие регионы, особенно в 1933—1934 гг.¹⁵⁵ Возможно, гибель людей на Дальнем Востоке была несколько меньшей из-за относительно невысокой численности и концентрации спецпоселенцев.

Одиноким инвалидов, неизлечимых больных, престарелых, детей-сирот, которые не могли себя обеспечить самостоятельно, разрешалось передавать на иждивение родным и близким, проживавшим вне трудпосёлков. В 1931 — первой половине 1941 г. в ДВК родственникам передали 1 114 чел.¹⁵⁶

Другим каналом убытия были побегии (см. табл. 9.). Всего в течение 1930—1940 гг. из трудпосёлков Дальнего Востока, по официальным сведениям, бежало не менее 9,2 тыс. чел., возвратилось в 1932—1940 гг. 2,8 тыс., в том числе 1,2 тыс. добровольно. Реальное количество побегов было

больше, так как их точного учёта не велось до времени передачи спецпоселений в ведение ОГПУ, т.е. до осени 1931 г., но и в последующие годы этот учёт «хромал»¹⁵⁷.

Наибольшее число беглецов пришлось на «голодный» 1933 год. Особенно много сосланных крестьян бежало из посёлков Могочинского, Свободненского и Пригородного районов, расположенных в непосредственной близости к железной дороге. Основной причиной были тяжёлые бытовые условия и плохое продовольственное снабжение, приведшие к высокому уровню заболеваемости и смертности спецпоселенцев (см. прил. 7—8). На этой почве росло недовольство людей, которое цинично оценивалось органами ОГПУ как «возросшая контрреволюционная активность кулацкой ссылки». В спецсводке СПО ОГПУ № 147514 от 3 мая 1933 г. прямо говорилось: «...Продзатруднения широко используются контрреволюционным активом ссылки для контрреволюционной агитации в целях устройства массовых забастовок и учинения терактов над администрацией, а также служат поводом к усилению бегства. (...) Слабость работы местных организаций по выявлению и изъятию бежавших спецпереселенцев даёт последним возможность беспрепятственно устраиваться в колхозах, совхозах и на промпредприятиях, откуда бежавшие информируют ссылку о своём благополучии, агитируя оставшихся спецпереселенцев на побег. За последнее время установлены попытки контрреволюционного актива ссылки совершить организованные побегии с целью присоединения к действующим бандам»¹⁵⁹. Во второй половине 1930-х гг. с улучшением условий проживания в спецпосёлках число побегов существенно снизилось.

Таблица 9

Побеги трудпоселенцев в ДВК в 1932 — 1940 гг. (чел.)¹⁵⁸

Год	Бежало	Возвратилось из бегов		
		Принудительно	Добровольно	Всего
1930 — сентябрь 1931	1 574	нет св.	нет св.	нет св.
1932	1 445	нет св.	нет св.	240
1933	3 617	нет св.	нет св.	757
1934	1 568	280	458	738
1935	335	129	342	471
1936	177	73	177	250
1937	201	29	91	120
1938	138	15	107	122
1939	82	47	16	63
1940	14	7	16	23
Первая половина 1941 г.	7	—	—	—
Итого	9 158	580 (1934 — 1940)	1 207 (1934—1940)	2 784

Следует отметить, что бежавшие продолжали числиться за спецпоселениями, из-за чего в документах того времени нередко наблюдаются расхождения в статданных: в одних случаях даётся реальное число жителей трудпосёлков, в других — всех, кто проходил по учёту. Такой же порядок существовал и в отношении арестованных и осуждённых спецпоселенцев, которые после окончания срока заключения в тюрьмах и лагерях обязаны были вернуться в трудпосёлки. До событий Большого Террора число арестованных спецпереселенцев было относительно небольшим. Трагическое изменение в этот процесс внесли решение июньского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. «Об антисоветских элементах» и принятый на этой основе оперативный Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г. Приказ обязывал подвергнуть уголовному наказанию несколько категорий «активных враждебных элементов», включая тех, кто уже отбыл сроки заключения или ссылки, бежал оттуда или продолжал находиться в лагерях и спецпосёлках. При этом каждому региону определялись большие «лимиты» на расстрел¹⁶⁰. Если в 1935—1936 гг. в ДВК было осуждено 169 трудпоселенцев, 1937 г. — 279, 1939 — первой половине 1941 г. — 44 чел., то в 1938 г. — 2 000. В 1937 г. осуждённые составили 0,56% к общему числу трудпоселенцев на Дальнем Востоке, в 1938 г. — 4,11% (выше этот показатель был только в Свердловской, Пермской областях — свыше 10%, и Восточной Сибири — более 5%)¹⁶¹. Всего по спецпоселениям региона с 1935 г. до начала Великой Отечественной войны уголовному наказанию подверглись 2 492 чел. Сколько из них вернулось, не выявлено, так как соответствующая графа в отчётах о движении трудпоселенцев появилась только в 1941 г.

Несмотря на то, что более полные сведения о погодовой численности спецпоселенцев на Дальнем Востоке представлены в монографии Н.А. Ивницкого¹⁶², все дальневосточные историки, касавшиеся этой проблемы, использовали статистические данные, опубликованные В.Н. Земсковым, у которого были опущены сведения по 1935, 1936 и 1940 гг., поэтому они до сего времени оставались в тени. Между тем для Дальнего Востока 1935 и 1936 гг. имеют принципиальный характер, так как показывают максимальную точку динамики роста населения спецпосёлков.

К началу 1936 г. это число достигло 51 079 чел., после чего стало снижаться, хотя естественный прирост оставался положительным. За 1936 г. уменьшение составило 6,7 тыс. чел., в 1937 г. — 1,3 тыс. Основными причинами убыли были восстановление в правах, перевод в другие организации, освобождение неправильно высланных, передача сирот и инвалидов на иждивение родственникам.

Но ещё более резкое сокращение числа жителей дальневосточных спецпосёлков (на 18,9 тыс.) произошло в 1938 г.: если на 1 января на учёте состояло 43 142 чел., то на 1 апреля — 29 439, на 1 июля — 29 276, а на 1

января 1939 г. — 24 253 чел.¹⁶³, что сразу же привело к снижению удельного веса дальневосточных спецпоселенцев в суммарной численности по стране до 2,7%.

Этот факт был отражён и некоторыми другими исследователями¹⁶⁴, но не получил корректного объяснения. Н.А. Ивницкий, например, считает, что такое уменьшение произошло в связи со снятием с учёта лиц, восстановленных в правах¹⁶⁵, а благовещенский исследователь С.А. Головин — за счёт трёх групп трудпоселенцев: две из них — это арестованные и молодёжь, получившая паспорта на основании постановления СНК СССР от 22 октября 1938 г., а третья — «отбывшие срок наказания за ударный труд в БАМлаге и получившие возможность выезда из пределов региона без права проживания в режимных местностях». Автор поясняет: «Для спецпереселенцев в ДВК, в силу практики, введённой начальником строительства БАМа Н.А. Френкелем, предусматривалось льготное ограничение срока поражения в гражданских правах при добросовестной работе на строительстве БАМа и других его хозяйственных предприятиях (на два года — с 5 до 3 лет). При снятии ограничения, если спецпереселенец не пожелал колонизироваться в районе БАМлага, ему предоставлялось право выезда в другие местности СССР с оплатой проезда по железной дороге за счёт БАМлага...»¹⁶⁶

На наш взгляд, подсчёт указанных С.А. Головиным категорий вряд ли может помочь в объяснении статистической кривой: группа репрессированных в 1938 г. не превышала 2 тыс. чел. (см. выше), постановление же о выдаче паспортов молодёжи вышло в октябре, в то время как уменьшение численности трудпоселенцев в ДВК фиксируется большей частью в первой половине года (на 13,9 тыс.) и лишь на 5 тыс. — во второй, да и выдача паспортов не носила массового характера (см. ниже). Что касается третьей группы, то ни она, ни упомянутый Н.А. Френкель отношения к системе спец(труд)поселений не имели. Скорее всего, в приведённом фрагменте из монографии С.А. Головина речь идёт о т.н. колонизационных посёлках при БАМлаге, но это другая структура* (см. разд. 2.2.). На 1 апреля 1938 г., согласно официальным документам, спецпоселенцев и спецпоселений в районе действия БАМлага не было¹⁶⁷.

На самом деле причина столь резкого снижения статистических показателей по Дальнему Востоку связана не с убытием населения из спец-

* Следует отметить, что С.А. Головин — не единственный исследователь, который не совсем корректно трактует феномен колонпосёлков. Например, один из архивных документов о колонизации в районе БАМлага ошибочно, на наш взгляд, опубликован в томе, посвящённом спецпоселенцам, из солидного 5-томного собрания издательства РОССПЭН (см.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 226 – 227.). К теме указанного тома данный документ отношения не имеет. Причиной этому является слабая изученность проблемы «лагерной колонизации».

посёлков, а, как мы отмечали выше, с переводом спецпосёлков в другое административно-территориальное подчинение: вместе с Зейской областью они «отошли» Читинской области, географически оставшись на месте. В отчёте о движении спецпоселенцев на Дальнем Востоке за 1938 г. наибольший показатель убывших приходится на лиц, переданных другим организациям, — 17 731 чел.¹⁶⁸ Не случайно в том же году в Читинской области учетное население трудпосёлков увеличилось с 3,4 тыс. до 22 тыс. чел. При этом общий рост этой категории населения по РСФСР в целом составил только 5 тыс. чел.¹⁶⁹

Пути реального оттока из «кулацкой ссылки» на легальной основе действительно существовали, но они привели к более скромным показателям её сокращения в конце 1930-х гг. Один из таких путей — освобождение «неправильно высланных». Проблема «обоснованности» отправки той или иной крестьянской семьи на спецпоселение возникла с первых же дней применения этой репрессии, во многом опиравшейся на произвол даже в рамках существовавших норм того времени. Не случайно уже 18 апреля 1930 г. Президиум Далькрайисполкома вынес постановление (протокол № 54/39) об организации при Президиуме ДКИК комиссии по рассмотрению жалоб и заявлений в связи с раскулачиванием, порядок работы которой было поручено разработать «особой комиссии т. Виноградовой»¹⁷⁰.

В качестве примера работы комиссии можно привести выписку из протокола № 20 (п. 34) её заседания от 14 сентября 1934 г.: «Слушали: Василенко Павел Алексеевич и Секлетина Антоновна с. Борисовки Никольск-Уссурийского района — лишены избирательных прав, высланы из района. По материалам установлено, что гр-не Василенко П.А. и С.А. лишены и высланы в спецпосёлок неверно. Причиной послужило к раскулачиванию то, что помимо колхоза производили посев и злостно отказывались от принятия посевного плана на 1933 г. По другим признакам к лишению не подлежат. Постановили: Гр-н Василенко П.А. и С.А. в избирательных правах восстановить, из спецпосёлка освободить»¹⁷¹.

О возвращении своих односельчан ходатайствовали и некоторые руководители колхозов. Например, председатель эстонского рыболовецкого колхоза «Новый мир» (пос. Лифляндия и Линда Шкотовского района Приморской области) Ю.Ю. Ганслеп* выслал необходимые справки (о том, что данные лица не принадлежали к «кулакам») по месту нахождения сосланных эстонцев, благодаря чему В.М. Микк, А. Марибу, Е. Сарна и некоторые другие вернулись из ссылки. Всем им руководство колхоза возвратило конфискованное имущество, обеспечило жильём и хорошо оплачиваемой работой¹⁷².

* В 1938 г. самого Ю.Ю. Ганслепа арестовали, предъявив целый ряд необоснованных обвинений, в том числе в «незаконной выдаче справок кулакам». В феврале 1940 г. ОСО НКВД приговорило его к 5 годам лишения свободы. Умер в Севвостлаге на Колыме в мае 1940 г.

В 1931 г. после передачи трудпоселенцев в ведение ОГПУ Коллегия ОГПУ обязала региональные полпредства в трёхмесячный срок рассмотреть и проверить все заявления о неправильной высылке. На 4 января 1932 г., согласно докладной Г.Г. Ягоды, по ДВК таких заявлений поступило 1 425, было удовлетворено — 21, отказано — 193, проверялось — 1211¹⁷³. Из спецпосёлков Дальнего Востока как «неправильно высланных» были освобождены: в 1934 г. — 402 чел., 1935 г. — 185, 1936 г. — 305, 1937 г. — 248, 1938 г. — 4, 1939 — 7, 1940 — 8¹⁷⁴, всего за 1931 и 1934—1940 гг. — 1180 чел.

Попытку «исхода» из неволи трудпоселенцы предприняли также в рамках процесса возвращения избирательных прав «правильно высланным». С 1933 г. восстановлению в этих правах подлежали дети, достигшие совершеннолетия, а также взрослые в строго индивидуальном порядке по истечении пяти (в золотодобывающей промышленности — трёх) лет работы в районах ссылки при наличии положительных характеристик о поведении и отношении к труду. Например, в 1935 г. Тыгдинский РИК в порядке ст. 40 инструкции о выборах в Советы восстановил в правах гражданства 36 молодых людей. Однако, в нарушение инструкции, это восстановление прошло без проверки через Отдел трудовых поселений Дальлага НКВД и СПО УНКВД, за что Тыгдинский РИК получил «нагоняй» от Далькрайисполкома и краевой избирательной комиссии¹⁷⁵.

Постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. о восстановлении в гражданских правах хорошо зарекомендовавших себя трудпоселенцев предполагало их закрепление в местах поселений, но не имело специального пункта на этот счёт. Многие, воспользовавшись этим, стали покидать трудпосёлки, что в ряде регионов приняло массовый характер. В Свердловской области на 1 ноября 1934 г. со времени существования спецпоселений было восстановлено в правах 2 452 чел., из них осталось на месте 1 635, в Западной Сибири соответственно — 11 151 и 1 517, в Северном крае — 9 621 и 968, а всего по стране — 31 364 и 7 857 (или 25,1% к числу восстановленных)¹⁷⁶.

Массовый выезд из трудпосёлков сильно озаботил органы власти, прежде всего — ГУЛАГ, так как «срывал мероприятия по освоению необжитых мест». Начальник ГУЛАГа М.Д. Берман обратился к наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде: «...Для недопущения в будущем подобных явлений считаю необходимым предложить начальникам управлений УНКВД следующее. 1) Воспретить массовое восстановление спецпоселенцев в гражданских правах. 2) Восстанавливать в правах в индивидуальном порядке исключительно хозяйственно закрепившихся спецпоселенцев в местах их вселения. 3) Развернуть массовую работу среди восстанавливаемых спецпоселенцев по их добровольному закреплению в трудпосёлках. 4) Не допускать возвращения восстановленных в правах спецпоселенцев в районы их прежнего жительства». Эти предложения прошли круг по инстанциям через Г.Г. Ягodu и И.В. Сталина и вернулись дословно в виде циркуляра ОГПУ № 38552 начальникам УНКВД от 5 января 1935 г. В дополнение к нему 10 января того же

года циркуляр № 38612 запретил восстановленным в правах трудпоселенцам выезд из мест поселений. Эту норму 25 января узаконил ЦИК СССР¹⁷⁷, восполнив «пробел» своего же постановления от 27 мая 1934 г., и она стала активно применяться. Восстанавливая в гражданских правах, райисполкомы регистрировали трудпоселенцев по месту нахождения спецпосёлков. Так, в 1936 г. в порядке постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г. в пос. Б. Тыгде Зейской области в качестве восстановленных в правах граждан были зарегистрированы 77 трудпоселенцев (главы и члены семей), состоявшие на учёте при райкомендатуре лесного отдела Дальлага НКВД¹⁷⁸.

Таким образом, взрослые трудпоселенцы лишились формальной «лазейки» для выезда. Новая Конституция СССР 1936 г. не изменила этого положения, хотя статьёй 135-й трудпоселенцы объявлялись полноправными гражданами страны. В конце 1936 — начале 1938 г. на базе новой Конституции в рамках политики либерализации режима трудпоселений хозяйственные функции в них (агрономическая и ветеринарная сеть, МТС, медико-санитарные, культурно-воспитательные учреждения, торговая сеть, кустарные промыслы) передавались в ведение краевых, областных и республиканских организаций, неуставные сельхозартели переводились на устав колхозов (см. разд. 2.1.4.). Историк В.А. Бердинских заметил, что отличие «неуставных» артелей от «уставных» заключалось лишь в том, что для последних механизм кредитования и финансовых операций был проще. Но, по сути, перевод на устав мало что изменил в положении членов сельхозартелей¹⁷⁹. Спецпоселенцам стали возвращать и избирательные права, но не всем автоматически, а в индивидуальном порядке и без права покидать посёлки¹⁸⁰.

Тем не менее факты показывают, что многие всё же смогли обойти запрет. Общая численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке, которым вернули гражданские права, составляла в 1934 г. (на 1 ноября) 454 чел., 1935 г. — 588, 1936 г. — 4 291, 1937 г. — 216, всего за четыре года — 5 549 чел. Возможно, более половины из них выехали в другие места, либо учёт их не был налажен должным образом. Так или иначе, но в 1938 г. в местах принудительного расселения надзорные органы смогли выявить только 2 435 чел., ранее восстановленных в избирательных правах. В годовом отчёте они были указаны сверх числа «состоявших на учёте»¹⁸¹. Аналогичная ситуация наблюдалась в Хабаровском крае и позже. На 1 января 1939 г. в трудовых посёлках края числилось восстановленных в правах до 5 декабря 1936 г. — 3102 чел., а на 1 июля 1940 г. — 1 626 чел. (в Приморском крае на эту же дату — только 1 чел.). В чём причина такого расхождения данных, не могли объяснить и сами руководители ОГП ГУЛАГа¹⁸².

Чуть позже небольшое исключение на право выезда было сделано для специалистов с высшим и средним образованием. В январе 1941 г. нарком внутренних дел Л. Берия дал распоряжение выявить таких и «обеспечить их трудовое использование по специальности не только по месту расселения

в спецпосёлках, но и на предприятиях районов и районных центров. Разрешить им проживание по месту работы в городах и населённых пунктах края/области, за исключением областных и республиканских центров. Учёт этой категории спецпереселенцев оставить в ОИТК. Органам милиции выдавать этим спецпереселенцам удостоверения на право проживания в данной местности (...) с обязательной явкой в органы НКВД» (аналогично административным ссыльным)¹⁸³. К сожалению, у нас нет сведений о том, удалось ли спецпоселенцам на Дальнем Востоке воспользоваться этим распоряжением, объявленным всего лишь за полгода до начала войны. Да и специалистов с высшим и средним образованием среди этой, в основном крестьянской массы, вряд ли было много.

Но для молодёжи во второй половине 1930-х гг. открылся легальный путь на свободу: согласно циркуляру НКВД СССР от 15 апреля 1936 г. и разъяснению ГУЛАГа от 20 апреля того же года было разрешено освобождать юношей и девушек, поступивших в средние и высшие учебные заведения, а также в 8 — 10-е классы средних школ при отсутствии последних в данном трудпосёлке. Этим правом на Дальнем Востоке воспользовались в 1939 г. 128 чел., в 1940 г. — 421, в первой половине 1941 г. — 310¹⁸⁴.

Главный же канал освобождения из «кулацкой ссылки» был открыт Постановлением СНК СССР №1143—280с от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных». Оно гласило, что достигшим 16-летия юношам и девушкам, «если они не были ничем опорочены», паспорта следует выдавать на общих основаниях и не чинить препятствий к выезду на учёбу или работу¹⁸⁵.

На самом деле этот процесс шёл очень медленно. Местное руководство, не заинтересованное в оттоке молодёжи, с большой неохотой выдавало необходимые документы. Р.Ф. Гаврилов описывает случай из собственной жизни: находясь с семьёй на спецпоселении и окончив Оборскую неполную среднюю школу, он в 1939 г. сдал вступительные экзамены в судостроительный техникум в Комсомольске-на-Амуре. Для того чтобы стать студентом, ему необходимо было получить паспорт или пропуск из комендатуры, законным основанием этого являлась справка об успешно сданных экзаменах. Однако комендант пос. Санники Ульчского района, под началом которого находилась переселённая вторично в пос. Гусиный семья Гавриловых, отказал ему в выдаче пропуска без всяких объяснений. Мечта о техникуме рухнула, и юноша вынужден был продолжить учёбу в местной средней школе-интернате. В сердцах он написал письмо Сталину, отправил с тайной оказией в Москву, но мало надеялся на результат. Однако письмо все-таки дошло до какой-то высокой инстанции, и в начале следующего года Р. Гаврилов получил официальный ответ: «Ваше заявление на имя вождя И.В. Сталина рассмотрено. (...) Предлагается получить паспорт в с. Богородское, имея при себе свидетельство о рождении — о достижении шестнадцати лет». Поскольку метрических документов у юноши не было, то взамен разрешалось представить ме-

дицинскую справку — врач на основании внешнего осмотра дал заключение о возрасте пациента. И только с открытием весенней навигации юноша смог добраться до с. Богородского и получить, наконец, долгожданный паспорт, который освобождал его от статуса спецпоселенца¹⁸⁶.

Всего в Хабаровском крае в 1939 и 1940 гг. в порядке постановления СНК СССР № 1143—280с паспорта получили 254, а в первой половине 1941 г. ещё 347 чел., в то время как только в 1940 г. подлежали освобождению 5 194 чел. В Приморском крае, где находилось немногим более тысячи трудпоселенцев, воспользоваться этим правом с 1940 г. до середины 1941 г. смогли только 5 чел. Кроме того, в первой половине 1941 г. пятеро дальневосточных трудпоселенцев освобождены по постановлению ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР¹⁸⁷.

Недовольство спецпоселенцев своим положением со второй половины 1930-х гг. не имело активных форм и выражалось главным образом в виде жалоб в руководящие инстанции. Только в первой половине 1941 г. в Хабаровском крае было рассмотрено 628 обращений в краевой отдел трудпоселений, в том числе 236 жалоб на неправильное выселение, 216 заявлений об освобождении из трудпосёлков лиц, не подпадавших под постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г., прочих — 181, в производстве находилось ещё 83 жалобы¹⁸⁸.

Таким образом, выявленная документами общая численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке, которые в довоенный период смогли освободиться из «кулацкой ссылки» на легальных основаниях, не превышала 2 645 чел. (1180 — неправильно высланных, 859 — на учёбу, 606 — молодёжь, получившая паспорта). Предположительно ещё около 4 тыс. чел. «снялись с учёта» самовольно, воспользовавшись восстановлением в гражданских правах.

2.1.7. Хозяйственно-бытовое устройство спецпереселенцев

Начиная кампанию раскулачивания, государство сосредоточило усилия прежде всего на её репрессивной стороне — конфискации имущества, подавлении сопротивления, выселении. При этом проблема хозяйственного и бытового устройства спецпереселенцев на новых местах фактически была пущена на самотёк. Основной задачей ОГПУ являлась организация их вывоза и доставки в новые районы жительства в соответствии с утверждённым планом. Далее депортанты переходили под попечительство краевых исполкомов мест вселения и хозяйственных организаций. Однако предприятия, заинтересованные исключительно в дешёвой рабочей силе, не собирались и не имели реальных возможностей (как не имели их и местные власти) создать приемлемые условия жизни для огромного числа ничем не обеспеченных людей, хлынувших в неосвоенные регионы¹⁸⁹. Более того, изначально предполагалось, что на эти цели пойдет меньше средств, чем это

потребовалось бы при добровольном переселении. Зам. наркома земледелия СССР В.В. Шмидт в записке в управление делами СНК СССР и СТО от 27 февраля 1931 г., поддерживая проект ЦМЗ об устройстве в ДВК 10,3 тыс. спецпереселенцев в районах золотых приисков, писал: «Учитывая спецконтингент переселенцев, НКЗ находит, что это мероприятие вызовет меньший расход из расчёта на семью, чем ведение нормального переселения. Переброска этой рабочей силы для нужд золотопромышленности может быть проведена более успешно и быстрее, чем вербовка переселенцев-золотоискателей»¹⁹⁰.

На деле эти «быстро» и «успешно» вылились в хищническую эксплуатацию принудительных мигрантов, ёмкую характеристику которой дал начальник ГУЛАГа ОГПУ Коган в справке от 15 августа 1931 г.: «Хозорганизации, получившие кулаков на свои работы, рассматривали их как обузу, как бесправную рабочую силу, обязанную работать вне зависимости от материально-бытовых условий, при ничтожной и нерегулярной зарплате, при отсутствии медицинской помощи и без надлежащего питания»¹⁹¹.

Такое отношение к расселяемым крестьянам было повсеместным. Не являлся исключением и Дальний Восток, где спецпереселенцы, как сказано выше, весной 1930 г. попали в руки предприятий Цветметзолота. В течение последующих двух лет докладные записки ОГПУ, справки, отчёты о проверках из месяца в месяц рефреном повторяли одну и ту же информацию. Для сравнения приведём выдержки из некоторых документов.

Зам. полпреда ПП ОГПУ ДВК С.И. Западный в записке заместителю председателя ДКИК Мамонову от 23 июля 1930 г. оценивал как «явно ненормальное» положение на местах с расселёнными кулаками в Сретенском, Зейском и Николаевском-на-Амуре округах¹⁹².

В докладной записке председателя Далькрайисполкома Недзвецкого от 22 августа 1930 г. сообщалось, что правление Цветметзолота от расселения и трудоустройства кулаков фактически устранилось. «...На большинстве приисков кулаки размещены в землянках с двойными нарами, полуразрушенных, без окон, дверей, пола и потолка, халупах, в палатках и, в лучшем случае, в общих бараках». Отсутствовали школы, бани, склады. «...Организация питания безобразна, варка пищи на кострах, хлебопечение предоставлено собственному попечению вселённых (даже одиночкам). (...) Не единичны случаи, когда отдельные представители Союззолота заявляют: “До тех пор, пока кулаками не будет выполнена летняя программа золотодобычи, к строительству жилищ приступлено не будет”. (так в тексте. — Е.Ч.) Там, где приступлено к строительству жилищ, наблюдается полнейший разницей. Одни только кредитуют вселённых лесоматериалами, предоставляя строиться самим в «свободное» от работы время (при 12-часовом рабочем дне). Другие при помощи плотников из тех же кулаков строят общие бараки, производя оплату труда в половинном размере, тогда как работающим на золотодобыче выплачивается полный заработок, создаётся антагонизм между кулака-

ми. Третьи возводят жилища, оставляя открытым вопрос возмещения этих расходов. (...) Имущество кулаков (продовольствие, инструмент, одежда) в одном из округов (Зейском) до сих пор на прииски не завезено. Многие из кулаков буквально раздеты, а так как приисковые управления не обеспечены в достаточной мере обувью и одеждой, то наблюдаются случаи, когда кулаки работают на мерзлоте босыми...»¹⁹³

Из докладной записки Особого отдела ОГПУ от 17 ноября 1930 г.: «...Дальневосточный край. По хозяйственному устройству кулачества, переданного для использования Союззолоту, со стороны правления Союззолота до сих пор почти ничего не сделано. Кулаки размещены во временных жилищах (бараки или палатки), не пригодных для зимовки; весьма слабо урегулирован вопрос снабжения продовольствием, одеждой и медпомощью...»¹⁹⁴

Из справки ОГПУ от 9 февраля 1931 г.: «...ДВК и Алдан. (...) Несмотря на неоднократные нажимы на правление Цветметзолота, хозяйственное устройство кулаков находится в неудовлетворительном состоянии. Жилища полностью не построены, нет помещений для бань, не урегулирован вопрос о снабжении продовольствием. Совсем скверно обстоит дело с обувью и одеждой, особенно тёплой. Имеется большое количество кулаков, раздетых и босых. Цветметзолото, за неимением запасов, удовлетворить потребность кулаков в одежде и обуви не может. Вселённые кулаки медицинской помощью до сих пор не пользуются, медикаментов не хватает. В одинаково скверных условиях также находятся и стрелки, охраняющие кулаков...»¹⁹⁵

Практически дословно данную информацию повторил оперуполномоченный ОГПУ Штранкенфельд в сообщении от 5 мая 1931 г., добавив следующее: «К хозяйственному устройству вселённых кулаков в марте этого года готовы лишь Могочинские и Биро-Сутарские прииска, Селемджинские, Зейские и Нижне-Амурские прииска к приёму не подготовлены, а именно: а) на месте выгрузки не были подготовлены жилища для временного размещения семей до их отправки с началом навигации на прииска (поэтому несколько эшелонов по двое — трое суток ожидали разгрузки); б) на приисках будут готовы помещения для размещения кулаков не ранее июля; в) запас продовольствия на приисках ограничен и не обеспечивает удовлетворение вновь забрасываемых ссыльных кулаков». Вместе с тем автор сообщил, что ссыльные кулаки, переданные Дальлеспрому и Транслеспрому, полностью обеспечены помещениями и продовольствием¹⁹⁶.

Из перечня «Мероприятий по освоению спецпереселенцев, работающих в Джалиндо-Урканском приисковом управлении», разработанных членом ЦКК ВКП(б) О.Л. Рывкиным и сотрудником ОГПУ Сидоровым, от 12 августа 1931 г.: «Констатируя полное непроведение по управлению Д. Уркана директив руководящих органов по строительству постоянных жилищ для спецпереселенцев, способствующих их освоению, предложить т. Бушуеву приступить в течение августа — сентября к строительству постоянных по-

сёлков спецпереселенцев на Уркани и Стрелке. По выяснении результатов разведки определить остальные пункты посёлков и приступить к их строительству. Для перевода живущих в палатках срочно выстроить временные бараки, приспособленные к местным условиям...»¹⁹⁷

Из справки СПО ОГПУ (не ранее 15 сентября 1931 г.): «...ДВК: (8,2 тыс. чел.) Союззолото, взявшее на себя устройство их, не выполнило обязательств. Размещены они в палатках или таких бараках, в которых и летом жить нельзя. Не налажено снабжение продовольствием. Имеется много босяков и раздетых»¹⁹⁸.

Из письма Г.Г. Ягоды председателю ЦКК Рудзутаку от 26 октября 1931 г.: «...ДВК. Хозорганы (Дальлеспром и Цветметзолото) отнеслись к жилустройству **исключительно халатно** (выделено в тексте. — Е.Ч.) и только сейчас под нашим нажимом взялись за строительство. К зиме будут обеспечены жилищами, причём наполовину эти жилища представляют собой кое-как приспособленные и отеплённые бараки»¹⁹⁹. (См. также прил. 6.)

Технический персонал нередко обращался с раскулаченными грубо, применяя и рукоприкладство. Так, на прииске Джелтулак управляющий избил троих рабочих, обратившихся к нему за разъяснением о расценках (1931 г.). Данный факт стал достоянием гласности и поэтому расследовался местным сотрудником ОГПУ²⁰⁰. Но чаще такое поведение приисковые начальники считали нормой.

Вместе с тем со стороны местного населения бедственное положение спецпереселенцев вызывало и сочувствие. Некоторые крестьяне, снабжая сосланных молоком, хлебом, маслом и т.д., денег не брали, говоря: «Нас тоже ожидает такая участь»²⁰¹. На первом этапе «кулацкой ссылки» на приисках в ДВК отмечались не только случаи помощи продуктами от местных жителей, но и «заверения», что спецпереселенцы «здесь ненадолго» и якобы «есть постановление XVI съезда партии о возвращении таких, как они, домой». Находились «очевидцы» того, как «людей грузили в эшелоны и отправляли в родные места». Одна из жён горного смотрителя даже организовала массовый протест высланных женщин. Руководимая ею толпа явилась к коменданту посёлка с требованием улучшения положения и отправки домой. Некоторые приисковые рабочие призывали спецпереселенцев к забастовкам в знак протеста против «зверского» обращения администрации (отсутствие одежды, плохие жилищные условия и т.д.), что расценивалось представителями власти как «усиление кулацкого влияния» и «контрреволюционная деятельность»²⁰².

Характерным примером бесчеловечного отношения властей к принудительным мигрантам является история с обустройством семей «кулаков-одиночек особого назначения» из Белоруссии, прибывших в ДВК в конце 1930 г. В основном это были женщины, старики и дети, в то время как трудоспособные мужчины находились в Якутии на золотых приисках. Пребыва-

ние на Дальнем Востоке белорусских семей планировалось как временное — до создания на Алдане условий для проживания и воссоединения семей. Эта «временность» усугубила и без того ужасающее положение, характерное для всех спецпереселенцев.

Для приёма семей из БССР Т.Д. Дерibasу было дано задание организовать строительство бараков на 8—10 тыс. чел. Но на 9 октября 1930 г. в г. Зее был закончен ремонт только двух бараков на 500 чел., в пос. Бушуйке на 24 октября — 13 бараков из 16, на ст. Михайло-Чесноковской — половина из необходимого количества. Строительство шло ускоренными темпами, на нём было занято 1,3 тыс. рабочих, материалы выделялись из краевых ресурсов. Дерibas сообщал руководству, что стройка обойдется дешевле на 30—40% (!) и обещал, что к 20 ноября будут готовы помещения на 6,6 тыс. чел. Одновременно шла организация административно-хозяйственного аппарата поселений. Продовольствие на всех спецпереселенцев выделялось из фондов Наркомторга СССР и Центросоюза* на 8 месяцев (с 15 ноября 1930 г. до 15 июля 1931 г.), половину его должны были отгрузить к 15 декабря, но крайсоюзам предлагалось, не дожидаясь поступления из Центра, завезти на места продуктовые запасы из своих фондов²⁰³. Из фондов местных исполкомов выделялись также стройматериалы, так как своих запасов у Цветметзолота не хватало²⁰⁴. Позже, с завозом второй партии «особовцев» весной 1931 г., ЦМЗ вновь просило центральные власти дать распоряжение местным партийным и советским органам о «незамедлительном» отпуске строительных материалов на постройку жилищ спецпереселенцам, а также о мобилизации гужевого транспорта или автотранспорта для перевозки семей с железнодорожных станций на прииски, так как у приисковых управлений не было необходимого количества ни того, ни другого²⁰⁵.

Эти факты показывают, что стремление краевых властей «распределить» спецпереселенцев «в пользу соседа» было не случайным. Характерной чертой советской политики принудительных миграций в данный период было возложение значительной доли затрат на местные ресурсы, которых катастрофически не хватало, что стало одной из причин крайне тяжелого материального положения спецпереселенцев.

Ещё хуже оказалось обустройство мужчин — «кулаков особого назначения» — на Алдане. По этой причине перевозка семей из ДВК задерживалась на неопределенное время. Согласно шифротелеграмме секретаря Якутского обкома ВКП(б) П.М. Певзняка секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу от 27 марта 1931 г., а также некоторым другим документам, на Алдане не

* Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ, образован в 1917 г. В 1931–1933 гг. потребительская кооперация находилась в полном подчинении государства. Основной её задачей было участие в децентрализованных заготовках сельхозпродуктов (в основном шерсти, кожсырья). Центросоюз привлекался и к системе закупок скота. (См.: Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 899).

было продовольствия, подготовленных помещений, ощущался острый недостаток медикаментов, 500 чел. болели цингой²⁰⁶.

Алданские власти мотивировали нежелание принимать семьи и тем, что для их переброски «...потребуется много транспортных средств, которых не хватает для грузоперевозок, что ставит под угрозу выполнение программы золотодобычи и снабжения Алдана продовольствием», поэтому обещали предоставить подводы лишь для детей и больных, не могущих передвигаться пешком. Кроме того, они опасались, что завоз семейств вызовет уход рабочих горняков с приисков, куда не разрешалось привозить семьи «с целью экономии продовольствия рабочим»²⁰⁷.

Ситуация на Алдане стала предметом обсуждения на заседании комиссии А.А. Андреева (протокол № 3, не ранее 24 марта 1931 г.) на основе телеграммы председателя Алданского окружкома партии Ступишина. Комиссия постановила: «а) принять всех спецпереселенцев, направляемых на прииски ЦМЗ согласно его заявке от 17 марта т.г.; б) принять срочные меры по развёртыванию приисковыми управлениями всех необходимых мероприятий по приёму, хозяйственному и рациональному использованию на работе прибывающих спецпереселенцев; в) ввиду неподготовленности Алданского комбината (отсутствие помещений, продовольствия и недостаток транспорта) к немедленному приёму семейств спецпереселенцев выстроить в районе Б. Невера временные бараки на 5 тыс. чел., а на Алдан направить пока лишь одних трудоспособных мужчин; г) содержание и обеспечение всем необходимым семей спецпереселенцев, находящихся в Б. Невере, возложить на Цветметзолото; д) отправку семей спецпереселенцев на Алдан из Б. Невера поставить в прямую зависимость от подготовки жилищ и завоза продовольствия Алданским комбинатом, определив для этого срок не позже середины июля 1931 г. ...»²⁰⁸

В конце марта 1931 г. на Дальний Восток прибыла вторая партия «особовцев» из Белоруссии (3 700 семей). Секретарь ЦК П.П. Постышев послал запрос по поводу их перевозки и приёма председателю правления ЦМЗ А.П. Серебровскому. Последний в ответе от 2 апреля 1931 г. сообщал, что для приёма этой группы переселенцев руководство ЦМЗ назначило специальных уполномоченных: по Восточной Сибири и ДВК — Носкова, по Западной Сибири — Перышкина, в их распоряжение дало рабочих — членов партии из Москвы, которые не только помогали организовать приём и обустройство «особовцев» на местах, но и выполняли роль «толкачей» продовольственных грузов, отправленных по железной дороге на прииски. 21 марта правление ЦМЗ перевело деньги всем приисковым управлениям и распорядилось «...немедленно приступить к строительству жилищ и барачков и обязало, особенно Алданское приисковое управление, твёрдым сроком». Серебровский также отмечал: «...С мест мы одно время имели возражения против особовцев, но после энергичного нажима с нашей стороны имеем сообщения из Новосибирска, Иркутска и других мест, что возражений больше нет и места

готовы принять особовцев в занаряженном количестве, а в некоторых случаях и больших. Были случаи задержки разассигнованных средств со стороны Восточного управления ЦМЗ, но теперь, как видно из телеграммы, этот вопрос улажен»²⁰⁹.

В отличие от Серебровского секретарь Якутского обкома партии П.М. Певзник сообщал в Москву, что ни начальник окротдела ОГПУ Карусь, ни директор Алданского комбината Этко, ни правление ЦМЗ не приняли никаких мер к созданию условий для размещения белорусских переселенцев. ЦМЗ, по его словам, ограничилось «дачей общего порядка неясных и нечетких указаний», поэтому алданские власти продолжали усиленно сопротивляться приёму семей²¹⁰.

Политбюро ЦК ВКП(б) на заседаниях 10 июля и 5 августа 1931 г. (протоколы № 48, п.42/42, №54, п.51/6) оценивало устройство спецпереселенцев на Алдане как неудовлетворительное и безобразное и отказало в заявке ЦМЗ на перемещение туда ещё 1000 семей. Серебровский же заверил партийное руководство в том, что белорусские спецпоселенцы в Бушуйке и на Алдане обеспечены продовольствием, что семьи будут воссоединены в течение августа — сентября, им предоставят постоянные жилища, и для этого якобы в пос. Ларинское (близ Бушуйки) уже завозятся лошади²¹¹.

Однако ситуация не изменилась и к осени. Якутские организации считали, что строить постоянное жильё на приисках нецелесообразно, так как работа там носила временный характер, а для облегчения продовольственного снабжения необходимо развивать районы Алдана, пригодные для сельского хозяйства. Именно там, по их мнению, нужно было строить постоянные спецпосёлки, а рабочую силу из состава жителей отдавать на прииски «в порядке отходничества». Идея была одобрена Серебровским. На заседании комиссии ЦК 28 августа 1931 г. он доложил, что посёлки уже строятся на Алдане и будут закончены в августе — сентябре²¹².

Информация с мест показывала, что «неудовлетворительное и безобразное» устройство ссыльных «кулаков» в стране было повсеместным. Поэтому одним из своих постановлений «О спецпереселенцах» (прот. № 53, п. 47/2 от 28 и 30 июля 1931 г.) Политбюро ЦК ВКП(б) командировало пять членов ЦКК — по одному на Урал, в Сибирь, Северный край, Казахстан и на Дальний Восток, «придав им по одному работнику ГПУ и предложив им совместно с хозорганами и крайкомами партии на месте принять все необходимые меры по упорядочению хоз. использования и устройства спецпереселенцев». В ДВК был командирован О.Л. (И.Л.) Рывкин (Ривкин)²¹³.

В своих докладах и справках по итогам проверки он сообщал, что информация правления ЦМЗ не соответствовала действительности. В сентябре строительство в спецпосёлках Алдана не только не было начато, но и не велось никакой подготовки к нему (за исключением школы-интерната в Таммоте), не были поданы заявки на инвентарь, скот, птицу, семена. Те семьи, которых уже перевезли на Алдан, находились в ужасающих условиях. В

справке от 26 сентября 1931 г., подготовленной комиссией А.А. Андреева для ЦК ВКП(б), сообщалось: на Алдане «...больных детей в больнице кормят супом из соленой трески. ЦМЗ воспретило пользоваться одеялами в больнице, считая их слишком роскошными для кулацких детей, дети в детдомах спят на голых досках»²¹⁴.

Но и в Бушуйке, совершенно неготовой к зиме, белорусские семьи оставлять было проблематично. Рывкин и сотрудник ОГПУ Сидоров составили перечень мероприятий по вопросу об алданских спецпереселенцах (от 27 августа 1931 г.), в котором, в частности, предлагали: «Исходя из того, что никакой работы по строительству постоянных спецпосёлков в районах, годных для сельскохозяйственного освоения..., АГК не проведено и что основная масса спецпоселенцев (свыше 80%), имеющих семьи на Бушуйке, работает на Сталинском прииске, в районе которого обеспечена работа в ближайшие два года, считать возможным провести размещение семей спецпоселенцев на тех приисках, где работают главы семей. Для этого организовать силами самих спецпоселенцев (в свободное от работы время) строительство жилищ, предоставив в их распоряжение необходимый для строительства строительный материал, (...) специальные земельные участки и немедленно организовать необходимые лесозаготовки. Поручить окр. отделу ОГПУ провести соответствующую разъяснительную работу среди спецпоселенцев». Перевозку семей из Бушуйки на Алдан они планировали провести в течение сентября, возложив всю ответственность на Окружной отдел ОГПУ, а до окончания строительства размещать семьи в имевшихся помещениях в Усмуне и Орочене, всю работу закончить к 1 января 1932 г. Однако к этой дате из Бушуйки на Алдан прибыло только 1 373 чел.²¹⁵

Длительного ожидая отправки, белорусские семьи продолжали находиться во «временных» посёлках Дальнего Востока, где треть трудоспособных работала на лесозаготовках, остальные не имели такой возможности из-за отсутствия одежды и обуви. Начальник ПП ОГПУ по ЗСК Л.М. Заковский, принимавший «кулаков особого назначения» в Сибири, сообщал в Москву, что спецпереселенцы, особенно дети, прибывали в одежде и обуви, «абсолютно не соответствующих сибирскому климату, продовольствие на руках имели не все и в незначительном количестве»²¹⁶. То же самое выявлялось и на Дальнем Востоке. Осенью 1931 г. зам. начальника УНКВД по ДВК Улыбышев, проверив спецпосёлки Дальлага, сообщал руководству: «...Мануфактура кое-где (Соловьёвское смотрительство) не выдавалась с апреля. Потребность в промтоварах очень большая, особенно для белорусов и украинцев, которых привезли в нашу область практически раздетыми. Среди последних есть семьи, где часть детей ходит совершенно голыми, а новорождённые ребята завертываются в тряпки, сделанные из юбок»²¹⁷.

В сентябре 1931 г. в Бушуйке проживало 3 306 чел., из них 2 257 чел. — члены семей «особовцев», работавших на Алдане, 997 чел. составляли полные семьи, у 52 чел. главы семей находились в других районах²¹⁸. Посёлок содер-

жался за счёт средств Алданского госкомбината и обходился ему в 80 тыс. руб. ежемесячно. Летом основными местами занятости были покосы и Ларинское агентство ЦМЗ, где работало 563 чел., а около 500 чел. трудоустроиться не могли. Женщины и подростки иногда занимались сбором ягод. Расчётных книжек не было, часть людей трудилась бесплатно. Все работавшие получали паёк ниже существовавших норм, промышленные товары и спецодежда не выдавались. Жилищами служили летние бараки, оборудованные двойными нарами (как отмечалось выше, на их строительстве было сэкономлено 30—40% средств). Таким же был и т.н. «детдом» с персоналом из спецпереселенцев, в котором изолированно от родителей содержалось большинство детей.

Среди спецпоселенцев было много людей старше 60 лет. Значительную часть (42%) составляли дети до 14 лет (1 415 чел.), для учащихся работала школа. Вопреки заверениям председателя правления ЦМЗ продовольственное снабжение посёлка было трудно назвать «снабжением»: рацион жителей состоял исключительно из рыбы и крупы, полностью отсутствовали мясо, жиры, молоко, что явилось основной причиной высокой детской смертности (см. прил. 7). Летом 1931 г. в посёлке разразилась эпидемия сыпного и брюшного тифа. Общий психологический настрой усугублялся разрозненностью семей. Как на Алдане, так и в Бушуйке люди просили поскорее воссоединить их. С ноября 1930 г. по март 1931 г. из пос. Бушуйки, Свободного и г. Зеи бежало 1 442 белорусских выселенца «особого назначения»²¹⁹.

Хозяйственно-бытовое устройство принудительных мигрантов стабилизировалось медленно. А.П. Серебровский 11 апреля 1932 г. докладывал Сталину: «Относительно использования спецпереселенцев сообщаю, что по нашим данным, согласованным с т. Берманом, спецпереселенцы по золоту теперь устроены лучше, чем где бы то ни было. Процент использования их 88,5%. За последний год мы добились хороших условий их размещения: посёлки, бани, школы, столовые, а поэтому и продуктивность их труда значительно повысилась...»²²⁰ Однако реалии жизни сосланных людей были далеки от бодрых рапортов руководителей.

К началу 1932 г. строительство в трудпосёлках ДВК, по официальным данным, было закончено только на 70%, поэтому, хотя и считалось, что все спецпереселенцы обеспечены постоянными жилищами, однако качество такого жилья нередко было ниже всяких норм, а семьи размещались «уплотнённо»²²¹.

Отнюдь не лучшую картину представила докладная прокурора ДВК на имя прокурора ОГПУ, составленная по результатам проверки по надзору* за первый квартал 1934 г., один из разделов которой был посвящён обследованию спецпосёлков на Оборской ветке Дальневосточной железной дороги (недалеко от Хабаровска) и в Могочинском подрайоне треста Амурзолото (Амурская область).

* Прокурорский надзор за ПП ОГПУ ДВК осуществлялся на основании инструкции ЦИК и СНК от 8 мая 1933 г.

Общий вид пос. Бушуйки (Амурская область).
Январь 1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 5. Л. 2

Клуб в пос. Бушуйке. Январь 1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 5. Л. 2

Хлебопекарня в пос. Бушуйке.

Январь 1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 5. Л. 2

Большие лошади в пос. Бушуйке.

Январь 1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 5. Л. 2

Конюшня в пос. Большом Невере.
Январь 1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 5. Л. 2

Строительство конюшни в пос. Большом Невере.
Январь 1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 5. Л. 3

Условия для организации производства и налаживания быта работников в этих районах изначально были особенно сложными. В своё время руководство лагеря особого назначения ПП ОГПУ ДВК (в дальнейшем преобразованного в Дальневосточный ИТЛ), подавшего весной 1930 г. ходатайство о закреплении Оборского лесного участка за лагерем, отказалось от этой идеи «... в виду определившихся больших трудностей при летних лесозаготовках, а также тяжёлых условий для целого ряда других видов работы в летний период...»²²² Таким образом, то, что считалось тяжёлым даже для заключённых, было возложено на спецпоселенцев. Все лесозаготовительные трудпосёлки Оборского района (Дормидонтовский, Нижне- и Верхне-Переселенческий, Кедрач, Шаповаловка, Малый) находились в тайге. Во время их закладки главным условием руководители предприятий считали приближенность к производству — лесосеке или лесозаводу. При этом не учитывался характер местности, в результате многие посёлки располагались в болотистых местах, на заливных низинах, не имели пригодной к употреблению воды. Отсутствовали дороги и земельные угодья для сельского хозяйства. В ряде посёлков имелись колодцы, но вода в них была настолько плохой, что не могла быть употреблена в пищу. Зимой жителям приходилось пользоваться растопленным снегом, а летом брать воду из болотистых мест, что являлось источником различных инфекций. Санитарное состояние большинства спецпосёлков, по оценке прокурора ДВК, было недопустимым. В приисковых посёлках Могочинского района 27 бараков, занятых спецпереселенцами, не имели выгребных ям и хороших уборных. Нечистоты выбрасывались жильцами прямо на улицу рядом с бараками.

Чрезвычайно тяжёлыми были и квартирные условия. В 1934 г. в Оборском районе, где находилось 8,8 тыс. трудпоселенцев, в домиках небольшого размера обитало по 3—4 семейства, т.е. по 25—30 чел. На человека приходилось по 1,0—1,5 кв. м жилой площади. Многие дома оставались сырыми и не побелёнными из-за отсутствия извести. Часто вместо стёкол в окна вставлялась ткань. Несмотря на ужасную скученность, в жилых помещениях приходилось хранить и весь скарб, так как хозяйственных построек при домах не было.

В Могоче спецпереселенцы жили в бараках, практически не пригодных для этого. Стены и двери имели сквозные отверстия, в 70% случаев окна были обтянуты полотном. В бараках стояли не капитальные, а временные железные печи, которые сильно дымили, покрывая копотью потолки и стены, и не позволяли поддерживать равномерную температуру. Кроме явного неудобства такие печи были ещё и пожароопасными. В 1933 г. на приисках произошло 10 пожаров, но в посёлках не было пожарных машин, огнетушителей и другого пожарного инвентаря. На барачных печах люди не могли приготовить пищу и использовали для этой цели самодельные каменные печи, сложенные возле барака, у которых хозяйкам подолгу приходилось ждать своей очереди. Естественные спутники таких условий — грязь и на-

секомые, но привести себя в порядок жильцам было негде: баня топилась небрежно, нередко случались отравления угарным газом. Дезинфекционная камера, имевшаяся на прииске, не работала. Управляющий Желтугинской конторой Амурзолото А.Д. Гладковский и заведующий приисками И.Г. Янушко вместе с фельдшером Д.Н. Шешковым были осуждены за то, что в течение полутора лет «...допускали преступно халатное отношение к обеспечению надлежащих бытовых условий для спецпоселенцев»²²³.

В конце 1934 г. в трудпосёлках треста Среднеамурлес, где размещалось 9 819 чел., на одного человека в среднем приходилось 2,5 кв. м жилой площади бараков, часть из которых оказалась не отеплена. При этом строительство и ремонт жилья совершенно «не форсировалось», и кредиты на эти цели полностью не осваивались. Из ассигнованных тресту 1 950 тыс. руб. были освоены только 1 150 (менее 60%). По Оборскому ЛПХ строительный план выполнен на 50%, Хорскому и Кур-Урмийскому — на 55%, Троицкому — 75%, Тамбовскому — 30%²²⁴.

Потребовалось несколько лет, чтобы трудпоселенцы смогли обжиться и наладить свой быт, но и в более поздний период жилищные условия этой категории населения оставались неравнозначными. В сентябре 1936 г. начальник ГУЛАГа И.И. Плинер в отчёте перед наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым о состоянии трудовых посёлков писал: «...Наряду с районами, где трудпоселенцы вполне обеспечены нормальными жилищами и работают на одинаковых условиях с вольнонаёмными рабочими и служащими промышленности, имеются отдельные хозяйственные организации, где трудпоселенцы до сего времени не обеспечены нормальными жилищами, живут скученно, в антисанитарных условиях. Зарплата выплачивается с большим опозданием». Среди отрицательных примеров на Дальнем Востоке он назвал Амурзолото, Приморзолото и Среднеамурлес²²⁵.

К началу 1940-х гг. в Приморском крае и ряде районов Хабаровского края жилищно-бытовые условия в трудпосёлках были доведены до относительно приемлемых норм: семьи имели индивидуальные дома или отдельные квартиры, предоставленные хозяйственными организациями, обзавелись приусадебными участками, рогатым скотом, птицей и пр. Однако в то же время на ряде участков Мариинской комендатуры и в Кербинском районе трудпоселенцы продолжали жить в общих бараках по 2—3 семьи в одной комнате. Помещения эти не ремонтировались и пришли в негодное состояние, стёкла в окнах были выбиты, оконные проёмы забиты фанерой, и потому дневной свет в бараки не проникал. Жильцы спали на сплошных нарах. В спецпосёлках Инской и Мазановской комендатур дома не ремонтировали по 5—10 лет²²⁶.

Другим тяжким обстоятельством в жизни спецпереселенцев было плохое питание. Продукты завозились в совершенно недостаточных количествах и с большим опозданием. Зам. полпреда ОГПУ по ДВК Западный в отношении на имя зам. председателя ДКИК Недзвецкого от 27 октября 1930 г.

с возмущением писал: «Несмотря на то, что решение «О продовольственном снабжении раскулаченных» по моему докладу было принято 5 августа с.г., оно только 9 сентября оформлено протоколом Президиума ДКИК. Заинтересованным органам в т.ч. и в ПП ОГПУ, это постановление разослано лишь 18 октября за № 72/48 п.1, т.е. через 2,5 мес. по вынесению решения и через 1,5 мес. после оформления его протоколом. Считая такое положение ненормальным, сообщаю на Ваше распоряжение»²²⁷.

К началу 1932 г. на Дальнем Востоке в районы зимнего завоза доставили значительно меньше продовольствия, чем требовалось по официальным, довольно низким нормам: муки — 80%, крупы — 58,7%, мяса — 69%, рыбы — 79%, жиров — 61%. Краевая контора Союзхлеба наряды на муку выполняла с большими перебоями. В лесозаготовительных районах ощущался острый недостаток сахара, а на приисках кроме муки и селёдки вообще ничего не выдавалось. Вопреки указаниям сверху о равном обеспечении с вольными рабочими трудпоселенцы снабжались во вторую очередь. К тому же руководство Дальцветметзолота «просчиталось» на 5 тыс. чел., для которых продуктов совсем не завезли. А на второй квартал 1932 г. все разнарядки на продовольственное снабжение трудпосёлков в аппарате Далькрайсоюза были и вовсе потеряны. Местными хозорганами не выполнялись также наряды на тёплую одежду и обувь, особенно тяжёлое положение в этом отношении наблюдалось в районах Транслеса, куда через систему Дальцветметснаба пришлось доставлять 3500 пар валенок²²⁸.

В 1932 г. ухудшилось продовольственное снабжение трудпоселенцев в системе Наркомлеса, что вынуждено было признать и само руководство отрасли. В приказе №12/с по Всесоюзной автономной лесной секции от 2 февраля 1932 г. особенно тяжёлая ситуация отмечалась в Северном крае, ДВК и на Урале. Распространёнными фактами «грубейшего извращения и преступно-халатного отношения к делу» было уменьшение установленных норм снабжения, обвешивание, недовыдача причитающихся по планам продовольственных и промышленных товарных фондов и отгруженных в районы товаров, грубое обращение с людьми. На предприятиях Наркомлеса Уральской области, Западносибирского, Восточносибирского и Дальневосточного краёв за неполный год было разбазарено и расхищено 4 тыс. тонн хлебных фондов, предназначенных для спецпереселенцев. По этим фактам некоторые работники отрасли были привлечены к ответственности, в том числе председатель Дальневосточного леспотребсоюза Серый получил строгий выговор, а его коллегу по Уральскому региону отдали под суд²²⁹.

В 1932—1933 гг. главным фактором ухудшения питания советских людей стал голод, охвативший зерновые районы СССР. Острые продовольственные затруднения переживали и другие регионы, включая ДВК. В справках секретно-политического отдела ОГПУ сообщалось о голоде в дальневосточных сёлах и связанным с ним аномальным поведением людей (сбор прошло-

годних плодов на полях, поедание падали, намерения самоубийства многодетных матерей, не знавших, чем кормить детей и т.п.)²³⁰.

Сосланные «кулаки» были в числе наименее защищённых слоёв населения. Осенью 1932 г. сотрудники ОГПУ констатировали, что в ДВК «...особенную остроту продовольственный вопрос принял в Оборском спецпереселенческом и Тыгдинском районах, где недоснабжение спецпереселенцев довело их до форменного голода». В Оборском леспромхозе не вышло на работу 38 чел. вследствие снижения им выдаваемой ранее нормы хлеба²³¹.

С 1 января 1933 г. в спецпосёлках ввели карточную систему снабжения с пониженными нормами для нетрудоспособных членов семей: вместо 300 г. муки им стали выдавать 165 г, обычно без всякого приварка²³². Весной положение ещё более ухудшилось, особенно в Северном, Восточносибирском и Дальневосточном краях, и оставалось таким же в 1934 г. Перебои в продовольственном снабжении испытывали как предприятия Союззолота, так и лесной промышленности, в том числе в ДВК — в Могочинском, Тыгдинском, Зейском, Селемджинско-Буреинском, Кербинском, Пригородном, Оборском районах.

В одном из документов сообщалось о ситуации в тресте Среднеамурлес на 15 января 1934 г.: «В связи с несвоевременным спуском фондов НКЛесом, халатностью ОРСов и разбазариванием продфондов, имелись систематические перебои в продснабжении трудпоселенцев, в особенности по Оборскому ЛПХ, где основной продукт — мука — почти отсутствует. Общественное питание трудпоселенцев находится также в неудовлетворительном состоянии»²³³. На почве плохого питания и недостатка одежды трудпоселенцы стали хуже работать, участились случаи обморожения, голодных опухолей, отеков лица и ног. Голод заставлял людей искать продукты питания по окрестным деревням. В пищу использовалась мука из листвы, бобовых стручков и т.п. Однако это не спасало от истощения, цинги и смертных случаев. Кажется совершенно нелепым, что в такой ситуации руководство Оборского лесозавода № 15 в качестве наказания за непосещение занятий по техминимуму не выдавало рабочим продуктов. На Могочинских приисках случались перебои в продуктовом снабжении до 5—10 дней, также повлекшие за собой смертные случаи от голода²³⁴. Из трёх лет, 1932—1934 гг., когда в спецпосёлках ДВК был зафиксирован отрицательный естественный прирост населения, наибольшая убыль была в 1933 г.: на 688 родившихся пришлось 2 817 умерших (см. табл. 8, прил. 7—8).

Во второй половине 1930-х гг. снабжение жителей трудпосёлков стабилизировалось и в основном проводилось на общих основаниях со всем остальным населением. Случаи нарушения стали носить частный характер. Примером этому может служить закрытие магазина розничной торговли в пос. Сидатуне (Приморский край) в мае 1941 г., чем был нарушен пункт договора, заключенного с Иманским районным приисковым управлением треста Примзолото. В результате 250 чел. трудпоселенцев оставили без снабжения

продуктами, и люди вынуждены были уходить с работы в поисках хлеба. По этому факту меры принимались райкомом партии, райисполкомом и Уссурийским облисполкомом²³⁵.

Наиболее тяжело приходилось одиноким женщинам с малолетними детьми, старикам и инвалидам. Как не работавшие на производстве, они должны были довольствоваться пониженными нормами снабжения, а иногда и вовсе не могли получить ничего. В сводке ПП ОГПУ по ДВК от 4 июля 1930 г. сообщалось о ситуации на прииске Целик (Сретенский округ): «Катастрофическое положение создано с довольствием нетрудоспособного контингента, которого имеется всего 88 семей — 472 чел., в составе которых нет ни одного трудоспособного, и 21 семья — 208 чел., имеющая по одному работнику. Приисковые управления на местах до получения директив по своей линии, несмотря на настояния на местах Окротделов, не только не отпускали им продовольствия, но категорически отказывали в продаже его за деньги. (...) Имеется 29 семей, которые совершенно не обеспечены продовольствием, а поэтому обречены на голодовку...»²³⁶

Но и по прошествии 10 лет отсутствие трудоспособных членов семей продолжало означать обреченность на голод и нищету. По данным Н.А. Иванникова, в Хабаровском крае в 1940 г. снабжение работающих спецпоселенцев улучшилось в связи с введением закрытой системы торговли на промышленных предприятиях, но ухудшилось для тех, кто не мог ею воспользоваться, — лиц, не имевших постоянной работы, инвалидов, иждивенцев, многодетных семей²³⁷. В Селемджинской комендатуре (северный район Хабаровского края) в начале 1941 г. было 55 таких семей (150 чел.), разбросанных по 4 семьи в разных посёлках. Через открытую торговую сеть они могли приобрести только хлеб, да и то не всегда из-за отсутствия средств. Население этого района было занято в основном на старательских работах, где женский труд почти не применялся. Руководство ОТП НКВД края ставило перед вышестоящими инстанциями вопрос о переселении их в сельскохозяйственные районы, где семьи могли бы завести огороды. У местной же администрации средств на такой переезд не было²³⁸.

Материальные трудности спецпоселенцев усугублялись постоянными задержками выдачи зарплаты, что было повсеместным явлением на предприятиях страны. В Селемджинско-Буреинском районе на 1 января 1933 г. общая сумма задолженности по зарплате составляла 813 981 руб., в Кербинском районе — 139 399 руб., а в целом по ДВК с февраля по май 1933 г. — 2 млн. 761 тыс. руб. Кербинское приисковое управление выдавало спецпереселенцам авансы в размере 10—15 руб., задерживая выплату остальной суммы заработка на 3—4 месяца. Некоторые работники не получали полностью своих денег в течение года²³⁹. В конце 1934 г. в трудпосёлках треста Среднеамурлес задолженность по зарплате доходила до 100 тыс. руб.²⁴⁰ В 1938 г. особенно тяжело приходилось трудпоселенцам, которых использовали в лесных организациях системы Наркомлеса СССР, где зарплата задержива-

лась на 3—4 мес., снабжение продовольствием и промтоварами, особенно на лесоразработках, шло с перебоями²⁴¹.

В условиях «кулацкой ссылки» частично проблема питания могла бы решаться и самими трудпоселенцами за счёт индивидуального огородничества, но и здесь были объективные преграды. Далеко не сразу по вселении крестьянам стали выделять индивидуальные земельные участки под посеы и огороды. В конце июля 1930 г. ПП ОГПУ по ДВК только ещё просил ДКИК дать «срочные и решительные директивы окрисполкомам (...) подойти вплотную» к этому вопросу, а также «дать конкретные указания о разрешении закупки вселёнными молочного скота и тягловой силы»²⁴².

Негативную роль играло и настроение спецпереселенцев: часть из них находилась в подавленном психологическом состоянии, другая — питала иллюзии о недолговременности своего положения. Постоянные переброски семейств из одного посёлка в другой (по производственной необходимости) поддерживали такое настроение. Сложными для развития сельского хозяйства были и природно-климатические условия мест расселения кулаков — тайга, сильная заболоченность почв и др. И всё же значительная часть спецпереселенцев осознавала необходимость налаживания оседлой жизни.

Становлению спецпоселенческих хозяйств в определённой степени помогали льготная система кредитования, отсрочки платежей, периодическое списание задолженностей и т.д., которые существовали в рамках системы ОГПУ-НКВД²⁴³. Семьи, расселённые в 1930—1931 гг., освобождались от всех налогов и сборов до 1 января 1934 г. Некоторым эта льгота продлевалась до 1 января 1935 г., но основная масса облагалась налогами и сборами на одинаковых условиях с остальными гражданами. Спецпереселенцы обязаны были также погашать ссуды, выдаваемые на хозяйственное обзаведение²⁴⁴.

Со временем ссыльным крестьянам удавалось приобрести домашнюю живность, пчёл, они начинали разрабатывать участки под огороды. Например, в Оборском районе в начале 1934 г. в хозяйствах спецпереселенцев было взрослых лошадей 58, коров (молодняк) — 320, овец (молодняк) — 3, коз (молодняк) — 15, пчелиных ульев — 12, птицы — 65. И это несмотря на то, что у многих на хозяйственное обзаведение не хватало средств, трудно было приобрести инвентарь и семена, так как всё снабжение шло через руководителей производства и комендатур²⁴⁵. При этом ассигнования на сельхозустройство трудпоселенцев полностью не осваивались. По Среднеамурлесу на конец 1934 г. осталось не использовано 130 тыс. руб. (или 30%) по безвозвратным ссудам и 12 тыс. руб. по возвратным²⁴⁶.

В 1936 г. нарком внутренних дел СССР Г.Г. Ягода считал трудпоселенцев на Дальнем Востоке (в числе некоторых других регионов страны) всё ещё «хозяйственно окончательно неустроенными», по этой причине он не рекомендовал распространять на них предложенные им либеральные меры в отношении трудпоселенцев Западносибирского края и ряда других тер-

риторий (ускорение в восстановлении гражданских прав, принятие детей в ряды ВЛКСМ и др.)²⁴⁷.

В январе 1937 г. Н.И. Ежов и А.Я. Вышинский в письме на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова предложили в связи с утверждением новой Конституции СССР простимулировать трудовых поселенцев «к дальнейшему хозяйственному освоению в местах поселений» с помощью ряда льгот, в том числе снять с них всю задолженность по ссудам, освободить их хозяйства (артельные и единоличные) от мясо- и молокопоставок в 1937—1939 гг. в ряде районов (в том числе и ДВК) полностью, освободить от госпоставок, всех налогов и сборов подсобное сельское хозяйство трудпоселенцев, работавших в промышленности и в совхозах, на три года²⁴⁸.

Но как только спецпереселенцы стали подниматься на ноги, у властей возникло беспокойство по поводу «чрезмерного обогащения» крестьян. Особое внимание как на местном, так и на центральном уровне привлёк Оборский район ДВК. На заседании оргбюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю 7 декабря 1938 г. (протокол № 41) при обсуждении выполнения плана лесозаготовок в Оборском районе проблема продуктового и промышленного снабжения населения рассматривалась в плоскости противопоставления вольных работников трудпоселенцам. По словам участника заседания Захарова, в то время как завербованные красноармейцы и члены передовой женской бригады лесозаготовителей не могли купить себе элементарных бытовых предметов (зубной пасты, мыла, штанов, шапок) и ели «мороженный хлеб», «спецпереселенцы ходят в шубах, шелках, о них совершенно другая забота»²⁴⁹. На самом деле партийным руководителям резала глаз объективная разница между положением «старожилов»-трудпоселенцев и вербованных рабочих-новосёлков. Последние переживали многие трудности первоначального обустройства, которые «ссылные кулаки» к тому времени уже преодолели.

В 1938 г. начальник ОТП ГУЛАГа НКВД СССР М.И. Конрадов в докладной записке Н.И. Ежову писал: «...Пользуясь послаблением режима в ряде краёв и областей (Красноярский край, Иркутская область, ДВК), трудпоселенцы уклоняются от уплаты налогов, госпоставок и погашения ссуд, полученных ими в Сельхозбанке. (...) Некоторая часть трудпоселенцев пошла по пути хозяйственного кулацкого роста. Например, в Оборском районе Хабаровской области 64 хозяйства трудпоселенцев имеют по 3—5 коров, по 1 лошади, 2—3 свиньи, 2—3 головы молодняка. Имеют оружие, занимаются охотой...» Допущение такого «кулацкого роста» (или «политика нового окулачивания трудпоселенцев за счёт государства») считалось грубой политической ошибкой, что было вменено в вину ряду видных сотрудников НКВД в период Большого Террора²⁵⁰.

«Ошибка была исправлена» во время вторичного переселения трудпоселенцев в связи с «очисткой» погранполосы в 1939 г. Так, по воспоминаниям участников событий, жителей пос. Кедрача Оборского района, переселённых

в пос. Гусиный Ульчского района, разместили в «облупленные, почерневшие длинные бараки», «...внутри они были не лучше, чем снаружи. Длинные коридоры, по сторонам небольшие комнатки. Слышимость превосходная. В одном конце коридора чихнешь — в противоположном слышно. Каторга и только!» В комнатку, выделенную на семью из 5 чел., можно было вместить два топчана, которые сколачивали из грубых неотёсанных горбылей, и столик для принятия пищи. Постелью служили матрацы, набитые сеном. На обустройство людям дали два дня и обязали выйти на работу в леспромхоз. В очередной раз раскулаченным крестьянам пришлось налаживать быт заново. Правда, с прежнего места разрешалось брать с собой домашний скот, который стал подспорьем семьям, воспользовавшимся этим разрешением²⁵¹.

Но процесс возможного «окулачивания» по-прежнему зорко отслеживался. В 1941 г. начальник ОТП НКВД по Хабаровскому краю Соколова и ст. инспектор Дриц в отчёте за первое полугодие считали своим долгом обратить внимание руководства на колхоз им. Третьей Пятилетки Нанайского района, который пользовался льготами Крайнего Севера и был освобожден от госпоставок: «...Всю продукцию сбывает на рынок по высоким ценам, обогащается за счёт государства. Трудпоселенцы этого колхоза живут более чем зажиточно...»²⁵²

Налаженный с большим трудом быт спецпоселенцев нарушался постоянными перебросками на другие участки и предприятия (см. прил. 6—8). По данным ст. сотрудника отделения реабилитации ИЦ УВД Хабаровского края Н.А. Дзюня, редкая семья оставалась на месте первоначального выселения до конца своего срока проживания на спецпоселении²⁵³. Так, семью Комзиных, высланную из Ленинградской области в 1931 г. и попавшую на спецпоселение в Сквородинский район Амурской области, перебрасывали с места на место несколько раз. На разъезде Улягир мать с двумя детьми поселили в бараке, где проживало шесть семей. Работать приходилось на добыче золота. Затем семью перевезли на прииск «Читкан» того же района, куда прибыл и отец семейства после четырёх лет заключения в мурманских лагерях. Следующим пунктом проживания для них спецкомендатура определила прииск «Пионер», в 10 км от ст. Уруша, где Комзиных разместили в бараке на 10 семей. Через полгода разрешили построить отдельный дом и разработать землю под огород. Вскорости родился третий ребёнок. Однако в мае 1938 г. главу семьи арестовали вторично и расстреляли. Женщину с тремя детьми, отобрав дом и всё, что было нажито за это время, отправили на север Сквородинского района — на прииск Монголи, где снова поместили в много-семейный барак. «Тяжелые условия существования, — вспоминают дочери Анастасия и Валентина, — скудость оплаты за тяжёлый физический труд в шурфах на глубине до 10 м, необходимость кормить и одевать детей вынуждали нашу мать искать стороннего приработка, используя свои умения в пошиве одежды. Для этого мать иногда ночью, тайком от охраны уходила по тайге на соседние прииски, а утром, до начала смены, возвращалась. Не-

сколько раз её задерживали охранники и за т.н. «нарушение режима» на срок до нескольких суток садили в землянку-карцер...»²⁵⁴

Нередко комендатуры получали задание передать определённое число спецпосленцев для работы в других отраслях, как правило, на объектах, которым решениями центральных органов власти придавалось важное значение. Например, в 1940 г., когда встал вопрос о снабжении рабочей силой стройки № 15 (нефтепровод с Сахалина на материк), тресты Хабаровсклес и Приморзолото обязали передать туда 850 чел. из состава работников-спецпоселенцев. Поначалу руководители трестов попытались сопротивляться разнарядке, выделив только 50 чел., объясняя это тем, что многие семьи окажутся без кормильцев. Тем не менее под давлением Центра (телеграмма № 578 от зам. председателя СНК СССР Микояна) к концу года им всё же пришлось направить на стройку 647 чел., невзирая на то, что в большинстве семей не оставалось трудоспособных.

Отправленные же на стройку оказались в экстремальных условиях, их положение мало чем отличалось от положения работавших там же заключённых, о чём свидетельствуют приведённые в статье М.А. Кузьминой воспоминания строителя нефтепровода, бывшего спецпоселенца В.И. Карпова: «В 1940 г. в конце навигации последним пароходом из с. Троицкое Нанайского района нас привезли в Николаевск. Там перегрузили на морской пароход «Ковда» («Ковдой»). Поместили в грузовой трюм. Человек 300 или 500, точно не знаю. Сопровождало нас НКВД. Судно дошло до мыса Лазарева, где нас должны были высадить. Но наступила зима, пароход сковало льдом, до берега он не дошел. Несколько суток ждали ледокол. Пришёл. Называется «Игарка». Взял он нас на буксир и довёл до Де-Кастри. Разгрузили нас, а на утро пешим порядком параллельно Татарскому проливу по сопкам, рекам, по льду пошли мы на 150 км. Добирались около 2 суток, с отдыхом у костра. На мысе Лазарева нас поселили в палатки с печурками на 50 чел. каждая, рядом с зоной заключённых. Через несколько дней прошли ещё 35 км, теперь уже к месту работы. Установили 2 американские палатки. Стали жить и работать. Корчевали просеку под нефтепровод от Лазарева в направлении пос. Чихачева и Де-Кастри. Инструмент — лом, кирка, лопата, пила, вага деревянная, топоры. Питание было сравнительно неплохое. Все мы были спецпереселенцы с Троицкого леспромхоза. Наша бригада — молодёжь, пацаны, 12 чел. (...) В июне 1941 г. я окончил в Софийском курсы изолировщиков. Через месяц заболел ревматизмом ног. Отправили назад в Троицкий леспромхоз»²⁵⁵. Воспоминания очевидца подтверждаются и отчетными документами того времени. В справке о трудссылке в Хабаровском крае за 1940 г. отмечалось: «На стройке № 15 НКНефти люди живут в палатках, скученно по 50—60 чел., женщины — в общих палатках с мужчинами»²⁵⁶.

К концу десятилетия материально-бытовое положение сосланных «кулаков» приближалось к средним стандартам, характерным для жителей

данной местности или работников данной отрасли. Однако эта относительная стабильность могла быть нарушена в любой момент и действительно, нарушалась в связи с продолжавшимся подневольным состоянием трудпоселенцев, полностью зависевших от спецкомендатур и производственного начальства.

2.1.8. Становление медицинского обслуживания и школьного образования спецпоселенцев

Государство, организуя широкую сеть нового типа населённых пунктов в виде спец/трудпоселений, вынуждено было создавать для них и соответствующую социальную инфраструктуру. Одной из самых острых проблем было налаживание медицинского обслуживания. На регионы «спецколонизации» обрушились массовые потоки ослабленных и больных людей, то там, то здесь вспыхивали эпидемии, на борьбу с которыми централизованно не выделялось ни финансовых, ни кадровых ресурсов, а на местах в требуемых объёмах их просто не было. Так, в мае 1930 г. Далькрайисполком ходатайствовал перед СНК РСФСР об отпуске из резервного фонда 140 000 руб. на борьбу с сыпно-тифозной эпидемией в Оборском районе, но получил отказ и предложение «изыскать необходимые средства в бюджете края»²⁵⁷.

Хозяйственные руководители обращались в высшие инстанции с просьбой прислать в районы спецсылки медперсонал и медикаменты. Такую записку в комиссию А.А. Андреева 7 апреля 1931 г. направил А.П. Серебровский²⁵⁸. Но только 10 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) Постановлением «О спецпереселенцах» (протокол № 55, п. 17/31) утвердило разработанный НКЗдравом и ОГПУ план строительства и организации лечебной сети в спецпосёлках, возложив оказание медицинской помощи на НКЗдрав, а строительство — на хозорганы, использовавшие спецпереселенцев. Политбюро приняло к сведению, что Наркомздрав распорядился обеспечить посёлки медперсоналом за счёт переброски из центральных районов страны и внутрикраевого перераспределения в следующих количествах: врачей — 135 (из них на Дальний Восток — 4 чел.), фельдшеров — 754, из них 200 чел. предполагалось набрать среди оканчивающих медтехникумы, а остальных — путём выявления из состава спецпереселенцев и внутрикраевых перебросок. Наркомздрав должен был также выделить специальный эпидемический фонд, «...организуя борьбу с заразными болезнями немедленно по их выявлению в посёлках спецпереселенцев». Кроме того, на Центросоюз возлагалась обязанность завезти на места предметы санитарии и гигиены, в первую очередь, мыло. Это же решение прошло через Постановление СНК СССР №174/сс от 16 августа 1931 г.

Ещё одно Постановление «О санитарном состоянии и культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев» за № 185/38 сс СНК СССР принял 21 февраля 1932 г., в нём наряду с рассмотрением проблем борьбы с эпи-

демиями и других санитарно-гигиенических мероприятий было обращено внимание на питание детей. В частности, признавалось необходимым организовать на ближайшие 6 мес. дополнительное питание наиболее слабых детей младших возрастов (до 8 лет) прежде всего через сеть детских учреждений и специальных детских столовых²⁵⁹.

По данным на 6 октября 1931 г., на больничное строительство для спецпереселенцев Дальневосточному крайздраву выделили 31 500 руб., в том числе для Дальлеспрома — 4 500 руб., Транслеса — 2 000, Цветметзолота — 25000 руб.²⁶⁰, что было совершенно недостаточно. Трудновыполнимыми оказались и намеченные мероприятия по медицинским кадрам. Медтехникумы подготавливали только акушерок и медсестер, которые не могли работать самостоятельно без врача. Кроме того, выпуски в техникумах состоялись тремя месяцами раньше, и молодые медики были уже трудоустроены. Многие врачи со стажем отказывались выезжать из центральных регионов в «глубинку». Из выделенных Москвой для ДВК четырёх врачей поехали только двое. 26 октября 1931 г. Г.Г. Ягода писал председателю ЦКК Я.Э. Рудзутак: «Следует отметить исключительный факт преступной безответственности Московского облздрава, не выполнившего в течение 2,5 мес. незначительной развёрстки НКЗ (на основании постановления ЦК) о мобилизации четырёх врачей для ДВК, в результате там нет персонала для борьбы с крупными эпидемиями». Что же касается внутрикраевого перераспределения медперсонала, особенно средней квалификации, то его не хватало повсеместно, и «перебрасывать» в трудпосёлки было некого. В октябре 1931 г. органами здравоохранения туда вместо сотен фельдшеров были направлены единицы. К этому времени в спецпосёлках ДВК строительство медучреждений ещё не начиналось, хотя по плану Наркомздрава предусматривалось 7 фельдшерских пунктов и 3 больницы на 76 кроватей²⁶¹.

В ноябре 1931 г. в Главном управлении лагерей ОГПУ положение с медицинским обслуживанием спецпоселенцев в стране оценивали как «...никоим образом (...) не вошедшим в нормальное русло, ни в отношении строительства и организации лечебных учреждений, ни по комплектованию медицинского персонала, ни по финансированию мероприятий»²⁶².

Таким образом, в начальный период «кулацкой ссылки» жители спецпосёлков были практически лишены возможности получения медпомощи. Многие больные, в том числе с тяжёлыми хроническими заболеваниями и парализованные, лежали в палатках или бараках на общих нарах. Спецпосёлки находились на расстоянии 30—40 км от приисковых фельдшерских пунктов, которые к тому же не были обеспечены медикаментами и инструментами. Фельдшер бывал в посёлках только один — два раза в месяц. Тяжелобольных приходилось направлять в районные больницы за 120—200 км по таёжным дорогам. Отмечалось грубое отношение к спецпереселенцам со стороны медперсонала: нанесение оскорблений при осмотре, заявления о

том, что «мы вас, татар, вообще лечить не намерены», отказы в медпомощи и т.д.²⁶³

Лишь к началу 1932 г. в трудпосёлках ДВК наметилось небольшое улучшение в организации медсети. Удалось выявить 19 медработников из числа самих спецпереселенцев. Дальлеспром начал строительство больниц на разъезде Обор, станциях Сиваки, Кудеча. В районы из краевых ресурсов были направлены медикаменты на 40 000 руб., создана краевая ЧК по борьбе с эпидемиями²⁶⁴. В 1934 г. построенная больница на Оборе была неплохо оборудована и укомплектована. Однако она испытывала недостаток медикаментов, перевязочного материала, продуктов питания. Суточный паёк одного человека состоял из 40 г крупы, 20 г жиров, 300 г картофеля, 30 г сахара, но и его выдавали с большими перебоями.

В ещё более худших условиях находились больные цингой. Во всем Оборском районе для них работала одна специализированная больница на 40 коек в пос. Кедраче, представлявшая собой тёмное и низкое, практически непригодное помещение. Медперсонала не хватало, питание больных было чрезвычайно скудным. Даже выдавшие виды в силу своих должностных обязанностей проверяющие приходили в ужас от её состояния. Так, прокурор ДВК в докладной записке писал: «...Нельзя сказать, что это — больница. Скорее и вернее можно назвать её мертвецкой, потому что в эту больницу поступают больные не для того, чтобы выздороветь, а для того, чтобы умереть не на глазах у людей. Нет ни одного случая, чтобы оттуда вышел хотя бы один больной здоровым. Все больные оттуда выходят больными, потому что видов на выздоровление нет»²⁶⁵. В том же документе говорилось о «безобразном» медицинском обслуживании в приисковых посёлках Могочинского района. Единственный медработник в этом районе — фельдшер из числа осуждённых — систематически пьянствовал, помощь нуждавшимся оказывал небрежно, либо вовсе в ней отказывал, в результате чего судьба больных зависела от воли случая.

Закономерным итогом всего этого была высокая заболеваемость и гибель людей, особенно в первые годы «кулацкой ссылки». Так, в Сретенском районе к августу 1930 г. умерло 150 чел., главным образом, дети, 400 заболели корью, скарлатиной, гриппом и т.д.²⁶⁶ В октябре 1930 г. местное руководство оценивало ситуацию в спецпосёлках края в терминах «необеспеченность медпомощью», «массовые заболевания и вымирание», «угрожающее положение в связи с наступлением зимнего периода»²⁶⁷. Большое распространение получила цинга. На Джалиндо-Урканских приисках зимой 1930/31 г. цингой переболело 90% завезённых туда украинцев, тем не менее противочинготные средства приисковым управлением не были доставлены²⁶⁸. Летом 1932 г. заболевания цингой и дизентерией участились на прииске «Пионер» Тыгдинского района. С середины июля по 10 августа

здесь переболело более 300 чел. Необходимой помощи больным не оказывалось, так как не было медикаментов и продуктов для усиленного питания²⁶⁹.

В 1931 г. в ряде пунктов ДВК (на Оборе, в Бушуйке, Могоче, Зее), распространились эпидемии сыпного и брюшного тифа. Особенно тяжёлой ситуация была в пос. Бушуйке, куда эпидемию занесли спецпоселенцы, прибывшие со ст. Зея. Всего переболело 192 чел., умер 41. Краевые органы власти никакой помощи посёлку не оказали. В местной больнице работало два врача, остальной персонал набирался из самих спецпоселенцев «в порядке самообслуживания». Не доставало медикаментов, не было постельных принадлежностей.

В этих условиях более всего страдали дети. В пос. Бушуйке за 8 мес. 1931 г. умерло 184 ребенка до 5 лет (55% всех умерших). В результате на 3,3 тыс. жителей осталось 289 детей до 3 лет, из которых 111 родились в трудпосёлке (см. прил. 7). На специальном совещании представителей райкома партии, РИКа, ОГПУ и др., проведённом в Бушуйке 11 августа 1931 г., в числе других мероприятий было решено «детей до 14 лет перевести на обычные нормы детского снабжения, особо обеспечив в целях борьбы с детской смертностью *рисом** и *крахмалом*»²⁷⁰ (выделено нами. — Е.Ч.). В Оборском районе за 5 мес. 1933/34 г. на 222 умерших приходилось 119 (47%) детей до 16 лет, в том числе в возрасте до 3 лет — 52 ребенка, от 3 до 8 лет — 44. Большинство детей дошкольного возраста были чрезвычайно ослабленными²⁷¹.

К концу десятилетия медико-санитарное обеспечение в спецпосёлках региона было более или менее налажено в соответствии с общими условиями местностей пребывания спецпоселенцев. Согласно официальным отчетам оно оценивалось как удовлетворительное. «Сосланные кулаки» обслуживались органами здравоохранения на равных правах со всем остальным населением. В посёлках имелись поликлиники, больницы, медпункты. Эпидемических заболеваний не было. Проблемы в основном заключались в недостаточном количестве медикаментов, отсутствии тех или иных специалистов. Например, почти на всех приисках Хабаровского края не было стоматологов, и трудпоселенцам для лечения зубов приходилось ездить в г. Николаевск. С улучшением питания, бытовых условий и медицинского об-

* Родившаяся в спецпоселке Угахан Селемджинского района Амурской области А.Т. Гаврилова, у которой в 1937 г. был арестован и расстрелян отец, а мать осталась с тремя детьми, пишет: «...Жили в бараке за дощатой перегородкой. Таких вдов с детьми было много. Запомнился страшный голод. Помню, как от голода я не могла уже ходить. Мама умоляла фельдшера мне помочь, и он выписал мне 100 г риса. Просто чудом я осталась жива...». См.: Гаврилова А.Т. Вся свою жизнь терпели насмешки // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5. С. 472 – 473.

служивания стала снижаться смертность. Так, в Приморском крае в 1940 г. умерло 10 чел. (при общей численности 1 005 чел. в начале 1941 г.)²⁷².

Другим элементом социальной инфраструктуры были детские учреждения — ясли-сады и школы. Государство, оказывая внимание этой сфере, преследовало две основных цели: вовлечь матерей в производство (достигнув таким образом максимального использования трудовых ресурсов спецпосёлков) и охватить образованием и идеологическим влиянием спецпоселенческую молодёжь. Стране требовались образованные кадры с мировоззрением, соответствующим сталинской модели социализма. В «Материалах по вопросам о кулацкой контрреволюции» (февраль 1931 г.) говорилось: «...Очень важен и требует своего срочного организованного разрешения вопрос о молодёжи раскулаченных и расселяемых, которая при надлежащей постановке дела может и должна быть вовлечена в такие условия жизни, при которых из этих весьма внушительных кадров кулацкой молодёжи можно бы и следовало бы вырастить лояльный элемент трудящихся»²⁷³.

Создание школьной сети, управлявшейся краевыми и областными отделами народного образования, шло параллельно с развитием трудпосёлков. Если в начальный период «кулацкой ссылки» школы переживали специфические трудности новостроя, то в последующие годы они стали частью общей системы образования со всеми присущими ей проблемами, которые в системе трудпоселений усугублялись расположением школ в отдалённых и труднодоступных местностях (см. прил. 8). Дети трудпоселенцев могли также посещать другие школы, имевшиеся в районах проживания.

На школьно-просветительскую работу среди спецпереселенцев по постановлению СНК № 197/сс от 12 ноября 1931 г. было отпущено 600 000 руб., в т.ч. для ДВК — 24 000 руб. В 1932 г. ЦМЗ ассигновало на дальневосточные школы ещё 100 тыс. руб.²⁷⁴ Так же, как и в медицинском обслуживании, в школьной сфере был использован мобилизационный метод обеспечения кадрами. Осенью 1931 г. Наркомпрос разослал в края и области план направления учителей в спецпосёлки в качестве заведующих школами, по которому на Дальний Восток требовалось послать 10 педагогов 1-й ступени из Средневожского края. Однако к 1 декабря того же года мобилизация учителей не была завершена, и Наркомпрос оценивал состояние работы «по развёртыванию всеобуча» среди детей спецпоселенцев как неудовлетворительное. Поэтому регионам «кулацкой ссылки» (Казахстану, Якутии, Северному краю, Западной и Восточной Сибири, ДВК, Уральской области) Наркомпрос РСФСР рекомендовал «...послать своих уполномоченных в соответствующие края и области для ускорения проведения мобилизации и организации переезда мобилизованных учителей». При этом делалась оговорка, что такая работа «...не должна задерживать развёртывание школьной сети и укомплектование её педагогами за счёт местных учителей и учителей из спецпоселенцев»²⁷⁵.

На третий год «кулацкой ссылки» Наркомпрос отметил некоторые сдвиги в культурном обслуживании спецпереселенцев, в том числе и на Дальнем Востоке. Недостатки в этой работе, по мнению наркома, были общими для всех регионов: «неудовлетворительное выполнение школой программы общеобразовательных предметов, низкая грамотность учащихся и почти полное отсутствие политехнизма в содержании работы школы», «коммунистическое воспитание детей поставлено совершенно неудовлетворительно», «школьное строительство проходит недопустимо медленно»²⁷⁶. В 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) в Постановлении «О школах в трудпосёлках» (от 16 декабря) продолжали констатировать плохую комплектацию спецпоселенческих школ учителями и недостаток учебных пособий. ДВК был назван в числе регионов, где школы были размещены в непригодных помещениях²⁷⁷.

В начале 1932 г. на Дальнем Востоке, по официальным данным, было учтено 3 855 детей трудпоселенцев школьного возраста, из них посещали школы 3 755 чел., остальные не могли этого делать из-за отсутствия тёплой одежды и обуви. К этому времени в спецпосёлках было организовано 26 школ и 25 строились. Кроме того, часть детей училась в 28 местных школах, вместе с детьми вольного населения²⁷⁸.

В качестве примера развития данной сферы можно привести Оборский спецпоселенческий район. В 1934 г. в нём имелось 8 школ, которые посещало 1 297 учащихся, однако школьных мест не хватало, из-за этого многие дети не учились. Штат преподавателей не был полностью укомплектован, при этом в роли учителей, как правило, выступали молодые малоквалифицированные и неопытные работники. Школы плохо снабжались учебниками, пособиями, инвентарём. Что касается дошкольных учреждений, то в районе имелось только 6 яслей с охватом 326 детей. Помещения для них были тесными и тёмными. Малыши страдали от недостаточного питания, отсутствия жиров, овощей, молочных продуктов. Не хватало одежды, обуви, постельных принадлежностей, не было игрушек. Дети почти не бывали на воздухе, имели бледный и нездоровый вид, часто болели²⁷⁹.

Отрадным событием для молодёжи района, желавшей повысить свой уровень образования, стало открытие в 1931 г. школы-семилетки в Оборе, которую могли посещать дети из окружавших районный центр посёлков, независимо от социального статуса. В основном здесь учились спецпереселенцы. Бывший ученик этой школы Р.Ф. Гаврилов вспоминает о ней с большой теплотой, считая, что школа «готовила настоящих патриотов Родины». Она размещалась в новом деревянном двухэтажном здании и была по тем временам хорошо оборудована, имела физический и химический кабинеты, светлые, тёплые классы, отдельное помещение для столярной мастерской. Первым директором её был учитель истории И.М. Братышкин, русский язык и литературу вела его супруга М.И. Братышкина. Большую роль в развитии школы сыграл второй директор Н.С. Соколов, пришедший в 1932 г. При нём

расширился контингент учащихся, прибыло много преподавателей, снижавших любовь и уважение учеников, — В.П. Коробейников, Б.Г. Сухарев, А.И. Тучков, В.Н. Попов, А.П. Большаков и др. Дети из других населённых пунктов жили в интернате, питались в столовой за небольшую плату, в зависимости от заработка в семье. Малоимущие не платили совсем. Но питание было скудным, дети не наедались, покупали хлеб и ели его, запивая водой. Через некоторое время закрыли и эту столовую, предоставив ученикам полностью обеспечивать себя едой²⁸⁰.

Любопытным показателем идеологической «перековки» молодёжи в Оборском районе была детская коммуна «Имени XVII партконференции», организованная в мае 1932 г. группой из 52 подростков в возрасте от 14 до 17 лет, которые ушли от своих родителей по идейным соображениям, считая: «Нужно совершенно отказаться от родителей, только тогда мы сможем добиться от советской власти доверия и будем восстановлены в правах гражданства». Коммуна занялась огородничеством и кролиководством и была поддержана государственным финансированием. Однако в 1934 г. она перестала получать ассигнования из бюджета и с трудом держалась за счёт средств, выделенных ей Оборским леспромхозом²⁸¹.

Но это исключительный пример. Как и везде, дети спецпереселенцев были самыми разными по своим начавшим формироваться убеждениям, успеваемости, поведению. В документах надзорных органов приводится немало и «негатива». В докладной записке пом. начальника второго отделения СПО Сидорова в СПО ОГПУ о политическом настроении спецпереселенцев (не ранее 25 октября 1932 г.) сообщалось, что на прииске «Первомайский» Тыгдинского района «...беглый кулак Полянский, проживающий как вольный рабочий, воспользовался слабой культурно-воспитательной работой среди спецпереселенческой молодёжи, привлёк на свою сторону молодых ребят Шабуня Ф.И., Бунько Е.А. и Пшеничник М.С., из которых выработал активных антисоветски настроенных людей. Устраивал с ними нелегальные сборища, на которых им внушал о скорой гибели Советской власти, пытался организовать из них группу по оказанию помощи японцам на случай интервенции Дальнего Востока». На прииске Куликан того же района «...среди спецпереселенцев никакой культурно-воспитательной работы не ведётся. Молодёжь, не втянутая в культурную работу, находит себе развлечение в пьянстве, хулиганстве, картёжных играх и т.д. Временами молодежью администрации предъявляются рваческие требования с угрозами»²⁸².

В конце 1930 — начале 1940-х гг. , после вторичного перемещения половины дальневосточных спецпоселенцев из пограничной зоны, в районах «зачистки» осталась и относительно налаженная почти за десятилетие социальная инфраструктура спецпосёлков. В глубинных же районах, куда направили принудительных мигрантов, нагрузка на медицинские и детские учреждения существенно повысилась. В 1941 г. в Хабаровском крае на пять спецкомендатур приходилось два детсада, четверо яслей с охватом 209 де-

тей, кроме того, 56 малышей ходили в колхозные детсад и ясли при Троицкой комендатуре. Согласно отчёту начальника ОТП НКВД по Хабаровскому краю Соколовой, дети школьного возраста были полностью охвачены обучением. Лишь немногие не учились, а работали (главным образом, в семьях, где не было трудоспособных). Профессионально-техническое образование отдельно для трудпоселенцев не организовывалось, за исключением технического минимума для старателей при Софийской комендатуре. Ликбез для взрослых проводился в посёлках Селемджинской комендатуры (обучалось 50 чел.). Культурно-массовая работа осуществлялась на базе клубов, красных уголков, имелось несколько музыкальных и драматических кружков, библиотек. В отчёте Соколовой отмечались активность молодёжи на собраниях и митингах, преимущественно «здоровое политическое настроение», «одобрение мероприятий партии и правительства»²⁸³.

Спецпоселенцы на Дальнем Востоке прошли тяжёлый путь адаптации к дискриминационным условиям жизни и трудовой деятельности. Справедливости ради следует отметить, что в тот период немногим лучше жили и «полноправные» граждане страны. Особенно трудно приходилось семьям, переезжавшим в дальние регионы по промышленному оргнабору или плановому сельскохозяйственному переселению, о чём свидетельствуют многочисленные факты, нашедшие отражение в документах партийных и хозяйственных органов. Приведём лишь несколько примеров.

В 1932 г. от группы рабочих, прибывших из центральной части России на строительство военного объекта в с. Духовском (Уссурийская область), в Народный комиссариат труда поступила жалоба, что зав. работами Лейкин «зверски» обращается с ними и не выполняет условий трудового договора, из-за чего они намерены бросить работу²⁸⁴.

В Оборский леспромхоз для замещения спецпоселенцев, выбывших в результате «чистки» погранполосы, стали завозить демобилизованных красноармейцев и добровольных мигрантов по организованному промышленному переселению из Мордовии и Белоруссии. Их обустройство на новом месте описано в «Информации о подготовке и проведении лесозаготовок по тресту Хабаровсклес» от 3 декабря 1939 г.: «...Постельными принадлежностями в большинстве не обеспечены. Из-за недостатка печей в бараках холодно. В частности в Оборском леспромхозе на участке «38 клетка» рабочие спят, не раздеваясь на голых досках или на одних грязных матрацах. Антисанитарное состояние бараков привело к тому, что появилась вшивость. В большинстве бараков отсутствует керосин, лампы и стёкла к ним, рабочие вынуждены сидеть впотьмах. Культурно-массовая работа не проводится. В бараках отсутствуют умывальники, вода. Большинство рабочих, особенно недавно прибывшие, не обеспечены бельём, тёплой одеждой, обувью, рукавицами, имеются случаи обморожения ног (на Оборском и Сидиминском участках). Руководство Оборского леспромхоза бездушно-бюрократически относится к интересам рабочих. Накануне выходного дня за рабочими на

дальних участках должен приезжать рабочий поезд для отправки их к семьям, живущим в пос. Змейке. Вагоны посылаются не утепленные, люди вынуждены на морозе по 4—5 час. простаивать в ожидании отправки. Перевозки рабочих к месту их работы происходят всегда с большим опозданием, и этот день оказывается нерабочим»²⁸⁵.

В шахтёрском городке Сучане (совр. Партизанск) Приморской области в апреле — мае 1937 г. 74 ребенка умерло от кори, а в июле 149 — от дизентерии. 90% детей гибли в семьях, прибывших на Дальний Восток весной того же года из местностей, поражённых неурожаем. Поэтому они находились в истощённом физическом состоянии. В Сучане они столкнулись с нехваткой жилья (многим пришлось жить в палатках), недостатком продуктов питания, плохим медицинским обслуживанием. Вместо положенных по нормам 46 врачей на руднике работали только 11, не было педиатра. Никакой борьбы с эпидемией не велось. Больные дети без лечения лежали в палатках вместе со здоровыми. Городок обслуживала только одна машина Скорой помощи. Более 60 взрослых болели цингой²⁸⁶.

В Сахалинской области в первой половине 1940 г. резко повысилась детская смертность, в некоторых районах (Мгачинский, Нанайский) естественный прирост почти остановился и даже имел отрицательные значения. Это объяснялось тем, что среди детей большой группы переселенцев распространилась корь и токсическая диспепсия. Из-за отсутствия специальных помещений прибывшие не проходили положенных сроков карантина, и болезни быстро распространялись также среди местных детей²⁸⁷.

На строительстве завода 116 оборонной промышленности (Яковлевский район Уссурийской области) в 1937—1938 гг. положение с жильём считалось катастрофическим. Завербованные рабочие жили в палатках, но и их не хватало. Приезжавших размещали в колхозных сараях и других надворных постройках. Не было элементарных условий быта — воды, света, тепла. Чрезвычайно тяжёлое положение сложилось с продуктами питания. В торговую сеть посёлка не завозили предметов первой необходимости, на протяжении всего лета не появлялись огурцы, помидоры, картофель, не говоря уже о мясе, свежей рыбе и т.д. Хлеба продавалось недостаточно, и он был плохого качества. В целом торговля удовлетворяла только 50% потребностей населения. В больницах не хватало медикаментов, перевязочного материала. Больные получали лекарства через 2—3 дня, плохо обеспечивались питанием, постельным бельём и т.д. Совершенно неудовлетворительно оказалось организовано санитарное обслуживание: не было бани, карантин в отношении приезжающих не проводился, имелось много больных, особенно среди детей²⁸⁸.

Такие примеры можно продолжать бесконечно. Близкой оценки по данному аспекту придерживаются В.А. Колосов и П.М. Полян, которые считают, что методы добровольно-плановых переселений и условия, в которые

попадали мигранты, «зачастую носили такой характер, что фактически ничем не отличались от «мягких» репрессий типа административной ссылки или высылки, и сам статус завербованных по оргнабору рабочих «имел отчётливую тенденцию к их закрепощению», к «максимально жёсткому закреплению рабочей силы за предприятиями»²⁸⁹.

Однако в этом контексте важно заметить существенную разницу в положении добровольно-плановых мигрантов и спецпоселенцев. Первые считались полноправными гражданами (в рамках существовавшего режима) и переезжали на новые места по собственному выбору, как правило, «не от хорошей жизни», которая и толкала их на поиски лучшей доли. Не найдя её в местах вселения, они могли уехать, что и происходило, создавая высокий уровень «обратничества». Вторые же вывозились принудительно, были «гражданами второго сорта», лишённые гражданских прав и права покидать места спецпоселения, обязанные выполнять все распоряжения спецкомендатур. До этого большинство из них имело налаженные хозяйства, поэтому для этих людей ужасающие условия перевозки и новых мест поселения были особенно тяжелы не только физически, но и психологически из-за разительного контраста с прежней жизнью.

* * *

Итоги «кулацкой ссылки» показывают, что в 1930—1931 гг. на Дальний Восток СССР принудительно переселили более 35 тыс. чел. (возможно, около 50 тыс.) из Средневолжского края, Татарии, Белоруссии, Украины, Центрально-Черноземной и Ленинградской областей. В самом Дальневосточном крае в 1930—1934 гг. из своих деревень были изгнаны порядка 30 тыс. крестьян. Все спецпоселенцы на Дальнем Востоке прошли быстрый процесс раскрестьянивания. Их направили в распоряжение сырьёдобывающих предприятий, на базе которых была сформирована дальневосточная ветвь системы спец(труд)поселений страны, что отличало ДВК от большинства других регионов «кулацкой ссылки», где была более развита сельскохозяйственная специализация.

Всего на Дальнем Востоке до 1938 г. содержалось от 40 до 50 тыс., в конце 1930-начале 1940-х гг. — от 29 до 26 тыс. спецпоселенцев. Спецпосёлки размещались в основном в совр. границах Хабаровского края и Амурской области и лишь несколько — на севере Приморского края. На Колыме, Камчатке, Сахалине система спецпоселений не внедрялась. Основные группы спецпоселенцев были представлены «раскулаченными» крестьянами и выселенцами из приграничной полосы Белоруссии и Украины (т.н. «социально-опасным элементом»), незначительную часть составили также лица, направленные на трудпоселение по приговорам судов и органов ОГПУ.

Относительно стабильная географическая конфигурация системы в ДВК менялась дважды: в 1938 г., когда более 40% учётного населения спецпосёлков перевели в подчинение Читинской области в связи с

административно-территориальными изменениями, и в 1939 г., когда в рамках предвоенной социальной «чистки» Дальнего Востока 13 тыс. чел. (половина оставшихся на учёте) переселили из приграничной полосы в глубинные районы региона. В конце десятилетия началось медленное сокращение численности спецпоселенцев за счёт освобождения молодёжи в рамках частичной либерализации режима.

Как источник трудовых ресурсов «кулацкая ссылка» была значимой для расположенных в южной части Дальнего Востока предприятий лесозаготовительной и особенно золотодобывающей промышленности, в последней спецпоселенцы составляли 40—50% рабочей силы. Данный процесс развивался в рамках колонизационной политики того периода, которая приняла промышленный (сырьедобывающий) характер, что определялось начавшейся форсированной индустриализацией страны.

В те же годы для заселения региона государство использовало и другие формы миграций — добровольные и планово-мобилизационные, в том числе сельскохозяйственное и красноармейское переселение, переселение в Еврейскую автономную область, оргнабор и сезонную вербовку промышленных рабочих. Существенным дополнением к ним стали принудительные миграции.

Особенностью использования принудительного труда на Дальнем Востоке в 1930-е гг. было значительное преобладание заключённых по отношению к спецпоселенцам. К концу десятилетия здесь в трёх исправительно-трудовых лагерях (Дальлаге, БАМлаге, Севвостлаге) содержалось более 500 тыс. заключённых, в результате чего Дальний Восток стал крупнейшим «лагерным» регионом страны.

В общем процессе крестьянских депортаций в СССР этого периода регион играл периферийную роль. Удельный вес спецпереселенцев в ДВК был незначительным как по отношению к общей массе их по стране (порядка 4—2%), так и к численности населения Дальнего Востока (приблизительно от 3 до 1%). Тем не менее «кулацкая ссылка» сыграла здесь роль «пробного шара», на котором местные хозяйственные и пенитенциарные ведомства получали опыт управления большими контингентами принудительных мигрантов.

2.2. «Лагерная колонизация» на Дальнем Востоке (1933—1940 гг.)

Кроме спецссылки в 1930-е гг. в сталинском государстве практиковались и другие формы принудительной и полупринудительной миграции. В их числе была и такая специфическая форма, как перевод заключённых исправительно-трудовых лагерей на колонизацию, т.е. в специально-организованные колонизационные посёлки, куда могли приехать и их семьи. Данный способ формирования постоянного населения в районах деятельности исправительно-трудовых лагерей можно обозначить как «лагерную коло-

низацию» — в отличие от т.н. «спецколонизации», осуществлявшейся силами спецпоселенцев. В историографии феномен колонпосёлков не получил специального освещения. Лишь некоторые авторы попутно касаются данного вопроса при анализе деятельности исправительно-трудовых лагерей: по БАМ-лагу — О.П. Еланцева, по Севвостлагу (Колыма) — И.Д. Бацаев, А.Г. Козлов²⁹⁰ и др.

Основные принципы лагерной колонизации были разработаны руководителями силовых государственных структур и изложены в «Положении о колонизационных посёлках исправительно-трудовых лагерей ОГПУ», подписанном начальником ГУЛАГа Берманом и утверждённом 13 августа 1932 г. зам. председателя ОГПУ Ягодой. Авторы документа определяли цель их создания в том, чтобы осуществлять «задачи колонизации и оседания исправившейся части заключённых при лагерях ОГПУ». Посёлки являлись структурным элементом ИТЛ и полностью подчинялись его администрации (в её рамках создавались Колонизационные бюро), которая выбирала районы колонизации, способ использования труда поселенцев-заключённых, назначала комендантов посёлков, ведавших в них всей административной и хозяйственной деятельностью и осуществлявших надзор за соблюдением правил внутреннего распорядка. В зависимости от местных условий хозяйственная специализация поселений могла иметь различные направления — сельскохозяйственное, лесозаготовительное, рыбо-промысловое, рудодобывающее, производственно-промышленное.

Согласно «Положению...» на поселение разрешалось переводить только «тщательно проверенных заключённых из числа лучших на производстве и в быту» при условии, что они происходили из рабочих, крестьян, служащих и были осуждены за бытовые или должностные преступления или относились к категории «социально-вредный элемент», а крестьяне («аграрники») — только осуждённые по ст. 58—10 и 58—11 («ни в коем случае по другим к-р статьям»). Если срок наказания составлял до 5 лет, то заключённый до колонизации должен был отбыть 1/3 его, если свыше 5 лет — то полсрока (с зачётом рабочих дней). Кроме того, лица, имевшие семьи, должны были получить согласие своих семей на переезд в колонпосёлки. Перевозка семьи заключенного и принадлежавшего ей хозяйственного инвентаря производилась за счёт лагеря.

В «Положении...» прописывались права и обязанности. Колонисты-заключённые обязаны были работать там, где это определялось администрацией лагеря по согласованию с хозорганом, в том числе по найму в государственных организациях, на производственных предприятиях, в организованных ими самими артелях, а также по нарядам коменданта на работах по благоустройству посёлка и других работах в пределах посёлка. Зачет рабочих дней с момента перевода на колонизацию не производился. Вне работы они были свободны, но передвигаться могли только в пределах посёлка и места работы. После окончания срока наказания, предусмотренного

приговором, колонисты получали право полного свободного передвижения. Продолжительность рабочего дня и зарплата поселенцев устанавливались в общем порядке для данного производства и соответствующей квалификации, но колонисты обязаны были выплачивать лагерю процентные отчисления (не свыше 10%) от общего дохода своего и семьи до полного погашения ссуды, затраченной на них лагерем. Поселенцам разрешалось свободное вступление в брак. Члены семей колонистов-заключённых в гражданских правах не ограничивались, если не были подвергнуты каким-либо ограничениям до переселения²⁹¹.

В лагерях работа по переводу заключённых на колонизацию началась с изданием приказа ОГПУ № 890с от 14 сентября 1932 г., которым было введено в действие «Временное положение о колонизационных посёлках ИТЛ», повторившее основные пункты «Положения...»²⁹²

На Дальнем Востоке лагерная колонизация осуществлялась двумя ИТЛ — Севвостлагом и БАМлагом. По Дальлагу аналогичных сведений выявить не удалось, возможно (но это лишь предположение), она не проводилась в связи с уточнением предполагаемого ареала освоения. Если в «Положении...» организация колонпосёлков определялась как «одна из форм колонизации различных районов Союза с включением их в общее социалистическое строительство народного хозяйства СССР», то «Временным положением...», введенным в действие приказом ОГПУ № 890с, колонпосёлки определялись как «одна из форм колонизации *районов Севера*» (*выделено нами. — Е.Ч.*)²⁹³. Дальлаг же с его отделениями располагался в южной зоне Дальнего Востока — в районах Приморского и Хабаровского краёв. Вместе с тем мы не исключаем, что колонизация на базе Дальлага всё же проводилась, но для подтверждения или опровержения этого требуется дальнейший источниковый поиск.

Первым из дальневосточных лагерей перевод заключённых на колонизацию начал Северо-Восточный ИТЛ, действовавший в рамках Дальстроя (совр. Магаданская область). Приказом по УСВИТЛу от 2 декабря 1932 г. право на колонизацию предоставлялось всем заключённым, пробывшим в лагерях не менее одного года, а особо отличившимся — 6 мес. Члены семьи колониста переселялась за счёт Дальстроя и пользовались правом первоочередного получения работ на его предприятиях. На обзаведение имуществом выдавалась безвозвратная ссуда. По мнению директора ДС Э.П. Берзина, колонизация должна была способствовать «перековке» заключённых и освоению Колымы. Начавшая выходить с 22 января 1933 г. лагерная газета УСВИТЛа «Верный путь» объявила о приказе в своём первом номере. В декабре 1932 г. было создано Колонизационное бюро во главе с начальником УРО УСВИТЛа А.Н. Майсуградзе, а в 1933 г. были организованы колонпосёлки Весёлая, Темп, Ударник²⁹⁴.

Колонизационный посёлок в Тынде (БАМлаг).
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 40. Л. 27-об

Жилой дом в колонизационном посёлке в Тынде.
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 40. Л. 28

Наводнение в районе строительства БАМа.
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 17. Л. 26

Наводнение в районе строительства БАМа.
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 17. Л. 26

Трудовая артель Якшибаева в БАМлаге.
1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 4. Л. 8

Дети колонистов в Тынде. 1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 40. Л. 28

Ст. Тактамыгда на БАМе. Декабрь 1932 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 5. Л. 1

Ст. Мухинская на БАМе.
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475.
Оп. 3. Д. 18. Л. 6-об

Вагон-электростанция на строительстве вторых путей БАМа.
1933 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 6. Л. 40

На слёте ударников строительства вторых путей БАМа. Ст. Мухинская.
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 18. Л. 6-об

На слёте ударников строительства вторых путей БАМа. Ст. Мухинская.
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 18. Л. 7

На слёте ударников строительства вторых путей БАМа. Ст. Мухинская.
1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 18. Л. 7

Зрители на слёте ударников строительства вторых путей БАМа.
Ст. Мухинская. 1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 18. Л. 7

Зрители на слёте ударников строительства вторых путей БАМа.
Ст. Мухинская. 1935 г. // РГИА ДВ. Ф. Р-2475. Оп. 3. Д. 18. Л. 7

Приказом по ДС от 23 февраля 1934 г. минимальный срок отбытия наказания заключённым в лагере до перевода его в колонпосёлок устанавливался один год, на первые расходы колонистам была обещана безвозвратная ссуда в размере 350 руб. Проработав не менее трёх лет в системе Дальстроя по окончании срока заключения, колонист имел право возбуждать ходатайство о снятии судимости. В случае недостойного поведения (пьянство, кражи) или плохого отношения к труду лица, у которых не истёк срок заключения, подлежали возврату в лагерь. В приказе по Дальстрою от 17 октября 1935 г. было объявлено об *обязательном* закреплении колонистов в крае на срок не менее трёх лет по отбытию наказания²⁹⁵.

Колымские колонпосёлки были благоустроены, имели магазины, ларьки, бани-прачечные, пекарни, мастерские. Население в них занималось сельским хозяйством (включая животноводство, полеводство и огородничество), охотой, строительством, в свободное от основных работ время — отхожим промыслом на предприятиях ДС. Одним из основных направлений хозяйственной деятельности колонпосёлков стало рыболовство. Например, в ведении пос. Ударник находились рыбные промыслы Богурчан, Умара, Оторган и Дукча. Попутно развивалось и бондарное производство. По данным А.Г. Козлова, в 1935 г. колонисты выловили 18 072 ц рыбы, собрали 31 т картофеля, 57 т капусты, 84 т других культур, забили 741 голову морского зверя, произвели 10 576 л молока, 1006 кг масла, 1973 кг творога, 2881 кг сметаны, 1369 кг мяса. В их хозяйстве имелось 68 коров, 5 быков, 51 теленок, 6 волов, 37 лошадей, 101 свинья, 152 ездовые собаки²⁹⁶. В 1936 г. колонисты добыли 1 807 и обработали 5 277 ц рыбы, изготовили 33 278 бочек и 316 засольных чанов²⁹⁷.

В отчёте Колонбюро ДС за 1937 г. отмечалось: «Годовая практика работы показала полную экономическую рентабельность хозяйств колонпосёлков». Колонисты работали «по методу колхозной системы» (неуставные артели), доходы распределялись по трудодням, оплата за трудодень составляла 10 руб., на 1938 г. было запланировано 12 руб. Основная хозяйственная деятельность — лов и обработка рыбы, строительство, сельское хозяйство, охота на пушного зверя и убой морского зверя. Результаты строительства выразились в следующих цифрах (в куб. м): жилищное — 4 376, промысловое — 516, хозяйственное — 2 339, временные сооружения — 50, школьных зданий — 3 145, также было изготовлено 260 парниковых рам, необходимые лесоматериалы заготавливались собственными силами. Часть работников направлялась в горнопромышленные районы и автотранспорт (в основном специалисты указанных производств — инженеры, прорабы, мастера, забойщики и т.д.), а 250 чел. — на обслуживание дороги (участки, обходы, путевой персонал). Однако, по мнению Колонбюро, практика показала нецелесообразность использования колонистов на эксплуатации дорог, и эту группу перебросили в посёлки²⁹⁸.

В целом этот процесс в Севвостлаге шёл медленно. Численность колонистов составляла (на 1 января каждого года): в 1934 г. — 403 чел., 1935 — 614, 1936 — 739, 1937 — 1047, 1938 — 999²⁹⁹, а число добравшихся к ним семей с 1934 по 1937 гг. увеличилось с 5 до 461. Руководство треста не было заинтересовано в широком размахе колонизации, так как нуждалось в рабочих прежде всего на основном производстве. Кроме того, требовались дополнительные финансовые затраты на обустройство поселенцев и членов их семей³⁰⁰.

Из-за отдалённости районов Колымы, длительности переезда и связанных с ним расходов не все семьи колонистов приезжали в Дальстрой. По этой причине многие заключённые, у которых истёк срок наказания, не задерживались в посёлках, а уезжали с Дальнего Севера. Например, в 1935 г. на колонизацию перешел 291 заключённый, прибыло 219 семей (653 чел.), выбыло «на материк» 166. Общее число жителей этих посёлков составляло 836 чел., в том числе в пос. Веселой — 253, Ударнике — 329, Темпе — 254 чел.³⁰¹ В 1937 г. колонизирован 291 чел., деколонизировано — 109 чел., умерло — 8, освобождено — 219 (из них уехало — 70, осталось — 149). Всего состояло на учёте на 01.01.37 — 1047 чел. (не считая семей), на 01.01.38 — 999 чел.³⁰²

Аналогичный процесс развивался и в БАМлаге, имеющиеся источники позволяют рассмотреть его более подробно. В начале 1933 г. в лагере объявили приказ «Об ударничестве и трудсоревновании на строительстве БАМа и БАМлага ОГПУ», один из пунктов которого извещал о праве заключённых «за систематическую работу и хорошее поведение» перейти на колонизацию. Обращает на себя внимание, что в отличие от «Положения...», выработанного в центральном аппарате ОГПУ, руководство БАМлага предоставляло такую возможность всем без исключения лагерникам, независимо от статьи осуждения, по отбытии ими одного года заключения. Предусматривалось, что переведенные на колонизацию будут получать заработную плату полностью за исключением вычетов по выданным ссудам, трудоспособные члены семей приобретали право преимущественного поступления на работу в организации БАМа. С бывших заключённых, проработавших на строительстве железной дороги или иных предприятиях БАМа в качестве вольнонаёмных не менее трёх лет, снималась судимость. Их дети при поступлении в учебные заведения приравнивались к детям трудящихся³⁰³.

Отличительной чертой колонизации в БАМлаге была предварительная изыскательская подготовка районов освоения и подробное землеустроительное планирование. Поэтому организация колонпосёлков здесь началась не сразу. 30 июля 1934 г. СНК СССР принял Постановление №1806/325-с «О мероприятиях по созданию сельскохозяйственной базы в районах БАМ». На НКВД и Переселенческий комитет при СНК СССР была возложена задача произвести на территории, примыкающей к строящейся БАМ, исследовательско-изыскательскую работу, выявить земельные фонды, при-

годные для заселения и сельскохозяйственного освоения, и представить на рассмотрение СНК СССР план и условия переселения на 1935 и 1936 гг.³⁰⁴

В 1934 г. Колонизационное бюро БАМлага провело изыскательские работы, которые были сконцентрированы в пределах ДВК на участке от горного хребта Яблонный до г. Комсомольска-на-Амуре и охватывали северную часть Зейской (Рухловский, Дженатурский, Зейско-Учурский и Зейский районы), Амурской (Селемджинский, Мазановский и Бурейский районы), Хабаровской (Комсомольский район) областей и юго-западную часть Нижне-Амурской (Кербинский район), общей площадью примерно 26,5 млн га.

До начала реализации проекта на этой территории проживало около 28 тыс. чел. (на 01.01.1933 г., без г. Комсомольска-на-Амуре), которые были заняты в основном на железнодорожном и водном транспорте, лесных разработках и промыслах, частично — на золотых приисках, малочисленное коренное население существовало за счёт охоты и оленеводства. Сельское хозяйство здесь было неразвито.

По разработанному в 1934 г. общему плану сельскохозяйственной колонизации вся обследованная территория разделялась на 5 подрайонов (по названиям рек) — Ольдой-Гилюйский (Рухловский и Желтулакский районы Зейской области), Зейский (Зейский и Зейско-Учурский районы Зейской области), Селемджинский (Мазановский и Селемджинский районы Амурской области), Бурейский (Бурейский район Амурской области) и Амгунь-Эверонский (Комсомольский район Хабаровской области и Кербинский район Нижне-Амурской). По проекту на всех выявленных земельных фондах можно было расселить 3 460 семей.

Колонбюро определило, что наибольшими возможностями для создания пахотных и сенокосных угодий располагал Селемджинский район, большое сельскохозяйственное значение в будущем придавалось также Амгунь-Эверонскому подрайону, который на 70% располагался в умеренно тёплой зоне. Районами же первоочередного освоения были избраны Зейский и Мазановский, где проектировалось создание 18 колонпосёлков³⁰⁵.

Всего было выявлено пригодных под сельскохозяйственное освоение 52 520 га земель, в том числе усадебных и огородных — 1 700 га, пахотных — 15 900, сенокосных — 8 850, выгонных — 26 070. Однако все эти земли требовали трудоемкой обработки — сплошной вырубке леса, раскорчевки, расчистки с частичным осушением³⁰⁶.

Планы колонизации выбранных районов силами БАМлага требовали значительных финансовых вложений, поэтому ежегодно они утверждались на уровне высших государственных органов: были приняты постановления ВЦИК и СНК СССР от 30 июля 1934 г., 17 сентября 1935 г., 17 марта 1936 г. и др., на основании которых намечалось расселить в районах освоения в 1934 г. — 400 семей колонистов, 1935 — 500, 1936 — 960, 1937 — 600, т.е. всего за эти 4 года — 2 460 семей и занять их не только в сельском хозяйстве, но и на железной дороге по мере сдачи её объектов в эксплуатацию.

Первый этап переселения должен был пройти зимой 1934/35 г., когда на головном участке БАМа* при станции Мартыгит, в Тынде и Зее планировалось принять 400 семейств, построив для них 200 двухквартирных домов. Однако на практике сразу же начались сбои, и в 1934 г. вся колонизационная работа свелась к изыскательским исследованиям, которые завершились только в январе 1935 г., когда по транспортным условиям новых районов завозить продовольствие, фураж, стройматериалы было невозможно. Колонбюро БАМлага смогло провести лишь подготовительные работы, построить 19 домов и начать предварительное формирование населения новых посёлков. К апрелю 1935 г. заявления на колонизацию были приняты от 370 семейств, из них получили разрешение 25, остальные заявления находились в стадии рассмотрения³⁰⁷. На 1935 и 1936 гг. намечались расширенные планы землеустроительных работ (см. табл. 10).

В 1935 г. колонистов планировалось расселить в двух посёлках по 250 семей, где им предстояло организоваться в сельхозартели, создать МТС и подготовить к производству земельные фонды. В помощь им на строительство и мелиоративные работы из исправительно-трудовых лагерей выделялось до 400 заключённых³⁰⁹. Только к лету были окончательно установлены участки для двух посёлков и начато строительство жилищ. Перевозка туда людей, техники, различных материалов началась с открытием навигации по р. Зее. В июле на месте поселения находилось лишь 32 семьи, 141 семья была в пути и 185 проверялись на пригодность к колонизации. В посёлки отправили 7 гусеничных тракторов и другой сельхозинвентарь, 125 коров с телятами, 119 лошадей. Снабжение скотом было ограничено из-за отсутствия подготовленной кормовой базы.

Ещё до прибытия первых семей заключённые засеяли 288 га, в том числе 143 га — картофелем, 78 га — овощами, 62 га — зерновыми культурами, 5 га — овсом на зелёный корм, а сами прибывшие — ещё 47 га овощами и картофелем на раскорчёванных землях³¹⁰.

С целью лучшей закрепляемости новосёлов ЦИК и СНК СССР 17 сентября 1935 г. приняли Постановление № 18—2104—350с «О льготах для поселенцев в районы БАМа и мероприятиях по их хозяйственному устройству». Согласно этому документу бывшие БАМлаговские заключённые-колонисты, объединённые в неуставные сельхозартели, и отдельные поселенцы освобождались на 10 лет от обязательных поставок государству всех видов сельхозпродукции. С переселенцев снимались все числившиеся за ними недоимки по обязательным поставкам государству продуктов сельского хозяйства. На Заготзерно возлагалась обязанность принимать от переселявшихся се-

* Головной участок составляла линия Тахтамыгда – Тында, первоначально это был основной объект строительства БАМа. В 1934 г. заключённые были переброшены на строительство вторых путей. См.: История сталинского Гулага... Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С. 579.

мей в местах их отправления хлеб и фураж с тем, чтобы они могли получить на месте вселения по соответствующим квитанциям такие же продукты. Эта же организация должна была отпускать по заявке НКВД СССР необходимое количество продовольствия для снабжения 500 семей поселенцев по нормам, установленным для Дальстроя. Для содействия развитию рыболовства и охотничьих промыслов пункты Союззаготпушнины обязаны были выдавать артелям и отдельным поселенцам кредиты и ссуды и снабжать их рыболовными и охотничьими принадлежностями по заключённым с ними договорам³¹¹.

Таблица 10

**Планы работ по освоению сельскохозяйственных земель
в колонпосёлках БАМлага на 1935 и 1936 гг.** ³⁰⁸

	1935	1936
Постройка жилых помещений	46 000 кв. м	112 240 кв. м
Постройка зданий коммунального, культурного и сельскохозяйственного назначения	20 332 кв. м	52 219 кв. м
Строительство полевых дорог	6 км	—
Строительство грунтовых дорог	—	55 км
Строительство дамб и шлюзов	—	5 км
Мелиоративные работы	375 га	1150 га
Расчистка сенокосов	200 га	1680 га
Раскорчёвка земель	—	2 680 га
Срезка кочек	—	800 га
Введение посевных площадей под огородные культуры	125 га	—
Введение посевных площадей под овес	100 га	—
Введение посевных площадей под озимые хлеба	250 га	—
Снабжение коровами	100 голов	200 голов
Снабжение лошадьми	100 голов	230 голов
Снабжение молочными козами	50	170
Снабжение тракторами	35	—
Снабжение грузовыми машинами	4	—

Плановое число колонистов на 1936 г. составляло 960 семей, в том числе в Зейском районе — 500, на головном участке — 280, в совхозе ОРС головного участка — 100, в Мазановском районе — 80 семей. Их предполагалось расселить в пяти посёлках сельскохозяйственного назначения, двух железнодорожных посёлках с подсобным хозяйством, одном рабочем посёлке, где

создавалось предприятие по производству кирпича и других строительных материалов. Население уже выстроенного в 1935 г. железнодорожного посёлка Тынды намечалось увеличить с 70 до 140 семей³¹². Однако план 1936 г. так же, как и предыдущих двух лет, был реализован лишь частично. БАМлаг до конца года не смог выделить людей для колонизации вследствие недостатка рабочей силы на строительстве вторых путей железнодорожной магистральной. ГУЛАГ НКВД был вынужден отправить на колонизацию районов БАМа и для оказания помощи в строительстве 1550 заключённых из Карлага и Сиблага. Имевшаяся рабочая сила обеспечила выполнение не более 40% запланированных работ. В октябре 1936 г. руководство БАМлага просило направить в район колонизации ещё тысячу заключённых из лагерей и тюрем на 4—5 месяцев в помощь строительству посёлков³¹³.

В этот период в структуре БАМлага действовали два колонизационных пункта — Верхне-Зейский (в пос. Брянта в 260 км от ст. Тыгда Амурской железной дороги) и Селемджинский (в пос. Норском в 240 км от ст. М. Чесноковская), Зейский совхоз (в г. Зее в 120 км от ст. Тыгда), Тындинская комендатура (в пос. Тында в 175 км от ст. Б. Невер). Задача этих подразделений, сформулированная руководством Колонбюро, состояла в том, чтобы «организовать и руководить всеми колонизационными мероприятиями на местах и осуществлять в то же время лагерное администрирование состоящих на работах в колонпунктах заключённых».

Посёлки развивались на базе лагерной инфраструктуры, что давало им несомненное материальное и организационное преимущество по сравнению со спецпоселениями. Например, колонпосёлок Норский располагался в зоне одного из крупнейших населённых пунктов района, который назывался Норский склад или просто Норск. По воспоминаниям бывшего строителя БАМа Н.П. Егорова, он раскинулся по левому берегу р. Селемджи и занимал обширную территорию. Там размещалась база БАМлага со множеством складов и помещений, в которых хранились большие запасы продовольствия и всевозможные материальные ценности для снабжения лагерей. Рядом содержались заключённые, использовавшиеся в основном на заготовке и сплаве леса. Кроме того, в Норске образовался целый палаточный городок изыскателей, поскольку в этом пункте изыскательские партии получали для своих экспедиций рабочих-заключённых, продовольствие и вьючных лошадей³¹⁴.

Всего было организовано 8 колонпосёлков — Брянта, Норский, Тында, Потехино, Петровка, Бордоган, Кохани, Черноречье. К началу 1936 г. в них находилось 1 290 колонистов-заключённых и 176 семей. Ожидалось, что и ко всем остальным приедут семьи, но в 1936 г. их прибыло только 300. К концу года всего в колонпосёлках находилось 476 семьи (1 532 чел., из них 625 взрослых и 907 детей.), а общее число жителей составило 2822 чел.³¹⁵

Принятые планы завоза семей колонистов на БАМ «проваливались» ежегодно: в 1934 г. не было переселено ни одной семьи из намеченных 400,

в 1935 г. приехали 176 из 500, в 1936 г. — 300 из 960, 1937 — 488 из 600. Пик роста населения колонпосёлков БАМлага пришёлся на середину 1937 г. (3 773 чел.), а вместо определённых планом на 4 года 2 460 семей к началу 1938 г. удалось завезти лишь около тысячи (см. табл. 11).

Таблица 11

Население колонпосёлков БАМлага в 1936—1939 гг. ³¹⁶

	Колонисты- заключённые	Семьи	Всего чел.
01.01.1936	1 290	176	нет св.
01.01.1937	1 290	476	2 822
01.07.1937	1 279	812	3 773
01.01.1938	нет св.	964	2 965
01.01.1939	нет св.	542	2 120

На перевозку одной семьи выделялось в среднем 300 руб. Но этого оказалось недостаточно, так как данная сумма была рассчитана на трёх чел., фактически же прибывавшие семьи имели в среднем по 4—5 чел., а некоторые и больше. Кроме того, выделялось в среднем по 50 руб. на перевозку семьи от селения до станции железной дороги из расчёта 25 км. В реальности расстояние это превышало 25 км, а в ряде случаев достигало 200—300 км, в особенности при перевозке жителей Казахской ССР, Узбекской ССР и Бурят-Монгольской АССР³¹⁷.

В колонпосёлках, специализировавшихся на сельскохозяйственном производстве, трудоспособное население объединилось в неуставные сельхозартели, шесть из которых находились в Верхне-Зейском колонпункте и одна в Селемджинском. Но приступить к непосредственному производству смогли только брянтинская и норская артели в 1936 г., остальные занимались организационно-подготовительными работами и строительством посёлков. Размеры доходов артельщиков от производства и домашнего хозяйства составляли в среднем 150—270 руб. ежемесячно. В пос. Тынде была организована промартель, объединявшая 110 чел., в том числе 56 колонистов и членов их семей. Тындинская артель обеспечила своих членов хорошими заработками, в среднем до 600—700 руб. на семью в месяц. Зейский совхоз снабжал колонизированные районы сельскохозяйственной продукцией. Он имел свиноводческую ферму на 209 голов, занимался полеводством на 513 га и огородничеством на 106,87 га.

Освоение новых земель затрудняли неоднократно повторявшиеся паводки и пожары, которые уничтожали живой лес, заготовленные лесоматериалы, сено и постройки. Так, летом 1938 г. случилось несколько высоких паводков. В июле было почти полностью унесено заготовленное артелями сено. Его пришлось заготовливать снова, на этих работах в августе — сентя-

бре работало до 300 чел. ежедневно. Артелям, пострадавшим от наводнения, было выделено 200 тыс. руб. за счёт неиспользованных кредитов. Опыт проживания в этой местности и изучение водного режима р. Зеи показали, что три из подготовленных колонпосёлков (на 372 семьи) находились под угрозой затопляемости во время больших паводков. Поэтому в 1938 г. стало ясно, что до постройки дамб заселение этих посёлков нецелесообразно³¹⁸.

Существовало много других организационных и текущих проблем. Так, Норская артель до 1939 г. не была обеспечена в достаточной степени пахотно-пригодными землями. В 1938 г. по всем артелям не производилось закупки скота, а лошади и коровы, закупленные в 1936 г., оказались «плохого качества». На хозяйственном совещании при Колонбюро 22 марта 1937 г. председатель брянтской сельхозартели Бурунов обращал внимание на убыточность содержания коров и свиней, для которых корм приходилось покупать на рынке — артели ещё не имели своей кормовой базы. Он также говорил о невыгодности привлечения заключённых на колонизационные объекты, так как это удорожало все работы. Были претензии и к техническому снабжению: артелям не поставлялись верёвки, сбруя, войлок, железо и т.д. Начальник финансового сектора Колонбюро Ярыгин жаловался на отсутствие квалифицированных счётных работников: направленные из Сиблага 40 чел., за исключением 10—15, «...оказались или пьяницами, или мелкими жуликами, а в основном, хотя они и проходили по регистрации как счетные работники, стажа совсем не имели и в некоторой части были совершенно полуграмотные...»³¹⁹

Одновременно с возведением жилья устраивалась и поселковая инфраструктура. Для медицинского обслуживания колонистов в 1936 г. в посёлках Брянте, Потехино, Петровке и Норске были созданы фельдшерско-акушерские пункты (на 5 коек каждый, из которых одна — для рожениц), в остальных посёлках — т.н. «здравпосты». В г. Зее для заболевших новосёлов был устроен санпропускник на 4 койки. Те же, кто нуждался в специализированном и хирургическом лечении, направлялись в районную больницу БАМлага. В 1938 г. медпунктов стало 6 на 25 коек, в них работали 14 чел. медперсонала. В Брянте работал также ветеринарный пункт.

Образование дети колонистов получали либо в имевшихся 7-летних школах посёлков Тынды и Дамбуки, либо во вновь созданных начальных в пос. Брянте, Потехино, Норском, Петровке, там же были организованы и интернаты для учеников из других посёлков. В Брянте к началу 1936/1937 уч. г. вместо начальной школы, размещённой временно в двух жилых домах, построили новую школу на 6 классов, занятия в ней шли в две смены. В пос. Норском действовали русская и национальная (для детей национальных меньшинств) школы, которые располагались в жилых строениях. В 1937 г. в колонпосёлках функционировало 38 классов, их посещали 485 детей, в 1938 г. — 6 школ (26 классов) и 683 учащихся. Все эти учебные заведения содержались Зейским районо. К началу 1939 г. число школ сократилось до 5,

а классов — до 19, в них работало 22 преподавателя, при этом число учеников увеличилось до 720. Однако дети колонистов не имели возможности посещать 8—10 классы, так как в зейской и дамбукинской средних школах не было свободных мест. Для малышей в пос. Брянте, Норском и Потехино были организованы детсады, в период сезонных сельхозработ в Брянте действовала детская площадка — аналог современных пришкольных лагерей.

Культурно-просветительное обслуживание колонистов, как и везде в сельской местности того времени, осуществлялось через избы-читальни или колхозные клубы. Однако из-за недостатка площадей размещались они в жилых домах или даже в приспособленных хозяйственных постройках (конюшнях, бывших столярных мастерских и т.п.). Специально построенная изба-читальня и кинопередвижка находились в Брянте. Колонисты выпускали стенгазеты, проводили вечера самодеятельности, организовали драматическую труппу, работали также кружки по подготовке трактористов и работников парникового хозяйства³²⁰.

Несмотря на хроническое невыполнение планов по формированию населения колонпосёлков, руководство дальневосточных лагерей в отношении колонизации было настроено вполне оптимистично.

Составленный в 1937 г. директором Дальстроя Э.П. Берзиным и его сотрудниками «Генеральный план развития народного хозяйства Колымской области на 1938—1947 гг.» делал ставку на постепенную замену рабочей силы заключённых вольнонаёмными с полным завершением этого процесса к 1947 г., что иллюстрировалось прилагаемой таблицей (в тыс. чел.):

	1938	1942	1947
Вольнонаемные	22,5	46,5	234,9
Лагерники	81,5	107,9	-
Колонисты	3,3	34,8	-
Всего	170,3	189,3	234,9

В течение третьей пятилетки планировалось расширить колонизацию заключённых, а в четвертой — перевести в колонисты всех лагерников с тем, чтобы они по окончании срока заключения стали постоянными вольнонаёмными кадрами ДС. Параллельно намечалось вербовать вольных работников с «материка»³²¹.

Руководство БАМлага не предлагало столь кардинальных перемен, но колонизацию районов своего строительства считало перспективной. В справке 1937 г. об имевшихся земельных фондах сельхозколонизации выдвигалась задача продолжить изыскания и начать подготовку к заселению Бурейского и Амгунь-Эверонского подрайонов. «Бурейский район, — отмечали авторы документа, — имеет большие перспективы по угледобыче. Необходимо уже сейчас создавать сельхоз. базу в районе добычи угля. Амгунь-Эверонский район является одним из лучших подрайонов для ведения сель-

ского хозяйства. Кроме того, постройка здесь г. Комсомольска-на-Амуре с его военной индустрией требует срочного создания надлежащей сельхоз. базы (об этом имеется постановление президиума крайисполкома ДВК)»³²².

Такую позицию в эти годы разделяло и руководство страны. СНК СССР считал необходимым в третьей пятилетке «...обязать НКВД СССР наряду со строительством БАМ вести работы по заселению и созданию сельскохозяйственной и кормовой базы в районах БАМ». Имелся проект, по которому НКВД поручалось заселить в эти районы в Иркутской области — 28000 семей, Читинской области — 9 600, ДВК — 46 200, всего — 83 800 семей с распределением по годам: в 1938 — 1 960, 1939 — 6 300, 1940 — 14 100, 1941 — 23 500, 1942 — 37 940 и обеспечить их пахотными землями³²³.

Постановлением СНК СССР № 651—138с «О мероприятиях по заселению района Байкало-Амурской магистрали» от 17 мая 1938 г. на НКВД СССР возлагалась обязанность привлечь к освоению указанной территории следующие группы населения: а) рабочих, колхозников и единоличников, изъявивших желание переселиться в новые места жительства; б) бывших заключённых, освобождённых после срока отбытия наказания, и их семьи; в) заключённых, не отбывших полностью срока заключения, «в порядке поощрения за добросовестную работу». НКВД предоставлялось «право досрочного освобождения из мест заключения и трудовых поселений всех членов семей поселенцев района БАМ, которые выразят желание присоединиться к своим семьям и которые удовлетворяют условиям досрочного освобождения по своей работе и поведению»³²⁴.

Однако во второй половине 1938 г. лагерную колонизацию стали резко сворачивать. Как известно, в 1937—1938 гг. советская репрессивная политика вылилась в Большой Террор как на воле, так и в лагерях. Все более или менее «либеральные» проявления в местах исполнения уголовного наказания были ликвидированы, ужесточался режим заключения, прошли массовые расстрелы.

Следует отметить, что и сам БАМлаг к этому времени реорганизовали. Превратившись в одно из крупнейших пенитенциарных учреждений страны (в мае 1938 г. в нём находилось около 255,3 тыс. заключённых³²⁵), он стал трудноуправляемым. Приказом НКВД СССР № 0100 от 22 мая 1938 г. на базе БАМлага было организовано шесть новых лагерей, действовавших в структуре Управления железнодорожного строительства НКВД на Дальнем Востоке.

В том же году в БАМлаге провели деколонизацию: 250 колонистов вновь перевели в заключение. Завоз семей поселенцев прекратили, за исключением 44 семей, получивших проходные свидетельства в конце 1937 г., из них 37 прибыли в Зейский район и 7 — в Мазановский. Можно представить разочарование этих людей, рискнувших на столь трудный переезд только для того, чтобы жить вместе с главой семейства, но получивших на месте прибытия сообщение о его возвращении в лагерь. С 1 июля 1938 г. Верхне-Зейский и Селемджинский переселенческие пункты реорганизова-

ли в прорабские участки, а с 27 ноября того же года — в Зейский и Норский лагерные пункты, куда завезли около 2500 заключённых для использования на работах по железнодорожному строительству³²⁶.

Бывшие колонизационные посёлки продолжали существовать как обычные, деколонизация заключённых вызвала отток семей и общее сокращение числа жителей (см. табл. 12).

Таблица 12

**Динамика численности населения колонизационных посёлков
БАМлага в 1938—1939 гг.**³²⁷

Посёлки	Семей		Всего чел.		В т.ч. школьного возраста	
	01.01.38	01.01.39.	01.01.38	01.01.39	01.01.38	01.01.39.
Брянта	225	122	936	553	237	166
Кохани	44	26	158	129	30	27
Петровка	70	38	242	132	42	30
Потехино	197	134	824	428	192	154
Бордоган	32	29	154	146	29	38
Черная Речка	63	—	164	—	21	—
Норск	286	163	1239	682	232	145
Тында	47	30	194	120	40	28
Всего	964	542	3965	2190	823	588

На Колыме с 1938 г. происходил тот же процесс. К этому времени в Дальстрое произошли организационно-управленческие и кадровые изменения. Трест, ранее подчинявшийся Совету Труда и Обороне, в 1937 г. с упразднением последнего был передан «под крыло» НКВД, в 1938 г. реорганизован в Главное управление строительства Дальнего Севера (ГУСДС). В конце 1937 г. первого директора Дальстроя Э.П. Берзина, энтузиаста «перековки» заключённых, отозвали в Москву, где арестовали, а затем расстреляли. Новый начальник ГУСДС К.А. Павлов стал проводником более жёсткой политики во вверенной ему организации. При нём была создана специальная комиссия, которая пересмотрела состав колонистов и выявила среди них заключённых, отбывавших срок по статьям 58, п.1—14, 59—3, 167, 193—24—25 УК. Таких оказалось 288 чел. (в том числе 19 женщин), более половины из них — по ст. 58 УК. Приказом от 3 июня 1938 г. их немедленно деколонизировали и вновь водворили в лагерь, а их семьи предписывалось выслать на материк³²⁸.

В свою очередь, А.К. Павлова, тоже репрессированного, сменил на посту начальника ГУСДС И.Ф. Никишов. Ему выпало окончательно ликвидировать лагерную колонизацию на Колыме, что было оформлено приказами

НКВД СССР № 0168 от 15 июня 1939 г. и приказами по Дальстрою от 26 декабря 1939 г. и 5 января 1940 г.^{*}, вышедшими под грифом «секретно». С 1 января 1940 г. колонотдел УСВИТЛа был расформирован, на месте колонпосёлков организовывались рыбпромхозы и подсобные хозяйства лагеря. Семьи колонистов привлекались к работе в местных организациях или отправлялись на материк³²⁹. В докладной записке наркому НКВД СССР Л.П. Берии от 17 февраля 1940 г. Никишов рапортовал: «Ликвидированы колонпосёлки, которые являлись пристанищем для беглецов и всяких таких элементов, колонистов водворили в лагерь»³³⁰. В послевоенный период в этих посёлках для использования на рыбных промыслах кроме вольной рабочей силы размещали спецпоселенцев, ставших своего рода преемниками колонистов (см. прил. 2-б).

* * *

Материалы Дальнего Востока показывают, что лагерная колонизация явилась небольшим эпизодом в истории сталинских принудительных миграций. Её проведение началось в 1933 г. и полностью завершилось в 1940 г., в течение этих восьми лет двум исправительно-трудовым лагерям, входившим в число крупнейших в стране, — Севвостлагу и БАМлагу — удалось «колонизировать» около 2,7 тыс. заключённых и 1,5 тыс. их семей, что в общей сложности составило не более 7 тыс. чел. или порядка 1,3 — 1,8% от общей численности работников из числа заключённых в данных лагерях. Короткий период существования колонпосёлков не позволил даже определить, насколько прочным могло бы стать оседание колонистов в местах освоения.

Между тем сущность самой формы лагерной колонизации, несмотря на её полупринудительный характер, была либеральным шагом режима. Её можно охарактеризовать как «кулацкую ссылку наоборот». Если отправка репрессированных крестьян в спецпосёлки означала нисходящее социальное движение — перемещение с «воли» в «неволю», то перевод заключённых на колонизацию был переходным этапом в обратном направлении — из «неволи» на «волю», к тому же — по их согласию. В самих колонпосёлках условия работы, проживания и территориального перемещения были примерно аналогичными спецпоселенческим, однако колонистов ожидала ясная перспектива освобождения и снятия судимости, чего были лишены спецпоселенцы. Семьи колонистов оставались вольными гражданами, хотя их переезд в зону деятельности лагерей, несомненно, носил вынужденный характер: в данном случае режим играл на сильнейшей внутренней мотивации людей — попытке дать шанс своим близким вырваться из лагерного ада, желании жить неразрозненными семьями. Но и эта мотивация далеко не всегда смогла перевесить риски, которые ожидали семью, снявшуюся с

* В книге И.Д. Бацаева «Очерки истории Магаданской области...» (С. 121.) этот приказ датируется 25 января 1940 г.

насиженных мест для переезда в весьма неблагоприятную местность, о чём свидетельствуют провалы планов роста населения колонпосёлков.

В отличие от первого этапа «кулацкой ссылки», когда власть не знала толком, как трудоустраивать и обустраивать спецпоселенцев, что имело трагические последствия для значительной части репрессированных крестьян, лагерная колонизация была более продумана, с ясно понимаемой целью и разработанными проектами изыскательских и землеустроительных работ. Этот контраст особенно заметен на примере колонпосёлков БАМлага, которые размещались в том же Зейском районе, что и спецпосёлки, переданные приисковым управлениям Цветметзолота. Более организованной лагерной колонизации помогали финансовые и технические ресурсы Гулага, ставшего одной из мощных структур экономики страны. Тот небольшой практический опыт, который успели получить колонпосёлки за недолгий период своего существования, в принципе не был отрицательным ни с точки зрения интересов лагерей, ни самих колонистов. Однако данная форма полупринудительной миграции оказалась, на наш взгляд, слишком «либеральной» для пенитенциарного сектора в рамках существовавшего государственного режима, что и послужило главной причиной её ликвидации, а десятилетняя программа директора Дальстроя Э.П. Берзина по полному переводу заключённых на колонизацию была ничем иным как утопией.

- 1 Обзор историографии проблемы см: Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 7 – 25; Ивницкий Н.А, Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. С. 6 – 10; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 3 – 12, и др.
- 2 Ивницкий Н.А, Судьба раскулаченных в СССР. С. 68, 97 – 98, 262.
- 3 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века: Коллективизация и её последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 188 с.
- 4 Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне (1930–1934 гг.): Учеб.-метод. материалы для студентов по истории России. Благовещенск, 1999. 62 с.
- 5 Бобков М.Ю. Очерки истории пенитенциарных учреждений в Амурской области (1923 – 1941 гг.). Благовещенск, 2006. Кн. 2. 363 с.
- 6 Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. XX века (аспекты репрессивной политики). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 207 – 219; его же. Изменение социальной структуры населения Дальнего Востока СССР: 1923–1939 годы. М.: МПГУ, 2008. С. 305 – 308.
- 7 Ткачёва Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока России в 20–40-е годы // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск. 1996, № 1. С. 97 – 157.
- 8 Результаты нашего исследования предварительно были частично апробированы в статьях: Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпоселенцев в Приамурье

- в 1934 г. // *Семья и семейный быт в восточных регионах России*. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 171 – 175; её же. *Принудительное переселение дальневосточных крестьян в 1930–1933 гг.* // *Вестник ДВО РАН*. 2009, № 1. С. 40 – 47; её же. «Кулацкая ссылка» на Дальнем Востоке в 1930-е гг. : стат-геогр. аспект // *Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – XXI вв.*: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 93 – 112.
- 9 Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / сост. С.А. Красильников и др. Новосибирск: ВО «Наука», Сиб. изд. фирма, 1992. С. 20 – 25; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. С. 107 – 110.
 - 10 Подробнее о механизме проведения операций по выселению раскулаченных крестьян и их размещению в регионах спецссылки см.: Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 30 – 104.
 - 11 Красильников С.А. Серп и Молох... С. 13, 152.
 - 12 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... С. 121 – 123, 135; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 1. / отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2005. С. 76.
 - 13 Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 102.
 - 14 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... С. 128 – 129.
 - 15 Рудакова Е.М. Выселение амурского крестьянства в период коллективизации // *Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области*. Т. 5. Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск: Приамурье, 2007. С. 9.
 - 16 Политбюро и крестьянство... С. 106.
 - 17 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 334. Л. 23, 27.
 - 18 Трижицак А. Воспоминания очевидца // *Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области*. Т. 6. Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск: Приамурье, 2008. С. 317 – 318.
 - 19 История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 110, 118.
 - 20 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... С. 130.
 - 21 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 188.
 - 22 Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 251, 276.
 - 23 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 334. Л. 3, 21.
 - 24 ГАО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 30. Л. 38.
 - 25 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР... С. 110, 118, 136; Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 373, 374, 522; Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне... С. 18; Лескова Т.А. Государственное регулирование миграционных процессов на юге Дальнего Востока России в 20–30-е гг. XX в. Исторический опыт: дисс. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2005. Рукопись. С. 134.
 - 26 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 312 – 314.
 - 27 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 533, 717, 771, 772.

- 28 Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 71; Политбюро и крестьянство... С. 17 – 18.
- 29 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- 30 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 41 – 42, 70 – 71.
- 31 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 томах. Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 105.
- 32 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... С. 136; Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне... С. 18 – 20.
- 33 Рудакова Е.М. Выселение амурского крестьянства... С. 12.
- 34 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 671, 672.
- 35 Политбюро и крестьянство... С. 281, 786.
- 36 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 689, 717.
- 37 Политбюро и крестьянство... С. 325 – 328.
- 38 Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне... С. 19 – 20; Рудакова Е.М. Выселение амурского крестьянства... С. 12 – 13.
- 39 ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д.34. Л. 55, 166 – 167, 170 – 171, 179 – 180; Подпечников В.Л. Размышления о судьбах коренных народов Сахалина в двадцатом столетии // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1998, № 4. С. 97.
- 40 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 771, 772.
- 41 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 43, 45.
- 42 Политбюро и крестьянство... С. 24.
- 43 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 2. С. 98.
- 44 Подпечников В.Л. Трагедия семьи священника // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1999. № 3. С. 92 – 96.
- 45 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 47, 48.
- 46 Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 436 – 440, 811.
- 47 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 588. Л.185 – 187.
- 48 История сталинского ГУлага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 727.
- 49 Политбюро и крестьянство... С. 627 – 628.
- 50 Подсчитано нами по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 209.
- 51 Мухина А.В. Свет доброты // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 6. С. 360 – 361.
- 52 Гаврилов Р.Ф. Временем реабилитированные: Историческая эпопея. В 4 кн. / Кн. 1. В тисках. Владивосток: Русский остров, 1999. С. 100, 117 – 123.
- 53 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 210. Данные сведения выявлены нами относительно недавно. До этого мы ошибочно считали, что завершение кампании по массовой высылке дальневосточных крестьян относится к 1933 г. См.: Чернолуцкая Е.Н. Принудительное переселение дальневосточных крестьян в 1930–1933 гг. С. 46; её же. «Кулацкая ссылка» на Дальнем Востоке в 1930-е гг. .. С. 97 – 98.
- 54 Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по данным НКВД МВД СССР) // Социологические исследования. 1990, № 11. С. 4.
- 55 Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. С. 9; Проскурина Л.И. Трагедия хлебороба // Утро России. Владивосток, 1992. 17 сент. В своих более ранних публикациях мы также не избежали этой ошибки. См.:

- Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестник ДВО РАН. 1995, № 6. С. 73; её же. Государственная миграционная политика в истории освоения Дальнего Востока России: исторический опыт // Демографическая ситуация в Приамурье: состояние и перспективы: Материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2006. С. 25.
- 56 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... С. 136; Рудакова Е.М. Выселение амурского крестьянства... С. 13.
- 57 Книга Памяти жертв политических репрессий в Амурской области. Т. 4. / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск, 2005. 448 с.; Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области (Книга Памяти, т.3.). Южно-Сахалинск: Адм-ция Сах. обл., СЦДНИ, 1996. 268 с.
- 58 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 211 – 216.
- 59 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 334, 335, 374, 523, 671; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 118, 122, 123.
- 60 Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 6. Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск: Приамурье, 2008. С. 295 – 296.
- 61 Таблица составлена по: Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 671.
- 62 Там же. С. 689.
- 63 Комзина А.С., Клопова В.С. Пятнадцать лет мытарств // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5. С. 465 – 466.
- 64 Там же. С. 96, 107, 202, 260, 278, 371 – 372.
- 65 Полян П.М. Не по своей воле... С. 61 – 62, 250.
- 66 Красильников С.М. Серп и Молох... С. 68 – 69.
- 67 Политбюро и крестьянство... С. 780 – 782.
- 68 На стр. 62 своей монографии П.М. Полян отмечает, что все лица данной категории были выселены «исключительно в Сибирь», однако, на стр. 85 (рис. 2 – карта-схема) показано, что выселенцы из БССР попали на Дальний Восток. Согласно нашим материалам (см. ниже), «кулаки особого назначения» из Белоруссии в 1930–1931 гг. были частично направлены в ДВК, частично – в Якутию (на Алдан).
- 69 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 472, 667; Политбюро и крестьянство... С. 787.
- 70 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 727.
- 71 Политбюро и крестьянство... С. 401, 257, 259.
- 72 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 463, 464, 470 – 472, 511.
- 73 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 116.
- 74 Политбюро и крестьянство... С. 780 – 782, 787; Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 472, 510 – 512, 523, 667.
- 75 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 672; Бобков М.Ю. Очерки истории пенитенциарных учреждений... С. 79.
- 76 Таблица составлена по: Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 515 – 516.
- 77 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 512, 513.
- 78 Политбюро и крестьянство... С. 288, 380, 401 – 403, 480.
- 79 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 671.
- 80 Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 762; Т. 3. Кн. 2. 1932–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2005. С. 98, 99.
- 81 Политбюро и крестьянство... С. 537, 539, 543; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
- 82 Политбюро и крестьянство... С. 24.
- 83 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 208.

- 84 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 25.
- 85 Там же. С. 24, 27.
- 86 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 55. Л.4; Д. 62. Л. 13, 21.
- 87 Там же. Д. 62. Л. 30 об. – 31.
- 88 Спецпереселенцы в Западной Сибири... С. 33.
- 89 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... С. 129; Лескова Т.А. Государственное регулирование миграционных процессов... С. 134 – 135.
- 90 Политбюро и крестьянство... С. 217.
- 91 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 122, 123.
- 92 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 12а. Д. 1096. Л. 3.
- 93 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 726.
- 94 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1...С. 612.
- 95 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.12-а. Д. 181. Л. 8, 22, 26, 27.
- 96 Политбюро и крестьянство... С. 273 – 274.
- 97 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- 98 Билим Н.А. Из истории переселения промышленных рабочих на советский Дальний Восток в 1928—41 гг. // Материалы второй дальневост. межвуз. конф. по истории советского Дальнего Востока, посвященной 50-летию Советской власти. Хабаровск: ХГПИ, 1967. С. 160.
- 99 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 602.
- 100 Там же. С. 104, 108, 671, 689.
- 101 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 256; Кузьмина М.А. Стройка №15 // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1998, № 1. С. 68 – 69.
- 102 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 121 – 122; Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 186; Колосов В.А., Полян П.М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 25 – 26.
- 103 Красильников С.А. Серп и молот... С. 65.
- 104 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 12. Л. 3; Ф. Р-9446. Оп. 12-а. Д. 178. Л. 45.
- 105 Политбюро и крестьянство... С. 480.
- 106 Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 106. В монографии Н.А. Ивницкого приводятся сведения о существовании 27 неуставных сельхозартелей (1 400 семей, 6 155 едоков) в ДВК на 1 января 1938 г. (см.: Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 177). Однако следует отметить, что эти данные включают и сведения по Читинской области (см.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 52).
- 107 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 176 – 170; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 53 – 54, 56.
- 108 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 73. Л. 75.
- 109 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 247 – 248; Д. 77. Л. 106.
- 110 Там же. Л. 127.
- 111 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 106. 126.
- 112 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР... С. 147 – 148.
- 113 Политбюро и крестьянство... С. 552.
- 114 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 46.
- 115 Политбюро и крестьянство... С. 528.

- 116 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 49 – 50; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 147.
- 117 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 246; Д. 98. Л. 46.
- 118 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 297, 727; Политбюро и крестьянство... С. 480; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 246; Д. 62. Л. 148; Д. 77. Л. 95, 127; Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 105.
- 119 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 117.
- 120 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.
- 121 Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне. 1917 – 1933. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 49.
- 122 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 30.
- 123 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 143.
- 124 Бобков Ю.М. Очерки истории пенитенциарных учреждений... С. 93 – 94.
- 125 Подсчитано по: Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 24.
- 126 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 95.
- 127 Политбюро и крестьянство... С. 479 – 480; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР... С. 726.
- 128 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 150.
- 129 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 33.
- 130 Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока... С. 138.
- 131 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 147, 257; Д. 77. Л. 103, 120.
- 132 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 47.
- 133 Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 104 – 105.
- 134 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 47. Л. 128.
- 135 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 255.
- 136 Политбюро и крестьянство... С. 559, 563.
- 137 См., например: Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на Дальнем Востоке СССР как превентивная мера обеспечения безопасности в приграничной зоне накануне войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Хабаровск, 1995. С. 165 – 167.
- 138 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 121.
- 139 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 14—15.
- 140 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 257.
- 141 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 55. Л. 17.
- 142 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... С. 609.
- 143 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 55. Л. 8 – 9.
- 144 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 3.
- 145 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 12а. Л. 16, 21, 22; Д. 73, Л. 95.
- 146 Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 107; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 12а. Л. 21, 22.
- 147 Гаврилов Р.Ф. Временем реабилитированные... С. 340 – 344, 355 – 357.
- 148 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 13, 256; Д. 77. Л. 120.
- 149 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 98, 120.
- 150 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 119, 136.
- 151 Там же. Д. 89. Л. 208 – 220. Следует отметить, что Н.А. Ивницкий приводит численность спецпоселенцев на 1 января 1934 г. в ДВК в одном случае – 79 060 чел., в другом – 46 495 (см.: Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 75, 98). В первом случае – это явная опечатка. На 1 января 1938 г. показатель – 43 142 чел. – он относит только к численности спецпоселенцев Ха-

баровского края (С. 229), на самом деле сюда вошли и данные по Приморскому краю.

- 152 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 762.
- 153 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 208 – 220. Такие же данные (кроме 1940 г.) опубликованы в книге: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 22 – 25, 37 – 41, 50, 60. Данные за 1932–1934 гг. приводятся также в монографии Н.А. Ивницкого, однако на 1933 г. он указывает число умерших спецпоселенцев в ДВК – 6 529 чел. (см.: Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 276), что не соответствует источнику. Скорее всего – это опечатка.
- 154 Политбюро и крестьянство: высылка... С. 479.
- 155 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 36 – 39.
- 156 Подсчитано по: Политбюро и крестьянство... С. 497; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 208 – 220; Д. 77. Л. 119.
- 157 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 739.
- 158 Таблица составлена по: Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 772; Кн. 2. С. 398; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 208 – 220; Д. 77. Л. 96, 119. Аналогичные данные за 1932 – 1939 гг. опубликованы в книге: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 22 – 25, 66, 68 – 70.
- 159 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 2. С. 398 – 400.
- 160 Подробнее об этом см.: Чернолуцкая Е.Н. Приказ НКВД №00447 «Об операции по репрессированию... антисоветских элементов». Дальний Восток, 1937 – 1938 // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 3. С. 55 – 65.
- 161 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 41, 58, 60; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 119; Д. 89. Л. 50, 208 – 220.
- 162 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 75, 98, 229, 231.
- 163 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 212 – 216; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР... С. 248; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 33.
- 164 См., например: Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 103.
- 165 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 98.
- 166 Гловин С.А. Изменение социальной структуры... С. 308.
- 167 См.: История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР... С. 248.
- 168 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 215.
- 169 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 40, 50.
- 170 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 334. Л. 3.
- 171 Там же. Д. 620. Л. 189.
- 172 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Приморская Лифляндия: на изломе истории // Комсомольская правда. 1993. 26 июня (дальневост. регион. вкладка). С. 10.
- 173 Политбюро и крестьянство... С. 495, 496.
- 174 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 210 – 217. Аналогичные данные за исключением 1939 и 1940 г. опубликованы в книге: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 72.
- 175 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1с. Д. 34. Л. 7.
- 176 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 209, 210; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 62 – 63; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 12, 14.
- 177 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 10, 13; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 209, 236, 734.
- 178 ГААО. Ф. 37. Оп. 8. Д. 11. Л. 1 – 3.
- 179 Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 209.

-
- 180 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 47. Л. 1, 8, 19.
181 Там же. Д. 29. Л. 14; Д. 89. Л. 211 – 215.
182 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 295; ГАРФ. Ф. Р-9479, Оп. 1. Д. 62. Л. 15.
183 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.
184 Там же. Д. 89. Л. 216, 217; Д. 77. Л. 119.
185 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 44 – 45, 73.
186 Гаврилов Р.Ф. Временем реабилитированные... С. 363 – 367, 387 – 388, 397 – 400.
187 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 96, 103; Д. 62. Л. 1; Д. 89. Л. 50, 61, 216, 217; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 294.
188 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 122.
189 Введение // История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 32 – 34.
190 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 12-а. Д. 181. Л. 8.
191 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 726.
192 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 224.
193 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 726, 727.
194 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 524.
195 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 726 – 727.
196 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 672.
197 Политбюро и крестьянство... С. 374.
198 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 767.
199 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 – 8.
200 Политбюро и крестьянство... С. 407.
201 Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 6. С. 296.
202 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 727.
203 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 511, 512.
204 Политбюро и крестьянство... С. 259.
205 Там же. С. 295.
206 Там же. С. 285.
207 Там же. С. 787.
208 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 660.
209 Политбюро и крестьянство... С. 291.
210 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 672.
211 Политбюро и крестьянство... С. 323, 344; Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 150.
212 Политбюро и крестьянство... С. 404 – 405.
213 Там же. С. 331, 861.
214 Там же. С. 404, 405, 415.
215 Там же. С. 380, 480.
216 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 512, 513.
217 Бобков М.Ю. Спецпереселенцы в Рухловском районе // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5. С. 445 – 446.
218 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 401 – 405.
219 Там же. С. 672; Политбюро и крестьянство... С. 403 – 405.
220 Политбюро и крестьянство... С. 529.
221 Там же. С. 479 – 480.

- 222 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 362.
- 223 Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпоселенцев... С. 171 – 175.
- 224 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.
- 225 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 234.
- 226 Там же. С. 297; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 148; Д. 77. Л. 95, 107, 128.
- 227 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 363.
- 228 Политбюро и крестьянство... С. 479 – 480.
- 229 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 12. Л. 16 – 16 об.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 35.
- 230 Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 662 – 664; Т. 4. С. 93.
- 231 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 190, 192.
- 232 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 35; Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 2. С. 399.
- 233 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.
- 234 Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпоселенцев... С. 174.
- 235 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 107 – 108.
- 236 Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 6. С. 292 – 294.
- 237 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 262.
- 238 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 129 – 130; Д. 62. Л. 258.
- 239 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 2. С. 399, 400.
- 240 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.
- 241 Там же. Д. 47. Л. 13.
- 242 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 224об.
- 243 Красильников С.А. Серп и Молох... С. 12.
- 244 Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 106.
- 245 Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпоселенцев... С. 174.
- 246 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 214.
- 247 Политбюро и крестьянство... С. 698 – 700, 844. Предложенный Г.Г. Ягодой проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мерах по «упорядочению гражданского быта трудпоселенцев» принят не был, но некоторые предложения позже были реализованы в документах ЦК ВКП(б).
- 248 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 236.
- 249 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 9. Л.49.
- 250 Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 179 – 180; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 55.; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 258.
- 251 Гаврилов Р.Ф. Временем реабилитированные... С. 344.
- 252 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 127.
- 253 «Хотелось бы всех поименно назвать...»: Книга-мартиролог. Т. 6. А-Я. Хабаровск, 2004. С. 53.
- 254 Комзина А.С., Клопова В.С. Пятнадцать лет мытарств. С. 465 – 467.
- 255 Цит. по: Кузьмина М.А. Стройка № 15... С. 68 – 69.
- 256 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 148.
- 257 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 427. Л. 381.
- 258 Политбюро и крестьянство... С. 295.
- 259 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 – 24; Политбюро и крестьянство... С. 367, 368, 508 – 510.
- 260 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 12а. Д. 178. Л. 8.

-
- 261 Политбюро и крестьянство... С. 417 – 418, 798; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 7. Л.8.
- 262 ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 21. Л. 29.
- 263 Политбюро и крестьянство... С. 406, 496; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 726, 727.
- 264 Политбюро и крестьянство... С. 495.
- 265 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 588. Л. 99об.
- 266 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 727.
- 267 Цит. по: Ермизина Е.М. Раскулачивание в амурской деревне... С. 18.
- 268 Политбюро и крестьянство... С. 407.
- 269 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 192.
- 270 Политбюро и крестьянство... С. 372, 403–405; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
- 271 Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпереселенцев... С. 232.
- 272 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 96, 130.
- 273 Советская деревня глазами ВЧК... Т. 3. Кн. 1. С. 595.
- 274 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 12-с. Д. 178. Л. 3; Политбюро и крестьянство... С. 480.
- 275 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 6. Л. 39, 41, 45.
- 276 Там же. Д. 12. Л. 54.
- 277 Политбюро и крестьянство... С. 693.
- 278 Там же. С. 480.
- 279 Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпереселенцев... С. 176.
- 280 Гаврилов Р.Ф. Временем реабилитированные... С. 254, 255, 258.
- 281 Чернолуцкая Е.Н. Условия жизни (?) спецпереселенцев... С. 176; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР... С. 193.
- 282 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР... С. 192, 193.
- 283 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 130 – 132.
- 284 Там же. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 33. Л. 234.
- 285 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 17. Л. 150.
- 286 Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1295. Л.139 – 140; Д. 1308. Л.54 – 55.
- 287 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 74. Л. 139.
- 288 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д.1267. Л. 103, 106; Д.1306. Л.180; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 14. Л. 119 – 120.
- 289 Колосов В.А., Полян П.М. Ограничение территориальной мобильности... С. 25 – 26.
- 290 Еланцева О.П. Обречённая дорога. БАМ: 1932–1941. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. С. 134 – 135; Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей (1932–1937 гг.) // Краеведческие записки. Вып.17. Магадан: МОКМ, 1991. С. 73–74, 79 – 80; Бацаев И.Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключённые) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 50; Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах: В 2-х ч. Ч.1. (1931–1941). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 16, 93 – 94, 210, 276 – 277, 294, 313, и др.
- 291 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 276 – 277.
- 292 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. С. 117.
- 293 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 276; Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области... С. 117.

- 294 Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей... С. 73 – 74; Бацаев И.Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг...С. 50; Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 210.
- 295 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 284 – 285, 292.
- 296 Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей... С. 80.
- 297 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 16, 294, 313.
- 298 Там же. С. 93 – 94.
- 299 Там же. С. 81, 94; История сталинского Гулага... Т. 3. Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.:РОССПЭН, 2004. С. 395.
- 300 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 69–70.
- 301 Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей... С. 79.
- 302 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 94.
- 303 Еланцева О.П. Обречённая дорога...С. 134 – 135.
- 304 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 40.
- 305 РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1. Д. 183.Л. 116 – 120.
- 306 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 37.
- 307 Там же. Л. 37 – 39.
- 308 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 29. Л. 40 – 42, 75 – 76.
- 309 Там же. Л. 40 – 42.
- 310 Там же. Д. 27. Л. 34.
- 311 Там же. Л. 65.
- 312 Там же. Д. 29. Л. 75 – 80.
- 313 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 226.
- 314 Егоров Н.П. У истоков БАМа // По ком звонит колокол? (газета отделения общества «Мемориал») // Комсомольск-на-Амуре, 2005. № 43. С. 4.
- 315 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 183. Л. 10 об., 20.
- 316 Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 183. Л. 10 об., 20, 121; Д. 199. Л. 15.
- 317 РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1. Д. 183. Л. 15 об.
- 318 Там же. Л. 20 – 20 об., 122; Д. 199. Л. 5 – 7, 15.
- 319 Там же. Д. 183. Л. 21 об., 23 об.
- 320 Там же. Л. 18 об. – 19; Д. 199. Л. 14 – 15; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1-а. Д. 1186. Л. 7 об.
- 321 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 303 – 304.
- 322 РГАЭ. Ф. 5675. Оп.1. Д. 183. Л. 122.
- 323 Там же. Л. 104, 108.
- 324 Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М.: МФД: Материк, 2005. С. 218 – 219.
- 325 Еланцева О.П. Обречённая дорога... С. 108.
- 326 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 199. Л. 5, 7; ГАРФ. Ф. Р-9414, Оп. 1-а. Д. 1186. Л. 3 – 4.
- 327 Источник: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 199. Л. 15; ГАРФ. Ф. Р-9414, Оп. 1-а. Д. 1186. Л.8.
- 328 Козлов А.Г. Севвостлаг НКВД СССР (1937—1941) // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. 7—102. С. 94.
- 329 Козлов А.Г. Севвостлаг НКВД СССР... С. 94, 100; Бацаев И. Д. Особенности промышленного освоения... С. 94; Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг... С. 313.
- 330 Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области... С. 121.

Глава 3

ПОЛИТИКА ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА И СОЦИАЛЬНЫЕ «ЧИСТКИ» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пограничные районы как особые административные территории начали создаваться в советском государстве с начала 1920-х гг. в рамках налаживания единой централизованной структуры пограничной охраны. В июле 1923 г. вышел правительственный декрет, подготовленный в аппарате ГПУ, которым по периметру Советского Союза устанавливались протяжённые территориальные полосы на глубину 4 м, 500 м, 7½, 16 и 22 км от государственной границы¹. Эти зоны передавались под надзор сформированного тогда же Отдела пограничной охраны ГПУ (позже — ОГПУ) СССР², под руководством которого в феврале 1924 г. произошло объединение пограничных частей губернских отделов и штабов губернских пограничных отрядов в единый аппарат. Была введена новая система организации погранвойск: округ — отряд — комендатура — застава. Как отмечает историк А.М. Плеханов, в погранвойсках был впервые введён принцип единоначалия, в одном аппарате объединены оперативное, строевое, политическое, административное и хозяйственное руководство³.

Перед пограничниками ставилась задача пресечения перехода на советскую территорию шпионов, «контрреволюционных элементов», политических и уголовных преступников, контрабандистов и других «нелегалов». В зоне действия выделенных пограничных полос устанавливались повышенные меры безопасности, особый режим въезда и проживания населения, работы предприятий и т.д.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 июня 1927 г. въезд в пределы погранзон лицам, не принадлежавшим к числу их жителей, без разрешения органов ОГПУ запрещался⁴. В соответствии с этим постановлением была разработана Инструкция ОГПУ и НКВД от 28 июля 1927 г., в силу которой Далькрайисполком 20 декабря 1927 г. утвердил соответствующие правила о порядке въезда в 7½-километровую пограничную полосу ДВК и список населённых пунктов, входивших в неё. Принятые решения были опубликованы в открытой печати, среди населения проводилось их разъяснение⁵.

Кроме того, Особое совещание ОГПУ, согласно разъяснению в приказе ОГПУ №318 от 16 августа 1924 г., в качестве внесудебного наказания могло на три года (если другой срок не был указан в постановлении) запретить определённым лицам проживание в пограничных губерниях, а также в шести крупных промышленных городах — Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Киеве, Ленинграде («минус шесть»)⁶. Этот запрет был одним из первых предвестников широкого введения т.н. «режимных зон» в 1930-е гг. (подробнее см. ниже).

Тем не менее дальневосточная граница в 1920-е гг. из-за недостаточности штатов погранохраны оставалась «прозрачной», т.е. доступной для массовых потоков легальных и нелегальных иммигрантов. Во многом это объяснялось высокой степенью зависимости экономики региона от иностранной рабочей силы.

Советское руководство пыталось использовать пограничные территории и как зону идеологического влияния на население не только этой полосы, но и граничащих с ней зарубежных земель. Как правило, в советском приграничье наряду с российскими по происхождению людьми проживали представители доминирующего этноса сопредельных стран. Так, в пограничных районах Украины и Белоруссии находилось много поляков и немцев, на северо-западе — финнов, на юге Дальнего Востока — китайцев и корейцев. Поэтому, как отмечает историк Т. Мартин, к 1925 г. Советский Союз, почувствовав, достаточный уровень пограничной безопасности, надеялся использовать пограничные регионы для того, чтобы продвинуть советское влияние вовне, особенно вдоль западных границ, которые должны были служить «образцово-показательным примером» советской жизни для трудящихся соседних стран. В июле 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) выпустило пространную резолюцию, установившую ряд привилегий для западных пограничных районов: повышенные оклады, более значительные экономические инвестиции, лучшее снабжение товарами, более высокий уровень культурного обслуживания и др. Советская национальная политика стала решающим фактором в поддержании этой функции пограничных районов⁷.

Несмотря на то, что в 1920-е гг. главное внимание в этом отношении уделялось западным границам, не остались без контроля и восточные рубежи. Так, 27 августа 1929 г. на своём заседании Президиум ДКИК рассмотрел вопрос «О распространении на пограничные районы ДВК Постановления СНК от 14 марта 1929 г.» и вынес постановление о выработке конкретных мероприятий по хозяйственному и культурному обслуживанию населения пограничных районов ДВК в рамках пятилетнего плана. Вместе с тем этот документ показывает, что само определение пограничных районов на Дальнем Востоке окончательно ещё не сформировалось. Не случайно крайисполком предложил крайплану совместно с ОГПУ и Комитетом Севера в двухмесячный срок выработать и представить уточнённый список приграничных

районов ДВК, на которые следовало распространить предусмотренные постановлениями СНК действия⁸.

На практике намеченная программа по развитию пограничных районов шла с большими трудностями, о чём свидетельствует неоднократное критическое рассмотрение этого вопроса в различных высоких инстанциях. В июльской (1932 г.) директиве Госплана при СНК СССР всем наркоматам и Госпланам союзных республик говорилось: «...В результате недооценки со стороны Наркоматов и ведомств политического, в том числе оборонного значения, хозяйственного и культурного развития районов погранполосы, — их развитие продолжает значительно отставать, за некоторыми исключениями, от общего развития остальных районов данной республики, области, края. (...) Важнейшее политическое значение показа сущности и достижений советской системы, особенно в области национальной политики трудящимся, живущим по другую сторону границы, остаётся в силе не только для второго пятилетия, но приобретает ещё большее значение. (...) Приграничные районы по своему развитию должны превратиться к концу пятилетия в передовые районы данной республики, области (края)...»⁹

Член коллегии Народного комиссариата труда и начальник спецуправления НКТ СССР и РСФСР В.В. Чернышов в директивных указаниях подведомственным органам от 16 августа 1932 г. требовал при составлении плана развития народного хозяйства пограничных районов во 2-й пятилетке предусмотреть мероприятия, направленные «на образцовую организацию труда и культурно-бытового обслуживания населения работников и их семей», а также предусмотреть «укрепление советского аппарата и учреждений Наркомпроса, Наркомздрава и НКЗема наиболее квалифицированными, политически устойчивыми развитыми работниками. (...) Уровень зарплаты работников пограничных районов, — считал он, — к концу 2-й пятилетки должен превышать уровень зарплаты работников непограничных районов до 25%»¹⁰. Вопрос «О состоянии плана развития хозяйства и культуры погранполосы на 1933 г.» рассматривался и на заседании при заместителе председателя Госплана СССР Ломова 22 марта 1933 г. в присутствии представителей всех наркоматов и штаба РККА¹¹.

Концепция пограничного режима не была неизменной и претерпевала эволюцию в зависимости от внешней и внутренней политической ситуации. В 1930-е гг. на фоне обострения международных отношений и явного назревания новой мировой войны советское руководство перешло к политике «железного занавеса». В этот период изоляционно-охранительная функция пограничных районов стала доминировать, а «образцово-показательная» постепенно сошла на нет. Новшеством в понятии «территория с повышенным режимом безопасности» стало не только значительное расширение пограничной зоны (до 100 км), но и появление т.н. «режимных территорий», расположенных не по границе, а во внутренних районах страны (крупные города и промышленные центры) (см. разд. 3.1.).

Как отмечалось выше, уже с 1924 г. ОСО ОГПУ могло запретить на три года определённым лицам проживание в шести крупных промышленных центрах и пограничных губерниях. С 15 августа 1926 г. было введено в действие постановление Президиума ЦИК СССР от 13 августа того же года, которое предоставило ОГПУ право при вынесении приговоров о ссылке или заключении в концлагерь запрещать данным лицам по отбытии срока наказания обратный въезд в Москву и Московскую губернию.

В ноябре 1929 г. в связи с районированием был расширен список «минус шесть» (пункты, где могло быть назначено ограничение права проживания), туда вошли: Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область, Ростов-на-Дону и Северо-Кавказский край, Харьков и Харьковский округ, Одесса и Одесский округ. С 22 апреля 1931 г. лица, хотя бы раз высланные из пограничных районов, навсегда теряли право на постоянное проживание в них без предварительного разрешения ОГПУ. даже если срок их высылки истёк¹².

С самого начала разработки политики пограничного режима советская власть в качестве меры безопасности стала применять превентивные выселения. В 1923 г. по приказу зампреда ГПУ И.С. Уншлихта из приграничных районов западных и юго-западных территорий страны были выселены все лица, которые, по его словам, могли бы «оказать активную поддержку врагам Советской власти в нашем тылу»¹³.

В конце 1929 г. началось массовое «очищение» 22-километровой погранполосы Белоруссии и Украины от «социально-опасного элемента» (СОЭ), к которым относили лиц, имевших близкие связи с родственниками, проживавшими за границей. В 1929—1931 гг. сначала мужья и отцы, а следом и остальные члены семей СОЭ были выселены в Сибирь, Якутию и на Дальний Восток. Следующими стали «раскулаченные» крестьяне, которых также удалили из 22-километровой зоны всех пограничных регионов, в том числе и ДВК (см. разд. 2.1.1., 2.1.2.).

На Дальнем Востоке в 1920-е гг. «чистка» погранполосы в значительной степени определялась борьбой с белым бандитизмом (см. разд. 1.3.). В 1930-е гг. дальневосточная граница стала одним из центров притяжения внимания государства в связи с тем, что здесь прилегающие территории Кореи и Китая были оккупированы японскими войсками, откуда японские военные миссии развернули разведывательно-диверсионную работу против Советского Союза. Планы японского командования создавали реальную опасность превращения тихоокеанского региона в театр широкомасштабных военных действий.

Укрепление обороноспособности ДВК шло по нескольким направлениям, в том числе путём повышения боевой выучки армии и флота, широкого строительства стратегически важных объектов. В 1933 г. было принято правительственное постановление «О мероприятиях первой очереди по усилению ОКДВА», в котором предусматривалось ускоренное строительство укреп-

районов, аэродромов, бензохранилищ, стратегических дорог и складов, объектов ПВО. Во второй половине 1930-х гг. ассигнования на оборонные цели в регионе существенно увеличивались практически каждый год¹⁴.

Значительные изменения произошли и в охране государственной границы на Дальнем Востоке. Если в предыдущий период её можно было назвать «прозрачной», то в 1930-е гг. государство решило «закрыть границу на замок», для чего была увеличена численность погранвойск, ужесточилось отношение к нарушителям. Доступ в пограничные регионы был закрыт также дипломатическим и консульским представителям иностранных государств в СССР, на Дальнем Востоке к запретным для них относились Хабаровский и Приморский края, города Хабаровск, Владивосток и все пункты, расположенные в приграничной полосе¹⁵.

Руководство страны относилось с опаской и недоверием не только к зарубежному окружению Дальнего Востока, но и к населению самого региона. Причиной этому были специфические черты демографического развития Дальнего Востока. Одна из них заключалась в высокой миграционной подвижности населения. Политика хозяйственного освоения края направила сюда большие потоки мигрантов из европейских и сибирских районов страны. С 1926 г. на Дальний Восток ежегодно переселялось 35—40 тыс. чел., что, по подсчётам Л.Л. Рыбаковского, составляло примерно 2/3 общего числа переселенцев, организованно перемещавшихся на территории РСФСР. Но приживаемость на новых местах была невысокой. Во второй половине 1920-х гг. из каждых 100 прибывших 30 чел. возвратились. Другой большой поток легальных и нелегальных иммигрантов — корейцев и китайцев — передвигался через южные границы Дальнего Востока. Существенная доля сменяемости населения была присуща демографической характеристике региона и в 1930-е гг., когда миграционный прирост превысил 800 тыс. чел.¹⁶ Приток мигрантов способствовал росту населения, особенно городского, доля которого в демографической структуре Дальнего Востока увеличилась с 27,1% в 1926 г. до 49,1% в 1939 г. В связи с этим проблемы товарного и коммунального обеспечения, а также правового порядка стали особенно острыми.

В те годы региональная политика Центра во многом формировалась, исходя из оценки «благонадёжности» дальневосточного населения, которая фигурировала в документах силовых структур и партийных органов. Наиболее часто отмечались следующие характеристики «политического портрета» края:

- высокая концентрация бывших военнослужащих белых армий, кулаков, представителей политической оппозиции и других «контрреволюционных» элементов, которые бежали на Дальний Восток со всех концов Советского Союза в надежде укрыться от репрессий, а также ссылались в край самим государством руками репрессивных инстанций;

- наличие в южных приграничных районах большого числа жителей из бывшего казачества, служивших ранее в белых частях и имевших родственные и земляческие контакты с российскими эмигрантами в Маньчжурии;
- распространение контрабандного промысла, который в 1920-е — начале 1930-х гг. процветал по обе стороны дальневосточной границы в связи с острым недостатком в торговой сети Дальнего Востока товаров широкого потребления и благодаря «прозрачности» самой границы;
- наличие большого числа корейских и китайских иммигрантов, иностранных концессий, консульств и фирм;
- широкие контакты местного населения с иностранцами, пребывавшими на советской территории, а также посредством совместной с Маньчжурией эксплуатации КВЖД (до её продажи Японии в 1935 г.);
- прибытие в середине 1930-х гг. значительного числа бывших работников КВЖД и их семей (в лексике того времени — «харбинцев»), которых властные органы изначально считали политически «ненадёжными» вследствие их длительного пребывания за границей и проживания в среде, близкой к белой эмиграции;
- наличие большой массы пенитенциарных групп населения — заключённых и спецпоселенцев (особенно быстро росла численность заключённых: с 24,3 тыс. в 1933 г. до 550 тыс. в 1940 г.), которые к концу десятилетия составляли примерно 20% всего населения региона, а на Северо-Востоке (в Дальстрое) — более 60%.

Таким образом, Дальний Восток выделялся руководящим органам территории, основательно засорённой «неблагонадёжным» и «опасным» населением. Эта оценка региона в сочетании с пониманием его стратегической важности и предчувствием надвигающейся войны привела к тому, что в конце концов почти на всей его территории были введены режимные ограничения и проведены интенсивные социальные «чистки».

В современной литературе термин «чистка» активно используется применительно к массовым репрессивным операциям в пределах конкретных регионов, районов или зон. Однако существует несколько вариаций относительно трактовки этого понятия. Наиболее употребляемым стало словосочетание «этнические чистки», под которыми подразумеваются политические репрессии и принудительные выселения по этническому признаку. Однако, как справедливо заметил П.М. Полян, данный термин нечеток и расширителен, к тому же многие виды депортаций (а мы бы добавили, и репрессий в виде уголовного преследования) не носили этнической окраски¹⁷, поэтому их называют просто «чистками» или «зачистками» (территории или границ).

Одним из первых, кто поднял эту проблему в рамках истории Дальнего Востока 1930-х г., был Дж. Стефан. Раздел его монографии так и называется «"Чистка" Далькрая», в котором он главное внимание уделяет политическим репрессиям в отношении руководящих и номенклатурных работников

региона, военных и интеллигенции, небольшой фрагмент посвящён также депортациям корейцев и китайцев¹⁸. Отметим, что работа была издана в 1994 г., и автору не удалось познакомиться с большинством российских архивных фондов, ставших доступными последующим исследователям. Поэтому многие детали рассмотренных процессов остались не раскрытыми американским коллегой. Тем не менее общая канва событий и их трактовка, на наш взгляд, «схвачена» вполне корректно.

В дальнейшем историография проблемы пополнилась рядом публикаций, в которых прямо или косвенно освещалась депортация корейцев и/или китайцев (см. разд. 3.2.3., 3.3.). Однако обобщающих исследований по «защите» советского Дальнего Востока в 1930-е гг. не появилось, а некоторые аспекты (например, выселение по паспортизации в 1933—1934 гг. и из погранзоны в 1939 г.) и вовсе не затрагивались. В данном разделе мы рассмотрим основные кампании по социальной «чистке» региона путём депортационных операций, оставляя в стороне массовые политические репрессии в виде арестов, заключения в ИТЛ или расстрелов, которые, безусловно, также являлись составной частью социальной «стерилизации» края, однако выходят за рамки проблематики данной монографии.

3.1. Паспортизация дальневосточного населения в 1933—1934 гг. и её миграционные последствия

Характер системы административного демографического учёта и надзора является одним из ярких показателей сущности государственного политического режима. Закономерно поэтому, что данный аспект не нашёл не только должного, но даже минимального освещения в советской историографии — немногочисленные публикации по истории паспортной системы СССР касались лишь её внешней парадной стороны, не затрагивая глубинной сути и механизмов функционирования. Основной массив архивных материалов по этой проблеме был строго засекречен, и потребовалось несколько лет постсоветского периода для того, чтобы историки получили возможность их поиска.

Одна из первых серьёзных статей, посвящённых вопросу ограничения свободы проживания и передвижения в России, была опубликована на страницах российской научной печати в 1994 г. доцентом Сэррейского университета (Англия) М. Мэтьюзом¹⁹. Но он довёл свой анализ, включивший значительный материал по дореволюционному периоду, только до 1932 г., то есть до того времени, когда в СССР началась всеобщая паспортизация населения. В более узких хронологических рамках (1917—1923 гг.) показана предыстория советского паспорта в статье российского исследователя А. Байбурина²⁰.

Объектом же наиболее пристального внимания историков стало введение в СССР единой системы внутренних паспортов, её функционирование и изменения, особенно в 1930-е гг. как части общей системы управления в сталинском государстве, отражавшей его суть. В публикациях 1990—

2000-х гг., большая часть которых принадлежит перу зарубежных авторов, нашли отражение контрольно-учётная и ограничительно-репрессивная функции советской паспортной системы, её роль в регулировании миграционных потоков между городом и деревней, дискриминационный характер по отношению к определённым категориям населения и некоторые другие аспекты (Ш. Фицпатрик, Н. Муан, Г. Кесслер²¹ и др.). Из работ российских историков следует отметить статью В.П. Попова, в которой исследователь одним из первых подробно рассмотрел основные этапы паспортизации в СССР в рамках государственной административно-надзорной системы, уделив особое внимание её запретительным функциям²².

Предлагая взгляд на проблему в масштабе всей страны, авторы перечисленных публикаций, конечно, не могли в полном объёме отразить особенности введения и функционирования паспортной системы в отдельных регионах. Для этого требовались специальные исследования. На Дальнем Востоке первым, кто ввёл в научный оборот некоторые документальные материалы, был А.П. Ходасевич, автор книги очерков по истории дальневосточной милиции (1993 г.)²³, хотя сюжет о паспортизации представлен в нём небольшим фрагментом. В дальнейшем проблема получила освещение в наших статьях²⁴, которые и легли в основу данного раздела.

Паспортизация населения СССР — это логическое звено в цепи явлений, определивших формирование советской государственной системы, одним из главных показателей развития которой была централизация партийно-государственного управления, распространявшегося на все сферы жизни общества. В начале 1930-х гг. наряду с проявлением других признаков этого процесса соответствующие изменения претерпевал управленческий аппарат — была проведена реорганизация административно-территориального деления СССР, создавались отраслевые наркоматы с их вертикальной структурой подчинения. Даже такая организация как профсоюзы в 1933 г. была объединена с Наркоматом труда. Преобразования касались и «силовых» учреждений страны. В условиях развёртывания политических репрессий и массового применения принудительного труда значительно возросла роль ОГПУ. Кроме основной функции обеспечения государственной безопасности Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. этому ведомству были переданы также широкие полномочия в руководстве милицией и уголовным розыском, которые до этого времени подчинялись местным советам. Тогда же были упразднены НКВД союзных республик. В 1934 г. произошло преобразование ОГПУ в НКВД СССР, объединившее в себе управление органами безопасности, милиции, внутренними и пограничными войсками, учреждениями мест заключения²⁵.

С конца 1920-х гг. постепенно ужесточалась система административно-полицейского надзора. Если январским декретом 1922 г., который М. Мэтьюз относит к числу самых передовых из всех законодательных актов большевиков, всем гражданам РСФСР предоставлялось право беспрепятственного передвижения по всей территории республики, а июнь-

ский Декрет 1923 г. «Об удостоверениях личности» аннулировал паспорта и другие виды на жительство, то уже весной 1925 г. началось введение мер по надзору за миграцией населения. Декрет от 28 апреля 1925 г. предписывал обязательную прописку всех граждан, прибывавших в городские поселения. В это время не существовало единого образца документа, удостоверявшего личность. Таковыми могли служить свидетельство о рождении, служебные и профсоюзные документы, удостоверения. Последние на основании июньского декрета 1923 г. не имели унифицированной формы и приобретались гражданами по их желанию. С июня 1927 г. был введён единый на всей территории РСФСР образец удостоверения личности, однако сам документ по-прежнему имел необязательный характер распространения²⁶.

На рубеже 1920—1930-х гг. прошла «чистка» деревни, итогами которой (в аспекте нашей проблемы) были учёт крестьянского населения по социальным группам и распределение его по местам проживания и работы (колхозы, спецпосёлки, исправительно-трудовые лагеря) в соответствии с социальным ранжиром. В результате большая часть населения страны была ограничена (вплоть до полного запрета) в свободе выбора мест проживания, трудоустройства и передвижения.

Логическим продолжением этой политики стала организация единой паспортной системы. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 15 ноября 1932 г. целью её введения была названа «разгрузка Москвы и Ленинграда и других крупных городских центров СССР от лишних, не связанных с производством и работой учреждений, а также от скрывающихся в городах кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов»²⁷. Определяя данную цель, постановление, однако, не раскрывало целую систему экономических и политических факторов, сложившихся в стране к 1930-м гг., которые привели к необходимости введения единой паспортной системы. Среди них можно выделить следующие: 1) переход к планово-распределительной экономике, свершившийся с принятием первого пятилетнего плана и коллективизацией крестьянства и потребовавший создания системы точного демографического учёта; 2) расширение масштабов репрессивной политики, сопутствующим явлением которой было совершенствование механизма отслеживания преступного и «неблагонадёжного» контингента; 3) обострение ряда внутренних проблем, связанных с форсированной индустриализацией и массовыми репрессиями в деревне, в том числе появление больших потоков мигрирующего населения, резкий рост численности горожан за счёт притока крестьян, кризис товарного снабжения, приведший к введению карточной системы распределения, напряжённость жилищно-бытового обеспечения, рост уголовной преступности.

Начавшаяся централизация полицейского аппарата облегчала государству контроль над введением и функционированием новой системы административно-полицейского учёта и надзора.

В погранотряде 58-го Уссурийского кавалерийского полка ГПУ. Владивостокский округ (совр. Приморский край). 1929 г. // ПГОМ. МПК 5162—1г. Ф 23410

Пограничники Посьетского погранотряда в дозоре. Приморский край. 1938 г. Автор: Назаров Н.А. // ПГОМ. НВ 961—8

Пограничники Хасанского погранотряда в дозоре. Приморский край.
1938 г. Автор: Русанов П.В. // ПГОМ. НВ 961—1

ПАСПОРТИЗАЦИЯ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ
ПЕРВЫЙ ПАСПОРТ ПОЛУЧИЛ
УДАРНИК-ПАРТИЗАН ВОЛКОВ

Начальник котельного цеха Дальзавода т. **ВОЛКОВ** получает первый во Владивостоке советский паспорт.
(Фото Мисникова).

Фото из газеты «Красное знамя» (Владивосток. 1933. 22 апреля)

Владивосток. Китайская улица (совр. Океанский проспект).
1927—1934 гг. // ПГОМ. МПК 3943—2. Ф 7495

Владивосток. Железнодорожный вокзал.
1935 г. // ГАПК. Фотоальбом №10. Фото 9

Владивосток. Привокзальная площадь.
1927—1934 гг. // ПГОМ. МПК 3943—3. Ф 29222

Отправление поезда со ст. Лазо. Владивостокский округ
(совр. Приморский край). 1927 г. // ПГОМ. МПК 4928—3. Ф 25168

27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов», которое было вскоре дополнено «Инструкцией о выдаче паспортов», утверждённой СНК СССР 14 января 1933 г. и постановлением СНК СССР от 28 апреля 1933 г.²⁸

Это были главные документы начального этапа паспортизации, имевшие секретные и несекретные разделы. Со временем они обрастали новыми инструкциями, постановлениями, распоряжениями в соответствии с дальнейшим развитием паспортной системы. Не повторяя содержания этих документов, проанализированных в вышеупомянутых публикациях, отметим лишь некоторые важные стороны.

Паспорт явился обязательным документом для всех граждан с 16-летнего возраста кроме групп, о которых будет сказано ниже. В него заносились краткие сведения о владельце, включая фамилию, имя, отчество, время и место рождения, национальность, социальное положение, прохождение обязательной военной службы. Объявлялась обязательной процедура прописки населения по месту жительства и выписки в случае переезда, что удостоверялось соответствующим штампом в паспорте. В местностях, где вводилась паспортная система, все предприятия и учреждения обязаны были проставлять в паспортах всех своих работников отметки о приёме и увольнении со службы²⁹. В 1937 г. вводилась наклейка в паспорт фотографий владельцев.

Все сведения, занесённые в паспорт, дублировались в документах специально созданной карточно-каталожной системы паспортных отделов милиции. Сверх того в карточки вносилась и закрытая информация о социальном происхождении, криминальной деятельности конкретного гражданина или другие компрометирующие сведения о нем. Такая учетно-информационная система использовалась как инструмент фильтрации населения в режимных зонах³⁰.

Паспортизация разделила население страны на группы, обладавшие разной степенью свободы проживания, передвижения и трудоустройства. Одна из них включала в себя всех жителей городов, рабочих посёлков, районных центров, сельских населённых пунктов, где были МТС, 100-километровой пограничной полосы, работников новостроек, совхозов, промышленных предприятий, транспорта. Эта группа была обязана пройти паспортизацию. Другая часть населения, состоявшая из жителей сельской местности (кроме случаев, относящихся к первой группе), не паспортизировалась. Их учёт производился по «поселённым» спискам сельскими и поселковыми советами под наблюдением районных отделений милиции. Не получившие паспортов колхозники и единоличники имели ограниченные возможности передвижения и трудоустройства на территории страны и, по существу, прикреплялись к сельскохозяйственному производству, хотя в этой системе имелись лазейки, позволявшие промышленности черпать рабочие кадры из числа крестьян.

В свою очередь, территории, подпадавшие под паспортизацию, делились на обычные и режимные. К режимным были отнесены ряд крупных городов, 100- и 50-километровая зона вокруг них, эспланадная полоса (территория между военным сооружением или укрепленным объектом и крупным населённым пунктом) и приграничная зона. «Неблагонадёжное» и «социально-опасное» население, выявленное специальной проверкой, в режимных местностях не паспортизировалось и обязано было покинуть их в 10-дневный срок со дня отказа в выдаче паспорта. Перечень подлежащих выселению категорий включал «тунеядцев» (не занятых общественно-полезным трудом), «летунов» и дезорганизаторов производства (лиц, часто менявших место работы), «лишенцев» (лишённых избирательных прав), бежавших из деревень кулаков, нарушителей границы, бывших царских офицеров и жандармов, бывших заключённых и ссыльных, некоторые другие категории, а также членов их семей. Выселенные имели право получить паспорта, а, следовательно, — жить и трудиться только в нережимных местностях. Таким образом, паспортизации придавались функции фильтра, с помощью которого из режимных территорий отсеивались нежелательные категории населения. Их состав свидетельствует о том, что эта фильтрация имела не только политический, но и производственный характер, нацеленная на то, чтобы предприятия могли освободиться от рабочего «балласта» («тунеядцев», «летунов» и т.п.).

Вместе с тем государство предприняло некоторые меры, частично ограничивавшие запретительные функции паспортизации. Заседание Политбюро ЦК ВКП(б) 10 апреля 1933 г. утвердило предложения комиссии Калининна «О выдаче паспортов в г. Москве и 100-километровой зоне»³¹, в последующем применённые и к другим регионам. На Дальнем Востоке основные положения этого документа были повторены в циркуляре ПП ОГПУ по ДВК № 1/с «О порядке применения инструкции СНК СССР при выдаче паспортов», высланном 14 января 1934 г. начальникам областных отделов, районных отделений ОГПУ и погранотрядов. В дополнение к ранее данным директивам по паспортизации в режимных местностях предлагалось руководствоваться следующим: «1) Не допускать расширенного толкования и применения инструкции о невыдаче паспортов по судимости в сельских местностях (100- и 50-км зон) по отдельным статьям УК (как, например, 107 ст. УК и др., по которым установлена норма репрессий) в отношении лиц, являющихся постоянными жителями сельской местности. 2) Выдавать паспорта в отдельных случаях и тем лицам в сельских местностях (100- и 50-км зон), в отношении которых старая судимость, хотя формально и не допускает выдачи паспорта, но может быть покрыта их добросовестным исполнением в настоящее время государственных обязательств и хорошим поведением в колхозе и единоличников на селе. Последнее в особенности должно проводиться в отношении крестьян-единоличников, имеющих озимый посев и выполняющих обязательства к весеннему севу. 3) Особо внимательно подходить к разреше-

нию вопросов в отношении стариков — отцов и матерей, детям которых паспорта выданы. 4) Лицам, достигшим 60-летнего возраста, проживающим в пунктах, где проводится паспортизация, не имеющих других родственников, как правило, выдавать паспорта. 5) Бывшим служащим культа, снявшим с себя сан, но лишённых избирательных прав, как правило, паспорта выдавать. 6) Лицам многосемейным, не получившим паспорта и подлежащих к выезду, представлять льготный срок для выезда от 10 дней до одного месяца. Ознакомить с данным циркуляром секретарей обкомов, горкомов, райкомов ВКП(б), начальников политотделов МТС и совхозов для руководства при рассмотрении предварительных материалов на лиц, подпадающих под пункты инструкции невыдачи паспортов»³².

В целом паспортизация позволила не только контролировать и в определённой степени регулировать миграции и трудоустройство, но и провести персональный «смотр» граждан СССР в отношении его благонадёжности, происхождения и социального положения (грубо говоря, поголовную «инвентаризацию» населения паспортизированных регионов) и через институт прописки прочнее привязать работников к быстро растущим промышленным предприятиям.

Как отмечалось выше, Дальневосточный край считался социально-засорённым регионом. Центральное руководство имело претензии и к местной партийно-хозяйственной номенклатуре. С начала 1930-х гг. на Дальний Восток возлагались большие задачи по созданию сырьедобывающей экономики и укреплению его стратегического положения. Однако напряжённые государственные задания трудно поддавались выполнению. В 1932 г. — последнем году пятилетки — в ДВК не были выполнены производственные планы по многим показателям. Специальная комиссия ЦК ВКП(б) увидела главную причину этого в недостатках местного руководства. В апреле 1933 г. постановлением ЦК ВКП(б) первый секретарь Далькрайкома партии С.А. Бергавинов и председатель Далькрайисполкома Буценко были отстранены от исполнения своих обязанностей с формулировкой «за плохую работу», а на их место назначены Л. И. Лаврентьев и Г.М. Крутов³³.

В такой обстановке край вступил в кампанию по введению единой паспортной системы. Она началась с традиционного принятия постановлений Далькрайисполкомом, областными и городскими партийно-исполнительными органами в ответ на поступившее в край решение ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. В резолюциях подчёркивалась политическая важность и ограничительно-классовая направленность паспортной системы, которая провозглашалась «...одним из орудий пролетарской диктатуры по выявлению классово-чуждого, антисоветского и антиобщественного элемента», «разгрузке» от него паспортизируемых населённых пунктов, что должно было обеспечить «...дальнейшие успехи социалистического наступления в условиях ожесточённой классовой борьбы»³⁴.

Партийные документы становились инструкцией для идеологической обработки дальневосточников с помощью средств массовой пропаганды. Так, накануне начала паспортизации в г. Владивостоке областная партийная газета «Красное знамя» поместила статью под заголовком «Паспортизация сорвёт маску с примазавшихся и чужаков». В ней, в частности, говорилось: «Чужаков, людей примазавшихся, замаскировавшихся — много. В большом городе им легко спрятать своё подлинное лицо, своё тёмное прошлое и сомнительное настоящее. Советский паспорт даёт возможность выявить чужаков, втершихся в ряды трудящихся, скрывших своё истинное лицо под маской «советского труженика»...»³⁵

В сентябре 1933 г. началась выдача паспортов корейцам и китайцам, и в газете звучал тот же мотив: «Проведение паспортизации среди восточников имеет огромное политическое значение. Пролетарскому Владивостоку, имеющему многотысячное китайское и корейское население, давно пора освободиться от оставшихся бывших «джангуйд», которые и сейчас продолжают потихонечку заниматься своими делами, зарывшись в трущобы «миллионки». Проведение паспортизации среди восточного населения является суровым пролетарским фильтром (...). Мы должны превратить дни паспортизации в дни подлинных боёв, в дни, которые взорвали бы остатки старой гнили: миллионку, опекурильни, притоны и т.д. ...»³⁶

Аналогичного содержания лозунги и плакаты висели на стенах паспортных пунктов, где граждане получали документы. Рабочие Дальзавода, первыми из владивостокцев получавшие паспорта, могли прочитать над входами во все цеха транспаранты с надписями: «Рабочие и работницы, помогите делу паспортизации выявлением ненужных и вредных людей», «Советский паспорт поможет выявить, разоблачить и выселить всех мешающих социалистическому строительству»³⁷.

Пропаганда по линии паспортизации логично вписывалась в общую систему советской идеологической работы, пронизанной идеей классово-неприимчивости, однако выглядела весьма скромно на фоне самостоятельных кампаний по «выкорчёвке кулацкого элемента», «обезвреживанию оппортунистов», «выявлению вредителей». Большинство местных комитетов партии и исполкомов ограничились заслушиванием докладов о паспортизации в первые дни подготовки к ней. Та же газета «Красное знамя» за весь 1933 г. опубликовала только 16 небольших материалов (почти все — на последней полосе), посвящённых этой теме, из которых 8 представляли перепечатку постановлений официальных инстанций, 4 носили информационно-критический характер и лишь 4 являлись «ура»-пропагандистскими. Половина этих публикаций прошла в апреле. В то же время страницы газеты были насыщены большими материалами о московском процессе над «вредителями» на электростанциях центральных районов страны, а с мая того же года — о подготовке и проведении чистки партии, не говоря уже об освещении многочисленных эпизодов «вредительства» и социальной чистки на местных предприятиях промышленности и сельского хозяй-

ства³⁸. Такое соотношение тем в газетных публикациях отражает реальное место паспортизации в иерархии политико-экономических кампаний того времени, что и проявилось в дальнейшем при непосредственной организации работы паспортных столов.

Основная роль и ответственность за проведение паспортизации возлагалась на органы милиции. В это время краевое Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) возглавлял М.В. Слонимский, переведённый из органов ОГПУ для повышения уровня работы этого органа. Начальником паспортного отдела при дальневосточном УРКМ был назначен Пфеффер, который лично отвечал за организацию сети паспортных пунктов и столов.

Огромная техническая работа по оформлению документов не могла быть выполнена только силами сотрудников милиции. В связи с этим руководители предприятий и учреждений обязаны были выделить для работы в паспортных столах необходимое количество людей с сохранением зарплаты. Уже на этом начальном этапе цели паспортизации столкнулись с интересами хозяйственников, для которых при остром недостатке рабочих рук отрыв от основного производства каждого человека был совершенно нежелательным. Как отмечал Пфеффер в отчётном докладе в Москву, местные организации «несерьёзно отнеслись» к комплектованию штатов паспортных столов, зачастую выделяя людей малограмотных, или не вовремя, или в недостаточном количестве, или отзывая своих посланцев без замены. Так, Нижне-Амурский окружной профсоюзный совет вместо 50 выделил, да и то несвоевременно, только 36 чел., из которых 9 как неграмотных или малограмотных отозвали, а «остальные были оставлены в паспортных пунктах не по их способности, а по необходимости». Подобные примеры не были единичными. В целом паспортные пункты удалось укомплектовать выделенными работниками не более, чем на 50%.

Недостаточное количество и низкий уровень их квалификации и грамотности приводили к волоките, различным недоразумениям, ошибкам в оформлении документов, порче бланков, к многочисленным перегибам и самоуправству. В отчёте Пфеффера приводился пример с помощником начальника политотдела совхоза в Александровском районе Амурской области, который, будучи назначенным начальником паспортного стола, отказался выдавать паспорта «кулакам» (хотя местность была нережимной), объясняя свой шаг следующим образом: «Душа не выносит кулакам выдавать паспорта. Поезжайте в раймилицию — там, может быть, получите». В Яковлевском районе в паспортах отказывали старикам свыше 60-летнего возраста по причине их неучастия в хозяйственно-политических кампаниях и женам давно умерших бывших заключённых, в Тернейском районе — крестьянам, не пожелавшим вступить в колхозы, в Комсомольском районе — нанайцам и гольдам из-за некомпетентности работников паспортных столов. В д. Дмитриевке Черниговского района отказы охватили 75 хозяйств из 128, в одном из сёл Тернейского района — 70 хозяйств из 90³⁹.

Благонадёжность паспортизируемых определяли органы милиции и ОГПУ на основании своих оперативных материалов, включавших агентурные сведения, которые, как оказалось, не всегда были достаточно точны. Кроме того, согласно инструкциям правительства, милиция привлекала в помощь для получения дополнительной информации исполнительные инстанции, местное население (т.н. «группы содействия»), партийные, комсомольские и профсоюзные организации и «треугольники» предприятий (директор — парторг — профорг). Исполкомы местных советов предоставляли милиции списки «лишенцев» и недоимщиков, а вся остальная общественность была нацелена на сбор различного компрометирующего материала. Например, в постановлении Президиума Далькрайсовпрофа перед профсоюзными организациями области ставилась задача «...наибольшего проявления классовой бдительности, направленной к полному исключению возможностей выдачи паспортов тому, кому выделять их не следует, а также выявления социальной физиономии лиц и установления классовой характеристики сомнительного элемента»⁴⁰.

Однако на практике общественность не оказала паспортизации значительной поддержки. Количество поступившего от «групп содействия» компромата было невелико, за редким исключением, к которому можно отнести Сахалинскую область, где, по данным милиции, 75% всех компрометирующих материалов по паспортизации поступило за счёт «групп содействия» и отдельных граждан⁴¹.

Ещё сложнее складывались взаимоотношения между паспортными отделами и руководителями хозяйственных организаций, которые, остро нуждаясь в рабочей силе и не без трудностей вербуя её по всей стране, не были заинтересованы в «очистке» предприятий от «социально-чуждого элемента», поэтому не только не способствовали сбору требующихся сведений, но и всячески старались обойти порядок паспортизации, ходатайствовали о «послаблениях» в отношении «неблагонадёжных» рабочих или прямо укрывали их от выселения. Не случайно в постановлении Приморского областного бюро ВКП(б) говорилось: «Обратить особое внимание секретарей партийных ячеек коллективов и руководителей-коммунистов на строгую ответственность за отстаивание лжеспециалистов из классово-чуждых людей и дачи неправильной информации органам, проводящим паспортизацию. Вместе с этим обязать треугольники всех предприятий и учреждений (...) и особенно рыбные организации о немедленном пересмотре своих кадров с тем, чтобы очистить все организации от чуждого элемента и закрепить на производстве лучших рабочих»⁴². Аналогичные задачи ставились в Постановлении «О паспортизации» бюро Амурского обкома ВКП(б) от 20 апреля 1933 г.: «...Секретарям парт. ячеек, коммун, руководителям учреждений немедленно приступить к проверке личного состава в своих предприятиях и учреждениях с целью выявления укрывающегося»

ся антисоветского элемента. Предупредить треугольники предприятий о строгой ответственности за неправильную выдачу справок...»⁴³

Несмотря на партийное предупреждение, хозяйственники продолжали руководствоваться прежде всего интересами производства, лаконично объясняя свою позицию так: «За нарушение паспортного режима могут дать не больше двух лет, а за срыв производственных заданий посадят и на 10». Многие «треугольники» предприятий (например, в Посьетском районе, на лесозаводе в Имане и др.) не дали никакой компрометирующей информации на своих работников. На Камчатке к 31 мая 1934 г. было выявлено только 1,8 % «неблагонадёжных» лиц к общему числу получивших паспорта. В Тындинском и Свободненском районах, где значительная часть населения состояла из заключённых БАМлага и спецпоселенцев, руководители предприятий добились разрешения на работу в режимной зоне сотням освобождённых заключённых, а районные власти ставили вопрос о возможности перевода этих территорий в разряд нережимных. Одновременно наблюдались нарушения и иного рода: многие руководители предприятий и новостроек стали отбирать паспорта у рабочих и хранить в конторах администраций с тем, чтобы не дать работникам возможности перейти на другое производство⁴⁴.

Определённые осложнения в паспортную кампанию на Дальнем Востоке вносило отсутствие стабильного графика введения режимных зон. Факты показывают, что во время принятия Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. центральные власти не имели чётко разработанной программы введения в стране единой паспортной системы и ясного понимания того, какие территории должны попасть в разряд режимных. Кампания регулировалась и уточнялась по ходу реализации, на что, очевидно, влияли внутри- и внешнеполитические факторы. Несмотря на то, что изначально акция была нацелена на «разгрузку» городов и промышленных центров, на Дальнем Востоке её не менее важной задачей была социальная «стерилизация» пограничной зоны, само понятие которой поэтапно расширилось.

Очерёдность паспортизируемых районов и список режимных зон были определены не сразу, что приводило к неоднократному изменению сроков проведения кампании на местах, пересмотру уже оформленных документов, изъятию выданных паспортов, нарушениям инструкций.

Первые директивы, поступившие на Дальний Восток весной 1933 г., обозначили пять режимных городов региона: Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Никольск-Уссурийский и Спасск-Дальний. В соответствии с этим Президиум ДКИК в постановлении от 4 апреля 1933 г. наметил сроки введения единой паспортной системы в этих городах как первоочередных: во Владивостоке — с 1 мая по 15 июля, в остальных — с 1 мая по 1 июля 1933 г. Однако в дальнейшем этот график не соблюдался. К 15 июля из пяти вышеназванных городов кампания была завершена только в Благовещенске.

Остальные четыре города, по оценкам местных властей, находились в «недопустимом прорыве», успев охватить паспортизацией только от 16 (Владивосток) до 40 (Хабаровск) процентов своего населения⁴⁵.

В городах устанавливался свой внутренний график. Так, во Владивостоке на основании обязательного постановления президиума горсовета от 9 апреля 1933 г. выдача паспортов была назначена с 20 апреля по 15 июля 1933 г. и производилась в три очереди: сначала — рабочим крупных промышленных предприятий, затем — работникам советских учреждений, кооперативных и государственных торговых предприятий и, наконец, — всем рабочим и служащим, не вошедшим в первые две очереди, неорганизованному населению, учащимся, корейцам и китайцам, имевшим советское гражданство. В городе организовали 29 паспортных пунктов с пропускной способностью более 4 тыс. чел. ежедневно. Весь аппарат милиции был брошен на проверку выезда из Владивостока лиц, не получивших паспортов, и освобождение их квартир⁴⁶. С 1 августа объявлялась обязательная прописка полученных паспортов. Однако Владивосток далеко не уложился в эти сроки. Для «восточников» паспортизация началась только с 1 сентября⁴⁷.

Осенью того же года к режимным территориям были отнесены также Северный Сахалин и эспланадные зоны по границе. Сроки паспортизации в них устанавливались с 15 октября по 30 декабря 1933 г. Позже на основании постановления СНК от 1 декабря 1933 г. список режимных местностей пополнила 100-километровая полоса сухопутной границы с Маньчжурией и «восточная часть ДВК в границах, определяемых с запада течением р. Амура и с востока — морской границей по инструкции СНК от 12 января 1933 г.», где проведение паспортизации планировалось с 25 декабря 1933 г. по 15 февраля 1934 г. Все режимные местности назывались районами паспортизации первой очереди. К осени 1934 г. они охватили наиболее населённую территорию края, где проживало 97% дальневосточного населения⁴⁸.

Отдельным направлением была паспортизация работников транспорта. Приказ ОГПУ № 095 от 2 августа 1933 г. обязывал провести её в целях удаления и «предупреждения проникновения на транспорт антисоветского и прочего преступного элемента». В соответствии с данным документом 3 сентября 1933 г. был издан приказ № 403с полпреда ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерибаса, который возложил проведение паспортизации на ДВО ОГПУ Уссурийской железной дороги и его периферийных органов в сроки с 15 сентября 1933 г. по 1 февраля 1934 г. Для этого устанавливался штат специальных сотрудников с дополнительной мобилизацией «чекистов запаса транспортников»⁴⁹.

Кроме этого, в порядке второй очереди паспортная система вводилась для всего остального населения городов, рабочих посёлков, районных и окружных (национальных округов) центров, населённых пунктов, имевших МТС, для рабочих новостроек, на промпредприятиях и транспорте: на большей части территории Дальнего Востока — с июля — августа

до октября 1933 г., а в северных национальных округах — с июля по сентябрь 1934 г.⁵⁰

Однако на территории Дальстроя (совр. Магаданская область), имевшего особый статус гражданского и хозяйственного управления*, паспортизация была отодвинута на более поздний срок. Лишь 13 февраля 1936 г. зам. начальника отдела НКВД ДС Горин подписал, а 26 февраля директор ДС Берзин утвердил соответствующую инструкцию, согласно которой паспортный стол отделения РКМ должен был до 1 марта 1936 г. выдать паспорта вольнонаёмным сотрудникам Дальстроя и бывшим заключённым, оставшимся на жительство и работавшим на предприятиях Нагаево-Магаданского района. Одновременно с этим требовалось приступить к заготовке паспортов всем остальным освобождённым лагерникам, которые проживали вне территории Нагаево-Магаданского района, с тем чтобы каждый уезжавший на материк бывший заключённый своевременно мог получить паспорт. Те, кто освобождался из Севвостлага без ограничения в гражданских правах, получали его сроком на три года, в противном случае — не более, чем на один год⁵¹.

По окончании установленных сроков работа временных пунктов сворачивалась и переносилась в постоянные паспортные отделы при управлениях и отделениях милиции. Но первичная паспортизация фактически продолжалась, так как в край прибывали все новые и новые партии вербованных рабочих, не имевших этого документа.

Окончание кампании тормозилось также массовым потоком жалоб на незаконное выселение. Перепроверка решений об отказах в выдаче паспортов повлекла большую переписку между районными, областными, краевыми паспортными отделами и длилась месяцами. Пострадавшие обращались также в прокуратуру, комиссию советского контроля, редакции газет и специально созданные комиссии при районных и городских исполкомах и партийных комитетах. Большое количество жалобщиков, нередко вместе с выселенными семьями, стекалось в краевой центр Хабаровск из всех режимных районов Дальнего Востока, чтобы лично ходатайствовать о пересмотре решений о выселении. За время проведения кампании через краевой паспортный отдел прошло не менее 4 тыс. жалобщиков, не считая заочных письменных заявлений, из которых свыше половины получили удовлет-

* В современной историографии Дальстрой характеризуется как «суперорганизация», «комбинат особого типа», «суперпривилегированная военизированная структура». Особенности его управления исходили из экономической важности этого золотодобывающего предприятия, с одной стороны, и опорой в производственной деятельности в основном на заключённых – с другой. Вся исполнительная, военная и партийная власть, право решения хозяйственных и иных вопросов были сосредоточены в руках директора ДС. Подробнее см.: Бацаев И.Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. С. 37 – 54; и др.

ворительные ответы, так как проверка показывала, что причины отказов в выдаче паспортов были необоснованными. Часть выселенцев добилась пересмотра решений через местные комиссии при партийных и советских органах. По Приморской области было удовлетворено 14% жалоб, по Сахалинской области восстановлено в правах проживания 1 598 чел.⁵² Реальные цифры необоснованных отказов были значительно больше, так как многие «жертвы паспортизации» вообще никуда не обращались по незнанию или из-за боязни.

Кроме подачи жалоб «отказники» шли на различные ухищрения для того, чтобы остаться на привычных местах проживания: оформляли фиктивные браки и разводы, давали взятки, подделывали документы; оставляя престарелых родителей и малолетних детей, выезжали в нережимные местности края, где получали паспорта, а затем возвращались. Президиум Владивостокского горсовета принял специальное постановление от 22 апреля 1933 г., которым на время проведения паспортизации в городе запретил регистрацию в ЗАГСах разводов и изменение фамилий, имён и отчеств во избежание использования замены документов «...с целью сокрытия своих связей с лицами, подпадающими под категории граждан, коим в выдаче паспортов должно быть отказано»⁵³.

Сопротивление паспортизации в ряде случаев принимало более активные формы. В некоторых приграничных казачьих сёлах были отмечены угрозы в адрес местной администрации и запугивание приходом японских войск. В д. Борисполе Александровского района группа жителей совершила налет на квартиру секретаря партийной ячейки и уничтожила документы сельсовета. Наблюдался уход части населения за границу. Среди корейского населения распространялись слухи о том, что убежавшие от паспортизации в Китай будут наделены там землёй и получают материальную помощь⁵⁴.

В целом к 1 апреля 1934 г. на Дальнем Востоке через систему паспортной проверки в режимных зонах прошли 848 881 чел., из них паспорта получили 792 642 чел. В нережимных местностях края было выдано 30 276 паспортов, в том числе на Камчатке — 9 035, в районах Амурской области — 16 512, в районах Нижне-Амурской области — 4 729⁵⁵.

56 239 жителей режимных зон получили отказы в выдаче данного документа, поэтому они обязаны были покинуть эти территории (см. табл.10). Если учесть несовершеннолетних детей, то число выселяемых, на наш взгляд, могло составить не менее 100 тыс. чел.

Доля «отказников» от числа граждан, подлежавших паспортизации в ДВК, оказалась довольно высокой — 6,6%. Для сравнения отметим, что в целом по РСФСР этот показатель составил 1,4%⁵⁷, в Москве — 2,6%, Ленинграде — 4,1%⁵⁸, в Баку и Киеве превышал 10%⁵⁹.

На Дальнем Востоке наиболее жёсткой «чистке» подверглось население Сахалинской области, где удельный вес отказов в паспортах превысил 12%. Паспорта не выдавали бывшим торговцам, уголовным преступ-

никам, кулакам. Недоверие проявлялось и к старожилам, пережившим на острове период японской оккупации. Например, из с. Михайловки в период паспортизации были высланы те, кто в 1922—1925 гг. служили старостами⁶⁰. Много беспокойства доставляли властям и мигранты советского периода. Начальник областного управления милиции Матросов в «Информации» от 13 января 1933 г. так объяснил показатели паспортизации: «За последние годы на Сахалин завезено обилие чуждого элемента, который расселён по всему острову и, благодаря частой перемене местожительства, ускользая из поля зрения органов следствия и суда, тем самым создавал благоприятную почву для проведения антисоветской, вредительской работы. Контрреволюционная агитация, хищение кооперативных и государственных ценностей процветали на острове. Отсутствие путей сообщения и связи не давало возможности не только предупредить, но и фиксировать совершённые преступления (...) Но благодаря энергичной работе со стороны органов ОГПУ, рабоче-крестьянской милиции и чистке партийных рядов стало возможным через широкое участие масс обнаружить вредительскую работу со стороны враждебных советской власти элементов и выявить их действительно классовое лицо...»⁶¹

Таблица 10

**Итоги паспортизации дальневосточного населения
в режимных зонах на 1 октября 1934 г. (чел., %) ⁵⁶**

Районы	Получили паспорта	Отказано в выдаче	Процент отказов	Выехало
Хабаровск с районами	96 888	7 213	6,9	4 221
Амурская и Зейская области	137 489	9 752	6,6	6 536
Приморская и Уссурийская области	412 789	26 850	6,1	20 739
Северные районы Приморья	18 203	1 323	6,8	136
Сахалинская область	51 982	7 180	12,1	5 428
Еврейская автономная область	23 019	1 916	7,7	1 863
Нижне-Амурская область	16 380	1 185	6,7	715
Пригородный район*	17 733	нет св.	нет св.	нет св.
Остальные районы края	18 159	820	4,3	700
Всего	792 642	56 239	6,6	40 338

Примечание: * — так указано в источнике, автору не удалось выяснить, какая конкретно территория имелась в виду.

В результате проведения паспортизации так же, как и во многих других регионах страны, на Сахалине было выявлено безобразное состояние учёта населения, по которому на острове числилось 120 тыс. чел, фактически же оказалось около 60 тыс.⁶²

Жёсткий характер проведения репрессивной политики в Сахалинской области («дрековщина») местные жители связывали с именем начальника Сахалинского областного отдела ОГПУ В.М. Дрекова⁶³. В свою очередь, он был наделён соответствующими полномочиями и инструкциями с учётом стратегического положения острова, проходящей по нему границы с Японией и наличием японских концессий. В Постановлении ПБ ЦК ВКП(б) о проведении паспортизации на Сахалине от 15 августа 1933 г. прямо указывалось, что оно принято в развитие Постановления ПБ ЦК ВКП(б) от 23 апреля того же года «Об усилении надзора за японскими концессиями на Сахалине». Было решено «предложить ОГПУ в месячный срок провести паспортизацию на всём Сахалине, обратив особое внимание на принятие решительных мер по выселению политически ненадёжных и уголовных элементов из районов, близлежащих к японским концессиям...»⁶⁴ Советским рабочим на концессиях выдавали лишь одногодичные паспорта. В графе о социальном положении делалась отметка: «концессия». Справки с места жительства хранились в особой картотеке, списки были переданы местным органам ОГПУ/НКВД для выселения на материк в случае увольнения и предания суду. Из паспортизированных 2 767 чел. на концессиях в Дуэ, Охе, Катангли, Мгачи и Паромае были выявлены (отмечены штампом «концессия») 423 чел. и отнесены к «контрреволюционным и паразитическим элементам», прибывшим на Сахалин в 1929—1933 гг. Эти лица весной 1934 г. были отправлены на материк первым пароходом с изъятием у них паспортов⁶⁵.

Интенсивно «вычищались» и районы на границе с Маньчжурией, где население промышляло контрабандой и проживало много выходцев из казачества. «Отсюда, — докладывал в Москву начальник краевого паспортного отдела, — особая бдительность и, как правило, использование паспортизации для очищения от этого элемента, *хотя в ряде случаев и не подпадающего формально под инструкцию об отказах в паспортах*» (выделено нами. — Е.Ч.). Так, из Гродековского района было выселено 16% населения, из с. Сальского Иманского района, расположенного в 5 км от границы, — 83 из 270 жителей. Именно на жителей сельской местности региона, в основном приграничной, приходились наибольший удельный вес и абсолютное число «отказников»⁶⁶.

Последствия паспортизации отразились во многих сферах жизни дальневосточного региона. Так, из школ Амурской области в 1933/34 учебном году выбыло 7 192 ученика, из них 5 293, или 74,6% — по причине выселения родителей в связи с паспортизацией, в том числе из районов: Свободного — 102 чел., Благовещенского — 295, Тыгдинского — 107, Александровского — 541, Могочинского — 292, Завитинского — 672, Свободненского — 830, Архаринского — 598, Ивановского — 525, Тамбовского — 1 531⁶⁷.

Таким образом, паспортизация на Дальнем Востоке стала одним из факторов, усугубившим отток населения из сёл, хотя первоначальным мотивом её проведения в стране была «разгрузка» городов. Материалы край-

УНХУ показывают, что в 1933—1935 гг. численность селян сократилась в большинстве областей ДВК и особенно в приграничных районах, в том числе в Молотовском районе — в 2,5 раза, в Гродековском — в 1,9 раза, в Ворошиловском — в 1,8 раза⁶⁸, и это тогда, когда выселение «кулачества» в основном завершилось, а Большой Террор ещё не начался.

Из-за постоянного включения в список режимных мест всё новых и новых территорий возникла двойная волна выселений. Из режимных городов многие «отказники» переселились в ближайшие сельские районы, которые вскоре также были объявлены режимными, и откуда людям пришлось выезжать уже за пределы Дальнего Востока. Такому двойному переселению подверглось от 2-х до 3-х тыс. чел.

Следует отметить, что государство не оказывало никакой материальной поддержки выселяемым. Все учреждения и предприятия согласно Циркуляру НКТ СССР № 11 от 4 февраля 1933 г. обязаны были уволить своих работников, не получивших паспортов, без выходного пособия по истечении 10 дней со дня отказа в выдаче паспорта⁶⁹. Не выделялось какого-либо пособия и на дорожные расходы, которые становились тяжёлым бременем для малообеспеченных граждан. Но и семьи с относительным достатком, попавшие под двойное переселение, распродав имущество во время первого переезда, оказывались не в состоянии найти средства на второй. Те 16 тыс. «отказников», которые к осени 1934 г. ещё не выехали из режимных территорий региона (см. табл. 10), как раз и составляли малообеспеченные граждане, многодетные семьи, женщины с грудными детьми, больные или подавшие жалобы и ожидавшие пересмотра решения о выселении⁷⁰.

Резкому ухудшению материального положения выселенцев «способствовали» многочисленные случаи злоупотреблений при расчётах за оставленное имущество. Сельсоветы и потребительские союзы скупали у отъезжающих недвижимость, домашнюю живность и другие ценности по заниженной стоимости, а то и вовсе пытались оставить их у себя даром. Например, в туземном колхозе «Свобода» Сахалинской области дома у выселенцев скупались по 1 500 руб., а потом продавались колхозникам по спекулятивной цене в 2 000—2 500 руб.⁷¹ В с. Ново-Киевке Посьетского района руководители райпотребсоюза на собрании корейских граждан объявили: «Выселяемые по паспортизации не могут свободно продавать свои фанзы, а должны их бесплатно сдать сельсоветам, зерно и овощи в порядке хлебосдачи — потребсоюзу. Ответственность за невыполнение этого ложится на покупателей, которые будут штрафовать, а зерно будет конфисковаться»⁷².

Посыпавшиеся в прокуратуру и другие органы власти жалобы свидетельствовали, что подобные случаи были повсеместны. Официально они расценивались как нарушение законности. Однако фактически такая форма внеэкономического присвоения прочно вписалась в советскую распределительную систему со времен продрозвёрстки и раскулачивания, а в дальней-

шем стала вполне легальным элементом массовых депортаций второй половины 1930—1940-х гг.⁷³ Что касается муниципальных квартир, которые освобождалось в связи с паспортизацией, то они после отъезда прежних жильцов опечатывались представителями ОГПУ, а затем распределялись через гор- и райисполкомы среди нуждавшихся рабочих. Так, Амурский обком ВКП(б) постановил в первую очередь выделять эту жилплощадь рабочим завода «Металлист» и Лензатона⁷⁴.

Нередко отъезд сопровождался не только материальными, но и серьёзными физическими лишениями, особенно это касалось выселенцев из труднодоступных местностей края. Даже начальник милиции Сахалинской области вынужден был отметить тяжёлые условия вывоза беспаспортных граждан с острова: «...Из Рыковского района и глубинных пунктов поссоветов Александровского района отказанные в паспорте (*так в тексте*. — Е.Ч.) доставлялись подводами, но в большинстве случаев шли пешком с котомками и малыми детьми по 100 км (...) в порт Александровска. Здесь же из-за отсутствия помещения по несколько пятидневок приходилось жить под открытым небом, подвергаясь ненастной погоде в ожидании парохода. Прибытие пароходов было настолько нерегулярным, что точные сведения о них не могло дать даже МорAGENTство, а иногда внезапное прибытие парохода не давало возможности усадить людей; из-за поднявшегося шторма пароход вынужден был отходить от берега с тем количеством людей, которое успело сесть и отправиться на материк. Случалось, что муж с детьми уедет, а жена остаётся и наоборот...»⁷⁵ В Тернейском районе (север Приморья) из 294 крестьянских семей района права получения паспортов были лишены 147, не пожелавших вступить в колхоз. Всех их в спешном порядке направили в бухту Терней, хотя навигация к этому времени уже закончилась. Более месяца в осеннюю изморозь под открытым небом на берегу бухты, изнемогая от голода, ютились крестьянские семьи, пока туда не прибыла комиссия из Владивостокского управления милиции и не прекратила беззаконие⁷⁶.

Однако, несмотря на широко проведённую в ходе паспортизации кампанию «зачистки», власти не были удовлетворены её результатами, поскольку в городах оставалось немало маргиналов, что требовало продолжения акций репрессивно-полицейского характера. Начальник Главного управления РКМ при ОГПУ Прокофьев в записке В.М. Молотову от 27 августа 1933 г. сообщал о положении в двух столичных городах, которое можно отнести и к другим крупным промышленным центрам страны: «Москва и Ленинград были засорены огромным количеством деклассированного элемента, живущем на нелегальном положении. При объявлении о паспортизации они, зная, что им, безусловно, откажут в выдаче паспорта, не являлись совершенно на паспортные пункты и укрывались на чердаках, в подвалах, сараях, садах и т.д. (...) Для успешного поддержания паспортного режима в каждом городском отделении милиции организованы специальные паспортные столы, имею-

щие свою инспектуру и негласное осведомление в домах. Паспортные столы производят обходы, облавы, проверки домоуправлений, барачков для сезонников, мест скопления подозрительных элементов, нелегальных ночлежек, чердаков, подвалов и т.д.»⁷⁷

Другая причина неудовлетворенности властных органов «социальной физиономией» режимных и пограничных регионов заключалась в том, что сама ограничительная функция паспортизации давала «пробуксовку». Лица с «нежелательным» социальным или криминальным прошлым могли получить паспорт в нережимной зоне и затем приехать с ним в режимную. Вся компрометирующая информация о них оставалась в картотеке пункта выдачи паспорта и могла быть запрошена оттуда органами милиции пункта прописки (с тем, чтобы прописать человека или отказать ему), но это далеко не всегда делалось и позволяло «неблагонадёжным» лицам просачиваться на запрещённую для них территорию. В целях снабжения промышленных центров рабочей силой сезонным рабочим (отходникам), набранным в сёлах, разрешалось выдавать временные удостоверения личности или годовые паспорта и разрешения на краткосрочное пребывание в городах. По прошествии года можно было поменять этот временный паспорт на полноценный трёхлетний в соответствии с новым местом жительства его обладателя. Кроме того, существовала практика уклонения от паспортного режима путём подделки самих паспортов или использования фальшивых документов, на основе которых паспорта выдавались⁷⁸.

«Нежелательные» категории граждан проникали и на Дальний Восток. К числу ошибок в организации переселения в Еврейскую автономную область контролирующие органы относили отсутствие проверки «классового лица переселенцев» в местах выхода: «...В результате под видом деклассированной бедноты направляют бывших крупных торговцев...»⁷⁹

Плохо контролируемым оказался канал вербовки рабочих кадров разными предприятиями и ведомствами, о чём свидетельствует переписка между ОГПУ и органами труда. В письме ОГПУ в Управление снабжения рабочей силой Народного комиссариата труда от 28 марта 1933 г. говорилось: «Органами Пограничной охраны ДВК установлено, что в числе завербованных в центре районах Союза рабочих для работ в погранполосе Дальнего Востока имеется значительное количество антисоветского элемента. Подобная же засорённость отмечается и в составе переселенцев, прибывших в погранполосу Дальнего Востока. Причиной этому послужила недостаточно тщательная фильтрация и отбор вербуемых рабочих и переселенцев на местах их постоянного жительства. Организациями, вербуемыми рабочими для работ на Дальнем Востоке, являются Военвед, Дальлеспром, Дальуголь, Цементстрой, совхозы и организации на о. Сахалине — Сахснаб и Сахнефть. В целях недопуска в погранполосу неблагонадёжного элемента ГУПО ОГПУ просит принять меры к тому, чтобы органы, ведающие переселением на Дальний

Восток и вербовкой туда рабочих 1) проводили необходимую фильтрацию и отбор лиц, предназначенных для работ в погранполосе или вселяемых туда в порядке переселения; 2) на каждое лицо, вербуемое или переселяемое в погранполосу, получили от местных органов ОГПУ разрешение на право въезда в порядке постановления ЦИК СССР от 15 июня 1927 г.»⁸⁰

В ответ на это письмом от 17 апреля 1933 г. из Управления рабочих кадров НКТ СССР сообщали, что УРК НКТ: 1) обязало «...все хозяйственные организации, завозящие рабочую силу в погранполосу ДВК и Восточную Сибирь, в каждом районе вербовки возложить персональную ответственность на уполномоченных за социально-политический отбор рабочих»; 2) установило «...такой порядок, что на каждого завербованного рабочего, как в порядке сезонного завоза, так и промпереселения, уполномоченный хозоргана обязан получить разрешение органов ОГПУ на право въезда в погранполосу». Контроль за соблюдением такого положения возлагался на местные органы труда⁸¹.

Аналогичная переписка между НКТ и ведомствами, вербовавшими рабочую силу в ДВК (Союзводстроем, Военно-строительным управлением РККА и др.), также демонстрировала неспособность (а скорее, незаинтересованность) данных структур организовать «социальную» фильтрацию своих подопечных. Например, начальник сектора экономики труда Союзводстроя Кузнецов в апреле 1933 г. писал в Самару уполномоченному по вербовке рабочих в ДВК по Средней Волге Резникову: «Несмотря на неоднократные указания о необходимости уделять самое серьёзное внимание отбору завербованной рабочей силы для ДВК, всё же с Вашей стороны не принимаются надлежащие меры к выявлению классового лица вербуемых рабочих, и в числе завербованных на строительство проникает классово-чуждый элемент, о чём свидетельствуют сообщения, полученные от начальника Владивостокских работ. Такое положение в дальнейшем допустимо быть не может. В последний раз в категорической форме предлагается принять решительные меры к изжитию этого явления, подходя к вербовке рабочей силы в ДВК с величайшей осторожностью, обращая главным образом внимание на качество вербуемой рабочей силы, для чего надлежит: 1) При вербовке рабочей силы в колхозах обязательно согласовывать кандидатуры с партийными организациями. 2) При вербовке рабочей силы в городских вербовочных бюро вербовать рабочих, имеющих справки с последнего места работы и также документы, удостоверяющие личность, ни в коем случае не допуская вербовки лиц, коим отказано в выдаче паспортов, а также уволенным за прогул. 3) Перед отправкой списки завербованных представлять в соответствующие органы ОГПУ для проверки их благонадёжности, а также получения разрешения на выезд в погранполосу. Подобным образом об указанном проинструктировать весь вербовочный аппарат и в случае повторения попадания на строительство классово-чуждого элемента будут приниматься самые

строжайшие меры вплоть до привлечения к ответственности в уголовном порядке»⁸².

Таким образом, органам власти не удалось установить тотальный полицейский контроль в режимных местностях, и перед региональными силовыми ведомствами ставилась задача перманентного проведения «очистительных» операций. Секретный приказ ОГПУ № 522 от 26 марта 1934 г. «Об улучшении работы милиции в городах» нацеливал местные полпредства ОГПУ и милицию на использование паспортизации в борьбе с преступностью и «деклассированным элементом», отмечая слабую постановку такой работы: «Паспортизацию провели, но должного паспортного режима не установили, а это грозит свести на нет всю работу по паспортизации. (...) Неудивительно, что после такого «наплевательского» подхода к паспорту наши города засорены беспаспортными, уголовным элементом, живущим без прописки, и приходится прибегать к кампаниям по очистке городов». Приказ требовал «...установить жёсткий паспортный режим и строжайший контроль за пропиской и выпиской. Участковым инспекторам ежедневно при обходе участка выявлять через домоуправления и дворников вновь прибывших и убывших и изымать обнаруженных беспаспортных и живущих без прописки. Начальникам горуправлений и отделов милиции организовать систематические обходы домоуправлений, бараков, общежитий и при обнаружении беспаспортных или живущих без прописки налагать штрафы на управдомов, комендантов, при повторном обнаружении беспаспортных — отдавать под суд...»⁸³

Дела арестованных нарушителей паспортного режима рассматривались во внесудебном порядке специально организованными для этой цели региональными «тройками» при полномочных представительствах ОГПУ* (позже — УНКВД) и утверждались в Особом совещании при ОГПУ/НКВД СССР. Циркуляр ОГПУ № 96 от 13 августа 1933 г. давал инструкцию о применении такого вида репрессии. Наказанию подлежали лица, которым было отказано в праве проживания в той или иной местности, в случаях, если они отказывались добровольно покинуть её, самовольно возвратились туда либо прибыли на жительство в районы с аналогичными режимными ограничениями. Меры воздействия зависели от того, к какой категории относились граждане, нарушившие паспортные правила. Не занятые работой в учреждениях и на предприятиях («летуны и дезорганизаторы производства») высылались в нережимные территории («минус 30»). Эти же лица при повторном нарушении, а также «лишенцы, кулаки, раскулаченные» и отбывшие сроки

* В 1933 г. в такую «тройку» входили помощник полпреда ОГПУ по милиции, начальник паспортного отдела и начальник оперативного отдела ПП ОГПУ с участием прокурорского надзора. См.: История сталинского ГУлага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 156.

наказания заключённые, ссыльные и высланные направлялись в спецпосёлки сроком до трёх лет. Бывшие заключённые, ссыльные и высланные при наличии приводов в милицию, «преступные и иные антиобщественные элементы» подлежали отправке в исправительно-трудовые лагеря на срок до трёх лет. «Тройки» обязаны были рассматривать дела на указанных граждан в течение 48 часов по спискам, составленным по следующие форме: порядковый номер, фамилия, имя, отчество, возраст, социальное положение, краткая характеристика лица, пункт, по которому отказано в паспорте⁸⁴.

После реорганизации ОГПУ распоряжением НКВД и Прокуратуры СССР от 10 января 1935 г. и на основании инструкции этих же органов от 9 мая 1935 г. при УНКВД краёв и областей были созданы аналогичные «тройки». Им передавалось право предварительного рассмотрения дел о лицах, нарушивших паспортный режим, а также об уголовных и деклассированных элементах, если не было оснований для предания их суду. Решения комиссии подлежали утверждению ОСО НКВД и при отсутствии протестов со стороны Прокуратуры приводились в исполнение немедленно. Небольшие коррективы, по сравнению с работой «паспортных троек» ОГПУ, заключались в продлении срока рассмотрения дел до 10 дней и введении обязательного условия присутствия обвиняемого на заседании «тройки»⁸⁵.

Нарушители паспортного режима выявлялись с помощью различных методов. Например, осенью 1935 г. во время призывной кампании в армию по Хабаровску и его районам зам. полпреда ОГПУ по ДВК С.И. Западный в своём отчёте сообщал: «...был зарегистрирован большой наплыв лиц классово-чуждых, кулацких и разложившихся элементов, пытающихся под маркой рабочего и колхозника проникнуть в ряды РККА. Но нами совместно с призывной комиссией были своевременно выявлены и отсеяны (151 факт). Принятыми мерами по нашей линии весь социально-опасный элемент из перечисленных выше предприятий изъят и привлекается к ответственности. (...) За период работы призывных комиссий нами приняты меры не только к выявлению классово-чуждого элемента среди призывного контингента и недопуска его в ряды РККА, а также и к репрессированиям особо опасного элемента, находящегося в Хабаровске и явившегося на призыв по сути дела с целью проникновения в ряды РККА. Арестовано 77 чел. Осуждено паспортной тройкой УНКВД — 12. Задержано бежавших от отбытия меры соцзащиты* — 6. Задержано бежавших от суда и следствия — 4. Задержано беспаспортных — 3. Выслано в порядке изъятия паспортов — 74. Выясняется на предмет изъятия паспортов — 51. Итого: 227 чел.»⁸⁶ В трудпосёлках Хабаровского края по состоянию на 1 апреля 1939 г. по приговорам судов и

* На бюрократическом языке того времени выражение «мера соцзащиты» означало «уголовное наказание, приговор судебной или внесудебной инстанции».

органов бывшего ОГПУ помимо прочих находилось 27 нарушителей закона о паспортизации⁸⁷.

В 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) сделало небольшое послабление в отношении выселенной по паспортизации молодёжи и престарелых людей. На своём заседании 20 апреля оно рассмотрело вопрос «Об иждивенцах лиц, высланных из режимных городов СССР» (прот. № 38, п. 48.) и приняло Постановление: «Разрешить проживание в режимных местностях СССР тем иждивенцам удалённых из этих местностей лиц, которые сами ничем не опорожены, перешли на иждивение других членов семьи, занятых общественно-полезным трудом, или являются учащимися»⁸⁸. Думается, что данное решение было ориентировано прежде всего на молодёжь с целью обеспечения производства режимных местностей молодыми кадрами, однако вряд ли указанные в постановлении категории населения были широко осведомлены о появившейся у них возможности вернуться в места прежнего проживания.

Вместе с тем введение особых зон продолжалось даже на уровне отдельных городов, уже являвшихся режимными. Так, во Владивостоке в 1940 г., в связи с оборонительным строительством и введением охранных зон вблизи железных дорог, электростанций и водопроводов, запретными были объявлены районы Эгершельда, Голдобина и прилегающие к городу острова Попов и Рейнеке. Городская администрация получила правительственное указание обеспечить быстрое переселение из этих районов местных жителей. Всех, подпадавших под эту акцию, разделили на три группы: 1) нигде не работавшие граждане с семьями — 297 чел. (114 семей); 2) работники торгового порта, рыбных и других предприятий города — 11 944 чел. (4 964 семьи); 3) работники железной дороги, транспорта и завода № 202 — 8 320 чел. (3 828 семей). Первая группа подлежала выдворению органами НКВД в порядке паспортного режима. Вторая и третья группы перемещались в другие районы города, эта работа возлагалась на исполкомы районных и городского Советов. Однако поскольку городские власти не располагали свободным жилищным фондом и возможностями быстрого строительства домов, вторую и третью группу размещали («временно, до постройки ими своих строений») на 14-м километре владивостокской трассы в бывших бараках Северо-Восточного лагеря Дальстроя. Для ускорения процесса переселенцам давали 10-дневный отпуск без сохранения заработной платы, предприятия обязаны были оказывать им помощь в строительных материалах, разборе и перевозке своих домов и т.д.⁸⁹ В результате акцией было охвачено более 20 тыс. чел. Несмотря на то, что они считались вполне «благонадёжными» (за исключением 300 чел. первой группы) и меняли своё местожительство в пределах городской черты, фактор принудительности и несомненного ухудшения условий проживания придавали дискриминационный характер данной «локальной зачистке» города.

К концу 1930-х гг. паспортный режим всё более ужесточался. В 1937 г. 21 октября было принято постановление ПБ ЦК ВКП(б) о введении фотокарточек на паспортах. ГУГБ НКВД СССР 23 февраля 1938 г. направил в подразделения телеграмму № 397, в которой рекомендовал органам милиции использовать процедуру вклейки фотографий для выявления в промышленности и на транспорте скрывающихся перебежчиков, беглых кулаков, лиц иностранного происхождения и прочих категорий, подлежащих учёту и репрессированию⁹⁰.

«Гайки закручивались» и в отношении лиц, ответственных за реализацию паспортного режима на местах. Президиум ДКИК в своём Постановлении «Об установлении строжайшего общественного порядка в городах и сёлах края», принятого 15 марта 1938 г. (несомненно, по директиве Центра), обязало органы милиции «установить строжайший порядок прописки», руководителей предприятий и учреждений — «выделить ответственных лиц для соблюдения установленного законом порядка проставления на паспортах и временных удостоверениях отметок о приёме и увольнении со службы», а сам приём на службу «производить только при наличии в паспорте или временном удостоверении штампа органа милиции о прописке». Этот документ напоминал также об ответственности за прописку должностных лиц — управдомов, комендантов зданий и общежитий, квартиронанимателей. Допустившие проживание без прописки и нарушившие установленный порядок ведения домовых книг, а в сельских местностях поселенных списков, подлежали уголовному наказанию по ст. 192 УК РСФСР, а в административном порядке — штрафу 100 руб. или принудительным работам до одного месяца. Горсоветам края предлагалось в месячный срок издать обязательные постановления о введении института дворников и предоставить жилплощадь для дворников на территории обслуживания ими домов. Выдвигалось требование «...приём на службу управляющих домами, комендантов, дворников и ночных сторожей производить только по согласованию с начальником местного органа милиции»⁹¹.

В Приморском крае согласно докладной начальника краевого управления НКВД М.М. Гвишиани в 1939 г. и с января по август 1940 г. за нарушение паспортного режима было удалено из края 1 927 чел., кроме этого осуждено: проживавших без паспортов и давших ранее подписку о выезде из края — 865, ответственных за приём на работу — 8, ответственных за прописку и выписку (комендантов и управдомов) — 17; оштрафовано: непосредственных нарушителей паспортного режима — 13 255, ответственных за приём на работу — 290, ответственных за прописку и выписку — 1 348 чел. В 1940 г. органы НКВД края провели проверку работы комендантов и управдомов по поддержанию паспортного режима. Только за июль было проверено 11 812 домов, в результате чего выявлено выписанных — 569 чел., привлеченных к уголовной ответственности по ст. 192 УК — 37, удалено из

запретной зоны — 42, привлечено к административной ответственности не прописанных — 701, привлечено к административной ответственности управдомов и комендантов за непрописку — 46 чел.⁹² Аналогичная работа была проведена в 1941 г. и в последующие годы. Забегая вперед, отметим, что 21 февраля 1942 г. ГОКО принял Постановление «О перерегистрации паспортов у граждан, проживающих в режимных местностях, запретных зонах и пограничной полосе СССР, и наклейке на них контрольных листков», эта работа была проведена в течение 1942 г.⁹³

Таким образом, выезд «отказников» из режимных зон в период введения паспортной системы на Дальнем Востоке превратился, по сути, во вторую массовую депортацию «неблагонадёжного» населения, которая по своим масштабам и социальному охвату превзошла высылку дальневосточных «кулаков» в спецпосёлки. В то же время это — первое массовое изгнание «неблагонадёжного» населения за пределы ДВК. И хотя государство проводило его относительно мягкими методами, предоставив выселенцам право самостоятельного выбора мест проживания в нережимной зоне, тем не менее принудительный характер выселения, материальные, физические, психологические лишения выдворенных граждан характеризовали эту акцию как репрессивную. Объявление подавляющей части Дальневосточного края режимной территорией свидетельствовало о том, что руководство страны рассматривало его как стратегически важный регион (с учётом пограничного положения и начавшегося интенсивного промышленного освоения) и поставило цель провести его общую «социальную чистку».

Можно ли говорить о том, что эта цель была достигнута или достижима вообще? Рассмотренные материалы показывают, что начальный этап паспортизации лишь вводил учетно-надзорный механизм, который был ещё несовершенен и имел многочисленные лазейки для обхода. Общий миграционный учёт в паспортизированных местностях действительно становился тотальным. Однако на Дальнем Востоке этот этап так и не был пройден в отведённые государством сроки. Более всего давала сбой надзорно-полицейская и «очистительная» функции паспортизации, которые, с одной стороны, вступили в противоречие с программой экономического освоения региона, а с другой, — не были обеспечены квалифицированными кадрами.

Чистка «засорённых» местностей в период паспортизации проходила по принципу заброски невода, захватывающего по возможности больше «улова», включая «несортовую рыбку» и одновременно упуская часть потенциальной «добычи» (в последующие годы ячейки такого «невода» становились все более мелкими). Поэтому среди тех, кому не был выдан паспорт, многие оказались ошибочно, и вместе с тем после проведения кампании край не перестал считаться «засорённым». Возможно, учитывая это обстоятельство, советские принудительные миграции проводились с «профилактическим запасом».

Что касается «разгрузки» городских промышленных центров, то на Дальнем Востоке эта цель также не была достигнута, так как городское население продолжало быстро расти за счёт мигрантов, и проблемы товарного снабжения, квартирного обеспечения и уголовной преступности оставались острыми.

Но, несмотря на лишь частичное решение своих задач, начальный период паспортизации имел главный итог: административно-полицейская машина тотального учёта и надзора была все-таки запущена, которая медленно, но неуклонно начала выполнять свою работу.

3.2. «Корейский вопрос» и депортация корейцев 1937 г.

В 1930-е гг. в СССР наряду с политическими репрессиями по критериям социальной принадлежности и политической благонадёжности развернулись акции государственного насилия в отношении целых этнических групп, признанных политическим руководством страны как «контрреволюционные национальные контингенты». К их числу были отнесены немцы, поляки, латыши, эстонцы, финны, греки, иранцы, китайцы и некоторые другие, главным образом — представители основного населения государств, расположенных на границе с СССР, и немцы как выходцы из враждебной Германии. Особенно широкий размах репрессивные операции против «националов» приняли в годы Большого Террора, когда огромное число жертв подверглось арестам, пыткам, заключению в исправительно-трудовых лагерях и расстрелам⁹⁴.

В преддверии надвигавшейся войны Сталин и его окружение пришли также к выводу о необходимости превентивной «зачистки» приграничных территорий по всему периметру СССР, избрав одним из основных методов для этого принудительные депортации этнических групп, которые, по мнению властей, могли стать базой для формирования «пятой колонны». Частично такого рода акции начались в середине 1930-х гг. (выселение финнов-ингерманландцев из Ленинградской области в 1935 г., поляков и немцев в 1936 г. с Украины)⁹⁵, но с 1937 г. они приняли не просто массовый, а тотальный характер. В сферу действия этой политики неизбежно попали и дальневосточные рубежи страны.

Корейцы, проживавшие на советском Дальнем Востоке, первыми в стране подверглись поголовной депортации по этническому признаку. Однако следует отметить, что идея их принудительного переселения возникла значительно раньше прихода к власти большевиков и сталинского руководства. В связи с этим мы считаем необходимым уделить внимание не только самой депортации 1937 г., но и её довольно длинной предыстории. Хотя ряд авторов и освещают эту проблему (Н.Ф. Бугай, Б.Д. Пак, А.А. Торопов, Нацуко Ока и др.), однако она ещё недостаточно проработана и обобщена в совре-

менной историографии и имеет целый ряд дискуссионных моментов, которые мы попытаемся отразить в данном разделе.

3.2.1. Проблемы корейской иммиграции в Россию имперского периода

Все исследователи истории корейского населения в России как нынешние, так и работавшие в прошлом веке (В.Д. Песоцкий, А. Панов, В.К. Арсеньев, А.И. Петров, Б.Д. Пак, А.Т. Кузин, А.А. Торопов и др.), в своих трудах не могли не остановиться на тех или иных трудноразрешимых проблемах восточной иммиграции и показать, что т.н. «корейский вопрос» был одним из наиболее сложных в миграционной ситуации на юге российского Дальнего Востока в течение длительного исторического периода. Это позволяет нам ограничиться кратким ретроспективным обзором тех сторон корейской иммиграции, которые подталкивали имперскую власть России к проведению запретительных и депортационных мер, что в последующем нашло продолжение и в советский период.

Необходимость ограничения иммиграции корейцев на юг Приморья и отселения в другие места возникла с первых лет их появления на российском Дальнем Востоке, носившего стихийный и неконтролируемый характер. Несмотря на то, что в Корее до 1882 г. действовали жестокие запретительные (вплоть до смертной казни) законы в отношении эмигрантов, крестьяне, спасаясь от непосильных налогов, неурожаев и голода, массами бежали через границу. В 1860-е гг. русская администрация в целом относилась к корейским беженцам сочувственно, не только давая разрешение для перехода на русскую территорию, но и оказывая материальную помощь, поскольку это были беднейшие крестьяне. Однако по мере возрастания массовости бегства из Кореи российские власти встали перед необходимостью уменьшить этот поток. Отсутствие межгосударственных отношений с Кореей осложняли решение проблемы. В 1867 г. губернатор Приморской области И.В. Фуругельм дал начальнику Новгородского пограничного поста распоряжение постараться приостановить на время переселение корейцев, но этого достичь не удалось. Более того, в 1869 г. из-за неурожая и голода в Корее на русскую территорию перешло около 6,5 тыс. чел. В связи с этим Фуругельм, обеспокоенный ограниченными запасами продовольствия в Приморье, предпринял попытку договориться с корейскими властями о приёме беженцев обратно без их наказания по возвращении. Но, несмотря на то, что представителями русской и корейской администраций был подписан соответствующий документ, беженцы категорически отказывались вернуться на родину, и им было разрешено остаться. На принудительную депортацию российские власти в то время не пошли⁹⁶.

К 1870 г. в области проживало уже более 8,7 тыс. корейских иммигрантов, которые самовольно захватили 6 500 десятин казённой земли

и не платили никаких налогов. Весной 1870 г. властям удалось переселить часть корейцев в центральные районы Приморья — на реки Суйфун, Лефу и Даубихе, где было образовано шесть корейских деревень. Через год ещё одну группу беженцев (около 500 чел.) в добровольном порядке и за казённый счёт отправили в Амурскую область — на устье р. Самарки (ниже Благовещенска), где переселенцы основали село Благословенное. При этом расчет властей (в дальнейшем не оправдавшийся) делался на быструю ассимиляцию корейцев среди русского казачества. Переселение оказалось слишком дорогим (израсходовано 16 тыс. руб.) и на дальнейшее финансирование таких акций у государства не нашлось средств⁹⁷.

В последующие годы неконтролируемый поток иммигрантов и их концентрация на Посъетском участке, непосредственно граничившим с Кореей, усиливались. Поэтому от местных чиновников продолжали поступать предложения по выселению корейцев из приграничья. В начале 1880-х гг. за это высказывались пограничный комиссар Н.Г. Матюнин и начальник кордонной линии подполковник Венюков, считавшие, что корейцев следует переместить в глубь территории страны или на север области, или хотя бы рассредоточить в пределах Посъетского и Суйфунского участков⁹⁸.

Со временем острота «корейского вопроса» стала осознаваться не только властными структурами, но и в деловом мире. В 1885 г. участники Хабаровского торгово-промышленного съезда пришли к заключению, что допускать дальнейшее незаконное переселение корейцев в русские пределы не следует, «...а переселившихся ранее в недалеком расстоянии от границы, нужно постепенно выселить внутрь края и расселить их среди русских, приписав по несколько дворов к деревням»⁹⁹.

В 1884 г. были установлены дипломатические отношения России с Кореей, что давало российскому правительству основания рассчитывать на межгосударственное урегулирование вопроса об иммигрантах. Однако корейская сторона всячески оттягивала такое соглашение. В ходе русско-корейских переговоров 1885—1888 гг. России было предложено действовать по своему усмотрению. В 1891 г. российские власти ввели правила для определения статуса корейцев, находившихся в Приморской и Амурской областях. Все корейские иммигранты были разделены на три категории: 1) лица, перешедшие в Россию до 25 июня 1884 г., признавались постоянными жителями края с правом получения русского подданства и надела земли; 2) иммигранты, обосновавшиеся в России после 24 июня 1884 г., а также те лица из первой категории, которые не желали принимать российского подданства, подлежали возвращению в Корею; 3) корейцы, не имевшие оседлости на русской территории, а также вновь прибывавшие обязаны были иметь национальные паспорта, визировать их у русских пограничников и покупать билеты на право временного проживания в России. Те, кто не имел русского билета, должны были выдворяться полицией за границу.

А.И. Петров отмечает, что характерной особенностью корейской иммиграции с 1884 по 1897 г. явилось то, что она стала нелегальной как от властей Кореи, так и России. Однако российская сторона не предпринимала жестких ограничительных мер. Сменившие друг друга приамурские генерал-губернаторы А.Н. Корф, С.М. Духовской и Н.И. Гродеков придерживались мнения о пользе переселения корейских выходцев в регион. В 1894—1897 гг. в русское подданство (с последующим наделением землёй и освобождением наравне с русскими переселенцами от податей) были приняты 12,3 тыс. корейцев, в том числе и часть оседлых земледельцев, относившихся ко второй категории¹⁰⁰.

При этом выдворение лиц, относившихся ко второй категории, и «безбилетников» совершенно не соответствовало их числу. При проведении учёта корейцев в 1892 г. только в Янчихинской волости набралось до 700 семей, не имевших права проживания на российском Дальнем Востоке, но уехали в Корею не более 20—30 семей, остальные частично переселились в Корсаковскую волость или на соседние земли, частично просто скитались из деревни в деревню¹⁰¹. В 1893 г. в Приморской области было арестовано и передано властям Кореи только 18 безбилетных корейцев. Общая же численность корейского населения в Приамурском генерал-губернаторстве в 1897 г., по официальным данным, достигла 25,9 тыс. чел., из них 24,3 тыс. проживали в Приморской области¹⁰².

Следует отметить, что российская администрация ни в эти, ни в другие годы не знала реального числа находившихся в России восточных иммигрантов, официальная статистическая информация о них признается всеми весьма заниженной. Даже сведения государственных органов имели серьезные расхождения. Так, разница между данными полицейского учёта и переписи населения в Приморской области на 1897 г. составляла по корейскому населению 7 254 чел.¹⁰³ Для иммиграционного контроля у местных властей просто не хватало сил и средств. В 1914 г. военный губернатор Приморской области Сташевский писал: «...В городах, где имеется полицейская стража, надзор этот ещё может быть проведён. (...) В сельских же местностях, вследствие полного отсутствия полицейской стражи, подобный надзор фактически проведён быть не может»¹⁰⁴. Паспортный контроль в крае не был налажен должным образом, а государственная пограничная служба и вовсе отсутствовала¹⁰⁵, поэтому большое число корейцев проживало на российской территории нелегально.

В 1890-е и 1900-е гг. поток иммигрантов не только не уменьшился, но ещё больше возрос, особенно после аннексии Кореи Японией в 1910 г. Соотношение между корейцами, принятыми в русское подданство, и корейцами-иностранцами неуклонно изменялось в пользу последних. В Приморье в 1907—1914 гг. иностранные подданные составляли 2/3 и более корейского населения. После аннексии Кореи они считались японскими

подданными, однако многие из иммигрантов этого не признавали и находились в юридически бесправном положении. С другой стороны, такая ситуация была неблагоприятна и для России, с точки зрения межгосударственных отношений, так как нахождение на её территории большого контингента японских подданных в любой момент могло стать предметом политических манипуляций Японии.

Одна из проблем, которая сопровождала корейскую иммиграцию, связана с земельными отношениями. Участки земли в России в своё владение получили лишь те корейские крестьяне, которые были приняты в российское подданство. Остальные работали либо на незаконно захваченной, либо на арендованной земле, либо в качестве наёмных рабочих. На этом заостряли внимание Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер¹⁰⁶, а также члены Амурской экспедиции (об Амурской экспедиции см. ниже), в отчёте которой говорилось: «...Безземельное корейское население края стоит вне закона, и жизнь его регулируется усмотрением каждого русского, не говоря уже о случайных хозяевах и чинах полиции. Такое отношение к корейцам и пользование бесправным корейским трудом развращает русское население. (...) Пользователи земли, сдавая её в аренду или обрабатывая батраками, сами как крестьяне ничего не делают и предпочитают заниматься извозом да редко промыслом. Наличие у хозяина фонда в виде арендной платы делает его плохим предпринимателем и располагает больше к лени, пьянству и разврату. (...) Это место корейского вопроса и является большим, так как здесь заключается всё зло его как для самих корейцев и русского населения, так равно и для государственных интересов»¹⁰⁷.

В Приморье корейцы и китайцы выступали в качестве основных арендаторов земли. В 1912 г. из всей сдаваемой в аренду площади в руках «жёлтых арендаторов» находилось в Переходном районе 41,5%, в Горном — 98%, в Земледельческом — 68,1%, в Южном Подгородном — 94,9%. Крестьяне-«восточники» платили за арендованную землю вдвое больше, чем русские, — до 10—11 руб. за десятину. «Натуральные формы его (арендатора-«восточника». — Е.Ч.) хозяйства, — отмечалось в обзоре Приморской области за 1912 г., — и экономия, возведённая в принцип всего хозяйственного уклада, дают желтому возможность сводить издержки производства до ничтожной величины, значительно повышать чистый доход и платить за землю высокую аренду»¹⁰⁸.

Приморская администрация обращала внимание и на то, что во второй половине 1900-х гг. быстрыми темпами увеличивались площади под маком с целью получения опиума. Сеяли его только китайцы и корейцы на арендованных землях, причём стоимость аренды доходила до 50 и даже 70 руб. за десятину. В 1911 г. в Ольгинском уезде маком было засеяно 458 десятин, добыто опиума 182 пуда 8 фунтов¹⁰⁹.

Пост Посъет. Приморская область (совр. Хасанский район Приморского края). 1910 г. // ГАПК. П-2252

Пост Посъет. 1910 г. // ГАПК. П-2252а

Корейские фанзы в бухте Находка. Приморская область. 1901 г.
Автор: Прэй Э.Г. // ПГОМ. МПК 16045—9. Ф 36929

Владивосток. Корейская слободка. 1904 г.
Автор: Штейн А.К. // ПГОМ. МПК 16045—4. Ф 36924

Владивосток. Корейская слободка. 1935 г. // ГАПК. Фотоальбом № 10. Фото 46

Корейцы в числе учащихся и преподавателей Ворошиловского педагогического училища. г. Ворошилов (совр. Уссурийск). 1930-е гг. // ПГОМ. МПК 5172—65—3. Ф 17217

Российские власти пытались ограничить арендные отношения с восточными иммигрантами. В 1909 г. было установлено, что китайцы и корейцы не могут быть арендаторами казённой земли. В 1911 г. правила о порядке образования и эксплуатации казённых оброчных статей в Приамурском генерал-губернаторстве запрещали арендатору на снятом участке пользоваться для сельскохозяйственной работы «рабочими не русскоподданными, а также состоящими в русском подданстве лицами жёлтой расы»¹¹⁰. Однако эти меры оказались малоэффективными. Более того, одновременное ограничение «жёлтого» труда в промышленности, предпринятое в 1911 г., направило поток ищущих работы иммигрантов из городов в деревню и тем самым увеличило отряд сельскохозяйственных рабочих и арендаторов. Вследствие невозможности получить в пользование земельные участки законным путём большое число нерусскоподданных корейских и китайских крестьян либо самовольно захватывало земли, либо брало их в нелегальную аренду.

С середины 1880-х гг. в составе иммигрантов были уже не только крестьяне, но и рабочие, приходившие в Россию на заработки. Дешевая рабочая сила корейцев создавала конкуренцию русской, таким образом, возникла проблема защиты русского труда. В 1910 г. правительство приняло специальный закон, запретивший в пределах Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств сдавать иностранным подданным казённые земли для поселения и в аренду, казённые подряды и поставки, нанимать их на государственные предприятия. Но закон оказался неэффективен, чему способствовала лояльная политика в отношении корейцев последнего Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (1911—1917 гг.), более озабоченного проблемами китайской иммиграции¹¹¹.

В первое десятилетие XX в. появился ещё один аргумент против корейского присутствия в российском пограничном районе — опасность использования корейской диаспоры японцами в своих стратегических интересах на Дальнем Востоке. Многие исследователи при освещении вопроса о возможности японского влияния среди корейцев в России отмечают, что в основном корейские иммигранты были настроены антияпонски по вполне понятной причине — из-за жёсткой колониальной политики Японии, против которой в 1910-е гг. в Корее развернулось широкое национально-освободительное движение. Вместе с тем не оспаривается и тот факт, что японская администрация стремилась взять эмиграцию под контроль и использовать её по возможности в своих целях¹¹², которые заключались не только в обезвреживании активистов антияпонской борьбы, но и, как свидетельствуют данные российских разведорганов начала XX в., в «создании японской агентуры среди корейцев для ведения разведывательно-подрывной работы в Уссурийском крае и Маньчжурии». В частности, в таком направлении действовало основанное в Корее в 1903 г. японским политиком Ито Хиробуми общество «Ильчинхве»¹¹³.

Серьёзное внимание этому уделял приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер (1905—1910 гг.). В докладе министру внутренних дел (март 1908 г.) он писал: «Захват значительных площадей корейцами равносителен ослаблению нашего положения на берегах Тихого океана. Рассчитывать, что корейцы, даже перешедшие в наше подданство и принявшие православие, будут ассимилироваться с русским населением, нет никакого основания, так как опыт показал, что проживающие в Южно-Уссурийском крае уже 40 лет корейцы, за немногими исключениями, сохранили свою национальность в полной мере и остаются во всех отношениях чуждым нам народом. Нельзя также надеяться на верность этого элемента в случае войны с Японией или Китаем: напротив того, они тогда представят из себя чрезвычайно благоприятную почву для широкой организации нашими врагами шпионства...»¹¹⁴ Унтербергер считал более важным заселить Приморский край русскими. Он предлагал принять неотложные меры «...к выселению из дальневосточных пределов корейцев — корейских подданных и к противодействию дальнейшему их наплыву»¹¹⁵. Сам генерал-губернатор прилагал значительные усилия для пресечения нелегального прибытия корейцев в край и даже почти прекратил их приём в российское подданство¹¹⁶.

Обстоятельное изучение проблемы корейской иммиграции в дореволюционный период было сделано в рамках Амурской экспедиции во главе с Н.Л. Гондатти, организованной Советом Министров в октябре 1909 г. для колониального обследования Амурской железной дороги. Труды Амурской экспедиции содержат специальный отчёт по «корейскому вопросу», составленный В.Д. Песоцким и изданный в 1913 г., в котором прослежена динамика корейской иммиграции на российский Дальний Восток с 1860-х по 1910 г., проанализированы экономические и политические обстоятельства, способствовавшие развитию этого процесса, выявлены его плюсы и минусы с точки зрения российских интересов.

Особую озабоченность автор отчёта высказал по поводу концентрации иммигрантов в южной зоне Приморья — Посъетском районе. «Как могла совершиться, — пишет В.Д. Песоцкий, — такая странная и даже удивительная аномалия: лучший кусок нашего Востока, имеющий впереди богатое будущее, находящийся под боком Владивостока (...), как мог Посъетский участок оказаться в руках выброшенного из Кореи бедного безземельного и отчасти бесправного люда?» Экспедиция разработала рекомендации по решению корейского вопроса, в том числе сделала вывод о необходимости отселения корейцев из приграничья. Так, первыми пунктами мероприятий, необходимых для проведения в политической, экономической и культурно-национальной областях соответственно, значились: «Государственную границу заселить русскими, корейцев у границы не селить, а поселившихся ранее переместить в глубь края»; «Посъетский участок от корейцев очистить; поселившихся ранее переселить на льготных условиях в глубь края; дальнейшего их утверждения в нём не допускать»; «Корейцев всех категорий использовать для

укрепления развития русской государственной жизни на Дальнем Востоке путём перемещения их в места, куда не идёт русский крестьянин».

Говоря об отселении корейцев, В.Д. Песоцкий, понимая всю сложность этой задачи, подчеркивал необходимость постепенности и хорошей продуманности действий, но обязательной настойчивости: «Перемещение корейцев вполне возможно. Потребуются средства. Главное же — неуклонное требование о выселении. Применение должно вестись целесообразно, дабы не создать осложнений и возбуждений дела. Нужна постепенность и умелая практичность. Дальнейшее упрочение корейцев в Посъетском участке недопустимо законом. Необходим активный надзор за соблюдением закона»¹¹⁷.

Однако рекомендации Амурской экспедиции так же, как и многие другие решения российских властей по корейскому вопросу, остались нереализованными, чему способствовали события последующих лет и особенно Первая мировая война, когда нерусско-подданные корейцы стали широко привлекаться на предприятия Дальнего Востока и Сибири для замещения русских рабочих. Но приём корейцев в российское подданство с 1914 г. и вплоть до советизации края не производился из политических соображений¹¹⁸.

В 1914 г., по официальным данным, только в Приморье находилось 64,3 тыс. корейцев, из них 20,1 тыс. — русских подданных и 44,2 тыс. — иностранных. Реальное же число ненатурализованных корейцев, по оценкам исследователей, было выше не менее, чем на 30%¹¹⁹. Большая часть из них по-прежнему концентрировалась в южных районах края, особенно в Посъетском и Суйфунском. В это время в документах представителей российских властей появляется ещё одно опасение. Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края в донесении, составленном в июне 1914 г., предполагал, что Япония может поставить вопрос о превращении района Посъета в автономную территорию с тем, чтобы позднее под тем или иным предлогом взять его с корейским населением под свой протекторат, и что в с этой целью уже проводится агитация среди корейцев¹²⁰. По-видимому, зерна идеи упали на благодатную почву, поскольку в 1923—1924 гг. вопрос о создании корейской автономии уже на советском Дальнем Востоке был действительно поставлен корейской партноменклатурой и обсуждался официально на уровне Москвы, но не получил положительного решения¹²¹.

Таким образом, «корейский вопрос» в имперский период решить не удалось, и он во все более обострявшемся виде переходил «по наследству» советским властям.

3.2.2. Решение «корейского вопроса» в советский период

Советское руководство не избежало двойственности политики по отношению к восточным иммигрантам. Они рассматривались как источник дефицитной рабочей силы для горнодобывающей, рыбной, строительной отраслей на Дальнем Востоке. Корейцы вносили существенный вклад в зем-

леделие, рисоводство, снабжение края овощной продукцией. ВКП(б) выступала также в качестве патрона международного рабочего и коммунистического движения, оказывая активистам антиколониальной и революционной борьбы в Корее и Китае политическую, идеологическую и материальную помощь. В свою очередь, многие корейцы и китайцы поддерживали революционные преобразования в России, участвовали в Гражданской войне, партизанском движении на Дальнем Востоке. Тем не менее советское руководство не прекращало с подозрительностью относиться к восточному населению, усматривая в нём угрозу государственной безопасности в регионе, и не обошло его репрессиями, усилившимися с середины 1930-х гг.

В 1923—1924 гг. на Дальнем Востоке, по официальным данным, проживало свыше 130 тыс. корейцев, в том числе более 100 тыс. — в Приморье, из которых 67,4% были иностранными подданными¹²². Установление советской власти, провозгласившей интернациональную поддержку трудящихся и угнетенных, надежда на получение земельных наделов стали дополнительными притягательными факторами для корейских иммигрантов, особенно беднейших слоёв. В 1920-е гг., пользуясь прозрачностью границы, они массами устремились на советскую территорию. Их переход в большинстве не был оформлен никакими разрешительными документами, т.е. являлся нелегальным. По подсчётам Л.Л. Рыбаковского, за первые шесть лет советской власти в ДВК переселилось 100 тыс. корейцев, из них 2/3 относились к постоянным жителям края и 1/3 — к временным¹²³. С 1917 по 1929 г. сюда перешли 71,5% корейских семейств из всех, иммигрировавших в Россию с 1860-х гг., в том числе 38,7% прибыли в 1928—1929 гг.¹²⁴

Интенсивная иммиграция и естественный прирост привели к тому, что в конце 1910-х — середине 1920-х гг. численность корейцев в Приморье росла быстрее, чем остальных этнических групп. Если в 1914 г. корейцы составляли 15,1% населения этой территории, то в 1923 г. — 19,4%, в 1926 г. — 25,5%. В абсолютных показателях их численность во Владивостокском округе согласно переписи 1926 г. достигла 145 511 чел., а всего на Дальнем Востоке — 168 009. Развитие этой тенденции приостановилось только во второй половине 1920-х гг., когда началось организованное сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток россиян из европейской части СССР. И хотя общее число корейцев в Приморье продолжало расти (1929 г. — 150 795 чел., 1931 г. — 159 100), их доля в населении стала снижаться (соответственно 24,3% и 19,6%)¹²⁵.

Выделялось два крупных района проживания корейцев: там, где они составляли в среднем 63,4% населения (волости Посьетская, Барабашская, Владимиро-Александровская, Киевская, Суйфунская и Покровская) и 25,8% (волости Шкотовская, Сучанская, Гродековская и Ивановская)¹²⁶. В Посьетском районе в 1929 г. находилось 35 755 корейцев, или 89% от числа жителей¹²⁷. Только за 1923—1926 гг. в этот район вселилось 9 466 иммигрантов¹²⁸.

Советская администрация в первые же годы своего утверждения на Дальнем Востоке ощутила весь комплекс проблем, связанных с корейским населением. Один из болезненных аспектов заключался в том, что среди корейцев, особенно в Посьетском районе, было выявлено сильное японское влияние и, как следствие, шпионаж в пользу Японии. В первой половине 1920-х гг., пользуясь отсутствием надлежащей охраны границы, японцы вели себя особенно нагло. Через своих агентов они влияли на проведение выборов в сельсоветы, угрожали активистам-общественникам, распространяли слухи о скором свержении советской власти, о концентрации на границе японских и белогвардейских военных сил с целью захвата Посьетского района и присоединения его к Японии и т.д.¹²⁹ В декабре 1922 г. в отчётах Посьетского райбюро РКП(б) отмечалось: «...Последние пять лет район был оторван от политической жизни Приморья, сюда докатывалось только эхо борьбы, а зоркие японские жандармы своим неустанным трудом делали все, чтобы заглушить и это эхо...»; «...Японские жандармы часто являются на нашу территорию в район Красного села и там хозяйничают. При приближении наших разъездов они уходят за черту границы и приветствуют в самых теплых тонах «дружественную» им Красную Армию, а по уходу наших частей снова являются на нашу территорию и терроризируют корейское население...»¹³⁰ По советской и партийной линиям неоднократно сообщалось, что район насыщен японскими шпионами и что причина этого кроется «...в слабости революционной работы, но также недостаточно интенсивной деятельности ГПУ, что вызывалось малочисленностью состава пунктов ГПУ и отсутствием корейских сотрудников при них...»¹³¹ Главное внимание корейской секции при Приморском губкоме партии, как отмечал секретарь губкома Зорин в отчёте за март — апрель 1923 г., было «обращено на укрепление Посьетского района в связи с появившимися там как японскими шпионами, так и белогвардейскими элементами»¹³².

Секретарь Посьетского райкома РКП(б) Бычков на заседании президиума Приморского губкома РКП(б) 12 июля 1923 г. докладывал: «...Шпионаж в Посьетском районе, безусловно, имеется, но более скрытый. Это обстоятельство требует от агентов ГПУ чрезвычайно внимательного и умелого подхода к вылавливанию шпионов. Но, несмотря на увеличение пограничных постов и усиление кадрами сотрудников ГПУ, всё же положительных результатов не достигнуто, потому что агенты ГПУ совершенно не уясняют задач, стоящих перед ними, и уклоняются в сторону борьбы с контрабандой в ущерб прямым обязанностям. (...) Несмотря на абсолютное большинство членов РКП и комсомольцев, контрреволюционный элемент всё же проник в волисполкомы, что показывает случай шпионажа секретаря и сотрудника волисполкома, состоящих в то же время членами Барабашской ячейки РКСМ. Это заставляет осторожно относиться к Посьетской организации РКСМ, не особенно ей доверяя...»¹³³

Ещё одна проблема была связана с большим скоплением на юге Приморья в конце 1922 — начале 1923 гг. корейцев — бывших партизан и демобилизованных красноармейцев, оказавшихся без средств к существованию. Местные власти не смогли быстро помочь им перейти к мирной жизни, обеспечив землёй и работой, что резко обострило социальную напряжённость в губернии. В докладе секретаря корейской секции губбюро партии Ли Ен Шена о партработе и положении Приморья за декабрь 1922 г. был выделен специальный раздел «Партизанский наплыв». В нём сообщалось о том, что число уволенных из армии партизан достигало 1 000 чел., они шли в деревню, создавая там безработицу. У большинства партизан не было русского гражданства и средств для получения вида на жительство, поэтому их часто арестовывали как бездокументных. Для ликвидации безработицы им предлагалось создание трудовых артелей, а наиболее достойных 60 чел. по приказу командования 5-й армии направили на обучение в военные школы. Обстановка всё же оставалась острой. Ли Ен Шен приводит пример с расформированием николаевского отряда, которое «...создало боевую атмосферу среди партизан: они готовы на всякую партизанщину, на всякий погром»¹³⁴. Аналогичная оценка ситуации прозвучала 1 февраля 1923 г. в выступлении участника 1-й Приморской губернской партконференции Малышева: «...По входе в город был приказ командарма Уборевича распустить корейские части и предложить заняться мирным трудом. Курьезнее ничего не могло быть. Было организовано до 300 корейских партизан, и эту ораву предлагалось распустить мирным путём. Мирным созидательным трудом они заняться не могли. Они постучались в различные аппараты, чтобы получить паспорта, паспорта им не дали, они начали жить без паспортов. Милиция начинает охоту на живущих без паспортов, и в результате на гаубтвахте оказываются все корейские партизаны»¹³⁵.

Между тем руководство 5-й армии продолжало направлять в Приморье демобилизованных солдат. В марте прибыл ещё один корейский полк, что вынудило бюро Приморского губкома партии на заседании 29 марта 1923 г. выразить протест перед Дальбюро и ДРК «...против направления в Приморье 700 корейцев без предварительного уведомления об этом губисполкома, так как последний, не зная о движении этой дезорганизованной массы корейцев, не имел возможности своевременно приготовиться к их размещению и предоставлению им работы». Было решено утвердить мероприятия об обеспечении прибывающих корейцев работой, сводившиеся «к предоставлению им прав на ловлю трепанга, приравняв их к кооперативным организациям, (...) причём денег на организацию работ из губкасы не отпускать»¹³⁶.

Некоторые корейские группы не желали разоружаться и, как докладывал в губвоенревком председатель Никольск-Уссурийского уездного военревкома Лебедев 30 ноября 1922 г., предпочитали «бродяжничество и уход вооружёнными за границу, что, безусловно, порождает бандитизм и создаёт

угрозу населению пограничной полосы»¹³⁷. Посланный в уезд губернским бюро партии для организационной помощи Х. Ким в письме от 11 декабря 1922 г. сообщал о бесчинствах отрядов Ильи Пака: один из них — отряд под командой Григория Пака «...в районе Черниговки с бедного населения собирал насильственные поборы свыше 200 иен, за подачу чумизной каши бьют хозяев по морде чашкой. Даже был случай: захотели было собачатину — вместо того чтобы попасть из винтовки в собаку, попали в 13-летнего мальчика, единственного сына престарелых работников-бедняков...»¹³⁸

Данная проблема вкупе с информацией о распространении в крае японского влияния и шпионажа уже тогда подталкивала некоторых региональных руководителей к мысли о выселении корейцев. Так, С.Г. Нам и вслед за ней Б.Д. Пак в своих публикациях приводят выдержку из письма в Наркомат по делам национальностей одного из корейских лидеров на Дальнем Востоке, члена Корбюро при Восточном отделе ИККИ Хан Менсе: «Дальбюро ЦК РКП постановило выселить всех корейцев из Приморья. Это абсурд. Мотивы: распространение в крае японского влияния через корейцев. Мы знаем это хорошо и первыми подняли вопрос по борьбе с этим явлением, но для этого необходима организованная и целесообразная борьба, а не «выселение» всей массы корейцев из Приморья. Тут нужна не политика откращения, какую давно заняло Дальбюро по отношению к нам, а совместная братская работа по разрешению нашего вопроса, который всё же является национальным вопросом. (...) Здесь необходимо авторитетное вмешательство Центра. А потому очень просил бы вас поставить вопрос о национальной политике на Дальнем Востоке и, в частности, постановлении Дальбюро перед ЦК РКП и осадить ура-коммунистов из Дальбюро. (...) Основательно переговорите с тов. Сталиным по нашему вопросу, иначе мы не сможем «мирно» разрешить его»¹³⁹.

Приведённое письмо, несомненно, свидетельствует не только о напряжённых межэтнических взаимоотношениях в крае, но и об острых разногласиях между Дальбюро ЦК РКП(б) и Корбюро при Восточном отделе ИККИ. Однако никаких других свидетельств принятия вышеназванного постановления Дальбюро или материалов по его хотя бы частичной реализации исследователями не выявлено. Не смогли обнаружить их и мы, несмотря на довольно скрупулезное изучение архивных документов по данной проблеме. В связи с этим можно предположить, что письмо Хан Менсе было реакцией на упомянутое в монографии Б.Д. Пака выступление на 1-й Приморской губернской конференции (январь 1923 г.) секретаря Дальбюро Н.А. Кубяка, в котором он обвинил всех корейцев в авантюризме и мошенничестве и приравнял к японским колонизаторам, подлежащим высылке за пределы ДВК¹⁴⁰. На практике же никаких последствий этого заявления не было. Более того, усилиями местного руководства и спешно направленного в Приморье зам. председателя Корбюро Исполкома Коминтерна г. Войтинского ситуацию удалось разрядить¹⁴¹.

Для облегчения управления на всех уровнях региональной власти был введён институт корейских уполномоченных, началась выдача документов, разрешение земельной проблемы и т.д. Согласно отчёту корсекции Приморского губкома партии с января по май 1923 г. она «...была перегружена работой устройства демобилизованных партизан и красноармейцев, доходивших до 1 600 чел. Им были выданы виды на жительство, через биржу труда их устраивали на работу, а также организовывали вокруг сельскохозяйственных и рыбопромысловых артелей...», которым оказывалась материальная помощь. Например, сельхозартель «Красная звезда» весной 1923 г. от штаба Приморского партизанского отряда получила 10 обозных лошадей и осела на землях Военведа в Шкотовском районе, Второй сучанской трудовой земледельческой артели губком партии выдал заём на 500 руб., после чего артель занялась сбором морской капусты. Позже обе они объединились в коммуну и стали крепким хозяйством. Летом 1923 г. голодающему корейскому населению было выделено 2 000 пудов чумизы и дано разрешение привезти из Китая беспшлинно по 60—65 пудов зерна¹⁴². Кроме того, губкорсекция РКП на заседании 23 июля 1923 г. постановила провести «широкую кампанию против развивающегося среди корнаселения авантюризма и бандитизма»¹⁴³. Всё это позволило переломить настроение в корейской среде, которая большей частью стала выражать сочувствие к советской власти.

Однако недоверие к корейскому населению, которое считалось подверженным японскому влиянию, оставалось устойчивым. В конце 1923 г. председатель Дальревкома Никольский и зав. Дальневосточным отделом управления Кацва, ходатайствуя перед ВЦИК об упрощенном порядке перехода в гражданство СССР определённой части корейцев («имевших заслуги перед революцией», участников партизанского движения и служивших в Красной Армии, корейской бедноты), вместе с тем отмечали: «...Наряду с элементом, лояльно настроенным к соввласти, в дни интервенции и разгула белобанд в область проникли политически неблагонадёжные, имеющие связь с японской жандармерией. И, если не так давно о корейских эмигрантах можно было без опаски говорить как о наиболее революционизированной части населения Дальнего Востока, то в данный момент по отношению ко всей массе корейского населения области этого сказать нельзя. Этим-то обстоятельством обуславливалось создание во Владивостоке в своё время особой комиссии по приёму корейцев в гражданство СССР»¹⁴⁴.

Негативное восприятие властью определённой части корейского населения сохранялось и в 1930-е гг., что подпитывалось материалами советской разведки и пограничников. ГУГБ НКВД СССР в ряде своих директив обращало внимание региональных управлений НКВД на «необходимость усиления агентурной работы по корейцам как одной из основных баз деятельности японской разведки». В циркуляре НКВД СССР №156 от 29 сентября 1935 г. говорилось: «...Японские разведывательные организации (генштаб, морштаб и пр.) перешли к строгому координированию своих мероприятий с выдвиг-

жением на первый план задач военной разведки и диверсии. Насажение в этих целях агентуры как в пограничной полосе, так и в глубине нашей территории, на транспорте, в РККА и на предприятиях оборонного значения является важнейшей задачей активной диверсионно-разведывательной работы японцев в СССР. Осуществляя эту задачу, японцы широко используют корейцев (...). Деятельность органов японской армии велась преимущественно на территории Дальнего Востока и Сибири»¹⁴⁵.

Согласно исследованию А. Буякова и А. ПолUTOва в декабре 1934 г. начальник Управления пограничной охраны НКВД ДВК докладывал, что «японцы всемерно усиливают свою работу по организации и ведению шпионажа посредством использования корейского населения в приграничных районах с СССР и с позиции корейской общины в Приморье». Эта работа координировалась штабом Квантунской армии в Чаньчуне и японской военной миссией в Хуньчуне. В августе 1934 г. там состоялось специальное совещание, результатом которого явилось создание нелегальных ячеек «Общества Единой Азии» («Коато»)* во Владивостоке, Хабаровске, Ворошилове, Имане, Посъете, Спасске и Барабаше. В 1936 г. в Цзинине была создана школа по обучению корейцев шпионажу и подрывной работе на территории Посъетского района, в том числе по подготовке в этом районе восстания корейцев под лозунгом борьбы за автономию. Оперативные сводки тех лет пестрят сообщениями о корейских агентах, задержанных на границе или разоблаченных на советской территории. Сведения о японской агентуре проходят не только через множество уголовно-следственных дел репрессированных в СССР корейцев, но и подтверждаются материалами, выявленными в настоящее время в зарубежных архивах.

Как справедливо отмечают исследователи, корейская община оказалась меж двух огней. Отказ от сотрудничества с Японией означал смерть родственников, оставшихся на родине, но и действовать против советской власти было смертельно опасно¹⁴⁶. Не случайно в 1940 г. арестованный по обвинению в участии в необоснованных политических репрессиях сотрудник Приморского ОУ НКВД Лиходзеевский в качестве оправдания своих действий требовал приобщить к материалам следствия справки Посъетского и Владивостокского погранотрядов «...об исключительно большой поражён-

* В циркуляре НКВД СССР № 156 от 29 сентября 1935 г. также упоминается о создании корейского общества «Коато», которое вело работу с помощью провокаторов, проникавших в Советский Союз под видом политэмигрантов. В документе говорится, что целями общества были «организация в тылу СССР шпионско-диверсионных повстанческих групп» и «проведение мероприятий по разжиганию шовинистических антисоветских японофильских настроений в СССР. Во главе этой партии поставлены два видных японских провокаторов, имеющих большие связи среди корейцев в Москве, Ленинграде, Поволжье, Средней Азии, на Северном Кавказе и т.д.» См.: Циркуляры НКВД за 1935 г. // Архив УВД Амурской области. Оп. 295. Д. 835. Т. 5. Л. 2.

ности погранполосы, заселённой корейцами, нарушениями границы и почти беспрепятственным проходом на Владивосток японских шпионов-корейцев, выходящих из Фандзосского и Хуньчунского направлений», а также «о большой поражённости корейской агентуры дезинформацией и предательством»¹⁴⁷ (так в тексте. — Е.Ч.).

Другой аспект из клубка трудных оставался в сфере землепользования. Продолжавшийся наплыв корейских иммигрантов обострял земельную проблему и на этой почве вызывал антагонизм не только между корейским и русским населением, но и между самими корейцами — старожилами и новоселами. Как отмечалось в докладных записках отдела землеустройства, корейцы не соблюдали установленного порядка землепользования. Нередко земли государственного фонда они занимали самовольно по собственному выбору, не считаясь с предназначением этой земли, и старались сохранить за собой занятые участки. Они не уходили с крестьянских отводов по окончании срока аренды, вынуждая домохозяев или сельские общества применять насильственные меры¹⁴⁸. Тем не менее аренда земли со всеми её негативными сторонами по-прежнему широко использовалась. В 1928 г. Дальневосточное краевое земельное управление направило во Владивостокское ОкрЗУ специальный документ, в котором, чуть ли ни слово в слово повторяя аргументы, приведённые в имперский период, требовало принять меры против незаконной аренды. В документе отмечалось: «Сдача земли в аренду трудовым населением в ДВК не уменьшается. Особенно широкое развитие она имеет во Владивостокском округе, где проживает большое число безземельного корейского населения, что подтверждается обследованиями Шкотовского, Суйфунского и др. районов. (...) Наличие аренды как массового явления крайне нежелательно, так как она развращает население, сдающее земли в аренду, приучая его к получению нетрудового дохода, и противоречит советской земельной политике»¹⁴⁹.

Советская администрация по мере возможности изыскивала резервы для наделения корейских крестьян землёй в порядке трудового землепользования. При этом преимущество имели иммигранты, которые заселились в край до 15 ноября 1922 г., независимо от их гражданства, а из вселенцев более позднего времени — те, кто оформил советское гражданство. Однако и сам приём корейцев в гражданство СССР ограничивался как из-за невозможности наделить всех землёй, так и по политическим мотивам. В одном из документов 1929 г. разъяснялось: «...в приёме в совгражданство корейского населения остаётся прежнее положение — будут только приниматься члены ВКП(б), бывшие партизаны, лица, занимающие в данное время выборные должности»¹⁵⁰.

К концу 1927 г. в Приморье были наделены землёй свыше 10 тыс. корейских хозяйств, 2 тыс. находились в процессе землеустройства, но оставалось 10—12 тыс. безземельных¹⁵¹. К этому времени ситуация ещё более усугубилась.

губилась, так как для расселения советских аграрных переселенцев также требовались значительные площади, из которых часть уже была самовольно занята корейцами. По этой причине власти приняли решение во Владивостокском округе и южной части Хабаровского дальнейшего землеустройство иммигрантов ограничить, а затем и вовсе прекратить¹⁵².

Кроме того, прилагались усилия к полному прекращению самовольной иммиграции «восточников» на российский Дальний Восток. С середины 1920-х гг. региональные и губернские органы власти неоднократно рассматривали этот вопрос. Президиум Приморского губисполкома на заседании 17 октября 1925 г. констатировал, что «по целому ряду причин экономического и политического порядка массовый переход государственной границы корейцами принял угрожающие размеры» и что борьба с ним «является чрезвычайно трудной и не всегда приводит к определённым результатам». Поэтому ГИК считал необходимым, чтобы ДРК принял решения, способствовавшие «если не полному прекращению, то уменьшению перехода корейцами госграницы и оседания их на советской территории...», в том числе требовалось усилить погранохрану участков, «более сильно поражённых массовым переходом границы» (Ново-Киевский, Славянский, Гродековский), ввести строгий учёт корейцев, добиваться неукоснительного выполнения директив о категорическом запрете наделения землёй корейцев-перебежчиков и др.¹⁵³

Этой проблемой была озабочена и Москва. Совещание при Наркоминделе СССР, проходившее 5 января 1926 г. под руководством Г.В. Чичерина, решило, что необходимо «принять все доступные меры для прекращения притока китайцев и корейцев на советскую территорию», считая его серьёзной опасностью¹⁵⁴. Следуя согласованной с Центром политике, бюро Далькрайкома ВКП(б) на заседании 10 мая 1926 г. постановило: «Ввиду ограниченности свободного земельного фонда во Владивостокском округе, наличия безземельных советских граждан и необходимости устройства на нём по плану колонизации переселенцев, прибывающих из центральных районов Союза, политохране границы категорически воспретить самовольный въезд из-за границы иностранцев. Фракции крайисполкома разработать в срочном порядке меры, гарантирующие приостановление самовольного потока иностранцев. Считать возможным административное выселение их обратно»¹⁵⁵. На сельсоветы возлагалась ответственность за укрывательство лиц, пришедших нелегально из-за границы. Кроме того, президиум ДКИК обращался в НКВД с просьбой «дипломатическим путём договориться с Японией о прекращении массового нарушения границы корейцами»¹⁵⁶. Однако Япония была заинтересована в обратном, ведя политику «очищения» Корейского полуострова от корейцев. Массовую корейскую иммиграцию в СССР удалось остановить лишь в 1930-е гг., когда советская погранохрана на Дальнем Востоке была усилена.

Столкнувшись с невозможностью землеустроить всех корейских крестьян в Приморье, советская администрация так же, как в своё время имперская, пришла к выводу о необходимости их перераспределения внутри губернии и частичного переселения в другие районы Дальнего Востока. В марте 1925 г. Президиум Дальревкома принял постановление «...считать своевременным и вполне целесообразным начать расселение крестьян-корейцев, недавно осевших на землю, из Посьетского района и южной части Никольск-Уссурийского уезда в глубь Приморской губернии, главным образом в Амурскую губернию»¹⁵⁷. В том же году принимались меры к переселению безземельных корейцев из Сучанского района на отводимые участки в Никольск-Уссурийском и Спасском уездах¹⁵⁸.

Согласно исследованию Б.Д. Пака в 1926 г. на основании данных переписи населения переселенческие органы составили план расселения корейцев. Он предусматривал устройство в пределах Владивостокского округа 40,7 тыс. и за пределами Владивостокского округа 54,8 тыс. корейцев. Для приёма мигрантов были выделены Курдартгинский район Хабаровского округа и Биро-Биджанский район Амурского округа.

Вышеприведённые материалы опровергают трактовку этого же сюжета, данную в монографии П.М. Поляна. В ней автор, говоря о последующем плане переселения корейцев (1928 г.), пишет: «...На этот раз к переселению (...) предназначались не все, а только нелояльные корейцы...»¹⁵⁹, что даёт основание думать, будто бы поначалу намечалось выселить из Приморья всех корейских жителей, что не соответствовало действительности. Не можем мы согласиться и с Т. Мартином в его оценке плана 1926 г. как первого образца советской этнической чистки (если бы он был реализован)¹⁶⁰.

Однако план остался на бумаге из-за отсутствия достаточных финансовых ресурсов на подготовку земельного фонда¹⁶¹. В 1928 г. власти вернулись к нему, разработав новый, теперь уже 5-летний, план расселения корейцев в Хабаровском округе (Курдартгинском и Синдинском районах).

К этому времени был принят документ центрального уровня власти, который давал юридическое основание для проведения данного корейского переселения. Президиум ЦИК СССР 27 июня 1927 г. издал постановление о лицах, прибывших в СССР с нарушением правил въезда (перебежчиках). Тем из нарушителей границы, которым ОГПУ разрешало поселиться в СССР, с освобождением из-под стражи предоставлялось право выбора места жительства по своему усмотрению, за исключением 13 районов и местностей (всех пограничных губерний СССР, Московского и Ленинградского военных округов и др.). ОГПУ предложило к 1 июля 1927 г. направить из вышеуказанных районов в разрешённые для проживания местности всех перебежчиков моложе 50 лет, не состоявших в партии и комсомоле, нелегально прибывших из-за границы, начиная с 1924 г. Разрешение на проживание в запрещённых районах могло дать ОГПУ, но в исключительных случаях¹⁶² (в годы Большого Террора отношение власти к перебежчикам примет более жесткие формы —

см. разд. 3.3.4.). Как видим, под действие этого документа подпадало большинство корейских иммигрантов упомянутого периода.

После уточнения численности корейцев Владивостокского округа в ходе специальной переписи 1929 г. было решено оставить на месте 51,2 тыс. и отселить 99,6 тыс. чел. Для каждого из районов и городов определялись плановые цифры расселенцев, наибольшее их число приходилось на районы Суйфунский (16,5 тыс.), Посъетский (13,5 тыс.), Сучанский (12,6 тыс.), Шкотовский (10,3 тыс.), что по официальным сведениям составляло соответственно 80%, 38% и 64% от общей количества корейцев, проживавших на этих территориях¹⁶³.

О том, какие категории корейцев намечалось переселить и в каком порядке, разъяснялось в постановлении Президиума ДКИК от 20 августа 1929 г. «О мерах борьбы с самовольным вселением и захватом земель иноподданными корейцами в пределах Дальневосточного края», в котором ставилась задача с 1929 по 1933 гг. «...расселить из пределов Владивостокского округа всех иноподданных корейцев, подлежащих расселению, за исключением доказавших полную лояльность и свою преданность советской власти»*, «расселение производить в порядке очереди позднейшего прибытия в округа». Предусматривалось в случае нежелания указанных лиц переселяться рассматривать их как нарушивших закон о сельскохозяйственной эмиграции со всеми вытекающими последствиями¹⁶⁴.

Подготовка и переселение корейцев постоянно обсуждались в партийных и советских органах, включая высшие инстанции. С 1927 по 1932 г. они были трижды рассмотрены на политбюро ЦК ВКП(б), которое приняло, а затем подтвердило директиву на массовое отселение корейцев из пограничных районов Приморья¹⁶⁵. Одним из аргументов кроме земельной проблемы в 1930-е гг. стал выступать и фактор пограничной безопасности. Именно поэтому намечалось освобождавшиеся участки в приграничных районах заселять в первую очередь советскими переселенцами-красноармейцами. Начальник дальневосточного управления погранохраны Кондратьев в служебной записке, направленной в секретариат ДКИКа 22 апреля 1930 г., писал: «Управление погранохраны ПП ОГПУ считает вопрос о выселении корейцев из Посъетского района и 7,5-километровой погранполосы Владивостокского округа у границы с Китаем вопросом особого значения. Было бы желательно получить для ознакомления соображения Далькрайзу о порядке и сроках переброски и об очередях освобождаемых районов. С другой стороны, эти соображения необходимы для оказания органами погранохраны на местах содействия и своевременной подготовки к этой работе»¹⁶⁶.

* Под «лояльными» так же, как и в случае с приёмом в советское гражданство, подразумевались члены ВКП(б), бывшие партизаны, военнослужащие Красной Армии, партийно-советская номенклатура.

23 июля того же года вопрос о внутрикраевом расселении корейцев рассматривался в Совете Труда и Оборона, в проекте постановления которого ставилась задача: «...Управлению переселения совместно с НКЗ РСФСР и Далькрайисполкомом разработать на ближайшие годы генеральный план корейского расселения из расчёта изъятия из пограничных районов в течение ближайших лет всех корейских хозяйств, имеющих право на наделение землёй, в глубь края»¹⁶⁷.

Принятыми документами по выполнению планов расселения предусматривалось в 1929 г. направить из Приморья в Хабаровский округ 3500 корейцев¹⁶⁸, в 1930 г. — 5 000, а сверх намеченного — ещё 5 000 «в форсированном порядке» (т.е. всего в 1930 г. — 10 тыс.) и не менее 10 тыс. — в 1931 г.¹⁶⁹ В дополнение к Синдинскому и Курдартинскому районам Далькрайисполком выделил для расселения ещё и Мазановский район, который должен был принять 8 тыс. чел. в 1932 г. и 8,6 тыс. — в 1933 г.¹⁷⁰

Несмотря на то, что такое переселение для корейцев принимало форму вынужденного, осуществлять его планировалось главным образом на добровольных началах путём убеждения. На это прямо указывает справка № 307 к протоколу СТО № 368 от 13 апреля 1928 г. о целесообразности переселения корейцев Владивостокского округа в Хабаровский округ¹⁷¹. Для стимулирования процесса намечалось проводить разъяснительно-агитационную работу, использовать институт ходоков, выделять ссуды и предоставлять льготы¹⁷².

Однако все решения, принятые во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., оказались в большинстве своём невыполненными из-за слабой проработанности планов в соответствующих дальневосточных и центральных органах, недостаточного финансирования, плохой организации самого переселения в районах выхода и в особенности в местах водворения корейских крестьян. Тормозила процесс также заинтересованность предприятий Приморья в рабочих руках корейцев на рисовых плантациях и в рыбной промышленности. По этой причине местные органы власти трактовали понятие «лояльные корейцы» как «все корейцы, пользовавшиеся избирательными правами», и считали возможным переселять только «кулаков», «лишенцев» и недавно прибывших из-за границы, которых было значительно меньше, чем предусматривалось планами расселения.

Сами корейцы не хотели уходить с насиженных мест, тем более что предлагаемые районы располагались севернее, проигрывали южным по природно-климатическим условиям и были плохо освоены. Безземельные крестьяне, не состоявшие в советском гражданстве, чтобы избежать переселения, пытались объединяться в колхозы и получить таким образом землю. Однако руководящие органы давали разъяснение, что такие колхозы следует считать фиктивными и регистрировать их как «переселенческие товарищества». К сентябрю 1929 г. на добровольных началах в Хабаровский округ переселились 1 408 чел., в 1930 г. — 911, ещё 220 корейцев переехали в Ка-

захстан для выращивания риса, т.е. всего за два года — только 2,5 тыс. чел. из запланированных 13,5 тыс.¹⁷³ Народный комиссариат земледелия Узбекистана также обращался с просьбой о направлении к ним корейцев для выращивания риса, но из-за отсутствия средств эта просьба не была выполнена¹⁷⁴.

Явный провал кампании подтолкнул органы власти к принудительным методам переселения. Однако следует оговориться, что им подверглись не те, кто продолжал проживать в Приморье и отказывался от расселения, а лишь задержанные на границе беглецы. Как раз в это время (1929—1930 гг.) наблюдался массовый уход корейцев из Приморья в Корею и Китай, он был вызван обострением социальной напряжённости и продовольственных затруднений периода раскулачивания и коллективизации. Поначалу (в октябре — декабре 1929 г.) среди беглецов преобладали представители зажиточных хозяйств, подвергнутых взысканиям за неспадчу хлебных излишков, но уже в следующем году — бедняки, испытывавшие пресс перегибов коллективизации и административного нажима. Корейцы уходили за границу поодиночке и семьями¹⁷⁵, а колхоз «Красный маяк» из Первомайки собирался отбыть в полном составе¹⁷⁶. С 1 января по 1 мая 1930 г. органами ОГПУ было учтено 1 285 беглецов, в том числе 260 кулаков, 344 середняка, 641 бедняк, 4 батрака, остальные — не установлены (используется терминология документа). В подавляющем большинстве это были безземельные крестьяне из Сучанского, Посъетского и Шкотовского районов Владивостокского округа. Бегство из Хабаровского округа приняло незначительные масштабы, видимо, из-за большей удаленности от границы (перешло границу 8 чел., задержано 55). Вскоре некоторые из них стали возвращаться, так как, перейдя границу, столкнулись с ещё более плохими, чем в Приморье, условиями жизни. На начало мая 1930 г. таковых было выявлено 92 чел. Что касается первичной иммиграции из Кореи, то она в это время почти прекратилась (отмечены единичные случаи).

Многие корейцы, пытавшиеся бежать из СССР, задерживались пограничной охраной. Их-то и было решено принудительно перевозить в Хабаровский край для расселения в Синдинском и Курдартгинском районах. За первые четыре месяца 1930 г. таким способом было переселено 837 чел., в том числе кулаков — 48, середняков — 56, бедняков — 651, батраков-одиночек — 82¹⁷⁷. Следует отметить, что ряд историков приводит меньшую цифру принудительно переселённых в Хабаровский округ: на сентябрь 1930 г. — 431 чел.¹⁷⁸ Возможно, показатели разнятся с учётом бегства крестьян уже из мест принудительного расселения, вызванного тяжёлыми условиями перевозки, проживания и обустройства мигрантов. Проведение кампании возлагалось на Хабаровскую и Владивостокскую переселенческие партии, однако они практически не занимались ею. Первая группа принудительно переселяемых корейцев в количестве 101 чел., в том числе 38 детей до 10-летнего возраста, по железной дороге прибыла в Хабаровск 6 марта 1930 г. В течение

двух суток пути люди не получили никакой пищи, кроме 20 буханок хлеба. Без фуража остались и перевозившиеся вместе с ними лошади. В Хабаровске путников встречали только сотрудники ОГПУ. Лишь спустя полтора часа после прибытия поезда на вокзале появился зав. Переселенческим подрайоном кореец Нью, сообщивший, что ни помещение, ни пища для приехавших подготовлены не были. Вторая группа переселенцев (200 чел.), прибывшая в Хабаровск 8 марта, оказалась в тех же условиях¹⁷⁹.

Как ни странно, но только краевые органы ОГПУ проявляли серьёзное беспокойство за состояние дел. Полномочный представитель ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерibas и его заместитель С.И. Западный неоднократно обращались с письмами по этому поводу к секретарю краевого комитета ВКП(б) и председателю ДКИК. В июне 1930 г. силами сотрудников ОГПУ был обследован Курдартинский участок, заселённый корейцами, и было выяснено, что, несмотря на пригодность участка для посева риса, чумизы, бобов и других привычных для корейцев культур, все расселенцы находились в чрезвычайно тяжёлых условиях. Земельный фонд был совершенно не подготовлен и даже не отведены усадебные участки. Артель «Земледелие» (около д. Калиновки), организованная из добровольных переселенцев (600 чел.), не имела ни одного колодца и вынуждена была пользоваться болотной водой, из-за чего распространились инфекционные заболевания, которые при неудовлетворительном медицинском обслуживании привели к гибели в течение трёх месяцев 16 детей. Такие же проблемы стояли и перед артелью «Расселенцы» (255 чел.), расположенной близ д. Евгеньевки.

Но в наиболее тяжёлых условиях оказались принудительные мигранты. Так, артель «Сучан» (57 семей) состояла из работников, по роду занятий далеких от крестьянского труда, — рыбаков, пильщиков и т.п., не имевших необходимого земледельческого опыта. К этому добавлялось несвоевременное снабжение посевными материалами и сельскохозяйственным инвентарём, в результате чего в первую весну артель смогла раскорчевать и засеять только 2,5 га земли, что не позволяло обеспечить ей даже минимально необходимого урожая. Также высока была детская смертность. Кроме проблем снабженческого и организационного порядка на состоянии принудительно созданной артели сказывалась и психологическая атмосфера: артельщики ощущали себя «заключёнными и сосланными». Груз принуждения не мог способствовать трудовому энтузиазму. Вследствие всех этих причин к июлю 1930 г. из артели бежало 11 семей. Аналогичная картина, согласно данным ОГПУ, наблюдалась и в Синдинском районе, откуда в мае — июне бежало 46 чел.¹⁸⁰

Всего в 1929—1930 гг. из Владивостокского округа удалось расселить 3371 корейца, включая 220 чел., переехавших в Казахстан. В Хабаровский округ 2 539 чел. (75%) были переселены на добровольных началах и 832 (25%) — принудительно. В 1931 г. кампания была прекращена.

Вопрос о причинах свёртывания и самой оценке кампании в

современной историографии не получил однозначного ответа. По предположению Т. Мартина, причиной прекращения корейского расселения явилось опасение Министерства иностранных дел СССР, что Япония может использовать депортацию японских подданных из советского приграничья как формальный повод для объявления войны. Приводя некоторые материалы по данному сюжету, американский историк освещает лишь политическую сторону вопроса, совершенно не затрагивая проблемы землеустройства корейцев. Он акцентирует внимание на формулировке «переселить нелояльных корейцев иностранного подданства», называя акцию не иначе как «депортация»¹⁸¹.

Но, на наш взгляд, одной из существенных причин остановки кампании были организационные неурядицы и межведомственная несогласованность. Из-за этого, как свидетельствует переписка между ДКИК, НКЗ и СНК и СССР в 1931 г., принятие контрольных цифр на 1932 и 1933 гг. постоянно откладывалось, при этом НКЗ предлагал внести их «не на ближайшие 2 года (32—33 гг.), а на ближайшие 5 лет, включив этот вопрос в общий перспективный 5-летний план переселения»¹⁸². Наша позиция близка к мнению А.А. Торопова, который считает, что причинами срыва планов переселения корейцев были неподготовленность районов к приёму переселенцев: отсутствие достаточного количества жилья, сельхозинвентаря, рабочего скота, посадочного материала, а в более общем плане — непоследовательная, недостаточно продуманная, не подкреплённая финансовыми ресурсами политика государства¹⁸³.

Политическая же установка советского руководства на массовое административное отселение корейцев из приграничных районов Приморья при этом не была отвергнута, что подтверждает Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1932 г. «О корейцах»¹⁸⁴.

Значительные силы и средства государства в сфере организации миграций отвлекала начавшаяся в те же годы «кулацкая ссылка». На этом аспекте акцентирует внимание П.М. Полян, который пишет, что от идеи отселения корейцев отказались, «потому что шла коллективизация», и «в моде» была не этническая, а кулацкая — то есть социальная — ссылка»¹⁸⁵. Разделяя в целом мнение уважаемого исследователя, мы, однако, считаем, что в данном случае термин «ссылка» (которая, по сути, была наказанием за незаконное пересечение границы) с определённой долей условности можно применить лишь к ¼ корейских переселенцев рассмотренного периода. И в целом кампанию 1929—1930 гг. нельзя называть депортацией, как это делает Т. Мартин. Более точной нам кажется другая формулировка П.М. Поляна: «Речь шла ещё не о депортации, а о чём-то вроде добровольного планового переселения, но уже с отчетливым элементом принуждения»¹⁸⁶.

Рассмотренные материалы показывают, что принудительные методы расселения 1929—1930 гг. хотя и были продекларированы в директивных документах, но лишь как дополнительные — на случай возможного сопро-

тивления. Никакой практической организации в данном направлении сделано не было. Первые состоявшиеся акты принудительного переселения корейцев из Приморья в Хабаровский округ не были специально запланированы, а явились спонтанной реакцией властей на массовое бегство за границу. Нарушители границы были восприняты как один из источников хотя бы частичной реализации официально принятого плана расселения. Однако они не решили проблемы. В целом неудавшаяся кампания показала неспособность властей организовать надлежащие условия переезда и проживания корейских мигрантов на новом месте, что повлекло за собой их обратный отток. При этом добровольные переселенцы имели возможность уезжать «по собственному желанию», а принудительные — снова спасались бегством, используя близость Приморья и границы.

Несмотря на провал кампании, опыт её проведения, несомненно, учитывался властными структурами при последующей депортации корейцев в 1937 г. Именно в этом ключе оценивают её историки Н.Ф. Бугай, Б.Д. Пак, А.А. Торопов и др. Показательным является соответствующий раздел статьи японской исследовательницы Нацуко Ока, который она назвала «План расселения корейцев в Хабаровском крае: «прелюдия» принудительного выселения»¹⁸⁷.

Ещё один эпизод, связанный с выселением из ДВК группы корейцев, произошёл в 1935—1936 гг., но подоплёка его была иной. В эти годы в результате «чистки» из рядов партии исключались лица, «скрывшие» социальное происхождение, замеченные во фракционной деятельности и т.п. Корейские же партийцы со времен Гражданской войны делились на кланы «шанхайцев», «иркутян», «нацсоветчиков», приверженцев группы «М.Л.» и др., между которыми долгие годы шли склоки и внутренняя борьба¹⁸⁸. До середины 1930-х гг. воздействие на корейских «фракционеров» ограничивалось, как правило, взысканиями по партийной линии или переводом на другие должности, но с началом массовых политических репрессий меры наказания стали более суровыми: не только исключение из партии, но и привлечение к уголовной ответственности. Так, в 1935 г. сотрудники Приморского ОУ НКВД арестовали 18 корейцев — членов ВКП(б). Среди них были авторитетные партийные лидеры области А.А. Ким, М.М. Ким, И.Х. Пак, Ли Мун Хён, Хон До и др. Их арестовали после соответствующего распоряжения Центра, в котором сообщалось о разоблачении большого числа корейских номенклатурных работников, проживавших в Москве и осуществлявших шпионаж в пользу Японии. В отличие от Москвы во Владивостоке военный прокурор ОКДВА, рассмотрев итоги следствия, 5 июля 1936 г. прекратил дело за отсутствием данных, доказывавших участие подследственных в подрывной деятельности против СССР и коммунистической партии, чему соответствовали статьи обвинения. Но материалы следствия убедительно показывали, что арестованные принадлежали к корейской группировке «шанхайцев» и вели

в её составе фракционную борьбу. Дело было направлено в Особое совещание НКВД СССР, которое приговорило 13 чел. к заключению в ИТЛ сроками от 3 до 5 лет, а четверых — к ссылке на 3 года каждого. Один человек умер во время следствия¹⁸⁹.

Для четверых человек, приговорённых к ссылке, исход уголовного разбирательства объяснялся тем, что 7 января 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О приграничных районах ДВК», на основании которого из дальневосточного приграничья в другие регионы выслались 1,5 тыс. чел., исключённых из партии («бывших белогвардейцев, корейцев, троцкистов и зиновьевцев, подозреваемых в связи со шпионским элементом и т.п. категорий исключённых» — см. разд. 3.2.5.), в том числе и некоторые ранее арестованные¹⁹⁰. Не все сосланные в этой группе предварительно подвергались аресту. Например, А. Ким (однофамилец А.А. Кима), в 1933—1935 гг. работавший председателем стройкома в комунхозе г. Ворошилова (совр. Уссурийск), исключался из партии дважды: во время «чистки» 1933 г. — за плохую работу в парторганизации (был восстановлен после апелляции в вышестоящие парторганы) и в 1935 г. — по обвинению в подделке партбилета. И хотя он считал это обвинение необоснованным, тем не менее в 1936 г. его в административном порядке выселили в Казахстан¹⁹¹. Есть воспоминания С. Кима о том, что в 1935 г. * из Владивостока со ст. Вторая Речка в Приаралье был отправлен железнодорожный состав в полусотню вагонов со ссыльными. Вместе с ними добровольно выехали и семьи. Мужчины под охраной размещались в одних теплушках, их семьи — в других¹⁹².

Таким образом, ссылка 1936 г. осуществлялась независимо от этнической принадлежности пострадавших. В данном случае корейцы попали в общую массу исключённых из партии, и им удалось избежать более сурового наказания. Однако через два года, в разгар Большого Террора, некоторые из осуждённых по делу 18 корейцев, членов ВКП(б), в том числе известный в Приморье партийный деятель Афанасий Ким, были вторично привлечены к уголовной ответственности по сфальсифицированному обвинению в антигосударственной деятельности и шпионаже и приговорены к расстрелу¹⁹³.

С середины 1930-х гг. государство неуклонно свёртывало политику развития этнических культур в нетитульных республиках, активно проводившуюся во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., были ликвидированы национальные районы и сельсоветы, национальные школы и классы¹⁹⁴. Репрессивная же политика, наоборот, шла по нарастающей. Июньский пленум 1937 г., решение Политбюро от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах» и последующие оперативные приказы НКВД дали старт массовым репрессивным операциям, в том числе и в отношении «националов». К этому времени государство накопило опыт массовых принудительных переселений как по социальному, так и по этническому признаку.

* Возможно, С. Ким на год ошибся, и речь идёт о 1936 г.

3.2.3. Депортация корейцев с Дальнего Востока СССР в 1937 г.

Депортации корейского населения с Дальнего Востока в 1937 г. уделено достаточно много внимания в современной научной литературе¹⁹⁵. В данной монографии мы лишь вкратце обобщим основные аспекты этой акции.

В 1937 г., согласно проведённой переписи населения, в регионе проживало 165 165 корейцев¹⁹⁶. Однако поскольку перепись была «репрессирована», а её материалы аннулированы, то организаторы выселения не представляли себе реальных масштабов предстоящей операции, что не могло не отразиться на характере её практического проведения.

Следует обратить внимание на то, что выселение корейцев из ДВК первоначально планировалось не как тотальное, а охватывало лишь ту часть населения, которая проживала непосредственно в приграничье. Именно в этом ключе было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1428—326сс от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края», положившее начало депортации. Завершить её предписывалось к 1 января 1938 г. Если в кампании по отселению корейцев 1929—1930 гг. государство преследовало экономические и политические цели, то в постановлении № 1428—326 сс была заявлена исключительно политическая — «пресечение проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край»¹⁹⁷.

Такому решению способствовала как общая обстановка в стране (шпиономания периода Большого Террора), так и информация от разведывательно-пограничных служб Дальнего Востока. Например, в 1935 г. Особым отделом ТОФ в Приморском крае были вскрыты группы корейцев, занимавшихся шпионажем в пользу Японии, контрабандой и переброской беглецов за границу. В сообщении на имя секретаря Приморского обкома партии Таныгина и председателя облисполкома Петрова от 29 марта 1936 г. руководители ПОУ НКВД отмечали наличие среди корейцев «...чрезвычайно разветвлённых связей с закордонными разведывательными органами и особенно среди той части корейского населения, которая теми или иными путями соприкасается с Красной Армией и её окружением»¹⁹⁸. В конце 1936 г. штабы Особой Краснознамённой Дальневосточной армии и Тихоокеанского флота подготовили совершенно секретное представление о выселении корейцев из приграничных районов Приморья. Авторы документа пришли к выводу, что оперативная обстановка в регионе схожа с той, что была во время русско-японской войны 1904—1905 гг., когда на территории Приморской области действовало свыше 2 тыс. японских агентов из числа корейского населения, которые нанесли серьёзный ущерб русской армии и обороноспособности Владивостока¹⁹⁹. Подобные документы, очевидно, ускорили принятие решения о проведении депортации. В некоторых исследованиях как непосредственный повод для данной акции упоминается также проведённое японскими милитаристами выселение местного корейского населения

из пограничных с СССР районов Кореи (из-за опасения, что оно окажет помощь Красной Армии в случае войны). Однако какие-либо детали этой операции не приводятся²⁰⁰.

Перечень районов выселения корейцев включал следующие: Посъетский, Барабашский, Надеждинский, Молотовский, Гродековский, Ханкайский, Хорольский, Черниговский, Суйфунский, Кировский, Спасский, Шмаковский, Постышевский, Бикинский, Вяземский, Хабаровский, Калининский, Лазо, Свободненский, Благовещенский, Тамбовский, Михайловский, Архаринский, Сталинский и Блюхерово, т.е. все районы, располагавшиеся вдоль юго-восточных границ страны от Приморья до Приамурья. Одновременно численность погранвойск на прилегающих участках увеличивалась на 3 тыс. чел. «для уплотнения охраны границы». Местами вселения были названы Казахская и Узбекская ССР, руководство которых должно было самостоятельно определить районы и пункты приёма переселенцев. Предполагалось провести выселение сложившихся трудовых коллективов, хозяйств и селений. Накануне отъезда рабочим и служащим обязаны были выплатить зарплату и выходное пособие, разрешалось брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность. Желаящим выехать за границу чинить какие-либо препятствия запрещалось.

В последующих постановлениях СНК СССР от 5, 8 и 11 сентября 1937 г. определялся механизм расчетов за оставляемое колхозами имущество и небуранный урожай, выплату компенсации семьям. Предусматривался разный порядок возмещения колхозам и единоличникам: колхозам выдавались обязательства, по которым они могли получить установленную сумму по прибытии на место переселения; стоимость имущества единоличников предполагалось выдавать наличными или аккредитивами. Средства на расходы по перевозке и суточные в пути выделялись из государственного бюджета, а именно — из резервного фонда СНК СССР в сумме 62 800 тыс. руб., в среднем на одну переселяемую семью утверждалась норма расходов в 6 тыс. руб.²⁰¹

Следуя директивам Москвы, Далькрайком ВКП(б) 23 августа 1937 г. принял постановление начать с 1 сентября первую очередь выселения — из Посъетского, Барабашского и Надеждинского районов Приморской области (это были самые южные районы ДВК, находящиеся в непосредственной близости к границе, и с наиболее высоким удельным весом корейцев в составе населения), а затем и остальных приграничных районов Приморской и Уссурийской областей. 28 августа 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение Далькрайкома, приняв контрольные цифры выселяемых — 11 600 корейских хозяйств, или 61 000 чел. На завершение операции давался один месяц²⁰².

Всего на данном этапе, согласно исследованию А.Т. Кузина, с Дальнего Востока ушёл 41 эшелон с корейцами, где находились 12 144 семьи, или 59 723 чел. Организацией выселения на местах руководили районные «тройки» в составе чрезвычайных уполномоченных Далькрайкома ВКП(б),

Далькрайисполкома и краевого управления НКВД. Эшелоны формировались на железнодорожных станциях Раздольное, Галенки, Свягино, Кноринг, Ново-Бельмановка и др. Из Посьетского района корейцев вывозили на пароходах «Кречет», «Туркестан» и «Ильич», специально снятых для этого с сахалинской и камчатской морских линий. Как видно из дат принятых документов, срок подготовки к выселению первых партий людей составлял чуть больше недели.

Во вторую и третью очереди — с 24 сентября по 5 октября — было организовано выселение из районов Хабаровской и Амурской областей, включая города Хабаровск и Благовещенск. Эшелоны формировались на станциях Пристань-Ветка, Хабаровск-II, Бикин, Ванино, Хор, Завитая и др., куда людей доставляли автомобильным и гужевым транспортом, а из глубинных пунктов — на лодках, катерах, пароходах и самолетах.

По состоянию на 1 октября из ДВК было отправлено 55 эшелонов с 15 620 корейскими семьями (75 294 чел.)²⁰³, по другим данным — 74,5 тыс. чел.²⁰⁴ Таким образом, постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа и ЦК ВКП(б) от 28 августа были выполнены значительно раньше отведенного срока. А.Т. Кузин считает, что глава НКВД Ежов ускорил проведение депортации из-за опасения массовых беспорядков со стороны корейцев. Однако, несмотря на драматичность ситуации, активного сопротивления не наблюдалось²⁰⁵.

К концу этого этапа выселения руководители НКВД пришли к выводу, что его необходимо продолжить, охватив всех оставшихся в регионе корейцев. Свои доводы зам. наркома внутренних дел Чернышов изложил в докладной записке Ежову от 22 сентября 1937 г.: «Оставлять эти несколько тысяч корейцев в ДВК, когда большинство выселено, будет опасно, так как родственные связи всех корейцев чрезвычайно крепки. Территориальное ограничение проживания их на ДВК в только оставшихся районах, несомненно, отразится на их настроениях, и эти группы будут прекрасной почвой для японской работы»²⁰⁶.

В свою очередь, Ежов докладывал Сталину: «На Дальнем Востоке остаётся ещё до 25—30 тыс. корейцев*, живущих в тыловых районах и в Приморской погранзоне (Владивосток, всё Приморье, часть Сахалина, Николаевская область). Оставление в этой части корейцев на ДВК на сегодня является явно нецелесообразным и опасным. Расположенные вблизи и вокруг морских баз и укрепрайонов (Владивосток, Шкотово, Сучан, Ольга, Совгавань), эти корейцы, несомненно, являются кадрами японского шпионажа. Считаю необходимым выселить из пределов ДВК всех оставшихся там корейцев в СССР (*Казахстан. — Е.Ч.*) и УзССР, разрешив для их расселения использовать

* На самом деле, если бы Ежов судил по материалам переписи 1937 г., то он обнаружил бы, что после первого этапа депортации в ДВК оставалось ещё примерно 100 тыс. корейцев, что и подтвердили позже окончательные итоги депортации.

всю юго- и северо-западную часть КССР и северную часть УзССР. В случае положительного решения этого вопроса необходимо отпустить дополнительные средства из расчёта на 9 000 семейств (5 000 семейств второй очереди и 4 000 оставшихся)»²⁰⁷.

Второй этап депортации начался 28 сентября 1937 г. с принятием дополнительного решения СНК СССР о выселении «со всей территории ДВК всех оставшихся корейцев» в течение октября²⁰⁸. Намечалось также «очистить» от корейцев Читинскую область и Бурят-Монгольскую АССР. Смета расходов для этого этапа выселения, принятая постановлением СНК СССР от 7 октября, составляла 126 млн. руб., каждому депортанту полагалось по 5 руб. в день²⁰⁹.

Снятие с места и перевозка огромной массы людей, целых трудовых коллективов, колхозов, учебных заведений создавали крайне напряжённую ситуацию в районах выселения. В короткое время требовалось организовать передачу остававшихся на месте материальных ценностей (построек, транспорта, механизмов) соответствующим местным организациям, быстрые расчёты с людьми по зарплатам, за оставляемое имущество и т.д. В то же время необходимо было упаковать и разместить в вагонах оборудование, инвентарь, документы и другой груз, который организации забирали с собой в ссылку. Всё это, конечно, невозможно было сделать без сбоев, неурядиц, проволочек и беспорядка. Сложная обстановка складывалась на транспорте, не хватало машин, случались срывы отправки эшелонов, график движения поездов был уплотнён до предела; из-за спешки вагоны плохо подготавливались к перевозке людей. Для вывоза корейцев только из Ханкайского и Суйфунского районов потребовалось 510 теплушек, 125 платформ для скота, 4 санитарных вагона²¹⁰. Один из поездов, следовавший с корейскими переселенцами в Казахстан, 12 сентября потерпел крушение на перегоне Дормидонтовка — Хака, в результате погиб 21 и был ранен 51 чел.²¹¹ Этот эпизод использовали следователи НКВД во время массовых репрессий 1937—1938 гг. Ими были сфальсифицированы дела по обвинению ряда руководителей края, а также машиниста и главного кондуктора потерпевшего аварию поезда, которые под пытками дали показания о том, что они якобы по заданию правых троцкистов намеренно организовали крушение. На самом деле специальная техническая комиссия установила, что оно произошло от излома рельса пути²¹².

Вся операция закончилась 25 октября 1937 г., к этому времени из ДВК было выселено 36 442 семьи, насчитывавшие 171 781 чел.* Оставалось небольшое количество (около 700 чел.) корейцев в отдалённых районах на Камчатке, на путине и в командировках. Их намечалось вывезти сборным эшеленом до 1 ноября 1937 г. Из общего числа депортированных были на-

* Таким образом, депортация показала, что накануне её проведения на Дальнем Востоке находилось большее число корейцев, чем это было учтено переписью 1937 г.

правлены в Казахстан 95 256 чел. (20 170 семей), в Узбекистан — 76 525 чел. (16 272 семьи). Некоторые (по-видимому, из оставшихся 700 чел.) попали и в другие среднеазиатские республики, а 500 семейств рыбаков — в район Астрахани Сталинградской области²¹³. Некоторым корейцам всё же удалось избежать переселения. Свидетельством этому служит ряд постановлений Приморского облисполкома о приёме корейцев в советское гражданство, датированных апрелем 1938 г.²¹⁴ Перепись 1939 г. зафиксировала на Дальнем Востоке 246 представителей этой национальности, в том числе в Хабаровском крае — 142, Приморском крае — 64, Амурской области — 21, Камчатской области — 10, Сахалинской области — 9²¹⁵. Две корейские семьи на 1 июня 1940 г. состояли на учёте в трудпосёлках Хабаровского края²¹⁶.

По итогам первой тотальной этнической депортации начальник УНКВД Дальневосточного края Г.С. Люшков, весь подчинённый ему коллектив УНКВД и работники Дальневосточной железной дороги были удостоены благодарности СНК СССР и ЦК ВКП(б) «за образцовое и чёткое выполнение ответственного задания»²¹⁷.

В Казахстане и Узбекистане корейцы получили статус не спецпоселенцев, а административно высланных, они имели в своих паспортах отметки об ограничении проживания по месту высылки сроком на 5 лет, в начале 1940 г. их перевели из подчинения НКВД И НКЗема СССР в ведомство Переселенческого управления СССР. Однако властные органы не могли окончательно определиться, к какой категории принудительных мигрантов их отнести, что нашло отражение в ряде делопроизводственных документов и общей политике по отношению к корейцам в течение последующих нескольких лет²¹⁸. На практике условия жизни этих депортантов в новых местах мало чем отличались от спецпоселений, особенно на первом этапе адаптации. Значительная часть корейцев не получила обещанных компенсаций, льгот и кредитов. Например, по состоянию на ноябрь 1939 г. только по Приморскому краю осталось непогашенных обязательств на сумму 4 765 тыс. руб.²¹⁹ Принудительное переселение стало для корейцев тяжёлым физическим и психологическим испытанием. Мучительными были долгий (в среднем месячный) путь в железнодорожных вагонах и адаптация в новых местах проживания, где переселенцы столкнулись с непривычным климатом, недостатком жилья, пищи, воды, отсутствием работы, плохим медицинским обслуживанием, произволом начальства и т.д. Всё это отразилось на демографических показателях корейского населения, приведя к падению рождаемости и повышению смертности²²⁰.

Забегая вперед, следует сказать, что с окончанием 5-летнего срока ссылки директивой МВД СССР от 2 августа 1946 г. было разрешено выдавать корейцам новые паспорта без ограничений и прописывать их по месту избранного ими жительства на общих основаниях, что и стало осуществляться. Однако 3 марта 1947 г. вышла новая директива МВД СССР, в которой давалось разъяснение о порядке применения директивы МВД СССР от 2 августа 1946 г.

Теперь корейцам разрешалось выдавать паспорта только для проживания в республиках Средней Азии и в Казахстане, куда они были переселены, за исключением приграничных районов этих республик. Этой же директивой им запрещалось проживание в дальневосточных регионах²²¹. Исключение было сделано лишь для небольшой группы специалистов — членов партии, владевших корейским языком, которым в конце 1940-х — начале 50-х гг. предложили вернуться на Дальний Восток для организационной, хозяйственной и политической работы с корейцами из КНДР, завербованными в тот период в рыбную, лесную и горнодобывающую отрасли региона на основе межправительственных соглашений. Тогда из районов депортации на Сахалин прибыло около 2 тыс. таких сотрудников²²², в Приморский край — чуть больше 20 чел.²²³

К этому периоду относятся воспоминания писателя А. Кима, который родился в Казахстане: «... В 1948 г., когда части депортированных корейцев разрешили свободный выезд с места ссылки, многие из них тут же захотели вернуться на Дальний Восток, среди них были мои родители. И вот летом мы погрузились в товарные вагоны — точно такие же, наверное, в каких вывозили их в тридцать седьмом году, — и поехали в обратном направлении на восток. (...) Мы — это семей двадцать — тридцать, которые не испугались снова отправиться в «теплушках», товарных вагонах с железными печками, через всю страну. Как и в первый раз, ехать пришлось долго, больше месяца, с неожиданными остановками на каких-то станциях, полустанках, где наши вагоны катали взад-вперед, пристраивая к какому-нибудь товарному составу. (...) Время уже было другое, мы ехали назад, на Дальний Восток, по доброй воле, нас не стерёг конвой, и мы не были невольниками, и окружающий мир относился к нам совсем по-другому, чем в том проклятом для многих и многих людей 1937 г.»²²⁴

С середины 1950-х гг., т.е. после смерти Сталина, корейцам разрешили поступать в вузы, служить в армии и переселяться на Дальний Восток, постепенное возвращение их шло в неорганизованном порядке — «самотёком»²²⁵.

* * *

Идея переселения корейцев из Южного Приморья долгие годы вызрела параллельно их массовому переселению в Россию. Она была порождена теми негативными факторами иммиграции, которые создавали опасность для российских интересов на Дальнем Востоке. К их числу относились массовость и распространенный нелегальный характер иммиграции, слабая подконтрольность корейского населения властям, его высокая концентрация в приграничной зоне (Посьетский район Приморья), избыточность аграрного населения в южных районах, вызывавших недостаток земельных наделов и нездоровые земельные отношения, и т.п. Ещё в имперский период выселение корейцев в глубь региона неоднократно предлагалось в качестве основной меры по нейтрализации этих негативных факторов. Од-

нако попытки ограничить корейскую иммиграцию или выселить нелегалов не были настойчивыми и оказались почти безрезультатными. Во многом это определялось как неоднозначностью самого феномена корейской иммиграции, так и отсутствием по отношению к ней чёткой государственной политики, которую В.К. Арсеньев назвал «бессистемной»²²⁶, а современные историки А.М. Буяков и А.В. Полутов охарактеризовали как «сумбурные, некоординированные действия на разных этажах российской власти»²²⁷. В течение второй половины XIX — первой трети XX в. в действиях российского/советского государства на первый план выступали то благожелательность по отношению к корейским иммигрантам, сочувствие их судьбе, экономическая заинтересованность в их рабочих руках и земледельческом опыте, то опасения по поводу их присутствия в приграничных районах России с точки зрения геополитики и стратегической безопасности, и тогда делались попытки обуздать неконтролируемую стихию иммиграции, подчинить её государственному контролю или вовсе запретить. Чаще всего оба направления переплетались, мешая и противореча друг другу.

Советская администрация в 1929—1930 гг. предприняла реальную попытку отселения части корейцев из Приморья в Хабаровский край, в которой впервые для корейцев на советском Дальнем Востоке были опробованы не только добровольные, но и принудительные методы миграции. Однако кампания провалилась как в части добровольного, так и принудительного переселения по причине неспособности государственных органов организовать её должным образом. Но идея депортации продолжала вызревать и была реализована в тот период, когда в государстве сложился соответствующий политический режим, и власть абсолютизировала репрессивные методы управления, при этом экономическая причина выселения корейцев (необходимость «разгрузки» Приморья от избыточного корейского аграрного населения) была полностью проигнорирована в угоду политической («зачистка» приграничья). Всё это привело к тому, что и сам подход к депортации в 1937 г. продолжал меняться уже в ходе её реализации, пройдя этапы от частичного выселения корейцев из пограничных районов региона до поголовного со всей территории ДВК.

3.3. Вытеснение китайцев с советского Дальнего Востока и депортация 1938 г.

Несмотря на то, что в последние два десятка лет история этнических депортаций в СССР является предметом активного исследования, среди множества публикаций трудно найти специальный труд, посвященный выселению китайцев с советского Дальнего Востока в 1938 г. Главная причина такой ситуации заключается в отсутствии или труднодоступности необходимой источниковой базы: архивные документы, раскрывающие данную тему, либо глубоко засекречены, либо попросту уничтожены. В настоящее время

выявлен лишь небольшой массив материалов, в том числе рассекреченные «особые папки» заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)²²⁸, несколько приказов НКВД СССР²²⁹, отдельные документы в ЦА ФСБ и архивах Дальнего Востока. В них представлены директивы центральных органов власти, фрагментарная информация с мест, но, к сожалению, отсутствуют подробные сведения о ходе самой депортации и её результатах, что нашло отражение в, пожалуй, единственной работе (В. Хаустов, Л. Самуэльслн, 2010), где эти сведения вкратце суммированы²³⁰.

Историки в основном оперировали лишь двумя итоговыми цифрами, опубликованными в Японии в 1939 г. беглым начальником УНКВД по ДВК Г.С. Люшковым* и введенными в научный оборот в 1994 г. известным российским исследователем Н.Ф. Бугаев: «...на Дальнем Востоке **в ходе депортации корейцев было арестовано 11 тыс. и выселено 8 тыс. китайцев**, арестовано 2,5 тыс. корейцев, 600 поляков, несколько сот граждан немецкой национальности, латышей и литовцев, тысяча харбинцев»²³¹ (*выделено нами. — Е.Ч.*). Эти данные, в которых оказались смешанными результаты проведенных в ДВК в 1937—1938 гг. двух депортаций и нескольких операций по арестам «националов», стали источником не совсем корректных утверждений даже в весьма солидных исследованиях отечественных и зарубежных ученых (Т. Мартин, 1998; П.М. Полян, 2001; В.Н. Земсков, 2005, и др.). При этом если Т. Мартин²³² воспроизвел указанные сведения практически дословно, то П.М. Полян и В.Н. Земсков позволили себе небольшую «импровизацию», в результате которой был искажён и смысл первоисточника — арестованные группы попали в категорию депортированных: у П.М. Поляна мы находим, что вместе с корейцами были «прихвачены» 7 тыс. китайцев, по несколько сот немцев, поляков и прибалтов, около 1 000 харбинских репатриантов²³³, а у В.Н. Земскова, что среди 172 тыс. депортированных корейцев имелась «примесь» в лице 7 тыс. китайцев... (и далее по списку)²³⁴. Возможно, на основании таких публикаций молодой хабаровский историк А.В. Фролов в своей статье уверенно пишет, что корейцы и китайцы, проживавшие в приграничных районах, подлежали депортации в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г.²³⁵, несмотря

* Г.С. Люшков был назначен на должность начальника УНКВД по ДВК в июле 1937 г. после арестованных ранее Т.Д. Дерибаса и В.А. Балицкого. Узнав о том, что Политбюро приняло решение освободить его от работы на Дальнем Востоке и отозвать в центральный аппарат НКВД, он в ночь с 12 на 13 июня 1938 г., прихватив ценные документы, бежал в Маньчжоу-Го и сдался японским военным властям. Им он передал секретную информацию и продолжал сотрудничать в течение нескольких лет. Был убит в 1945 г. в конце войны Советского Союза с Японией. См.: Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Изд-во «Республика», 1992. С. 218; Буяков А.М., Полутов А.В. Дальневосточный гесс и государство-призрак // Дальневосточная панорама. Вып.1. Владивосток, 1991. С. 62 – 93.

на то, что текст постановления (см. разд. 3.2.3.) опубликован, и в нём нет ни слова о китайцах.

В литературе существуют и некоторые другие вариации по данному сюжету. Г.С. Витковская и Ж.А. Зайончковская считают, что китайцев выслали в Китай в 1937 г.²³⁶, Л.Л. Рыбаковский — что в том году вся масса китайцев вместе с корейцами была выселена с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан²³⁷, Ю.М. Галенович — что в конце 1930-х гг. в глухие районы Дальнего Востока и Казахстан было переселено более 100 тыс. китайцев²³⁸, а А.В. Дмитриев на основе сравнения переписей населения предполагает, что китайцы были депортированы во время Великой Отечественной войны и в последующий период²³⁹. Сложившаяся историографическая ситуация нашла отражение на международной научной конференции «1937—1938: апогей большого сталинского террора», состоявшейся в Париже 9 декабря 2007 г. и собравшей представителей ведущих исследовательских центров Франции, России, Германии и др. стран. На ней дискутировался вопрос, была ли в действительности депортация советских китайцев в СССР в 1930-х гг.²⁴⁰

К сожалению, следует констатировать, что большинство отечественных и зарубежных историков, занимающихся проблемой сталинских депортаций в масштабах страны, недостаточно знакомы с региональной, в частности, дальневосточной историографией. Между тем порой лишь на региональном уровне есть возможность отыскать те недостающие материалы, которые проливают свет на «тёмные» аспекты изучаемых процессов. Это в полной мере относится и к депортации китайцев в 1938 г.: интересующую информацию нам удалось обнаружить почти случайно в архивно-следственных делах репрессированных сотрудников Приморского ОУ НКВД, являвшихся в 1938 г. ответственными исполнителями проведения т.н. «китайских операций»²⁴¹. Материалам дел, на наш взгляд, можно доверять, так как они находят подтверждение в других документах, о которых сказано выше. До сих пор это единственный введенный в научный оборот источник, раскрывающий конкретные подробности «китайских операций», о чём свидетельствуют работы других авторов, опирающихся в данных вопросах на наши публикации (В.М. Песков, С. Мерит, С.А. Головин, О.В. Залесская)²⁴², и составляющие вторую группу исследований, где выселение китайцев с Дальнего Востока в 1938 г. хотя и не является предметом специального изучения, но рассматривается как самостоятельная акция, не связанная с депортацией корейцев. Трое из этих историков — дальневосточники, четвертый — исследователь из США, побывавший во Владивостоке в период сбора материалов для своей диссертации.

В этой монографии мы ставим задачу с учётом вновь выявленных архивных данных осветить некоторые подробности процесса вытеснения китайцев с советского Дальнего Востока и ход самой депортации 1938 г. Как и в предыдущем разделе, посвящённом выселению корейцев, мы рассмотрим не только саму операцию, но и её предысторию.

3.3.1. Проблемы китайской иммиграции на российском Дальнем Востоке

Не останавливаясь на широко исследованной общей характеристике китайской иммиграции на Дальнем Востоке, отметим лишь ряд её особенностей, существенных в контексте нашей проблемы. Известно, что китайские отходники в конце XIX — первой трети XX в. представляли собой один из важных источников пополнения рабочей силы в строительстве, горной и рыбной промышленности. От других восточных иммигрантов — корейцев — они отличались высокой степенью миграционной подвижности, сезонностью пребывания в России, незначительной долей перешедших в российское/советское подданство, абсолютным преобладанием мужчин. В пределах дальневосточного российского региона наибольшая часть китайцев концентрировалась в Приморье, а внутри него — во Владивостоке, где их доля в общей численности населения в отдельные годы достигала более 1/3, например, в 1906—1909 гг. она составляла 33 — 39% (24—31 тыс. чел.)²⁴³.

Приход китайцев в Россию сопровождался такими проблемами, как большие масштабы нелегальной иммиграции, специфические виды преступности (хунхузничество, хищнический сбор и вывоз биоресурсов, макосеяние, содержание опиумных и игорных притонов и др.). Практически во всех городах юга Дальнего Востока были китайские кварталы, где процветала криминальная обстановка и антисанитария. Особенно известна «Миллионка», стихийно образовавшаяся почти в самом центре Владивостока. Этот квартал представлял собой комплекс тесно стоящих строений, частично принадлежавших китайцам, с множеством входов и выходов, лабиринтом запутанных и тайных проходов, тупиковыми дворами. Там находились жилые помещения, ночлежки, харчевни, лавки, парикмахерские, опиекурильни и притоны, где часто совершались убийства и грабежи.

Российские власти предпринимали меры (к сожалению, малоуспешные) по ужесточению контроля над иммиграцией и её ограничению, в том числе путём совершенствования паспортно-визовых правил и другими методами. Кроме того, были попытки переселения или выселения иммигрантов. В сельской местности Южно-Уссурийского края китайских земледельцев выселяли с незаконно занятых ими участков, предназначенных для русских крестьян. Несмотря на то, что такие китайцы, как правило, не имели не только никаких прав на свои «домохозяйства», но и даже видов на жительство, чаще всего просто изгоняли за пределы крестьянских наделов. Но иногда сами русские поселенцы не возражали против проживания в деревне китайцев, заключая с ними незаконные арендные договоры²⁴⁴.

С конца XIX в. в дальневосточных городах стали периодически совершать облавы на беспаспортных китайцев, арестовывать нелегалов и нарушителей законов, часть из них выселять в Китай²⁴⁵. Только в 1911 г.

из Амурской области было выдворено на родину 2 692 «безбилетника», а всего по Дальнему Востоку (вместе с Забайкальем) таких лиц было выявлено 14 791²⁴⁶. Сообщения об облавах регулярно появлялись на страницах местной прессы в течение многих лет, почти не отличаясь друг от друга, о чём свидетельствуют следующие примеры. Газета «Владивосток» (1899 г.): «Ввиду массы грабежей и злодейств, произведённых в последнее время китайцами, полицией с батальоном 7 декабря произведена была энергичная облава. Поймано беспаспортных китайцев около 5 тыс. (! — Е.Ч.); из них 1,5 тыс. предполагается отправить обратно в пределы Китая, а остальные, имея ручательство в благонадёжности купцов и подрядчиков, выпущены на свободу». Газета «Дальний Восток» (1911 г.): «В ночь на 18 ноября полицией произведены обыски в занятых китайцами квартирах, причём задержано 300 безбилетных китайцев. Вчера произведена проверка их, и те, которые имеют занятия и билеты, отпущены, а остальные подлежат высылке пароходом на родину. Повальные обыски китайских квартир предприняты с целью как искоренения между китайцами азартных игр и опиекурения, так и для чистки города от тёмного китайского элемента, проживающего здесь без определённых занятий»²⁴⁷. Как будет показано ниже, не смогла обойтись без таких мер и советская администрация.

Плохая подконтрольность российским властям, закрытый характер китайских общин давали повод подозревать «восточников» и в том, что они используются в шпионаже против России. Эти подозрения особенно усиливались накануне или в период войн и имели под собой определённую почву. Как показал в докладе на международной конференции американский историк Д. Волфф, в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. «нейтральные» китайцы куда больше сочувствовали японцам, что дало возможность довольно эффективно использовать в разведывательных целях против России мелких мигрирующих торговцев²⁴⁸. В годы Первой мировой войны китайцев также рассматривали как вероятных агентов японской и германской разведок. По этой причине их целыми группами арестовывали по всей России и депортировали на родину. Действия полиции были столь активны, что правительство Китая выразило официальный протест по поводу отношения русских властей к китайцам, как к подданным враждебного государства²⁴⁹. Однако было достоверно выявлено их активное участие в содействии побегам военнопленных из Приморья и Приамурья в Китай. Исследователь В.В. Синиченко отмечает, что шпионаж превратился для китайцев в доходный бизнес, поскольку германская разведка не жалела денег на организацию в тылу России диверсионных групп с целью освобождения немецких военнопленных и уничтожения военного снаряжения²⁵⁰.

Как и в случае с корейцами российские власти никогда не знали точного числа пребывавшего в стране китайского населения из-за его высокой

миграционной подвижности, сезонности наплывов и распространённого нелегального положения. Например, по официальным данным, в 1910 г. в Приморской области находилось 65 409 китайцев, в Амурской — 32 740, т.е. всего по Дальнему Востоку (без Забайкалья) — 98 149 чел. Однако другие источники оценивали их общую численность на тот же период как превышающую 230 тыс.²⁵¹

Мало что изменилось и в советское время. В конце 1920-х гг. число незарегистрированных китайцев, по данным компетентных органов, составляло по Владивостокскому округу около 35%, Амурскому — 55%, Зейскому — 40%. В 1927 г. среди китайцев, задержанных в притонах Владивостока, документы оказались только у 25%. В сельской местности, где иммиграционный надзор был ещё хуже, эти цифры, по предположениям, — значительно выше. Нелегальный характер иммиграции в значительной степени являлся следствием высоких паспортных сборов, а также политики китайских властей, препятствовавших выезду рабочих в СССР²⁵². В справочной книге «Сибирь и Дальний Восток», выпущенной в 1926 г., сообщалось: «Китайцы (...) приходят на сезонные заработки, главным образом, на золотопромышленность, проходят через границы нелегально и таким же образом возвращаются обратно»²⁵³. Многие промышленные и аграрные предприятия Дальнего Востока проводили в Китае набор рабочих с помощью китайцев-вербовщиков. При этом, как писал в октябре 1930 г. в докладной записке руководитель Дальневосточного краевого отдела труда, «...все восточные рабочие границу переходят нелегально. Легальный переход границы имеют только китайцы-вербовщики, которые пропускались по распоряжению Комендатуры погранотряда в Полтавке и Гродеково. Имеются сведения, что во время вербовки некоторые вербовщики арестованы китайскими властями»²⁵⁴.

Советская администрация так же, как и имперская, имела лишь ориентировочное, иногда весьма далекое от действительности представление о масштабах китайской иммиграции. Характерно высказывание партийного функционера Амурской области (1933 г.): «Ни одна областная организация не имеет точного и верного учёта количества китайских трудящихся в области. Имеющиеся ходячие цифры расходятся анекдотически — от 1 400 чел. как минимум до 11 000 чел. как максимум. (...) Учёт проводится одновременно несколькими организациями (одинаково плохо)»²⁵⁵. Качество такого «учёта», очевидно, и даёт объяснение тому факту, что даже официальные сведения о численности китайцев в 1920—1930-е гг. на Дальнем Востоке существенно разнятся между собой, а для периода между 1933 и 1939 гг. практически отсутствуют, за исключением довольно скудных данных «опальной» переписи 1937 г.

Перепись 1926 г. насчитывала в ДВК (без Забайкалья) 65 тыс. китайцев, в том числе во Владивостокском округе — 43 513 чел. (67%

от суммарной численности), Амурском и Зейском — 11 311 (17,4%), Хабаровском и Николаевском — 9 224 (14,2%), Сахалинском — 679 (1,1%), Камчатском — 212 чел. (0,3%)²⁵⁶. Как и в досоветский период подавляющая их часть приходилась в ДВК на территорию, близкую к современным границам Приморского края. Предположительно, примерно такие же пропорции сохранялись до 1938 г.

О распределении китайского населения по округам и областям в 1930-е гг. говорят лишь фрагментарные сведения. В Амурской области на 18 сентября 1933 г. официально числилось 4,9 тыс. китайцев²⁵⁷, в Сахалинской области в 1931 г. — 1 231 чел.²⁵⁸, в Хабаровском округе на 1 января 1930 г. — 10 тыс.²⁵⁹, в г. Хабаровске на 1 марта 1930 г. — 4 043 чел.²⁶⁰ Во Владивостокском округе в 1929 г. было учтено 42,3 тыс. китайцев, в 1932 г. (Приморская область) — 32,6 тыс., в том числе в г. Владивостоке соответственно — 16,6 и 14,0 тыс., в г. Никольске-Уссурийском — 3,8 и 1,9 тыс.²⁶¹ В 1937 г. органы НКВД считали, что во Владивостоке их было около 10 тыс. чел.

Последние перед депортацией сведения содержатся в переписи 1937 г.: тогда в РСФСР находилось 38,5 тыс. китайцев, из них на Дальнем Востоке — 24,6 тыс.²⁶² Опубликованные материалы переписи не дают сведений о распределении всех групп китайского населения по областям ДВК, но нам удалось найти соответствующую архивную информацию о китайцах, состоявших в гражданстве Китая. Таких лиц в январе 1937 г. на Дальнем Востоке было зафиксировано 12 842, в том числе в областях: Приморской — 7196, Уссурийской — 1 888, Хабаровской — 1 609, Амурской — 1 137, Нижне-Амурской — 471, Сахалинской — 240, Еврейской автономной — 240, Камчатской — 22 чел.²⁶³ К сожалению, арифметическая разность двух показателей (всего китайского населения и граждан Китая) не может в итоге дать число китайцев — граждан СССР, так как значительная часть иммигрантов имела статус лиц без гражданства («бездокументные»).

В целом же приведённая статистика показывает, что в 1930-е гг. больше половины китайского населения в РСФСР продолжало концентрироваться в ДВК, однако явно прослеживается его уменьшение, что явилось результатом целенаправленной государственной политики.

Вопрос о наплыве «жёлтых» иммигрантов неоднократно рассматривался государственными органами разного уровня, принимались решения о прекращении притока китайцев на советскую территорию. Для достижения этой цели использовались как косвенные методы воздействия, так и прямое принуждение. Прежде всего, власти стали ограничивать частных предпринимателей и купцов, занимавших значительную долю в секторе средней и мелкой торговли региона. Одновременно ставилась задача постепенного отказа от китайской рабочей силы в промышленности.

Среди принудительных мер воздействия была ликвидация в конце 1922 — начале 1923 гг. китайских национальных союзов, существовавших в городах Дальнего Востока России с конца XIX в. и объединявших китайцев, занятых в сфере торговли и промышленности. В уставе обществ были провозглашены цели содействия согражданам в предпринимательстве, оказания им юридической, медицинской и материальной помощи, поднятия их культурного уровня и национального самосознания. В имперский период союзы действовали легально, проходя регистрацию в местных административных органах, тем не менее во многом носили скрытый характер. Исследователь А.Г. Ларин на основании китайских архивных источников показал, что эмигрантские общества втайне проходили регистрацию и утверждение в Китае, направляли туда свои отчёты, получали мандаты для председателя и его заместителей²⁶⁴. Во время революции и Гражданской войны, воспользовавшись общей неурядицей, общества практически полностью вышли из-под контроля российских властей и стали исполнять функции, далеко выходящие за пределы устава, в том числе судебно-полицейские и административные.

Кроме того, советскими спецслужбами было установлено: несмотря на то, что в политическом отношении общества формально были нейтральны, на самом деле они «...имели тесную связь с пекинским правительством и Чжан-Цзолином с целью шпионажа в пользу последних, получая от них инструкции и мандат на сей предмет», в своих информационных письмах правления союзов сообщали «как о политическом и экономическом состоянии Дальнего Востока, так и о численности, составе, настроении и вооружении Красной Армии», а также скупали оружие и отправляли его в Маньчжурию, руководили отрядами хунхузов японской ориентации и действиями китайской милиции, разрешенной во Владивостоке в начальный период советизации. Эти обстоятельства заставили ПП ГПУ по ДВК провести обыски в правлениях китайских союзов в городах Благовещенске, Хабаровске, Имане и др., в результате которых были найдены документы, переписка и другие вещественные доказательства незаконной деятельности союзов. Например, получила подтверждение информация о том, что «китайские общества на ст. Вяземской и Бикин Уссурийской железной дороги служили явочными пунктами шпионов, руководили шпионажем и переотправляли добытые сведения Чжан-Цзолину. Китайское военное командование подробно информировалось ими о политическом состоянии края и ходе военной операции Красной Армии в районе Иман — Спасск...» Одновременно с обысками по всему Дальнему Востоку было арестовано 302 члена правления китайских союзов, которым предъявили следующие обвинения: шпионаж в пользу Чжан-Цзолина, порка в стенах общества сочувствующих советской власти и членов китайских рабочих организаций, поощрение взяточничества представителей русской милиции, выдача загранпропусков (легитимных билетов)²⁶⁵.

Китайские рабочие в переплетной мастерской редакции газеты «Дальний Восток». Владивосток. 1917 г. Автор: Смутьский И.Ф. // ПГОМ. МПК 4064. Ф 6698

Лесорубы на молевом сплаве леса. Приморье.
1920-е гг. Автор: Гершков М. // ПГОМ. МПК 2725—33а. Ф 9819

Китайский базар на берегу Амурского залива. Владивосток.
1927—1934 гг. // ПГОМ. МПК 3943—8. Ф. 13270

Здание «Миллионки» на ул. Семеновской г. Владивостока.
1933 г. // ГАПК. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4. Л. 16

Китайская харчевня на ул. Семеновской г. Владивостока.
1935 г. // ГАПК. Фотоальбом №10. Фото 50

Китайский гадалщик. «Миллионка». Владивосток.
1933 г. // ГАПК. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4. Л. 25

Один из внутренних дворов «Миллионки». Владивосток.
1933 г. // ГАПК. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4. Л. 16

Притон морфинистов в «Миллионке». Владивосток.
1933 г. // ГАПК. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4. Л. 21

Притон опекурения в «Миллионке». Владивосток.
1933 г. // ГАПК. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4. Л. 22

Арест руководства китайских союзов заставил китайскую сторону искать другие формы шпионажа на советском Дальнем Востоке. Например, в Приамурье в апреле 1923 г. он проводился под прикрытием китайского Красного Креста, представители которого были арестованы с поддельными документами²⁶⁶.

К весне 1923 г. китайские торговые общества и союзы на Дальнем Востоке формально были закрыты, однако нелегально они продолжали действовать под другой вывеской. По сообщению ПП ОГПУ ДВК от 9 марта 1927 г., во Владивостоке такая организация имела легальный статус общества взаимопомощи. Она объединяла китайских купцов и ремесленников, координировала действия по борьбе с советским торговым капиталом, объединяла мелких служащих китайских торговых предприятий с целью воспрепятствовать вовлечению их в профсоюзы и другие рабочие организации²⁶⁷.

Политика советских властей в сфере предпринимательства делала своё дело. С конца 1920-х гг. стал наблюдаться массовый отток иммигрантов. Китайская «Харбинская газета» 9 марта 1928 г. писала: «Одно лицо, прибывшее в Харбин на днях из Владивостока, рассказывает, что за последнее время русские власти всеми силами ограничивают китайских граждан во Владивостоке. Под предлогом неправильности постройки, что нарушает правила гигиены, они принудили закрыть эксплуатировавшиеся китайскими коммерсантами маслобойные заводы и хлебные магазины. Затем, ссылаясь на несоблюдение торгово-промышленных правил, они опечатали свыше 20 универсальных магазинов китайских граждан. Кроме того, властями арестовано свыше 50 чел. китайских граждан, которые заключены в тюрьму и приговорены к тюрьме на сроки от 7 — 8 мес. до 1 года»²⁶⁸. Эта информация находит подтверждение и в советских источниках — в одном из документов (1929 г.) говорилось о кампании «нажима на китайские нетрудовые элементы», который включал в себя налоговый пресс, отказ в снабжении продуктами питания, выселение значительного количества китайских купцов за границу, «...ликвидацию всякого рода преступной деятельности со стороны китайского торгового элемента и ликвидацию в связи с этим многих контрабандных центров, валютных банковок, притоносодержания и т.п.»²⁶⁹.

Аналогичный процесс наблюдался и в Приамурье. В сентябре 1928 г. из Благовещенска в Китай ежедневно выезжало по 20—25 чел. В оперативной сводке Амурского окружного подотдела уголовного розыска от 20 сентября 1928 г. сообщалось: «Причиной выезда служит будто бы то, что торговцам нельзя достать товар для торговли, что ремесленникам, а особенно сапожникам не отпускается кожа, что рабочие боятся хлебного кризиса. По мнению большинства китайцев, на советской территории, благодаря нехватке хлеба, буде «шибко худо», что теперь жизнь уравнилась: что в Благовещенске, то и в Сахалине, — одинаково»²⁷⁰.

Предприниматели пытались приспособиться к новым условиям, например, создавали лжеартели в рыбной промышленности и общепите,

капитал которых на самом деле принадлежал одному или нескольким частным лицам. Но в основном к 1930-м годам китайский бизнес был свернут.

На отток китайцев в эти годы повлиял также советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. Согласно исследованию Н.Н. Аблажей в ответ на действия властей Китая (аресты и депортацию советских граждан) ОГПУ распорядилось провести такие же массовые (1—1,5 тыс. чел.) аресты китайских граждан в Сибири и на Дальнем Востоке, осуществить «зачистки от контрреволюционного элемента» пограничной полосы и районов, прилегающих к железным дорогам, а также выслать из СССР китайских граждан в количестве, соответствующем аналогичной акции в Китае (354 чел.)²⁷¹. В отличие от российской исследовательницы китайский историк Бу Цзюньчжэ, на которого ссылается О.В. Залеская, считает, что только из Читы на ст. Маньчжурия в 1929 г. было выслано 1 300 китайских мигрантов, в основном предпринимателей²⁷². После урегулирования конфликта и восстановления статус-кво на КВЖД арестованные в обеих странах были освобождены.

В этот время иммигранты и сами в массовом порядке выезжали на родину. Как выяснилось на собрании китайских рабочих, организованном 18 августа 1929 г. в китайском театре Владивостока (присутствовало свыше 600 чел.), главными причинами отъезда были слухи о мобилизации китайских рабочих в Красную Армию либо на принудительные работы, о том, что «китайцев по примеру русско-китайской войны в прошлом будут топить в Амуре», а также проблемы продовольственного снабжения²⁷³.

Если вытеснение китайских предпринимателей было успешным, то решение другой стратегической задачи государственной политики — постепенного отказа от китайской рабочей силы — вошло в противоречие с потребностями дальневосточной экономики, главным образом золото- и угледобывающих предприятий. В условиях острого дефицита трудовых ресурсов они не могли обходиться без вербовки рабочих в Китае. Поэтому, когда на рубеже 1920 и 1930-х гг. начался массовый выезд китайских иммигрантов, дальневосточные власти в срочном порядке стали предпринимать меры по удержанию рабочих, в числе которых были выявление и аресты «распространителей провокационных слухов», усиление «разъяснительной кампании», улучшение питания, организация бесперебойной выплаты иностранной валюты и т.д.²⁷⁴ Тем не менее текучесть «восточников» приняла значительные масштабы, например, в угольной промышленности их удельный вес на предприятиях края снизился с 17% в 1929/30 г. до 2,2% в 1930/31 г.²⁷⁵ В 1930-е гг. для восполнения дефицита трудовых ресурсов в добывающей промышленности региона государство направило большие контингенты спецпереселенцев (см. разд. 2.1.), а также организовало плановое переселение рабочих из европейской части страны, кроме того, сами предприятия занимались вербовкой кадров в других регионах. И только тогда зависимость дальневосточной экономики от иностранной рабочей силы стала существенно уменьшаться. При этом китайские трудящиеся не переставали рассматриваться как объект советского воспитания, в течение 1920—1930-х гг. проводилась

политика их вовлечения в общественно-политическую жизнь края, повышения образовательного уровня и т.д.²⁷⁶

Это не исключало принятия мер, направленных против распространения специфических видов китайской преступности, особенно — притоносодержательства и контрабанды. Однако действия государственных органов в этом направлении не всегда были последовательны и эффективны. Так, в 1931 г. прокуратура г. Владивостока предприняла попытку очистить город от спекулянтов, «тёмных дельцов» и притоносодержателей, арестовав свыше 100 чел. Но краевая прокуратура отменила решение об их высылке²⁷⁷.

В одном из документов того времени (ориентировочно 1929 г.) даётся следующая характеристика криминальной сферы восточных иммигрантов: «К числу особо вредных социальных аномалий, наиболее распространённых среди китайцев и корейцев, относятся: опиекурение, макосеяние с целью добычи опия и содержание притонов (морфиниловок, проституции, игорных домов и пр.), а также содержание нелегальных ночлежек, предоставляющих приют бесписьменным корейцам и китайцам. Борьба с притоносодержательством осложняется тем, что фактические содержатели притонов, живя на стороне от них, оперируют организованной сетью подставных лиц, с которыми и приходится иметь дело работникам милиции (...), главные же виновники (...) остаются безнаказанными и продолжают свою преступную работу. Затруднение по выявлению подлинных содержателей притонов осложняется сугубой конспирацией среди корейцев и китайцев, отчасти из-за боязни широко практикующейся мести со стороны целой организации и отчасти в силу личной заинтересованности. Это обстоятельство ведет к тому, что ликвидированный притон через небольшой промежуток времени возникает вновь и зачастую в том же самом помещении...»²⁷⁸

В 1920—1930-е гг. в редком номере приморской партийной газеты «Красное знамя» не было сообщения о том, что милиция «накрыла» очередной китайский притон. Но этот вид правонарушений продолжал процветать. Только за первое полугодие 1931 г., по официальным сведениям, во Владивостоке было открыто 70 картёжных притонов и 125 опиекурилен. Основными клиентами этих заведений были рабочие Дальзавода и грузчики Совторгфлота. Члены бригады Владивостокского ГК ВКП(б), обследовавшей в 1931 г. деятельность милиции, суда и прокуратуры в отношении проведения национальной политики, в своей итоговой докладной отмечали: «Знаменитая «Миллионка» раскинула свои щупальца через различные притоны, всеми способами выкачивая из китайских трудящихся трудовые гроши. Пройдитесь вечерком по «Миллионке» — и через тёмных дельцов к вашим услугам: водка, опий, карты, проституция, хиромантия и прочие «прелести». В чём заключается борьба с притонами? Задерживается притоносодержатель, налагается на него штраф, или в лучшем случае, если удастся его определить как хозяина, 6 мес. принудительных работ, — и это все, а на другой день десятки притоносодержателей опять изощраются во всяких фокусах. (...) А рабочие идут в другие притоны...»²⁷⁹

Из года в год ситуация не менялась. В докладной записке Приморского областного управления ОГПУ от 1 сентября 1933 г. сообщалось, что в «Миллионке» насчитывалось 75 притонов, в том числе «...опиекурилок — 36, при которых имеется 83 трубки и плюс 146 лампочек, морфиниловок — 28 с 98 шприцами, притонов проституции — 2, скупки краденых вещей — 5, шинкарства (торговли спиртными напитками) — 4. (...) Кроме того, там же гнездятся и крупные контрабандисты, (...) просто спекулянты и торговцы из-под полы, питательные ларьки, лица, специально занимающиеся переотправкой людей за границу — валютчики, притоны воров и воров рецидивистов. (...) Разлагающее влияние [«Миллионки»] на рабочую массу в последнее время настолько выросло, что ежедневно можно насчитать десятки случаев невыхода рабочих на работу в предприятиях, в особенности по разгрузке пароходов, рыбных промыслов и отправки пароходов в заграничное плавание лишь потому, что в данных отраслях преимущественно работают восточники, которые благодаря квартирному кризису, попадают в объятия «Миллионки» (...). Отсюда вопрос разгрома «Миллионки» требуется [решить] в самые ближайшие дни, несмотря на то, что при данной операции необходимо будет репрессировать десятки китайских подданных как притоносодержателей»²⁸⁰.

Власти неизбежно приходили к выводу, что без ликвидации китайских кварталов победить специфические виды китайской преступности очень сложно. В 1932 г. Президиум ДКИК «для улучшения материального и культурно-бытового положения китайских трудящихся в целях закрепления их на производстве» разработал ряд мер, в том числе постановил: «Категорически предложить Краймилиции под ответственность начальника краймилиции тов. Слонимского, Крайпрокуратуре в двухнедельный срок разработать конкретные мероприятия по ликвидации китайских кварталов в городах, созданных национально-угнетательской политикой царизма, и всевозможных притонов...»²⁸¹

Более эффективной мерой по сдерживанию нелегальной иммиграции и связанной с ней негативных факторов была охрана границ, которой с конца 1920-х гг. государство стало уделять всё большее внимание. Возрастали полномочия ОГПУ в выселении нелегальных иммигрантов. В 1930—1931 гг. с началом военных акций японской армии в Маньчжурии советские власти закрыли свои границы на Дальнем Востоке и запретили въезд иммигрантов. Исключение составляли только лица, имевшие специальные приглашения официальных инстанций²⁸². Все остальные, пересекавшие границу, считались её нарушителями или перебежчиками. Усиление погранохраны оказалось своевременной мерой не только в связи с незаконной иммиграцией, но и потому что в 1930-е гг. на дальневосточных рубежах страны участились случаи японского шпионажа, диверсий и провокаций. Частыми нарушителями границы были китайцы и корейцы. Политические и военные руководители края неоднократно сообщали в Москву об активном использовании восточных иммигрантов разведотделом Квантунской армии. В 1935 г., т.е. ещё до начала массовых фальсификаций следственных дел, из 73 чел., осуж-

дённных Военным трибуналом ОКДВА за шпионаж в пользу Японии, было 10 китайцев, в 1936 г. — 22 из 78²⁸³.

Контролю над иммигрантами могла бы способствовать и их регуляризация, т.е. предоставление «бездокументным» иностранцам законного статуса. Необходимость этого была осознана советским руководством после проведения массовой паспортизации населения СССР в 1933—1934 гг. (см. разд. 3.1.), когда в ДВК было выявлено большое число китайцев, не имевших ни советских, ни китайских документов, ни разрешений на проживание в СССР. В связи с этим в НКВД СССР была разработана подробная секретная инструкция № 24518 «О порядке оформления гражданства китайцами, проживающими на территории Дальневосточного и Восточносибирского краёв» от 15 июля 1935 г., направленная для исполнения в УНКВД ДВК и ВСК. В ней предлагалось по договорённости НКВД и Китайского посольства провести силами китайских консульств в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске и Чите перерегистрацию китайцев, имевших право на китайское гражданство, но не выбравших соответствующих документов. Отделы исполкомов по работе с иностранцами указанных городов обязаны были по просьбе консульств проверить, не были ли приняты те или иные конкретные лица в советское или российское гражданство за время их пребывания в России. Для разрешения вопросов о признании или непризнании китайского гражданства данных лиц во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске и Чите создавались специальные «тройки» с участием представителей НКВД, которые должны были выносить свои решения в течение пятидневного срока. В конечном итоге требовалось подтвердить либо китайское, либо советское гражданство лиц, обратившихся в инстанции, выдать им соответствующие паспорта и при необходимости — виды на жительство. В случае если китайские граждане выражали желание получить гражданство СССР, то это оформлялось в общем установленном порядке. На всю кампанию давался 6-месячный срок, по истечении которого китайцы, проживавшие в ДВК без национальных паспортов и видов на жительство, должны были привлекаться к ответственности, но это не служило основанием для признания их советскими гражданами. Им предоставлялся ещё один месяц для оформления гражданства, в противном случае выдавалась «привесная виза на выезд из пределов СССР».

В инструкции был специальный пункт о «лицах, признанных общественно-опасными, и прочих, дальнейшее пребывание которых на территории СССР нежелательно даже при наличии документов об их бесспорном китайском гражданстве». Таким людям предписывалось выдавать визы на выезд из СССР в Китай или Маньчжурию (по их желанию). При этом отмечалось: «Необходимо, однако, иметь в виду, что высылка вышеуказанных категорий китайских граждан не должна носить характера массового выселения или характера репрессии в отношении китайских граждан, проживающих на Дальнем Востоке. Каждый отдельный случай такой высылки

должен согласовываться с уполномоченным НКВД и входит в силу только по постановлению ОСО при НКВД»²⁸⁴.

По мнению краевых руководителей НКВД, использование этого пункта было особенно важно для завершения проводимого в это время «...оперативного нажима на китайские колонии в целях выявления консульских шпионских связей и разгрома базы консульства Маньчжоу-го, перешедшего на массовое использование китайцев по линии шпионажа»²⁸⁵.

К сожалению, мы не располагаем материалами о том, сколько «бездокументных» китайцев смогли легализовать своё положение на основании действия данной инструкции. Согласно исследованию О.В. Залесской, несмотря на усиление пропаганды вступления в советское гражданство среди китайских трудящихся, численность изъявивших это желание была невелика. Так, президиум Приморского облисполкома 4 и 20 апреля, 26 декабря 1935 г., 7 октября и 3 декабря 1936 г., 3 апреля и 3 июня 1937 г. удовлетворил соответствующие ходатайства в общей сложности 446 китайцев²⁸⁶.

Постепенно приток китайцев в край стал ослабевать, и их численность сокращалась. По мере обострения международной обстановки, особенно в связи с подписанием Японией антикоминтерновского пакта, советское руководство ужесточало режим пребывания в регионе не только для иностранных, но и для своих граждан, проводя периодические «превентивные чистки». В течение 1930-х гг. отсюда принудительно были выселены десятки тысяч советских жителей, считавшихся неблагонадёжными²⁸⁷ (см. разд. 3.1., 3.5.).

3.3.2. Ликвидация «Миллионки»

В числе мероприятий по «очистке» Приморской области была и ликвидация владивостокской «Миллионки». По-прежнему ряд домов в этом микрорайоне принадлежал китайским собственникам, однако сами владельцы выбыли в Китай ещё в начале 1920-х гг., передав управление недвижимостью своим доверенным лицам. К наиболее крупным домовладениям относились объединённые в кварталы так называемые Большая и Малая «Миллионки», находящиеся в центре города на улицах Колхозной, Пекинской и Корейской, а также некоторые другие дома вне квартала на улицах Уткинской, Батарейной, Набережной, 25-го Октября.

В основном эти здания были каменные, но квартиры в них перегороджены фанерой и досками на множество комнаток, сдававшихся внаём неприятельным жильцам-китайцам. Вокруг домов были построены «клетушки» из разного подсобного материала. В помещениях площадью 4—5 кв.м. обычно стояли двойные нары, на которых обитали по 10—15 человек. Как правило, прописывались в этих домах только квартиросъёмщики. Остальные жильцы никакой регистрации не проходили. По сути, это были нелегальные ночлежки. В силу этого в них по домовым книгам значилось по 150—200 чел., фактически же проживало по 400—500. В частности, в мае 1936 г. только в

шести домах «китайского квартала» по прописке проживало 1 408 чел., из них 1 165 китайцев, 223 русских (среди русских в основном были женщины, сожительствовавшие с китайцами), 20 корейцев. Но сверх этого предположительно обитало ещё не менее 2 500 чел.²⁸⁸

За долгое время эксплуатации дома в «Миллионках» пришли в ужасающее антисанитарное и аварийное состояние. Они годами не ремонтировались, межэтажные перекрытия прогнили и грозили обвалом. Многочисленные деревянные и фанерные перегородки создавали опасность возникновения пожаров, усугублявшуюся тем, что «комнаты обогревались железными печами с железными трубами, проходящими сквозь деревянные переборки» (из акта обследования гос. сан. инспектором дома на Уткинской, 8)²⁸⁹.

Китайские кварталы характеризовались органами власти не только как антисанитарные и пожароопасные районы, но и как представлявшие угрозу государственной безопасности, будучи довольно изолированными и плохо контролируемыми местами скопления иностранцев, нелегалов, сомнительных и криминальных лиц. По словам начальника Приморского ОУ НКВД Я.С. Визеля, «Миллионка» являлась «...убежищем всего преступного и бездокументного элемента, всех прибывающих из-за границы контрабандистов и японских шпионов, причём последние в этих же домах получали все интересующие их сведения, поскольку сталкивались с лицами, работающими в государственных организациях и даже на военных объектах»²⁹⁰. В спецсообщении от 29 марта 1936 г. Визель информировал руководителей Приморской области о том, что в январе — марте 1936 г. Особый отдел ТОФ обезвредил группу китайцев (12 чел.), прибывших на советскую территорию по заданию японской разведки для сбора сведений об обороноспособности Приморья. От них были также получены сведения о деятельности в области около 100 японских агентов, которые для своей «легализации» широко пользовались поддельными документами и справками, легко приобретаемыми в «Миллионке» и других «преступных китайских очагах»²⁹¹.

Скорее всего, именно такого рода материал лёг в основу телеграммы начальника УНКВД по ДВК Дерibasа (к сожалению, текст телеграммы не известен), по которой 17 апреля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление: «Предложить т. Дерibasу ликвидировать «Миллионку» малыми порциями под тем или иным соусом в течение 4—5 месяцев, т.е. к осени сего года»²⁹².

В мае 1936 г. Приморское ОУ НКВД приступило к выполнению задачи. Делалось это, во-первых, путём арестов бездокументных иностранцев, уголовников и притоносодержателей, во-вторых — изъятием домов из частного владения китайцев и дальнейшей их передачей в арендное пользование или продажей советским организациям. Первыми объектами акции стали два дома — на ул. Батарейной, №2 и ул. Пекинской, №5, откуда все жильцы были выселены, а помещения опечатаны²⁹³.

Однако эти действия вызвали бурное недовольство оказавшихся на улице жильцов, а посольство Китая в Москве направило две ноты в НКВД

СССР от 26 мая и 4 июня 1936 г. за №№ 643/86 и 670/36. События выходили на уровень межгосударственных отношений и вынуждали руководство страны предпринимать шаги по сглаживанию ситуации. На заседании 17 июня 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) снова обсуждало вопрос «О ликвидации «Миллионки» во Владивостоке». Был утверждён проект ответа НКВД Китайскому посольству. Кроме того, Дерибасу давалось распоряжение «...дальнейшую ликвидацию «Миллионки» производить с большей осторожностью, не давая оснований к обвинениям, что это мероприятие носит исключительно характер против китайцев. Сроки и порядок выселения согласовать с НКВД с тем, чтобы с ликвидацией «Миллионки» закончить не позже этого года». Одновременно Владивостокскому горсовету предлагалось «...снабдить жилплощадь всех тех китайских граждан, которые были или будут выселены из домов «Миллионки» и которые проживали там на законных основаниях и не совершали никаких преступлений»²⁹⁴.

НКВД в своём ответе Китайскому посольству объяснял, что главными причинами выселения жильцов из указанных домов были не негативное отношение к китайцам, а критическое состояние зданий и криминальная обстановка в них. «В течение многих лет, — говорилось в ноте, — местные власти неоднократно предупреждали управляющих домовладениями о необходимости ликвидировать антисанитарное состояние домовладений, обеспечить их в противопожарном отношении и прекратить незаконное проживание в них различных преступных элементов. Эти предупреждения, однако, не дали никаких положительных результатов. Вследствие этого 6 мая текущего года местные власти произвели обследование упомянутых домовладений, составили акт об их состоянии и предложили управляющим домовладений устранить все отмеченные в акте недочёты к 15 июня 1936 г. Ни управляющие домовладениями, ни жильцы не предприняли, однако, никаких мер к тому, чтобы к назначенному сроку привести домовладения в надлежащий вид. Кроме того, в домовладениях вновь был обнаружен ряд уголовных преступников, незаконно проживающих и скрывающихся в притонах, которые, как оказалось, продолжали существовать в этих домовладениях. Ввиду такого положения власти были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам и очистить дом № 2 по Батарейной улице (...). Что касается дома № 5 по Пекинской улице, то (...) управляющий этим домовладением ещё в мае, после обследования дома специальной комиссией Владивостокского городского совета, предложил всем жильцам освободить помещение в связи с предстоящим ремонтом дома. Вследствие отказа жильцов дома выселиться, управляющий обратился в Управление милиции с письменной просьбой оказать ему содействие в выселении жильцов из подлежащего ремонту дома. Поскольку дальнейшее проживание жильцов в доме № 5 по Пекинской улице, вследствие его состояния, было признано невозможным, Управление милиции произвело переселение как советских, так и китайских граждан — жильцов этого дома в другие помещения». Народный комиссариат иностранных дел СССР выражал уверенность, что будут предприняты все

меры для того, чтобы нанести возможно меньше ущерба китайским гражданам и обеспечить жилой площадью всех тех, кто законно проживал в ликвидированных домовладениях²⁹⁵.

Операция по очистке «Миллионки» продолжилась. Кроме двух первых были ликвидированы также китайские домовладения на ул. Корейской, 12, Колхозной, 3 и 8, Уткинской, 8. Эти действия проходили необходимую процедуру документального оформления. Так, вопрос о доме № 8 на ул. Уткинской заслушивался на заседании Президиума Владивостокского горсовета 16 мая 1936 г. Президиум констатировал, что здание, принадлежавшее гражданину Ли Ки Зину, находилось в непригодном для эксплуатации состоянии как в техническом, так и в санитарном отношении. Владелец или его доверенный во Владивостоке отсутствовали. За домовладением значилась задолженность по налогам за период с 1 октября 1933 г. по 15 мая 1936 г. в сумме 21 000 руб., поэтому дом за недоимки был выставлен на торги (вскоре его купила воинская часть). Принятое постановление обязывало начальника областной милиции в течение 15 дней освободить от жильцов дом, а в течение месяца — лачуги, находившиеся рядом (они подлежали сносу). Будущим новым владельцам дома предписывалось «немедленно произвести необходимый ремонт и только в том случае допустить проживание в нём». Тогда же был заслушан вопрос о китайской бане, расположенной на ул. Корейской, 12. Президиум постановил немедленно закрыть её «за антисанитарное и совершенно непригодное в техническом отношении состояние», опечатать и выселить из неё жильцов²⁹⁶.

К 1 ноября 1936 г. четыре из вышеназванных дома были полностью, а два дома — частично, освобождены от прежних жильцов. В них органы НКВД ликвидировали 97 притонов, по которым репрессировали 807 чел.²⁹⁷ К сожалению, мы не можем сейчас проверить, насколько аргументированными были обвинения против арестованных китайцев. Но отметим, что в это время государственный террор ещё не достиг своего максимального размаха и разгула фальсификаций. Поэтому можно предположить, что большей частью аресты имели под собой основание, тем более что Дерибас получил указание Политбюро проводить ликвидацию «Миллионки» с осторожностью. По крайней мере, известны случаи, когда неправомочные действия должностных лиц по отношению к китайцам пресекались вышестоящими органами. Так, 2 декабря 1936 г. Президиум Владивостокского горсовета рассмотрел и удовлетворил жалобу китайского гражданина Чжан Цзя Пиня относительно изъятия у него фининспектором РайФО паспорта, переданного затем в милицию. Президиум расценил действие инспектора как «незаконное, граничащее с нарушением революционной законности и превышением власти», отметил «недопустимое затягивание и формально-бюрократическое отношение к разбору этой жалобы в Ленинском райсовете». Паспорт владельцу был возвращен, а инспектору объявлен строгий выговор с предупреждением, что «в случае повторения подобных действий будет снят с работы и привлечен к судебной ответственности»²⁹⁸.

В декабре 1936 г. начальник Приморского ОУ НКВД Я.С. Визель информировал секретаря Приморского областного комитета ВКП(б) Мякинена: «На сегодня ни большой, ни малой «Миллионка» не существует. Все эти дома к данному времени в большей части отремонтированы и заняты служащими и рабочими организаций, арендовавших дома. (...) За время с 1 января по 1 декабря 1936 г. выехали в Китай 4 202 чел., в том числе до 1 мая — 672 чел. и с 1 мая, т.е., с начала проведения опермероприятий по «Миллионке», — 3 682 чел. Несмотря на проведённую чистку области от указанного элемента, мы и на данное время ещё имеем большое количество китайцев, не имеющих никаких документов и нигде не работающих, что подтверждается проходящей перерегистрацией китайского населения. Так, например, из прошедших перерегистрацию 2 986 чел. — 690 чел. не имеют никаких документов и 287 чел. не имеют видов на жительство, причём, как правило, все эти лица живут в СССР от 3 до 10 лет и никогда не имели соответствующих документов»²⁹⁹.

События последующих двух лет показали, что довольно значительное число китайцев продолжали проживать во Владивостоке, по-прежнему концентрируясь в районе «китайских кварталов» или вокруг него. Таким образом, «Миллионка», не как домовладения, а как общественный феномен, в 1936 г. полностью ликвидирована не была. Однако проведённая операция стала серьёзной встряской для китайских иммигрантов, особенно тех, кто не имел необходимых для проживания в СССР документов. Часть из них была арестована, другая предпочла возвратиться в Китай, третья разбежалась по окрестностям.

В конце июня 1936 г. Визель побывал с инспекторской проверкой в колхозах и пригородных хозяйствах области и её результаты изложил в докладной записке на имя Дерибаса и секретаря Приморского обкома ВКП(б) Таныгина. Проверкой было обнаружено, что во многих сёлах живут и работают бездокументные китайцы, в том числе и бежавшие из «Миллионки». Особенно часто их труд использовался в слабых хозяйствах, там, где не хватало рабочих рук. Например, в колхозе им. Лазо, где состояло в членах колхоза 19 русских, 7 корейцев и китайцев — советских граждан к началу посевной 1935 г. председатель завербовал 42 китайских гражданина и даже зачислил их в члены колхоза, наделив землёй. К концу года из них осталось лишь 19, а остальные, собрав урожай со своих индивидуальных огородов и получив начисления за трудодни, из колхоза ушли, некоторые выехали за границу. Весной 1936 г. были завербованы ещё 26 чел., у которых либо не было никаких документов, либо документы были просрочены. Их прикрепили к китайской полевой бригаде в качестве наёмных рабочих. Во время проверки Я.С. Визель распорядился всех беспаспортных китайцев из колхоза исключить и из района выселить. Что касается приёма китайцев, не являвшихся гражданами СССР, в члены колхоза, то он считал это совершенно недопустимым, так как в этом случае за иностранцами закреплялась земля, которую колхоз получил в вечное пользование от государства. Кроме того,

в случае войны Советского Союза с государством, чьими гражданами являлись колхозники, они неизбежно должны были быть интернированы. И, наконец, эти члены колхоза находились под контролем и защитой своего консульства. В качестве примера вмешательства в дела колхоза Визель имел копии двух официальных отношений китайского генерального консула, посланных в адрес колхоза им. Лазо, в которых излагалась просьба о скорейшем расчёте китайцев — членов колхоза, собиравшихся выехать на родину.

Другой колхоз — «Красный восточник» — официально числился в Шкотовском районе как целиком состоявший из китайских граждан. Несмотря на это, земля была закреплена за колхозом навечно и вручен акт. При проверке оказалось, что фактически в нём было не 18 (как считалось), а 37 колхозников, из них: 1 китаец и 2 кореянки — советские граждане, 4 китайских подданных, документы которых в порядке, 14 граждан Китая с просроченными документами, 1 человек, подавший заявление о переходе в советское гражданство, 15 китайцев, не имевших никаких документов. Все они работали в этом колхозе не более 3 лет, из них 29 человек жили без прописки.

В своей докладной записке начальник Приморского ОУ НКВД писал: «Ознакомившись с посевами данного колхоза, я установил весьма добросовестное отношение к труду и поэтому стал перед фактом, что разгонять этот колхоз как бесдокументных (*так в тексте.* — Е.Ч.) нецелесообразно, и решил, что необходимо всех китайцев убедить в необходимости принятия советского подданства и оставить этот колхоз как национально китайский, но состоящий только из советских подданных. Беседа с колхозниками выявила, что они все охотно приняли бы советское подданство, но из районных властей никто с ними никогда об этом не говорил, и поэтому они до сего времени оставались частью вне подданства, частью в китайском подданстве»³⁰⁰. На следующий же день после проверки Визель послал в колхоз инспектора иностранной регистратуры с фотографом и оформил принятие 33 чел., подавших ходатайство, в советское гражданство.

В колхозе им. Калинина (с. Угловое) после массового ухода колхозников в 1933 г. оставалось только 14 хозяйств, в основном принадлежавших людям преклонного возраста. Из-за нехватки рабочей силы колхоз систематически нанимал от 5 до 10 китайцев. Наём на работу беспаспортных китайцев широко практиковался также в подсобных хозяйствах различных учреждений. В ЛПХ Ворошиловского завода (с. Новохатуничи) такая бригада из 9 чел. на 12 га земли выращивала для хозяйства огородные культуры. Но, кроме этого, на выделенной под индивидуальные огороды земле китайцы посеяли опийный мак. Они были арестованы. Такая же участь постигла 13 беспаспортных китайцев в д. Стеглянухе, которые сеяли опийный мак и содержали приюты опиекурения. В совхозе ОРСа Дальзавода по договорам работали 44 беспаспортных китайца, в пригородном хозяйстве артели «Пищевкус» (с. Угловое) — 37 чел. Аналогичное положение было в пригородных хозяйствах Артемовской больницы и ОРСа треста «Приморзолото». Характерно, что директор хозяйства «Пищевкус» и председатель сельсовета после инспекции

подали на имя председателя облисполкома жалобу, что НКВД срывает им план сева, и просили оставить на работе беспаспортных китайцев.

Визель обращал самое серьёзное внимание руководителей края на то, сколь остра была проблема пребывания в крае бездокументных китайцев и на необходимость принятия соответствующих мер³⁰¹. При этом, как видим, он не считал обязательными принудительные меры воздействия, а вполне допускал принятие китайцев в советское гражданство при условии «их добросовестного отношения к труду».

Однако на уровне центральной власти, как отмечено выше, позиция по отношению к т.н. «националам» круто менялась. Этнические группы были вовлечены в вакханалию Большого Террора и массовых принудительных переселений. Состоявшаяся осенью 1937 г. депортация корейского населения освободила регион от присутствия одной крупной азиатской общины, после чего государство обратило свои действия на другую.

3.3.3. Массовые операции по арестам китайцев (декабрь 1937 — март 1938 г.)

В отличие от корейской операции акции против китайского населения начались не с депортации, а с массовых арестов. Мы полагаем, что основной причиной этого был высокий уровень нелегальной иммиграции китайцев и её криминальный характер. Несомненно, деятельность местных управлений НКВД направлялась из Центра. К сожалению, пока не известны подробности принятия политическим руководством страны и центральным аппаратом НКВД соответствующих решений. Выявленные материалы позволяют лишь пунктирно выстроить цепочку директивных указаний.

Приказом НКВД СССР № 00693 от 23 октября 1937 г. в целях решительной ликвидации возможностей проникновения в СССР агентуры противника под видом перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств их перехода, требовалось всех их арестовывать и подвергать самой тщательной и всесторонней следственной проработке. Перебежчики, разоблачённые как агенты иностранных разведок, предавались суду Военной коллегии или военных трибуналов. Те, кто не признавался в шпионаже, всё равно подлежали заключению в тюрьмы ГУГБ или лагеря через представление следственных дел на Особое совещание³⁰².

Первая «китайская» операция была проведена в ДВК в конце 1937 г. по указанию наркома внутренних дел Ежова, который 22 декабря отправил новому начальнику УНКВД по ДВК Г.С. Люшкову (заменившему арестованного Д.Т. Дерибаса) шифротелеграмму: «Всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения, немедленно арестовывайте»³⁰³. На следующий день дополнительной шифротелеграммой он уточнил: «Одновременной операцией ликвидируйте крае все притоны, китайские и другие. Проведите тщательные обыски. Притоносодержателей и всех задержанных в них посетителей арестуйте. Прове-

дите следствие. Дела совграждан, изобличённых антисоветской, шпионской, контрабандистской деятельности, и активных уголовников рассмотрите тройке и репрессируйте первой и второй категориям. Дела иноподданных этой группы передайте рассмотрение суд последующего выдворения за пределы СССР. Дела всех остальных арестованных рассмотрите судебным порядком, запрещением проживать ДВК, Читинской, Иркутской областях»³⁰⁴. Люшков отреагировал на эти директивы 26 декабря, издав приказ № 62833, требовавший ареста китайских притоносодержателей и выявления среди них шпионских и диверсионных связей.

Учитывая, что большая часть китайцев в ДВК находилась в Приморье, которое являлось пограничной зоной с укрепрайонами, можно с уверенностью сказать, что именно сюда пришёлся основной удар «китайских» операций. Их проведение в области возглавил ст. лейтенант погранохраны Лиходзеевский, который приехал вместе с новым начальником ОУ НКВД Диментманом (вместо арестованного Визеля) из Хабаровска в августе 1937 г., работал сначала оперативным секретарём, затем начальником китайского отделения, затем — начальником 3-го отдела управления. Отличался большими амбициями, карьеризмом, жестокостью не только по отношению к подследственным, но и к подчинённым, активно внедрял в работу управления «физические» методы допроса. Сам он был арестован в июле 1938 г., расстрелян в октябре 1940 г.³⁰⁵

Операция по ликвидации притонов в Приморской области была проведена в ночь с 29 на 30 декабря, когда сотрудники НКВД совместно с милицией блокировали все выходы бывшего квартала «Миллионки», другие значные места в городах и сёлах, к рассвету прочесали их. Всего было арестовано 853 чел. Характер проведения первой «китайской» операции был сравнительно спокойным, информация о притоносодержателях собиралась на основе данных агентуры, допросы ещё не были экстремальными³⁰⁶.

В это время по всей стране продолжалось массовое репрессирование прочих «враждебных» этнических групп. Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением от 31 января 1938 г. разрешило продлить операции против «шпионско-диверсионных контингентов» из числа «националов», в том числе китайцев, до 15 апреля 1938 г. с рассмотрением их дел во внесудебных инстанциях вне зависимости от подданства арестованных.

В тот же день Политбюро приняло постановление «О перебежчиках», которым, по сути, повторило приказ НКВД СССР № 00693 (см. выше). В нём заявлялось, что «иностранные разведки свою массовую шпионскую и диверсионную сеть агентуры забрасывают в СССР по преимуществу под видом перебежчиков». Постановление обязывало всех их арестовывать. Тех, «...в отношении которых будет прямо или косвенно установлено, что они перешли на территорию СССР со шпионскими, диверсионными и иными антисоветскими намерениями, — предавать суду Военного трибунала с обязательным применением расстрела», остальных «передавать на Особое

Совещание НКВД СССР с применением меры наказания 10 лет тюремного заключения»³⁰⁷.

На следующий день, 1 февраля 1938 г., по Дальнему Востоку было принято специальное Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О запретной пограничной зоне и пограничном режиме» (подробнее см. разд. 3.5.1.), включавшее развёрнутую программу «очистки» погранзоны от «антисоветского и неблагонадёжного элемента», в том числе органам НКВД поручалось «иностранцев, не имеющих ни советских, ни иностранных паспортов, из пределов ДВК, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР выселить, а всех подозреваемых в шпионской, диверсионной или другой антисоветской деятельности арестовать и дела их рассмотреть в существующем внесудебном порядке на тройках, независимо от заявленного репрессированными подданства»³⁰⁸.

Таким образом, в целях «очищения» погранзоны в течение двух дней политическое руководство страны приняло серию постановлений, развязавших массовые репрессии на Дальнем Востоке, в том числе и в отношении китайцев. Соответствующий приказ НКВД СССР поступил в регион 15 февраля 1938 г. Он обязывал арестовать всех китайцев-перебежчиков, выявить обстоятельства перехода ими границы и проверить возможную принадлежность к иностранным разведкам.

В ходе второй и третьей «китайских» операций в Приморской области (22 февраля и 28—31 марта) было арестовано соответственно 2 005 и 3 082 чел., а всего за трёхмесячный период — 5 993 чел. Часть узников разместили во Владивостокской городской тюрьме, другую — в бараках Севвостлага в пригороде Владивостока. Арестованным пришлось в полной мере хлебнуть всю тяжесть царивших в это время в НКВД порядков. В отличие от первой вторая и особенно третья операции, подгоняемые из Центра, проводились наспех. Китайских граждан арестовывали без санкции прокурора, только на основании ордера, а нередко их хватали на улицах вообще без какого-либо оформления. Дознание сопровождалось повальными избиениями и пытками. Положение усугубляли ужасающая скученность в тюремных помещениях и сверхинтенсивная работа издёрганых следователей, обязанных под страхом уголовной ответственности в кратчайшие сроки закончить тысячи дел. Для проведения арестов и следствия был мобилизован весь штат Приморского ОУ НКВД, вызваны резервисты. Но следователей и переводчиков (в качестве последних выступали сами китайцы) всё равно не хватало. Руководство краевого УНКВД обещало прислать в помощь владивостокцам 30—40 чел. из Хабаровска, но командировало только несколько человек. Тем не менее оно требовало от Приморского ОУ НКВД форсировать следствие «в связи с отставанием от других областей Дальнего Востока». Того же добивались от своих подчинённых Лиходзеевский и Диментман, при этом главным направлением следствия считалось «вскрытие шпионских и диверсионных связей». Как отмечали арестованные позже сами сотрудники

НКВД, было дано распоряжение, чтобы из каждого китайца «сделать шпиона». «Делали шпионов» быстро и успешно.

Практически все оформленные в этот период уголовные дела были составлены наспех, а обвинения сфальсифицированы. С 27 апреля по 17 мая следствие в основном было закончено, и дела отправлены в Хабаровск на утверждение для внесудебного рассмотрения, всего — на 5 816 чел., в том числе по 1-й категории (расстрел) — на 3 123 чел., по 2-й категории (лишение свободы) — на 2 693. Не все арестованные дожили до окончания следствия. Только в тюрьме №2 Владивостока, по данным её начальника, с октября 1937 г. по 25 июля 1938 г. скончалось 133 чел.

Аналогичные акции прошли и в других областях ДВК, однако точных сведений о них, за исключением отрывочной информации, у нас нет. Так, в Сахалинской области, по показаниям арестованного осенью 1938 г. начальника местного УНКВД В.М. Дрекова*, проводились массовые аресты по «спецкорейской» и «спецкитайской» операциям. А его бывший подчинённый свидетельствовал: «Китайцев арестовывали всех подряд — без оперативных списков и установочных данных. Просто работники НКВД по заданию Дрекова приходили на базар и оттуда приводили людей в областное управление. Через три часа уже были готовы показания о шпионаже и повстанчестве». Для получения признательных показаний успешно использовался метод «подсадной утки». В камере арестованных поджидал т.н. «Василий Иванович» — тоже китаец, но сравнительно образованный, хорошо говоривший по-русски. Он советовал неграмотным и плохо знающим русский язык соотечественникам признаваться следователю во всем, чего тот добивался³⁰⁹. Так была создана «шпионская организация». По некоторым данным, в неё включили 115 чел.³¹⁰ Согласно неполным материалам «Книги Памяти...» Сахалинской области в 1938 г. по постановлениям ОСО НКВД или «тройки» УНКВД по ДВК на острове были расстреляны 257 китайцев, обвинённых в преступлениях по ст. 58 УК РСФСР, двое приговорены к лишению свободы³¹¹.

В Амурской области, как сообщал в своём отчёте от 22 июня 1938 г. секретарь обкома партии Макогонов, было арестовано 1 350 китайцев³¹², а всего по Дальнему Востоку, если верить Люшкову, — 11 тыс. чел.

«Китайские операции», как того требовали директивы Центра, провели и в других регионах страны. Об этом свидетельствует, например, доклад начальника Тульского ОУ НКВД, из которого явствует, что с 1 октября 1937 г.

* В.М. Дреков занимал должность начальника погранотряда и окружного отдела ОГПУ/НКВД в Сахалинской области с мая 1931 г. Известен как проводник жестоких методов политических репрессий на острове («дрековщина»). В сентябре 1938 г. арестован, в феврале 1940 г. расстрелян по обвинению в «измене Родине», «вредительстве», «терроре», «участии в контрреволюционной организации». См.: «Совершенно секретно». Из истории Северного Сахалина во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов XX столетия (публикация документов) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. №4. С. 135; Войнилович М. Дело № СУ-3246 (жизнь и смерть комбрига Дрекова). Южно-Сахалинск, 1991.

по 20 марта 1938 г. в области по разным «национальным линиям» было арестовано 1 646 чел., в том числе по китайской — 35³¹³.

3.3.4. Депортация китайцев 1938 г.

В то время, когда в ДВК арестные операции были в самом разгаре, китайское посольство в Москве попыталось смягчить участь своих сограждан. Оно обратилось к советскому руководству с предложением об их переселении с Дальнего Востока в китайскую провинцию Синьцзян, советский Казахстан и некоторые районы Западной Сибири. Это предложение было принято «в принципе» постановлением Политбюро от 5 марта 1938 г. Осуществление его поручалось НКВД по согласованию с НКВД «...для возможного учёта пожеланий китайского правительства и придания этому переселению добровольного характера»³¹⁴. Лояльное отношение к просьбе официального Китая объяснялось тем, что в этот период СССР проводил политику поддержки Китайской Республики. Ей выделялись финансовые кредиты, поставлялось вооружение, направлялись военные советники. В условиях японской оккупации Северо-Восточного Китая провинция Синьцзян играла роль связующего звена с СССР и находилась под сильным советским влиянием.

В мае Наркомат внутренних дел отправил на Дальний Восток распоряжение о выселении китайцев. В Приморское ОУ НКВД директива зам. наркома Фриновского за № 11161 от 16 мая 1938 г. поступила 22 мая. Уточняющие указания Ежов передал Люшкову по проводу 3 июня 1938 г.: «Первое: китайцев, не имеющих ни советских, ни китайских паспортов, заявляющих себя китайскими подданными, выселять в Синьцзян, оформление получения нацпаспортов через китайское посольство. Второе: жён китайских подданных советских гражданок вместе с мужьями направлять в Синьцзян, обязательно отбирая заявления о выходе из советского гражданства. Третье: китайнок, китайских подданных, являющихся жёнами китайцев советских граждан, выселять вместе с мужьями в Казахстан. Четвертое: спецпоселенки — жёны китайских подданных — выселению не подлежат. Пятое: для переселяемых в Синьцзян станция назначения Аягуз, выпуск за кордон через контрольно-пропускной пункт Бахты...»³¹⁵

К концу мая на железнодорожной станции Эгершельд во Владивостоке был развёрнут специальный переселенческий пункт, откуда сотрудники НКВД отправили через ст. Аягуз Туркестано-Сибирской железной дороги в Синьцзян четыре эшелона с 6 189 китайскими гражданами и их семьями. В первых двух выехали лица, не подвергшиеся арестам. Причём первый эшелон формировался в принудительном порядке (1 379 чел.). Однако после его отправки переселение было приостановлено на основе распоряжения наркома № 1237 от 5 июня 1938 г. Объяснялось это тем, что поверенный в делах Китая добился от руководства СССР разрешения оставить в ДВК тех китайцев, которые не желают возвращаться на родину³¹⁶.

Вследствие этого 10 июня 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее Постановление: «1. Выселение китайцев из пределов ДВК прекратить, допуская лишь переселение в Синьцзян тех китайцев, которые изъявят на то своё добровольное желание. Переселение китайцев в Казахстан совершенно прекратить. 2. Китайцам, добровольно пожелавшим выехать в Синьцзян, оказывать полное содействие (помощь в реализации имущества, быстрейшее оформление документов, содействие в доставке к станции железной дороги, в исключительных случаях материальной денежной помощи и т.п.). 3. Китайцев, желающих выехать в Синьцзян, отправлять за собственный счёт. 4. Китайцев — китайских подданных и советских граждан, проживающих на территории запретных пограничных зон и укрепленных районов, в том случае, если они не изъявят желание выехать в Синьцзян, расселить за пределами этих зон и районов на территории края. (...) 6. Арестованных китайцев, исключая осуждённых и обвиняемых в шпионаже, активной диверсии, терроре, из-под стражи освободить и выселить в Синьцзян вместе с их семьями и имуществом. В дальнейшем массовые аресты китайцев прекратить. Аресты китайцев производить при наличии достаточных данных, изобличающих их в контрреволюционных или уголовных преступлениях. Дела арестованных китайцев направлять на рассмотрение соответствующих судебных органов»³¹⁷. Таким образом, смысл новых распоряжений сводился к тому, чтобы китайских граждан депортировать в Китай только в добровольном порядке, но из режимных местностей переселить всех китайцев независимо от их гражданства и согласия, Казахстан как место вселения депортантов не использовать.

Данные указания с некоторыми добавлениями были повторены в директиве зам. наркома иностранных дел Б.С. Стомонякова от 11 июня 1938 г., отправленной в адрес краевого и областных управлений НКВД в Хабаровск, Владивосток и Благовещенск, в шифротелеграмме и директиве № 1299 Ежова Люшкову (ориентировочно, от 11—13 июня). Нарком внутренних дел распорядился также, чтобы на Сахалине и Камчатке какая бы то ни было подготовительная работа по переселению китайцев была прекращена, но пожелавшим выехать в Синьцзян на добровольных началах было оказано полное содействие³¹⁸.

Эти директивы изменили характер депортации, продолженной 14 июня. Второй эшелон из Владивостока формировался на добровольных началах (1637 чел.). Тем не менее действия советских властей вызвали возмущение китайцев как самим фактом выселения, так и характером его организации. Как позже показывал на следствии арестованный руководитель «китайских операций» в Приморье Лиходзеевский, первоначальными директивами НКВД на подготовку к переезду депортантам давался месячный срок, о чём китайское консульство вело разъяснительную работу. Однако последующей директивой Люшкова для Приморской области срок был сокращен, и в распоряжении переселяемых оставалось только до 10 дней. Они терпели материальные убытки при реализации имущества, в толчее и оче-

редях оформляли документы в ОВИРе. Всё это вызвало огромный поток жалоб в консульство.

Следующая партия депортантов формировалась из лиц, побывавших в тюрьме. Советская и китайская стороны пришли к соглашению об освобождении арестованных китайцев, не изобличённых следствием в шпионаже и диверсиях, и депортации на родину тех из них, кто состоял в гражданстве Китая. На этом основании 19 июня и в первых числах июля во Владивосток из Хабаровска была возвращена часть следственных дел, после пересмотра которых из-под стражи было освобождено 2 853 чел.

Однако после отправки второго эшелона переселение по указанию УНКВД по ДВК вновь приостановили и стали переносить с одной даты на другую по организационным причинам: из-за перегрузки ст. Аягуз, эпидемического карантина на ст. Хабаровск, задержки поступления средств на питание бывших арестованных. Китайцы, подвезённые к месту погрузки, находились у линии железной дороги с 28 июня по 16 июля 1938 г. Из-за этого в городе произошла т.н. «волынка». Около 100 русских женщин — жён китайцев — собрались во дворе ОВИРа в ожидании выдачи справок. Увидев сотрудника НКВД, они потребовали сообщить им точный срок отправки эшелона в Синьцзян. Испугавшись толпы, сотрудник скрылся в здании, вслед за ним полетели камни, и было разбито стекло, после чего 13 женщин арестовали и отправили в тюрьму, часть из них — вместе с грудными детьми, а у трёх женщин отобрали детей в возрасте от 3 до 5 лет и направили в детский приёмник НКВД. Только через 10 дней женщин освободили и детей вернули.

В середине июля освобождённые из тюрьмы вместе с членами семей отправились в Китай следующими двумя эшелонами (1 613 и 1 560 чел.). Причём 152 чел., подлежащих освобождению, были привезены на ст. Эгершельд для погрузки в вагоны, но там обнаружилось, что на них не оформлены визы. Поэтому их временно возвратили в тюрьму. Ещё около 100 чел., оформленных на освобождение, в тюрьме обнаружены не были (возможно, это были погибшие во время следствия).

Китайцы, не пожелавшие вернуться на родину, а также принявшие советское гражданство, вместо намеченного ранее Казахстана были выселены пятым эшелонам в Хабаровский край (941 чел.). Организацией переселения китайцев внутри региона и обеспечением их рабочими местами руководил начальник управления пограничной и внутренней охраны по ДВК комдив Соколов, прибывший специально для этого на ст. Ин Амурской железной дороги, где принимали переселенцев и откуда их направляли в Кур-Урмийский район Хабаровского края. Все депортанты по железной дороге перевозились за счёт государства. Кроме того, освобождённые из тюрьмы до погрузки в эшелоны продолжали питаться из тюремного котла, а перед отправкой им была выдана денежная помощь, возвращены изъятые при аресте ценности, оплачены облигации, выигрыши и вклады в сберкассе. Впрочем, ценности были возвращены далеко не все, так как в суматохе арестов они не учитыва-

лись должным образом и частично были разворованы или остались в фондах УНКВД.

Следует подчеркнуть, что территория, примерно соответствующая современным границам Приморского края, в период депортации состояла из двух областей — Приморской и Уссурийской, которые лишь в конце 1938 г. были объединены в Приморский край. Все вышеприведённые количественные данные об арестных операциях и депортации относятся к Приморской области. По Уссурийской столь же полной информации мы не имеем, но всё же некоторые материалы сохранились. Согласно им в Синьцзян было депортировано не менее 1 665 китайских граждан (из них главы семей — 204, члены семей — 484, одинокие — 908, ехали без семей — 69 чел.³¹⁹), а также не менее 194 русских женщин, очевидно, жён китайцев³²⁰. В Амурскую область было переселено не менее 528 китайцев, находившихся в советском гражданстве (из них 235 глав и 293 члена семей), и 80 — в китайском³²¹. Всего из Уссурийской области вывезены как минимум 2 273 чел.

Проводилось также выселение из Хабаровского края. По сведениям исследователя А.В. Фролова, китайских граждан из районов собрали в г. Хабаровске для дальнейшей отправки на родину. В течение нескольких дней они жили на вокзале, ожидая поезда. Однако после получения новых директив правительства краевые власти вместо Китая определили для них места компактного расселения в Мазановском и Селемджинском районах Амурской области, Кур-Урмийском и Верхне-Буреинском районах Хабаровского края³²². О выселении из самого Хабаровска свидетельствуют сохранившиеся в архиве списки переселённых китайцев и опечатанных квартир. 28 июня из города было отправлено 72 чел. (38 семей) в Кур-Урмийский район, 29 июня — 76 чел. (23 семьи) в Амурскую область, 2 июля — 209 чел. (место назначения не указано), всего — 357 чел.³²³

Поскольку распоряжение Ежова от 3 июня (см. выше) требовало «...обязательно отбирать заявления о выходе из советского гражданства» у российских женщин, изъявивших желание выехать в Китай вместе с мужьями, то соответствующие службы в сжатые сроки организовали приём и рассмотрение таких заявлений. Так, с 22 июня по 5 июля 1938 г. в Хабаровский облисполком из ОВИРа УРКМ УНКВД по ДВК были направлены для утверждения 16 списков заключений (с рекомендацией «ходатайство удовлетворить») о выходе из советского гражданства с последующим выездом в Китай на 348 чел., из них — 276 российских женщин, состоявших замужем за китайскими гражданами, у многих из них были дети. В списках не везде указано место жительства ходатаев, среди названных встречались города Хабаровск, Бикин, Спасск, ряд сёл Нижне-Амурской области, Нанайский и Калининский районы. По этническому составу преобладали русские, их было 132 чел., кроме них — 7 евреек, 3 татарки, по 2 украинки, немки и якутки, по одной кореянке, грузинке, осетинке, марийке и 28 представительниц коренных народов Дальнего Востока, в основном из Нижне-Амурской области (удэ, нанайки, ульчи, гилячки, нивхинки),

остальные — не указаны.

Этот же документ показывает, что заявления о выходе из советского гражданства подали также и некоторые этнические китайцы. В названных списках их было перечислено 72 (65 муж., 7 жён.), из которых 3 чел. (2 муж., 1 жён.) — уроженцы ДВК, а остальные в разные годы прибыли из Китая (в основном из Шаньдунской провинции) в Россию, где и получили советское гражданство. В «Заключении...» о них временно исполнявший должность начальника ОВИРа Полетаев писал: «Принимая во внимание, что вышеуказанные советские граждане категорически заявили о нежелании переселяться из районов режимной местности ДВК, в связи с этим подали ходатайство о выходе из советского гражданства с последующим выездом в Китай на родину, большая часть из них — мужчин — имеет преклонный возраст, инвалидность и т.п., а поэтому полагал бы ходатайство удовлетворить»³²⁴. Однако начальник ОВИРа не совсем точен, по крайней мере, относительно возраста данных граждан. Наш анализ списков показывает, что из 65 китайских мужчин было 6 чел. в возрасте от 60 до 67 лет, 26 чел. — от 50 до 59 лет, 29 чел. — от 26 до 29 лет, 3 чел. — от 18 до 20 лет, т.е. половину из них нельзя назвать престарелыми. Большинство были одиночками, но некоторые всё же имели семьи, с которыми и собирались выезжать в Китай³²⁵.

Несмотря на то, что число лиц, отправленных с 28 июня по 2 июля с Хабаровского вокзала, и лиц, подавших заявления о выходе из советского гражданства, очень близко, остаётся не совсем ясным, является ли это одной и той же группой людей. Утвердительное предположение означало бы, что они так и не попали в Китай, а вместо этого были переселены в глубинные районы края, и что на $\frac{3}{4}$ эта группа состояла из российских женщин — жён китайцев, в то время как их мужья, вероятно, находились в тюрьмах. Но если предположить обратное, то дальнейшая судьба группы подавших заявления о выходе из советского гражданства остаётся неизвестной, возможно, их всё же вывезли в Китай.

Аналогичные действия наблюдались и в других режимных районах Хабаровской, Амурской и Нижне-Амурской областей, но, к сожалению, мы располагаем лишь разрозненной информацией об этом. Так, имеются материалы о том, что в Амурской области выселение китайцев было проведено из приграничного Тамбовского района, в частности из колхозов «Восточный ударник», «Восточный рабочий», им. Сунь-Ят-Сена. Непосредственно выселению предшествовали аресты руководителей хозяйств³²⁶.

В Сахалинской области вопрос «О переселении китайских подданных из ДВК» был заслушан 3 июня 1938 г. на заседании бюро обкома ВКП(б), утверждён план переселения³²⁷. Но в связи с директивами Ежова от 11—13 июня эта работа, очевидно, была свёрнута.

Заметим, что общее число лиц, вывезенных в Китай из Приморья, практически совпадает с тем, что было обнаружено Люшковым относительно

всего Дальнего Востока. Исходя из этого, а также из приведённых нами материалов, можно предположить, что из других областей ДВК депортация в Синьцзян, если и проводилась, то в незначительных масштабах.

Последствия арестных операций и переселения китайцев нашли отражение в материалах Всесоюзной переписи населения, проведённой 17 января 1939 г. Всего в СССР было учтено 32 тыс. китайцев³²⁸, из них на Дальнем Востоке — 5,5 тыс. чел. По краям и областям (в приблизительном пересчёте по территориям в современных границах) они распределялись следующим образом: Приморский край — 351 (6,4% от суммарной численности), Амурская область — 3 172 (58,0%), Хабаровский край (вместе с ЕАО) — 1 652 (30,2%), Сахалинская область — 175 (3,2%), Камчатская область (вместе с КНО) — 118 (2,2%)³²⁹. Таким образом, после депортации Дальний Восток перестал быть основным районом проживания китайцев в РСФСР, а внутри дальневосточного региона произошло перераспределение китайского населения из Приморья в пользу Амурской области и Хабаровского края.

Нам удалось познакомиться с неопубликованными рабочими таблицами переписи 1939 г., которые показали: как и было запланировано в ходе переселения, на Дальнем Востоке основными местами пребывания китайцев стали Мазановский (зафиксировано 1 496 чел.), Селемджино-Буреинский (937 чел.) и Верхне-Буреинский (345 чел.^{*}) районы Амурской области и Кур-Урмийский район (1 152 чел.) Хабаровского края^{**}, т.е. всего 3930 чел. Кроме того, 269 чел. были учтены во Владивостоке. В других районах и городах региона китайцев либо не было совсем, либо их число составляло от единиц до нескольких десятков³³⁰. Переселённые во внутренние районы края находились на положении административно выселенных. На 1 июня 1940 г. лишь одна китайская семья состояла на учёте спецпоселений в Хабаровском крае³³¹, но туда она попала, скорее всего, ещё до проведения депортации.

По всей видимости, перепись не учитывала китайцев, находившихся под стражей, поскольку только во Владивостокской тюрьме на 5 августа 1938 г. оставалось 2 990 чел. Вне тюрьмы, по сведениям НКВД, в городе

* Есть и другие данные о численности китайцев в Верхне-Буреинском районе, о чём свидетельствует рапорт начальника Бурейского РО НКВД мл. лейтенанта ГБ Евстрахина Я.Г. (1938 г., точная дата не указана): «... Начиная с 17.06.1938 г., в этот район поселили до 1500 чел. китайцев. (...) С середины мая и до настоящего времени занимаюсь переселением китайцев, сначала вывозил из района, а вслед за этим их же вновь привозили ко мне, и я их должен поселить в Верхне-Буреинском районе». Цит. по: Книга Памяти жертв политических репрессий в Амурской области. Т. 4. / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск, 2005. С. 312, 316.

** Есть свидетельства очевидцев о том, что китайцев в районах нового проживания нередко расселяли в домах, откуда до этого были высланы семьи лиц, расстрелянных по ст. 58 УК (о последних см. разд. 3.5.). См.: Жданова А.Р. Односельчане боялись общаться с нами // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 3. Благовещенск, 2004. С. 444.

проживало около 100 китайцев, из них 72 студента китайской ленинской школы, переселение которых было запрещено до особых указаний, 15 чел., не успевших выехать с последним эшелонам, и, примерно, столько же освобождённых из тюрьмы и ожидавших визы.

В ноябре 1938 г. Китайское посольство в Москве поставило перед НКВД СССР вопрос о досрочном освобождении из мест заключения граждан Китая, которых, по сведениям посольства, в разных городах СССР насчитывалось около 400 чел. По этому поводу нарком Ежов направил 4 ноября Сталину записку, на основании которой Политбюро приняло постановление от 10 ноября 1938 г. Было решено: «Дать согласие китайскому посольству на выдворение из пределов Советского Союза в Синьцзян через Особое совещание при НКВД СССР следующей категории китайцев — китайско-подданных, отбывающих наказание в местах заключения сроки лишения свободы, осуждённых за преступления: а) спекуляцию, б) мелкую контрабанду, в) валютные операции, г) содержание опиокурлен и продажу наркотиков, д) бытовые преступления (там, где санкция не свыше 5 лет), е) антисоветскую агитацию. Все эти контингенты после решения Особого совещания при НКВД по договорённости с китайским посольством направлять в Синьцзян с упрощённым оформлением выезда»³³².

Участь заключённых облегчалась также в связи с принятием Постановления Политбюро «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г., резко затормозившим разгул Большого Террора. В последующем приказе НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г. было объявлено: «Считать утратившими силу приказы по национальным операциям»³³³.

Как происходило дальнейшее освобождение из-под стражи или исполнение приговоров, нам не известно. На 20 января 1939 г., по данным нового начальника Приморского краевого УНКВД М.М. Гвишиани, в следственной тюрьме Владивостока все ещё содержалось 860 китайцев, дела по которым в мае — июне 1938 г. были направлены на утверждение в Хабаровск³³⁴. В Сахалинской области в 1939 г. как минимум 14 чел. («социально-опасный элемент») получили приговор ОСО НКВД СССР в виде трёх лет лишения свободы и 19 чел. («агенты японской разведки и участники повстанческой организации») — в виде ссылки в Северный Казахстан сроком на 5 лет, среди этих 19 чел. шестеро (по остальным — данных нет) были арестованы в сентябре 1938 г., т.е. уже после окончания т.н. «китайских операций»³³⁵.

Во второй половине 1939 г. в Приморском крае (в конце 1938 г. Приморская и Уссурийская области были объединены в Приморский край) прошла очередная кампания по выселению в административном порядке т.н. «неблагонадёжного» населения (см. разд. 3.5.2.), охватившая более 14 тыс. чел. В её рамках в сентябре — декабре 1939 г. в Казахстан были отправлены китайцы, освобождённые из тюрьмы (227 чел., из них граждане Китая — 189, граждане СССР — 38), остававшиеся в Приморье смешанные семьи (181 чел.) и русские женщины — жёны арестованных китайцев с детьми (1 130 чел.). Возможно, 50 из этих русских женщин выехали в Китай, так как в списках на

переселение в графах с их фамилиями стоит пометка: «Синьцзян»³³⁶. Скорее всего, и в других режимных районах по мере выявления лиц, избежавших депортации, или освобождения из заключения, их продолжали отправлять в глубинные районы региона, Казахстан или Китай, в зависимости от ситуации. Об этом свидетельствуют и материалы учёта паспортных столов управлений милиции, согласно которым в Приморском крае в конце 1939 г. — начале 1941 г. оставалось чуть более десятка китайцев, не состоявших в гражданстве СССР (по советским гражданам данных нет), в то время как в Хабаровском крае их число увеличилось с 1 411 до 1 937 чел. (см. табл. 11).

На основании приведённых фактов можно подвести общие итоги переселения китайцев с Дальнего Востока и внутри него. Как отмечено выше, использованные нами сведения не совсем полны. Тем не менее недостающие показатели (например, по Амурской области), на наш взгляд, не столь велики, чтобы принципиально повлиять на изменение общей картины. С этой оговоркой мы и даем табл.12.

Таблица 11

**Численность китайцев, не состоявших в гражданстве СССР,
на Дальнем Востоке в 1937 — 1941 гг. (чел.)³³⁷**

	Хабаровский край	Приморский край	Всего
по переписи 1937 г.			
Граждан Китая	3 742	9 179	12 921
на 1 ноября 1939 г.			
Граждан Китая	1 216	12	1 228
Лиц без гражданства	195	—	195
Всего	1 411	12	1 423
на 1 января 1940 г.			
Граждан Китая	1 303	11	1 314
Лиц без гражданства	475	—	475
Всего	1 778	11	1 789
на 1 января 1941 г.			
Граждан Китая	1 279	6	1 285
Лиц без гражданства	658	8	666
Всего	1 937	14	1 951

Примечания: 1) На 1937 г. данные по Хабаровскому краю включают в себя сведения о Хабаровской (1 610 чел.), Амурской (1 139), Нижне-Амурской (474), Сахалинской (279), Еврейской автономной (240) областях; данные по Приморскому краю включают в себя сведения о Приморской (7 196) и Уссурийской (1983) областях. 2) На 1937 г. сведений о лицах без гражданства не выявлено.

Таким образом, к настоящему времени удалось выявить, что всего в 1938—1939 гг. на Дальнем Востоке с мест было поднято не менее 11,2 тыс. китайцев и членов их семей другой национальности, в том числе 10,8 тыс. — в Приморье (Приморская и Уссурийская области в 1938 г., Приморский край — в 1939 г.). Из них в Синьцзян депортировано 7,9 тыс., в Казахстан — 1,4 тыс., переселено внутри ДВК в глубинные районы Амурской области и Хабаровского края — более 1,9 тыс. чел.

«Изъятие» китайцев из Дальневосточного края не было тотальным и не являлось сопутствующим элементом корейской депортации. Оно проходило как самостоятельная кампания, состоявшая из нескольких этапов. Депортации китайцев предшествовал 10-летний период их постепенного вытеснения с советского Дальнего Востока. В годы Большого Террора они стали одним из объектов массовых арестных операций по национальному признаку. И только после этого при вмешательстве китайского правительства была проведена их частичная депортация в Синьцзян и переселение из приграничных во внутренние районы ДВК и Казахстан. Основной «чистке» подверглись территории вдоль границы с Маньчжурией, главным образом Приморский край.

Таблица 12

Итоги депортации китайцев в ДВК в 1938—1939 гг.

Районы выселения	Районы вселения				Итого
	Синьцзян	внутри ДВК		Казахстан	
		Кур-Урмийский район Хабаровского края	глубинные районы Амурской области		
Приморская область, 1938 г.	6 189	941	—	—	7 130
Уссурийская область, 1938 г.	1 665	—	608	—	2 273
Приморский край, 1939 г.	50	—	—	1 388	1 438
Хабаровский край, 1938 г.	—	72	76	—	357
		+ 209			
Итого	7 904	1 013	684	1 388	11 198
Всего внутри ДВК — 1 906					

3.3.5. Немного о судьбах

Исследование проблемы депортации китайцев на Дальнем Востоке требует логического завершения путём выяснения, как сложилась дальнейшая судьба выселенцев. К сожалению, необходимых архивных материалов

нами не выявлено. Лишь весьма немногочисленные свидетельства очевидцев помогают отчасти осветить данный аспект. Одна из участниц событий Н.М. Сладченко любезно согласилась дать автору интервью. Она родилась в 1936 г. в смешанной семье. Её отец Чжан-Дин-Дю (1903 г.р.) приехал во Владивосток из Китая в возрасте 7 лет со своими родственниками, а мать Федора Константиновна Мичурина (1911 г.р., из Смоленска) — в 1934 г. Брак родителей не был зарегистрирован, они стали жить совместно с 1935 г., имели семерых детей. Первые двое родились во Владивостоке. Младшая сестра умерла в младенчестве, Надежда Михайловна была вторым ребенком в семье. Отца она помнит высоким (1м 90 см рост), сильным, добродушным. Во Владивостоке он работал шеф-поваром в ресторане «Золотой Рог» и поваром в столовой переселенцев, мать — на разных работах.

В 1938 г. отца арестовали, но под стражей он находился недолго (двое — трое суток), ему предложили принять советское гражданство, но он не согласился, так как мечтал когда-либо попасть на родину. Вместе с двухгодовалой дочерью семью выселили в Кур-Урмийский район Хабаровского края. Ехали они по железной дороге до ст. Ин, оттуда машиной — до с. Нижней Наумовки. В Хабаровском крае (в Нижней и Верхней Наумовке) родились остальные дети — двое дочерей и трое сыновей. Дочерей зарегистрировали на фамилию матери, а сыновей — на отца. Он пытался учить их китайскому языку, но мать не разрешала.

Родители работали в колхозе, кроме того, отца отправляли на лесозаготовки. Надежда как старшая дочь несла все тяготы ухода за домом и младшими братьями и сестрами, в школе закончила 7 классов, с 14 лет работала. Нижняя Наумовка находилась в глухой (далее дорога кончалась) и болотистой местности. Поля и огороды часто затапливало водой, урожаи гибли. Жителей там было мало, не было школы. Семья голодала вплоть до того, что дети пухли от голода. Через три года переехали в Верхнюю Наумовку. Там было немного посуше и получше, имелась школа. Из Верхней Наумовки в 1946 г. — в с. Тулуян. Там отец стал работать пекарем, пек для деревни хлеб и сам на лошади отвозил и сдавал его в магазин. Кроме того, промышленляли заготовкой кедровых шишек, которые сдавали на заготпункте. На вырученные деньги родители покупали детям одежду, сладости и т.д. Везде жили в деревянных домах типа барака, с соломенной крышей, имели одну комнату.

В октябре 1949 г. отец умер, выяснилось, что у него был туберкулёз. Сразу после его смерти мать написала своей сестре во Владивосток, что поднять ей детей в тех условиях очень трудно и просила выслать вызов. Сестра попала во Владивосток по вербовке: должна была ехать на Камчатку, но вербовщик умер, и все документы потерялись, таким образом сестра осталась во Владивостоке. Она откликнулась, и семья Мичуриных переехала во Владивосток. Мать работала прачкой и на разных подсобных работах, Надежда — тоже, потом устроилась в воинскую часть. В возрасте 19 лет вышла замуж, родила сына. Муж был также из семьи репрессированных (его отца расстреляли в 1937 г.).

Дети семьи Чжан — Мичуриных выросли, двое сыновей в возрасте 16 — 17 лет уехали на Камчатку, одна дочь вышла замуж за военнослужащего и переезжала с ним по городам, сейчас живет в Ставрополе. Мужу не разрешили поступить в военную академию из-за того, что у его жены отец — китаец. Мать умерла от онкологического заболевания в 1966 г. в возрасте 55 лет. Тяготы жизни не могли не отразиться и на здоровье самой Надежды Михайловны. Сейчас она и её сын — инвалиды по болезни³³⁸.

Выписка из справки по реабилитации Н.М. Сладченко от 6 мая 1997 г.: «...репрессирована в 1938 г. УНКВД Приморского края, основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке — приказ НКВД СССР от 1938 г. № 00486*. (...) Реабилитирована на осн. ст.1, п. «В», ст.3 закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий»³³⁹.

Аналогичными воспоминаниями поделился с корреспондентом газеты житель Владивостока канд. пед. наук, Заслуженный работник физической культуры РФ В.И. Мельников. Родился он в 1938 г. в с. Александровке Мазановского района Амурской области, куда были высланы его родители — украинка Анна Мельникова и китаец Ши Мин Сан. Завезли их без пил и топоров в таёжную глушь, где замкнуто жили староверы-молокане, неприветливо встретившие чужаков. Семье с тремя детьми пришлось трудно. Отец умер от пневмонии в 1943 г. Детей растила мать, а воспитывала улица, тайга. Это, возможно, и помогло Владимиру стать спортсменом: «...Мы, ребятня, всю зиму — на лыжах-самоделках, летом — в ледяной воде горной реки. Целый день были заняты по хозяйству, бегать приходилось не для спорта, а чтобы с голоду не помереть. Меня, как самого ловкого среди ребят, охотники брали в тайгу, и я вместо собаки доставал им из холодной реки убитых уток. Зато в школе в седьмом классе я стал чемпионом района по лыжным гонкам. Позже посмотрел по нормативам, оказалось — брал второй взрослый разряд!» До получения паспорта Виктор Иванович был на отцовской фамилии — Мин Сан, а потом мать зарегистрировала всех детей на свою фамилию — Мельниковы. Став взрослым, сын приложил невероятные усилия, чтобы в течение нескольких лет добиться реабилитации отца, себя и сестёр. В постсоветское время ему удалось найти родственников отца в КНР — престарелых дядюшек, двоюродных сестёр и братьев с семьями³⁴⁰.

Сбором информации о судьбах депортированных занимаются также краеведы-архивисты Тамбовского района Амурской области. Они выяснили, что потомки китайцев, выселенных из района, ныне проживают в Ташкенте, а также в Амурской области — в г. Благовещенске, Магдагачинском и Серы-

* Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 «О репрессировании жён и размещении детей, осуждённых “изменников Родины”». См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 277.

шевском районах. В декабре 2006 г. в архивный отдел Администрации района пришло письмо от Е.П. Дудина из Кемеровской области. Его отец Потап Вый-хо-мин (1887 г.р.) с 1910 г. работал батраком у местных заимочников, с середины 1920-х гг. стал жить с В.Г. Дудиной (1910 г.р.) после смерти её мужа. В письме Евгений Потапович написал: «Родился я в деревне Гильчин в 1927 г. От первого брака мать родила дочь Елену, а от второго гражданского брака с рабочим китайцем Выхуамином (*так в тексте. — Е.Ч.*) мать родила ещё троих детей вместе со мной. В 1936—1937 гг. я учился в школе-интернате для детей от смешанных браков. В 1937 г. моего отца Вый-хо-мина арестовали, а потом вместе с ним нас депортировали на родину отца в г. Чугучак КНР. В Китай ехали на поезде через г. Аягуз, Семипалатинскую область, далее через Бахты. В Китае я прожил до 1961 г., завел семью, детей. И только потом смог вернуться на родину, в Россию»³⁴¹.

3.4. К вопросу о миграции немецкого населения на Дальнем Востоке в 1930-е гг.

Основная задача, которую мы ставим в данном разделе, — разобраться, осуществлялись ли принудительные переселения в отношении немцев в регионе в 1930-е гг. Она поставлена не случайно: в настоящее время историография проблемы, ограниченная всего несколькими статьями дальневосточных исследователей, содержит спорные, на наш взгляд, версии и утверждения, в отношении которых мы и попытаемся дать критический анализ³⁴².

В целом история немецкого населения в СССР достаточно хорошо исследована (А.А. Герман, Л.В. Малиновский, И.Р. Плева и др.)³⁴³, но это не относится к дальневосточному региону, для которого особенно «туманным» является период 1930-х гг. Первопроходцем в постановке проблемы истории немцев на Дальнем Востоке советского периода по праву можно считать журналиста из Комсомольска-на-Амуре А.С. Сутурина. Его книга «Дело краевого масштаба» (1991 г.) до сих пор остаётся востребованной и цитируемой в научной литературе. Она явилась одним из первых полновесных публицистических изданий о сталинских репрессиях в отношении различных групп дальневосточного населения. В одном из очерков описывается краткая история амурской колонии немцев в 1930—1940-е гг., нелёгкие судьбы и личные трагедии. В основу журналистского расследования легли как многочисленные свидетельства очевидцев, письма, интервью, так и документальный материал. Однако, воздавая должное автору, нельзя не учитывать того, что в период его работы над очерками необходимые архивные документы ещё только-только начали приоткрываться, а в большинстве оставались засекреченными. С позиции сегодняшнего дня ясно, что в интерпретации некоторых событий в книге существуют неточности и даже ошибки.

Это замечание относится и к сюжету о немцах. В частности, приведём дословно фрагмент, особенно часто используемый в научных исследованиях по данной проблеме: «Наиболее крупной колонией переселенцев счита-

ют Амурскую. Прибывшие сюда в конце тридцатых годов немцы создали на богатейших землях Тамбовского района семь колхозов: «Энергия», «Штерн», «Источник», «Роте-Фане», «Сигнал», им. Лаврентьева и им. Тельмана. По тем временам это были крепкие коллективные многоотраслевые хозяйства. (...) Были немецкие колхозы в Ивановском районе Приморской области и на Северном Сахалине»³⁴⁴. Ниже мы остановимся подробнее на этом сюжете, а пока продолжим историографический обзор.

В 1992 г. практически дословно, с небольшими сокращениями очерк о немцах был перепечатан в благовещенской «Амурской газете», причём авторство А.С. Сутурина не указывалось, но давалась пометка, что материал к публикации подготовил С. Жариков³⁴⁵. В 1998 г. в другой газете («Амурская правда») вышла ещё одна публикация — «Крёстный путь советских немцев» за подписью начальника отдела информации УВД Амурской области В. Гамермана. Проблема оставалась той же — принудительные миграции и трудоиспользование немцев, — но раскрывалась она в более широких хронологических рамках — вплоть до середины 1950-х гг. В газетной статье нет прямых ссылок на источники, но из самого текста видно, что автор пользовался как публикациями (в том числе очерком А.С. Сутурина и исследованиями общероссийского плана), так и некоторыми документами, позволившими ему ввести в научный оборот новые факты.

К сожалению, в статье оказались некоторые «невнятности» и «странности». Так, ссылаясь на архив спецпоселений (без указания точного названия архива, номеров фондов, описей и дел), автор сообщил: «На Дальний Восток к 1935 г. было доставлено 24 420 чел., в т.ч. в Хабаровский край — 18 420, в Амурскую область — 1 718. Прибывших расселили по сёлам и деревням по несколько семей»³⁴⁶. Эта фраза размещена в тексте таким образом, что возникает впечатление, будто приведённые цифры относятся именно к немцам-спецпоселенцам. Вслед за А.С. Сутуриным В. Гамерман связывает создание вышеперечисленных семи немецких колхозов в Тамбовском районе с переселенцами конца 1930-х гг. Те же числа — 18 тыс. и 1,7 тыс. — удивительным образом повторяются у него в отношении немцев, прибывших в Хабаровский край и Амурскую область, но уже в годы Великой Отечественной войны.

В публикации упоминается также об одной из записок руководства ГУЛАГа на имя Л. Берии (без даты, но имя адресата указывает на то, что документ написан не раньше конца 1938 г.), в которой говорилось: «В Ярославской области проживает 3 121 чел. немецкой национальности, в том числе членов ВКП(б) — 41, членов ВЛКСМ — 124. На учёте сомнительных лиц — 91. В целях предотвращения антисоветской работы со стороны проживающих в Ярославской области немцев НКВД СССР считает целесообразным сомнительные элементы арестовать, а оставшуюся часть немецкого населения в количестве 2 865 переселить на Дальний Восток». В августе 1939 г., отмечает В. Гамерман, Берии доложили, что немцев расселили целыми колхозами и совхозами. Были ли это выселенцы из Ярославской области или откуда-либо ещё — не уточняется.

Однако, несмотря на эти «нестыковки», из-за отсутствия другой, более обстоятельной информации некоторые дальневосточные исследователи использовали сведения В. Гамермана в своих работах. Так, Н.А. Шиндялов в небольшой публикации (2001 г.) писал (без сноски), что в годы первых пятилеток «...вместе с тысячами переселенцев из российских областей на Дальний Восток прибыло (...) более 18 тыс. немецких переселенцев, в том числе в Амурскую область более двух тысяч человек»³⁴⁷.

Данные о 24,4 тыс. чел., вселённых в спецпосёлки региона в 1935 г., практически дословно повторяет в кандидатской диссертации и изданной на её основе монографии (2005 г.) благовещенский историк С.А. Головин. Но в отличие от В. Гамермана он уверенно относит их к населению «немецкого происхождения» и даёт точную ссылку на источник — архив УВД Амурской области с номерами дела и листа³⁴⁸ (к сожалению, наше обращение в этот архив не подтвердило наличие указанного С.А. Головиным дела, таким образом, источник остаётся неясным). Сравнив полученные результаты с материалами переписи 1939 г., автор не мог не обнаружить, что получается уменьшение на 17 тыс. чел. Эти потери он объяснил спецоперацией по аресту немцев и высылкой за пределы ДВК, опять же не подтвердив своё объяснение источниками и не составив труда выяснить реальные масштабы репрессий в отношении немцев на Дальнем Востоке в 1930-е гг.³⁴⁹

Что касается указанных 24,4 тыс. чел., то С.А. Головин «распределил» их по территории следующим образом: «Некоторым из них для расселения были выделены пахотные земли (в Ивановском и Константиновском районах Амурской области). В Тамбовском районе Амурской области советские немцы создали семь колхозов ... *(те же названия, что и у А.С. Сутурина. — Е.Ч.)*. Основную же часть немецких переселенцев разместили в труднодоступной местности Селемджинского, Мазановского и Верхне-Буреинского районов, большая часть их работала в тайге, на строительстве объектов народного хозяйства»³⁵⁰.

Ещё одна статья, посвящённая антинемецким сталинским репрессиям в Амурской области, была опубликована в 2005 г. в журнале «Дальний Восток». Её автор хабаровский исследователь д.и.н. В.В. Романов привлёк ценные архивные материалы, в том числе, очевидно, уголовно-следственные дела репрессированных, однако формат журнала (художественно-публицистический) продиктовал отсутствие сносок на источники. Раскрывая проблему, автор остановился и на истории формирования немецкого населения в регионе. Но цифровой материал, опубликованный В. Гамерманом и С.А. Головиным, он использует более осторожно, не связывая напрямую со спецпосёлками. «По некоторым данным, — говорится в статье, — к 1935 г. на Дальний Восток было переселено около 25 тыс. немцев, из них большая часть, свыше 18 тыс., размещалась на территории Хабаровского края. В то время, до начала массовых репрессий, порядок их расселения был несложным. Как правило, по несколько семей расселялись по сёлам и деревням. Обычными местами спецпоселенцев являлись суровые в климатическом плане Селемджинский, Мазановский, Зейский, Верхне-Буреинский и другие

северные районы»³⁵¹. В отличие от предшественников В.В. Романову удалось обнаружить документы о немецких колхозах в Амурской области, относящиеся к 1931—1934 гг., поэтому он не воспроизвёл версию об их создании переселенцами конца 1930-х гг.³⁵²

Таким образом, в дальневосточной литературе получили распространение следующие версии.

1) Большая группа немецких переселенцев прибыла в регион в конце 1930-х гг., они образовали в Тамбовском районе Амурской области семь немецких колхозов.

2) В 1930-е гг. в регион были переселены от 18 до 24, 4 тыс. немцев, из них в Амурскую область — около 2 тыс. чел. Вариации: эти переселенцы рассматриваются как принудительные мигранты (спецпоселенцы) или форма их переселения не оговаривается. Районами расселения считаются Тамбовский, Константиновский, Ивановский, Селемджинский, Мазановский, Верхне-Буреинский. Причём последние три района, наиболее суровые для проживания, названы либо как изначально основные, либо как районы вторичного переселения внутри региона, проведённого в годы массовых депортаций.

Ни одна из этих версий не подкреплена полноценными ссылками. Мы поставили цель попытаться найти источники и уточнить, как всё же происходила миграция немецкого населения на Дальнем Востоке в 1930-е гг. Поиск документального материала осуществлялся нами в центральных государственных (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ) и в региональных (ГАХК, ГАПК, ГААО, Архив УВД Амурской области) архивах, для анализа привлечены также материалы переписей населения (см. табл.13).

Таблица 13

Динамика численности немцев на советском Дальнем Востоке в 1920—1930-е гг. по данным переписей населения (тыс. чел.)³⁵³

	1923	1926	1939
Приморский край	1 233	997	1 911
Хабаровский край	144	492	3 403
Амурская область	581	806	1 688
Сахалинская область	нет св.	29	463
Камчатская область	нет св.	18	142
Всего	1 958	2 342	7 607

Примечание: данные условно адаптированы к современным территориально-административным границам.

Переписи показывают, что в 1920—1930-е гг. в регионе стабильно росла численность этнических немцев. В 1939 г., по сравнению с 1926 г., их стало больше в 3,2 раза или на 5 265 чел. Наибольший прирост произошёл в Хабаровском крае, он составил 2 911 чел. (или в 6,9 раза), в Приморье — 914, Амурской области — 882, Сахалинской области — 434, на Камчатке — 124 чел. Несомненно, такая динамика могла произойти только при преобладающем

значении миграций. Какие же потоки немецких мигрантов повлияли на это? Из подтверждённых достоверными источниками мы можем назвать плановое сельскохозяйственное переселение 1927 г. и внеплановое «эмиграционное» движение рубежа 1920—1930-х гг.

В 1920-е гг. треть немцев-дальневосточников проживала в городах, остальные в значительной массе были сосредоточены в сёлах, основанных немецкими переселенцами ещё в дореволюционное время. Основными сельскими районами концентрации немцев были Завитинский и Тамбовский Амурской области, Спасский и Ивановский районы Приморья (в 1932—1938 гг. — Уссурийской области). Во второй половине 1920-х гг. правительство организовало плановое сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток, в числе новосёлов были и немцы. Согласно официальному документу 1939 г. в Тамбовский район Амурской области в 1927 г. прибыло до 200 немецких семей из Славгородского округа Западной Сибири* и Таврической губернии Украины. Именно они в период коллективизации организовали 8 немецких колхозов — «Энергия», «Штерн», «Источник», «Роте-Фане», «Сигнал», им. Энгельса, им. Тельмана, «Арбейт»³⁵⁴ (колхоз им. Лаврентьева среди немецких колхозов в данном источнике не назван, очевидно, он был переименован в им. Энгельса) (см. табл.14).

Таблица 14

Немецкие колхозы Тамбовского района Амурской области в 1930-е гг.³⁵⁵

	Год создания	Число хозяйств						
		1930	1934	1935	1936	1937	1938	1939
им. Тельмана	1930	32	18	21	18	28	39	...
Штерн	1931		28	30	28	30	32	...
им. Энгельса	1930	28	20	24	29	30	30	...
Энергия	1930	...	40	39	41	44	47	...
Роте-Фане
Сигнал
Источник
Арбейт	1930	32	0	0	0	0	0	0
Всего	242

Примечание: отточие означает отсутствие сведений.

* Эти данные подтверждаются и исследованиями сибирских историков. Так, по данным А.И. Савина, в октябре 1927 – мае 1928 г. из Славгородского района на Амур переселилось 182 немецких хозяйства. См.: Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотированный перечень архивных документов и материалов. Избранные документы / сост., вступ. статья и комментарии А.И. Савина. Новосибирск, СПб.: Посох, 2006. С. 66, 314.

В сёлах Спасского района Уссурийской области, где к началу 1932 г. проживало 360 немцев, было создано 2 колхоза, куда вошли 292 чел. (58 хозяйств). В деревне Гринталь действовала промысловая артель «Красный Бондарь»³⁵⁶. По данным И.О. Сагитовой (интервью со старожилами), многие немцы в Приморье жили хуторами и предпочитали вести единоличные хозяйства³⁵⁷.

Новым миграционным явлением на рубеже 1920—1930-х гг. стало прибытие в приграничные районы Дальнего Востока немцев с Алтая и некоторых других областей СССР с целью нелегальной эмиграции через советско-китайскую границу³⁵⁸, что они частично и осуществили. К сожалению, не известно точно, сколько «эмиграционно настроенных» немцев вселилось в регион, исследователи считают — несколько сот семей. По данным ОГПУ, с февраля по май 1929 г. в Китай, а оттуда в Канаду удалось нелегально перебраться 175 семьям крестьян Омского и Славгородского округов. К осени того же года ещё 300 чел. пересекли границу и ушли в Харбин³⁵⁹, а в декабре 1929 г. к ним добавились 72 семьи (около 500 чел.), проживавшие во Владивостокском и Амурском округах³⁶⁰. В конце 1930 г. по замёрзшему льду р. Амура через границу бежали все жители пос. Шумановки и Фриденсфельд Тамбовского района, члены колхоза «Арбейт» — 202 немца-меннонита (32 хозяйства), в результате чего колхоз «Арбейт» перестал существовать³⁶¹. В 1932—1933 гг. их число дополнили ещё 17 немецких семей: в Китай бежали из колхозов «Источник» — 8 семей, «Энергия» — 5, «Роте-Фане» — 3, «Сигнал» — 1³⁶². Таким образом, суммарное количество немцев — нелегальных эмигрантов с Дальнего Востока составляло примерно 2 тыс. чел.

Часть немецких жителей в эти годы из Амурского округа переселялась также дальше на восток России, в том числе на Сахалин. Согласно исследованию В.В. Щеглова, во второй половине 1920-х гг. Амурский округ стал одним из главных доноров сельскохозяйственной колонизации острова³⁶³. Показательна в этом отношении судьба Ф.Ф. Валла, немца-меннонита, о которой поведал его внук Ф. Валл. Дед автора публикации родился в конце XIX в. в Крыму. В начале XX в. семья вместе с большой группой единоверцев переехала в Славгородский район Алтайского края. Затем было переселение в Амурскую область и, наконец, в 1932 г. — на Сахалин³⁶⁴. Аналогичные примеры мы находим в уголовно-следственных делах репрессированных на Сахалине немцев. Так, О.Х. Эбингер, уроженец Таврической губернии (1900 г.р.), жил на ст. Москаленка Омской железной дороги, в 1914 г. приехал в Амурскую область в с. Ясная Поляна Завитинского района. В 1929 г. по приглашению тестя, П. Остермиллера, уехал на Сахалин вместе с братом Я.Х. Эбингером и А.А. Сайбелем (все со своими семьями). На момент ареста в 1938 г. имел 5 детей³⁶⁵.

За короткий срок на Сахалин перебралась довольно значительная группа немцев, что подтверждают и материалы переписей. Если в 1926 г. на советской части острова проживало только 29 лиц немецкой национально-

сти, то в 1931 г. — уже 322 (170 муж., 152 жён.)³⁶⁶. Другие же в период раскулачивания возвратились в Западную Сибирь или на Украину.

В 1930-е гг. в СССР начались массовые принудительные миграции. Однако современное изучение этих процессов относительно российских немцев, как правило, географически не распространяется восточнее Сибири. Все сколько-нибудь известные исследования, посвящённые и 1930-м, и 1940-м годам, среди районов выселения немцев рассматривают европейскую часть страны, а районов вселения — в основном Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. Между тем на Дальнем Востоке в указанные годы также практиковались как вселения, так и выселения немцев.

В 1930-е гг. немцы не могли не попасть в число принудительных выселенцев в общем потоке репрессированных граждан на Дальнем Востоке в результате раскулачивания, паспортизации, административных «чисток», арестов и отправки в исправительно-трудовые лагеря. Однако переселения осуществлялись большей частью внутри региона. Так, 1 января 1931 г. на заседании секретариата Далькрайкома ВКП(б) рассматривался вопрос «О состоянии немецких колхозов», по которому были одобрены мероприятия ПП ОГПУ о выселении «самовселившихся в 1929—1930 гг. эмиграционно настроенных немцев» за 100-км полосу³⁶⁷. В 1932 г. в связи с раскулачиванием из немецких сёл Тамбовского района было выселено до 25 семей³⁶⁸ (все раскулаченные на Дальнем Востоке переселялись в труднодоступные районы этого же региона — см. разд. 2.1.1.). В целом же по Дальнему Востоку ни точных, ни даже приблизительных количественных показателей по этой категории мигрантов выяснить не удалось. Тем не менее данные табл. 2 свидетельствуют, что значительных колебаний числа хозяйств — членов колхозов не произошло, за исключением колхоза им. Тельмана, который в 1937 г. принял 11 новых переселенческих семей (национальная принадлежность не известна)³⁶⁹. Выбытия же в каждом из колхозов по собственному желанию, по причине переезда или в связи с репрессиями составляли в среднем по 1—3 хозяйства в год. Если судить по четырём колхозам — им. Тельмана, им. Энгельса, «Штерн» и «Энергия», — то оттуда согласно документам в 1934—1938 гг. выбыло 29 хозяйств, в то же время общее увеличение составило 42 хозяйства, для чего необходимо было вступление в колхоз 71 новой семьи. Это могли быть как переселенцы, так и бывшие местные единоличники. Скорее всего, шёл процесс доприселения вновь прибывших мигрантов в существовавшие колхозы мелкими партиями (однако отметим, что большую часть переселенцев этих лет на Дальнем Востоке составляли демобилизованные красноармейцы и их семьи). Кроме того, немцы, очевидно, прибывали в города региона в рамках промышленного переселения как рабочие и служащие. Но это не были специально организованные этнические миграции, и в статистике того времени их национальный состав не учитывался. Таким образом, версия о переезде в регион немцев в общем потоке переселенцев 1930-х гг. находит косвенное подтверждение. Масштабы этого

процесса в Амурской области вполне могли быть в пределах 1,7 тыс. чел., что укладывается и в рамки межпереписного прироста немецкого населения с учётом выбытия. Однако по Хабаровскому краю никаких следов 18-тысячного пополнения немецкого населения и вселения их целыми колхозами не обнаружено.

Мы предприняли попытку найти недостающий материал также в отчетных документах по выполнению планов межобластных добровольных сельхозпереселений конца 1930-х гг. (РГАЭ, ф.5675), однако они не дают ответа: мигранты выезжали из нескольких областей РСФСР, УССР и БССР, в каждом из потоков могли оказаться и немцы. Но подтверждения этому не найдено, более того, в обнаруженной характеристике национального состава сельских мигрантов, прибывших на Дальний Восток в сентябре-декабре 1939 г., немцев не значится³⁷⁰. Кстати, Ярославская область, о которой писал В. Гамерман, в списке районов выхода мигрантов на Дальний Восток этих лет отсутствует. Однако нами выявлена следующая информация. В 1939 г. проходило переселение жителей из районов Ярославской области, входивших в зону затопления в связи со строительством Рыбинского гидроузла. Переселенческий Отдел НКВД СССР считал возможным провести в этих районах вербовку для переселения в Сибирь и на Дальний Восток, в Ярославскую область был послан специальный уполномоченный, который после изучения вопроса на месте предложил вести вербовочную работу в трёх сельскохозяйственных районах, где на 20 февраля 1939 г. оставались непереселёнными 5 014 хозяйств. В том же году в переселенческие органы поступило большое количество заявлений как от колхозников, так и от рабочих и служащих области, желавших переехать на Дальний Восток. К сожалению, итоговых документов найти не удалось. Однако в отчёте Переселенческого управления при СНК СССР за 1939 г. по стране в целом Ярославская область среди мест выхода в межобластных переселениях колхозников не значится³⁷¹.

Что же касается упомянутой В. Гамерманом записки для Л. Берии с предложением о выселении из Ярославской области 2,8 тыс. немцев, то, во-первых, по характеру текста она сильно ассоциируется нами с документами начала войны. Например, Н.Ф. Бугай приводит аналогичную записку, подготовленную ГУЛагом НКВД СССР для Берии и Сталина осенью 1941 г. по Воронежской области³⁷². Форма записки, все формулировки абсолютно идентичны той, что опубликована В. Гамерманом, названы лишь другие области вселения и выселения и цифры, что заставляет предположить о спущенном клише, по которому, видимо, и подавались соответствующие сведения применительно к конкретной территории. Во-вторых, указанные лица в связи с их «неблагонадёжностью» должны были проходить в статусе не добровольных переселенцев, а, как минимум, административно выселенных, но вовсе не обязательно спецпоселенцев, в-третьих, не ясно, было ли это предложение реализовано и, если было, то когда. В современной литературе

не вызывает сомнений факт принудительного переселения отдельных групп немцев из различных районов европейской части СССР в 1930-е гг.³⁷³ Так, Т.В. Савранина, характеризуя переселенческое движение немцев в Западную Сибирь, делит его на два периода, во втором из которых (1914—1950 гг.), обозначенном как «депортация», выделен этап 1930—1939 гг. с характеристикой: «несистематическое переселение немцев из европейской части России из-за голода и раскулачивания»³⁷⁴. На аналогичной позиции стоит А.А. Шадт, который обозначает этот период как предварительный (до массовых депортаций военного времени) и справедливо отмечает, что «основной чертой данного этапа стал социальный, классовый характер депортаций в отличие от ярко выраженного национального на последующих этапах. Точных цифр по довоенному переселению немцев нет. Их установление — дело будущего»³⁷⁵. Ни в одном исследовании Дальний Восток не назван в числе мест принудительного вселения немцев этого периода.

На наш взгляд, приведённые В. Гамерманом цифры не относились к немецкому населению. В противном случае они выглядят весьма высокими при сравнении их с общей численностью спецпоселенцев на Дальнем Востоке, с одной стороны, и материалами переписи 1939 г. — с другой. Как отмечалось в разд. 2.1.6., в ДВК на 1 января 1934 г. состояло на учёте 46 495 спецпоселенцев, к 1 января 1940 г. их число сократилось до 26 540 чел.³⁷⁶ Если бы указанные В. Гамерманом и повторенные С.А. Головиным данные относились к немцам, то последние составляли бы от половины до трети всех спецпоселенцев в регионе, что довольно много. Причём такая специфика должна была обязательно отразиться в документах спецпоселенческих и партийных органов ДВК, но этого нет. Более того, имеются прямо противоположные сведения: в официальном статотчёте соответствующего отдела ГУЛАГа НКВД о национальном составе трудпоселенцев на 1 июня 1940 г. сообщается, что немецких семей среди них насчитывалось в Приморском крае — одна, в Хабаровском крае — 17³⁷⁷.

Кроме выявления необходимых материалов в фондах государственных центральных и дальневосточных архивов мы обращались также в архив УВД Амурской области*, где методом случайной выборки проанализировали ряд личных дел бывших спецпоселенцев-немцев Амурской области. В одном случае фигуранткой дела была немка, принудительно выселенная в 1930 г. из Днепропетровской области на спецпоселение в г. Зею, во всех остальных — это были либо местные уроженцы, либо лица, переселившиеся ранее на Дальний Восток добровольно и взятые на учёт спецпоселений в 1946 г.

Теперь о переписи 1939 г.: при справедливости информации В. Гамермана налицо будет уменьшение на 17 тыс. чел. по сравнению с 1926 г. Куда

** Мы выражаем искреннюю признательность сотрудникам Архива УВД Амурской области за помощь в работе.

исчезло недостающее число, если о массовых депортациях немцев с Дальнего Востока в 1935—1939 гг. ничего не известно? Правда, имеются свидетельства старожилов Приморья о том, что большинство жителей немецких хуторов Спасского района Уссурийской области было выслано в Сибирь весной — летом 1937 г.³⁷⁸ Упоминание о такого же рода выселении немцев мы находим в монографии П.М. Поляна, который замечает (без ссылки), что вместе с выселенными в 1937 г. корейцами были «прихвачены» и по несколько сот человек некоторых других этнических групп, включая немцев³⁷⁹ (но не 17 тыс.!)^{*}.

Что касается потерь в связи с репрессиями, то, по нашим данным, они также были на два порядка меньше³⁸⁰. Например, в сёлах Тамбовского района, по данным районного НКВД, в связи с т.н. «немецкой операцией» в 1937—1938 гг. было арестовано 154 чел., из которых 132 чел. к середине 1939 г. освободили³⁸¹. Согласно сведениям Н. Охотина и А. Рогинского в ДВК число лиц, осуждённых по этой операции с её начала по 15 ноября 1938 г. в «альбомном порядке» особыми тройками, составляло 41 чел., из них 30 чел. — к высшей мере наказания и 11 — к другим мерам³⁸². Мы считаем, что указанное число занижено. По данным Приморского отделения общества «Мемориал», только в Приморском крае в «немецкую операцию» было расстреляно не менее 41 немца, из них 34 приговора было вынесено в НКВД СССР в один день — 28 августа 1938 г. Всего же в 1937—1938 г. в Приморской и Уссурийской областях было расстреляно не менее 81 немца, в том числе 17 красноармейцев в возрасте 22 — 27 лет³⁸³. К этому следует добавить неизвестное, к сожалению, число тех, кто был отправлен в исправительно-трудовые лагеря. На Сахалине также в один день — 27 июля 1938 г. — решением ОСО были приговорены к заключению в лагерях 17 немцев, арестованных в феврале — марте 1938 г.³⁸⁴, а 23 августа 1938 г. там расстреляли 18 чел., абсолютное большинство которых — немцы³⁸⁵. Общее же число лиц этой национальности, репрессированных в разные годы в Сахалинской области по ст.58 УК РСФСР, составляет не менее 99 чел.³⁸⁶ И все-таки, несмотря на наши поправки, число немцев, арестованных и осуждённых в годы Большого Террора, на Дальнем Востоке было значительно меньше, чем в других регионах страны, и вряд ли могло достигнуть нескольких тысяч. Объяснялось это, скорее всего, тем, что общая численность немецкого населения в регионе и их локальная концентрация были сравнительно небольшими.

Сопоставление и анализ документов приводят нас к выводу, что указанные В. Гамерманом 24,4 тыс. чел. могли относиться ко всем спецпоселенцам (независимо от этнической принадлежности), доставленным в Хабаровский край, в состав которого в те годы входила и Амурская область (эти данные были ошибочно восприняты другими авторами как относящиеся к немцам и привели к тиражированию данного заблуждения в публикациях).

* Комментарий по поводу этого утверждения см. в разд. 3.3.

Однако и в этом случае не совсем ясно, к какому году привязано указанное число, поскольку уже в 1930—1931 гг. в ДВК было завезено более 34 тыс. спецпоселенцев из других регионов страны, а именно: из БССР, УССР, Татарской АССР, Средневолжского края, Центрально-Черноземной области³⁸⁷. В последующие годы десятилетия массового притока этой категории принудительных мигрантов на Дальний Восток не происходило (см. разд. 2.1.2.).

Вернемся к упомянутому В. Гамерманом отчёту, поступившему из Амурской области на имя Берии в августе 1939 г., о том, что немцев расселили целыми колхозами и совхозами. Нам представляется, что в нём речь могла идти о результатах как плановых сельхозпереселений на Дальний Восток, так и принудительно-административных, включая переселения из приграничных в тыловые районы внутри региона в рамках специальной кампании по общей «очистке» пограничной зоны в предвоенный период (см. разд. 3.5.). Эта «чистка» была нацелена на разные группы т.н. «неблагонадёжного» населения края, в том числе и на все семь немецких колхозов Тамбовского района, которые располагались на расстоянии от 12 до 30 км от государственной границы.

Постановлением Бюро Хабаровского КК ВКП(б) от 29 мая 1939 г. начальнику краевого УНКВД Никишову было поручено подготовить и внести предложение о переселении немцев из Тамбовского района в Мазановский район Амурской области. К этому времени немецкие колхозы Тамбовского района объединяли 242 хозяйства, в которых насчитывалось 1116 чел.³⁸⁸ Учитывая, что это была крупнейшая немецкая сельскохозяйственная колония в регионе, можно предположить, что подобные переселения из других приграничных районов края (например, из Приморья) должны были охватывать меньшее число людей.

Но и с данным эпизодом не все ясно. После принятия постановления Хабаровского крайкома партии подготовка к переселению, несомненно, велась. Об этом свидетельствует, например, доклад начальника Тамбовского РО НКВД секретарю РК ВКП(б) «О состоянии немецких колхозов» на 20 июня 1939 г., в котором кроме прочей информации было перечислено всё движимое и недвижимое имущество немецких колхозов с его оценочной стоимостью³⁸⁹. Однако, когда в 1941 г. в связи с начавшейся войной готовилось переселение дальневосточных немцев в Селемджинский и некоторые другие труднодоступные районы края, в официальных документах вновь отмечалось, что основная масса немецкого населения Амурской области проживает в колхозах Тамбовского района. Это означает, что в 1939 г. переселение из Тамбовского в Мазановский район по каким-то причинам не состоялось, по крайней мере, в полном составе колхозов. А вот в конце 1941 — начале 1942 г. такая акция с полным охватом немецкого населения была проведена, всего по области ей подверглись порядка 2,5 тыс. чел.³⁹⁰ (см. разд. 4.2.). Дополнительное вселение немецких мигрантов из других регионов СССР в Тамбовский район в конце 1930-х гг. было невозможно по соображениям

«безопасности приграничной территории», но пополнение переселенцами других («более благонадёжных») национальностей активно шло, что приводило к определенному размыванию этнического состава немецких сёл. Так, на заседании бюро Тамбовского РК ВКП(б) 30 сентября 1939 г. был утверждён план вселения 125 семейств на 1939—1940 гг. в колхозы им. Петровского, «Красное знамя», «На страже Октября», «Знамя Ленина», «Ильич», «2-я Приамурская»³⁹¹. Колхозы же, бывшие ранее немецкими, с конца 1941 г. таковыми быть перестали, но сохранили свои названия, о чём свидетельствуют документы Тамбовского РИКа за 1941—1943 гг. В итоге мы не находим пока хронологической и территориальной привязки вышеназванного отчёта на имя Берии (если в нём речь идёт именно о переселенцах-немцах).

Таким образом, выявленные к настоящему времени источники доказывают, что немецкие колхозы Тамбовского района Амурской области были организованы переселенцами, прибывшими не в конце 1930-х, а в конце 1920-х гг. Не подтверждается также распространённая версия о том, что в 1930-е гг. на Дальний Восток извне было переселено более 20 тыс. немцев (ни принудительно, ни добровольно). Но миграция их в более скромных масштабах, несомненно, осуществлялась. Что же касается «распределения» немецких переселенцев в 1935 г. по районам Амурской области, данного С.А. Головиным (см. выше), то, на наш взгляд, в нём соединены события разных этапов, из которых размещение немцев в труднодоступной местности Селемджинского и Верхне-Буреинского районов приходится на годы войны, а по остальным районам — на более раннее время.

3.5. Практика внесудебных методов выселения «неблагонадёжных» лиц из дальневосточного приграничья в 1930-е гг.

3.5.1. Ссылка и высылка, «административное» переселение

В 1930-е гг. «зачистка» Дальнего Востока осуществлялась не только посредством сконцентрированных по времени массовых кампаний, но и перманентно, так сказать, «по скользящему графику». Инструментом такой политики было уголовное наказание граждан в виде высылки и ссылки, которое назначалось либо по суду*, либо в административном (внесудебном) порядке органами ОГПУ — Судебной коллегией и «тройками». В 1934 г. последние были упразднены в связи с реорганизацией ОГПУ и образованием на его базе НКВД СССР. Но это не означало отказа государства от внесудебных репрессий. Право на них было передано Особому совещанию при НКВД СССР (ОСО). В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 5

* В 1930-е гг. ссылка по суду могла назначаться на сроки от 3 до 10 лет, применение срока менее трёх лет не допускалось. См.: РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1674. Л. 25.

ноября 1934 г. оно могло применять следующие меры наказания к лицам, признанным общественно опасными: ссылку на срок до 5 лет под гласный надзор в местности по соответствующему списку, высылку на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживать в столицах союзных республик и крупных городах СССР, заключение в ИТЛ на срок до 5 лет, высылку иностранных граждан за пределы СССР. Постановлением ПБ ЦК ВКП(б) от 8 апреля 1937 г. полномочия Особого совещания были расширены в части установления сроков лишения свободы. На Дальнем Востоке, по данным О.Б. Мозохина, судебная «тройка» при ПП ОГПУ по ДВК в 1930 г. приговорила к ссылке 698 чел., в 1931 г. — 58, в 1932 г. к административной высылке — 2 925, к ссылке и высылке — 1 610, в 1934 (с 01.01. по 11.07) г. к ссылке — 2 405, Дорожно-транспортный отдел Уссурийской железной дороги в 1932 г. к административной высылке — 299 чел., к ссылке и высылке — 98, ОСО НКВД СССР в 1935 г. — к ссылке и высылке из региона 68 чел., т.е. всего за 5 лет — 8 161 чел.³⁹²

Основанием, по которому «тройки» и ОСО высылали и ссылали дальневосточников, было обвинение по ст. 58 (пункты 2, 6, 10, 11, 13) УК, а также причисление к «социально-вредному» или «социально опасному элементу». В 1932—1933 гг. наиболее часто таких лиц (в отдельных случаях — с семьей) отправляли на три года в Западную Сибирь, реже — в Николаевский-на-Амуре округ, в 1934—1936 гг. , кроме Сибири, также и в Казахстан на три года или пять лет. Иностранцы граждане (на Дальнем Востоке в подавляющем большинстве это были китайцы, корейцы, реже японцы) по тем же основаниям высылались из СССР. В ряде случаев советские граждане на три года лишались права проживания в ДВК (вариации: в пограничных районах, в 12 населённых пунктах ДВК)³⁹³. Однако по прошествии назначенных приговором лет многие из них не могли вернуться обратно, поскольку имелась директива ОГПУ от 22 апреля 1931 г., по которой лица, хотя бы раз высланные из пограничных районов, навсегда теряли право на постоянное проживание в них без предварительного разрешения ОГПУ даже если срок их высылки кончился³⁹⁴.

Несмотря на то, что «тройки» ОГПУ как внесудебный репрессивный институт в 1934 г. были упразднены, очень скоро они получили новое воплощение — в виде «милицейских» и «политических». 27 мая 1935 г. Приказом НКВД СССР № 00192 объявлялась инструкция о создании «троек» НКВД с участием прокурора в краях, областях и республиках, подчинённых непосредственно Центру. Эти «милицейские тройки», подконтрольные ОСО, рассматривали дела об уголовных и деклассированных («социально вредных») элементах, к которым были отнесены: а) имевшие судимости или приводы за уголовные преступления и не порывавшие связи с преступным миром, б) не занятые общественно полезным трудом, без определённого местожительства, связанные с уголовной средой, в) вору-рецидивисты, уличенные в конкретных преступлениях, г) хулиганы-рецидивисты в случае совершения

ими вновь хулиганских действий, ранее не менее двух раз судимые, осуждённые к лишению свободы или принудительным работам на срок от года и более, д) «нищие»-профессионалы, е) злостные нарушители паспортного режима. Протоколы «троек» направлялись на утверждение ОСО. Вышеупомянутым приказом № 00192 обращалось внимание на абсолютную недопустимость массовых арестных операций СВЭ. Однако по существу они оказывались таковыми: к 1 ноября 1935 г. всего по СССР милиция задержала более 256 тыс. чел., отнесённых к «социально вредным элементам», которых приговорили к заключению в лагеря и другим мерам уголовного наказания, в том числе 64,4 тыс. — к ссылке и высылке³⁹⁵. К сожалению, по Дальнему Востоку такого рода данных нами не выявлено.

Во второй половине 1930-х гг. с расширением размаха политических репрессий административные высылки и ссылки стали приобретать всё более очерченный характер целенаправленных кампаний, решения о которых принимались на высшем политическом уровне. Так, в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О приграничных районах ДВК» от 7 января 1936 г. два пункта из трёх имели отношение к принудительным перемещениям. Пункт первый давал разрешение НКВД «выслать в административном порядке из приграничных районов Дальнего Востока в другие регионы до 1 500 исключённых из партии при проверке партдокументов «...бывших белогвардейцев, корейцев, троцкистов и зиновьевцев, подозреваемых в связи со шпионским элементом и т.п. категорий исключённых»*. Дела арестованных в связи с проверкой требовалось закончить расследованием в месячный срок и привести в двухмесячный срок приговор в исполнение. Второй пункт был нацелен на «зачистку» приграничных веток Уссурийской железной дороги. При этом объектом репрессии стала новая категория граждан, не внушавшая доверия сталинскому руководству, — бывшие работники КВЖД («харбинцы»). В силу географической близости ДВК и Маньчжурии многие железнодорожники, возвратившиеся в СССР после продажи КВЖД или ранее, осели на Дальнем Востоке, где и устроились по специальности. Постановление обязало создать на железной дороге специальную комиссию, которая должна была рассмотреть и выявить среди сотрудников всех «харбинцев», «...переместив их с приграничных узлов, депо, станций и прочих служб на другие пункты дороги и оставив на дороге лишь тех работников КВЖД, за кем не числится компрометирующих поступков. Подозрительных по связи

* Практика таких же «зачисток» применялась и в других стратегически важных районах страны. Например, 22 мая 1937 г. нарком внутренних дел Н. Ежов представил Сталину проект постановления о высылке из Москвы, Ленинграда и Киева в непромышленные районы СССР всех исключённых из партии за «антисоветские проявления» и за принадлежность к троцкистам, зиновьевцам, правым, децистам и т.п. См.: История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 288 – 289.

с закордоном и сомнительных людей удалять вовсе из Уссурийской дороги. Срок работы — месяц»³⁹⁶.

О выполнении п.1 постановления свидетельствовал пример с высылкой в Приаралье исключённых из партии корейских номенклатурных работников (см. разд. 3.2.2.). Нет сомнения в том, что были выселены и остальные бывшие партийцы, указанные в документе в числе 1 500 чел. Отголоски этой акции обнаруживаются даже в 1950-е гг. : на 1 января 1952 г. среди общего по стране числа лиц, находившихся в ссылке на поселениях, ссылке и высылке, 91 чел. являлся высланным в 1936 г. из Дальневосточного края³⁹⁷.

Что касается «харбинцев», то против них также развернулись широкомасштабные репрессии. На Уссурийской железной дороге была создана специальная комиссия, которая к 16 января 1936 г. выявила на своём предприятии 463 бывших работника КВЖД. Несмотря на то, что постановление требовало лишь «переместить» их из пограничных участков во внутренние, на самом деле для большинства «харбинцев» дальнейшая судьба сложилась трагически. Людей увольняли без всяких объяснений, но с записью в трудовой книжке: «Уволен за невозможностью использования», что было равносильно «волчьему билету». После этого они вынуждены были уезжать в другие места и искать другое место работы, а в 1937—1938 гг. органы НКВД арестовали большинство «харбинцев», отправили в лагеря или расстреляли (в практике Большого Террора они удивительным образом попали в один ряд с «ненадёжными» этническими группами)³⁹⁸.

Ещё одной целевой категорией «очистительных кампаний» стали принудительные работники, использовавшиеся на предприятиях, расположенных в приграничной зоне. Их заменяли вольнонаемной рабочей силой и вывозили из режимных зон. Такая «ротация кадров» проводилась, например, на угледобывающих предприятиях ДВК. В конце 1936 г. с шахт Сучана и Артема (Приморская область) были сняты части тылоополчений и заключённые Дальлага, на смену которым в 1937 г. завезли 7 тыс. вольнонаёмных шахтёров³⁹⁹. То же происходило и в Райчихинске (Амурская область), о чём свидетельствует докладная записка руководителей треста «Дальтрансуголь» от 18 мая 1937 г.: «...В силу близости границ и особого положения Дальнего Востока необходимо провести в жизнь к концу 1 января 1938 г. поставленную задачу освобождения от работы на рудниках рабочей силы заключённых и переход на работу вольнонаёмными. Для решения этой задачи на Райчихе трестом заключён договор с управлением Дальлага на 1937 г. на новых условиях. Дальлаг предоставляет только рабочую силу в количествах, определяемых Кивдо-Райчихинским рудоуправлением, которое, согласно календарному плану, производит замену всех работающих на Райчихе заключённых вольнонаёмными»⁴⁰⁰.

Все эти действия осуществлялись государством в качестве превентивной меры безопасности в условиях угрозы развязывания Японией войны на Дальнем Востоке. Политбюро ЦК ВКП(б) даже приняло специальное По-

становление «Об использовании осуждённых на период войны» от 29 марта 1937 г., согласно которому «...все осуждённые по контрреволюционным преступлениям во время войны должны быть вывезены из Дальневосточного края»⁴⁰¹.

Такая политика исходила от центральной власти, одновременно подогреваясь и предложениями со стороны местной номенклатуры, втянутой в истерию всеобщей подозрительности и террора. Стало общим правилом списывать все производственные неурядицы и невыполнение спускавшихся сверху планов на «врагов народа» и «вредителей». Например, 3 июля 1937 г. секретарь Ханкайского РК ВКП(б) И. Цинман отправил секретарю Далькрайкома ВКП(б) Варейкису письмо, в котором, в частности, предлагал: «...Второй вопрос, который я считаю необходимым поставить: об усилении активности органов НКВД в деле очистки пограничных районов от враждебных элементов. В своё время из пограничных районов удалено немало такого элемента. Но остались наиболее тонко замаскированные враги и, следовательно, наиболее опасные. Они ведут сейчас работу чрезвычайно осторожней и поэтому их трудно поймать и разоблачить. На опыте своего района считаю, что главная их цель направлена к развалу колхозов. Работа ведётся по линии агитации: не косить сено, не полоть сахарную свёклу, обрабатывать только свои огороды, не ходить на колхозную работу, не принимать ответственных постов в колхозе (пост председателя, бригадира), спаивание активных колхозников с целью срыва собраний и т.д. Наиболее яркий пример такой работы у нас является колхоз «Трудовой пахарь» (в с. Троицком), где дело дошло до грани саботажа свёклы и сена (*так в тексте. — Е.Ч.*). Несомненно, тут огромная доля вины партийной организации, не сумевшей мобилизовать колхозников данного села против враждебной агитации. Независимо от этого я считаю, что органы НКВД должны сейчас систематизировать все свои сведения об отдельных подозрительных элементах (их прошлое, настоящая работа) и поставить вопрос об изъятии из приграничных районов враждебно к нам настроенного элемента. Не знаю, как в других приграничных районах, но опасюсь, что промедление с этим делом может создать и у самих врагов, и у колхозников, которые знают про их работу, настроение безнаказанности»⁴⁰². Как известно, подобного рода «чистка» была проведена в ДВК осенью 1937 г. в виде депортации корейцев (см. разд. 3.2.3.), но не только.

В 1937 г. в стране был раскручен новый виток массовых репрессий, известных под названием Большой Террор. Это была серия растянувшихся на два года акций, тщательно спланированных на самом высоком государственном уровне. По целевым группам преследования они, на бюрократическом жаргоне НКВД, объединялись в две линии — «кулацкую» и «национальную»⁴⁰³, хотя на самом деле охватили все без исключения группы населения. Началом массовой операции против «кулаков», наряду с которыми были прихвачены и уголовные преступники, послужило Постановление ПБ ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» от 2 июля 1937 г. Оно давало пору-

чение республиканским, региональным и местным органам власти «...взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через «тройки», а остальные — менее активные, но всё же вражеские элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД». Политбюро объясняло своё решение тем, что якобы «...большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных в одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности». Для реализации постановления областные и краевые власти должны были создать специальные «тройки» по политическим делам (руководитель НКВД, первый секретарь партии и прокурор данной территории) и в пятидневный срок представить в ЦК их состав, а также количество лиц, подлежащих расстрелу и высылке⁴⁰⁴. Американская исследовательница Ш. Фицпатрик назвала данную кампанию «облавой на социальных маргиналов», считая этот подход советского режима к «социальной чистке» близким к нацистскому⁴⁰⁵.

Решениями Политбюро и последовавшей директивы НКВД СССР № 266 была запущена настоящая машина государственного террора, проводившая беспрецедентное истребление населения на плановой (!) основе. По требованию центрального аппарата НКВД регионы начали отправлять в Москву свои предложения о том, сколько человек следует арестовать на подведомственной им территории. Эти цифры в виде «лимитов» утверждались на заседаниях высшего партийного руководства одновременно с составом республиканских, краевых и областных «троек».

По Дальневосточному краю вопрос на Политбюро рассматривался 10 июля. В состав утверждённой «тройки» вошли Дерibas (с заменой Западным), Птуха и Федин, а первоначальный «лимит» репрессий составил: на расстрел — 3 017 чел., **высылку — 3 681**. С учётом специфики региона действие директивы ЦК было распространено и на спецпосёлки, находившиеся в ДВК. Кроме того, этой же «тройке» разрешалось рассматривать дела заключённых ИТЛ, «проявляющих враждебную деятельность с применением к ним расстрела»⁴⁰⁶. Исследование М. Юнге и Р. Биннера позволяет говорить, что данный этап кампании не был реализован: 11 июля зам. главы НКВД Фриновский в качестве дополнения к директиве наркома № 266 разослал своим аппаратам на местах меморандум № 299 и строго запретил начинать операцию по репрессированию бывших кулаков и уголовников⁴⁰⁷.

Как оказалось, «ввиду особой политической важности» НКВД решил расширить и ужесточить операцию, и она быстро перешла в новую фазу. 30 июля 1937 г. нарком внутренних дел издал печально известный оперативный приказ № 00447 от «Об операции по репрессированию бывших кулаков,

уголовников и других антисоветских элементов», утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля и давший старт поистине небывалому ранее размаху репрессий. Предусматривалось только два вида наказания — расстрел и заключение в лагерь и тюрьмы на сроки от 8 до 10 лет⁴⁰⁸. В каждом регионе их следовало применять по утверждённым «лимитам», размеры которых доходили до десятков тысяч человек и неоднократно повышались. Для ДВК к середине 1938 г. они составили в общей сложности 25 тыс. чел. на расстрел и 11 тыс. на заключение в лагерь (без учёта внутрилагерных репрессий), что составляло 1,5% от численности населения ДВК (наивысшая доля по сравнению с другими регионами страны). В связи с выдачей новых и новых «лимитов» полномочия «троек» постоянно продлевались. Их работа была свёрнута в разных регионах в течение 1938 г., позже других — на Дальнем Востоке (ноябрь 1938 г.)⁴⁰⁹. Но это не означало полного прекращения репрессий. Несмотря на то, что дела арестованных пересматривались и многих выпустили на свободу, немалая часть попавших в тюрьмы в 1937—1938 гг. всё же получила приговоры в виде лишения свободы или ссылки. Например, житель с. Лифляндии Приморского края М.И. Киви, проведя под следствием во владивостокской тюрьме 1,5 года, был отправлен на три года в ссылку в Якутию (см. прил. 9).

Репрессии 1937—1938 гг. имели трагические последствия не только для людей, непосредственно обвинённых по ст. 58 УК, но и для их родственников. Хотя приказом № 00447 оговаривалось, что «семьи приговорённых по первой и второй категории, как правило, не репрессированы», тем не менее в этом пункте были сделаны исключения для семей, «способных к активным антисоветским действиям», которых следовало отправлять в лагерь или трудпосёлки⁴¹⁰. Уже через полмесяца после начала операции власть ужесточает это положение: 15 августа 1937 г. НКВД СССР издал оперативный приказ № 00486 «О репрессировании жён и размещении детей осуждённых «изменников Родины». Жёны подлежали аресту и заключению в лагерь на 5—8 лет, а дети — в детские дома или ИТЛ и трудовые колонии (в зависимости от «социальной опасности» и возраста). Лишь по прошествии более года другой приказ НКВД СССР — № 00689 от 17 октября 1938 г. — несколько смягчил участь членов таких семей, разрешив отправлять в лагерь не всех жён «изменников Родины», а лишь тех, кто «был в курсе или содействовал контрреволюционной работе своих мужей»⁴¹¹. Однако семьи лиц, приговорённых к расстрелу, проживавшие в пограничной полосе, подлежали выселению за её пределы внутри республик, краёв и областей⁴¹².

Соответствующий приказ зам. начальника УНКВД по ДВК С.И. Западного № 304739 был издан 21 июня 1937 г., он гласил: «В порядке охраны погранполосы, соблюдения паспортного режима и эспланадных правил приказываю: 1. Семьи осуждённых к ВМН за измену родине, шпионаж, вредительство, террор и диверсию из пределов ДВ края как края пограничного и режимного ВЫСЕЛЯТЬ через РК милиции НКВД в порядке паспортного

режима. 2. Нач. органов УГБ УНКВД, по делам коих осуждены главы семей, ссылаясь на данную директиву, давать нач. органов РК милиции письменные задания на выселение семей. В заданиях указывать точное местожительство семьи с перечислением взрослых членов семьи, подлежащих выселению. 3. Нач. органов РКМ, получив задание, аннулировать прописку в паспорте, отбирать подписку о выезде из пределов ДВК в 10-дневный срок, требуя указания в подписке вновь избранного местожительства. Следить за выполнением подписки и о фактическом выезде из пределов ДВК сообщать нач. органа УГБ НКВД, давшему задание, с приложением подписки о выезде. Начальникам УНКВД сообщать органам НКВД по месту избранного жительства о выбытии к ним семей осуждённых, с кратким указанием за что и к чему приговорён глава семьи...»⁴¹³

В настоящее время сложно установить точное число пострадавших по этой линии. Поскольку в 1937—1938 гг. государство выдало дальневосточному УНКВД суммарный «лимит» на расстрел 25 тыс. чел., то поток сосланных из ДВК родственников репрессированных должен был составлять менее 25 тыс. семей, с учётом того, что нередко расстреливались сразу несколько членов одной семьи или одинокие, кроме того, некоторым семьям, главы которых были казнены, удалось избежать выселения. Вместе с тем имеются примеры, когда депортировались семьи, главы которых, хотя и были арестованы, но не были расстреляны и даже не получили приговора (см. ниже).

Определённую иллюстрацию данному процессу дают материалы по Сахалинской области. В двух томах областной «Книги Памяти...» размещены сведения о 26 чел., осуждённых «тройкой» УНКВД по ДВК по ст. 58—6, 58—10 УК с формулировкой приговора: «к высшей мере наказания и высылке семьи» (в ряде случаев — «с конфискацией имущества»). В шести приговорах указан состав подлежащих высылке семей — в них было от 4 до 13 детей, на 6 семей приходился 41 чел., т.е. в среднем на семью — по 6,8 чел. В трёх приговорах, вынесенных в августе — октябре 1937 г., обозначено место ссылки — Бурейский район Амурской области⁴¹⁴. Безусловно, это лишь мизерная часть реально высланных, так как директивы НКВД делали такую практику «автоматической», не требовавшей специального обозначения в приговоре. Не случайно на заседаниях бюро Сахалинского обкома 3 и 9 ноября 1937 г. обсуждался вопрос о выселении и вывозе с острова 250 семей репрессированных⁴¹⁵. А ведь впереди был ещё не менее трагичный 1938 год. К тому же Сахалинская область относилась к малозаселённым территориям Дальнего Востока: в то время там проживало около 100 тыс. чел.⁴¹⁶, что было в 25 раз меньше общей численности населения в ДВК, составлявшей по переписи в 1937 г. 2 481,2 тыс.⁴¹⁷ Если использовать эту пропорцию с учётом двухлетнего проведения массовых арестных операций, то по самым скромным прикидкам общее по Дальнему Востоку число депортантов этой категории вполне могло превышать 10 тыс. семей (более 40—60 тыс. чел.).

О массовости и бесчеловечности такой депортации можно судить и по рассказам очевидцев. Пенсионерка Козлова вспоминает, как в августе 1938 г. после ареста отца их семью со ст. Михайло-Чесноковская отправляли в Сибирь: «...Дети постарше, может, что и понимали, а маленькие просто плакали, просили супу. Какой суп! На больших станциях наш товарняк не останавливался, а на маленьких едва успевали набрать кипятку. С собой в дорогу женщины брали что придётся: кто мешок картошки, кто туесок огурцов, кто несколько буханок хлеба. Но хлеб через пять дней начал плесневеть. Окошечко в вагоне было маленькое, с железной решеткой, а дверь на ходу плотно закрывали. Дышать было нечем. Людей везли, как скот. В нашем вагоне было 7 семей с 23 ребятишками — целая группа детсада. Дети болели, плакали, просились домой, плакали и мамы. В составе было 25 вагонов, вот и представьте, сколько несчастных ехало в нём. В вагоны грузили не только из Свободненского района, были и из Мазановского, Серышевского, Зейского. (...) Ещё не один состав ушёл с ссыльными из Архаринского района, из Приморья...»⁴¹⁸

Жену и восьмерых детей арестованного в 1937 г., но ещё не осуждённого тогда (!) Н.У. Хлыстова выслали из с. Казанки Серышевского района в Алтайский край. Его дочь З.Н. Гончар (ур. Хлыстова) рассказывает: «...Выслали не только нас — многих — целый обоз людей из села. Плача сколько было! Хорошо, что было лето, так как одежды почти ни у кого не было. Так мы и пробыли там год, а потом нам разрешили вернуться. Мы приехали, а отца ещё не судили. Не могли решить, за что его наказать. И так он просидел в тюрьме 2 года и 2 месяца...» Только 14 января 1940 г. их отца Амурской областной суд при Амурлаге НКВД приговорил к 4 годам лишения свободы (он отбывал наказание в Семипалатинске)⁴¹⁹.

Согласно мемуарным источникам семьи лиц, репрессированных в годы Большого Террора, с Дальнего Востока большей частью выслались в различные районы Сибири. Например, после ареста Т.Н. Веденьева в ноябре 1937 г. его жена и трое детей из с. Леонтьевки Серышевского района Амурской области в августе 1938 г. были отправлены в ссылку на ст. Татарск под Омском. Дом и все имущество у них отобрали в колхозную собственность. В «телячьем» вагоне из г. Свободного вместе с Веденьевыми ехали ещё четыре такие же семьи. Из ссылки им разрешили вернуться в апреле 1941 г.⁴²⁰

Жену и четверых детей осуждённого в 1937 г. на 10 лет лишения свободы (но не к ВМН — !) Л.М. Шульгина из пос. Норска Мазановского района выслали в г. Черемхово Иркутской области. То же самое произошло и с семьёй его брата, которую выгнали из дома, позволив взять с собой только то, что можно было унести в руках. Дочь Л.М. Шульгина — З.Л. Гришаева (ур. Шульгина) вспоминает: «Погрузили в г. Белогорске много семей, у всех по 4—5 детей, все малыши, увезли в Сибирь. В г. Черемхово мама работала на шахте, а мы сидели в землянке одни. Чем она нас кормила, я не помню, но всегда

мы были полуголодными. Потом переехали в г. Калачинск Иркутской области...»⁴²¹

Женщинам, оставшимся без мужей, с детьми на руках пришлось переносить тяжелейшие условия пути и устройства на новых местах. Типичная картина описана в воспоминаниях П.А. Бояркиной (ур. Деревягиной): «Отец — Деревягин Абрам Товеевич, 1870 г.р., был арестован в декабре 1937 г. Мама осталась с тремя младшими детьми. Одному брату было 16 лет, другому — 14, а мне исполнилось 9 лет. После ареста нас выслали в 24 часа как врагов народа в Сибирь. Подогнали полуторку и сказали: «Немедленно садитесь!» Кроме нас здесь уже были 6—7 семей «врагов народа» (...). От Петропавловки Свободненского района везли без остановки под присмотром вооружённых пограничников до ст. Свободный. Зима, холод, голод. В Свободном пересадили в теплушки без отопления. В Свободном жила старшая сестра, она успела выхватить 14-летнего брата, а меня мама не отдала. Так мы втроем ехали не меньше месяца. Люди умирали не только от голода и холода. В теплушке было столько народа на двойных нарах, что не хватало воздуха, оправляться приходилось под поездом, когда он стоял. А трогался состав без сигнала. Сколько их осталось на рельсах! Один раз брат буквально выдернул меня из-под колес, и мы бежали за вагоном, пока кто-то не подхватил меня, а потом брата. Мама была без памяти. Вот так мы ехали в Сибирь. На каждой станции освобождали вагоны. Нас оставили на ст. Зима. Высадили на перроне: снег, холод, мама закрыла нас своей шалью, уже несколько дней мы не ели. Я плакала и просила есть. Мама не выдержала и стала меня душить, а брат выхватил с криком: «Что ты делаешь?» Она сказала, что лучше мне не жить. Но, как видите, я жива и по сей день. (...) В 1939 г. сестра выхлопотала нас к себе в г. Свободный, там я окончила 7 классов...»⁴²²

В отличие от спецпоселенцев, трудоустройство и жилищно-бытовое обеспечение которых возлагалось на спецкомендатуры и хозяйственные организации, высланными в административном порядке семьями на месте вселения никто не занимался. Им чрезвычайно трудно было найти жильё и работу, поскольку руководители предприятий и учреждений опасались связываться с «врагами народа».

В 1930 г. группа административно-высланных в район Советской Гавани в поисках занятия, дававшего средства к существованию, ходатайствовала перед Далькрайисполкомом о предоставлении им права рыболовства по побережью Приморского края. Вопрос был рассмотрен на заседании президиума ДКИК 18 апреля того же года и решён положительно⁴²³. Однако в целом проблема жизнеобеспечения административных выселенцев со временем лишь усугублялась. Вследствие этого нарком НКВД Г. Ягода и прокурор СССР А. Вышинский вынуждены были разработать специальную инструкцию для подведомственных органов, утверждённую на заседании ПБ ЦК ВКП(б) 9 февраля 1936 г., в которой давалось разъяснение о том, что лица, сосланные или высланные в административном порядке, могут быть

использованы по своей специальности и квалификации на предприятиях и учреждениях в той местности, где им разрешено проживать. Исключением являлись случаи, когда постановлением ОСО эти лица лишались права заниматься в местах ссылки или высылки своей профессией. Они также не допускались к работе секретного характера. Научные работники могли быть трудоустроены по своей специальности, если их выслали из столиц, промышленных центров и погранполосы в порядке очистки этих местностей от социально опасных элементов. Дети из этих семей подлежали приёму в учебные заведения по месту ссылки в порядке перевода⁴²⁴. Тем не менее, несмотря на существование такой инструкции, большинство высланных семей репрессированных находилось в бедственном положении, многие буквально нищенствовали.

Одновременно с разгулом Большого Террора в стране усиливался и режим «запретных» зон. Постановлением ЦИК и СНК от 17 июля 1937 г. № 103/1127—267сс на всех границах СССР вводились специальные запретные полосы, из которых требовалось отселить «неблагонадёжное» население, прежде всего иноподданных и лиц без гражданства⁴²⁵. В 1937 г. такая «зачистка», кроме Дальнего Востока, была проведена на территориях Армянской, Азербайджанской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР⁴²⁶.

Для ДВК очередной вехой в этой политике стало Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 1 февраля 1938 г. «Вопрос НКВД по Дальнему Востоку», один из разделов которого назывался «О запретной пограничной зоне и пограничном режиме». Данным документом «в целях усиления охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Маньчжурией и МНР, а также установления строгого режима на территории СССР, прилегающей к указанной границе», в ДВК устанавливалась пограничная зона, включавшая участок железной дороги от Иркутска до Хабаровска, все территории к югу от него и к востоку от рек Усури и Амура, а также полностью Камчатскую, Нижне-Амурскую и Сахалинскую области. Народному Комиссариату внутренних дел поручалось представить план выселения из неё «антисоветского и неблагонадёжного элемента». Все бездокументные иностранцы также подлежали выселению, а иностранцы, подозревавшиеся в «шпионской, диверсионной или другой антисоветской деятельности», — аресту и уголовному наказанию. Въезд иностранцам в пограничную полосу был запрещён кроме транзитных пассажиров, работников концессий и лиц, приглашённых советскими и государственными организациями. Соответствующим образом организовывалась продажа железнодорожных билетов.

Специальный раздел документа был посвящён «очистке» лагерной системы. Если весной 1937 г. заключённых лишь запрещалось использовать на работах в приграничной зоне, а постановлением от 2 июля 1937 г. уже разрешалось рассматривать дела «проявлявших враждебность» лагерников на «тройке» с применением расстрела, то на этот раз предусматривалась конкретная «квота» на расстрел узников всех дальневосточных лагерей,

отбывавших наказание «за шпионаж, террор, диверсию, измену родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов» (независимо от близости расположения лагеря к границе и поведения намеченных к уничтожению лиц). Она составила 12 тыс. чел. (!), и это без учёта Севвостлага на Колыме, где действовал другой «лимит» (там по приговору «тройки» УНКВД по Дальстрою с сентября 1937 г. по 15 ноября 1938 г. расстреляли более 8 тыс. чел. вольнонаёмных и заключённых⁴²⁷). Впредь запрещалось направлять в дальневосточные лагеря эти категории заключённых, а также лиц японской, китайской, корейской, немецкой, польской, латышской, эстонской, финской национальностей и «харбинцев», независимо от статьи наказания.

Постановление наметило также комплекс мероприятий по укреплению органов госбезопасности и милиции, штат которых подлежал увеличению за счёт укомплектования «лучшим оперативным составом» из других регионов⁴²⁸, в чём, несомненно, было учтено пожелание Сталина в записке Ежову от 17 января 1938 г.: «...Очень важная задача: укрепить области ДВК новыми чекистскими силами со стороны. Это гораздо важнее, чем укрепление областей Казахстана, которое можно сделать в следующую очередь»⁴²⁹.

К сожалению, не удалось выяснить, был ли составлен конкретный план выселения «неблагонадёжного элемента» из погранполосы ДВК, как это предусматривалось постановлением от 1 февраля. На практике же «зачистка» края в 1938 г. свелась к депортации китайцев (см. разд. 3.3.4.) и ссылке-высылке семей репрессированных, хотя местные силовые органы предлагали и некоторые другие проекты. Например, в марте 1938 г. начальник Восточно-Сахалинского районного отдела НКВД Рябков направил своему областному руководителю В.М. Дрекову записку «О мероприятиях по переселению туземного населения из пределов Восточно-Сахалинского района», в которой обосновывал необходимость выселения с острова всего аборигенного населения в силу его «неблагонадёжности». Однако Дрекову это показалось недостаточным, и он дал сотрудникам задание подготовить для рассмотрения в краевом управлении НКВД проект с более широкой постановкой вопроса — о выселении из Сахалинской области не только туземцев, но и всех других сахалинцев, которые проживали на острове с досоветских времен. Оба этих предложения остались нереализованными, да и самого Дрекова вскоре репрессировали⁴³⁰.

Осенью 1938 г. НКВД СССР шифротелеграммой №1818 от 29 сентября дал распоряжение начальникам управлений ряда регионов, в том числе и ДВК, представить соображения о переселении трудпоселенцев из пограничных районов внутрь краёв и областей. На основании этих сведений наркомат готовился получить разрешение на проведение массовых операций по выселению⁴³¹. Но в конце года, на завершающей фазе Большого Террора, массовые принудительные переселения были запрещены постановлени-

ем СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 ноября 1938 г. и приказом НКВД СССР №00762 от 26 ноября 1938 г. Правда, руководители государства оставили силовым структурам лазейку в этом запрете: при необходимости допускалось выселение из погранполосы, для этого в каждом конкретном случае требовалось разрешение СНК СССР и ЦК ВКП(б) по специальному представлению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР⁴³². Политика «зачистки» пограничья не была свёрнута. На Дальнем Востоке государство вернулось к её разработке, а затем и реализации в 1939 г. Первыми жертвами кампании этого года стали 13 тыс. спецпереселенцев Хабаровского края, размещённых в погранполосе. Летом их отселили в глубинные районы региона по решению Политбюро ЦК и бюро Хабаровского крайкома партии (см. разд. 2.1.5.). Следующим стал Приморский край, очередная «чистка» которого состоялась осенью того же года.

3.5.2. Выселение «неблагонадёжного» населения из Приморского края в 1939 г.

Прежде чем приступить к рассмотрению этой акции, мы считаем необходимым дать характеристику источников, которые легли в её основу и определили некоторую специфику подачи материала. Это документы бывшего Управления НКВД по Приморскому краю с материалами о выселении из края «неблагонадёжного» населения в 1939 г., которые сегодня находятся на временном хранении в Отделении спецфондов Отдела реабилитации и спецфондов ИЦ УВД по Приморскому краю. Они представлены в 12 томах, из которых 10 — это предварительные и окончательные списки выселявшихся граждан, сгруппированные по городам и районам края, и два тома — переписка между центральными и местными органами НКВД⁴³³. Далее в тексте мы не будем делать специальных ссылок на эти материалы, ограничившись таким предварительным замечанием.

Для исследования поставленной проблемы данный вид источников представляет исключительную ценность, которая определяется следующими обстоятельствами: 1) Практически полное отсутствие какой-либо выявленной информации о выселении 1939 г. в других архивных фондах. 2) Списки на выселение как предварительные, так и окончательные являются **полными** и систематизированными по территориальному принципу. 3) Списки содержат стандартные биографические данные и обвинительный (компрометирующий) материал по **каждому** выселенному, а также информацию о составе их семей, что позволяет не только сделать статистико-демографический анализ, но и выявить типичные и индивидуальные поведенческие характеристики жертв депортации, которые расценивались властью как опасные. 4) Делопроизводственная переписка по выселению отражает логику принятия решений в верхних эшелонах власти и их реализацию на нижних, а также содержат обобщающие сведения по данной акции. Кроме

того, в них имеется информация «о политических настроениях населения», связанных с депортацией.

Кроме того, нами использована личная переписка и интервью с некоторыми бывшими жителями Приморья, ставшими жертвами выселения. Особенности источникового материала позволили уделить большее, чем в других разделах, внимание механизму проведения «зачистки» Приморья в 1939 г. и реакции на неё местного населения⁴³⁴.

Напомним, что постановление Политбюро о перемещении спецпереселенцев Хабаровского края из погранполосы датируется 28 марта 1939 г. Но ещё за день до этого — 27 марта — начальник Приморского управления НКВД М.М. Гвишиани получил от наркома внутренних дел Л.П. Берии директиву с аналогичной задачей, но не в отношении спецпоселенцев (которых в Приморье было относительно немного, и размещены они были только на севере края в отдалении от границы), а всего юридически свободного населения, из которого необходимо было выделить «социально-опасные» группы. Мотивы выселения оставались теми же, что и при депортации корейцев и китайцев, о чём совершенно ясно говорилось в директиве наркома: «Ввиду того, что в г. Владивостоке и всём Приморье осело и осталось ещё значительное количество всякого рода антисоветского элемента, (...) представляющее собой базу для деятельности японской и других разведок, предлагается немедленно приступить к очистке г. Владивостока и Приморского края ...»

Проведение акции поручалась УГБ Приморского управления НКВД во главе с Гвишиани. Её целевая специфика нашла отражение и в определении категорий «неблагонадёжности», которые являлись критериями для выселения. По сравнению с 1933—1934 гг. из списка групп, подпадавших под выселение, исчезли категории, связанные с недобросовестным отношением к труду («летуны» и «дезорганизаторы производства»), но был усилен состав «политической неблагонадёжности». В директиве наркома Берии от 27 марта 1939 г. органам ГБ Приморья давалось задание в кратчайшие сроки провести учёт и направить в Москву списки следующих категорий населения:

«а) служивших в белых армиях, бывших колчаковцев, семеновцев, калмыковцев, меркуловцев, участников так называемых «буферных» правительств, создававшихся японцами в Приморье и на побережье Охотского моря, осевших во Владивостоке и крае, бывших эсеров, меньшевиков и членов других антисоветских политических партий, входивших в состав названных правительств, чиновников и других ответственных служащих при указанных правительствах;

б) лиц, служивших в иностранных фирмах, проходивших по связям с сотрудниками этих фирм иноподданными, служивших в учреждениях и организациях при японской оккупационной армии, действовавшей на Дальнем Востоке, связанных с чинами этой армии, связанных с сотрудниками иностранных консульств, торговцев, имевших торговые связи с Японией, Кореей и Маньчжурией;

в) бывших «харбинцев», лиц, прибывших из Маньчжурии, Кореи и Китая (городов Шанхая, Тяньцзиня и др.);

г) лиц, близкие родственники которых находятся в эмиграции: сюда относятся как попавшие за кордон после разгрома белых армий, так и бежавшие после установления Советской власти в Приморье;

д) отдельных лиц из уссурийского казачества, в отношении которых имеются материалы о их связях с белоэмигрантами).

Кроме того, предлагалось учесть всех китайцев и корейцев, «застрявших в пределах Приморского края».

Требуемый список был составлен и отправлен из Владивостока в Москву. После того, как эта предварительная информация была проанализирована в НКВД СССР и представлена политическому руководству, Политбюро приняло Постановление «О Приморском крае» от 31 июля 1939 г., которым поручало НКВД СССР провести «очищение» края от «антисоветских, чуждых и подозрительных элементов».

При этом акция включала в себя два вида репрессий — аресты («наиболее злостных» из указанных категорий лиц, с передачей дел на них в суды или ОСО при НКВД СССР) и выдворение из края всех остальных, а также членов семей из первой группы. Рассматривать материалы и принимать решение о выселении обязана была на месте, т.е. без утверждения в Москве, комиссия в составе секретаря Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегова, начальника УНКВД М.М. Гвишиани с участием краевого прокурора. На всю операцию давался двухмесячный срок⁴³⁵.

Вслед за постановлением Политбюро в Приморский край поступила директива Берии «Об очистке края» от 4 августа 1939 г., в которой подробно излагался порядок проведения акции. В частности, принудительное выселение определялось как «...выдворение в общем порядке на основании решения СНК и ЦИК СССР от 17 июля 1935 г. и приказов НКВД СССР от 28 декабря 1931 г. и 27 июля 1938 г. “О правилах проживания в режимных и пограничных местностях”».

Всем выселявшимся следовало объявлять под расписку об аннулировании их права проживания в запретной зоне Приморского края, давать 10—15-дневный срок на реализацию личных дел и имущества, рекомендовать поселяться в нережимных местностях Хабаровского края (где имелась потребность в рабочей силе) либо дальше — к западу от Иркутска*.

* Позже список местностей, разрешённых для проживания этой категории граждан, был детализирован. Он включал: Кировскую, Омскую, Новосибирскую области (районы, расположенные в 50 км к северу от железной дороги), Коми, Калмыкскую, Каракалпакскую, Якутскую, Марийскую, Башкирскую автономные республики, Узбекскую и Казахскую ССР, Чкаловскую область и Красноярский край. См.: Памятка для работников, отбирающих у выдворяемых подписки (1939 г.) // ОС ОРС ИЦ УВД ПК. Ф. 88. Оп. 3. Д. 61. Л. 20, 21.

В качестве образца приморским сотрудникам НКВД был возвращен составленный ими ранее список «антисоветских» лиц, разделенный в Москве на две части. Список № 1 включал 321 чел., подлежавшего аресту. Их после рассмотрения дел в суде или ОСО надлежало отправлять в ссылку в северные районы Западной Сибири, расположенные в 50 км к северу от железной дороги в Омской и Новосибирской областях и Красноярском крае. Список № 2 состоял из 597 чел., подпадавших под выселение из Приморья в общем административном порядке. Члены семей арестованных по списку № 1 также выселялись, при желании они могли проживать в месте ссылки главы семьи. Перед выдворением им разрешалось свидание с арестованными для решения вопросов, связанных с имуществом и личными делами. Таким образом, по методу проведения эта операция повторяла «антикулацкую чистку» июля 1937 г. в период до принятия приказа 00447 (разделение жертв операции на две категории, принятие решений местной тройкой), отличаясь лишь большей мягкостью по отношению к арестованным, что было несомненным результатом свёртывания политики Большого Террора.

Накопив опыт предыдущих депортаций, руководство страны оговаривало некоторые «технические» моменты, которые могли способствовать упорядочению и ускорению акции. Организации, заинтересованные в приобретении имущества выселяемых, должны были оказывать содействие в его быстрой реализации, а правления колхозов — ускорить расчёты с колхозниками за трудодни. В отличие от выселения по паспортизации (1933—1934 гг.), когда люди не получали никакой финансовой поддержки на дорожные расходы, в этом случае местным органам власти предлагалось помогать семьям выдворяемых колхозников в получении железнодорожных билетов и багажных мест для перевозки личного имущества, а неимущим оплачивать проезд за счёт НКВД. В случае же отказа выезжать самостоятельно санкционировалось выселение под конвоем в соответствии с приказом НКВД СССР от 1 июня 1939 г.

С получением августовской директивы наркома Приморское управление НКВД организовало интенсивную работу по её выполнению, для чего был мобилизован не только весь оперативный состав краевого УГБ, но также милиция и сотрудники погранкомендатуры. Руководили всей операцией специально созданные оперативные штабы во Владивостоке и Ворошилове (совр. Уссурийск) в составе зам. начальника и сотрудников местного управления НКВД, а также представителей НКВД СССР, прибывших из Центра для оказания практической помощи. Согласно отчетам М.М. Гвишиани большинство лиц, проходивших по этой акции, было взято на оперативный учёт именно в период подготовки к выселению, поскольку фальсифицированный учёт «неблагонадёжных элементов», сложившийся в годы Большого Террора, не отражал реальной ситуации.

Приказы руководства управления требовали собирать точные биографические данные «кандидатов» на выселение: год и место рождения, социальное прошлое, национальность, партийность, место работы и должность.

Обращалось особое внимание на тщательность проверки и полноту компрометирующего материала: если выдворяемый был за границей, то надлежало указать, когда, где, с какого и по какое время, причины пребывания; если служил в белых армиях, то в каких, когда, в каком чине, добровольно или по мобилизации и т.п.

Во время сбора и уточнения компромата органы НКВД провели массовый опрос граждан, вызванных для этого в отделы УНКВД. Только в Уссурийской области было опрошено 6 573 чел. Уже эта подготовительная стадия породила среди населения тревогу, недоумение, тихое возмущение, о чём свидетельствуют нижеследующие материалы «о политических настроениях».

Фельдшер мясокомбината после подобного вызова в милицию сокрушался: «Лучше бы дрались с Советским Союзом, скорее был бы ему конец. Я уже старик, а меня начала таскать советская власть. Я прожил 60 лет, и меня никто никогда не таскал, а при соввласти меня не так давно вызвали в НКВД и начали тормозить: откуда прибыл, когда, кто ушёл за границу. Чего им нужно? Составили опросный протокол. Теперь нужно думать, наверняка, вышлют с ДВК. Скорее нужно продать дом и имущество. Вот такая соввласть, и как стало при ней жить нерадостно».

Мать старшего следователя уссурийской облпрокуратуры, муж которой и два сына эмигрировали в Польшу в 1921 г., подняла шум прямо в отделении милиции: «Вы меня не забирать ли хотите? Смотрите, я напишу Сталину. Что это такое: белые были — таскали, а теперь свои таскают ещё больше. У меня мать была прачкой, я не из буржуазной семьи, я ещё жить хочу». Тем не менее в окончательном списке на выдворение значилось: «С.Т.П.* — 1884 г.р., ур. г. Хабаровска, гражданка СССР, полька. Проживает в г. Ворошилове (...), работает секретарём МЖК. В Польше имеет сына, который служит в польской охранке, имеет с ним письменную связь. Подозревается в шпионаже».

Среди населения поползли разного рода слухи и домыслы. Большинство сходилось во мнении, что выселяют всех старожилов края. Колхозник с. Телянза Анучинского района выразился так: «Ведь было сказано, что все старое разрушим, а новое построим, так и сейчас — всех жителей Дальнего Востока вывезут в центр России, а оттуда привезут новый народ».

После сбора информации следующим этапом работы Приморского УНКВД было составление списков. В связи с тем, что лица, проходившие по списку № 1, подлежали аресту, начальник тюремного отдела и следственной части во Владивостоке получил приказ: не позже 16 августа освободить в

* Имена и адреса зашифрованы в связи с законом о личной тайне.

тюрьме 30 камер. Всего было арестовано 189 чел.* На 59 из них следственные дела отправили в суд и на 130 — в ОСО. Кроме того, краевая комиссия рассмотрела и включила в список № 1 с направлением в ОСО 458 следственных дел на лиц, арестованных в 1937—1938 гг. : формальных материалов для предания этих людей суду было недостаточно, но, по имевшимся в НКВД компроматериалам, они должны были подлежать осуждению в лагерь, ссылке или высылке. Таким образом, всего по списку №1 в Особое Совещание прошло 588 следственных дел, что называлось «изъятием контрреволюционного элемента».

К 1939 г. разгул фальсификаций и истязаний арестованных, царивший в НКВД в 1937—1938 гг. , был приостановлен постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. Многие сотрудники службы безопасности, уличенные в «незаконных методах ведения следствия», были сами арестованы и преданы суду. Поэтому при выселении 1939 г. из Центра пришло строгое указание о тщательности проверки компроматериалов и о том, чтобы решения о выселении принимались не общими списками, а по каждой кандидатуре персонально.

Сотрудниками уссурийского областного управления в ходе кампании было арестовано 105 чел., из них один покончил жизнь самоубийством, а дела на 12 чел. следствием были прекращены, и арестованных из-под стражи освободили ввиду того, что предъявленные им обвинения не подтвердились. А обвинения были достаточно серьёзными, годом или двумя ранее они стоили бы этим людям жизни. Вот случай с агрономом Пограничной МТС И.В.П., бывшим казаком, из крестьян-середняков. С 1931 по 1933 г. он состоял членом ВКП(б), в 1933 г. во время «чистки» был исключен из партии «...за отсутствие классово-бдительности, сокрытие золота, укрывательство кулаков, развал производственной работы». Два человека дали на И.В.П. свидетельские показания о том, что с 1918 по 1921 г. он служил в белой армии Калмыкова, вёл активную борьбу с партизанами, расстреливал их, издевался и грабил, а с 1921 по 1929 г. занимался контрабандой и подозревался во вредительской деятельности в колхозах. Однако расследованием эти обвинения не были доказаны, и И.В.П., просидевшего в тюрьме с 18 августа по 10 октября, освободили.

* Составители сборника документов «Лубянка – Сталин и НКВД...», ссылаясь на документ из фондов ЦА ФСБ, в одном из комментариев пишут, что согласно докладу Л.П. Берии И.В. Сталину от 28 февраля 1940 г. в период выселения из Приморья в 1939 г. было арестовано 1 889 чел. (см.: Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2006. С. 569.) На наш взгляд, это явная опечатка, однако не ясно, исходит ли она от источника или появилась уже в данном издании.

После завершения арестов службы НКВД приступили к выполнению второй части директивы — выдворению. Для принятия решения по второй группе с 1 сентября по 8 декабря 1939 г. краевая комиссия провела 36 заседаний, рассмотревших и утвердивших списки на выселение (в комиссии кроме начальника УНКВД Гвишиани и секретаря крайкома партии Пегова заседали до 11 сентября временно исполнявший обязанности прокурора Приморского края Ремнев, позже — прокурор Будаговский).

Списки представляли собой посемейный перечень, где в отношении каждого взрослого члена семьи давалась следующая информация: год и место рождения, социальное прошлое, национальность, партийность, место работы и должность, компрометирующий материал, в отношении несовершеннолетних детей указывался только возраст. Такой характер документа позволяет достаточно точно определить статистику жертв выселения как посемейно, так и поголовно, включая детей, в отличие от паспортизации, где учёт вёлся только в отношении совершеннолетних граждан и каких-либо сводных пофамильных списков не составлялось.

Все списки выселенцев 1939 г. были напечатаны на машинке, имели т.н. «альбомный» вид, но резолюции проставлялись карандашом от руки против каждой фамилии (в этом выражался «персональный» характер рассмотрения кандидатов на выселение). Среди вариантов резолюций были: «выдворить», «оставить», «проверить», в некоторых случаях давались отсрочки по болезни и другим причинам. В качестве примера приведём выдержки из «Списков» с решением «выдворить».

«И.Г.А., 1889 г.р., ур. Уссурийской области, Молотовского района, с. Струговка, б/п, проживает г. Ворошилов (...). Жена — Харитина Ивановна — 1895 г.р., сын Василий — 1918 г.р., экспедитор Уссурторга, сын Николай — 1926 г.р., сын Петр — 1928 г.р., дочь Анна — 1924 г.р., мать Анна Гавриловна — 70 лет, иждивенка, брат Андрей Антонович — инвалид, работает конюхом в Примтрансе. В прошлом кулак, его хозяйство в начале 1930 г. раскулачено. В 1934 г. был выслан из пределов ДВК по паспортизации. В 1937 г. из ссылки вернулся самовольно. В 1927 г. ездил в г. Санчагоу за соей. В 1929 г. судим по ст.61 УК к 2 г. лишения свободы за невыполнение хлебопоставок. Муж его сестры в 1939 г. за антисоветскую деятельность арестован органами НКВД и осуждён к ВМН».

«К.А.А., 1912 г.р., из служащих, б/п, счетовод артели «Объединенный швейник», ур. Польши. В 1935 г. приехала в СССР из Харбина, отец, мать и брат в настоящее время проживают в Харбине».

«А.А.Х., 1877 г.р., ур. Кубанской обл. Работает зав. утилькиоском. Проживает - г. Владивосток (...). Жена — Л.Л.К., домохозяйка. Служил в старой армии с 1900 по 1906 г. унтер-офицером. С 1919 по 1922 г. служил у Колчака на п/х «Улисс» механиком, в 1938 г. арестовывался».

«Б.Ю.У., 1888 г.р., ур. Литвы, г. Прены. Проживает г. Владивосток (...). не работает. Жена Степанида — 40 лет, домохозяйка. Сын Борис — 20 лет,

дочь Екатерина — 18 лет. Его брат и отец проживают в Литве, с которыми имел письменную связь до 1927 г. Второй брат и сестра проживают в Америке. В 1938 г. был арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности, в 1939 г. освобожден».

«А.М.Х., 1907 г.р., из рабочих, б/п, работает в мастерской Спабосо рабочих, ур. Зап.-Сибирского края. Сожительствовала с опекурителями китайцами (...), арестованными органами НКВД. Арестована 27 декабря 1937 г, освобождена 15 марта 1939 г.».

«Л.Н.О., 1913 г.р., ур. Черниговской обл., Куликовского района, из крестьян, украинец, женат, образование — сельская школа, работает землекопом стройки № 20 — Совгавань. В 1936—37 гг. работал на Охе на японской нефтяной концессии, заявлял: “Рабочие на японских концессиях живут лучше, чем мы живем здесь на стройке, там много мануфактуры, разных продуктов питания и хорошие заработки”. Получает с концессии письма от знакомых».

Это наиболее типичные по характеру компроматериалов выписки. Но некоторые из характеристик содержат особо выделяющиеся подробности, например: «Х.П.И., 1902 г.р., из крестьян-бедняков, работает старшим стивидором Сахалинторга, ур. б. Татарского у., русский, б/п, проживает - г. Владивосток (...). Отец Х.И., с 1901 по 1906 г. служил в царской армии в чине фельдфебеля. В 1938 г. два брата были арестованы органами НКВД, впоследствии были освобождены. Сам Х.П.И. в 1930 г. был осуждён по ст.111 УК РСФСР. В ноябре 1938 г. жена Х.П.И. была осуждена по ст.128 «в» УК РСФСР. Отбывает наказание в трудколони. По имеющимся в РО НКВД свидетельским показаниям, которые характеризуют Х.П.И. как человека, проявляющего недовольство проводимыми мероприятиями партии и правительства. Х.П.И., придя домой в нетрезвом виде, зарубил бюст Ленина. Когда его предупреждали, зачем разбиваешь бюст, он заявил: «Не подходи, а то убью, а если расскажете, то застрелю». Неоднократно заявлял, что руководство Советской власти издевается над народом».

«Б.М.И., 1884 г.р., из крестьян, б/п, колхозница, русская, неграмотная, ур. Кубанской обл., проживает — с. Марково Шмаковского района. Дети: Яков — 1914 г.р., колхозник, Иван — 1920 г.р., Людмила — 1927 г.р., Аксентий — 1924 г.р., Александр — 1926 г.р., Раиса — 1931 г.р. Муж её и сын в 1937 г. арестованы за контрреволюционную деятельность. Там же арестован её родной брат в 1939 г. — М.З., осуждён к ВМН. Муж и сама Б.М.И. в прошлом занимались контрреволюционной деятельностью. Б.М.И. настроена антисоветски. При приходе японских катеров в 1937 г. Б.М.И. часто выходила на берег р. Сунгач, встречала японские катера, с которых были сброшены конфеты, которые забрал сын и передал ей. За границей проживают две племянницы по мужу (...). Сам Б. добровольно служил в банде Калмыкова».

«К.Ф.И., 1889 г.р., ур. Черниговской губ., из крестьян, б/п, проживает в с. Душкино, единоличник. В 1919 г. служил в армии Колчака, участвовал в по-

давлении рабочих восстаний и два месяца работал наборщиком в типографии белогвардейской газеты. Занимается антисоветской агитацией против животноводства в колхозах, по поводу чего говорит: «Согнали всех коров в одну кучу, а что от этого толку?»

Всего из 7 569 семей, рассмотренных краевой комиссией, к выселению было утверждено 3 953, т.е. чуть больше половины. Однако органы безопасности не считали свою миссию в этом направлении выполненной. В своих последующих донесениях Центру Гвишиани неоднократно отмечал: «Тотчас после окончания последней очистки края в 1939 г., учитывая все её недочёты, нами была проведена значительная работа по дальнейшей очистке края и полному выявлению и налаживанию учёта всего антисоветского и социально-чуждого элемента»; «Очистка края от социально-чуждого элемента в соответствии с приказами и директивами НКВД СССР нами проводится ежегодно и систематически».

Какие же причины заставили комиссию отклонить решения по выселению 3 616 семей? На страницах предварительных списков изредка можно увидеть следующие резолюции: «оставить как инвалида», «оставить в связи с грудным ребёнком», «вышла замуж за военнослужащего» и др. Правда, первые две причины принимались во внимание только как исключение. Многие инвалиды и малолетние дети отправлялись на выселки вместе со своими близкими. Что касается замужества за военнослужащим, то эта причина срабатывала, если оно состоялось до начала выселения. Были оставлены в крае также многие семьи, члены которых служили ранее в белых армиях по принудительной мобилизации, как правило, рядовыми.

Но основная часть оставленных — это семьи репрессированных колхозников, если на них не было другого компромата. Такое решение краевой комиссии основывалось на циничном прагматизме: в отдельных районах Приморья репрессии периода Большого Террора привели к такому сокращению населения, что это отражалось на экономическом состоянии колхозов из-за недостатка рабочей силы. Так, например, из с. Комиссаровки Ханкайского района было утверждено к выдворению 25 семей из представленных 52, из с. Ивановки того же района — 23 из 47, из с. Лифляндии Шкотовского района 1 из 12 (см. прил. 9). Из с. Милоградова Ольгинского района, с. Лаулю и с. Каратуна Красноармейского района не было утверждено ни одной семьи, хотя в предварительных списках числилось соответственно — 14, 27 и 30.

В территориальном разрезе наибольшее число жителей Приморья в 1939 г. было выселено из городов Владивостока (1 021 семья или 3 209 чел.), Ворошилова (соответственно — 474, 1 709), Сучана (200, 681), а также из районов Шкотовского, Владивостокского сельскохозяйственного, Спасского, Ханкайского.

По характеру обвинения состав выселенцев был следующим (используется терминология документа): кулацкий элемент — 1 110 семей, семьи

репрессированных* — 809, лица, имевшие близких родственников за границей, — 676, прочий антисоветский элемент — 501, белогвардейцы — 334, бывшие харбинцы — 230, участники и пособники контрреволюционных бандитских формирований — 131, лица из уссурийского казачества, в отношении которых имеются компроматериалы, — 90, бывшие служащие иностранных фирм — 54, бывшие члены антисоветских политических партий — 18 семей. Всего — 3 953 семьи (14 141 чел.).

Итоги выселения показывают и территориальную специфику «неблагонадёжности» населения края. В городах Владивостоке, Ворошилове, Сучане, Артеме и большинстве районов края среди выселяемых преобладал «кулацкий элемент» (1/3 и более), в Шкотовском, Владивостокском, Спасском, Ивановском, Шмаковском и Анучинском районах — семьи репрессированных (от 25 до 71%), в Ханкайском, Гродековском и Чугуевском районах — лица, имевшие близких родственников за границей (24 — 41%).

После утверждения списков краевой комиссией следовали непосредственные акты выселения. Каждому главе выдворяемой семьи объявлялось под расписку об аннулировании его права проживать в Приморском крае и давался 10 — 15-дневный срок для подготовки к выезду. В паспортах всех взрослых членов семей штампы приморской прописки перечеркивались. Выселяемых предупреждали, что в случае невыезда они будут арестованы и отправлены этапом без выбора места жительства.

Освобождавшиеся квартиры печатались, передавать их другим лицам не разрешалось. По данным на 3 января 1940 г., объявление о выезде получили 3 690 семей, из них выехало 3 549 семей.

Таким образом, витавшие среди жителей Приморья около полугода слухи о массовом выселении получили подтверждение. Реакция населения по этому поводу была различной. Согласно докладной записке Гвишиани, отправленной на имя Берия в январе 1940 г., многие приморцы положительно отнеслись к этой акции, т.е., по мнению руководителя ПУ НКВД, «проявили вполне здоровые настроения», так как считали, что край действительно был социально «засорён». Но мы можем предположить, что основная масса жителей края, наученная горьким опытом политических репрессий, предпочитала не высказываться. Тем не менее отрицательный резонанс был ощутим. Он исходил, прежде всего, от тех групп населения, которые стали жертвами выдворения, или их родственников. Суммируя факты негативной реакции, начальник управления НКВД, назвав их «провокационными слухами», свёл к следующему: «из Приморья выдворят всех старожилов», «выселение проис-

* Между тем в директиве Л. Берия от 27 марта 1939 г. о составлении списков на выселение (см. выше) группы семей репрессированных и «кулацкий элемент» не были обозначены, т.е. местные органы НКВД выселяли всех мало-мальски «запятнанных» в плане благонадёжности, строго не придерживаясь директив, и Центр допускал это.

ходит по инициативе местных органов НКВД», «выселяют потому, что боятся японцев», «выселяют всех, кто не идёт в колхоз».

Главный гнев обрушивался на исполнителя этой акции государственного принуждения — НКВД, в то время как в отношении центральной партийно-государственной власти сохранялись определённые иллюзии: «разберутся — накажут». Так, М.С. была возмущена выселением своей сестры, родившейся в Польше и приехавшей оттуда в малолетнем возрасте: «Органы НКВД создают недовольство среди народа. Народ будет озлоблен на Советскую власть, все это может вызвать бунт. (...) Когда моей сестре предложили выселиться, то спросили, какая у неё квартира. Вот видите, они, сволочи, интересуются квартирой, чтобы выселить нас и вселить в квартиру своих, но это им не удастся. Сестра сказала: «Порву ордер и пушу в квартиру сотрудников общепита, только не сотрудников НКВД».

«Узнать точные причины выселения очень трудно, — размышлял один из руководителей управления связи, — так как имеются случаи выселения очень хороших людей. Во Владивостоке предложили выехать одному моему знакомому — орденосцу, члену ВКП(б). В этом вопросе, по моему мнению, имеется определённый перегиб. Возможно, в этом и вредительство. Видимо, ещё не все вредители ликвидированы».

Бухгалтер Рыбсбыта П.: «Вот мучают людей, пусть раньше раскулачивали и выселяли, а зачем сейчас выселяют? Кулаков ведь нет. Наверное, боятся японцев. А всё хвастаются — мы сильны, а своих рабочих и крестьян боятся, не дают им спокойно жить, гоняют с места на место».

Зав. производственным отделом артели «Пищевкус» С.: «Да, дела начались. Работаешь честно, а вот возьмут и предложат выехать в Сибирь. Не поймешь, что делается».

П.-П. (64-х лет, её сын был арестован, а племянница вышла замуж за китайского вице-консула и уехала с ним в Нанкин) возмущалась: «Никуда я не поеду, буду обжаловать в Москву, потому что это неправильно. В докладе тов. Жданова и Сталинской Конституции о каких-либо различиях между гражданами ничего не сказано, а на самом деле делают наоборот. В случае применения ко мне строгих мер я покончу с собой, у меня для этого имеются средства». Но позже своей знакомой она говорила: «Слова Сталина и решения XVIII съезда партии — это одно, а действительная жизнь — другое. В 1940 г. всех старожилов выселят из ДВК».

Некоторые военнослужащие делали отчаянные попытки выручить своих близких. Так, лейтенант П.В.П., женатый на дочери выдворявшегося из края «кулака», обратился в Уссурийское областное управление НКВД: «У моей жены почему-то выселяют мать и брата. Я их знаю как хороших безобидных людей. Отец жены выселяется ни за что. Кулаком он никогда не был. Я его возьму на своё иждивение, поэтому прошу его освободить от высылки». Однако такие заявления вряд ли помогали, — напротив, они ставили под сомнение благонадёжность самих заявителей.

Можно представить себе гнев и отчаяние людей, которые в одночасье лишались крова и вынуждены были отправиться в неизвестные места. Дальнейшая судьба их во многом зависела от имеющегося материального достатка, числа работоспособных членов семьи, будущего отношения к ним незнакомых людей.

Судя по документам, некоторые люди, в биографии которых были «чёрные пятна», учитывая более трагическую участь жертв государственного террора предыдущих двух лет, восприняли решение о выселении даже с некоторым облегчением. Например, житель с. Барабаш-Левада Гродековского района И.В.К. (1886 г.р., русский, беспартийный, грамотный), член колхоза «Красный партизан» и его семья согласно информации УНКВД имели целый «букет» признаков «неблагонадёжности»: глава семьи обвинялся в том, что «...имел связь с кулачеством, укрывал кулаков от раскулачивания, за что в 1930 г. был снят с должности председателя сельсовета и арестовывался ОГПУ. В 1933 г. за развал колхоза был снят с должности председателя колхоза...» Кроме того, в годы Первой мировой войны он находился в плену в Германии. Одна из его сестёр проживала вместе с мужем в Маньчжоу-Го, другая сестра в 1933 г. и сын в 1939 г. были высланы из района⁴³⁶. Получив известие о выдворении из края, он в кругу близких высказывался: «Хорошо правительство поступает, что на льготных условиях отсюда переселяют, раньше практиковали арестами. Я спокоен за себя, еду в Краснодар, денег собрал 17 тыс. руб. На 3 года запаса мануфактурой и обувью (мешок мануфактуры, 34 пары ботинок). В колхоз уже вступать не думаю. Я давно предвидел, что всех старожиллов отсюда переселят, так как идёт к коммунизму. К 1942 или 1947 г. должны закончить построение коммунистического общества».

Но таких, как И.В.К., были единицы, основная же часть населения имела крайне низкий уровень обеспеченности, а с выдворением обрекалась буквально на нищету. Не случайно продажа железнодорожных билетов выселяемым производилась со скидкой 50%. Отдельные семьи совершенно не имели средств для выезда. В Ворошиловской области на оплату их проезда из средств НКВД было израсходовано 7 292 руб.

Драматизм положения жертв выселения усугублялся тем, что многие семьи во время репрессий лишились своих отцов и старших сыновей. Тяжесть невзгод легла на плечи женщин и детей. Из 11 530 чел., выселенных в 1939 г. из края (без Владивостока), было 5 816 лиц женского пола и 5 268 детей (до 18 лет). Их психологическое состояние характеризует разговор, состоявшийся между двумя выселяемыми жительницами г. Лесозаводска.

В.: «Так, наверное, придётся скитаться до конца дней наших. Мужья наши вряд ли вернутся из заключения. Прожить 10 лет в таких условиях никто не сможет. Да ведь мы не намного лучше их себя чувствуем. Мы же тоже люди бесправные. *На* тебе 10 дней сроку и вытряхайся, куда хочешь. Здесь на месте ещё мы как-нибудь сводили бы концы с концами, а что мы будем делать на чужой стороне? Какая работница женщина да ещё с кучей ребя-

тишек?» Б.: «Пусть мы и наши мужья провинились перед властью, но причём здесь наши дети? На долю наших детей тоже немало достанется от этих переездов. Так, наверное, нам и подышать придётся в скотских условиях».

Опасения выселяемых вскоре оправдались. Тяжёлым для многих семей оказался переезд. Для перевозки выдворяемых из сельской местности формировались специальные эшелоны из теплушек, называемых в народе «скотскими вагонами». В некоторых районах края организация отправки семей была поставлена плохо. Выселенцы из Шмаковского, Яковлевского, Черниговского, Калининского районов по двое суток ждали на вокзалах продажи билетов. Были случаи задержки подачи вагонов от нескольких часов до суток и более.

Согласно докладной записке Гвишиани наркому Берии от 4 августа 1939 г. «...в каждом горсовете и райисполкоме были созданы специальные комиссии по оказанию помощи выдворяемым по вопросу реализации их имущества». Однако воспоминания бывших жителей края показывают, что во многих случаях выдворяемые не имели возможности обратиться за помощью в такие комиссии, если они действительно существовали.

М.А. Дыге было 6 лет, когда его отца расстреляли как «кулака за контрреволюционную деятельность», а через год семью выдворили из Приморья. В своём письме автору М.А. Дыга вспоминает, как вместе с матерью и 6-летним братишкой они шли пешком из своего села Старой Сысоевки на станцию Семёновка (около 8 км). «...Там формировали эшелон для таких, как мы (...) На поезде мы ехали, по-моему, за счёт государства. Вещи какие-то взяли, но сколько могла унести мама? Дом наш забрали под сельсовет. На новом месте жили сначала у далеких родственников, а потом на частных квартирах. Мама работала то прачкой, то уборщицей. (...) Трудности материального плана испытали все, какие только есть на свете: голод и холод. Не знаю, как только выжили. Но братик умер рано. Моральные трудности с клеймом «семья врага народа» ощущались до 1956 г., когда пошла первая «оттепель» при Хрущёве. Даже в армии, а я служил с 1950 по 1953 г., всегда был «контриком». Приходилось терпеть»⁴³⁷.

В семье Ковтун, проживавшей в с. Гончаровке, также в 1938 г. отец был расстрелян «за контрреволюционную пропаганду», а саму семью ещё в начале 1930-х гг. объявили кулацкой. В 1939 г. им сообщили о выдворении «сначала в сельсовете, — пишет в своём письме Л.М. Ковтун, — а затем пришёл уполномоченный НКВД. Он забрал корову, лошадей, шубу. Не дал матери срезать даже один кочан капусты. Так весь урожай был оставлен: посева ржи, картофеля, капусты и т.д. Мать с бабушкой забрали только носильные вещи, продукты, с тремя малолетними детьми сели в телегу, и возчик повез нас на ст. Иман. Там нас и ещё две многодетные семьи погрузили в товарный вагон. Уполномоченный НКВД приказал до Новосибирска не выходить, а после этого города — на все четыре стороны. Ехали 18 дней. Дети разучились за это время ходить. Мать на станциях выскакивала из вагона, чтобы купить

детям какие-либо продукты в ларьках. Один раз чуть не отстала от поезда. В Новосибирске люди посоветовали ехать в Омскую область: урожаи хорошие, земли плодородные. Так мы оказались в пос. Черлак. Купили на последние деньги землянку. Мать пошла работать техничкой на бойню. Не скрывая, сказала, что муж арестован по линии НКВД. Правда, люди отнеслись с пониманием. Оказалось, что и здесь у многих были арестованы родные и близкие. Жили плохо, но люди помогали и картошкой, и другими продуктами. Однако были случаи, когда матери тыкали в лицо: семья «тюремщика» и дети — «вражьи выкормыши»⁴³⁸.

П.И. Гречкин вместе с женой и семерыми детьми был выселен из с. Га-ленки за то, что у него были родственники в Харбине. Как вспоминает дочь Таисия Петровна, везли их «...с кучей детей голых и голодных в скотских вагонах», высадили в г. Акмолинске (Казахстан). Через три года отец простыл и умер, а вскоре и 13-летняя сестра Галина — от воспаления легких. Из-за голода и нищеты мать Мария Петровна решилась на отчаянный шаг — определить двух младших детей в детский дом. «...Их мама посадила на скамейку (без всякой записки), они плакали, а она ушла. На другой день пришла и увидела издали, что они играют с другими детдомовскими детьми. Но ещё тяжелее — потом их отправили из Акмолинска в другое место и до сих пор не знаем, живы они или нет, или им дали другие фамилии...»⁴³⁹

Вот ещё одна драматическая история. Глава семьи, проживавшей в пос. Ольге, И.И. Бастин в 1938 г. был арестован и осуждён к 6 годам лишения свободы по обвинению в антисоветской агитации и как бывший кулак, владелец мельницы. На самом же деле эти обвинения не имели под собой оснований. Как видно из материалов уголовного дела, Иван Иванович в годы Гражданской войны партизанил, за что белые сожгли его дом. После войны был членом комитета бедноты. Мельницей никогда не владел, а работал на ней батраком. Свидетельские показания на него дали работники пекарни, которым он пригрозил разоблачением за расхищение хлеба. Решение суда было настолько очевидно необъективным, что даже один из его членов представил письменно особое мнение о необходимости пересмотра дела. Тем не менее И.И. Бастин был отправлен на Колыму, а его 50-летняя жена и пятеро детей в 1939 г. высланы из Приморского края как члены семьи «врага народа». Двух младших детей мать оставила у родственников, чтобы не подвергать их тяжёлым испытаниям дороги и устройства на новом месте. Но больше она их не увидела. После долгого пути по железной дороге семья устроилась в Оренбургской области. Жили в землянке. Во время войны Анна Ануфриевна умерла от болезни, а отец не дожил до своего освобождения из лагеря⁴⁴⁰.

Немало испытаний выпало на долю семьи Аркатовых, высланных из Приморского края за принадлежность к баптистской секте. Глава семьи — Г.П. Аркатов, работавший на шахте стволовым и посещавший после работы баптистские собрания, — годом раньше был расстрелян по обвинению в проведении контрреволюционной пропаганды. Самый младший ребёнок —

сын Анатолий — родился уже после ареста отца и умер, прожив всего 8 мес. Вот что сообщила одна из дочерей П.Г. Аркатова-Задорожная: «После смерти маленького сразу вызвали мать и старшую сестру Наташу в НКВД с паспортами. В паспортах стоял знак «единица», что означало «житель ДВК». Там её перечеркнули, получился крест, и предупредили, чтобы мы немедленно покинули Приморский край. (...) У нас была посажена в поле кукуруза, уже поспела почти, у дома был большой огород с картошкой и овощами, внизу усадьбы за ручейком — бахча, помидоры. Дом большой и светлый, построенный своими руками, всё необходимое для существования человеку: и постельки наши и родительские, и столы гостиный и кухонный, всякая посуда, шторы, сундук расписной, продукты, кое-какая живность, всякий плотничий инструмент. (...) Одежда зимняя и осенняя наша осталась, мы выехали в чём есть, с сумкой сухарей. На деньги свои купили три билета на шесть человек. Место жительства нам определили Иркутск, где сможем устроиться. (...) В подвале осталось более 20 мешков одной только картошки. Горкомхоз конфисковал у нас всё. Дали на руки справку, что это вместо дома и всего нашего. (...) Быстро всё можно было забрать и пустить нас по миру. Да, в прямом смысле слова по миру я ходила и просила кусочек хлеба или сухарик. (...) У нас была большая семья, поэтому нам и на месте жить было трудно, а как выселили, то совсем невозможно стало. Выселенные вместе с нами семьи нам всячески помогали, давали в долг денег на хлеб, ну, а вода везде была...»⁴⁴¹

Приведённые материалы достаточно убедительно показывают, что, несмотря на попытку некоторого смягчения условий выселения, депортационная акция 1939 г. в целом обрекала людей на те же лишения и страдания, что и все предыдущие кампании «зачистки». Надо отдать должное очевидцам выдворения «неблагонадёжного» населения из Приморья, которые уже тогда довольно метко и оригинально оценивали его, несмотря на всёподавляющую цензуру. Документы содержат некоторые примеры таких оценок.

Инженер раймехконторы Ханкайского района И.И.К.: «Советская власть занимается не вселением на Дальний Восток, а выселением. Вселили 10%, а выселили 50%. Это опять начинается пройденный кошмар. Вербуем заключённых, а здесь вольную публику выселяем». Учитель Тарасовской школы Ивановского района Б.: «Много людей совершенно невинных выселяют из ДВК. Вот из Сундуганки выселяют несколько человек, так это просто насмешка. Я их уже несколько лет знаю. В общественной жизни активны, бедняки, за границу никогда не ходили и против Советской власти не выступали. НКВД не знает, кого действительно выселять, и давай хватать первого попавшегося, а особенно тех, кто в колхоз не идёт. Ну и давай его выселим — все будет больше в процентном отношении колхозников».

Работник Ворошиловского почтамта П.: «Политика выдворения сводится к тому, чтобы весь народ сделать люмпен-пролетариатом, и только тогда мы быстрее коммунизм построим. Люмпен-пролетариат — это такая масса, которая ничего не имеет, т.е., что на нём, то и всё. Вот с такими людь-

ми можно построить коммунизм, которые не имеют своей собственности, поэтому, когда переселяют с места на место, от собственности народ избавляют».

Но особенно в этой серии документов выделяются два анонимных письма, отправленных 20 сентября 1939 г. одним автором в редакцию газеты «Правда» и начальнику Уссурийского областного управления НКВД (нам не удалось узнать, дошло ли в своё время письмо до первого адресата, до второго — несомненно). Характер писем свидетельствует о крайнем негодовании и нервном возбуждении автора, отражавших, очевидно, эмоциональное состояние многих выселяемых. К сожалению, объём писем не позволяет в данной публикации дать их полный текст. Поэтому ограничимся лишь сокращённым вариантом письма в «Правду»:

«Тов. ответственный редактор! Нас интересует такой вопрос: почему Вы не печатаете в газете об отвратительной высылке ни в чём не повинных жителей ДВК? (...) У многих куча детей, есть совершенно старые и больные, а их высылают. Творится что-то невероятное. Многие кончают жизнь самоубийством, оставляя сиротами детей. Некоторым дают срок выезда в 24 часа. Это получается так: в чём стоишь, в том и поезжай. (...) Люди мечутся. Люди нервные. Люди ничего в жизни не видели и не увидят ничего хорошего, потому что там, куда их высылают, там на них смотрят, как на врагов. Квартир нет, люди вынуждены валяться, как собаки, на станции. Да у хорошего хозяина собака при хорошем месте. Что, интересно, хочет показать Советская власть? Творит гонения над людьми, как раньше гоняли евреев. Получается так, что само правительство пускает дым в глаза, не иначе. Пишет одно, а говорит другое. Нечего сказать, жить стало лучше и веселее в прекрасной Советской стране. Действительно, есть песня — мы такого не видели и не слышали никогда. (...) Зачем тогда сравнивать, как люди живут в Германии, в Японии? Ведь хуже, чем у нас, теперь не живут. Такое же издевательство над людьми, что так именно и было при помещиках да при татарском иге. Сейчас время Ивана Грозного, не хватает только, чтобы ездили на конях, да рубили народ. Ну, да это будет, до этого уже недалеко. (...) Ведь это же стыд и позор нашему правительству, которое решило доконать людей. (...) Спасибо Сталину за хорошую счастливую жизнь, нечего сказать, ему-то наплевать на нас. (...) Пора бы за 22 года царствования и поумнеть и дать людям спокойно жить. (...) Нужно прекратить татарское иго и ивановскую опричнину. (...) Ведь сейчас людей, родившихся в старое время, нет уже, все пущены в расход, а молодёжь вы калечите сами идиотскими высылками, арестами, издевательствами. Иго так иго, хуже не придумаешь...»

Таким образом, население Приморья, неоднократно подвергшееся в 1920—1930-е гг. различным формам государственного принуждения, столкнувшись с ним в ещё раз в 1939 г., в определённой массе своей уже достаточно ясно понимало главный, на наш взгляд, смысл «очистки» края, которая стала очередным воплощением излюбленного приёма сталинской

репрессивной политики — маргинализации и территориального распыления опасных, с точки зрения существовавшего режима, социальных групп.

3.6. Итоги и последствия «чистки» Дальнего Востока

В 1930-е гг. на Дальнем Востоке была проведена серия массовых депортаций или т.н. социальных «чисток». Попытаемся подвести их итоги. За пределы ДВК были депортированы: лица, сосланные и высланные «тройкой» ОГПУ и ОСО НКВД в 1930—1935 гг. — 8,2 тыс. чел., по паспортизации (1933—1934 гг.) — более 100 тыс. (с учётом детей), исключённые из партии (1936 г.) — 1,5 тыс., корейцы (1937 г.) — 173 тыс., китайцы (1938 г.) — 9,3 тыс., семьи расстрелянных по ст. 58 УК (1937—1938 гг.) — более 40 тыс., «неблагонадёжное» население Приморского края (1939 г.) — 14,1 тыс., всего — более 346,1 тыс. чел. В это число из-за отсутствия сведений не вошли следующие категории высланных, выселенных и сосланных: а) «харбинцы», б) ежегодно выявлявшиеся нарушители паспортного режима, в) осуждённые «милицейскими» тройками, г) осуждённые судами.

Таким образом, жители Дальнего Востока в 1930-е гг. подвергались **постоянным**, следовавшим друг за другом или совпадавшим друг с другом, акциям принудительного выселения, проходившим под лозунгом «очищения» стратегически важного, пограничного региона страны. В абсолютном большинстве жертвы депортаций были безвинны, с точки зрения существовавших законов, именно поэтому применялся в основном внесудебный метод такой репрессии.

Рассмотренные в данной главе материалы демонстрируют два типа принудительных выселений с территории Дальнего Востока: 1) концентрированные по времени и людским потокам, т.н. «классические» депортации (корейцы, китайцы, «неблагонадёжное» население Приморья, исключённые из партии), 2) более «размытые» административные выселения (высланные «тройками», ОСО и судами, выселенные по паспортизации).

В современной историографии главное внимание уделено изучению первого типа депортаций в СССР. Однако по большому счёту разница между ними небольшая — оба вида репрессий были направлены на стигматизированные слои населения и в суммарном итоге имели массовый характер. При этом категории, на которые режим вешал ярлык социальной «опасности», «вредности», «неблагонадёжности», черпались из самых разных, практически — из всех, слоёв общества, которое, таким образом, **в целом** воспринималось властью как «ненадёжное». На Дальнем Востоке этот феномен проявился в наиболее выпуклом виде именно в связи с проводившимися перманентными «зачистками».

Общая численность выселенных в 1930-е гг. в ходе различных акций, перевалившая за 350 тыс. чел., стала весьма ощутимой потерей для слабозаселённого региона (в 1932 г., по подсчётам крайУНХУ, здесь прожива-

ло 1 729,6 тыс. чел.⁴⁴²). Такая «зачистка» вступала в противоречие с задачами индустриализации ДВК. Как справедливо отметил Дж. Стефан, она стала одной из причин того, что регион не достиг ни одной из основных целей третьего пятилетнего плана, а в 1939 г. по показателям промышленности, добычи рыбы и заготовки леса он был ниже уровня 1935 г.⁴⁴³

Государство оказалось не в состоянии обеспечить необходимые параметры роста трудовых ресурсов и плотности населения в приграничье с помощью добровольных и мобилизационных методов. Организованное сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток, открытое в 1925 г., было практически прервано в начале 1930-х гг. и в более или менее ощутимых объёмах возобновилось только к концу десятилетия. Переселение в Еврейскую автономную область и промышленное переселение (в виде сезонных вербовок рабочих предприятиями и планового оргнабора) хотя и продолжалось, но не покрывало потребностей экономики края. При этом постоянно наблюдался значительный обратный отток. По подсчётам переселенческих органов в 1926—1938 гг. из края выехало 37,3% новосёлов, прибывших по сельскохозяйственному переселению⁴⁴⁴. На промышленных предприятиях сезонные рабочие вербовались, как правило, лишь на шесть месяцев и половину этого срока теряли на проезд по железной дороге. Особенно страдала от этого рыбная отрасль⁴⁴⁵. Некоторые потоки принудительных и плановых мигрантов взаимно замещали друг друга, что с позиции здравого экономического расчёта нельзя назвать ничем иным как абсурдной тратой финансовых ресурсов государства. Например, 500 корейских семейств рыбаков осенью 1937 г. были депортированы в район Астрахани Сталинградской области (см. разд. 3.2.3.), а 17 мая 1938 г. Экономический совет при СНК СССР принял решение переселить в рыболовецкие колхозы Дальнего Востока 1 000 семей из Сталинградской области. На 10 сентября того же года Рыбколхозсоюз, отправив в ДВК 487 семей, дальнейшую вербовку рыбаков-колхозников прекратил, сообщив дальневосточным властям о перенесении срока переселения остальных хозяйств на весну 1939 г.⁴⁴⁶

Несмотря на прибытие разных потоков организованных и неорганизованных мигрантов, к началу 1939 г. численность населения региона достигла только 2 366,5 тыс. чел.⁴⁴⁷, т.е. увеличилась лишь на 636,9 тыс. по сравнению с 1932 г.

Наиболее всего от выселений пострадали районы, непосредственно примыкающие к государственной границе. Кроме вышеперечисленных общих депортационных кампаний в них проводились и специальные акции в целях «очистки погранполосы». Оттуда в глубинные районы края были переселены: «раскулаченные» крестьяне (1930—1934 гг.) и «эмиграционно настроенные» немцы (1931 г.) — общее число неизвестно, часть семей, главы которых были репрессированы по приказу 00447 (1937—1938 гг.) — общее число неизвестно, китайцы — граждане СССР и члены смешанных семей

(1938 г.) — не менее 1,9 тыс., спецпоселенцы (1939 г.) — 13 тыс., всего — значительно более 18,9 тыс.

Пограничные районы буквально обезлюдели, а экономическая деятельность в них вследствие нехватки трудовых ресурсов переживала глубокий кризис, о чём свидетельствует масса документов того времени. Например, в колхозе «Амурская правда» Благовещенского района, где в 1931 г. имелось 89 хозяйств со 189 трудоспособными людьми, к началу 1934 г. в результате раскулачивания и административного выселения из пределов погранполосы «социально-чуждых элементов» число хозяйств уменьшилось наполовину, к тому же в 1938 г. органы НКВД арестовали там 12 мужчин — глав семейств⁴⁴⁸. Требовалось срочно направлять в эти районы новых засельщиков. По подсчётам плановых органов Хабаровского края в 1939 г. только для освоения **ранее использовавшихся** земельных угодий (всего по краю) необходимо было переселить в колхозы до 25 тыс. семей⁴⁴⁹.

Режимное положение пограничных районов накладывало существенные ограничения на состав новых переселенцев, которые должны были отвечать требованиям политической «благонадёжности», поэтому в приграничье ставка делалась на семьи демобилизованных солдат срочной службы, а переселенцы-колхозники и рабочие в местах выхода подвергались проверке и фильтрации. Однако планы сельскохозяйственного переселения стабильно не выполнялись, к тому же многие из приехавших не смогли закрепиться в местах поселения не только из-за непривычного климата, но и из-за плохой организации их приёма и бытового устройства. Например, по плану переселения 1937 г. предусматривалось прибытие в Хабаровский край 4 250 семей красноармейцев, переселилось же 2 907, из них жилыми домами были обеспечены только 1 900 семей, выбыло из колхозов в том же году 396 чел.⁴⁵⁰ Как отмечалось на Хабаровской краевой партийной конференции (16—18 февраля 1939 г.), в крае имелись колхозы, где было не больше пяти мужчин, остальные — женщины. «Это после проведения известных мероприятий. Есть колхозы, где из 60 переселённых красноармейцев за последние три года осталось не больше 20»⁴⁵¹.

Острота ситуации в пограничных районах стала причиной постоянной «головной боли» разных уровней власти. В качестве примера можно привести Кумарский район* Амурской области. Характеризуя его «политико-хозяйственное состояние», председатель Амурского облисполкома Чижов в докладной записке на имя секретаря оргбюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю Донского от 14 марта 1939 г. сообщал: «В 1938 г. (...) из

* Кумарский район с райцентром в с. Кумара организован в 1935 г., в его состав вошли Свободненский и частично Благовещенский районы Амурской области и Тыгдинский район Читинской области. Он располагался на побережье р. Амура, граничил с Маньчжоу-Го на протяжении 260 км. В 1939 г. в районе имелись 41 населённый пункт и 21 колхоз. См.: ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

партийных, советских и хозяйственных организаций и из колхозов было репрессировано и переселено большое количество населения, очистка колхозов доходила в отдельных колхозах до 2/3. (...) Недостаток рабсилы в колхозах требует большого количества вселения за счёт переселения из других областей и оседающих в колхозах демобилизованных красноармейцев. Планы переселения в 1937 и 1938 гг. были сорваны. Планом в 1938 г. предполагалось вселить 100 красноармейских семей, вселено же лишь 33 красноармейца-переселенца, семьи которых до сих пор ещё в колхозы района не прибыли. В районе имеется в настоящее время 263 свободных дома, в которых можно принять к 1 апреля 263 семьи»⁴⁵².

Вопрос «О положении в погранрайонах и мерах по укреплению политической работы в них» неоднократно обсуждался в оргбюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю в 1938 г. и 1939 г. На заседании 3—7 февраля 1939 г. один из руководителей Кумарского района Буравлев в своём выступлении говорил: «...Я побольше работал и знаю район (...). Вот, например, селение Симон. Там 11 мужчин, один председатель сельсовета, один председатель колхоза, один учитель, один конюх. 16 женщин работают на очистке семян. Летом выселили из района около 80 чел. Нужно было проводить уборочную кампанию, не было людей. Из Благовещенска люди приезжали, помогал погранотряд. Есть такие посёлки, как Ургал и др., где буквально всех выселили, и очень много помещений пустует из-за отсутствия людей. (...) Сейчас прибыло около 80 чел. демобилизованных красноармейцев, в большинстве своём они заняли руководящие посты...» Партийный руководитель края Донской в итоге обсуждения сделал вывод: «Положение с Кумарским районом характерно для целого ряда пограничных районов. Я вас уверяю, что в ряде районов не лучше обстоит дело». Он предложил с помощью специальных вербовщиков направить переселенцев в первую очередь в Кумарский район, и «... на этом опыте приковать внимание партийных организаций к пограничным районам. (...) Ряд из них придётся выделить, в особенности Кумарский, Бирский, Михайловский, и выправить их...»⁴⁵³

В целом по Хабаровскому краю план переселения на 1939 г., который предусматривал прибытие 1 500 семей красноармейцев и 750 семей колхозников из центральных областей, был пересмотрен с расчётом первоочередного заселения имевшихся в крае 11 пограничных районов⁴⁵⁴. Проверка их состояния, проведённая партийными и переселенческими органами в конце года, показала, что во многих колхозах началось оживление хозяйственной деятельности, чему способствовало переселение в них 1 939 семей, в том числе 1 666 семей колхозников и 273 семьи красноармейцев⁴⁵⁵.

Однако, несмотря на острую потребность в кадрах, во многих районах работа по закреплению новосёлов велась безалаберно и неорганизованно, с характерными признаками кампанейщины, что в целом было характерно для партийно-советского стиля руководства того времени. В докладе об ито-

гах переселения в край за 1939 г. краевое начальство оценивало отношение к переселенцам со стороны районных администраций как «беспечное и безответственное», что иллюстрировалось, в частности, подготовкой жилья. Руководители Кумарского, Михайловского, Бирского райисполкомов и Сахалинского облисполкома точного учёта свободных домов, предназначенных для новосёлов, не имели, сведения о них давали с «потолка», из-за чего при проведении паспортизации домов было выявлено большое расхождение с представленными ранее сведениями. В список свободных попали некоторые дома, принадлежавшие частным лицам (Кумарский район), избы-читальни, детские ясли, магазины сельпо и даже чумной изолятор (Михайловский район). Стоимость ремонта определялась неправильно. Сам ремонт затягивался, и подготовка к приёму переселенцев «находилась на грани срыва»⁴⁵⁶.

Определённые сложности для развития сельскохозяйственного производства создавало отсутствие у новосёлов необходимого для дальневосточных условий агротехнического опыта, что наиболее ярко проявилось в сравнении с предыдущей хозяйственной деятельностью корейских крестьян в районах преимущественного проживания последних до депортации. Характерен пример Посъетского района, где накануне выселения корейцев (на 1 января 1937 г.) насчитывалось 27 тыс. чел., а через год после депортации — 13,3 тыс., из них 7,4 тыс. трудоспособных. Количество сёл там сократилось вдвое: было ликвидировано 18 из 37 ранее существовавших сельсоветов. На месте вывезенных корейских хозяйств руководству края в 1937 г. удалось организовать в этом районе только 6 колхозов, состоявших из 242 хозяйств демобилизованных красноармейцев с общим населением 682 чел., из них 436 трудоспособных (262 муж., 174 жён.), в начале 1940 г. число хозяйств увеличилось до 388, а трудоспособных — до 992 чел. Остальное население работало на четырёх рыбокомбинатах и в одной МТС. Не успев окрепнуть, все колхозы района в 1938 г. подверглись испытанию природной стихии — наводнению.

У корейских крестьян в посевах преобладали соя, рис, пайза и картофель (до 80%). Зерновых сеялось немного, причём яровая пшеница полностью отсутствовала. С прибытием переселенцев из центральных областей страны структура посевных площадей резко изменилась в сторону увеличения зерновых, в том числе яровой пшеницы. Однако урожайность всех сельскохозяйственных культур в красноармейских колхозах в течение многих лет была низкая. Из-за этого они ежегодно числились перед государством в должниках по хлебопоставкам и натуроплате, а также не имели возможности выдавать колхозникам хлеб на оплату трудодней. В течение десятилетия после выселения корейцев в колхозах района несколько раз менялось направление сельскохозяйственной деятельности, ежегодно практиковался посев новых культур, но сколько-нибудь удовлетворительных результатов так и не достигалось. Среди работников краевых организаций даже сложи-

лось мнение, что в районе сельским хозяйством заниматься вообще нельзя и вносилось много предложений об изменении его производственной специализации (перевод на промартели, рыболовецкие колхозы и т.д.)⁴⁵⁷.

Дефицит рабочей силы испытывали не только колхозы, но и другие отрасли хозяйства, в том числе лесозаготовительная, горнодобывающая, рыбная. Руководители предприятий непосредственно ощущали негативные последствия выселений, однако по понятным причинам выразить свой протест напрямую не могли, ограничиваясь намёками и слабыми замечаниями по этому поводу. На заседании оргбюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю 26 декабря 1938 г. при обсуждении вопроса о добыче рыбы говорилось: «...Ежегодно мы завозим огромное количество рабочей силы на Дальний Восток. В 1938 г. из центра завезено рабочих 25 800 чел., плюс семьи. Сколько это стоит? В 1935 г. было затрачено на вербовку 22 млн. 829 тыс. руб., в 1938 г. — 35 млн. руб., всего за эти годы — 112 млн. руб. Постоянных кадров не закрепляют. Сезонники уезжают, всё это стоит страшно дорого». Представитель Средне-Амурского госрыбтреста докладывал: «...Наша промышленность не все трудности преодолела. Есть ещё масса безобразий, но они зависят от нас же самих. Здесь у нас недостаток получается, с одной стороны, в том, что недостаток рабочих, с другой стороны — с наших заводов было выселено много таких элементов, которым нельзя было оставаться на Дальнем Востоке. И вот с таким положением мы пришли к началу лова, не было рабочей силы. Я уехал 5 декабря. По-видимому, положение исправляется, но прорыв на сегодняшний день есть». На вопрос с места: «А демобилизованные красноармейцы?», — он ответил: «Они посланы на лесозаготовки. Ещё у нас очень большой вопрос в том, что в колхозах не хватает рабочей силы 260 чел. Я сам проезжал — видел положение на местах, забирают лучших рабочих на лесозаготовки»⁴⁵⁸.

В тресте Хабаровсклес в конце 1930-х гг. основную часть работников стали составлять промпереселенцы из Мордовской АССР и Белоруссии. Однако планы их вербовки постоянно срывались, что сказывалось на выполнении производственных заданий. На 25 ноября 1938 г. квартальный план по рубке леса был выполнен только на 9,7%, по вывозке — на 6,5%. В октябре 1939 г. необходимо было иметь 10 924 рабочих, фактически было 8 048, в ноябре соответственно — 14 224 и 9 977. Вербовка рабочих на сезонные лесозаготовки внутри края, а также трудовая и гужевая повинность колхозников не давали желаемых результатов по той же причине острого недостатка внутренних ресурсов.

Неспособность государства обеспечить экономику региона вольной рабочей силой в условиях сталинской политики сделала привычным упование местных хозяйственных органов на принудительный труд, в частности на заключённых ближайших ИТЛ⁴⁵⁹, численность которых на Дальнем Востоке к концу 1930-х гг. превысила полмиллиона человек.

Использование заключённых было «удобным» не только в связи с мобильностью, массовостью и бесправностью этой рабочей силы, но и потому, что они не требовали создания дополнительной социальной инфраструктуры. Разницу в использовании принудительных и вольных работников, например, остро почувствовали предприятия треста Дальтрансуголь, располагавшиеся в приграничной полосе. Зам. начальника треста Никитин в записке «О развитии угольной промышленности» секретарю крайкома партии Варейкису от 18 апреля 1937 г. сообщал: «...С шахт 2/5 Артема была снята рабочая сила Дальлага, занимающая ничтожную жилую площадь при переводе требующейся жилой площади на то же количество вольнонаёмных. (...) В отношении капиталовложений на жилищное строительство 1937 г. для рудников треста Дальтрансуголь является особо напряжённым, если не катастрофическим. Увеличение программы угледобычи на 1937 г. и замена бессемейной рабочей силы семейными вольнонаёмными в количестве 7 000 чел. (не считая семей), завозимых на рудники в течение первых трёх кварталов этого года, также отсутствие денег на жилищное строительство создаёт такие затруднения с жилплощадью, что трест вопреки всем законам вынужден за счёт кредитов промышленного строительства на рудниках строить временные бараки, чтобы хоть как-нибудь принять прибывающую рабсилу, без которой выполнение плана текущего года немислимо»⁴⁶⁰.

В целом принудительные выселения с территории Дальнего Востока, проведённые в предвоенное десятилетие, имели далеко идущие негативные результаты как в социальной, так и в экономической сферах.

Общими для всех форм депортаций социальными последствиями были: резкое снижение, вплоть до крайнего обнищания, жизненного уровня мигрантов, ухудшение демографической ситуации в этой части населения за счёт снижения рождаемости и повышения смертности в дороге и на новых местах жительства (неустроенность быта, недоедание, болезни), в личном плане — семейные трагедии и глубокие душевные травмы, в плане социальной психологии — усиление либо озлобленности, либо страха и чувства полнейшей беспомощности перед силой государственной машины.

Результаты «социальной стерилизации» оказались и прямо противоположными поставленным государством целям укрепления дальневосточных рубежей, нанеся тяжелейший урон демографическому, а вследствие этого и экономическому развитию края.

- 1 Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History* / The University of Chicago. Vol. 70. December, 1998. P. 830.
- 2 Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917 – 1991. Справочник / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост. А.И. Кокурин, Н.П. Петров. М.: МФД, 2003. С. 453.
- 3 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921 – 1928. М.: Кучково поле, 2006. С. 194.
- 4 ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 53. Л. 184.
- 5 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 147. Л. 519.
- 6 Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. С. 63.
- 7 Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. P. 830.
- 8 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 194. Л. 1.
- 9 ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 56. Л. 134 – 135.
- 10 Там же. Л. 133.
- 11 Там же. Л. 129.
- 12 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 64.
- 13 Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ... С. 297.
- 14 Песков В.М. Военная политика на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. С. 105 – 115, 150 – 151.
- 15 ГААО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 161. Л. 44.
- 16 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. С. 74 – 75, 110.
- 17 Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 12.
- 18 Stefan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, California: Stanford University Press, 1994. P. 209 – 224.
- 19 Мэтьюз М. Ограничение свободы проживания и передвижения в России (до 1932 г.) // *Вопросы истории*. 1994. № 4. С. 22 – 34.
- 20 Байбурин А. К предыстории советского паспорта (1917–1923) // *Неприкосновенный запас* / Журнальный клуб Интелрос. 2009. №2 (№64). URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_64/3859-k-predystorii-sovetskogo-pasporta-1917.html (дата обращения: 4.12.2009)
- 21 Fitzpatric S. The great departure. Rural – urban migration in the Soviet Union, 1929 – 1933 // *Social dimensions of Soviet industrialization* / eds. W. Rosenberg, L. Siegelbaum. Bloomington, 1993. P. 15 – 40 (этот же материал в русскоязычном варианте см.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. С. 106 – 119); Moine N. Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale // *Cahiers du Monde russe*. 1997. Vol. 38. № 4 (octobre-décembre). P. 587 – 600; Муан Н. Паспортная система и выбор места жительства в России и Советском Союзе // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/42/mu9-pr.html>. (дата обращения: 4.12.2009); Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932—1940 // *Cahiers du monde russe*. 2001. Vol. 42. № 2—4. P. 477 – 504; и др.
- 22 Попов В.П. Паспортная система советского крепостничества // *Новый мир*. 1996. №6. С. 185 – 203. Другой вариант этой статьи см.: Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // *Социологические исследования*. 1995. № 8. С. 3 – 14.
- 23 Ходасевич А. Отблеск истории: книга очерков о советской милиции, Хабаровск, 1993. С. 147 – 149.
- 24 Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация советского населения как завершающая веха в утверждённом тоталитарного режима в СССР на материалах Дальнего Востока) // *Тоталитаризм как исторический феномен*. Владивосток, 1996. С. 88 – 104; её же. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934) // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, LXXI/1. 1999. P. 17 – 33.

- 25 Курицын В. 1937 год: истоки и практика культа (Вместо введения) // Реабилитирован посмертно. М.: Юрид. лит., 1988. Вып.1. С. 35 – 36, и др.
- 26 Мэттьюс М. Ограничение свободы проживания... С. 32 – 33.
- 27 Источник. М., 1997. № 6. С. 104.
- 28 Попов В. Паспортная система советского крепостничества... С. 185 – 189.
- 29 РГИА ДВ. Ф. Р-4363. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 – 18.
- 30 Kessler G. The passport system... P. 491.
- 31 Источник. М., 1997. № 6. С. 106.
- 32 ГАХК. Ф. 424. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
- 33 Красное знамя. Владивосток. 1933, 4 апр.
- 34 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 25. Л. 1, 2, 4.
- 35 Красное знамя. Владивосток, 1933. 18 апр.
- 36 Там же. 10 сент.
- 37 Там же. 22 апр.
- 38 Проанализировано на основании источника: годовая подшивка газеты «Красное знамя» за 1933 г.
- 39 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 6 – 8, 17, 24, 25.
- 40 Там же. Д. 25. Л. 6.
- 41 Там же. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 9; «Совершенно секретно»: из истории Северного Сахалина во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов XX столетия: документальные публикации // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 4. С. 148.
- 42 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 25. Л. 4 – 5.
- 43 ГААО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.
- 44 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 25. Л. 55; Д. 39. Л. 8 – 9.
- 45 Там же. Д. 25. Л. 13 – 16, 28.
- 46 Красное знамя. Владивосток, 1933. 18 апр., 24 апр., 30 июня.
- 47 Там же. 20 июня, 5 авг., 1 сент.
- 48 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 25. Л. 36, 39, 46, 49.
- 49 Там же. Ф. 424. Оп. 1. Д. 16. Л. 128.
- 50 Там же. Ф. 384. Оп. 2. Д. 25. Л. 50, 54.
- 51 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ – НКВД СССР в цифрах и документах: В 2 ч. Ч.1. (1931–1941). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 296.
- 52 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 18 – 19; «Совершенно секретно»... С. 99.
- 53 Красное знамя. Владивосток, 1933. 24 апр.
- 54 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 14 – 15.
- 55 Там же. Л. 10, 28.
- 56 Таблица составлена по: ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 10.
- 57 Подсчитано по: История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собр. документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 169 – 170.
- 58 Источник. М., 1997. № 6. С. 108.
- 59 Kessler G. The passport system... P.485. г. Кесслер резонно сомневается в точности расчёта данных показателей, так как учёт населения к началу паспортизации не был налажен. Тем не менее мы можем принять их как ориентировочные.
- 60 Боякова С. Дело «островных» // Красное знамя. Александровск-на-Сахалине, 1995. 27 окт. С. 3.
- 61 «Совершенно секретно»... С. 149.
- 62 История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 169.
- 63 См.: Войнилович М. Дело №СУ-3246 (жизнь и смерть комбрига Дрекова). Южно-Сахалинск, 1991.
- 64 Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. Янв. 1922 – дек. 1936. М.: МФД, 2003. С. 464.

- 65 Осташов А.Е., Тварковский Л.С. Проблема взаимоотношений советских властей и администрации японской концессии на Сахалине в 30-е годы XX века // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1999. №3. С. 142.
- 66 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 3, 10, 16.
- 67 ГААО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 273. Л. 15.
- 68 Рассчитано по: ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 13. Л. 16 – 18.
- 69 ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 54. Л. 10.
- 70 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 4.
- 71 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 34. Л. 30.
- 72 ГАХК. Ф. 384. Оп. 2. Д. 39. Л. 17.
- 73 См., например: Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 30-х годов) М.; Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1995. С. 232 – 238.
- 74 ГААО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.
- 75 «Совершенно секретно...»... С. 149 – 150.
- 76 Ходасевич А. Отблеск истории... С. 151.
- 77 Источник. М., 1997. № 6. С. 108.
- 78 Kessler G. The passport system... Р. 488 – 489; Муан Н. Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР / отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 268.
- 79 РГИА ДВ. Ф. Р-24 13. Оп. 4. Д. 1019. Л. 278.
- 80 ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 33. Д. 53 Л. 135, 135 а.
- 81 Там же. Л. 134.
- 82 Там же. Л. 142.
- 83 ГАХК. Ф. 1384. Оп. 5. Д. 3. Л. 166 – 168.
- 84 История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 156 – 157.
- 85 Там же. С. 259 – 260; Источник. 1997. № 6. С. 109 – 111.
- 86 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп.2. Д. 623. Л. 73 – 75.
- 87 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 55. Л. 4.
- 88 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 17.
- 89 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 126. Л. 62 – 73.
- 90 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937 – 1938 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2004. С. 401 – 202, 651 – 652.
- 91 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 735. Л. 125 – 126.
- 92 Отделение спецфондов Отдела реабилитации и спецфондов ИЦ УВД по Приморскому краю (временное хранение). Ф. 88. Оп. 13. Д. 139. Л. 26, 27, 35.
- 93 Кузнецов Д.А. Из истории деятельности органов милиции Сахалинской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материалы 52-й всерос. науч. конф. Т. 5. Проблемы тактики военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии. Владивосток: ТОВМИ им. Макарова ВУНЦ ВМФ «ВМА», 2009. С. 231 – 242.
- 94 Подробное об этих событиях в дальневосточном регионе см.: Чернолуцкая Е.Н. «Националы» Приморья в сталинских политических репрессиях // Изв. РГИА ДВ. Т. 1. Владивосток, 1996. С. 149 – 160; её же. Немцы и политические репрессии на Дальнем Востоке (1930-е годы) // Государство и личность. Политические репрессии на Дальнем Востоке в XX в.: материалы регион. науч.-практ. конф. Благовещенск: Амур. обл. краевед. музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005. С. 248 – 254.
- 95 См.: Полян П.М. Не по своей воле... С. 86 – 88.
- 96 Панов А. Жёлтый вопрос в Приамурье: Ист.-статист. очерк // Вопросы колонизации. СПб., 1910. № 7. С. 60 – 62; Петров А. И. Корейская иммиграция на Дальний Восток России в 1860–1917 гг. // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1998. № 5. С. 4 – 7.

- 97 Панов А. Жёлтый вопрос в Приамурье. С. 62; Корейский вопрос в Приамурье. Отчёт поручика 1-го Сибирского стрелкового его Величества полка В.Д. Песоцкого: Труды Амурской экспедиции. Хабаровск, 1913. С. 2; Торопов А.А. К вопросу о миграции корейского населения на Дальнем Востоке России (1863–1916 гг.) // Известия РГИА ДВ. Т. 1. Владивосток, 1996. С. 102.
- 98 Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 101.
- 99 Корейский вопрос в Приамурье... Л. 2.
- 100 Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 78 – 113; Панов А. Жёлтый вопрос в Приамурье. С. 63.
- 101 Корейский вопрос в Приамурье... Л. 5.
- 102 Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке... С. 88, 93, 104.
- 103 Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): Ист.-демогр. очерк. М., 1985. С. 133 – 134.
- 104 ГАПК. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 192.
- 105 См.: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 120.
- 106 Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы: документ.-ист. очерк. Южно-Сахалинск, 1993. С. 32.
- 107 Корейский вопрос в Приамурье. С. 27.
- 108 Обзор Приморской области за 1912 г. Владивосток, 1914. С. 31.
- 109 Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912. С. 32.
- 110 Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 45.
- 111 Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. С. 107, 111.
- 112 Петров А.И. Корейская иммиграция на Дальний Восток... С. 16.
- 113 Бужков А.М., Полутов А.А. Корейский узел // Родина. 1992. № 2. С. 43.
- 114 Цит. по: Кузин А. Дальневосточные корейцы... С. 31 – 32.
- 115 Цит. по: Торопов А.А. К вопросу о миграции корейского населения... С. 106 – 107.
- 116 Петров А. И. Корейская иммиграция на Дальний Восток России... С. 13.
- 117 Корейский вопрос в Приамурье... С. 66 – 67, 124, 126.
- 118 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 188. Л. 596.
- 119 Кузин А. Дальневосточные корейцы... С. 29, 15.
- 120 Бужков А., Полутов А. Корейский узел. С. 42.
- 121 Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной безопасности // Восток. 1993. № 2. С. 151 – 156; Нам С.Г. Из истории корейской общины на Дальнем Востоке (20-е годы) // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 170.
- 122 Отчёт Дальревкома и Дальэконоза за 1923 – 1924 год. Хабаровск, 1925. С. 563; Салтыков Н.К. Территории и население Приморской губернии. Прил.1 // Экономическая жизнь Приморья. Владивосток, 1924. № 6 – 7.
- 123 Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. С. 77 – 78.
- 124 Пэ Ын Кен. Демографическая характеристика советских корейцев Дальнего Востока. 1920–1940 гг. // Проблемы Дальнего Востока. М., 1998. № 5. С. 126 – 130.
- 125 См.: Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 73.
- 126 Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы: материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 247.
- 127 Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. Хабаровск; Владивосток, 1932. С. IV.
- 128 ГАПК. Ф. 189. Оп. 4. Д. 12. Л. 480.
- 129 Там же. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 160. Л. 3.
- 130 Там же. Д. 26. Л. 16 об., 22, 22об.
- 131 Там же. Д. 34. Л. 27, 27 об.

- 132 Там же. Д. 93. Л. 32.
- 133 Там же. Д. 95. Л. 9 об., 10.
- 134 Там же. Д. 61. Л. 72.
- 135 Там же. Д. 90. Л. 22 об.
- 136 Там же. Д. 97. Л. 29 – 29 об.
- 137 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 61. Л. 80 об.
- 138 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 61. Л. 17.
- 139 Нам С.Г. Из истории корейской общины... С. 169; Пак Б.Д. Корейцы в советской России (1917 – конец 30-х гг.) М.; СПб.; Иркутск, 1995. С. 117.
- 140 Пак Б.Д. Корейцы в советской России... С. 117.
- 141 Нам С.Г. Из истории корейской общины... С. 170 – 171.
- 142 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 95. Л. 131; Д. 106. Л. 23; ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 66. Л. 12 – 12 об.
- 143 Там же. Д. 101. Л. 3 об.
- 144 РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 188. Л. 596 – 597 об.
- 145 Циркуляры НКВД за 1935 г. // Архив УВД Амурской области. Оп. 295. Д. 835. Т. 5. Л. 1 – 4.
- 146 Буюков А.М., Полутов А.А. Корейский узел... С. 44; Буюков А.М. Депортация приморских корейцев: как это было // Газ. Восток России. Владивосток, 1992. № 44, окт. С. 18.
- 147 ГАПК. Ф. Р-1588. Д. ПУ-4375. Т. 2. Л. 332 – 334.
- 148 Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения. С. 247.
- 149 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 146. Л. 21.
- 150 Там же. Л. 77.
- 151 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 231.
- 152 Там же. Д. 41. Л. 49 – 51; Д. 45. Л. 218 – 219; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1730. Л. 1.
- 153 ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 66. Л. 18.
- 154 Бугай Н.Ф. Корейцы в СССР... С. 152.
- 155 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.
- 156 Там же. Д. 41. Л. 75 – 76.
- 157 Там же. Ф. 58. Оп. 1. Д. 62. Л. 2 – 4.
- 158 ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 228. Л. 156.
- 159 Полян П.М. Не по своей воле... С. 56; Первые зачистки границ: корейцы, поляки и финны (1928–1923). Предисловие к ч.1 // Сталинские депортации. 1928–1953 / под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД, Материк, 2005. С. 35.
- 160 Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. P. 835, 850.
- 161 Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения. С. 250
- 162 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 85 – 86.
- 163 Удельный вес подсчитан нами по: Пак Б.Д. Корейцы в советской России ... С. 211; Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа в 1929 г. С. IV.
- 164 Пак Б.Д. Корейцы в советской России... С. 167 – 168, 207 – 208.
- 165 Там же. С. 228 – 229.
- 166 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 299. Л. 235.
- 167 Цит. по: Сталинские депортации. 1928–1953. С. 38.
- 168 Пак Б.Д. Корейцы в советской России.. С. 210.
- 169 Там же. С. 215; РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 234, 237.
- 170 Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения. С. 252.
- 171 Сталинские депортации.. С. 38.
- 172 Пак Б.Д. Корейцы в советской России.. С. 212; Соловьева Н.А. Корейцы в России // Россия и АТР. Владивосток, 1993, №2. С. 104.
- 173 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1730. Л. 6 – 6 об., 23; Оп. 2. Д. 146. Л. 22 – 23; Пак Б.Д. Корейцы в советской России.. С. 167 – 168, 212, 214; Полян П.М. Не по своей воле... С. 56.
- 174 Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения. С. 253.
- 175 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 190.

- 176 Ткачёва Г.А. В условиях неравенства. Иммиграция в Приморском крае в 20–30-е годы // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 84.
- 177 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 190.
- 178 Пак Б.Д. Корейцы в советской России.. С. 214; Natsuko Oka. Koreans in the Russian Far East: Collectivization and Deportation: Manuscript of the Paper for Conference "Russian Far East: Past and Present". Khabarovsk, August 1995. P. 17; Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. P. 841.
- 179 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 399. Л. 64.
- 180 Там же. Л.194, 194 об.
- 181 Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. P. 840 – 841; Полян П.М. Не по своей воле... С. 56.
- 182 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.12а. Д. 181. Л.84 об. – 86, 94.
- 183 Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения. С. 253 – 254.
- 184 См.: Пак Б.Д. Корейцы в советской России.. С. 229.
- 185 См.: Первые зачистки границ... С. 35.
- 186 Там же.
- 187 Natsuko Oka. Koreans in the Russian Far East... P. 16—19.
- 188 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. «Шанхайцы» против «иркутян» // Комсомольская правда. Владивосток, 1994. 2 сент. (дальневост. регион. вкладка).
- 189 См.: Чернолуцкая Е.Н. «Националы» Приморья... С. 155.
- 190 Лубянка. Сталин и ВЧК... Янв. 1922 – дек. 1936. С. 723.
- 191 Протокол допроса А. Кима в качестве свидетеля от 31 янв. 1959 г., г. Кизляр // ГАПК. Ф. Р-1588. Д. П-33491.
- 192 Ким С. Исповедь сорен-сарам – советского человека // Дружба народов. 1989. №4. С. 189.
- 193 Чернолуцкая Е.Н. «Националы» Приморья... С. 155.
- 194 Подробнее см.: Вашук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 86 – 98.
- 195 Белая книга о депортации корейского населения России в 30 – 40-х годах. Книга первая / сост. Ли У Хе, Ким Ен Ун. М., 1992; Бугай Н.Ф. О выселении корейцев из Дальневосточного края // Отечественная история. 1992. № 6. С. 141 – 168; его же. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 141 – 148; Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы...; Пак Б.Д. Корейцы в советской России..., и др.
- 196 Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. С. 106.
- 197 Сталинские депортации... С. 83.
- 198 ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 43 – 47.
- 199 Буюков А.М., Полутов А.А. Корейский узел. С. 44.
- 200 См., например: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 80.
- 201 Сталинские депортации. 1928–1953. С. 85 – 88; Танцуренко Е.И. Депортация корейского населения Приморья в документах Государственного архива Приморского края (1937–1940 гг.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР... С. 240.
- 202 Лубянка. Сталин и Главное управление... 1937–1938. С. 330.
- 203 Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы... С. 116 – 124.
- 204 Сталинские депортации... С. 81.
- 205 Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы... С. 134 – 135.
- 206 Цит. по: Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. P. 851; Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы... С. 128.
- 207 Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти о корейцах Сахалинской области, пострадавших от политических репрессий и депортации. Южно-Сахалинск: Ю-Сахал. ин-т экономики, права и информации, 2000. Т. 5. С. 91 – 92.
- 208 Сталинские депортации... С. 89.
- 209 Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев...С. 143.

- 210 Танцуренко Е.И. Депортация корейского населения... С. 241. О проблемах с транспортом см.: Ли Г.Н. Гобонди: Записки наблюдателя о любви корейцев к земле. Бишкек, 2000. С. 113 – 114, 118 – 119, 215.
- 211 Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы... С. 134 – 135.
- 212 ГАПК. Ф. 1588. Д. П-24924. Л. 255; Д. П-93142. Л. 71 – 72.
- 213 Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы... С. 134; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 237; Сталинские депортации.. С. 82, 95.
- 214 Танцуренко Е.И. Депортация корейского населения... С. 242.
- 215 Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. Дальний Восток РСФСР: Основные итоги: сб. документов / сост. С.А. Головин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 387.
- 216 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 30об. – 31.
- 217 Пак Б.Д. Корейцы в Советской России... С. 234.
- 218 Подробнее см.: Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2006. С. 33 – 36.
- 219 Танцуренко Е.И. Депортация корейского населения... С. 244.
- 220 Там же. С. 232 – 240; Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / вступ. ст., послеслов. Н. Бугая. М.: Дружба народов, 1992. С. 6.
- 221 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 437. Л. 21; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР...С. 137.
- 222 Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы...С. 240.
- 223 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д.934. Л. 10.
- 224 Ким А. Поезд памяти // Туда, где кончается солнце: Воспоминания, свидетельства, документы / сост. А. Ким. М.: Текст, 2002. С. 110 – 111.
- 225 Вашук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 108.
- 226 Цит. по: Дубинина Н.И. Приамурский Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. С. 110.
- 227 Буяков А.М., Полутов А.В. Корейский узел. С. 43.
- 228 Документы частично опубликованы. См.: Лубянка. Сталин и ВЧК... Январь 1922 – декабрь 1936; Лубянка. Сталин и Главное управление... 1937–1938.
- 229 Сталинские депортации... С. 101 – 104.
- 230 Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 302 – 303.
- 231 Люшков Г.С. Я критикую социализм. Gehkan Roshia, Tokio. 1939. №5. См.: Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 144.
- 232 Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. P. 851.
- 233 Полян П.М. Не по своей воле... С. 92.
- 234 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 80.
- 235 Фролов А.В. История трудовой миграции из КНР в Советский Союз (1950-е гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятые Крушановские чтения. 2006 г.): В 2 т. Т. 2. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 219.
- 236 Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А. «Китайское вторжение» в Сибирь и на Дальний Восток: миф о «жёлтой угрозе» и реальность // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: О.Г.И., 2005. С. 556.
- 237 Рыбаковский Л.Л. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 2001. URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/imigatsia> (дата обращения: 25.04.2007)
- 238 Галенович Ю.М. Россия и Китай: Славная и горькая история отношений и их перспективы // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 71.
- 239 Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006. С. 283.
- 240 Кропачев С.А. Международная научная конференция в Париже о сталинском «большом терроре» // Российская история. 2009. № 1. С. 209.

- 241 Предварительные результаты нашего научного поиска по данной проблеме нашли отражение в следующих публикациях: Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 78 – 81; её же. Русский с китайцем братья навек? (неизвестные страницы о депортации китайцев из Приморья) // Комсомольская правда (дальневост. регион. вкладка). Владивосток, 1993. 20 марта; её же. Вытеснение китайцев с Дальнего Востока и депортация 1938 г. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2008. № 4. С. 133 – 145; Вашук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 79 – 80.
- 242 Песков В.М. Военная политика СССР... С. 236; Merritt St. The Great Purges in the Soviet Far East. 1937–1938. A Dissertation.. for the degree of Doctor Philosophy in History. University of California, Riverside, 2000. P. 449 – 455; Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. XX века: аспекты репрессивной политики. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. С. 295 – 296; Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 287 – 289.
- 243 См.: Вашук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 36 – 37.
- 244 Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб.: ООО «Береста», 2003. С. 269 – 274.
- 245 Дацьшен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX в.) // Диаспоры. М., 2001. № 2–3. С. 46 – 47.
- 246 Петров А.И. История китайцев в России... С. 346.
- 247 Цит. по: Егорчев И. Рынки – китайцы: из века в век // Дальневосточные ведомости. Владивосток, 2007. 7 – 14 февр. С. 10.
- 248 Булдаков В.П. Россия, Восточная Азия и Япония в начале XX в.: к переоценке русско-японской войны. Междунар. симпозиум в Японии // Отечественная история. 2005. № 1. С. 203.
- 249 Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: Моск. обществ. науч. фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. URL: <http://www/auditorium/books/124/glava3—1.pdf> (дата обращения: 17.02.2007)
- 250 Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск: Вост-Сиб. ин-т МВД России, 2003. С. 140 – 148.
- 251 Петров А.И. История китайцев в России. С. 158 – 159.
- 252 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 146. Л. 106.
- 253 Сибирь и Дальний Восток: Справочная книга по вопросам хозяйства Сибири и Дальнего Востока, с приложением карты Сибири. М.; Л., 1926. С. 356.
- 254 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп.2. Д. 399. Л. 351.
- 255 ГААО. Ф. П-1. Оп.1. Д. 19. Л. 1 – 4.
- 256 Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 7. Дальневосточный край. Якутская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 8 – 43.
- 257 ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.
- 258 ГАСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. Л. 33.
- 259 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1741. Л. 23.
- 260 ГАХК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 13. Л.3 об.
- 261 Итоги переписи корейского населения Владивостокского округа... С. 22.
- 262 Всесоюзная перепись населения 1937 года... С. 87, 106.
- 263 Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 148. Л. 35 – 49.
- 264 Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: ист. очерк. М.: Муравей, 2003. С. 59.
- 265 РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 216. Л. 23 – 25; Д. 223. Л. 61 об.
- 266 Там же. Д. 229. Л. 33 об.

- 267 Обзор перечня документов «Китайцы на Дальнем Востоке. 1895–1989 гг.». Хабаровск: ГАХК, 1995. С. 8. (Рукопись).
- 268 ГАХК. Ф. 893. Оп. 1. Д. 1. Л. 218.
- 269 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 146. Л. 107.
- 270 ГААО. Ф. 376. Оп. 2. Д. 52. Л. 74.
- 271 Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 88 – 90, 95.
- 272 См.: Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке... С. 258.
- 273 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 146. Л. 40.
- 274 Там же. Д. 194. Л. 31.
- 275 Там же. Оп. 4. Д. 1506. Л. 92.
- 276 Подробнее см.: Ващук А.С. и др. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 82 – 98.
- 277 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1773. Л. 3.
- 278 Там же. Д. 1732. Л. 2 – 2 об.
- 279 Там же. Д. 1773. Л. 3 – 4.
- 280 ГАПК. Ф. 25. Оп. 6. Д. 4. Л. 3 – 4.
- 281 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1773. Л. 70.
- 282 Natsuko Oka. Koreans in the Russian Far East... P. 16 – 19.
- 283 Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. ...С. 295.
- 284 ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1390. Л. 398 – 401.
- 285 Там же. Л. 402.
- 286 Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке ... С. 280 – 281.
- 287 Подробнее об этом см.: Чернолуцкая Е.Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933—1934). P. 17 – 33; Её же. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестник ДВО РАН. 1995. № 6. С. 71 – 79.
- 288 ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 294, 295.
- 289 Там же. Ф. 85. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.
- 290 Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 296.
- 291 Там же. Л. 48 – 50.
- 292 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 136.
- 293 Там же. Л. 207.
- 294 Там же. Л. 198.
- 295 Там же. Л. 207.
- 296 ГАПК. Ф. 85. Оп. 1. Д. 118. Л. 1 – 2.
- 297 Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 297.
- 298 Там же. Ф. 85. Оп. 1. Д. 119 а. Л. 232.
- 299 Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 297, 298.
- 300 Там же. Д. 461. Л. 46.
- 301 Там же. Л. 43 – 50.
- 302 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 160 – 161.
- 303 Сталинские депортации... С. 101.
- 304 Там же. С. 102.
- 305 Буюков А. Карьера палача: Дело Лиходзеевского // Газ. Тихий океан. Владивосток, 1992. 3 авг. С. 4 – 5.
- 306 Здесь и далее основные подробности событий, происходивших в Приморской области в конце 1937–1938 гг., мы приводим по материалам следственного дела Лиходзеевского и других сотрудников областного УНКВД, где имеются не только показания арестованных, но и официальные информационно-справочные сведения (Д. П-4375, П-3032, ПУ-3075).
- 307 Лубянка. Сталин и Главное управление...С. 468, 469.
- 308 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 121 – 123.
- 309 Войнилович М. Дело № СУ-3246... С. 18, 51.
- 310 Дударец Г., Пашков А. Корейское дело // Молодая гвардия. Южно-Сахалинск, 1992. 11 нояб. С. 2.

- 311 Подсчитано нами по: Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области (Книга Памяти, т.3). Южно-Сахалинск, 1996. 268 с.
- 312 Merrit St. The Great Purges in the Soviet Far East... P. 454.
- 313 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 503.
- 314 Там же. С. 498.
- 315 Сталинские депортации... С. 102 – 103.
- 316 Там же. С. 103.
- 317 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 539 – 540.
- 318 Сталинские депортации... С. 103 – 104.
- 319 ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 4.
- 320 Там же. Д. 2. Л. 3 – 13.
- 321 Там же. Д. 21. Л. 1; Д. 17. Л. 1 – 21, 24 – 26.
- 322 Фролов А.В. История трудовой миграции... С. 219.
- 323 ГАХК. Ф. 384. Оп. 5. Д. 21. Л. 1 – 4, 21 – 42.
- 324 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 873. Л. 8.
- 325 Подсчитано по: РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 873. Л. 1 – 58.
- 326 Топоркова Л.П. Тамбовский район в системе приграничных отношений // Сб. по материалам междунар. конф. «Приамурье – форпост России в АТР». Благовещенск, 2008. С. 262 – 263.
- 327 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 158. Д. 6. Л. 142.
- 328 Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. ... С. 166.
- 329 Подсчитано по: Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. ... С. 387.
- 330 Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 973. Л. 39 – 416.
- 331 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 30 об. – 31.
- 332 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 603.
- 333 Там же. С. 613.
- 334 Буяков А.М. М.М. Гвишиани во главе органов госбезопасности Приморья в 1938–1950 гг. // Органы государственной безопасности Приморья: Взгляд в прошлое во имя будущего. Владивосток: ИРА «Комсомолка ДВ», изд-во Дальневост. ун-та, 2003. С. 37.
- 335 Подсчитано по: Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области (Книга Памяти, т. 3.); их же. Сахалинская областная Книга памяти. Т. 19. «Возвращённые имена – жертвы политических репрессий и депортаций». Южно-Сахалинск: Изд-во «Лукоморье», 2005. 183 с.
- 336 Чернолуцкая Е.Н. «Очистка» Приморья от «неблагонадёжного» населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // Вопросы социально-демографической истории... С. 95 – 112.
- 337 Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 148. Л. 35 – 49; ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 1394. Л. 3 об. – 39;
- 338 Интервью с Н.М. Сладченко от 27 окт. 2008 г. // Личный архив автора.
- 339 Личный документ Н.М. Сладченко.
- 340 Каширская Т. Большое плавание // Народное вече. Владивосток, 2006. 24 авг.
- 341 Топоркова Л.П. Тамбовский район в системе приграничных отношений. С. 263.
- 342 Данный материал предварительно апробирован нами в статье: Чернолуцкая Е.Н. Миграция немецкого населения на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг.: версии, факты, заблуждения // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: материалы XII науч. конф. / под ред. А.А. Германа. М.: «МСНК-пресс», 2009. С. 337 – 348.
- 343 См.: Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография 1991–2000 гг.: Указ. новейшей лит. по истории и культуре немцев России. М., 2001. 272 с.
- 344 Сутурин А.С. Немцы на Дальнем Востоке? // Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1991. С. 215 – 216.
- 345 Трагедия амурских немцев / подготовил к публикации С. Жариков // Амурская газета. Благовещенск, 1992. 6 – 12 июня. № 27. С. 13.

- 346 Гамерман В. Крёстный путь советских немцев // Амурская правда. Благовещенск, 1998. 29 июля. Прил. «Порубежье». С. 3.
- 347 Шиндялов Н.А. Немецкая диаспора на Амуре // Российская цивилизация и мир: проблемы взаимоотношений: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2001. С. 7.
- 348 Головин С.А. Дальний Восток РСФСР в 20–30-е гг. ... С. 297, 310.
- 349 Там же. С. 298.
- 350 Там же. С. 297.
- 351 Романов В.В. «Германский заговор» в амурской деревне: По следам политических репрессий // Дальний Восток. Хабаровск, 2005. № 2. С. 132.
- 352 Там же. С. 131 – 132.
- 353 Таблица составлена по: Статистический ежегодник. 1923–1925. 1-я часть. Хабаровск, 1926. С. 20; Статистический ежегодник 1927 года. Вып.1. Социальная статистика. Труд. Профессиональное движение. Хабаровск – Благовещенск: Дальневост. краев. стат. упр., 1928. С. 6, 7; Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. ... С. 384.
- 354 ГААО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.
- 355 Таблица составлена по: ГААО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 175. Л. 22, 92, 106; Д.192. Л. 1, 2; Ф. 376. Оп. 1. Д. 30. Л. 94.
- 356 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Немцы на советском Дальнем Востоке: статистико-демографический аспект // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 156 – 176.
- 357 Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик (вторая половина XIX – XX вв.). Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2004. С. 115 – 116.
- 358 Немцы на Алтае: Этническая история и культура: Коллективный проект Научно-исслед. лаборатории этнографии и истории немцев Сибири Омского гос. ун-та. URL: http://newasp.omskreg.ru /alt_nem/hist_sel.html. (дата обращения – 15.04.2003)
- 359 Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России: Учебное пособие. М.: Изд-во «МСНК–пресс», 2005. С. 341.
- 360 Романов В.В. «Германский заговор» ... С. 129 – 130.
- 361 ГААО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 30. Л. 94.
- 362 Там же. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 2.
- 363 Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИ, 2002. С. 32.
- 364 Валл Ф. Тяжело вспоминать // Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1989. 17 окт. С. 2.
- 365 ГАСО. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 1549. Л. 5 – 8, 16 – 18 об, 34, 36, 72, 72 об.
- 366 Материалы переписи населения на о-ве Сахалин в 1931 г. // ГАСО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1. Л.30.
- 367 Романов В. «Германский заговор»... С. 131 – 132.
- 368 ГААО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.
- 369 Там же. Д. 175. Л. 24.
- 370 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 281. Л. 11.
- 371 Там же. Д. 240. Л. 5.
- 372 Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // Отечественная история. 1991. №2. С. 174.
- 373 См., например: Полян П.М. Не по своей воле...; Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ. М.: Звенья, 1999, и др.
- 374 Савранина Т.В. Этнический состав немцев Западно-Сибирской равнины // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы междунар. симпозиума): В 2 т. Т. 2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 409.
- 375 Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. Рукопись. Разд. 1.1.

- 376 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 25, 41.
- 377 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 30 об. – 31.
- 378 Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края...С. 116.
- 379 Полян П.М. Не по своей воле... С. 92.
- 380 См.: Чернолуцкая Е.Н. Немцы и политические репрессии... С. 248 – 254.
- 381 ГААО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 2.
- 382 Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ...
- 383 Подсчитано по: Мартиролог лиц, репрессированных в Приморском крае. Приморское отделение общества «Мемориал». Предварительные материалы. Рукопись.
- 384 Проанализировано по: Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2000. Т. 6.
- 385 Пашков А.М. Боль и память. Южно-Сахалинск, 1990. С. 13; Валл Ф. Тяжело вспоминать // Советский Сахалин. 1989. 17 окт.
- 386 Горобец В. Тайны секретных архивов // Молодая гвардия. Южно-Сахалинск, 1992. 8 сент. С. 3.
- 387 Подсчитано по: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 671.
- 388 ГААО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 1, 2; ГАХК Ф. П-35. Оп.1. Д. 12 а. Л. 24.
- 389 ГААО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 192. Л. 1 – 3.
- 390 Там же. Ф. 114. Оп. 2. Д. 156. Л. 20, 21.
- 391 Там же. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 183. Л. 110 – 114.
- 392 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 137 – 139, 148 – 149, 287, 295, 303, 306, 315, 326.
- 393 Проанализировано автором по: Пашков А.М., Подпечников В.Л. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области (Книга Памяти, т.3.); их же. Сахалинская областная Книга Памяти. Т. 19; Там же. Т. 12. Южно-Сахалинск: Изд-во «Лукоморье», 2003. 231 с.; Книга Памяти жертв политических репрессий в Амурской области. Т. 4. / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск, 2005. 448 с.
- 394 Мозохин О.Б. Право на репрессии... С. 64.
- 395 Там же. С. 142 – 143; Говоров И.В. Люди. События. Факты: Советское государство и преступный мир (1920 – 1940-е гг.) // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 145 – 146.
- 396 РГАСПИ. Ф.17. Оп. 162. Д.19. Л. 25 – 26.
- 397 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 204.
- 398 Подробнее о репрессиях против «харбинцев» см.: Merritt S. «Матушка Россия, прими своих детей!» – archival materials on the Stalinist repression of the soviet Kharbintsy // Россияне в Азии / Ежегодник Центра по изучению России и Восточной Европы Торонтского университета. Торонто (Канада), 1998, № 5. С. 205 – 229.
- 399 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1280. Л. 169.
- 400 Там же. Л. 26.
- 401 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 124.
- 402 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1306. Л. 53.
- 403 Верт Н. Введение // История сталинского Гулага. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 71.
- 404 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 234 – 235.
- 405 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм... С. 154.
- 406 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 239 – 241, 644.
- 407 Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»: Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. С. 20.
- 408 ГУЛАГ: главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002. С. 96 – 104; Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 273 – 281.

- 409 М. Юнге и Р. Биннер суммируют «лимиты», полученные дальневосточным УНКВД 30 июля 1937 г., 31 января и 31 июля 1938 г. См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»... С. 126.
- 410 ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 99 – 100.
- 411 История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 277 – 288.
- 412 ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С. 99 – 100.
- 413 «Хотелось бы всех поименно назвать...»: Книга-мартиролог. А-К. Кн. 1. Хабаровск, 1997. С. 23.
- 414 Пашков А.М., Подпечников В.Л. Сахалинская областная Книга памяти. Т. 12. С. 46, 60, 93, 95, 111, и др.; Там же. Т. 19. С. 19, 21, 37, 48, 65, 73, 78.
- 415 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 158. Д. 4. Л. 90, 92.
- 416 ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 54. Л. 33.
- 417 Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. ... С. 76.
- 418 Козлова (опубликовано без инициалов. – Е.Ч.). Тот проклятый ссыльный товарняк // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 3. Благовещенск, 2004. С. 432 – 433.
- 419 Гончар З.Н. В ночь на праздник // Там же. С. 447 – 448.
- 420 Веденьев П.Т. За какую власть воевал, та его и расстреляла... // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 6. Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск: Приамурье, 2008. С. 474 – 475.
- 421 Книга Памяти жертв политических репрессий в Амурской области. Т. 4. / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск, 2005. С. 439.
- 422 Цит. по: Там же. С. 440 – 441.
- 423 РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 334. Л. 2 об. – 3.
- 424 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974. Л. 108.
- 425 Полян П.М. Не по своей воле... С. 90.
- 426 Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 165.
- 427 Бирюков А.М. Реализация приказа № 00447 на Колыме. К истокам «гаранинщины» // Колыма. Дальстрой. ГУЛАГ. Скорбь и судьбы: материалы науч.-практ. конф. Магадан: Изд-во СМУ, 1996. С. 32.
- 428 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 121 – 123.
- 429 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 463.
- 430 Подпечников В.Л. Размышления о судьбах коренных народов Сахалина в двадцатом столетии // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1998. № 4. С. 109; Его же. На берегах Сахалина. Историко-краеведческие очерки. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. кн. изд-во, 2001. С. 19.
- 431 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 55. Л. 15.
- 432 Лубянка. Сталин и Главное управление... С. 609.
- 433 Отделение спецфондов Отдела реабилитации и спецфондов ИЦ УВД по Приморскому краю (временное хранение). Ф. 88. Оп. 3. Д. 61 – 70, 139; Д. Формы учёта по очистке Приморского края за 1939 г.
- 434 Предварительная апробация данных материалов была сделана нами в работе: Чернолуцкая Е.Н. «Очистка» Приморья от «неблагонадёжного» населения в 1939 г. как элемент сталинской репрессивной политики // Вопросы социально-демографической истории Дальнего Востока в XX веке: Сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 1999. С. 95 – 112.
- 435 Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2006. С. 115.
- 436 Макаренко В.Г. Административное выселение «неблагонадёжного элемента» из Приморского края в 1939 г. // Миграционные процессы в Восточной Азии: тез. докл. и сообщ. Владивосток, 1994. С. 96.
- 437 Письмо М.А. Дыги автору от 18 апреля 1992 г. // Личный архив автора.
- 438 Письмо Л.М. Ковтуна автору от 16 апреля 1992 г. // Личный архив автора.

- 439 Письмо Т.П. Гречкиной автору от 2 августа 1992 г. // Личный архив автора.
- 440 Интервью автора с сыном И.И. и А.А. Бастиных – Юрием Ивановичем Бастиным от 30 апреля 1992 г. // Личный архив автора.
- 441 Письмо П.Г. Аркатовой-Задорожной автору от 28 апреля 1992 г. // Личный архив автора.
- 442 ГАХК. Ф. 719. Оп.13. Д. 42. Л. 12.
- 443 Stefan J. The Russian Far East... P. 219.
- 444 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.
- 445 Там же. Д. 15. Л. 5.
- 446 Там же. Д. 29. Л. 5, 7.
- 447 Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. ... С. 195.
- 448 ГААО. Ф.131. Оп. 3. Д. 2. Л. 16.
- 449 ГАХК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 29. Л. 16.
- 450 Там же. Л. 2, 3.
- 451 Там же. Д. 48. Л. 363.
- 452 Там же. Д. 19. Л. 25, 26, 29.
- 453 Там же. Д. 44. Л. 19, 49 – 50.
- 454 Там же. Д. 29. Л. 26; Д. 15. Л. 174; Д. 42. Л. 58.
- 455 Там же. Д. 15. Л. 174; Д.29. Л.95.
- 456 Там же. Д. 29. Л. 27.
- 457 ГАПК. Ф. 183. Оп.4. Д. 12. Л. 461; Ф. П-68. Оп. 35. Д. 95. Л. 91 – 93; Архивный отдел муниципального образования. Хасанский район. Коллекция документов по истории Хасанского района. Историческая справка. Л. 5 – 6; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1309. Л. 101, 108.
- 458 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 12. Л. 34, 56, 57.
- 459 Там же. Д. 16. Л. 42 – 44; Д. 17. Л. 150 – 152.
- 460 Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1280. Л. 168 – 169.

Глава 4

ОСОБЕННОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

4.1. «Кулацкая ссылка» в 1941—1945 гг.

В годы Великой Отечественной войны депортационная политика сталинского государства получила дальнейшее развитие. Её особенностью было изгнание из мест проживания народов, которые причислялись к разряду «ненадёжных», «подозрительных», «опасных». Среди них — немцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, крымские татары, греки и некоторые другие, именуемые в современных исследованиях общим термином «наказанные народы». В целях недопущения их «возможного сотрудничества с врагом» или «за такое сотрудничество» их выселили из районов европейской части СССР и Кавказа в Сибирь, Казахстан, республики Средней Азии.

Дальний Восток продолжал оставаться режимным регионом, куда «социально-опасные» группы не ссылались. Поэтому из перечня новых контингентов спецпереселенцев, появившихся в стране непосредственно перед войной и в годы войны, в дальневосточном регионе на учёте трудссылки не числился ни один, а находилась прежняя группа, которая сформировалась в первой половине 1930-х гг. и условно обозначалась «бывшие кулаки».

Как показывает табл. 15, численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке со второй половины 1941 по апрель 1945 г. сократилась почти на 7 тыс. чел., в то время как в целом по стране она неуклонно росла¹. В данный период пополнение трудссылки региона было незначительным. Во второй половине 1942 г. ОТП УНКВД Хабаровского края приняло из Усть-Тыгдинской спецкомендатуры Читинской области 423 чел. (причина не ясна). Кроме того, на учёт спецпоселений по Хабаровскому краю были возвращены переданные в начале 1941 г. областному управлению милиции и заведующему домом инвалидов лица, находившиеся в Благовещенском совхозе НКВД и Мухинском доме инвалидов (около 200 чел.) (см. разд. 2.1.5.). О притоке ещё каких-либо спецпоселенцев из других регионов страны информации нет. Небольшой прирост (от нескольких до 30—40 чел. в год) шёл за счёт лиц, прибывших на воссоединение с семьями, возвратившихся из бегов или мест заключения.

Таблица 15

**Динамика численности спецпоселенцев на Дальнем Востоке
в годы Великой Отечественной войны²**

	Хабаровский край		Приморский край		Всего	
	семей	чел.	семей	чел.	семей	чел.
01.07.1941	5 788	25 475	218	1 002	6 006	26 477
01.01.1942	5 204	23 903	218	1 012	5 422	24 915
01.01.1943	5 681	21 888	183	633	5 864	22 521
01.01.1944	5 576	19 409	198	588	5 774	19 997
01.04.1945	нет св.	19 063	нет св.	495	нет св.	19 558

Примечание: * — вместе с ссыльнопоселенцами.

Война отразилась и на показателях естественного воспроизводства спецпоселенцев — они значительно ухудшились. Например, в трудпосёлках Приморского края во второй половине 1942 г. родилось 11 младенцев, во второй половине 1942 г. и в 1943 г. не родилось ни одного, а умерло в то же время 19 чел. В Хабаровском крае во второй половине 1942 г. родилось 223 чел., умерло 145, в первой половине 1943 г. соответственно — 116 и 237³, т.е. всего за 12 мес. на 339 рождений приходилось 382 смерти (суммарных данных за весь военный период нами не выявлено).

Продолжалось выбытие и по ряду других причин. В Хабаровском крае, по неполным данным, в 1941—1943 гг. на иждивение родственникам было передано 68 престарелых, инвалидов и сирот, в детские дома — 3 чел., на соединение с семьями в трудпосёлки Читинской области выехали 10, были арестованы или осуждены 106 чел.⁴ Однако передача на иждивение осложнялась тем, что большинство родственников, готовых взять к себе немощных людей, проживали в режимных местностях или погранполосе. Кроме того, многие старики-инвалиды были одинокими. Если они могли хоть как-то работать, их переводили в подсобные хозяйства. Тех же, кто совершенно не был пригоден к труду, в Хабаровском крае в 1943 г. решили передавать на содержание («под патронат») в трудпоселенческие сельхозартели, что вызвало упрямое сопротивление последних. Члены артелей заявляли, что они — не орган социального обеспечения, и сами переживают тяжёлые времена. В конце концов, пришла резолюция руководства НКВД СССР: «Дать указание: навязывать нельзя. Работу проводить по сельхоз. уставу»⁵.

Новым каналом убытия стал призыв в Красную Армию. Однако, как показано в современных исследованиях, вопрос о военном призыве трудпоселенцев был решён не сразу. Существовало указание Главного управления Красной Армии от 27 февраля 1940 г., по которому трудпоселенцы приравнивались к категории сосланных и высланных и на основании ст. 30 Закона о всеобщей воинской обязанности призываться на военную службу не могли. Однако сталинское руководство, исходя из прагматичных задач военно-

го времени, понимало, что в трудссылке находятся значительные людские резервы, которые можно направить в войска. При обсуждении этого вопроса в высших эшелонах власти руководители НКВД СССР отмечали, что из 174,5 тыс. трудпоселенцев мужчин в возрасте от 16 до 50 лет только 37,7 тыс. являлись «бывшими кулаками» — главами семейств (т.е. лицами, не вызывавшими у власти политического доверия), остальные (почти 80%) — членами их семей, в основном молодёжь, которая подлежала освобождению с последующей постановкой на воинский учёт. Прагматизм руководства вылился в соответствующую форму аргументации: трудпоселенцы пользовались почти всеми гражданскими правами, кроме права покидать спецпосёлки, таким образом, трудссылка для них оказалась своего рода гарантией от ранений и гибели на фронтах войны. Отсюда делался вывод об их более выгодном положении (в отношении военной службы) по сравнению с другими гражданами страны. В этой связи обращалось внимание на то, что молодёжь стала подавать меньше заявлений об освобождении из трудссылки, и даже были случаи, когда уже освобождённые трудпоселенцы просили взять их на учёт снова. Руководители НКВД и НКО СССР считали целесообразным отменить указание ГУ РККА от 27 февраля 1940 г. и начать призывать в армию трудпоселенцев, которые ко времени выселения не были главами семей⁶.

Такой призыв стали проводить в соответствии с постановлением ГКО СССР № 1575сс от 11 апреля 1942 г. и № 2100сс от 22 июня 1942 г. Всего по стране на 1 ноября 1942 г. было призвано 60 747 чел. Для Дальнего Востока давалась разверстка отправить в РККА 1 500 трудпоселенцев из Хабаровского края и 100 — из Приморского, которая была полностью выполнена по Хабаровскому краю (1 505 чел.) к началу, а по Приморскому (100) — к концу ноября⁷. Многие из спецпоселенцев, ушедших на войну с Дальнего Востока, за мужество, проявленное в боях, получили правительственные награды⁸.

В связи с призывом в армию возник вопрос о снятии с учёта членов семей красноармейцев. На запрос Хабаровского УНКВД нач. ГУЛАГа НКВД В.Г. Наседкин в записке от 18 августа 1942 г. дал разъяснение: «Семьи трудпоселенцев, призванных в армию, освобождению не подлежат впредь до решения этого вопроса директивными инстанциями»⁹. Вопрос разрешился приказом НКВД СССР № 002303 от 22 октября 1942 г., который обязывал снять с учёта трудссылки всех лиц, мобилизованных на военную службу, и прямых членов их семей (жён, детей), выдавать им паспорта без ограничений и освободить от 5%-ных отчислений с зарплаты (в 1944 г. 5%-ные отчисления были отменены и с заработков всех остальных категорий трудпоселенцев)¹⁰.

В Приморском крае на основании этого приказа уже к концу 1942 г. были освобождены 186 членов семей красноармейцев, из них в возрасте от 16 лет и старше — 47 чел., от 14 до 18 лет — 14 чел., до 14 лет — 123 чел., а во втором квартале следующего года — ещё 9 чел. В Хабаровском крае этот процесс начался только в 1943 г. и шёл очень медленно: в первой по-

ловине года с учёта спецпоселений был снят только 191 чел. при ушедших в армию 1,5 тыс. В отчёте краевого ОТП НКВД за полугодие говорилось: «За последнее время увеличился приток поступлений от стариков-инвалидов и просто родителей средних лет с просьбой освободить их из трудпосёлка ввиду нахождения сыновей на фронтах Отечественной войны. На некоторых из них оформлены дела на ОСО НКВД СССР, в порядке исключения»¹¹. Причина такой волокиты не указана, скорее всего, она заключалась в бюрократических согласованиях, а также вследствие сформировавшегося комплекса «классового врага» у определённого круга официальных лиц, принимавших решения.

Вместе с тем продолжали действовать прежние каналы освобождения, приоткрытые государством во второй половине 1930-х гг. (см. разд. 2.1.6.). На основании Постановления СНК СССР №1143—280с от 22 октября 1938 г. «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» с учёта трудпоселений Дальнего Востока во второй половине 1941 г. были сняты 2 118 чел., во второй половине 1942 г. — 714¹² (по периоду первой половины 1942 г. данных не выявлено). В последующие годы в отчетных документах прямая ссылка на данное постановление отсутствует, но даётся общая информация о численности «освобождённой молодёжи» или просто «освобождённых». В Приморском крае в 1943 г. таких насчитывалось 29 чел., в Хабаровском крае в первой половине того же года — 1 068 чел.¹³

В годы войны почти прекратилось бегство из спецпосёлков региона, по крайней мере, официально были зафиксированы лишь единичные случаи. В 1944 г. НКВД СССР и Прокуратура приняли решение бывших кулаков, самовольно покинувших в прошлые годы спецпоселения, если они в течение последних трёх лет после выезда из мест обязательного поселения занимались общественно полезным трудом, к ответственности за побег не привлекать и на спецпоселение не возвращать. На основании директивы НКВД СССР от 25 мая 1944 г. с учёта спецпоселений снимались дети спецпереселенцев — «бывших кулаков», направленные в школы ФЗО и ремесленные училища¹⁴.

В результате данных процессов в системе спецпоселений Дальнего Востока соотношение числа прибывших и выбывших сложилось в пользу последних. Например, по Хабаровскому краю с июля 1942 по июнь 1943 г. оно составляло 807 к 2 689, т.е. произошло уменьшение на 1 882 чел. В Приморье с середины 1942 и до конца 1943 г. прибывших не было совсем, а убывших — 245 чел.¹⁵ Значительное сокращение численности спецпереселенцев, проходивших по учёту по категории «бывшие кулаки», было характерно и для всей территории страны военных лет: если на 1 января 1941 г. оно составляло 930,2 тыс. чел., то на 1 января 1945 г. — 631,1 тыс.¹⁶

Тем не менее при такой тенденции географически система спецпоселений на Дальнем Востоке вновь стала расширяться, что было вызвано увеличением числа производственных объектов, на которых использовался труд

спецпоселенцев (см. прил. 1). В основном это касалось Хабаровского края. В Приморском крае к началу войны спецпосёлков как таковых не было, учетное население проживало под надзором одной районной и двух поселковых спецкомендатур среди вольных граждан в шести приисковых посёлках Красноармейского района — Бейче, Сидатунском, Благодатном, Незаметном, Каратуне, Кедровке. В августе 1941 г. в связи с размещением воинских частей в с. Каратуне и его окрестностях находившиеся там районная комендатура и 15 семей трудпоселенцев (45 чел.), которые работали в Иманском райуправлении треста «Примзолото» и Золотопродснабе (в качестве конюхов, грузчиков, ремонтных рабочих и т.п.), были переведены на прииск Незаметный, где использовались на добыче золота¹⁷.

В отличие от Приморья в Хабаровском крае все трудпоселенцы проживали в трудпосёлках, которых в начале войны насчитывалось 81, они находились под надзором семи районных, одной участковой и 37 поселковых спецкомендатур (см. разд. 2.1.5, табл. 7.). Периодически трудпоселенцев перемещали внутри края по ходатайствам производственных организаций. В 1942 г. Союзлеспродторгу (Хабаровский край) для работы на рыбных промыслах была передана группа трудпоселенцев мужчин. Вслед за ними руководители организации просили разрешить переехать по месту рыбалки (на р. Амуре в 40 км от Хабаровска) и остальных членов семей рыбаков. Начальник ОТСП ГУЛАГа НКВД Жилов, отвечая 2 июня 1942 г. на запрос начальника ОТСП УНКВД по Хабаровскому краю Соколовой, писал: «Расселять трудпоселенцев мелкими группами и вблизи г. Хабаровска нецелесообразно. Совместно с руководством УНКВД, краевыми организациями и Леспродторгом продумайте вопрос о возможности организации для рыбных промыслов более крупного посёлка не менее чем на 100 семей в глубинном районе края, где организуйте поселковую комендатуру. Ещё раз предупреждаю, впредь никаких перебросок трудпоселенцев из одних предприятий в другие без разрешения ГУЛАГа НКВД СССР не производите»¹⁸.

Осенью 1943 г. для Хабаровского края была спущена разнарядка на мобилизацию 300 спецпоселенцев мужчин в возрасте от 16 до 55 лет на строительство № 500 (железная дорога Комсомольск — Советская Гавань). Уже в октябре туда было отправлено 65 чел. (см. разд. 4.3.)¹⁹.

Потребности напряжённой экономики военного периода и острый дефицит рабочей силы заставили власть пересмотреть некоторые режимные запреты, введённые в конце 1930-х гг. из превентивных соображений именно из-за угрозы войны. Напомним, что в 1939 г. из приграничных районов Дальнего Востока, в том числе из Оборского района, были вывезены все находившиеся там спецпоселенцы (см. разд. 2.1.5.). Однако в 1942 г. руководство треста Хабаровсклес ходатайствовало об их возвращении в Оборский леспромхоз «в связи с производственной необходимостью». В том же году была организована Оборская райкомендатура, в её подчинение перевели трудпоселенцев из Троицкого и Кизинского леспромхозов. Многие из них

вернулись туда, откуда их вывезли в 1939 г. На 1 января 1943 г. в подчинении вновь созданной Оборской райкомендатуры находилось 3 поселковых комендатуры, 18 трудпоселений, в которых проживало 418 семей, 1 886 чел., в том числе 633 муж., 535 жён., 718 детей. Всего по Хабаровскому краю число трудпосёлков увеличилось до 103²⁰.

Трудовое использование «бывших кулаков» оставалось практически таким же, как и до войны. В Приморском крае жители пос. Незаметного, Каратуна, Кедровки, Бейчи, Благодатного работали на приисках на основании ежегодных договоров Владлага с Иманским районным приисковым управлением треста Примзолото (с 1943 г. — Амурзолото). Трудпоселенцы пос. Сидатуна были организованы в сельхозартель, на 1 июля 1941 г. в ней числилось 43 семьи, 235 чел.²¹

Таблица 16

Трудовое использование спецпоселенцев Приморского края в 1941 — 1945 гг.²²

	01.07.1941	01.10.1941	01.01.1943	01.04.1943	01.04.1945
Всего расселено	1 002		633		495
из них трудоспособных	435	540	458	438	160
в т.ч.: мужчин	246	298	нет св.	нет св.	
женщин	189	242	нет св.	нет св.	
из них занято всего	349	480	229	331	160
в т.ч.: мужчин	246	297	нет св.	нет св.	
женщин	71	127	нет св.	нет св.	
подростков (до 16 лет)	32	56	нет св.	нет св.	
% занятости — всего	80,2	88,8	50	75,6	100
в т.ч.: мужчин	100	99,7			
женщин	37,6	52,5			

Спецпоселенцы Хабаровского края были заняты в основном на предприятиях золотодобывающей и лесной промышленности, Ушосдора*, АХО и Спецторга НКВД, в колхозах и артелях. К началу войны в крае было 12 трудпоселенческих колхозов (581 семья, 2 766 чел.) и 3 кустарно-промысловых артели (164 семьи, 285 чел.) с жестяно-слесарным и бондарным цехами, пошивочными и сапожными мастерскими, парикмахерскими²³.

В годы войны проблема обеспечения предприятий рабочими руками ещё более обострилась. Государство ставило задачу максимального при-

* Ушосдор — Управление шоссейно-дорожного строительства НКВД.

влечения трудпоселенцев на производство, в том числе подростков. По этой причине, в частности, предлагалось не принимать детей спецпоселенцев в 8—10-е классы, хотя многие подростки и без того вынуждены были вместо учебы работать из-за отсутствия в семьях других трудоспособных²⁴.

Таблица 17

**Отраслевая занятость трудпоселенцев Хабаровского края
в 1941—1943 гг.**

	01.07.1941	01.03. 1943	01.07.1943
Амурзолото	1 371	1 353	1 234
Приморзолото	4 010	3 539	4 029
Хабаровсклес	2 157	2 115	2 643
Дальтранслес	нет св.	136	126
Леспродторг	нет св.	48	46
Хоз. организация НКВД	нет св.	217	263
Колхозы	1 094	1 119	1 059
Прочие работы	768	нет св.	нет св.
Всего	9 400	8 527	9 400

Тем не менее на Дальнем Востоке суммарная численность занятых на работах спецпоселенцев не только не увеличилась (в 1941 г. и в середине 1943 г. она составляла около 9,5 — 9,7 тыс. чел.), но к концу войны значительно уменьшилась (в апреле 1945 г. — 6,6 тыс. чел.), что было следствием сокращения общей численности учётного населения (см. табл. 16—18). В начале и середине военного периода средний процент занятости трудоспособных колебался в пределах 64—74%, у мужчин доходил до 90—100%. Как правило, не работали престарелые и больные люди, а также женщины из-за отсутствия работы в зимнее время или имевшие малолетних детей, так как не хватало мест в детских садах. На приисках некоторые женщины, не занятые в постоянном производстве, использовались на временных работах по добыче золота в выходные дни²⁶. Но в 1945 г., как показывает статистика, занятость стала стопроцентной. На 1 апреля 1945 г. кроме указанных в таблицах 6 641 работника к производству были привлечены также 794 «ограниченно трудоспособных» человека²⁷.

Как и в довоенный период, спецпоселенцы в основном работали лучше других под воздействием методов принуждения со стороны государства и в силу необходимости выживания в сложных условиях спецссылки (подробнее см. разд. 2.1.4.). В отчётах отмечалось, что производительность их труда по всем видам производства была выше, чем у вольных рабочих: в лесной промышленности — 100—300%, в золотодобывающей — 100—350%. Например, в первом полугодии 1943 г. в Оборском леспромхозе у бригады лесорубов (бригадир Бобров) она составляла 280%. В Софийской комендатуре за перевыполнение производственного задания по добыче молибдена труд-

поселенцу вручили премию — 12 000 руб. В Селемджинской комендатуре 30 стахановцев получили к Первому Мая ценные подарки и стольким же была объявлена благодарность. Всего по краю было учтено 1 800 стахановцев и 605 ударников. На этом фоне нарушителей производственной дисциплины было немного — в тот же период трудпоселенцы края совершили 16 прогулов и опозданий на работу, 9 чел. были привлечены к ответственности по Указу ПВС от 26 июня 1940 г.²⁸

Таблица 18

Трудовое использование спец поселенцев Хабаровского края в 1941 — 1943 гг.²⁵

	01.07.1941	01.01.1943	01.07.1943	01.04.1945
Всего расселено	25 339	21 888	20 446	19 063
из них: мужчин	7 653	13 406*	12 187*	
женщин	7 592			
детей до 16 лет	10 094	8 482	8 259	
из них трудоспособных	12 735	7 810	нет св.	6 481
в т.ч.: мужчин	6 975	3 733	нет св.	
женщин	4 551	2 902	нет св.	
подростков до 16 лет	1 209	1 175	нет св.	
Занято на работах	9 400	8 527	9 400	6 481
в т.ч.: мужчин	6 302	нет св.	нет св.	
женщин	2 939	нет св.	нет св.	
подростков до 16 лет	159	нет св.	нет св.	
% использования всех лиц старше 16 лет	73,8	63,6	77,1	100
в т.ч.: мужчин	90,4			
женщин	64,6			
подростков до 16 лет	13,2			

Примечание: * — мужчины и женщины

После войны более 800 спецпоселенцев Хабаровского края были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»²⁹, среди них — К.Ф. Коваленко, находившийся вместе с семьей в спецпоселке Ульчского района Хабаровского края³⁰ (см. прил. 5—6).

Несмотря на то, что спецпоселенцы достигали высоких трудовых показателей, производственники и хозяйственники не избавились от пренебрежительного и дискриминационного отношения к ним. Так, в Сидатунской комендатуре (Приморский край) в 1943 г. 70% работавших было охвачено

социалистическим соревнованием, 30% являлись ударниками, 10 чел. — стахановцами, но премии лучшим рабочим не выдавались³¹. В Хабаровском крае были случаи, когда районные руководители отказывали передовым трудпоселенческим колхозам в своевременной выдаче горюче-смазочных материалов, ремонте сельхозинвентаря. Весной 1943 г. Кур-Урмийская МТС не отпустила нужного количества горючего колхозу, находившемуся в Инской комендатуре, в результате чего был сорван план тракторных работ. По этому факту поселковый комендант и председатель колхоза вынуждены были составить акт и передать его в прокуратуру³².

В целом же условия труда спецпоселенцев в большинстве случаев были такими же, как и у других работников предприятий. Среднемесячная зарплата в золотодобывающей промышленности колебалась в пределах 200—450 руб. (в зависимости от промывочного сезона), в лесной — 250—400 руб. (в зимний период — от 500 до 2500 руб.), в кустарно-промысловых артелях — 350—450 руб. На некоторых производствах, как, например, в погрузочном отделе Оборской железной дороги, зарабатывали не более 300 руб. Доходы колхозников зависели от урожая. Осенью 1941 г. члены Сидатунской сельхозартели получили на трудодень по 3 кг зерновых и 6 руб. деньгами. Кроме того, каждая колхозная семья имела своё индивидуальное хозяйство³³.

Продовольственное и промышленное снабжение спецпоселенцев также осуществлялось наравне с вольнонаёмными рабочими и служащими. В 1943 г. оно резко ухудшилось. В посёлках Селемджинской комендатуры из продажи исчезли основные предметы потребления — жиры, овощи, картофель, кожаная обувь, мануфактура и пр. На золотых приисках Удыльского района для стимулирования выполнения производственного плана золотничникам* выдавали дополнительные продукты и промтовары за золото, добытое в нерабочее время.

Медицинское обслуживание и жилищные условия спецпоселенцев в основном не менялись, за исключением тех случаев, когда людей перемещали в другие районы проживания, как это случилось с трудпоселенцами, переведёнными в 1942 г. в Оборский леспромхоз из Троицкого и Мариинского районов. В пос. Шаповаловке семь семей разместили в квартирах, не имевших стёкол, окна были забиты фанерой, хозяйственники действенных мер к улучшению условий не принимали. Плохой была организация детских учреждений³⁴.

Но война повлияла на ужесточение режима содержания в трудпосёлках. Была введена ежедневная проверка наличия трудпоселенцев через старост, которые вели т.н. «строевые записки». Старосты набирались из наиболее «благонадёжных», «политически проверенных» трудпоселенцев. Кроме того, каждые три дня проверку делали поселковые коменданты³⁵.

* В Сибири золотничниками называли кустарей - промысловиков золота, получавших вознаграждение из платы за добытый золотник (4,266 г) драгоценного металла.

С начала 1941 г. в целях борьбы с побегами и выступлениями против режима в спецпосёлках наряду с гласной осведомительной системой (комендатуры, старшие десятидворок и т.п.) стали создавать негласную агентурно-осведомительную сеть, которую позже укрепляли и расширяли в связи с военным положением³⁶. Зам. начальника ГУЛАГа НКВД Завгородний в письме в УНКВД по Хабаровскому краю от 10 октября 1941 г. основными задачами краевого отдела трудпоселений ставил: «...налаживание агентурно-оперативной работы по предотвращению побегов, выявлению антисоветских проявлений и формирований среди трудпоселенцев, в соответствии с приказом НКВД СССР и директивой ГУЛАГа от 14 июля с.г. за №31/191701». Он требовал также закончить оформление личных дел трудпоселенцев, которое, как показали проверки, не было налажено должным образом. К началу июля 1941 г. в Хабаровском крае была заведена картотека «антисоветского и контрреволюционного элемента» на 2 168 чел. путём выборки материалов, находящихся в личных делах трудпоселенцев³⁷.

Во время войны власти предпринимали действия по ещё большему усилению надзора. НКВД СССР приказом № 002559 «Об усилении агентурно-оперативного обслуживания трудпоселенцев и спецпоселенцев» от 20 ноября 1942 г. обязал местные органы НКВД и отделы трудпоселений проверить состояние агентурно-осведомительной сети и наладить её работу, «при разработке трудпоселенцев обратить внимание на выявление бывших белогвардейцев, участников кулацко-эсеровских восстаний, контрреволюционных организаций», провести переучёт поднадзорного населения³⁸.

В отчёте о выполнении данного приказа и директивы НКВД СССР от 10 марта 1943 г. из Приморского края сообщали, что в рамках проверки состояния работы поселковых комендатур по учёту трудпоселенцев и режиму было выявлено 37 «социально-опасных», в том числе: «...бывших офицеров царской армии — 4, бывших жандармов и полицейских — 1, бывших участников антисоветских восстаний — 2, лиц, судимых за контрреволюционные преступления, и другой антисоветский элемент — 30». В Хабаровском крае перепись трудпоселенцев была проведена с 25 мая по 25 июня 1943 г. Среди 21 035 чел., состоявших на учёте, органы НКВД охарактеризовали как «контрреволюционный и социально-опасный элемент» 834 чел., из них: «кулаков, осуждённых тройками ОГПУ к высылке по ст. 58—10 УК, — 316 чел., по ст. 58—10—11 УК — 34 чел. антисоветски настроенных, но не судимых, а высланных по решениям РИКов — 180, участников восстаний — 87, участников банд Петлюры, Куксенко, Соловьева и др. — 52, колчаковцев — 10, добровольцев белых армий, карателей, участников японских отрядов — 16, организаторов и руководителей контрреволюционных групп и восстаний — 30, бывших офицеров, жандармов, полицейских — 11, ранее привлекавшихся по ст. 58—8 УК — 8, по ст. 58—6 УК — 4, служителей культа — 3, членов семей, главы которых осуждены за контрреволюционную деятельность на разные сроки — 75 чел.»³⁹. Все выявленные находились под усиленным надзором.

На 1 декабря 1944 г., по данным В.Н. Земскова, агентурно-осведомительная сеть среди спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» составляла чуть более 20 осведомителей, агентов и резидентов на 1000 чел. В Хабаровском крае на 1 января 1945 г. в эту сеть входили 492 чел. (2,7% к числу трудпоселенцев), в том числе 12 резидентов, 84 агента, 396 осведомителей, в Приморском крае — 29 чел. (5,5%), в том числе 1 агент и 28 осведомителей⁴⁰.

В Хабаровском крае в связи с началом войны агентура докладывала о следующих антипатриотических проявлениях. 1) Получая сведения по радио, некоторые трудпоселенцы стараются преувеличить наши потери. 2) Трудпоселенка Мазановской комендатуры Зева: «Неплохо, что Германия выступила против Советского Союза. Придут немцы и освободят моего мужа». 3) Среди несовершеннолетних детей Софийской участковой комендатуры отмечены разговоры: «Когда же у нас будут стрелять?». 4) Там же часть трудпоселенцев, несмотря на постановление общего собрания старателей — отработать день в пользу обороны страны, на работу не вышли. 5) Там же изъято 5 дробовых ружей с боеприпасами и 1 финский нож». В 1942 г. отмечались разговоры о принудительности подписки на заём, денежно-вещевую лотерею и т.д. («берут за горло»), о том, что Германия победит и что хорошо работать не надо.

Из Приморского края сообщали: «...Имеют место разговоры, почему не дают паспорта, небольшое количество трудпоселенцев из престарелых возрастов ходатайствуют о выезде на жительство в места, где они проживали до выселения, а молодёжь имеет желание уехать учиться в ФЗУ и другие учебные заведения. Большинство же обжились в местах поселения. Среди отдельных лиц имеются антисоветские проявления и недовольство экономическими условиями. Тем не менее на денежно-вещевую лотерею подписались 88%».

Оценивая в целом «политико-моральное состояние» трудпоселенцев в годы войны, работники ОТП УНКВД по Хабаровскому краю были уверены, что большинство из них, преимущественно молодёжь, «имеют здоровое политическое настроение, одобряют мероприятия партии и правительства». В 1942 г. трудпоселенцы края приняли активное участие в сборе средств на укрепление обороноспособности страны. Жители посёлков Удиль-Лимурийской комендатуры внесли в фонд обороны 666 402 руб. и тёплые вещи. Старатели отчисляли ежемесячно 5% своего заработка. По Инской комендатуре колхозники внесли продуктами в среднем на сумму 1 160 руб. с каждого двора, всего — на 58 тыс. руб.⁴¹

В настоящее время трудно определить, в какой степени добровольными были эти пожертвования: известно, что они отчислялись под значительным административным нажимом. И в целом, несмотря на процесс устойчивого сокращения «кулацкой ссылки», на «политико-моральный дух» спецпоселенцев не могло не влиять продолжавшееся положение несвободы, усугублённое военным временем. Общее состояние трудссылки в годы войны в обострённом виде отражало процессы, происходившие во всем советском обществе.

4.2. Война и судьба немецкого населения на Дальнем Востоке

В предвоенные годы немцы в СССР были одной из целевых групп массовых политических репрессий. С началом Великой Отечественной войны их положение как «представителей вражеской нации» ещё более ухудшилось — советское руководство осуществило депортацию этого народа из европейских регионов страны, где разворачивался театр военных действий, за Урал. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В сентябре — октябре 1941 г. Госкомитет Обороны принимает серию постановлений о депортации немцев из Москвы и Московской области, Краснодарского, Орджоникидзевского краёв, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, Тульской, Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской, Воронежской областей, Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. Все депортированные получили статус спецпереселенцев, в ведомственной статистике ГУЛАГа они учитывались по категории «немцы, выселенные по решениям правительства», позже большая их часть была переведена в категорию «мобилизованные»⁴².

Всего в период войны из районов РСФСР, расположенных западнее р. Волги, а также из Украины, Армении, Азербайджана, Грузии на спецпоселение было направлено 1 204 678 немцев (взрослых и детей). Их разместили в основном в Казахстане, Алтайском крае и Сибири и лишь около 170 тыс. чел. — в других краях и областях РСФСР⁴³. Но нами не обнаружено каких-либо приказов и распоряжений, согласно которым эта категория немцев направлялась бы на Дальний Восток. Специфика региона, как мы уже отмечали, заключалась в том, что во время войны принудительные мигранты, будь то спецпереселенцы или заключённые лагерей, сюда почти не завозились по стратегическим соображениям — в связи с угрозой войны с Японией. Более того, когда готовилось принятие постановлений ГОКО СССР о депортации немцев из западной части страны, то, как вариант, предлагалось одновременно выселить в полном составе и немцев из Приморского и Хабаровского краёв, отправив их в Казахстан⁴⁴. Однако этого сделано не было.

Что касается северной части Дальнего Востока, то эта территория попала в разработку противоположного проекта — по принудительному вселению депортантов, — связанного с подготовкой в декабре 1941 г. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Тогда намечалось перевезти в низовья рек Оби, Лены, Енисея, Яны, Индигирки, Колымы и северную часть оз. Байкал 41 тыс. трудоспособных переселенцев, а вместе с членами семей — до 120 тыс. чел. Единственными потенциальными участниками этого процесса рассматривались немцы, переселённые в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, Карельскую ССР. Поскольку среди рек были названы Яна, Индигирка и Колыма, то переселение должно было охватить

и районы Дальстроя. Однако в своих замечаниях к проекту постановления зам. наркома внутренних дел СССР В. Чернышов писал, что бассейны этих северо-восточных рек затрагивать таким переселением нецелесообразно, «...так как огромные затраты, связанные с завозом переселенцев в эти районы, и трудности в последующем их снабжении не окупятся продукцией от рыбной ловли, а само существование новых рыболовецких посёлков экономически не будет оправдано»⁴⁵.

Поэтому в период войны немецкое население на Дальнем Востоке было представлено в основном местными жителями, находившимися здесь ещё до июня 1941 г. Вопрос об их численности требует специального рассмотрения. Напомним, что переписью 1939 г. на Дальнем Востоке было учтено 7 607 немцев, в том числе 5 696 чел. в Хабаровском крае (включая все входившие в него области) и 1 911 чел. — в Приморском⁴⁶. Однако в справке «О наличии граждан немецкой национальности в республиках, краях и областях», составленной НКВД СССР 8 октября 1941 г., были приведены сведения о том, что на Дальнем Востоке проживало 2 682 немца (из них городских жителей — 732, сельских — 1 950), в том числе в Хабаровском крае — 2 096, Приморском крае — 586 чел.⁴⁷ Эти же цифры фигурируют в документах НКВД, датированных октябрём 1942 г.⁴⁸ Материалы осени 1941 г. обнаруживают нисходящую динамику численности немецкого населения в регионе. По сравнению с 1939 г. выявилось сокращение этого населения: всего на 4 925 чел, в том числе в Хабаровском крае — на 3 600, в Приморском — на 1 325 чел. Известные к настоящему времени документы не позволяют точно определить факторы такого уменьшения. Лишь частично оно может быть объяснено мобилизацией в действующую армию в 1941 г., которой тогда ещё подлежали и немцы⁴⁹. Вместе с тем число немцев, переселённых внутри региона в конце 1941 г. (см. ниже), оказалось больше, чем было указано в вышеназванной справке, что свидетельствует о том, что власти не владели точной информацией об этническом составе местного населения.

Немцы-дальневосточники не были поставлены на учёт спецпоселений, но в начале войны подверглись принудительному переселению внутри региона — из приграничных в глубинные районы Хабаровского края и Амурской области. Основанием для этого служили постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1941 г. и 12 ноября 1941 г., бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) и крайисполкома от 20 октября 1941 г., приказ УНКВД Хабаровского края № 00121 от 24 октября 1941 г. Для руководства кампанией в октябре 1941 г. были созданы Хабаровский краевой штаб во главе с зам. начальника краевого УНКВД И.И. Долгих и областные комиссии в Амурской, Сахалинской областях и Еврейской автономной области⁵⁰, откуда проходило выселение.

В связи с тем, что эта депортация вновь грозила «опустошить» пограничные районы Дальнего Востока (из которых наиболее заселённым нем-

цами был Тамбовский), Хабаровский крайисполком, видимо, учитывая печальный опыт предвоенных лет (см. разд. 3.6.), своим Постановлением от 30 октября 1941 г. «О заселении колхозов, из которых переселяется немецкое население», сразу же наметил возместить потери путём переселения в Тамбовский и Кагановичский районы Амурской области 320 семей «хозяйственно неустроенных колхозников-переселенцев» из других районов края, предусмотрев для них меры материальной поддержки — передачу жилых домов и надворных построек по страховой оценке за счёт кредита сроком на 10 лет и оплату расходов по переезду семей на средства, отпущенные крайисполкомом. Во избежание излишних перевозок на крайпотребсоюз возлагалась обязанность в местах выезда принять от колхозников-переселенцев зерно, овощи, картофель, фураж и скот с выдачей квитанций, а в месте вселения обеспечить по этим квитанциям выдачу соответствующих продуктов и живности. Немецкое население также обязано было сдать областным властям зерно, картофель, фураж и скот, однако о компенсации им всего этого по месту вселения в постановлении ничего не говорилось⁵¹, что в дальнейшем не могло не сыграть злую роль в их и без того трагичной судьбе.

В соответствии с директивами центральных и краевых властей были составлены конкретные планы внутрирегиональной депортации. Так, в Амурской области бюро обкома ВКП(б) и облисполком 8 ноября 1941 г. приняли совместное постановление «О переселении немецкого населения из колхозов и городов области», которым утвердили соответствующий план областного управления НКВД и состав областной комиссии по руководству операцией и заселением освобождавшихся в колхозах домов (секретарь обкома ВКП(б) Сапего, председатель облисполкома И.Д. Чижов, начальник ОУ НКВД И.М. Веселов). Комиссия должна была приступить к работе с 15 ноября. В помощь ей выделялся партийный актив: 75 коммунистов из Благовещенска, 50 из Тамбовского района, по 15 чел. из Кагановичского и Бурейского районов и г. Куйбышевки-Восточной (совр. г. Белогорск).

Операция намечалась в городах Благовещенске, Куйбышевке-Восточной, Свободном и всех районах области (кроме района вселения) с возложением персональной ответственности на первых секретарей горкомов и райкомов партии, председателей гор- и райисполкомов, начальников РО НКВД. Амурские власти повторили решение Хабаровского крайисполкома об одновременном вселении на место немецких семей «хозяйственно неустроенных колхозников-переселенцев» и о мерах их материальной поддержки, но с более конкретной порайонной привязкой: в Тамбовский район планировалось переселить 103 хозяйства из Бурейского района и 134 хозяйства из Хабаровского района, в Кагановичский район — 51 хозяйство из района им. Лазо, в остальных районах — «обязать райкомы и райисполкомы все освобождённые дома от немецкого переселения заселить хозяйственно неустроенными переселенцами своих районов». И так же, как в постановле-

нии крайисполкома, в документе областного уровня ни слова не говорилось о каких-либо компенсациях немецким переселенцам*.

Путь депортантов проходил через пункты Арга, Путятино, Норск, Селемджинск, Стойба, Экимчан и Харга. Постановление требовало организовать там заправочные пункты для транспорта и питание для переселенцев, шоферов и охраны. Местом вселения для немцев Амурской области был определён Селемджинский район, куда они направлялись в распоряжение треста «Амурзолото», на который возлагались все расходы, связанные с переселением. Предполагалось, что тресту предстояло принять 2300 чел., для их размещения готовились пос. Харга и Лукачек.

Амурская железная дорога выделяла для нужд переселения необходимое количество вагонов, а гор- и райисполкомы мобилизовали автогужевой транспорт. В районе вселения немцев для их перемещения от ст. Арга до пунктов назначения мобилизации подлежали 320 грузовых и 15 легковых автомашин. На ст. Арга должны были дежурить 7 врачей и 7 медсестер.

В каждый колхоз, откуда выселялись немцы, направлялись ответственные работники для проведения отчетности, учёта всего имущества и выборов новых правлений колхозов, 11 ноября созывалось совещание руководителей областных заготовительных и торгующих организаций по вопросу закупа скота и личного имущества у немецкого населения⁵².

Чуть позже — 3 декабря 1941 г. — Хабаровский крайисполком своим решением «Об использовании скота и птицы, закупленных племзаготконтрой у переселяемых немцев», обязал Амурский облисполком и райисполкомы краевого подчинения всю закупленную птицу и скот до 10 декабря по государственным заготовительным ценам передать колхозам для комплектования животноводческих и птицеводческих колхозных ферм, а райисполкомы** и земельные отделы — обеспечить их «приём, размещение и полное сохранение»⁵³.

* Какую-либо компенсацию пострадавшим от данной акции было трудно получить и после их реабилитации. Об этом свидетельствуют материалы личного дела спецпоселенки Е.А. (имя зашифровано в связи с законом о сохранении личной тайны), которую в 1941 г. вместе с семьей переселили из с. Розенталь Тамбовского района в Селемджинский район. На месте осталось все имущество, в том числе дом, хозяйственные постройки, две коровы, три свиньи, куры, утки, мебель и другая домашняя утварь. Однако поскольку никаких документов на этот счёт не было оформлено, то денежную компенсацию пострадавшие получить не смогли. См.: Личное дело спецпоселенки Е.А. // Архив УВД Амурской области.

** Согласно документам Тамбовского райисполкома от декабря 1941 г., после вселения немецкого населения колхозы Тамбовского района были полностью заселены «хозяйственно не устроенными переселенцами», прибывшими из других районов Хабаровского края. Фермы этих колхозов получили скот, принятый через племзаготконторы от переселённых немцев. См.: ГААО. Ф. 114. Оп. 4. Д. 302. Л. 329 – 329 об.

Всего к началу 1942 г., по данным Г.А. Ткачевой, в Селемджинский район в распоряжение приискового управления Амурзолото, а именно в Мынский и Харгинский прииски и пос. Экимчан, прибыли 2 873 переселённых немца, т.е. на 573 чел. больше, чем планировалось. Среди них было значительное число детей, престарелых и инвалидов. Депортанты трудились в основном на лесозаготовительных работах, меньше — на золотодобыче⁵⁴. Из других мест региона немцев переселили в Верхне-Буреинский и Кур-Урмийский районы Хабаровского края, такие же глухие и труднодоступные, как и Селемджинский⁵⁵. В Приморье это выселение не компенсировалось другими миграционными потоками, поэтому бывшие немецкие колхозы края стали приходить в упадок*. Общее число переселённых на Дальнем Востоке немцев не известно, очевидно, оно превышало 3 тыс. чел.

Ещё раз следует подчеркнуть, что переселённые немцы-дальневосточники формально не являлись спецпереселенцами, на учёт спецпоселений они были поставлены позже, по окончании войны (по категории «местные немцы»). Однако, по сути, их внутрирегиональная депортация не отличалась от той, которой подверглись немцы из европейских регионов, отправленные на спецпоселение в Сибирь и Казахстан. Показательно, что именно так оценивали их положение и местные органы НКВД: в некоторых личных делах спецпоселенцев Амурской области, находящихся на хранении в Архиве областного УВД, в биографических справках факты их внутрирегионального переселения в конце 1941 г. излагались в формулировке «направлен на спецпоселение».

В фондах ГАХКа, как отметил в своей статье историк В.В. Романов, хранятся многочисленные материалы, проливающие свет на трагическую судьбу немецких переселенцев и их мытарства при обживании в пунктах размещения. В особенно тяжелом положении оказались семьи, переселённые в Селемджинский район. Руководители приискового управления не были готовы к приёму 2,9 тыс. чел., в результате сложилась сложная ситуация с их размещением. К тому же на Харгинском руднике и Мынском прииске началась эпидемия кори, унесшая жизни значительного числа детей. Многие немецкие семьи бедствовали ещё и по той причине, что при перевозке их к месту нового проживания у большинства из них были похищены личные

* Например, в колхозе «Прогресс» (с. Ост-Гейм Ивановского района Приморского края) после депортации и мобилизации немцев остались в основном женщины с детьми, не подпадавшие под эти акции, но и они сразу после окончания войны стали выезжать в места нахождения глав семейств. К 1948 г. в колхозе состояло членами только 37 чел. Трудоспособных было слишком мало для обработки имевшихся посевных площадей и содержания животноводческой фермы, жилые помещения и общественные постройки пришли в ветхость. В связи с этим руководство района ставило перед крайкомом партии вопрос о направлении в село большой партии переселенцев и выделении долгосрочных кредитов. См.: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 934. Л. 48.

вещи и продукты питания. Положение усугублялось тем, что местные руководители не имели возможности трудоустроить всех прибывших⁵⁶.

Эти сведения дополняются воспоминаниями участников событий — жертв депортации. Бывший председатель колхоза «Энергия» Тамбовского района Д.Д. Дридгер рассказывал журналисту А.С. Сутуруину: «Урожай в тот год мы вырастили богатый. Перевыполнили планы по сдаче зерна, мяса, овощей, засыпали семена. Но 15 ноября ранним утром в село вошла большая колонна автомашин в сопровождении военных и энкавэдэшников. Объявили строжайший приказ: за пять часов собраться и семьями выехать в северные районы края. Документ якобы подписали Калинин и Молотов. Что тут началось! Слезы, крики, мольбы, которых никто не слышал — ни Бог, ни отец народов (...) У каждого — коровы, овцы, свиньи, птицы, дома. Нажитое многолетним трудом осталось в опустевших дворах. (...) В Средне-Бельском нас загнали, как скот, в товарные вагоны и довезли до Суражевки. Здесь высадили, погрузили на грузовые машины — и дальше. Ехали день и ночь, пока не довезли до затерянного в глухомани села Стойба. Тут нас никто не ожидал. На скорую руку обустроили бараки, заготовили дрова и начали валить лес...»⁵⁷

Подобную картину рисуют О. и Н. Буллер (жительницы пос. Экимчан): «В 1941 г. семью выслали в Селемджинский район в пос. Хес. На сборы дали 24 часа. Не разрешили даже подоить коров, покормить скотину. Младший брат, которому было два годика, в дороге простыл и умер, как и многие дети ссыльных. Добирались несколько дней, (...) было уже холодно. У многих детей не было тёплой одежды и обуви. Приехав на новое место жительства, трудились много, а жили бедно. Часто еды не хватало, ели отбросы...»⁵⁸

С января 1942 г. постановлением ГКО немцы-мужчины, выселенные по решениям правительства, призывного возраста (от 17 до 50 лет) мобилизовались на т.н. «трудовой фронт». Это была одна из форм принудительного труда, используемая государством в рамках военно-мобилизационной экономики. «Трудовая армия» формировалась из гражданских лиц на основе принципов военной организации, производственной деятельности и лагерного режима содержания, а сами «трудоармейцы» как социальная группа со специфическим статусом занимали маргинальное положение между заключёнными и полноправными гражданами. Кроме немцев, которые составили основную часть «трудооблизованных» в годы войны, к такой же повинности привлекались лица, относившиеся к титульным национальностям других воюющих против СССР государств (немцы, итальянцы, финны, румыны, болгары, венгры), военнообязанное коренное население Средней Азии и Казахстана, а также спецпоселенцы других контингентов⁵⁹.

Людей призывали через военкоматы, организовывали в отряды до 1500 чел., которые делились на колонны (по 250—300 чел.) и бригады по 50—75 чел., мужчины отдельно от женщин. «Трудоармия» направлялась на стройки и производства, осуществлявшиеся исправительно-трудовыми

лагерями НКВД. Дисциплина устанавливалась по уставам Красной Армии, нормы продовольственного обеспечения соответствовали лагерному пайку, повышенному на 10—15%. Уклонение от мобилизации считалось дезертирством и каралось высшей мерой наказания, отказ от работы — 10 годами лагерей. Режим содержания в рабочих колоннах был несколько смягчен в конце 1943 — начале 1944 гг.⁶⁰

Немногим позже судьбу немцев, выселенных по решениям правительства, разделили и «местные» немцы. Постановлением ГКО от 14 февраля 1942 г. список немцев-мужчин в «трудармии» был расширен за счёт постоянно проживавших к востоку от Урала. Последние стали учитываться органами НКВД по категории «мобилизованные». Предварительно заместитель наркома внутренних дел СССР Круглов разослал запросы о численности «местных» немцев в соответствующие края и области. В ответных справках сообщалось, что в феврале 1942 г. в Хабаровском крае проживало немцев-мужчин в возрасте от 16 до 50 лет — 823 чел. (в том числе в Камчатской области — 70 чел.), Приморском крае — 94 чел.⁶¹

7 октября 1942 г. ГКО принял новое Постановление «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства», по которому в рабочие колонны мобилизовывались все немцы мужчины в возрасте 15—16 лет и 51—55 лет, а также женщины немки в возрасте от 16 до 45 лет включительно. Освобождались от мобилизации только беременные женщины и матери, имевшие детей в возрасте до 3 лет, а также женщины — немки и русские — из смешанных русско-немецких семей.

Мужские рабочие колонны направлялись на рудники, шахты, стройки при лагерях НКВД, где находились в течение всей войны, женские — на предприятия нефтехимической, горной и лесной промышленности. Семьи оказались разорванными, мужья, хотя и не были отправлены на фронт, жили и работали отдельно от жён, нередко детей разлучали с матерями. Дети передавались на попечение близких, если таковые были, или направлялись в детдома, а то и вовсе были брошены на произвол судьбы.

М.И. Вольф-Колесниченко (бывшая жительница пос. Троицкое Нанайского района) вспоминала: «Летом 1941 г. у нас забрали отца. А потом пришли за нами — мамой Софьей Борисовной Вольф и мной. Приказали собраться за 24 часа и взять продуктов на 13 дней. Сестренке Розочке шёл четвертый год, а братику едва исполнилось десять лет. Мама вцепилась в детей и кричала: «Не отдам!» Милиционер обругал её нецензурными и страшными словами, грубо отбросил ребят и погнал к сельсовету. Собрали нас, горемычных, со всего Нанайского района и от сельсовета пешком погнали в Хабаровск. Шли мы, молча, не видя дороги. То и дело слышались глухие рыдания. У многих остались осиротевшие вмиг дети. Ночевали в Найхине, Сикачи-Аляне, Анастасьевке. Горячего чаю впервые попили в Елабуге, когда остановились у Ефима Щекина. Он не побоялся по-человечески отнестись к «фашистам». Измученные и полубомороженные, мы еле добрались до Хабаровска. До стан-

ции Ин ехали поездом, потом на открытых, продуваемых насквозь машинах добрались до Кукана». Женщинам пришлось валить лес в кур-урмийской тайге. Дочь Розу через несколько лет мать случайно встретила у чужих людей⁶².

14 октября 1942 г. постановление от 7 октября было распространено и на граждан других национальностей (румын, венгров, итальянцев, финнов и др.) в возрасте от 17 до 50 лет включительно⁶³. А. Сутурин приводит воспоминание В.И. Герта, работавшего на Камчатке после увольнения из армии в запас. В 1942 г. его повесткой вызвали в военкомат: «Собралось человек 50. Когда сделали переключку, то выяснилось: среди пришедших — только немцы, финны, румыны, болгары, венгры, итальянцы. Я сразу догадался, что это не в армию, тут нечто другое...»⁶⁴

Мобилизованные в «трудармию» дальневосточники использовались, как правило, на работах в этом же регионе. Так, 20 октября 1942 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) Борков при поддержке начальника Хабаровского УНКВД Гоглидзе обратился к Л. Берии с просьбой оставить немцев, подлежащих дополнительной мобилизации (таких насчитывалось около 500 чел.), на месте для работы на добыче золота и лесозаготовках. Зам. наркома внутренних дел Круглов считал, что 400 чел из 500 можно оставить в пределах Хабаровского края, а 100 — направить в рабочую колонну Умалытлага* НКВД⁶⁵.

В Нижне-Амурской, Сахалинской, Камчатской областях и Дальстрое осенняя мобилизация 1942 г. распоряжением начальника ГУЛАГа Наседкина (по запросу из Управления мобилизации и укомплектования армии НКО) была отложена до открытия навигации 1943 г. из-за «...исключительно трудных условий вывоза [немцев] на материк для последующего направления по назначению по железной дороге, ввиду окончания навигации [1942 г.]»⁶⁶.

Но на Колыме для внутренних нужд рабочая колонна из числа немцев, мобилизованных местными райвоенкоматами, всё же была сформирована приказом начальника Дальстроя Никишова № 0065 от 5 октября 1942 г. Колонну отправили в распоряжение Тенькинского управления лагерей на строительство Кулинской обогатительной фабрики Хениканджинского горнорудного комбината (совр. Магаданская область, центральный район Колымы). Во главе колонны был поставлен переведённый с должности начальника Западного отряда ВОХР Тарасов. Для мобилизованных устанавливался воинский режим и дисциплина. Учёт их велся по типу учёта заключённых, но работали они отдельно. Оплата труда устанавливалась по ставкам вольнонаёмных в зависимости от выполнения норм выработки⁶⁷.

* Умалытинский ИТЛ размещался в Бурейском районе Амурской области. Его производственная деятельность – обслуживание Умалытинского молибденового рудника, выпуск молибденового концентрата, геологоразведка, строительство обогатительной фабрики и шахт. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 488.

Согласно исследованию Д.И. Райзмана в эту колонну попали 236 немцев, мобилизованных Среднеканским райвоенкоматом 12 ноября 1942 г. Старшему из них И.И. Шмидту тогда исполнился 51 год, младшему Л.Э. Валькеру — 21. Большинство из них, по-видимому, бывшие заключённые, уже отсидевшие свои сроки в Севвостлаге. Например, П.Г. Верман-Крюгер (1895 г.р., ур. с. Мюзигкау, Германия, политэмигрант, член ВКП(б), в России находился на советской и партийной работе) был осуждён дважды — в 1932 и 1936 гг. по подозрению в контрреволюционной деятельности и за антисоветскую пропаганду. С 1937 г. он — заключённый Севвостлага, освобожден в мае 1941 г., но уже с октября 1942 г. мобилизован в рабочую колонну, в которой был прорабом стройбата на строительстве комбината в Хеникандже, затем — начальником стройцеха прииска «Гвардеец». В годы войны передал 60 тыс. руб. в Фонд обороны страны. С 1946 г. — начальник стройучастка отдела капитального строительства рудника им. Матросова⁶⁸.

В Приморском крае, как докладывал начальник краевого УНКВД М.М. Гвишиани, всего на данном этапе, проходившем с 22 октября 1942 г., мобилизации подлежало 90 чел., из этого количества было призвано и 15 ноября отправлено в Умалыстрой 50 чел. Одновременно проводилась мобилизация женщин-немок для лесоразработок в Кур-Урмийском районе. По учетным данным, должны были набрать 450 чел., однако 7 декабря отправили 81 чел. Большой «отсев» составили немки, освобождённые от мобилизации как имевшие русских мужей, родных в РККА и по состоянию здоровья. В отчёте сообщалось, что все мобилизованные были обеспечены носильными и постельными принадлежностями. При проведении кампании два человека (венгр и немка) намеревались уклониться от призыва, но были арестованы и переданы суду по Указу ПВС от 26 декабря 1941 г. Ещё один мобилизованный попытался совершить побег из вагона по дороге от ст. Спасск, но был задержан⁶⁹.

Трудармейцы не считались заключёнными, но содержались в лагерных зонах, обнесённых колючей проволокой, жили и работали в очень тяжёлых условиях при скудном питании, что влекло за собой высокую смертность. Документы и воспоминания очевидцев содержат массу таких фактов. Так, В.Н. Шмидт был мобилизован в трудотряд, базировавшийся в пос. Чекунде и возводивший дорогу на молибденовый рудник. По его словам, «...условия труда были наисложнейшие. Вначале предстояло на 70-км участке трассы настелить гать, а потом уже делать отсыпку грунта и трамбовку. Работы велись вручную. Спецодежды — никакой. А морозы стояли 50—60-градусные. Люди умирали, как мухи. Ведь большинство не были приспособлены к невероятным физическим лишениям и арктическим холодам»⁷⁰.

Сестры Буллер вспоминают: «Работали в трудовой колонне п. Инггель (8 км от пос. Хес) под номерами 168 и 169. Туда забирали всех женщин и мужчин с пятнадцати лет. В трудколонне заготавливали лес, делали дорогу для тракторных саней, на которых перевозили лес. Работы не прекращались даже в 60—62-градусный мороз. Двенадцатиметровые бревна носили на пле-

чах, которые постоянно кровоточили, и приходилось подкладывать тряпочки, чтобы не было сильно больно. В отрядах было по двенадцать девочек и одна женщина-бригадир. Работали и в ночную смену, за что получали стакан сладкого чая и сто граммов хлеба. Работа в ночную была до часу, а подъем — в шесть утра. Колонна охранялась вооружёнными солдатами. Везде колючая проволока. В месяц получали по 0,5 кг сахара. Спали в бараках на неструганных нарах»⁷¹.

Чтобы выжить в тех невероятно тяжёлых условиях, людям приходилось проявлять невероятную стойкость. Руководство лагерями вовлекало их в стахановское движение, движение тысячников, они участвовали в сборе средств на строительство танков, которые собирали в Куйбышевке-Восточной, за что даже были удостоены цинично-«благосклонного» внимания свыше. В 1943 г. в г. Свободный пришла телеграмма: «Начальнику колонии, начальнику политотдела, секретарю парторганизации. Прошу передать товарищам стахановцам Шмидту, Дитриху, Штолю и другим рабочим и служащим немецкой национальности, работающим на БАМлаге, собравшим 35 тыс. руб. на изготовление танков, мой братский привет и благодарность. И. Сталин»⁷². Аналогичные факты, выявленные исследователями на материалах других регионов страны, показывают, что это было одно из направлений пропагандистской работы среди «трудармейцев», у которых власть всячески старалась сформировать чувство причастности к трудовому подвигу народа, подчеркнуть формальный статус свободных граждан, несмотря на реалии их фактического положения⁷³.

Одновременно с пропагандистско-агитационной работой среди немецкого населения режим продолжал линию тотального контроля над ним в виде гласного и негласного надзора, который был установлен задолго до войны и, безусловно, усилился с её началом. Информация о реакции советских немцев на происшедшие события регулярно отсылалась местными органами НКВД в свои вышестоящие и партийные инстанции. Примером может служить докладная записка из УНКВД по Амурской области в Хабаровский крайком ВКП(б) от 24 октября 1941 г., в которой сообщалось: «...Нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало активизацию враждебной деятельности немцев, проживающих в Амурской области. (...) В Тамбовском районе вскрыта группа немцев, участники которой ведут пропагандистскую акцию, восхваляют изверга Гитлера, клеветают на руководителей ВКП(б), с нескрываемой радостью отмечают захват фашистами наших городов. (...) Участники группы (...) разлагают в колхозах трудовую дисциплину, саботируют уборку урожая и срывают мобмероприятия путём умышленного затягивания ремонта автомашин, предназначенных для Красной Армии. (...) В то же время советские немцы-патриоты активно включились в борьбу с фашизмом»⁷⁴. Осенью 1941 г. на учёте спецорганов по категории «антисоветский элемент» состояли 145 немцев, жителей Приморского края и 228 — Ха-

баровского⁷⁵. В 1942 г. секретным отделением Приморского государственного краевого архива НКВД был составлен список лиц, служивших в немецкой фирме «Кунст и Альберс» в г. Владивостоке в 1920—1927 гг.⁷⁶

Так же, как и по другим группам населения, для оперативной работы среди немцев вербовалась специальная агентура. Например, среди мобилизованных осенью 1942 г. в трудовую армию по Приморскому краю она насчитывала 17 чел., в том числе 9 в мужских колоннах и 8 в женских. С их помощью было установлено, что в период мобилизации среди мужчин «каких-либо контрреволюционных проявлений» не было, но среди женщин имелись случаи «антисоветских высказываний». К таким начальник Приморского УНКВД Гвишиани относил слова немки Энгель («Нас вышлют куда-нибудь подальше и будут содержать, как заключённых или заложников, и даже в нужный момент могут уничтожить»), Таг («Женщины, поверьте мне, нас повезут, чтобы мы там с голоду подошли, даже и думать не нужно, что нас кормить будут — подохнем мы, как собаки»), Науман («Нас не мобилизуют, а ссылают, потому что мы — немцы, и эта национальность нам будет мешать и будущей работе. Мы голодные, разутые, раздетые. Мы не поедем никуда и не дадим над нами издеваться»). В докладной говорилось: «Науман сознательно пыталась посеять панику среди мобилизованных, призывала их к отказу выезжать к месту работы, её поддержала немка Рейден». В итоге А. Науман арестовали и привлекли к уголовной ответственности по ст.58—10, ч.2 УК⁷⁷.

С 1942 г. можно было демобилизовывать из «трудовой армии» стариков, малолетних, инвалидов и больных, у которых трудоспособность нельзя было восстановить. Они могли быть направлены к своим семьям, в том числе в Приморский и Хабаровский края. Те же, кто не имел семей или не знал, где их семьи находятся, должны были ехать в Казахскую ССР⁷⁸.

Немцы, отбывавшие сроки лишения свободы в лагерях, по их окончании также направлялись на спецпоселение (в зависимости от места предыдущего жительства) или в рабочие колонны. Годные к труду женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет, освобождавшиеся из лагерей Приморского и Хабаровского краёв, по распоряжению начальника ГУЛАГа Наседкина от 16 декабря 1942 г. и в порядке директивы НКВД и Прокуратуры СССР № 186, направлялись в рабочие колонны Краслага НКВД на ст. Канск Красноярской железной дороги⁷⁹.

Всего на Дальнем Востоке по учетам ОСП ГУЛАГа численность мобилизованных немцев составляла: на октябрь 1944 г. — 1 675, 1 апреля 1945 — 1 687, 1 июля 1945 — 1 689, 1 октября 1945 — 1 714, 31 января 1945 — 1783 чел. (все — в Хабаровском крае)⁸⁰.

Их распределение по предприятиям характеризуют данные по состоянию на август 1945 г.: всего работало 1 712 чел., в том числе 1 272 муж. и 440 жён. На добыче молибдена и разных работах в Рудоуправлении НК Цветных металлов трудились 1 002 чел. (1 071 муж., 21 жён.), на лесозаготовках в рудоуправлениях треста Амурзолото — 429 чел. (128 муж., 301 жён.), в тресте

Урмийском НК лесной промышленности — 172 чел. (54 муж., 118 жён.), на ремонте сельскохозяйственных машин Куйбышевского мотороремонтного завода — 19 муж.⁸¹

Выше мы отметили, что немцы, выселенные в 1941 г. из европейской части, в течение войны на Дальний Восток не направлялись. Имеющиеся источники позволили выявить, как исключение, только один пример. Он связан с трудмобилизацией спецпоселенцев из недалевоосточных регионов на строительство № 500. Выделить среди них точное число немцев не представляется возможным. Поэтому данный сюжет будет рассмотрен нами отдельно.

4.3. Мобилизация спецпоселенцев на строительство железной дороги Комсомольск — Советская Гавань

В 1943 г. в соответствии с постановлением ГОКО от 21 мая 1943 г. было возобновлено прерванное перед войной строительство железнодорожной линии Комсомольск — Советская Гавань с железнодорожной переправой через р. Амур (строительство № 500). Эта линия имела важное стратегическое значение, так как давала кратчайший выход к Тихому океану, в последующем она сыграла большую роль в деле разгрома империалистической Японии⁸².

Движение поездов намечалось открыть 1 августа 1945 г. По предварительным расчётам выполнение такого плана требовало задействовать в 1943 г. около 64 тыс. рабочих, а в пиковый период, который приходился на конец 1944 — начало 1945 гг., — 80 тыс. Основную рабочую силу составляли заключённые Нижне-Амурского и Восточного ИТЛ. ГОКО распорядился освобождавшихся из заключения задерживать на строительстве до 1 сентября 1945 г. на положении вольнонаёмных. Кроме того, туда планировалось направить строительные и автобатальоны, а также мобилизовать 10 тыс. трудпоселенцев мужчин призывного возраста, годных к физическому труду, не работавших в оборонной промышленности. О важности и сложности проблемы обеспечения стройки № 500 рабочими руками свидетельствует тот факт, что ГОКО освободил Наркомат внутренних дел от предоставления людей по всем другим, не выполненным ещё своим постановлениям ГОКО и СНК СССР⁸³.

Осенью 1943 г. на основании постановления ГОКО № 3857сс от 2 августа и в соответствии с директивой НКВД СССР № 428 от 24 августа началась мобилизация на строительство № 500 трудпоселенцев («бывших кулаков» и немцев) и ссыльнопоселенцев (высланных из Прибалтийских и Молдавской республик)⁸⁴.

Мобилизованные направлялись на станции Комсомольск и Владивосток, где передавались представителям стройки и объединялись в рабочие колонны. В правовом положении они приравнивались к вольнонаёмным рабочим и оформлялись на работу на общих основаниях. За ними сохранялся непрерывный стаж. Согласно постановлению СНК СССР № 1353 от 10 авгу-

ста 1942 г., отражённому в приказе НКВД СССР № 500 от 25 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время», за период нахождения в пути лагерь обязан был выплатить трудпоселенцам компенсацию. Все расходы по перевозке людей возлагались на строительство. Снабжение продуктами питания и вещевым довольствием производились из лагерного фонда по нормам для вольнонаемного состава. За неявку или самовольный уход с работы (дезертирство) мобилизованные несли ответственность по законам военного времени (Указ ПВС от 26 декабря 1941 г.). В случае демобилизации со строительства по болезни трудпоселенцы и ссыльнопоселенцы направлялись туда, откуда они были мобилизованы⁸⁵.

НКВД СССР для выполнения постановления ГОКО №3857сс спустил соответствующие разрядки аппаратам НКВД краёв, областей и республик (см. табл. 19.).

Ситуация с набором рабочей силы на строительство железной дороги Комсомольск — Советская Гавань отражала общее положение по стране, когда при повсеместной нехватке трудовых ресурсов привычным стало обращение производителей к НКВД и ГУЛАГу с просьбой о выделении принудительных работников (заклѹченных, спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев). Однако к этому времени людские ресурсы всех регионов страны использовались на пределе возможностей, особенно не хватало мужчин. Местные хозяйственные организации и партийные комитеты чуть ли не «в драку» отстаивали трудоспособное население своих районов и областей. Так, при обсуждении Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» в конце 1941 г. руководители намеченных к отправке из своих регионов спецпоселенцев Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского краёв доказывали, что «немцы освоены в хозяйстве, и их дальнейшее переселение на Крайний Север будет проводиться с прямым ущербом для посевной кампании указанных областей и краёв». Целесообразным считали лишь вывоз немцев-переселенцев из Карельской ССР⁸⁷.

В итоге по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 19с от 6 января 1942 г. НКВД СССР переселил в районы Крайнего Севера 66 763 чел., в том числе в Омскую область направил 13 861 чел., из которых было 11 370 трудоспособных. Но уже в октябре 1943 г. секретарь Омского обкома ВКП(б) Кудинов при поддержке зам. наркома рыбной промышленности Сбродова просил НКВД СССР переселить ещё 1 500 чел. для жилищного строительства в рыбной промышленности, на что зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов отвечал в своём письме в СНК СССР на имя А.И. Микояна: «После проведения мобилизации на поселении остались в основном многодетные женщины, старики и дети, переселение которых в районы Крайнего Севера для работы в рыбной промышленности невозможно. Поэтому ввиду отсутствия свободных контингентов удовлетворить просьбу (...) в настоящее время возможности не имеем»⁸⁸.

Таблица 19

**Выполнение разрядки по мобилизации трудпоселенцев
и ссыльнопоселенцев на строительство № 500
в сентябре — декабре 1943 г. (чел.)⁸⁶**

	Разрядка			Оправлено	
	12.09.1943	01.11.1943	01.12.1943	01.11.1943	01.12.1943
Алтайский край	100	100	100	—	100
Архангельская область	800	—	—	—	—
Вологодская область	100	—	—	—	—
Иркутская область	50	50	50	50	50
Красноярский край	500	500	500	455	503
Куйбышевская область	150	25	25	25	25
Молотовская область	600	—	—	—	—
Новосибирская область	1500	1900	1730	—	—
Омская область	200	200	200	200	200
Свердловская область	900	900	900	—	—
Ставропольский край	—	1000	1000	—	—
Хабаровский край	300	300	300	65	65
Читинская область	50	50	50	50	50
Коми АССР	450	450	450	—	280
Казахская ССР	2800	2800	2800	—	—
Киргизская ССР	100	100	100	—	—
Таджикская ССР	150	150	150	150	150
Узбекская ССР	—	200	200	80	80
Итого	8750	8725	8555	1075	1503

Подобные «дискуссии» проходили и в последующее время. В конце войны начальник Отдела спецпоселений НКВД ССР М. Кузнецов едва успевал «отбиваться» от заявок на предоставление спецпоселенцев различным ведомствам. Например, 6 марта 1945 г. в связи с запросом Госплана СССР по проекту постановления ГОКО о выделении спецпереселенцев-нефтяников для работы на предприятиях Наркомнефти он докладывал заместителю наркома внутренних дел С.Н. Круглову, что «...из-за отсутствия свободных контингентов выделить спецпереселенцев в систему Наркомнефти не представляется возможным». На следующий день он отвечал по поводу проекта постановления ГОКО «О материально-техническом обеспечении авиационной промышленности»: «Согласно постановлению ГОКО № 6841с от 29 октя-

бря 1944 г. НКВД СССР обязан передать Наркомлесу до 1 апреля 1945 г. 30 тыс. спецпереселенцев (оуновцев и немцев), других свободных контингентов не имеется. Поэтому предоставить Наркомлесу к 1 мая 1945 г. ещё 2 800 чел., как предусматривает указанный проект ГОКО, не представляется возможным»⁸⁹.

Выполнение планов мобилизации на строительство № 500 также натолкнулось на большие трудности. Многие регионы просили уменьшить разрядку или перенести её выполнение на более поздний срок.

В сентябре 1943 г. в Молотовской области вместо 600 чел. «из-за отсутствия контингентов» УНКВД могло набрать только 300. Для Омской области по ходатайству обкома партии первоначальный наряд на мобилизацию 1 000 чел. был уменьшен до 200. Иркутский обком ВКП(б) просил разрешения оставить всех мобилизованных для работы в местной промышленности, но не добился этого.

Отправляя разрядку в Казахстан, НКВД СССР дало специальное разъяснение, что при затруднениях с мобилизацией трудпоселенцев следует пополнять недостающее число за счёт немцев⁹⁰. Однако большинство тех, кто подлежал мобилизации в этой республике, так же, как в Узбекистане, Киргизии и Новосибирской области, являлись квалифицированными работниками сельского хозяйства (механики, комбайнеры), их отправка на стройку № 500 грозила срывом уборочной кампании, поэтому вызвала настойчивое возражение директоров совхозов. По этой причине мобилизация была отсрочена до конца уборочной. Очередное указание Чернышов направил начальнику НКВД Казахской ССР Богданову 6 ноября 1943 г.: «Приступайте мобилизации трудпоселенцев, ссыльнопоселенцев строительство 500 согласно директиве. Из числа мобилизованных 2 000 чел. направьте Владивосток Приморской дороги. По Вашей заявке 50 вагонов выделено Карагандинской дороге. Срок подачи 20—25 ноября. Телеграфируйте, какое количество вагонов ещё потребуется»⁹¹.

Как в реальности было выполнено это распоряжение, выяснить не удалось. Но о том, что такая мобилизация в Казахстане действительно проводилась, есть свидетельство очевидца. Со слов Н.Е. Неффа, её отец Е.Ф. Нефф, немец по национальности, в июне 1941 г. был направлен из Симферополя на Кавказ (ст. Изобильная) на уборку сельхозпродукции, а оттуда в октябре того же года депортирован на Урал, в Челябинск, где мобилизован в трудовую армию. В марте 1943 г. в числе других трудовармейцев его перевезли в Северный Казахстан («на откорм — погибали от голода»), в мае 1943 г.* отправили в Хабаровский край на стройку № 500, где он проработал до конца 1946 г.

* Дата мобилизации данного человека на стройку № 500 – май 1943 г. – вызывает некоторое сомнение с учётом того, что директивы об этом вышли только в августе 1943 г. (см. выше). Возможно, Н.Е. Нефф за давностью лет ошиблась годом или месяцем.

По окончании работы на стройке отправлен на спецпоселение на прииск «Октябрьский» Зейского района⁹².

Начальник УНКВД по Свердловской области Попков в письме на имя зам. начальника ГУЛАГа НКВД СССР Добрынина от 21 сентября 1943 г. сообщал, что Чернышов отменил для области мобилизацию 900 трудпоселенцев на стройку № 500⁹³. Тем не менее до конца года данная разнарядка в общем плане продолжала существовать, но она не выполнялась (см. табл. 19).

В Архангельской области в августе 1943 г. мобилизация натолкнулась на активное сопротивление лесозаготовительных трестов и райкома партии Плесецкого района. По первоначальному плану из района на стройку № 500 требовалось направить 175 трудпоселенцев («бывших кулаков»), затем наряд был уменьшен до 165 чел. Однако выяснилось, что ресурсы района позволяют мобилизовать из колхозов, предприятий кустарной промышленности и районных учреждений не более 80—90 чел., остальных 80 УНКВД решил рекрутировать из подсобных предприятий лесной промышленности, но данная отрасль имела «броню». Вследствие этого Архангельский облисполком запретил набор людей на стройку № 500, а против сотрудников УНКВД возбудил уголовное дело о незаконной мобилизации. Позже дело закрыли, но официальная переписка между УНКВД и облисполкомом была полна взаимных оскорблений⁹⁴. В дальнейшем до конца года в разнарядках на стройку № 500 Архангельская область не значилась.

В Алтайском крае мобилизацию пришлось проводить дважды. Первые набранные 100 ссыльнопоселенцев-литовцев из-за отсутствия вагонов более 30 суток провели на сборном пункте в Барнауле. За это время 3 чел. заболели сыпным тифом, поэтому краевая санэпидстанция запретила выезд всей группе. Телеграфным распоряжением № 2923 от 26 октября 1943 г. НКВД СССР потребовал заменить людей. Новая партия мобилизованных состояла из 71 немца и 29 литовцев, которые 1 ноября 1943 г. были отправлены во Владивосток. На ст. Улан-Удэ они приняли лошадей, чтобы на стройке № 500 работать в качестве проводников⁹⁵.

В Ставропольский край спустили разнарядку на 1000 мужчин из числа трудпоселенцев «бывших кулаков», которых следовало отправить на ст. Комсомольск не позднее 20 ноября 1943 г. Однако к этому сроку по краю не было мобилизовано ни одного человека, и только в январе следующего года отправили 590 чел. Предварительно всех отобранных освидетельствовала врачебная комиссия, которая признала годными к физическому труду в условиях Дальнего Севера 790 чел., но из них 200 чел. не были мобилизованы на стройку, так как подлежали освобождению из трудпосёлков согласно постановлению СНК СССР № 1143/280с от 22 октября 1938 г. (см. разд. 2.1.6.) с немедленной передачей на учёт военкоматов. В докладной УНКВД по Ставропольскому краю от 14 января 1944 г. сообщали, что все отправленные 590 чел. были одеты по-зимнему и обеспечены продуктами питания на 15 дней⁹⁶.

Из Хабаровского края зам. начальника УНКВД Соколов в записке от 12 сентября 1943 г. бодро обещал московскому руководству: «Наряд [на 300 чел.] будет выполнен полностью и в срок. Для отбора людей в районы направили 5 чел. оперработников, которые мобилизованных направят непосредственно на пароходах по назначению»⁹⁷. Но к 1 декабря на строительство № 500 из края прибыли только 65 чел. (см. табл. 19).

В Красноярском крае, согласно отчёту УНКВД от 11 ноября 1943 г., набор трудпоселенцев и ссыльнопоселенцев на железнодорожное строительство проходил в колхозах, совхозах, хозяйственных организациях, на предприятиях необоронного значения, так как остальные контингенты, преимущественно квалифицированные рабочие, были заняты в лесной, золотодобывающей, рыбной и оборонной промышленности и мобилизации не подлежали. Выполнить полностью наряд только за счёт мужчин УНКВД края не имело возможности и в ответ на свою просьбу получило от руководства НКВД СССР разрешение мобилизовать также и женщин, не имевших детей (разрешение передано по «ВЧ» 31 августа 1943 г.). На основании этого мобилизовали 282 женщины. Однако, как оказалось, у пяти из них дети всё же были («при наличии других родственников»). Из Каннского района вместе с мобилизованными родителями выехали трудоспособные подростки. Всего во Владивосток выехало 468 чел., в том числе 181 муж., 277 жён. и 8 подростков. К началу декабря разнарядка в 500 чел. краем была выполнена полностью⁹⁸.

Другая «картина» обнаружилась в пункте назначения. По сообщению Приморского УНКВД, прибывшие из Красноярского края во Владивосток мобилизованные трудпоселенцы не соответствовали требованиям директивы НКВД № 428. Из 468 чел. годными к тяжелому физическому труду оказались только 58, к среднему — 275, к легкому — 115, а остальные 20 чел. были инвалидами и больными. Из женщин 40 имели семьи и пятеро — детей от 4 до 6 лет. Мобилизованные прибыли в плохо оборудованном и перегруженном эшелоне: в вагонах без нар находилось по 53 чел. В дороге люди не были обеспечены питанием, у 30% обнаружился педикулез⁹⁹.

Всего на строительство № 500 к началу 1944 г. должно было поступить 63,8 тыс. чел., а прибыло 30,8 тыс., в т.ч. 1 177 трудпоселенцев. В пути следования с эшелонов по разным причинам сняли 4 293 чел. (всех групп рабочей силы). Большое число людей в связи с их неудовлетворительным физическим состоянием «забраковали» комиссии УНКВД Хабаровского и Приморского краёв, действовавшие на пересыльных пунктах Комсомольска-на-Амуре и Владивостока. Из-за плохого питания среди прибывших оказалось 767 больных и 2 250 ослабленных. Учитывая значительные потери людей во время этапирования и в лагерях, ГУЛАГ НКВД СССР вынужден был отменить отправку эшелонов в зимнее время. В первом квартале 1944 г. рабочий фонд строительства увеличился незначительно — всего на 2,5 тыс. чел., в т.ч. на 1 050 спецпоселенцев.

На 1 января 1944 г., по данным О.П. Еланцевой, общесписочный состав рабочей силы строительства № 500 насчитывал 66 тыс. чел., из них было 1055 спецпоселенцев и 48 мобилизованных немцев, на 1 января 1945 г. соответственно — 92 тыс., 1 971 и 1 002¹⁰⁰. Таким образом, первоначальное задание Государственного Комитета Обороны мобилизовать 10 тыс. спецпоселенцев на стройку № 500 выполнить так и не удалось¹⁰¹. Данная группа мобилизованных считалась размещённой на Дальнем Востоке временно и по окончании строительства должна была вернуться в прежние места спецпоселений. Однако приведённое выше свидетельство немца Е.Ф. Неффа, мобилизованного на стройку из Казахстана и отправленного по окончании работ на спецпоселение в Зейский район, говорит о том, что это положение не соблюдалось.

* * *

Изложенный в данной главе материал показывает, что принудительные миграции в 1941—1945 гг. на Дальнем Востоке СССР проходили под воздействием двух факторов. Страна вела войну с гитлеровской Германией, при этом дальневосточный регион находился в тылу, однако здесь сохранялась опасность войны с Японией. Последнее обстоятельство стало причиной того, что в регионе в целом была продолжена реализация предвоенного направления политики принудительных миграций, нацеленной на превентивную «чистку» приграничья: система спецпоселений не только не пополнялась новыми рекрутами, но и стала сокращаться за счёт тех же каналов, что и во второй половине 1930-х гг. (освобождение молодёжи, передача сирот и инвалидов на иждивение), а также новых факторов, появившихся в связи с войной (призыв в армию, ослабление естественного прироста). Переселение немцев в конце 1941 г. в тыловые районы, запланированное на конец 1930-х гг., но по каким-то причинам не реализованное в то время, также можно считать продолжением предвоенной политики.

Вместе с тем война с Германией потребовала чрезвычайного напряжения экономических и трудовых ресурсов тыловых районов, поэтому на Дальнем Востоке применялись общие для страны формы организации труда, характерные для военно-мобилизационной экономики, в том числе призыв «местных» немцев в «трудармию», а трудпоселенцев из разных регионов страны — на важнейшие производственные объекты, каким на Дальнем Востоке была стройка № 500, что стало источником резкого ухудшения условий жизни этих групп населения. Однако данные процессы (в отличие от Сибири, Казахстана и Узбекистана) имели ограниченные масштабы.

В целом Дальний Восток оставался на периферии принудительных миграций: численность спецпоселенцев категории «бывшие кулаки» составляла от 26,5 до 19,6 тыс. чел., переселённых немцев-дальневосточников — ориентировочно 3—4 тыс. (примерно половина из них была мобилизована в «трудармию»), мобилизованных из других регионов страны на строительство № 500 трудпоселенцев и ссыльнопоселенцев — около 2 тыс., всего —

немногим более 25 тыс. чел. (1,2% к общему по стране числу спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев на начало 1945 г.¹⁰²).

В годы войны вдвое уменьшилась и другая, более массовая пенитенциарная группа на Дальнем Востоке — заключённых ИТЛ, число которых в 1939 г. составляло более 500 тыс., а в 1945 г. — примерно 250 тыс. чел.

Таким образом, в реализации политики принудительных миграций и использования принудительного труда на Дальнем Востоке геополитический фактор продолжал доминировать.

- 1 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 115.
- 2 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 102, 120; Д. 89. Л. 220; Д. 106. Л. 91, 97; Д. 118. Л. 128; Д. 131. Л. 319; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 427; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 116.
- 3 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 91, 98; Д. 89. Л. 50, 61; Д. 131. Л. 97, 309, 312, 317, 322, 319.
- 4 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 50, 61; Д. 106. Л. 97; Д. 131. Л. 97.
- 5 Там же. Д. 131. Л. 328.
- 6 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 347 – 355; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 100 – 103; Шашков В.Я., Козлов С.С. Спецпереселенцы на защите Отечества // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 158 – 159.
- 7 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 349; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 118. Л. 115.
- 8 «Хотелось бы всех поименно назвать...»: Книга-мартиролог. Хабаровск, 2004. Т. 6. С. 37.
- 9 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 102. Л. 33.
- 10 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 103.
- 11 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 106. Л. 91; Д. 131. Л. 97, 322, 328.
- 12 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 50, 61; Д. 106. Л. 91, 97.
- 13 Там же. Д. 131. Л. 97, 309, 317, 319, 322.
- 14 Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 22.
- 15 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 77. Л. 98; Д. 106. Л. 91, 97; Д. 131. Л. 309, 312, 317, 319, 326.
- 16 Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы... С. 13, 24.
- 17 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 99, 103.
- 18 Там же. Д. 102. Л. 25.
- 19 Там же. Д. 110. Л. 57, 64.
- 20 Там же. Д. 106. Л. 97 – 98.
- 21 Там же. Д. 77. Л.106.
- 22 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 99, 105; Д. 106. Л. 92; Д. 131. Л. 309 об.; Д.257. Л. 14.
- 23 Там же. Д. 77. Л. 126.

- 24 Ткачёва Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока России в 20–40-е годы // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1996. № 1. С. 108; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 131. Л. 330.
- 25 Таблицы 17 и 18 составлены по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 124; Д. 118. Л. 99; Д. 131. Л. 327об.; Д.257. Л. 14.
- 26 Там же. Д. 77. Л. 99.
- 27 Там же. Д. 257. Л. 14.
- 28 Там же. Д. 131. Л. 328 – 328 об.
- 29 «Хотелось бы всех поимённо назвать...» Т. 6. С. 37.
- 30 Пашков А.М., Подпечников В.Л. Сахалинская областная Книга памяти. Т. 12. Возвращённые имена – жертвы политических репрессий. Южно-Сахалинск: Изд-во «Лукоморье», 2003. С. 21.
- 31 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 131. Л. 312 об.
- 32 Там же. Л. 328 об.
- 33 Там же. Д. 77. Л. 99; Д. 106. Л. 92, 100; Д. 131. Л. 309 об., 312 об., 317 об., 328 об.
- 34 Там же. Д. 131. Л. 329 – 330.
- 35 Там же. Д. 77. Л. 122.
- 36 Введение // История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 57.
- 37 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 77. Л. 122, 136.
- 38 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 375.
- 39 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 131. Л. 322, 333 – 334.
- 40 Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы... С. 22 – 23.
- 41 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1, Д. 77. Л. 122, 133, 134; Д. 106. Л. 101; Д. 131. Л. 321.
- 42 «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений»... Л. Берия – И. Сталина / сост. Н.Ф. Бугай // История СССР. 1991. № 1. С. 144 – 145; Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // Отечественная история. 1991, № 2. С. 176; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 111; История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост.: В.А. Ауман, А.Г. Чеботарева. М.: МИГУП, 1993. С. 9; Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960: Справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Издание МФД, 1997. С. 31.
- 43 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 197.
- 44 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. документов (1940-е годы) / сост. Н.Ф. Бугай. 2-е изд. М.: Готика, 2000. С. 18, 24.
- 45 Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии / сост. Н.Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 73.
- 46 Там же. С. 36.
- 47 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.
- 48 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...»... С. 18, 78, 251.
- 49 Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» С. 174.
- 50 ОС ИЦ УВД Хабаровского края. Д. 2261-с. Л. 33; Дзюня Н.А. Дальлаг как составляющая карательной системы Советского государства на Дальнем Востоке // «Хотелось бы всех поименно назвать...» Т. 6. С. 44.
- 51 ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 156. Л. 25 – 26.
- 52 Там же. Л. 20 – 22.
- 53 Там же. Л. 1.
- 54 Ткачёва Г.А. Принудительный труд в экономике... С. 108.
- 55 Сутурин А. Немцы на Дальнем Востоке? // Дело краевого масштаба. Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1991. С. 219 – 220; Дзюня Н.А. Дальлаг как составляющая

- карательной системы... С. 44; Сагитова И.О. Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик (вторая половина XIX – XX в.): дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. Рукопись. С. 118.
- 56 Романов В.В. «Германский заговор» в амурской деревне: По следам политических репрессий // Дальний Восток. Хабаровск, 2005, № 2. С. 137. Мы вынуждены сделать небольшую ремарку, отметив, что автор ошибочно называет данную категорию немцев спецпоселенцами.
- 57 Цит. по: Сутурин А.С. Дело краевого масштаба... С. 220 – 221.
- 58 Цит. по: Бобков М.Ю. Очерки истории пенитенциарных учреждений в Амурской области (1923 – 1941 гг.). Кн. 2. Благовещенск, 2006. С. 355 – 356.
- 59 Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Автореф. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. С. 6, 8, 17, 24.
- 60 Бугай Н. 40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 174 – 175; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 62; Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России: учеб. пособие. М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2005. С. 441 – 462.
- 61 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 5, 9, 10, 27, 28, 43.
- 62 Цит. по: Сутурин А.С. Дело краевого масштаба. С. 220.
- 63 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...»... С. 68; История российских немцев... С. 10; Бугай Н. 40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы. С. 174 – 175.
- 64 Сутурин А. Дело краевого масштаба... С. 219.
- 65 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 254.
- 66 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 37, 38.
- 67 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 119; Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах и документах: в 2 ч. Ч.2. (1941–1945). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 123; Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 294 – 295.
- 68 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах... С. 398; Райзман Д.И. Иностранцы – невольники Дальстроя. Магадан: Ноосфера, 2009. С. 52 – 53.
- 69 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 205 – 209.
- 70 Цит. по Сутурин А.С. Дело краевого масштаба... С. 221 – 222.
- 71 Цит. по: Бобков М.Ю. Очерки истории пенитенциарных учреждений... С. 355 – 356.
- 72 Цит. по: Гамерман В. Крестный путь советских немцев // Амурская правда. Благовещенск, 1998. 29 июля. Прил. «Порубежье». С. 3.
- 73 Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Названный народ. М.: Звенья, 1999. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/index.htm> – (дата обращения: 10.04.2004); Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 35.
- 74 Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 32.
- 75 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 4.
- 76 Находится на хранении в ГАПКе как самостоятельный документ.
- 77 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 205 – 208.

- 78 Бугай Н. 40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы. С. 176; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 313.
- 79 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 287, 313.
- 80 Спецпереселенцы в СССР в 1944 г. или год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 110; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 257. Л. 13, 45, 88, 115.
- 81 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...»... С. 279.
- 82 Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М.: МФД : Материк, 2005. С. 203.
- 83 Еланцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская гавань (1930–40-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. С. 55 – 56.
- 84 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 111; Д. 135. Л. 84.
- 85 Там же. Д. 135. Л. 84, 84об.
- 86 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 110. Л. 56 – 59, 64, 72.
- 87 Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...» С. 73 – 74.
- 88 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 269.
- 89 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 22, 23.
- 90 Бугай Н. 40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы. С. 175; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 268.
- 91 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 110. Л. 32, 33, 56 – 59, 154.
- 92 Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 6. Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск: Приамурье, 2008. С. 375.
- 93 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 111. Л. 111.
- 94 Там же. Д. 135. Л. 198 – 199.
- 95 Там же. Л. 151.
- 96 Там же. Л. 115.
- 97 Там же. Д. 110. Л. 57.
- 98 Там же. Д. 135. Л. 117 – 119.
- 99 Там же. Д. 110. Л. 244.
- 100 Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 143.
- 101 Еланцева О.П. Строительство № 500... С. 56 – 60; Ткачёва Г.А. Принудительный труд... С. 137.
- 102 Подсчитано по нашим суммарным данным и по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 115.

Глава 5

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЭТАП ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1945—1950-Е ГГ.)

Вопреки надеждам народа на либерализацию политического режима масштабы принудительных миграций после окончания Второй мировой войны не только не уменьшились, но и значительно возросли. Их жертвами стали репатрианты разных категорий, бывшие военнопленные, участники вражеских военных формирований, «наказанные» народы. Основной поток этнических депортантов шёл из Западной Украины, Прибалтики, Правобережной Молдавии, с Северного Кавказа. Лишь одна группа спецпоселенцев довоенного «набора» — «бывшие кулаки» — была окончательно освобождена.

5.1. Окончание «кулацкой ссылки»

На Дальнем Востоке к окончанию войны единственную группу спецпоселенцев представляли «бывшие кулаки». Как и по всей стране, её численность быстро сокращалась. В апреле 1945 г. их насчитывалось 19 558 чел., в том числе в Хабаровском крае (вместе с Амурской областью) — 19 063, в Приморском крае — 495 (см. разд. 4.1.), в апреле 1947 г. соответственно — 15 057, 14 618* и 439, в январе 1948 г. — 12 906 (без Приморского края)¹. В 1949 г. в Хабаровском крае и Амурской области 67% из них составляли русские, 18% украинцы, 8,7% белорусы, 3,5% татары (см. табл. 20.).

В докладной записке начальника УНКВД по Хабаровскому краю И. Долгих от 30 июля 1945 г. сообщалось, что значительная часть этой категории населения в связи с победой Красной Армии над гитлеровской Германией была настроена патриотически и надеялась на улучшение своей участи. Распространялись слухи, что «бывших кулаков» освободят из спецпосёлков и разрешат выехать на родину. Но были также и пессимистические (по оцен-

* На 1 января 1947 г. в Хабаровском крае проживало 14 694 спецпоселенца контингента «бывшие кулаки» (4 862 семьи, 3 656 муж., 4412 жён., 6 626 детей до 12 лет), из них в Амурской области — 2 877 чел., Нижне-Амурской области — 7 740 чел., районах краевого подчинения — 4 077. В Сахалинской области их не было. См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 323. Л. 252 — 258. Подробные сведения по спецпоселкам см. в прил. 1.

ке НКВД — «враждебные») высказывания, которые сводились к тому, что жизнь спецпоселенцев не улучшится и даже, наоборот, ухудшится, выражалось сожаление по поводу поражения Германии: «Нас, как мучили, так и будут мучить. Плохо, что немец не смог победить», «Нас будут держать ещё крепче», «Все равно с нас дерут военные налоги и забирают все мясо и молоко», «Скоро начнутся пятилетки, и задушат народ окончательно». Всех, кто позволял себе негативные суждения, органы НКВД брали в агентурную разработку³.

Таблица 20

**Национальный состав спецпоселенцев «бывших кулаков»
в Хабаровском крае и Амурской области на март 1949 г. (чел.)²**

	Хабаровский край	Амурская область	Всего
Русские	2 978	556	3 534
Украинцы	632	314	946
Белорусы	380	78	458
Татары	189	—	189
Мордвины	67	1	68
Поляки	15	14	29
Молдаване	11	—	11
Латыши	8	—	8
Эстонцы	3	—	3
Марийцы	3	—	3
Евреи	2	—	2
Узбеки	1	—	1
Казахи	1	—	1
Коми	1	—	1
Всего	4 291	963	5 254

Примечание: в Приморском крае к этому времени все спецпоселенцы данной категории были освобождены (см. ниже).

После окончания войны процесс освобождения «бывших кулаков» подошел к завершению, в данном случае «оптимисты» оказались правы (см. прил. 5). В 1947—1950 гг. серию соответствующих постановлений по ходатайствам областных и краевых исполкомов, поддержанных Министерством внутренних дел, принял Совет Министров СССР: в Приморском крае с учёта спецпоселений были сняты оставшиеся 435 чел. (постановление СМ СССР № 3375—1101сс от 29 сентября 1947 г., приказ МВД СССР об отмене режима № 001044 от 7 октября 1947 г.), в Хабаровском крае — 5 407 чел. (постановление СМ № 1603—626сс от 25 апреля 1950 г., приказ МВД № 00280 от 3

мая 1950 г.), в Амурской области — 1 451 чел. (постановление СМ № 5013—2178сс от 22 декабря 1950 г., приказ МВД № 00645 от 27 декабря 1950 г.)⁴.

В результате «кулацкая ссылка» на Дальнем Востоке прекратила своё существование, но на смену этой категории спецпоселенцев прибыли новые и к тому же более многочисленные. С ликвидацией военной угрозы со стороны Японии голод на рабочие руки в регионе во все большей степени стал утоляться за счёт принудительных мигрантов.

5.2. Спецконтингент, «власовцы»

Самую большую группу принудительных мигрантов послевоенного периода составили репатрианты — возвращенные из-за границы советские граждане, которые оказались там по разным причинам (те, кто сознательно сотрудничал с врагом, военнопленные, угнанные фашистами гражданские лица и др.). В СССР они сначала проходили проверку во фронтовых и армейских лагерях и в сборно-пересыльных пунктах НКВД, проверочно-фильтрационных пунктах НКВД, запасных воинских частях. Репатриантов из числа гражданских лиц после регистрации и проверки направляли к месту постоянного жительства с запретом поселяться в Москве, Ленинграде и Киеве, а мужчин призывного возраста — в запасные армейские части.

Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрение» для более тщательной проверки переводились в проверочно-фильтрационные лагеря и исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа НКВД, в документах того времени их обозначили как «спецконтингент НКВД». Из бывших советских военнопленных в эту группу попадали, как правило, офицеры, в то время как рядовой и сержантский состав направлялся в армейские и фронтовые запасные части. В состав спецконтингента зачисляли также военнопленных и гражданских лиц, служивших рядовыми в немецкой армии, армии Власова, национальных легионах, полиции, и т.п. мелких коллаборационистов. Многие в результате спецпроверки были приговорены военными трибуналами к заключению в ИТЛ как предатели родины или военные преступники, но основная масса в качестве постоянной рабочей силы передавалась предприятиям ГУЛАГа. Согласно современным исследованиям в целом по стране внутренних перемещенных лиц (то есть перемещенных внутри СССР с оккупированных территорий) насчитывалось 1 153,5 тыс. чел., из них в распоряжение НКВД в качестве спецконтингента попало 5,8%, «классических» репатриантов (прибывших из-за границы) соответственно — 2 427,9 тыс. и 6,5%, кроме того, 14,5% «классических» было направлено в рабочие батальоны НКВД⁵.

Служба в рабочих батальонах представляла собой один из видов принудительного труда в рамках военных подразделений, которые использовались на производстве главным образом в добывающих отраслях и строительстве⁶.

На Дальний Восток репатриантов стали направлять в 1945 г. Полные сведения о них, к сожалению, выявить не удалось. По данным Л.А. Крушановой, в июле тысяча бывших военнопленных в составе рабочих батальонов прибыла на сахалинские предприятия «Дальнефти», в октябре 1377 чел. завезли в Камчатскую область из Норвегии (из них 738 чел. — на предприятия рыбной промышленности Петропавловска-Камчатского, остальных — на лесозаготовки), в торговый порт Владивостока направили 229 чел. Возвращение из рабочих батальонов к месту жительства должно было проходить на основании общей демобилизации из армии в соответствии с возрастом, однако нередко репатриантов задерживали на предприятиях на более длительный срок, как это произошло в 1948 г. с батальоном, работавшим в порту Владивостока. Возмущенные служащие писали жалобы в высшие инстанции и требовали отправить их к семьям. В Козыревском леспромхозе на Камчатке после объявления приказа о прикреплении репатриантов в качестве постоянной рабочей силы 2—3 апреля 1946 г. почти 200 чел. не вышли на работу, выражая свой протест. Они требовали также погасить задолженность по зарплате, образовавшуюся за несколько месяцев, и демобилизовать их как военнослужащих. Аналогичная ситуация сложилась и на Петропавловской судовой верфи⁷.

Однако часть спецконтингента (служившие в строевых формированиях немецкой армии, легионеры и полицейские) в соответствии с постановлениями ГОКО № 9871с от 18 августа 1945 г. и СНК СССР № 3141—950сс от 21 декабря 1945 г. переводилась на 6-летнее спецпоселение с закреплением на тех предприятиях, где они работали⁸. С 1946 г. по учёту Отдела спецпоселений МВД СССР весь этот контингент условно стал называться «власовцами»*. Директива МВД СССР №97 от 20 апреля 1946 г. требовала, чтобы лицам этой категории объясняли, что «за измену Родине они должны нести более суровое наказание, но в связи с победой над Германией советское правительство по отношению к ним сделало снисхождение, ограничившись переводом их на спецпоселение». Членам их семей разрешался переезд к месту поселения, при этом гарантировалось, что они будут пользоваться всеми правами граждан СССР и обеспечиваться жилплощадью⁹. Но, как показали последующие события, немногие семьи отважились воспользоваться этим разрешением и переехать в самые неблагоприятные районы проживания. К тому же многие

* На местном уровне название «власовцы» не сразу вошло в обиход. Нередко в документах эта группа обозначалась как «спецконтингент» или «репатриированные». Руководство ОСП МВД СССР в таких случаях указывало на ошибку. Например, зам. начальника ОСП МВД СССР подполковник Остапов в записке начальнику ОСП УВД по Хабаровскому краю майору Гершину от 25 февраля 1947 г. обращал внимание на то, что в документах вместо термина «спецпереселенцы репатриированные» следует писать «спецпереселенцы – власовцы». См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 323. Л. 259.

репатрианты — молодые военнослужащие, побывавшие в плену, — были холостяками.

По распоряжению министра внутренних дел Круглова от 21 апреля 1946 г. в Сахалинской области на нефтепромыслах в г. Охе и угольных копях в районе г. Александровска закреплялось 957 репатриантов*, в Амурской области на Райчихинских углеразработках — 1 505. Остальных «власовцев» из Хабаровского края следовало отправить на Колыму для работы в Дальстрое. Исключение было сделано только для латышей, литовцев и эстонцев, которые подлежали возвращению в свои республики¹⁰ (подробнее — см. ниже.).

С прибытием «власовцев» спецпоселенцы впервые появились на Сахалине и в Дальстрое. Историк В.В. Щеглов считает, что основанием для заезда спецпоселенцев в Сахалинскую область стало Постановление СМ СССР № 1434—630сс от 29 июня 1946 г. о привлечении для работы в нефтяной промышленности в восточных районах страны СССР «спецконтингента» репатриированных советских граждан, служивших в немецких подразделениях во время Великой Отечественной войны¹¹. Однако наши материалы показывают, что ко времени принятия упомянутого В.В. Щегловым постановления «власовцы» уже находились на острове, и данный документ лишь формально подтвердил этот факт.

Хотя репатриантов закрепляли на тех предприятиях, куда они были направлены в составе рабочих батальонов, однако та часть, которая переводилась на спецпоселение, должна была находиться в районе действия спецкомендатур, что во многих случаях требовало переброски работников в другие места. На Дальнем Востоке режим спецпоселений не могли обеспечить рыбодобывающие предприятия. Угроза потери рабочей силы вызвала ропот у руководства отраслью, о чём свидетельствует письмо министра рыбной промышленности восточных районов СССР Захарова от 20 июля 1946 г. на имя зам. министра МВД СССР Чернышова: «...Нами получено сообщение, что Ваши местные органы намечают изъятие этих рабочих (*бывших военнопленных, работавших в составе рабочих батальонов.* — Е.Ч.), что может привести к полному срыву плана добычи рыбы, обработки, отгрузки рыбопродукции. Поскольку этих рабочих мы получили по специальному решению правительства для работы на Дальнем Востоке, прошу Вашего телеграфного указания о запрещении изымать этих рабочих с предприятий рыбной промышленности Дальнего Востока». Однако в ответе В. Чернышова от 15 августа 1946 г. объяснялась невозможность выполнения такой просьбы¹².

* Согласно данным Сахалинского УНКВД, на 15 апреля 1946 г. всего на предприятиях области работало 1 058 репатриантов, подлежащих отправке в спецсылку, в том числе «власовцев» — 122, легионеров — 317, служивших в немецкой армии — 598, полицейских и предателей — 21. См.: СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 278. Л. 61.

В похожей ситуации оказались и предприятия треста «Сахалиннефть», где репатриантов по указанию Хабаровского УМВД требовалось перевести с основных работ (добыча нефти, бурение, механические мастерские, автотранспорт) на подсобные и дорожные работы в том же тресте, что заставило зам. министра нефтяной промышленности восточных районов СССР И. Карягина обратиться с письмом от 8 июня 1946 г. к заместителю министра внутренних дел СССР Рясному, в котором он просил, «...учитывая, что в настоящее время не представляется возможным заменить репатриированных другими рабочими, разрешить оставить до 1 января 1947 г. всех репатриированных на прежних участках работы...» Карягин сообщал также, что к концу 1946 г. на Сахалине ожидается прибытие вербованных рабочих, которыми можно будет заменить репатриантов. В отличие от рыбаков просьбу нефтяников МВД СССР удовлетворило¹³.

На Дальнем Востоке наибольшее число репатриантов* было направлено в Дальстрой. Первую партию завезли из проверочно-фильтрационных лагерей Ленинградского фронта в июле 1945 г. в количестве 4 931 чел., в декабре спецконтингент на Колыме насчитывал 29036 чел., составивших основное пополнение** рабочей силы Дальстроя за год¹⁴.

Приказом начальника Дальстроя Никишова № 0056 от 4 сентября 1945 г. (в соответствии с постановлениями СНК СССР от 8 января 1945 г. и ГОКО от 1 августа 1945 г.) первые прибывшие на Колыму 4,9 тыс. репатриантов были переведены на положение спецпереселенцев. Во всех отношениях они подчинялись начальникам приисков и других предприятий ДС и только с их разрешения могли переводиться с одного предприятия на другое. Начальники предприятий о перемещении спецпереселенцев должны были ставить в известность соответствующих начальников РО НКВД, давая им списки перемещенных. Спецпереселенцам запрещалось отлучаться без разрешения начальника прииска за пределы района расселения, нарушение этого условия рассматривалось как побег с привлечением виновных к уголовной ответственности. За нарушение трудовой дисциплины они отвечали по существовавшим законам. На спецконтингент распространялись действовавшие для вольнонаемного персонала ДС продолжительность рабочего времени (10 час.), ставки и системы зарплаты, нормы продовольственного и промтоварного снабжения¹⁵.

В дальнейшем перевод репатриантов на спецпоселение осуществлялся постепенно, о чём свидетельствует отчёт о движении рабочей силы ДС по основной деятельности и капитальному строительству за 1946 г.: если в

* В этот контингент не входили репатрианты немцы («фольксдойче»), о них см. разд. 5.3.1.

** Для сравнения: среди других прибывших были 15,9 тыс. заключённых, 4 тыс. военнопленных японцев и 2 тыс. девушек комсомолок, приехавших по мобилизации ЦК ВЛКСМ, в то же время выехало «на материк» 11,9 тыс. заключённых и вольнонаёмных.

январе в составе работников насчитывалось 25 911 чел. спецконтингента и 4 599 спецпоселенцев, то в июне соответственно — 12 361 и 13 112, в декабре — 1 796 и 24 680 чел.¹⁶ Всего за год из 48 190 работников, принятых и трудоустроенных на предприятиях и в управлениях ДС (кроме заключённых), 27 198 чел. составляли спецпоселенцы, 6 233 — спецконтингент, переданный для работы в качестве вольнонаёмных, и 14 759 — освобождённые из лагерей после отбытия наказания. Уволилось и выехало с Колымы за тот же срок 22 350 чел. вольнонаёмного состава из числа бывших заключённых¹⁷.

А.М. Зелёный, работавший в то время в ДС на прииске «Джелгала», был свидетелем того, как на Колыму завезли бывших советских военнопленных, которыми заменяли выбывавшую рабочую силу. До разбора и оформления личных дел репатрианты работали на прииске, затем одних отправили на спецпоселение, других осудили на лагерные сроки¹⁸.

Прибытие «власовцев» позволило предприятиям Дальстроя реорганизовать рабочую силу, занятую на основном производстве. Часть заключённых перебрасывали в труднодоступные районы Тенькинского и Индигирского ГПУ, на их место трудоустраивали спецпереселенцев, которых определили на следующие производственные участки: Северное ГПУ — прииски «Штурмовой», «Туманный», «Джелгала», «Бурхала», «Пятилетка», «Спокойный», золоторудный комбинат Утинский; Чай-Урьинское ГПУ — прииск «Комсомолец»; Тенькинское ГПУ — прииски «Гвардеец», им. Гастелло, фабрика «Берия», рудник «Матросова»; Индигирское ГПУ — прииск «Победа»; Западное ГПУ — прииски «Челбанья», им. Фрунзе¹⁹. В 1946 г. соответственно размещению спецпереселенцев для надзора и контроля над ними на Колыме была создана сеть из 24 спецкомендатур НКВД (см. прил. 2)²⁰.

В последующие годы прибытие «власовцев» в Дальстрой почти прекратилось, а часть их стали отправлять обратно, на «материк». Например, в 1948 г. из Нагаево вывезли 794 репатрианта²¹. Состав спецпоселенцев стал пополняться другими группами, но в значительно меньших количествах (см. разд. 5.3.), поэтому среди спецпоселенцев Колымы репатрианты до 1952 г. (года их массового освобождения) продолжали оставаться в большинстве (по нашим подсчётам, 88—90%). Они работали наряду с заключёнными на всех предприятиях Дальстроя, главным образом на приисках и в геологоразведке. Кроме того, их охотно брали в военизированную охрану. Например, в начале 1950 г. среди 9,9 тыс. «вохровцев» было 889 репатриантов и спецпоселенцев, 840 солдат срочной службы, 6 707 договорников, 1 443 бывших заключённых²². До 1953 г. спецпоселенцы занимали стабильную нишу в составе рабочей силы предприятий Дальстроя — около 11—15% (для сравнения: заключённые — 43—54%)²³.

Кроме Колымы «власовцы» попали также и во многие другие районы Дальнего Востока. На строительстве железной дороги Комсомольск — Советская Гавань (стройка № 500) в начале 1946 г. работали 12 821 чел. спецконтингента²⁴. На учёт Отдела спецпоселений УМВД Хабаровского края в конце июня 1946 г. были приняты 2 963 чел., а в сентябре — октябре —

ещё 1 233 чел., всего — 4 234 чел. Их разместили в Нижне-Амурской, Сахалинской, Амурской областях и районах краевого подчинения (см. прил. 3), передав для трудового устройства предприятиям золотодобывающей, нефтяной, угольной, лесной промышленности, в том числе: в Приморзолото — 1 000 чел., Райчихуголь — 1 470, Сахалинуголь — 599, Сахалиннефть — 621, Хабаровсклес — 311, ХОЗО УМВД г. Хабаровска — 75, ХОЗО УМВД г. Благовещенска — 72 чел.²⁵ В тресте Амурзолото среди вновь прибывших работников в 1946 г. спецконтингент составил 32% (874 чел.), в 1947 г. — 45,3% (1 264 чел.)²⁶.

В Приморском крае «власовцев» перевели в статус спецпоселенцев после фильтрации в ПФЛ в феврале — марте 1947 г. на основании приказа министра Круглова № 995 от 12 февраля того же года. К началу апреля в спецкомендатурах городов Артема, Сучана, Ворошилова, Владивостока, Советской Гавани*, с. Тернея состояло 3 827 чел. (подробнее см. прил. 3) Большинство работало на угледобыче²⁷. В 1947 г. 187 «власовцев» перевели из Приморского края на запад страны в трест Сталинскпромстрой, куда рабочую силу собирали «по крохам» из разных регионов в рамках выполнения постановления СМ СССР № 2502 от 14 мая 1947 г.²⁸

Характерной демографической особенностью этой группы спецпоселенцев являлось почти полное отсутствие среди них женщин. Например, в начале 1952 г. из 36,9 тыс. «власовцев», находившихся на Дальнем Востоке, было только 45 женщин: по две в Приморском и Хабаровском краях, 15 — в Амурской области, 26 — в Дальстрое²⁹.

Этнический состав контингента «власовцы» был весьма пестрым, о чём свидетельствуют материалы переписи спецпоселенцев, проведённой в Дальстрое 10 марта — 4 апреля 1949 г. Из 25 040 чел., прошедших перепись, было: русских — 14 608, украинцев — 5 418, белорусов — 1 269, узбеков — 588, казахов — 452, татар — 427, азербайджанцев — 383, грузин — 335, армян — 258, кабардинцев — 154, поляков — 105, чувашей — 101 и ещё 53 более мелкие группы (менее 100 чел. в каждой). Почти все «власовцы» являлись гражданами СССР, однако в эту группу попали и 43 чел., имевших иное гражданство, в том числе Польши — 28, Румынии — 11, Венгрии и Югославии — по одному, вне подданства — два³⁰.

Находившихся ранее в составе спецконтингента прибалтов в 1946—1948 гг. г. отправили на родину. По ходатайству руководства Латвийской ССР Совет Министров СССР 13 апреля 1946 г. принял Постановление № 843—342сс «О возвращении на родину репатриантов — латышей, эстонцев и литовцев», а МВД СССР отдал приказ № 00336 от 19 апреля 1946 г., согласно которым представители этих народов не подлежали отправке на спецпоселение, а должны были быть возвращены в свои республики³¹.

* В то время Советская Гавань входила в территориально-административные рамки Приморского края.

Таблица 21

**Отправление репатриантов-прибалтов на родину из ПФЛ и ИТЛ
Дальнего Востока на 20 января 1947 г. (чел.)³³**

	Хабаров- ский край	Дальстрой*	Примор- ский край	Всего
Всего выявлено, в т.ч.	4 798	1 232	260	6 290
Эстонцы	799	44	2	845
Латыши	3 555	1 091	250	4 896
Литовцы	444	97	8	549
Отправлено домой, в т.ч.	2 053	192	183	2 428
Эстонцы	22	3	1	26
Латыши	1 770	179	179	2 128
Литовцы	261	10	3	274
Подлежали направлению на комбинат № 7 МВД, в т.ч.	1 014	381	77	1 472
Эстонцы	7	22	1	30
Латыши	924	323	71	1 318
Литовцы	83	36	5	124
Направлено на комбинат № 7, в т.ч.	964	70	77	1 111
Эстонцы	6	5	1	12
Латыши	883	62	71	1 016
Литовцы	75	3	5	83

Примечание: данные по Дальстрою на 1 января 1947 г.

Всего по стране к 1 мая 1946 г. в ПФЛ и ИТЛ МВД, рабочих батальонах и на спецпоселении было выявлено 39,5 тыс. чел., в том числе эстонцев — 4 153, латышей — 30 323, литовцев — 5 052. Директивой МВД СССР № 153 от 11 июня того же года начальникам лагерей МВД предлагалось к 1 августа оформить их освобождение, при этом лиц непризывных возрастов требовалось отправлять на родину к семьям не позднее 1 декабря 1946 г., а лиц призывных возрастов (1922—1927 г.р.) — на стройки в прибалтийские республики по нарядам ГУЛАГа в течение августа — декабря 1946 г. Распоряжением МВД СССР № 224 от 10 сентября 1946 г. для всех прибалтов-репатриантов соответствующего возраста, независимо от национальности, местом работы было определено строительство комбината № 7 МВД СССР на ст. Нарва Эстонской железной дороги. К началу следующего года из общего числа выявленных в составе спецконтингента 41,6 тыс. прибалтов по месту назначения отправили 38,2 тыс. чел.³²

На Дальнем Востоке было выявлено 6 290 репатриантов — прибалтов, большей частью латышей (см. табл. 21). Из них 76% находились в Хабаровском крае, 20% — в Дальстрое и 4% — в Приморском крае. К концу 1946 г. лишь из Приморского края были вывезены все лица данной категории, которые до этого работали во Владивостокской конторе строительства № 500. Однако в Хабаровском крае к началу 1947 г. оставалось ещё 1 781, а в Дальстрое — 970 чел. Позже (19 апреля 1947 г.) начальник УМВД по ДС Окунев сообщал, что в течение навигации 1946 г. было отправлено 906, а оставалось на Колыме 320 чел. Руководители предприятий старались задержать у себя работников до конца отведенного директивами срока, т.е. до конца года (что было характерно и для других регионов страны), а к тому времени из многих районов вывезти людей стало невозможно из-за окончания навигации. Руководители УМВД обещали отправить оставшихся из Хабаровского края в январе 1947 г. после прокладки ледовой железной дороги через р. Амур, а из Дальстроя — пароходами с началом морской навигации в апреле — мае. Но и в мае в Хабаровском крае оставалось 94 чел., а в Дальстрое — 322. Только 11 июня и 15 июля пароходами «Джурма» и «Красногвардеец» с Колымы выехало 214 репатриантов прибалтов. На 1 августа 1947 г. по всей стране не отправленными на родину оставались один чел. из Казахской ССР и 107 чел. из Дальстроя по причине задержки их предприятиями. Лишь после нажима из Москвы начальник ДС Никишов дал указание об увольнении этих 107 чел. весной 1948 г.³⁴

Вывоз прибалтов не повлиял на то, что «власовцы» стали самой многочисленной категорией спецпереселенцев на Дальнем Востоке. Основная их часть была размещена в Дальстрое, меньшие партии — во всех других краях и областях региона кроме Камчатки (см. табл. 22).

Их общую занятость на производстве по территориям характеризуют следующие сведения на 10 ноября 1948 г. **Приморский край:** трест Артемуголь — 1 094 чел., Ворошиловское, Липовское и Тавричанское шахтоуправления — 621, трест Сучануголь — 831, система МВД — 240, предприятия легкой промышленности — 7, всего — 2 793 чел. **Хабаровский край:** трест Райчихуголь — 1206, трест Хабаровсколес — 495, тресты Приморзолото и Амурзолото — 2 351, ХОЗО УМВД и УМГБ — 169, всего — 4 221 чел. **Сахалинская область:** предприятия угольной промышленности — 606, нефтяной промышленности — 574, всего — 1 180 чел. **Дальстрой:** 28,4 тыс. чел. (на конец года)³⁶.

Отношение к «власовцам» на производстве было неоднозначным. Руководители предприятий, чрезвычайно заинтересованные в получении рабочей силы, вместе с тем были недовольны её качеством. В отчётах треста Амурзолото за 1946 и 1947 гг. отмечалось, что в течение длительного времени репатрианты не могли полноценно работать, «...так как, с одной стороны, физически были до известной степени ослаблены и требовали поправки, и, с другой стороны, не будучи знакомы с процессами производства, а в некото-

рых случаях совершенно не приспособлены к физическому труду, очень долго осваивали трудовые процессы. (...) Почти все нарушения трудовой дисциплины относятся на счёт неосознанности и недисциплинированности спецконтингента. Среди них наблюдаются отказы от работы, грубость, невыполнение распоряжений, хулиганство и кражи (...). По подготовке кадров план не выполнен, объясняется это тем, что основная масса вновь прибывших рабочих — спецконтингент — очень слабо поддающийся обучению...»³⁷

Таблица 22

Динамика численности спецпоселенцев «власовцев» на Дальнем Востоке в 1946 — 1953 гг. (чел.)³⁵

	Дальстрой	Хабаровский край	Амурская область	Сахалинская область	Приморский край	Всего
01.01.46	29 036	—	—	—	—	29 036
01.04.47	29 192	1 891	1 598	1 220	3 827	37 728
01.01.48	28 682	4 323*	—	1 220	3 196	37 421
01.01.49	28 366	2 692	3 185	1 218	3 448	39 137
01.07.50	25 198	3 209	3 416	1 092	3 470	36 375
01.01.52	24 569	4 464	3 405	1 060	3 448	36 946
01.01.53	3 068	1 396	1 308	325	1 117	7 214

Примечание: * включая Амурскую область

Во многом в поведении репатриантов, приобретавшем порой криминальные формы, выражался протест против политики принудительности по отношению к ним. В Оборском леспромхозе в 1946 г. рабочий батальон в составе 984 рядовых и 10 офицеров, прибывший туда в октябре 1945 г., был переведен на положение постоянных рабочих. В ответ на это они потребовали немедленной отправки домой. Получив отказ, 154 чел. бежали, а многие из оставшихся перестали выходить на работу, занялись сбором и торговлей орехами. Они вели себя вызывающе, сбивались в криминальные группы, угрожали руководству леспромхоза, избili несколько человек, а одного убили³⁸.

В Дальстрое на криминализации спецпоселенцев негативно сказывалась плохая изоляция их и других вольнонаёмных работников от заключённых, что, как отмечалось в одном из документов МВД, приводило к «... многочисленным фактам преступных связей, (...) росту бандпровавлений, грабежей, хищений золота и товарно-материальных ценностей»³⁹.

Со своей стороны «вольное население» отвечало «власовцам» неприязнью. На шахтах Приморского края некоторые работники открыто назы-

вали их изменниками, предателями, фашистами, отправляли в органы власти жалобы на то, что репатриантов выдвигают на руководящую работу, а кадровых рабочих — нет. Один из «власовцев» был арестован в результате доноса⁴⁰. По указанию местных партийных органов администрация шахтоуправления Приморскуголь сняла свыше 100 спецпоселенцев с должностей горных мастеров, механиков и бригадиров⁴¹. Все это вызывало с обеих сторон чувство озлобленности, создавало напряжённую психологическую атмосферу.

По моральным характеристикам репатрианты, как и любая социальная группа, представляли собой пеструю массу. Общей судьбой этих людей стало пребывание во время войны на вражеской территории, что накладывало свой отпечаток как на них самих, так и на отношение к ним окружающих. Тем не менее перевод на спецпоселение после прохождения фильтрации означал отсутствие выявленных доказательств причастности к преступлениям. Большинство бывших военнопленных и мелких коллаборационистов оказались таковыми под давлением неумолимых обстоятельств военного времени.

Одна из характерных судеб «власовцев» представлена в материалах личного дела И.Ф.*, находившегося на спецпоселении в Приморском крае. Это уроженец Пензенской области. В 1941 г. после окончания школы работал в колхозе учетчиком, в 1942 г. призван в армию, участвовал в боях, получил звание младшего сержанта и документы на получение медали «За оборону Сталинграда». В июле 1943 г., попав вместе с частью в окружение, был контужен и взят в плен. Прошёл через немецкие лагеря военнопленных в Белгороде, Харькове, Крюкове. В ноябре 1943 г. его отправили во Францию, где включили солдатом в немецкий саперный батальон, занятый на оборонных работах, русских там было человек 20, остальные — немцы. В августе 1944 г. был освобожден из плена союзными войсками и через Италию и Египет репатриирован в СССР в марте 1945 г. Из Одессы направлен в Белоруссию в запасную стрелковую дивизию, где в течение трёх месяцев обучался военному делу. В августе 1945 г. вместе со своей ротой прибыл в г. Артем Приморского края, а в марте 1946 г. переведен на спецпоселение. Работал на шахте. Освобожден по истечении 6-летнего срока в марте 1952 г. с запретом проживать в режимных местностях, предусмотренных ст. 39 положения о паспортах⁴².

Вместе с тем в число спецпоселенцев удалось «просочиться» и некоторым лицам, совершившим во время войны уголовно наказуемые преступления. На выявление таковых была направлена агентурно-оперативная работа. В январе — октябре 1947 г. органы МВД по всей стране арестовали и привлекли к уголовной ответственности 1 707 спецпоселенцев-«власовцев», в т.ч. агентов иностранных разведок — 27, активных немецких пособников, предателей и изменников Родины — 369, уголовных преступников — 1 135 чел. (из них за бандитизм — 63, вооруженный грабеж — 19).

* Имя зашифровано в связи с законом о сохранении личной тайны.

Реконструкция ул. Первого Мая (совр. ул. Петра Великого) во Владивостоке. 1950 г. Автор: Потапов Н.А. // ПГОМ. МПК 272—26. Ф. 24693

Железнодорожный вокзал г. Ворошилова (совр. г. Уссурийск, Приморский край). 1955 г. // ГАПК. Фотоальбом №8. Фото 2.

Шахтёрский посёлок в г. Ворошилове. 1955 г. // ГАПК. Фотоальбом №8. Фото 41

Дворец культуры горняков в г. Ворошилове.
1955 г. // ГАПК. Фотоальбом №8. Фото 29

Общий вид г. Сучана (совр. г. Партизанск, Приморский край).
1952 г. // ГАПК. П-3351

г. Сучан, шахта №24, введена в действие в 1944 г.
// ГАПК. Фотоальбом №3. Фото 20

Пос. Липовцы Приморского края. 1945 г. // ГАПК. П-2498 а

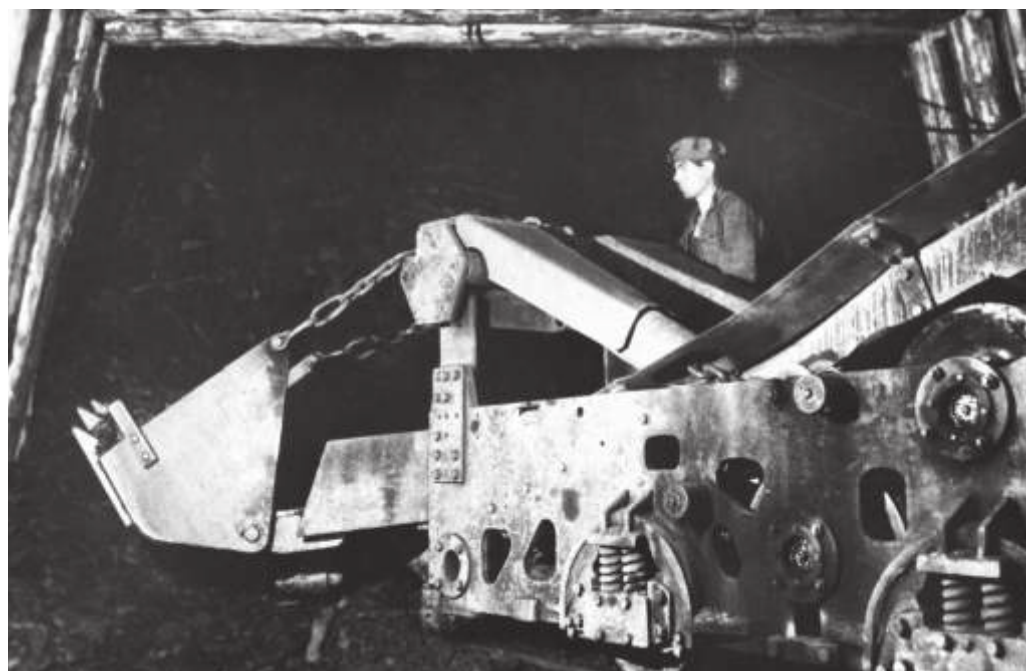
Старые корейские фанзы в пос. Липовцах.
1950-е гг. // ГАПК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 7. Л. 11

Комната в общежитии шахтёров на ул. Лермонтова в г. Артеме
Приморского края. 1948 г. // ГАПК. П-1444 и

Столовая горняков №13 шахты 3-ц в г. Артеме. 1948 г. // ГАПК. П-1444 о

В забое шахты 3-ц треста «Артемуголь». Приморский край, г. Артем. 1953 г.
Автор: Ткаченко М.Г. // ПГОМ. МПК 2369—8. Ф 12951

На Дальнем Востоке в 1947 г. за предательство и пособничество немецким оккупантам было арестовано 142 спецпоселенца. В Дальстрое в их числе оказались А.В. Сорокин, И.В. Федоров, В.П. Дерибас. Сорокин в 1942 г. из Красной Армии добровольно перешел на сторону немецких войск, поступил в Ровеньковскую окружную жандармерию Ворошиловградской области. Во время допросов жестоко избивал содержавшихся в Ровеньковской тюрьме арестованных руководителей и членов Краснодонской подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия» — О. Кошевого, Л. Шевцову, Субботина и др. Неоднократно принимал участие в расстрелах партийно-советского актива. На спецпоселении вел антисоветскую пропаганду.

Дерибас также, будучи красноармейцем, добровольно с оружием перешел к немцам, стал заместителем начальника районной немецкой полиции в Ставропольском крае, составлял списки коммунистов, партизан и советских патриотов, лично проводил аресты и участвовал в расстрелах.

Федоров служил в Красной Армии командиром взвода, в августе 1941 г. попал в плен. Добровольно поступил в школу пропагандистов «Российской освободительной армии», по окончании которой получил звание лейтенанта немецкой армии и был направлен в Норвегию в лагеря для советских военнопленных, где проводил антисоветскую агитацию и занимался вербовкой военнопленных в армию Власова. Военным Трибуналом войск УМВД по Дальстрою Сорокин и Дерибас были приговорены к расстрелу, Федоров — к 10 годам лишения свободы.

В Хабаровском крае был арестован спецпоселенец В.Н. Коваленко. Проживая на оккупированной территории в Полтавской области, он добровольно поступил в немецкую полицию, был активным участником карательных экспедиций. В марте 1943 г. вместе с другими полицейскими принимал участие в зверской расправе над жителями д. Озыряне Варванского района Черниговской области, где 300 чел. были заперты в сарай и расстреляны из пулеметов. После расстрела вся деревня Озыряне была сожжена. Военным Трибуналом войск МВД по Хабаровскому краю Коваленко приговорён к 25 годам каторжных работ⁴³.

Часть преступников этой категории не получила официального оправдания и по сей день. Так, в Магаданской области по состоянию на 2009 г. отделом спецфондов и реабилитации ИЦ УВД* было отказано в реабилитации 419 гражданам, из них 353 «власовцам»⁴⁴.

* Отдел по реабилитации жертв политических репрессий в структуре УВД Магаданской области с некоторыми организационными преобразованиями работает с 1992 г. по настоящее время. По состоянию на 2004 г. им было реабилитировано 3 696 чел., в том числе «власовцев» — 1 239, ссыльнопоселенцев — 1 127, по национальному признаку — 424, детей — 796, отказано в реабилитации 379 гражданам. См.: Дубленич Б.Н. Осуществление реабилитации незаконно репрессированных на территории Магаданской области // III Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской области. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 185.

По истечении 6-летнего срока «власовцев» стали снимать с учёта спецпоселений на основании приказа МГБ СССР № 00776 от 24 октября 1951 г. Освобождённым запрещалось проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, погранзонах и других режимных местностях, а также в Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР, западных областях Украинской и Белорусской ССР.

Однако не все смогли сразу покинуть места неволи. Работники золотодобывающей, нефтяной и угольной промышленности на основании Постановления СМ СССР №1206—394сс от 5 марта 1952 г. после освобождения закреплялись за предприятиями министерств внутренних дел, угольной и нефтяной промышленности в качестве вольнонаёмных рабочих и служащих сроком на три года. В частности, 4 889 чел. в 1952 г. были таким образом закреплены в угольной промышленности Приморского, Хабаровского краёв, Сахалинской, Читинской областей и 471 чел. — в нефтяной промышленности Сахалинской области. Кроме того, на «вечное» спецпоселение переводились лица, чьи семьи попадали под это наказание (депортированные народы, бандпособники из Прибалтийских республик, западных областей УССР и БССР). К концу 1952 г. на учёте спецпоселений по контингенту «власовцы» оставались лишь те, у кого не истекли 6 лет спецсылки, в том числе лица, находившиеся в местах лишения свободы, поскольку срок заключения не засчитывался в срок спецпоселения⁴⁵ (см. табл. 23). По данным В.В. Щеглова, из Сахалинской области на материк выехали почти все освободившиеся, за исключением небольшой части, которая осталась в северных районах на постоянное проживание⁴⁶.

Таблица 23

Численность спецпоселенцев-«власовцев» на Дальнем Востоке на 1 января 1953 г. (чел.)⁴⁷

	В наличии	В местах л/св	В розыске	Всего
Дальстрой	2 985	70	13	3 068
Хабаровский край	1 006	365	25	1 396
Амурская область	1 089	217	2	1 308
Приморский край	578	528	11	1 117
Сахалинская область	84	241	—	325
Всего	5 742	1 421	51	7 214

Окончательное освобождение этой группы спецпоселенцев состоялось на основании Указа ПВС СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. »

5.3. Этнические депортанты

5.3.1. Немцы

По окончании войны на Дальнем Востоке в условиях несвободы продолжали пребывать немцы. Дети, старики и инвалиды были сконцентрированы в отдалённых посёлках Хабаровского края, а трудоспособные работали на предприятиях в качестве мобилизованных «трудармейцев». Численность последних в 1945—1946 гг. почти не изменилась и составляла 1,7 — 1,8 тыс. чел. Эта стабильность поддерживалась хотя и небольшой, но постоянной «подпиткой» рабочих колонн новыми рекрутами, которые занимали места выбывших. Например, в течение четвертого квартала 1945 г. с предприятий Хабаровского края убыло 16 мобилизованных немцев, в том числе по состоянию здоровья 3 чел., умерло 5, арестовано 8, а прибыло за тот же срок 85, в том числе освобождённых из мест заключения 79, вновь мобилизованных — 6 чел.⁴⁸

В августе 1946 г. на учёте ОСП Хабаровского края состояло 1 740 чел. этой категории, из них занятых в горнодобывающей промышленности — 1552, на лесозаготовках — 188 чел.⁴⁹ Кроме этого, на строительстве железной дороги Комсомольск — Советская Гавань* в начале 1946 г. трудились 1 015⁵⁰ (по другому источнику — 594⁵¹) мобилизованных немцев, большей частью привезённых из других регионов страны (см. разд. 4.3.). Ещё одна группа с 1942 г. находилась в Дальстрое, в мае 1946 г. она насчитывала 582 чел.⁵² Таким образом, всего на Дальнем Востоке в 1946 г. работало примерно 3 тыс. мобилизованных немцев.

Власти внимательно следили за «морально-политическим состоянием» немецкого населения, используя агентурно-осведомительную сеть. В июле 1945 г. из УНКВД по Хабаровскому краю в НКВД СССР была направлена докладная «О настроениях немцев, мобилизованных в рабочие колонны, в связи с разгромом Германии», в которой сообщалось, что «особо патриотических реакций не учтено». Большинство немцев были озабочены тем, когда их демобилизуют из рабочих колонн, при этом они упоминали начавшуюся демобилизацию старших возрастов из армии и амнистию части заключённых. Как и в случае со спецпоселенцами «бывшими кулаками», спецслужбы зафиксировали полное неверие части немецкого населения в то, что их жизнь изменится к лучшему. Одна из женщин, например, после объявления о Дне Победы представилась больной, ушла в барак и весь день проплакала. Все негативные высказывания оценивались органами НКВД как «исключительно враждебные», среди них были перечислены следующие: «После окончания войны все военнопленные вместе с мобилизованными нем-

* Стройка № 500 находилась в непосредственном подчинении ГУЛАГа (см. разд. 4.3.).

цами будут работать на Советский Союз в течение 50 лет по восстановлению разрушений. Если это будет в самом деле, то к черту их Конституцию. Пишут одно, а на деле делают другое, но американцы не допустят, чтобы над нами, немцами, издевались...»; «Не знаю, радоваться этой победе или нет. (...) Домой все равно не отпустят, мобилизуют и отправят нас на другую работу по восстановлению разрушенных городов, как пленных немцев. А кто же нам восстановит и возвратит наше хозяйство, которое у нас отняли при переселении сюда? Ведь нам это не вернут, но ведь отняли у нас не германцы, а наше советское правительство»; «Ещё не всё — что они победили Германию, скоро Советскому Союзу придет крах. Америка разобьет Японию, и тогда возьмутся за Советский Союз, а сейчас пусть пока они радуются победе, им за эту победу придётся расплачиваться». Люди, позволившие себе такие высказывания, были взяты в агентурную разработку⁵³.

Дальнейшие события показали, что в отличие от «бывших кулаков» немцы не только не получили свободу, но оказались ещё более закабалены. В их положении произошли лишь некоторые изменения. В конце 1945 г. — начале 1946 г. из рабочих колонн демобилизовали и направили к семьям немцев, имевших детей до 12-летнего возраста. В целом по стране было учтено 6 436 таких матерей, в том числе в Хабаровском крае — 79, из них имели по одному ребенку — 34, по два — 30, по три — 15⁵⁴.

С конца 1945 г. мобилизованные немцы переводились на спецпоселение и закреплялись за теми предприятиями, на которых они работали, в том числе в нефтяной, угольной промышленности, на строительстве и др.⁵⁵ В отличие от военного времени им разрешалось вызывать к себе на постоянное жительство членов семей как из мест их поселений, так и работающих в других наркоматах и ведомствах (за исключением лагерей НКВД). Лагеря для мобилизованных закрывались, работников размещали в общежитиях⁵⁶. Директивой МВД СССР от 24 марта 1946 г. ликвидировались все зоны трудармейцев, а сами они переводились на положение спецпереселенцев, тем не менее по учёту проходили как подконтингент «мобилизованные»⁵⁷. Большинство продолжали трудиться на прежних предприятиях, к которым они были прикреплены. В Хабаровском крае в октябре 1948 г. таких было 564 чел. (452 муж., 112 жён.), из них в тресте Амурзолото трудилось 86 чел. (24, 62), тресте Хабаровсклес — 43 (19, 24), на Умальтинском руднике — 398 (376, 22), хозяйственных предприятиях УМВД и УМГБ — 37 (33, 4)⁵⁸.

Часть мобилизованных немцев, как и во время войны, работала в лагерных зонах, хотя по статусу они стали спецпоселенцами. В Нижне-Амурском ИТЛ в составе рабочей силы на 1 января 1947 г. таких было 440 чел.⁵⁹, к началу апреля 1950 г. из этого лагеря Хабаровский УМВД принял на учёт 49 немцев-спецпоселенцев⁶⁰. По сведениям члена общества «Мемориал» Амурской области Е. Паршина, около 200 немцев мужчин вернулись из трудлагерей в Зейский и Тындинский районы только к 1948 г.⁶¹

На 1 апреля 1953 г. по учетам ОСП на Дальнем Востоке проходило 3 628 «мобилизованных немцев» (2 375 взрослых, 1 253 детей), в том числе в Хабаровском крае 2 189 (1 387, 802), Амурской области — 1 098 (652, 446), Дальстрое — 334 (331, 3), Сахалинской области — 7 (5, 2)⁶².

После войны спецпоселенцами становились и считавшиеся ранее свободными немцы — местные жители территорий к востоку от Урала, не подвергшиеся военным депортациям или, как на Дальнем Востоке, формально не считавшиеся таковыми. В течение 1946—1951 гг. они были взяты на учёт спецпоселений (подконтингент «местные немцы») по месту постоянного жительства⁶³.

В «Книге Памяти жертв политических репрессий Амурской области» (т.т. 5, 6)⁶⁴, созданной на базе данных, полученных от органов МВД, в отношении каждого немца, высленного по национальному признаку и взятого на учёт спецпоселений, даётся информация о том, что данная акция произведена на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 ноября 1941 г. и Директивы НКВД СССР от 19 января 1946 г. Это относится к лицам, высланным как в 1941—1942 гг., так и в 1946—1953 гг., из чего следует полагать, что именно на данные документы опирались силовые структуры, осуществлявшие принудительные переселения немцев и оформление их учётных дел. Но в своей практической работе они руководствовались ведомственными распоряжениями и инструкциями.

В справке от 29 ноября 1951 г., составленной начальником 9-го Управления МГБ СССР* полковником Шияном, сообщается, что местные немцы Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и др. регионов, а также мобилизованные на все время войны для работы в промышленности, но не подвергавшиеся выселению, были взяты на учёт спецпоселений на основании указаний НКВД СССР № 1/19116 от 18 сентября 1945 г., № 38/3916 от (?)** мая 1946 г., № 38/5306 от 13 июля 1946 г., № 38/6640 от 20 августа 1946 г., № 1/13194 от 24 сентября 1946 г., № 1/21276 от 6 ноября 1946 г. и др. и по инициативе периферийных органов НКВД⁶⁵.

На Дальнем Востоке, как отмечалось выше (см. разд. 4.2.), большинство немцев к окончанию войны находилось в отдалённых районах Хабаровского края и Амурской области — Селемджинском, Мазановском, Верхне-Буреинском и Кур-Урмийском. Лица немецкой национальности проживали также и в других местах региона, по каким-то причинам не высленные

* 9-е управление МГБ СССР по надзору за ссыльными, высланными и спецпоселенцами организовано в июле 1950 г. в соответствии с постановлением СМ СССР от 14 июля 1950 г. о передаче спецпоселений из МВД в МГБ. См.: Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960: справочник / сост., введение и прим. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. науч. ред. Р.Г. Пихоя. М.: Издание МФД, 1997. С. 38.

** Так в тексте документа.

оттуда в начале войны. Материалы «Книги Памяти жертв политических репрессий Амурской области» позволяют говорить о том, что, определяя немцев на учёт спецпоселений, их, как правило, переселяли в Селемджинский район. Очерёдность постановки на учёт не совсем ясна, поскольку разные лица были оформлены как спецпоселенцы в разные годы, начиная с 1945 по 1953 г. Создаётся впечатление, что их хватало по мере того, как они попадали в поле зрения соответствующих органов власти.

Например, в Селемджинский район были выселены в 1945 г. Э.Ф. Ваймер и М.Ф. Ваймер-Мут из с. Красная Речка Хабаровского края, А.Ф. Ваймер — из г. Хабаровска, М.П. Берген-Хоменко — из с. Лугового Тамбовского района, в 1946 г. Р.Г. Клопп — из с. Рудницкого Кагановичского района, в 1947 г. П.И. Валл — со ст. Известковой Верхне-Буреинского района, в 1949 г. А.И. Беймерт-Нилова — из с. Ясная Поляна Амурской области, Л.Э. Беккер — из г. Сковородино, в 1951 г. Э.К. Барц — из Бикинского района⁶⁶, и т.д.

Некоторых оставляли и в других отдалённых местах края или выселяли туда. Так, в районах своего проживания были поставлены на учёт как спецпоселенцы в 1946 г. М.А. Беккер (с. Колон-Посёлок Мазановского района), в 1949 г. Е.Н. Аргунова-Гончарова (прииск Соловьёвский Желтулакского района), П.И. Карлштрем (с. Овсянка Зейского района). К.Л. Карлштрем в 1949 г. был выселен со ст. Сиваки Тыгдинского района в Зейский район⁶⁷.

Единственная чёткая линия прослеживается в отношении лиц, достигших 16 лет. Многие немцы стали числиться спецпоселенцами именно с этого возраста. Например, А.А. Аппель (1934 г.р.), проживавший в пос. Златоустовске Селемджинского района, оказался «выселенным» в Селемджинский же район в 1950 г., Ф.А. Аппель (1936 г.р.) из того же посёлка в тот же район — в 1952 г., Л.А. Баумгард (1937 г.р.) из с. Мухино Свободненского района в Селемджинский район — в 1953 г.⁶⁸, и т.д. Обнаруженные в других местах региона 16-летние немцы также выселялись в спецпосёлки. Так, Екатерине Давыдовне Нахтигал (1934 г.р.) в 1941 г. было только семь лет, когда её семью вместе с другими немцами переселили в Селемджинский район, но её саму родителям удалось оставить на прежнем месте в Тамбовском районе на попечении знакомых. В 1950 г., как только ей исполнилось 16 лет, она была выселена в Селемджинский район⁶⁹.

Согласно данным МВД СССР — к октябрю 1949 г. в регионах страны, откуда немцы во время войны не выселялись, местные жители немецкой национальности были в разной степени охвачены постановкой на учёт спецпоселений: от 90% (Казахская, Киргизская ССР, Башкирская АССР, Челябинская область) до 2—3% (Омская, Чкаловская области, Алтайский край и др.). Хабаровский край относился к числу территорий, где на учёт было взято более 50% местных немцев (по другим краям и областям Дальнего Востока данных нет)⁷⁰.

На 1 января 1950 г. общая численность спецпоселенцев контингента «местные немцы» в регионе составляла 2 711 чел., на 1 января 1953 — 1 606,

в том числе в Хабаровском крае соответственно — 1 108 и 705, Амурской области — 1 580 и 847, в Сахалинской области — 23 и 54 чел.⁷¹ За каждым из них стояли новые жизненные драмы — рухнувшие надежды на возвращение в прежние места проживания, формализация статуса юридически несвободных граждан, который с 1948 г. был закреплен за немцами «навечно».

Немцам, ранее отбывавшим «кулацкую ссылку», пришлось пройти путь неволи уже вторично. Характерен пример немки А.Т.: в 1930 г. в период раскулачивания её выслали из Днепропетровской в Амурскую область, где она с мужем работала на золотых приисках. После войны её сняли с учёта, но в 1949 г. поставили вновь как «лицо немецкой национальности». Все это время она проживала безвыездно в пос. Могот Зейского района. Освобождена в 1954 г.⁷²

На Дальнем Востоке по состоянию на 1 января 1947 г. все немцы спецпоселенцы находились в Хабаровском крае, всего — 3 061 чел. (680 семей, 1 516 муж., 922 жён., 623 ребенка до 12 лет), в том числе 2 696 чел. — в Амурской области (в Верхне-Буреинском районе* — 1 612, Селемджинском — 991, Мазановском — 93) и 365 чел. — в районах краевого подчинения (Кур-Урмийском — 320, Бикинском — 23, г. Хабаровске — 22)⁷³ (см. прил. 4).

Так же, как и все другие категории спецпоселенцев, они не имели права покидать посёлки и обязаны были регулярно отмечаться в спецкомендатурах. Нарушение этого условия влекло за собой наказание с занесением информации в личное дело спецпоселенца. В качестве примера можно привести личное дело немца К.Д., в котором отмечено, что он «в ноябре 1949 г., будучи спецпоселенцем на участке Сагур Селемджинского района Амурской области, не явился на регистрацию без уважительной причины. Был вызван повесткой. На основании этого и руководствуясь постановлением СНК СССР №35 от 8 января 1945 г. и инструкцией о наложении административных взысканий, объявленной в приказе НКВД СССР № 376 от 14 сентября 1945 г., — оштрафован на 25 руб.»⁷⁴

В большинстве случаев за выезд без разрешения с места поселения в другую местность спецпоселенцам объявлялись административные взыскания. По правилам они должны были оформляться мотивированными постановлениями коменданта и утверждаться прокурором. Однако на практике это не всегда соблюдалось. В докладе о прокурорском надзоре по Амурской области за второе полугодие 1946 г. приводится случай, когда начальник Верхне-Буреинской районной комендатуры мл. лейтенант Шуруп без санкции райпрокуратуры арестовал на 5 суток спецпоселенца В.П. Кригера и лишь после отбытия Кригером административного ареста обратился к прокурору за получением санкции. Проступок арестованного заключался в том, что он без разрешения комендатуры выехал с места жительства в райцентр

* Верхне-Буреинский район 2.08.1948 г. был передан из Амурской области в административно-территориальное подчинение Хабаровского края.

пос. Умальтинский по вызову народного суда и по личному вопросу в РК ВЛКСМ⁷⁵.

Кроме «мобилизованных» и «местных» в спецпосёлках региона появились ещё две группы немцев — «выселенные по решениям правительства в 1941 г.» и «репатрианты». К сожалению, почти не удалось выявить директивных документов, направлявших этот процесс. На помощь приходит статистика учёта ОСП МВД СССР (см. табл. 24). Согласно ей рост общей численности немцев-спецпоселенцев в Хабаровском крае (включая Амурскую область) стал наблюдаться в 1947 г., причём во втором квартале главным фактором этого роста было именно прибытие из других регионов страны (422 чел., в то время как выбыло в другие регионы за тот же период 182 чел.). Для сравнения: в первом квартале эти цифры составляли соответственно 26 и 3, в третьем — 151 и 88, в четвертом — 40 и 3⁷⁶. С апреля 1947 г. немцы-спецпереселенцы впервые стали проходить по отчетам Дальстроя, с июля 1948 г. — по Сахалинской области, с января 1951 г. — по Приморскому краю.

Немцы, «выселенные по решениям правительства в 1941 г.», попали на Дальний Восток из Сибири и других мест (куда они были депортированы во время войны) в рамках вторичного переселения, которое имело целью перераспределение трудовых ресурсов и шло в острой конкурентной борьбе между регионами и отраслевыми ведомствами. Как отмечает Н.Ф. Бугай, «изъятие» спецпоселенцев из регионов, где они массово использовались на производстве, вызывало ропот местных властей. Многие руководители областей обращались в МВД с просьбой не проводить надуманное повторное переселение, но такие просьбы выполнялись лишь частично⁷⁸.

Откуда конкретно «выселенные» немцы прибывали на Дальний Восток, удалось выявить в одном случае — по Сахалину. На остров немцев вместе с калмыками направили в рамках выполнения постановлений по развитию рыбной промышленности. С этой целью 27 января 1948 г. СМ СССР принял распоряжение № 890-р, по которому Минвостокрыбпрому СССР совместно с МВД СССР было разрешено отобрать 1 500 спецпереселенцев на рыбодобывающих предприятиях Сибири*. Сахалинский исследователь А.М. Пашков, опираясь на материалы картотеки Информационного центра УВД Сахалинской области, сообщает, что путь немцев-спецпереселенцев на остров проходил через «контрольные пункты» Красноярского края, Новосибирской,

* В.В. Щеглов полагает, что немцев-спецпоселенцев направили в Сахалинскую область в связи с распространением на них действия Постановления СМ СССР № 1434—630сс от 29 июня 1946 г. о привлечении репатриантов-«власовцев» для работы в нефтяной промышленности в восточных районах СССР (см.: Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. С. 71.). Однако, как показано нами, в данном случае действовали другие директивы правительства, и они не были связаны с предприятиями нефтяной промышленности.

Омской, Томской, Тюменской областей⁷⁹, из чего следует, что именно эти местности стали «донорами» для Сахалина при вторичном переселении депортированных немцев.

Таблица 24

**Динамика численности немцев-спецпоселенцев
на Дальнем Востоке в 1947—1953 гг. (чел.)⁷⁷**

	Хабаровский край	Амурская область	Дальстрой	Сахалинская область	Приморский край	Всего
01.01.47	3 061 *			—	—	3 061
01.04.47	3 246 *		910	—	—	4 156
01.07.47	3 442 *		979	—	—	4 418
01.10.47	3 451 *		1 038	—	—	4 489
01.01.48	3 486 *		1 129	—	—	4 615
01.07.48	3 715 *		1 400	22	—	5 137
01.10.48	2 419	1 469	1 501	269	—	5 658
01.01.49	2 674	1 605	1 479	627	—	6 385
01.10.49	2 836	2 027	3 002	669	—	8 534
01.07.50	2 818	2 043	2 655	631	—	8 147
01.07.51	3 413	2 065	2 694	776	—	8 948
01.01.52	3 413	2 163	2 721	795	7	9 099
01.07.52	3 496	2 210	2 597	825	22	9 150
01.01.53	3 529	2 231	2 677	818	25	9 280

Примечание: * данные по Хабаровскому краю приводятся вместе с Амурской областью.

Сохранившиеся документы по Тюменской области показывают, сколь яростной была борьба за эту рабочую силу. 7 февраля 1948 г. МВД СССР принимает соответствующее распоряжение №1/1653, и в тот же день зам. министра внутренних дел СССР Рясной направляет письмо начальнику Тюменского областного УМВД Шеварову, обязав его «...1. Совместно с управляющим Рыбтрестом отобрать 700 чел. квалифицированных рабочих из числа спецпереселенцев-немцев и работающих в рыбной промышленности Тюменской области калмыков. (...) 3. Отобранных спецпереселенцев вместе с семьями передать на места представителю Министерства рыбной промышленности восточных районов СССР, предложив последнему определить совместно с УМВД сроки их отправки к месту назначения. 4. Для сопровождения эшелонов с перевозимыми спецпереселенцами выделить оперативных работников УМВД из расчёта 1 чел. на каждые 100 семей. Перевозку спецпе-

реселенцев железнодорожным и водным транспортом, денежные расходы, связанные с их перевозками, питание и медицинское обслуживание в пути следования — обеспечиваются Министерством рыбной промышленности восточных районов СССР»⁸⁰.

В ответ УМВД Тюменской области в письме от 24 февраля 1948 г. № 2/270—1 сообщало, что оно приступило к отбору рыбаков и с началом навигации предполагало их отправить. Однако в последующем письме от 10 марта 1948 г. за №с/140 начальник Тюменского УМВД доложил, что отправку осуществить не удалось. Одной из причин явилось то, что руководители области рассчитывали на дополнительный завоз спецпереселенцев в Тюменскую область, но этого не произошло. 30 марта 1948 г. Рясной вновь пишет адресату и уже более строго требует «немедленно приступить к выполнению распоряжения»⁸¹.

Наконец 5 апреля Шеваров доложил Рясному о результатах: «...Мы немедленно связались с руководством Обь-Иртышского Госрыбтреста в Тобольске. В результате длительного изучения этого вопроса в указанном тресте, после личных переговоров моего заместителя, выезжавшего в Тобольск, где дислоцируется трест, с управляющим треста т. Максютенко, мы только 3 апреля с.г. получили при № 28/2 от 17 марта с.г. план треста, в коем указываются места и предприятия, из коих должен производиться отбор спецпереселенцев рабочих нужных профессий. В соответствии с этим планом мною даны телеграфные указания в районы, где будет производиться отбор. Таким образом, мы делали все от нас зависящее для точного выполнения Вашего распоряжения вне зависимости от отношения к этому мероприятию областных, советских и партийных организаций. Вместе с тем я считаю необходимым информировать Вас о том, что Тюменский обком ВКП(б) и облисполком возражают против изъятия из рыбной промышленности 700 рабочих и не имеют об этом никаких указаний со стороны Совета Министров»⁸².

Осенью 1948 г. на Сахалин прибыли первые двести с лишним немцев, к концу года их число составило 627 чел. (см. табл. 24). Тогда же завезли и калмыков (см. разд. 5.3.2.). В апреле 1949 г., когда на местах была проведена перепись спецпоселенцев, по Сахалинской области её прошли 655 немцев (164 муж., 296 жён., 195 детей до 16 лет), в том числе 622 «выселенных по решениям правительства» (соответственно — 159, 296, 184), 18 «местных» (3, 8, 7), 9 «мобилизованных» (2, 5, 2). К 1 января 1950 г. их общая численность выросла до 677 чел., из них 654 чел. (174 семьи) — «выселенных» и 23 чел. (5 семей) — «местных»⁸³.

А.М. Пашков по материалам областного УМВД выявил, что в основном это были уроженцы и жители бывшей Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. На Сахалине их поселили в Александровском, Широкопадинском, Углегорском, Охинском, Томаринском и других районах области, включая города Александровск, Углегорск, Оху. Трудились они в разных отраслях, но большинство — на рыбозаводах. Во время ссылки

умерли 16 чел., 176 выехали в районы Западной Сибири на воссоединение с родственниками и для дальнейшего отбывания ссылки⁸⁴. Выезжать с острова для воссоединения семей немцам было разрешено распоряжением МГБ СССР от 9 октября 1952 г. Однако выезд многих задерживался в силу того, что администрация сахалинских предприятий сознательно придерживала старательных и квалифицированных немецких работников и стремилась их материально заинтересовать⁸⁵.

К началу 1950-х гг. «выселенные по решениям правительства» немцы оказались во всех краях и областях Дальнего Востока (см. табл. 25). Как видно из таблицы, наибольшее число лиц этой категории было направлено в Дальстрой. Произошло это в 1949 г. Если на 10 апреля 1949 г. там состояло на учёте только 7 «выселенных» немцев⁸⁶, то к началу следующего года — уже 1 360 чел., а в 1953 г. — 1,5 тыс.

Таблица 25

**Динамика численности немцев-спецпоселенцев контингента
«выселенные по решениям правительства»
на Дальнем Востоке в 1950—1953 гг. ⁸⁷**

	Хабаровский край		Амурская область		Сахалинская область		Дальстрой		Всего	
	чел.	сем.	чел.	сем.	чел.	сем.	чел.	сем.	чел.	сем.
01.01.50	47	16	173	43	654	174	1 360	25	2 234	256
01.07.50	52	17	168	39	668	174	1 369	100	2 257	330
01.07.52	497	56	255	39	764	172	1 423	160	2 946*	427
01.01.53	525	56	248	39	760	199	1 505	164	3 049**	466

Примечание: * — в т.ч. в Приморском крае — 7 чел.; ** — в том числе в Приморском крае — 11 чел. (7 муж., 2 жён.); 8 семей.

Ещё одну новую для Дальнего Востока группу жителей немецкой национальности в послевоенный период составили репатрианты. Это была та часть советских немцев, которых советское государство в начале войны не успело депортировать за Урал. Оказавшись в оккупации, они были втянуты в политику Третьего Рейха, добровольно или принудительно сотрудничали с немецкой властью. В 1943—1944 гг. немецкие власти переселили около 300 тыс. «фольксдойче» в Германию и прилегавшие к ней районы Польши, где им дали германское гражданство, а мужское население призывали на службу в вермахт. После победы Красной Армии данная группа немцев подлежала обязательному возвращению в Советский Союз. В 1944—1953 гг. репатриировали свыше 200 тыс. чел. Пройдя через фильтрацию, основная их масса (за исключением тех, кто был осуждён за военные преступления) была отправ-

лена на спецпоселение. Как показано в исследовании М.Ю. Приваловой, особенности бывшего статуса «фольксдойче» в период нахождения под властью Германии отразились на их положении по возвращении в СССР, вызывая особенно негативное отношение к ним как со стороны властных структур, так и окружающих людей: местное население районов, где репатрианты находились на спецпоселении, видело в них пособников оккупантов, а органы внутренних дел считали их наименее благонадёжными в политическом плане и наиболее активно проводили среди них агентурно-оперативную работу. Кроме всего прочего, репатрианты прибыли на спецпоселение последними из всех категорий немцев, в то время, когда все пригодные для жилья помещения были заняты, следствием этого были ужасающие бытовые условия, проживание в конюшнях, землянках, сараях и т.п.⁸⁸

Вопрос о времени прибытия немцев репатриантов на Дальний Восток и их количестве нуждается в дискуссии. В 1991 г. Н.Ф. Бугай в своей статье, опубликованной в журнале «Отечественная история», ввёл в научный оборот сведения о численности немцев репатриантов на Дальнем Востоке, которых, по его мнению, в 1946 г. прибыло в регион 22 949 чел. (автор приводит цифры с распределением по областям)⁸⁹. Этот факт был использован в исследованиях ряда дальневосточных историков. Не избежали этого и мы, несмотря на то, что в составленной нами таблице численности немцев по годам данная цифра существенно выбивается из общего динамического ряда⁹⁰.

К настоящему времени нам удалось познакомиться с документами учёта спецпоселенцев в регионе по категориям, в результате чего приведённые Н.Ф. Бугаем цифры не нашли подтверждения. В то же время среди опубликованных документов по истории сталинского Гулага мы обнаружили предполагаемый источник информации уважаемого коллеги. Это докладная записка временно исполнявшего должность начальника УМВД Хабаровского края в Отдел спецпоселений от 31 октября 1946 г. о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев-репатриантов⁹¹, где цифры полностью совпадают с теми, которые приведены Н.Ф. Бугаем. Однако в документе речь идёт о репатриантах в целом. На наш взгляд, отождествлять их с немцами ошибочно.

Наша версия прибытия репатриантов-немцев на Дальний Восток, основанная на официальном учёте спецпоселенцев, выглядит следующим образом. Весной 1947 г. их завезли в Дальстрой в количестве 910 чел. К апрелю 1949 г. там насчитывалось 1 001 чел. (992 муж., 8 жён., 1 ребёнок.), в 1950—1953 гг. — от 837 до 882 чел., от 4 до 29 семей. В 1950—1953 гг. небольшие группы этого контингента были направлены также в Хабаровский край (17—116 чел., 1—8 семей), в 1952—1953 гг. — Амурскую область (39 чел. без семей) и Приморский край (14—16 чел.)⁹². Как видим, абсолют-

ное большинство немцев-репатриантов составляли мужчины, завезённые на Колыму без семей.

В целом же на Дальнем Востоке в 1950—1952 гг. среди немцев-спецпоселенцев было 4,3 — 4,8 тыс. муж., 2,0 — 2,6 тыс. жён. и 1,8 — 2,2 тыс. детей до 16 лет.

Половозрастной и семейный состав спецпоселенцев немцев отражает одну из сторон дискриминационной политики государства к различным подгруппам немецкого населения. В 1950-е гг. на Дальнем Востоке наибольшее число семейных немцев приходилось на «местных» и «мобилизованных» в Хабаровском крае и Амурской области, а также на «выселенных по решениям правительства» в Сахалинской области. Неестественно мало немцев («выселенных», «репатриантов» и «мобилизованных») проживало семьями на Колыме. Отличительной демографической характеристикой этой территории являлась резкая половозрастная диспропорция. Так, в начале января 1950 г. на 1 235 немцев мужчин контингента «выселенные по решениям правительства» там приходилось только 124 женщины и 1 ребёнок (на Сахалине — 166, 295, 267), у «репатрированных» соответственно — 825, 4, 5, «мобилизованных» — 467, 38, 6⁹³. Все это свидетельствовало о том, что территориальное перераспределение трудовых ресурсов в пользу Дальстроя происходило за счёт физически крепких работников, в основном мужчин, требовавшихся на горнодобывающих предприятиях, в результате вторичное переселение «выселенных» немцев и отправка репатриантов из ПФЛ на Колыму неизбежно сопровождалось разрывом семей и отсутствием возможностей для образования новых, как это происходило при мобилизации в «трудармию» в годы войны. Аналогичная ситуация была у «власовцев», но, по крайней мере, их срок пребывания на спецпоселении ограничивался шестью годами, в то время как немцы не имели и такой «привилегии». Таким образом, несмотря на выход страны из экстраординарных условий военного времени, почти половина немцев спецпоселенцев на Дальнем Востоке была лишена главнейшего условия полноценной жизни человека — права жить семьей.

Что касается другой части немцев — «местных» и «мобилизованных», то их личная жизнь постепенно нормализовалась, чему способствовало возвращение «трудмобилизованных» из лагерных зон, налаживание быта, воссоединение разрозненных семей, начавшееся с 1945 г. В результате этого соотношение рождаемости и смертности этой категории населения на Дальнем Востоке изменилось в пользу первого показателя: например, в 1947 г. родилось 77 чел., умерло 37, в первом полугодии 1950 г. — 84 и 34 (полные данные по годам не выявлены)⁹⁴. Части немцев удалось добиться разрешения на проживание с родственниками в других регионах. Так, с Сахалина, по сведениям А.М. Пашкова, около 270 немцев выехали в Казахскую ССР, Алтайский и

Красноярский края, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую и другие области⁹⁵.

Следует, однако, отметить, что воссоединение разрозненных семей не было беспрепятственным и сопровождалось рядом ограничений и формальностей. Мобилизованный глава семьи должен был получить разрешение на проезд своей семьи при поручительстве руководства предприятия, где он работал. Примером такого ходатайства служат материалы личного дела немца спецпоселенца В.К., переселенного в 1941 г. из Хабаровска в пос. Экимчан Селемджинского района и мобилизованного в рабочую колонну на рудник Умальта. В октябре 1945 г. он написал заявление с просьбой разрешить его жене и сыну переселиться к нему из Верхне-Буреинского района для совместного проживания. Просьбу поддержала дирекция Умальтинского рудоправления, которая характеризовала В.К. как «хорошего работника и примерного поведения в быту». Семья воссоединилась, в 1946 г. у них родился второй ребёнок. В 1948 г. В.К. объявили, что на основании Указа ПВС от 26 ноября 1948 г. он оставлен на спецпоселении навечно. В 1949 г. на основании приказа МВД СССР № 0347 1949 г. его дети также были поставлены на учёт спецпоселений. Освобождены 20 апреля 1954 г., глава семьи снят с учёта 15 октября того же года⁹⁶.

Половинчатость решения о воссоединении семей заключалась также и в том, что разрешался проезд родственников к главам семей — отцам, но не к матерям, взрослым детям, братьям или сестрам, которые главами семей не считались. Это обстоятельство вызвало побег из спецпоселений. Например, из Селемджинского в Верхне-Буреинский район по этой причине сбежало 17 женщин⁹⁷.

Данная проблема касалась не только немцев, но и многих других групп спецпоселенцев, что подтолкнуло руководство МВД СССР принять директиву № 33 от 8 марта 1948 г. о соединении разрозненных семей спецпереселенцев (независимо от категории). Местным органам МВД давалось указание оказывать содействие этому процессу, что, по мнению властных органов, должно было способствовать прочности оседания людей в местах высылки⁹⁸. Однако, как показано выше, у большинства одиноких мужчин, работавших в Дальстрое, не было никаких шансов обзавестись семьями.

Общий состав немецкого населения, состоявшего на учёте спецпоселений на Дальнем Востоке в начале 1950-х гг., отражён в табл. 26.

«Специализация» по краям и областям была следующей: в Хабаровском крае и Амурской области находились все представленные группы с преобладанием «мобилизованных» и незначительным числом «репатриантов», в Дальстрое основными контингентами были «выселенные по решениям правительства» и «репатрианты» при полном отсутствии «местных», на Сахалине абсолютно преобладали «выселенные», в Приморье находилось чуть более двух десятков «выселенных» и «репатриантов».

Следствием принудительных миграций послевоенного периода стало существенное увеличение численности немецкого населения на Дальнем Востоке, особенно в Сахалинской и Магаданской областях. Напомним, что в 1942 г. всего в регионе проживало 2 682 немца (см. разд. 4.2.). В начале 1947 г. только по учтам спецпоселений* проходил 3 061 чел., а в начале 1953 г. — 9 280 чел. В 1950—1953 гг. «пришлые» («репатрианты» и «выселенные») составили от 38 до 44% всех дальневосточных немцев-спецпоселенцев.

Таблица 26

Состав немцев-спецпоселенцев на Дальнем Востоке по категориям учёта в 1950—1953 гг. (чел.)⁹⁹

	Местные	Мобилизованные	Выселенные по решениям правительства	Репатрианты	Всего
01.01.1950	2 711	2 418	2 234	854	8 217
01.07.1950	2 725	2 369	2 257	856	8 207
01.07.1952	1 595	3 618	2 946	990	9 149
01.01.1953	1 626	3 669	3 049	1054	9 398

Три из четырёх подгрупп немцев — «местные», «мобилизованные» и «репатриированные» — находились на спецпоселении без указания сроков, а «выселенные по решениям правительства» — навечно согласно Указу ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. (выезд с мест поселения без особого разрешения МВД карался 20-летним сроком каторжных работ). В конце 1951 г. в высоких инстанциях обсуждался вопрос о возможности освобождения из спецпоселения немцев подконтингента «местные», а также о снятии с учёта детей спецпоселенцев, достигших 16-летнего возраста¹⁰⁰. Однако он не был решён положительно. И все-таки немцы стали первым депортированным в СССР народом, получившим освобождение. Оно проходило в несколько этапов на основании следующих директив: 14 мая 1954 г. — указание МВД СССР № 44/4—19636 о снятии с учёта немцев «бывших кулаков», 27 марта 1954 г. — приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР о снятии с посемейного учёта детей спецпоселенцев «местных», «мобилизованных» и «репатриированных» немцев, 13 августа 1954 г. — Постановление СМ СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц», в т.ч. с «местных» и «мобилизованных» немцев, 13 декабря 1955 г. — Указ ПВС СССР

* Как показано выше, на учёт спецпоселений было поставлено более 50% (но менее 100%) немцев, проживавших на Дальнем Востоке в данный период.

«О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» («выселенных» и «репатриированных») и некоторых др. При этом немцам не возвращалось имущество, конфискованное при выселении, и они не имели права возвращаться в места, откуда были выселены¹⁰¹. Немцы оказались в числе трёх «наказанных народов» (вместе с крымскими татарами и турками-месхетинцами), которым советская власть так и не разрешила восстановить административно-государственную и территориальную автономию. Их политическая реабилитация состоялась только с принятием Указа ПВС СССР от 29 августа 1964 г., который официально отменил Указ ПВС от 28 августа 1941 г., а юридические основания к возвращению на Волгу были сняты Указом ПВС СССР «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» от 9 января 1974 г. (среди этих категорий названы немцы, греки, болгары, армяне, крымские татары, турки, балкарцы, иностранные подданные)¹⁰².

Таблица 27

Сравнительные показатели численности немцев на Дальнем Востоке по данным учёта спецпоселений 1953 г. и материалам переписи населения 1959 г. (чел.)

	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Приморский край	Всего
01.01.53	3 529	2 231	2 677	818	25	9 280
19.01.59	4 090	1 100	1 579	557	3 132	10 458

К сожалению, сведений о том, сколько немцев выехало с Дальнего Востока после освобождения, у нас нет. Перепись населения 1959 г. показала, что в целом их число в регионе в сравнении с учетными данными спецпоселений не только не уменьшилось, но и несколько выросло, в том числе в Хабаровском и Приморском краях, однако в Амурской, Магаданской и Сахалинской областях оно сократилось. Это позволяет предположить, что основная масса бывших спецпоселенцев осталась в регионе, несколько переместившись внутри него в более благоприятные районы (см. табл. 27). Такое развитие событий тем более вероятно, что на родину немцам возвращаться было запрещено. Однако нельзя исключать и определённого оттока их с Дальнего Востока, учитывая тот факт, что не все лица немецкой национальности, проживавшие на Дальнем Востоке, состояли на учёте спецпоселений, а значит общая их численность в 1953 г. была больше, чем дано в табл. 27. К тому же во второй половине 1950-х гг. в регион могли приехать немцы — добровольные мигранты из других мест страны.

5.3.2. Калмыки

С 1948 г. на Дальнем Востоке появились спецпоселенцы калмыки. Депортация этого народа из Калмыкии и некоторых других регионов страны была проведена на основании Указа ПВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г. и Постановления СНК СССР от 28 декабря 1943 г. В документах это решение обосновывалось как наказание калмыков за сопротивление органам советской власти, борьбу против Красной Армии, массовое сотрудничество с вермахтом, в том числе в составе Калмыцкого кавалерийского корпуса (более 5 тыс. чел.), созданного немцами и использованного ими в борьбе с партизанами на Украине, в Польше и Хорватии. К началу 1944 г. из мест проживания на спецпоселение в сибирский регион было принудительно переселено 93 тыс. калмыков¹⁰³.

Депортация носила тотальный характер. Все калмыки, выявленные впоследствии как уклонившиеся от общего выселения, а также прибывшие из Советской Армии, промышленности, мест заключений, плена и репатриации, также направлялись на спецпоселение согласно циркуляру МВД СССР № 276 от 29 декабря 1944 г. и приказу №32/39сс от 14 февраля 1947 г.¹⁰⁴

В дальнейшем они в числе некоторых других депортированных народов подверглись вторичным (а иногда и большее число раз) принудительным миграциям с целью перераспределения рабочей силы в пользу территорий и отраслей, где возникал её острый дефицит. Например, в 1944 г. более 8,5 тыс. калмыков переселили из южных в северные округа Омской области — Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Тобольский — для работы в рыбопромышленных трестах. После административно-территориального размежевания эти округа оказались в подчинении вновь образованной Тюменской области¹⁰⁵.

В свою очередь, часть калмыков из Тюменской области вместе с немцами в 1948 г. переселили на Сахалин (подробнее см. в разд. 5.3.1.)*, что стало для них уже третьим принудительным перемещением по стране.

* Здесь мы вынуждены вновь отметить ошибочность утверждения В.В. Щеглова, повторенного А.М. Пашковым, о том, что спецпоселенцев-калмыков, как и немцев (см. разд. 5.3.1.) направили на Сахалин в связи с распространением на них действия Постановления СМ СССР № 1434—630сс от 29 июня 1946 г. о привлечении репатриантов-«власовцев» для работы в нефтяной промышленности в восточных районах СССР (см.: Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. С. 71; Пашков А.М. Калмыки-спецпереселенцы на Сахалине: политические и демографические аспекты // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.) Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 437.). На самом деле калмыки привлекались для работы на предприятия рыбной промышленности.

Сахалинский историк А.М. Пашков в предисловии к «Книге Памяти» приводит следующие данные о численности калмыков по районам и населённым пунктам Сахалинской области (без указания даты): Александровский и Широкопадинский районы — 429 чел. (в т.ч. г. Александровск — 14, п. Моссия — 31, п. Пильво — 11, п. Половинка — 60, п. Судоверфь — 173, п. Комсомольский — 28, п. Черная Речка — 75, п. Хоэ — 25, п. Широкая Падь — 12), Углегорский район — 1 040 чел. (п. Углегорск — 376, п. Гавриловка — 121, п. Изыльментьево — 41, п. Константиновка — 8, п. Крутой Яр — 17, п. Орлово — 231, п. Поречье — 52, п. Соболево — 122, п. Ударный — 58, п. Шахтёрск — 14), Томаринский район — 198 чел. (г. Томари — 89, п. Неводское — 52, п. Урожайный — 57). Работали они на предприятиях рыбной промышленности и лесозаготовках (п. Хоэ Александровского района), шахте, комбинате «Стройдеталь», бумажном комбинате и в сельском хозяйстве (Углегорский район), на судоверфи и в совхозе «Пильво» (п. Комсомольский и п. Пильво Широкопадинского района)¹⁰⁷.

Таблица 28

**Динамика численности спецпоселенцев калмыков
в Сахалинской области в 1948 — 1958 гг.**¹⁰⁶

	Семей	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет	Всего чел.
01.10.48	62	нет св.	нет св.	нет св.	195
27.04.49	нет св.	497	932	556	1 985
01.01.50	696	497	947	670	2 114
01.01.52	нет св.	510	944	763	2 217
01.07.52	702		1 499	754	2 253
01.01.53	721		1 520	745	2 265
01.01.56	нет св.	450	775	нет св.	1 225
05.02.57	242	329	446	412	1 187
25.01.58	107	217	292	320	829

Всего в Сахалинской области, согласно материалам архива областного УВД, с 1948 по 1956 гг. отбывали «спецсылку» 1 682 взрослых калмыка, из них 558 составляли дети, поставленные на учёт уже на острове по достижению 16-летнего возраста. Умерли за это время 154 чел.¹⁰⁸

Почти все калмыки были малограмотными. Перепись, проведённая в апреле 1949 г. среди спецпоселенцев в Сахалинской области, показала, что только двое из них имели высшее образование, 17 — среднее, остальные — низшее¹⁰⁹. В документах партийных органов области отмечалось, что среди спецпоселенцев калмыков были «живучи религиозные пережитки»¹¹⁰.

В 1950-е гг. калмыки находились на спецпоселении и в других местах Дальнего Востока, но в малых количествах: в Дальстрое — чуть более 30 чел., в Хабаровском, Приморском краях и Амурской области — по несколько чел.¹¹¹ Скорее всего, они попали туда с другими контингентами или после отбытия

срока лишения свободы. Например, в Дальстрое на 10 апреля 1949 г. из 27 калмыков, прошедших перепись спецпоселенцев, все ранее были за границей, в том числе 21 чел. — в плену, по воинскому званию — 2 сержанта и 19 рядовых, в то время как на Сахалине из 1 985 спецпоселенцев калмыков воинское звание имели только 114 чел. (11 офицеров, 23 сержанта, 80 рядовых)¹¹².

Калмыки стали вторым после немцев депортированным народом, освобождённым из спецссылки. Принимая такое решение, центральные власти выяснили мнение региональных структур: Сахалинский обком КПСС был в числе поддержавших предложение о снятии калмыков с учёта*.

12 марта 1956 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О снятии ограничений по спецпоселению с калмыков, выселенных из бывшей Калмыцкой АССР и Ростовской области», а 17 марта подписан Указ ПВС СССР «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении». В указе оговаривалось, что освобождение калмыков «...не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»¹¹³.

Сахалинские власти с готовностью приняли указ к исполнению. Вместе с тем бюро Сахалинского ОК КПСС на заседании 23 марта 1956 г. поставив перед органами МВД задачу «...в установленный срок снять калмыков и членов их семей с учёта спецпоселений», одновременно обязали городские и районные комитеты партии «...провести всю необходимую работу по закреплению калмыков в местах их проживания, исключив возможность массового выезда из мест поселения»¹¹⁴.

Однако значительное число калмыков покинули область в первый же год после освобождения. Из 1 225 чел., проживавших на Сахалине в начале 1956 г., 425 чел. выехали в Астраханскую область и Ставропольский край, а внутри острова 67 чел. переехали из Углегорского, Широкопадинского и Александровского районов в Томаринский. К началу 1958 г. калмыцкое население в области уменьшилась до 829 чел. (см. табл. 28.)

В 1957—1958 гг. калмыкам поэтапно вернули автономию: 9 января 1957 г. в составе Ставропольского края была образована Калмыцкая автономная область в территориальных границах бывшей автономной республики, за исключением двух районов, а 29 июля 1958 г. Калмыцкая АО преобразована в Калмыцкую АССР¹¹⁵.

Государство не только разрешило калмыкам вернуться на родину, но и стало оказывать в этом организационную и финансовую поддержку. Постановление СМ РСФСР от 2 сентября 1957 г. «О мероприятиях по хозяйственно-

* Предложение об освобождении калмыков кроме Сахалинского ОК поддержали ЦК компартий Узбекистана и Киргизии, Красноярский крайком, Кемеровский, Омский, Томский, Свердловский обкомы КПСС, против были Алтайский крайком, Новосибирский и Тюменский обкомы КПСС. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 252.

му и культурно-бытовому строительству в 1958 г. Калмыцкой автономной области Ставропольского края, в связи с возвращением калмыков в область» предусматривало в 1958 г. организовать обратное переселение бывших спецпоселенцев в Калмыкию. Из Сахалинской области его проведение намечалось в мае, что было согласовано с Калмыцким и Сахалинским облисполкомами и Главсахалинрыбпромом, на предприятиях которого были в основном трудоустроены калмыки. Ассигнования на переезд распоряжением СМ РСФСР от 15 февраля 1958 г. № 470-р были выделены Главному управлению переселения и оргнабора рабочих при СМ РСФСР и его органам на местах.

По плану переселения рай- и горисполкомы и переселенческие органы должны были выявить желающих переселиться в Калмыцкую АО, выяснить количество багажа и живности для определения стоимости перевозок, хозяйственные руководители — произвести полный расчет со своими работниками и за счёт предприятий доставить их имущество к станциям отправления, Сахалинское пароходство и управление железной дороги — выделить пароход и необходимое количество вагонов. Для участия в организации возвращения ссыльных на родину на Сахалин прибыл уполномоченный Калмыцкого облисполкома Улюмджиев¹¹⁶.

18 мая 1958 г. из Холмска с заходом в Углегорск и на рейды посёлков Константиновки, Най-Най, Хоэ, г. Александровска вышел пароход «Кишенев», на котором на родину отправились 1 104 чел. (293 семьи, 714 взрослых, 390 детей), с ними было 141 т багажа¹¹⁷.

Сравнение количественных данных показывает, что выехавших оказалось больше числившихся в области калмыков на 25 января того же года (829 чел.). Возможно, вместе с калмыками выехали и члены их семей других национальностей, либо учёт населения по этническому составу был неточным. В любом случае можно говорить о том, что все бывшие спецпоселенцы калмыки в течение двух лет после освобождения покинули остров. Это подтверждает и перепись 1959 г., которая не выявила ни одного калмыка в Сахалинской области¹¹⁸.

5.3.3. Пополнение 1949 г.: оуновцы, выселенцы из Крыма, Прибалтики, Молдавии, с Кавказа

В 1948—1949 гг. внутренние принудительные миграции в стране заметно активизировались, в зону «зачистки» попали главным образом обновленные западные рубежи СССР, где политика советизации встречала сопротивление части местного населения¹¹⁹. На Дальнем Востоке, как одном из регионов-реципиентов подневольного населения в 1949 г. наблюдался настоящий бум «этнических вливаний» в систему спецпоселений. Сюда были завезены более 40 тыс. чел., принадлежавших к нескольким группам депортантов из ряда республик западной части страны. К сожалению, выявленные нами материалы не позволяют дать подробную характеристику этим кон-

тингентам. В связи с этим мы вынуждены ограничиться кратким анализом их количественной динамики и хронологией пребывания на спецпоселении.

Наиболее крупной была группа **оуновцев**, к которым относились участники банд «ОУН-УПА» («Организации украинских националистов — Украинской повстанческой армии»), члены их семей и пособники. Во время войны и сразу после неё действия оуновцев в Западной Украине против Красной Армии, представителей советской администрации и местного населения, принявшего сторону советской власти, носили особенно жестокий характер. Поэтому после разгрома этого националистического движения его участники подверглись различным видам наказания. Наиболее опасные бандиты приговаривались к заключению в ИТЛ или ссылке на разные сроки под надзор органов МГБ. Остальных участников банд, а также их пособников и членов семей отправляли на спецпоселение, которое в 1944—1946 гг. назначалось им по решениям Особого совещания при НКВД СССР на 5 лет, а в 1947—1949 гг. по решениям Особого совещания при МГБ СССР — на 8, 10 лет или без срока. По состоянию на 1 января 1949 г. всего на спецпоселении находилось 112 633 члена семей оуновцев, из них сроком на 5 лет — 24 730 чел., на 8—10 лет и без срока — 87 903.

Поскольку для некоторых из них время исполнения наказания истекло в конце 1949 г. или в 1950 г., МВД СССР, «исходя из нецелесообразности возвращения их к месту прежнего жительства», возбудило ходатайство перед СМ СССР о замене им срочного поселения бессрочным. Инициатива МВД была поддержана, и Постановлением СМ СССР № 1398—508сс от 6 апреля 1950 г. оуновцы были оставлены на вечное поселение, на них распространялось действие Указа ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. об уголовной ответственности за побег с мест поселений (20 лет каторжных работ). Во исполнение постановления СМ СССР был издан приказ МВД СССР № 00248 от 15 апреля 1950 г. Дети оуновцев по достижении 16-летнего возраста брались на персональный учёт спецпоселения на общих основаниях¹²⁰.

В марте 1949 г. эта категория спецпоселенцев стала прибывать на Дальний Восток, первые два эшелона в составе 1 669 чел. направили в Лазовский и Вяземский районы Хабаровского края¹²¹. В первой половине 1950-х гг. их численность в регионе достигла 33,5 тыс. чел., в том числе в Хабаровском крае — 26,3 тыс., Амурской области — 5,8 тыс., Приморском крае — 1,6 тыс. (см. табл. 29). На Северо-Восток отправляли наиболее опасных бандитов, поэтому в Дальстрое основная часть оуновцев отбывала наказание в виде заключения в ИТЛ или ссылки. Лишь во второй половине 1950-х гг., по прошествии сроков основного наказания, их стали переводить на спецпоселение (см. разд. 5.5.).

Высылке подвергались все семьи оуновцев, включая те, в которых главы семей были арестованы или убиты при вооружённых столкновениях. По этой причине женщин на спецпоселении было примерно в 1,5 раза больше, чем мужчин, почти треть составляли дети (см. табл. 29). По данным В.Н. Земскова, национальный состав оуновцев, за редким исключением, был однородно украинским¹²². Районы их выхода частично можно проследить по лич-

ным учетным делам спецпоселенцев. Так, в Архиве УВД Амурской области хранилось около 5 000 дел на отбывших спецпоселение лиц, выселенных с территории Украинской ССР, 115 дел — из Львовской области, 381 — Тернопольской, 227 — Ровенской, 104 — Волынской, 79 — Дрогобычской¹²³.

Таблица 29

**Динамика численности спецпоселенцев-оуновцев
на Дальнем Востоке в 1949 — 1959 гг.** ¹²⁴

	01.10.49	01.07.50	01.01.51	01.01.52	01.01.53	01.06.56	01.01.58	01.01.59
Хабаровский край								
Всего	5 089	19 370	24 976	26 316	26 029	16 765	10 706	3 084
Муж.	нет св.	нет св.	6 866	7 497	19 117	нет св.	нет св.	нет св.
Жён.	нет св.	нет св.	11 167	11 892		нет св.	нет св.	нет св.
Детей	нет св.	нет св.	6 943	6 927	6 912	нет св.	нет св.	нет св.
Семей	нет св.	нет св.	7 023	нет св.	7 020	нет св.	нет св.	нет св.
Амурская область								
Всего	1 338	5 638	5 604	5 663	5 768	3 917	2 766	895
Муж.	нет св.	нет св.	1 524	1 589	4 275	нет св.	нет св.	нет св.
Жён.	нет св.	нет св.	2 532	2 596		нет св.	нет св.	нет св.
Детей	нет св.	нет св.	1 548	1 478	1 493	нет св.	нет св.	нет св.
Семей	нет св.	нет св.	1 543	нет св.	1 506	нет св.	нет св.	нет св.
Приморский край								
Всего	—	1 218	1 215	1 556	924	626	508	102
Муж.		нет св.	369	474	701	нет св.	нет св.	нет св.
Жён.		нет св.	495	662		нет св.	нет св.	нет св.
Детей		нет св.	351	420	223	нет св.	нет св.	нет св.
Семей		нет св.	314	нет св.	224	нет св.	нет св.	нет св.
Дальстрой / Магаданская область								
Всего	—	13	15	18	24	307	63	31
Муж.		нет св.	11	нет св.	24	нет св.	нет св.	нет св.
Жён.		нет св.	4	нет св.		нет св.	нет св.	нет св.
Детей		нет св.	—	—	—	нет св.	нет св.	нет св.
Семей		нет св.	—	нет св.	2	нет св.	нет св.	нет св.
Итого по ДВ								
Всего	6 427	26 284	31 810	33 553	32 745	24 765	13 585	4 112
Муж.			8 770	9 560	24 117	нет св.	нет св.	нет св.
Жён.			14 198	15 150		нет св.	нет св.	нет св.
Детей			8 842	8 825	8 628	нет св.	нет св.	нет св.
Семей			8 880	нет св.		нет св.	нет св.	нет св.

Оуновцы освобождались из спецпоселений в числе последних. Процесс этот шёл постепенно, включая на каждом этапе отдельные подгруппы этого контингента. 15 мая 1956 г. вышло постановление СМ СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с членов семей украинских и белорусских националистов, освобождаемых из ссылки на поселение». Члены семей могли вернуться к прежним местам жительства, но самим националистам это было запрещено согласно Указу ПВС Украинской ССР от 9 ноября 1956 г. «О запрещении бывшим руководителям и активным участникам украинского националистического подполья, которые были осуждены и отбыли наказание, возвращаться в западные области Украинской ССР». За самовольное возвращение грозило наказание в виде ссылки до 5 лет по приговору суда. Постановление СМ СССР от 21 мая 1956 г. и задачи по его исполнению были объявлены региональным подразделениям в приказе МВД СССР № 0192 от той же даты¹²⁵.

На 1 июня 1956 г. в спецпосёлках Дальнего Востока находилось 21 202 выселенца из Западной Украины. Их состав по группам учёта отражён в табл. 30.

Таблица 30

**Состав спецпоселенцев-оуновцев по группам учёта
на 1 июня 1956 г. (чел.)¹²⁶**

	Всего	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область
Бандиты	522	14	508	—	—
Члены семей бандитов	10 096	261	7 782	1 859	194
Пособники	2 764	110	1 968	594	92
Чл. семей пособников	7 230	241	5 504	1 464	21
Кулаки с семьями *	590	—	590	—	—
Всего	21 202	626	16 352	3 917	307

Примечание: * хотя спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были освобождены ещё в 1947—1950 гг., некоторые оставались на учёте как принадлежавшие к другим контингентам (немцам, калмыкам, оуновцам и т.п.). См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 231.

К сентябрю 1956 г. в соответствии с приказом № 0192 из спецпоселений освободили 13 841 члена семей украинских и белорусских националистов, в том числе на Дальнем Востоке — 1 507 чел.: в Хабаровском крае — 972, Амурской области — 370, Магаданской области — 162, Приморском крае — 3 чел.¹²⁷

Кроме того, в связи с выходом Указа ПВС СССР от 10 марта 1956 г.* Министерство внутренних дел СССР 23 июля того же года направило в МВД РСФСР распоряжение «освободить из-под надзора органов МВД всех украинских и белорусских националистов, ранее содержавшихся в ссылке на поселении и в соответствии с Приказом МВД СССР от 29 ноября 1955 г. № 11815/ВП переведенных на положение спецпоселенцев», а также членов их семей. По Магаданской области было выявлено 14 чел., подпадавших под это распоряжение. Помимо этого Магаданское УВД сообщением от 23 декабря 1956 г. отчиталось о снятии с учёта 93 украинских и белорусских националистов, судимых за контрреволюционные преступления, совершенные ими в возрасте до 18 лет (они после отбытия наказания в ИТЛ находились в ссылке на поселении, а затем были направлены на соединение с семьями и взяты на учёт по категории спецпоселенцев). Одновременно были освобождены и 142 члена их семей, всего — 235 чел.¹²⁸ В результате численность спецпоселенцев «оуновцев» с 1956 по 1958 гг. сократилась почти в два раза (см. табл. 29).

Следующими этапами были Указ ПВС СССР от 19 мая 1958 г. о снятии ограничений по спецпоселению с пособников националистическому подполью, бывших кулаков и членов их семей обеих подгрупп и Указ ПВС от 7 января 1960 г. об освобождении членов семей руководителей и участников банд националистического подполья. В обоих случаях им не возвращалось конфискованное имущество и запрещалось возвращаться в места, откуда они были выселены (впрочем, этот запрет мог быть отменен, для чего требовалось разрешение органов власти территорий выселения). Последняя подгруппа спецпоселенцев, представлявшая наиболее активных участников националистических банд, была освобождена поэтапно в 1960—1965 гг.¹²⁹

В 1943—1945 гг. в СССР были проведены операции по выселению ряда **этнических групп с территорий Северного Кавказа, Закавказья и Крыма**. Тотальным депортациям подверглись чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары. Все они подпали под действие Указов ПСВ от 26 ноября 1948 г. и 9 октября 1951 г. о выселении в отдалённые районы «навечно». Как и в отношении калмыков выселение носило характер возмездия за те преступления против советского государства, которые в годы войны совершила определенная часть представителей этих народов, в том числе за организацию националистического подполья, бандформирований, сотрудничество с немецкими войсками, дезертирство, уклонение от службы в Красной Армии и т.п.¹³⁰ Их переселили в основном в Казахстан. Власти республики отмечали в докладных записках, что выселенцы с Северного Кавказа, особенно чеченцы и ингуши, являются «наиболее озлобленной частью» спецпоселенцев, и ставили вопрос о нецелесообразности их концентрации «в местах расположения ответственных промышленных объектов»¹³¹.

* Указ ПВС СССР от 10 марта 1956 г. «Об отмене Указа ПВС от 31.02.1948 “О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдалённые местности СССР”». См.: Полян П.М. Не по своей воле... С. 265.

Возможно, поэтому позже их стали расселять в некоторых других районах небольшими партиями — либо в рамках территориального перераспределения рабочей силы, либо выявляя из других потоков (репатриантов, бывших заключённых и т.п.). В 1949 г. в Дальстрое на учёт спецпоселений были поставлены 123 высленца из Крыма (111 татар, 7 балкарцев, 4 армянина, 1 грек) и 99 чел. с Северного Кавказа (74 чеченца, 12 балкарцев, 9 карачаевцев, 4 ингуша), все — мужчины. В следующем году этот контингент появился в Хабаровском крае (86 чел. с Кавказа, 7 из Крыма) и незначительно пополнился в Дальстрое (до 301 чел.). В 1950-е гг. чуть более 10 высленцев с Кавказа находились также на спецпоселении в Амурской области и единицы — в Приморском крае. В 1952 г. на Дальнем Востоке пребывало 274 высленца из Крыма и 254 — с Северного Кавказа, всего — 528 чел. (450 муж., 46 жён., 32 реб.). Среди них было только 38 семей, что объяснялось абсолютным преобладанием мужчин¹³².

В 1956 г. указы ПВС СССР сняли ограничения по спецпоселению с этих народов, и всех их освободили. При этом депортированным кавказским народам поначалу было запрещено возвращаться на родину, но в 1957 г. запрет был отменен с полным или частичным восстановлением автономий (Кабардинская АССР, Карачаево-Черкесская АО, Чечено-Ингушская АССР). В отличие от них крымские татары, восстановленные в гражданских правах и снятые с учёта спецпоселений, были лишены права на репатриацию и возвращение конфискованного имущества. Политическую реабилитацию они получили только в 1967 г.¹³³

Депортации, проведённые в СССР после войны, в наибольшей степени коснулись **народов Прибалтики**. В 1945 и 1948 гг. из Литовской ССР были выслены семьи участников бандформирований и националистов, продолжавших вести активную вооружённую борьбу, находившихся на нелегальном положении или убитых при столкновениях, а также пособников бандитов — «кулаков» с семьями. В следующем году аналогичные группы были депортированы не только из Литвы, но также Латвии и Эстонии на основании Постановления СМ СССР от 29 января 1949 г. Перед операцией министр МВД СССР С.Н. Круглов разослал телеграфное распоряжение министру МВД Якутской АССР, начальникам УМВД Хабаровского и Красноярского краёв, Томской, Новосибирской, Омской, Иркутской и Амурской областей, которым давал распоряжение проверить возможности расселения и трудоустройства в сельском хозяйстве данной группы высленцев. В ответе из Хабаровского УМВД сообщалось, что край готов принять 6 тыс. семей с использованием их только в рыбной и лесной промышленности, но завести их можно было лишь в июне с открытием навигации в низовьях Амура. Поскольку выселение планировалось на 20—25 марта, то Хабаровский край (и по той же причине Якутскую АССР) из перечня мест вселения исключили¹³⁴. Всего в 1945—1949 гг. из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР было депортировано 142,5 тыс. чел.¹³⁵

В рамках «зачистки» Прибалтики на основании постановления СМ СССР от 29 декабря 1949 г. проводилось также выселение «кулаков с семья-

ми, семей бандитов, националистов и репрессированных за антисоветскую деятельность» с территории Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской области, входивших до 1940 г. в состав Эстонии. В современной литературе есть мнение, что эту группу переселили в Хабаровский край¹³⁶. Однако это требует уточнения. В некоторых документах, например, в письме С.Н. Круглова на имя управляющего делами СМ СССР М.Т. Помазнева от 28 мая 1949 г. действительно предлагалось такое решение¹³⁷, но, очевидно, оно было изменено, о чём свидетельствует приказ МВД от 1/2 марта 1950 г., обязавший провести расселение данной группы депортантов (425 семей, 1563 чел.) в Красноярском крае¹³⁸. Аналогичного приказа и каких-либо других документов о приёме спецпоселенцев из Псковской области в Хабаровском крае не выявлено. Так как операция планировалась в мае, то вероятной причиной «отказа от услуг» Хабаровского края так же, как и в предыдущем случае, могли быть сезонные условия транспортировки выселенцев, труднодоступность мест спецпоселения в Хабаровском крае до открытия речной навигации. Отсутствие «псковитян» в спецпосёлках Дальнего Востока подтверждают и сведения В.Н. Земскова: на 1.01.1953 г. из 1 356 чел. этого контингента 954 находились в ИТЛ и на стройках МВД, 393 — в Красноярском крае и 9 чел. — в Кемеровской области¹³⁹.

Депортация из Прибалтики носила характер «зачистки», поскольку вывоз родственников и членов семей лишал повстанцев поддержки, возможности получать продукты питания, одежду, информацию. Помимо этого в 1951 и 1952 гг. из Литвы были депортированы «кулаки» с семьями (18 027 чел.) за враждебные действия против колхозов. Поскольку главы большинства выселенных семей находились в подпольных отрядах, а часть погибла или укрывалась, то среди депортантов преобладали женщины, дети и престарелые. Выселенным в 1945—1948 гг. срок спецпоселения не был указан, а тем, кого вывезли в 1949—1952 гг., — определялся «навечно» с распространением на них действия указа ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. об уголовной ответственности за побег¹⁴⁰.

Одна из групп латышей (5 451 чел., 2 028 семей *), выселенных в 1949 г., была направлена в Амурскую область. В других местах Дальнего Востока спецпоселенцев из Латвии не было, если не считать несколько человек, попавших в Хабаровский край¹⁴¹. Динамика их численности и посемейный состав отражён в табл. 31.

По данным члена общества «Мемориал» Амурской области Е. Паршина, значительную часть прибывших из Латвийской ССР поначалу размести-

* М.Ю. Бобков в своей статье указывает, что 5 451 чел. прибыли 28 марта 1949 г. в Амурскую область из Литвы, Латвии и Эстонии (см.: Бобков М.Ю. Спецпереселенцы в Рухловском районе // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5. Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск: Приамурье, 2007. С. 447). Но это утверждение ошибочно. Согласно официальным документам в Амурскую область выселенцев направили из Латвии.

ли в г. Свободном. Работали они на лесоперевалочной базе, жили в бараках, где до этого находились японские военнопленные. Через некоторое время из г. Свободного всех их отправили пароходами вверх по р. Зее для работы на лесоучастках, распределив по уже имевшимся населённым пунктам или по вновь организованным (пос. Черная Речка, Поляковское, Кравченко, Ураловка, Алгач и др.)¹⁴³. Одну из групп латышей сначала определили в колхоз «Кантонская коммуна», но затем переселили в Кухтеринский леспромхоз¹⁴⁴.

Таблица 31

**Численность спецпоселенцев-латышей в Амурской области
в 1949 — 1956 гг. ¹⁴²**

	Семей	Чел.	Мужчин	Женщин	Детей
1949	2 028	5 451	нет св.	нет св.	нет св.
01.07.50	нет св.	5 156	нет св.	нет св.	нет св.
01.01.51	1 787	5 028	1 247	2 543	1 238
01.01.52	нет св.	5 019	1 272	2 579	1 168
01.01.53	1 484	5 022	нет св.	нет св.	792
01.01.56	нет св.	3 261	1 179*	2 082*	
01.06.56	нет св.	2 657	нет св.	нет св.	нет св.
01.01.58	нет св.	280	нет св.	нет св.	нет св.
01.01.59	нет св.	76	нет св.	нет св.	нет св.

Примечание: * лица всех возрастов

Кроме латышей на Дальний Восток направили также 760 литовцев, всех — в Хабаровский край (см. табл. 32).

Таблица 32

**Численность спецпоселенцев-литовцев в Хабаровском крае
в 1951 — 1956 гг. ¹⁴⁵**

	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
01.01.51	186	760	255	302	203
01.01.52	нет св.	753	253	307	193
01.01.53	188	749	нет св.	нет св.	191
01.01.56	нет св.	511	243*	268*	
01.06.56	нет св.	350	нет св.	нет св.	нет св.
01.01.58	нет св.	195	нет св.	нет св.	нет св.
01.01.59	нет св.	4	нет св.	нет св.	нет св.

Примечание: * лица всех возрастов

Таблицы 31, 32 показывают, что во второй половине 1950-х гг. началось постепенное освобождение спецпоселенцев прибалтов, к 1956 г. их численность сократилась в два раза, а среди оставшихся преобладали спецпоселенцы подконтингента «кулаки и их семьи». Но в Хабаровском крае по учёту ОСП в том же году стали проходить 48 эстонцев (в 1957 г. 15 эстонцев появились на спецпоселении и в Амурской области), в Магаданской области — 280 литовцев и 87 эстонцев.

Таблица 33

Численность спецпоселенцев–прибалтов на Дальнем Востоке по категориям учёта на 1 июня 1956 г. (чел.)¹⁴⁷

	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область
Из Литовской ССР	350	—	280
Из них бандиты и участники националистических организаций	—	—	208
Члены их семей	1	—	50
Пособники бандитов	2	—	17
Члены семей пособников	4	—	1
Кулаки и их семьи	345	—	4
Из Латвийской ССР	13	2 657	126
Из них бандиты и участники националистических организаций	—	120	77
Члены их семей	2	660	26
Пособники бандитов	—	7	10
Члены семей пособников	—	69	8
Кулаки и их семьи	11	1 801	5
Из Эстонской ССР	48	—	87
Из них бандиты и участники националистических организаций	3	—	65
Члены их семей	43	—	20
Пособники бандитов	—	—	2
Члены семей пособников	1	—	—
Кулаки и их семьи	1	—	—

Если эстонцы в Хабаровском крае в основном были членами семей участников бандформирований, то в Магаданской области большинство прибалтов сами являлись бывшими бандитами и участниками националистических организаций, которые, по-видимому, отбыли наказание в колым-

ских лагерях или в ссылке на поселения и затем были переведены в статус спецпоселенцев. Скорее всего, члены семей прибыли к ним из других мест проживания. В 1958 г. освобождение в основном завершилось: на 01.01.59 на учёте ОСП оставалось 76 латышей, 4 литовца и 7 эстонцев¹⁴⁶.

Ещё одной группой этнических депортантов послевоенного времени на Дальнем Востоке стали **выселенцы из Молдавии**. В 1949 г. МВД, ЦК КП(б) и СМ Молдавской ССР выступили с инициативой выселить из республики население, враждебное советской власти. Поддержав предложение, СМ СССР 6 апреля 1949 г. принял Постановление № 1290—467сс «О выселении из Молдавской ССР бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкой и румынской полицией, участников профашистских организаций, белогвардейцев, а также семей всех этих категорий». Приказом МВД СССР № 00564 от 11 июня 1949 г. намечалось расселить указанные категории в качестве спецпоселенцев в Бурят-Монгольской АССР, ряде краёв и областей Сибири, а на Дальнем Востоке — в Хабаровском крае и Амурской области (для трудового использования в золотодобывающей промышленности). Во время стремительной операции под названием «Юг» в течение двух суток — 6 и 7 июля — из республики депортировали 35 тыс. чел. (11,3 тыс. семей)¹⁴⁸.

К октябрю 1949 г. на Дальний Восток прибыло 1 944 выселенца из Молдавии, которых разместили примерно поровну в Хабаровском крае (946 чел.) и Амурской области (998)¹⁴⁹.

Процесс их приёма в Хабаровском крае описан в докладной начальника краевого УМВД В.С. Царева министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову от 25 августа 1949 г. Эшелон с депортантами общей численностью 946 чел. (279 муж., 432 жён., 235 детей) прибыл 2 августа со ст. Окница Молдавской ССР на ст. Красная Речка Дальневосточной железной дороги (в 28 км от Хабаровска), где их встречала оперативная группа из 5 чел. и 12 чел. конвоя, который оцепил весь эшелон и участок разгрузки. Затем людей грузовыми машинами перевезли в зону лагерного отделения УПВИ на той же станции, откуда до этого были вывезены по репатриации военнопленные японцы. Вся зона лагеря охранялась местным гарнизоном конвойных войск МВД в течение всего периода пребывания там выселенцев из Молдавии, побегов допущено не было. Прибывших разместили в бараках, организовали питание через Управление военного снабжения округа из расчёта 5 руб. в сутки на человека. В последующие два дня проходила санитарная обработка — людей помыли в бане, вещи обработали в дезокамере (в документе отмечалась стопроцентная завшивленность прибывших из-за плохих санитарных условий в пути следования). В лагере оформили анкеты индивидуального учёта спецпоселенцев на основании личного опроса, так как никаких документов, служивших основанием к их выселению, и личных дел с прибывшими не оказалось. Затем им объявили Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. (о поселении навечно) и Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. (о правовом

положении), взяли соответствующие расписки от каждого взрослого, после чего все 946 чел. тремя партиями под конвоем во главе с офицерами были направлены на золотые прииски треста Приморзолото¹⁵⁰.

В начале 1950-х гг. численность спецпоселенцев, прибывших из Молдавии, в регионе почти не менялась (на 01.01.52 — 1 936 чел., 618 муж., 880 жён., 438 детей). Лишь с 1953 г. она стала сокращаться, составив 1 863 чел. (608 семей, из них в Хабаровском крае — 319, Амурской области — 289), к 1956 г. — уменьшилась вдвое по сравнению с годом прибытия (на 01.01.56 — 944 чел., в т.ч. в Хабаровском крае — 493, Амурской области — 451)¹⁵¹. В 1958 г. были освобождены почти все из оставшихся в регионе на спецпоселении 458 молдаван (на 01.01.59 на учёте числилось 9 чел.)¹⁵².

В 1950-е гг. по учетам ОСП проходили также **иностранцы граждане и лица без гражданства**. На Дальнем Востоке их число было невелико — от единиц (граждане Финляндии, Франции, Югославии, Турции, лица без гражданства) до нескольких десятков (граждане Польши). К сожалению, документы содержат лишь отрывочную информацию о них. Не ясно, когда и в составе каких контингентов они числились. В 1956 г. большинство поляков было репатриировано¹⁵³.

Спецпоселенцы — участники националистического подполья, особенно выселенцы из Прибалтики и оуновцы, считались наименее благонадёжными в политическом отношении. В их среде почти открыто велись разговоры о том, что в случае англо-американской агрессии против СССР нужно уйти в тайгу и вести партизанскую войну против СССР. Прибалты вели переписку с жителями США, организовывали подпольные антисоветские организации и группы, в том числе в Хабаровском крае¹⁵⁴ и Амурской области. В Магаданской области, по словам секретаря обкома партии Абалкова (1955 г.), ни один спецпоселенец из числа молодёжи не вступил в комсомол из-за «серьезного влияния со стороны украинских и прибалтийских националистов»¹⁵⁵.

По данным прокуратуры Амурской области, за 1950 г. и 7 мес. 1951 г. за антисоветскую деятельность были арестованы 50 спецпоселенцев, в том числе 35 латышей, 6 молдаван, 9 украинских националистов. В 1951 г. именно за счёт спецпоселенцев произошёл рост «преступности антисоветского характера» в городах Благовещенске, Куйбышевке-Восточной и Шимановском районе, где органами МГБ были вскрыты несколько антисоветских групп, которые были настроены крайне враждебно к советской власти, вели «разлагательную» агитацию, отправляли своим знакомым письма «резкого контрреволюционного содержания», открыто пели националистические песни. Одну из групп возглавлял работавший начальником участка в Воздвиженском совхозе латыш Э.Э. Приеде, по делу которого было арестовано 11 чел. Ему инкриминировали «...организацию контрреволюционной группы латышей (...), которые с момента выселения из Латвии проводили враждебную деятельность в совхозе, готовясь к активной борьбе с советской властью на стороне американского империализма». По аналогичному

обвинению арестовали студента Благовещенского сельскохозяйственного института спецпоселенца латыша П.Я. Диндониса. Организованная им подпольная группа регулярно собиралась на одной из квартир, обсуждала планы активной борьбы с советской властью, склоняла других спецпоселенцев к нелегальному приобретению оружия.

Этот всплеск криминальной активности на антисоветской почве привел к тому, что в прокуратуре области возникла идея возврата к социальным зачисткам, для чего предлагалось «...поставить вопрос перед обкомом ВКП(б) о немедленном удалении из г. Благовещенска как областного и пограничного центра спецпоселенцев, не внушающих доверия, провести мероприятия по очищению учебных заведений от лиц, враждебно настроенных к советской власти», лишить их прописки в Благовещенске, не допускать на ответственные должности на производстве, в общественные организации, институты и техникумы, а также предлагалось «указать хозяйственным руководителям на их политическую близорукость и необходимость повышения политической бдительности»¹⁵⁶.

Следует отметить, что в этот период идея «зачистки» приграничной зоны Дальнего Востока реанимировалась и на уровне центральной власти, но не получила практического воплощения (см. разд. 5.7.). Борьба с антисоветскими проявлениями в среде спецпоселенцев велась органами МГБ и МВД так же, как и среди остальных групп населения — путём профилактической работы либо уголовного преследования. На 1 января 1956 г. из спецпоселенцев, состоявших на учёте ОСП по Дальнему Востоку, 25 латышей, 3 литовца и один эстонец находились в местах лишения свободы (по всем видам преступлений, в т.ч. уголовных)¹⁵⁷.

Взаимоотношения депортантов из западных регионов с местным населением нередко были враждебными. Например, в УМГБ по Хабаровскому краю поступали многочисленные жалобы от спецпоселенцев о нанесении им оскорблений (колхозники называли их «бендеровцами»). Взаимная неприязнь проявлялась в хулиганских поступках и драках. Одна из драк произошла 22 февраля 1953 г. в день выборов в местные Советы на избирательном участке пос. Талаканки, куда ворвалась группа пьяных молодых спецпоселенцев и учинила дебош. Подсчитывать голоса и оформлять необходимые документы участковая избирательная комиссия была вынуждена на другом избирательном участке — в клубе Амурлага, который находился в 6 км от пос. Талаканки¹⁵⁸.

Репутация наименьшей благонадёжности выселенцев «националистов» стала причиной того, что они получили освобождение из спецссылки в числе последних. Когда в 1953 г. было принято решение о массовом снятии с учёта спецпоселенцев, то оно не относилось к таким категориям, как выселенцы с Кавказа, Черноморского побережья, из Прибалтики, Молдавии, оуновцы, бандиты, бандпособники и члены их семей, немцы-репатрианты и некоторые другие. Их оставили в прежнем статусе «временно», обосновывая

«необходимостью постепенного их освобождения из спецпоселения с тем, чтобы не нарушить хозяйственной жизни районов мест поселений, дать возможность соответствующим министерствам провести ряд мер по закреплению освобождаемых в местах поселений, а также не допустить массового прилива освобождённых к прежним местам жительства, учитывая, что эти контингенты в значительной своей части ещё непрочно осели на новых местах жительства, и есть опасения, что в случае снятия с учёта они будут возвращаться в места, откуда производилось их выселение»¹⁵⁹.

С середины 1950-х гг., когда государство вступило в период постсталинского реформирования и некоторой либерализации режима, менялось и политическое отношение к оставшимся в спецсылке «националистам и их пособникам», что также объяснялось стремлением государства закрепить их в местах проживания, обеспечить лояльность к власти и постепенную интеграцию в ту часть общества, которую составляли полноправные граждане. В частности, в Постановлении бюро Магаданского обкома КПСС «Об усилении массово-политической работы среди спецпоселенцев» от 29 апреля 1955 г. отмечались «факты неправильного отношения к ним», говорилось о том, что нет «должной политико-воспитательной работы» со стороны профсоюзной и партийной организаций области, отсутствовала такая информация местных газет и радио, которая бы учитывала наличие в области спецпоселенцев из Западной Украины и Прибалтийских республик. В качестве мер улучшения работы с этой категорией населения бюро обкома обязало окружком, горком, райкомы КПСС «наряду с лекциями и докладами о внутренней и внешней политике коммунистической партии и Советского правительства проводить лекции и доклады, показывающие успехи хозяйственного и культурного строительства Украинской ССР, прибалтийских республик, укрепление дружбы народов СССР, расцвет советского патриотизма, братской солидарности трудящихся всех стран в борьбе за мир во всем мире». От отдела пропаганды и агитации обкома КПСС и областного отделения Всесоюзного общества «Знание» требовалось «...проводить в районах лекции и доклады, разоблачающие буржуазный национализм, великорусский шовинизм как пережитки капитализма, на конкретных примерах показывать развитие советских социалистических наций, расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР». Перед профсоюзами ставилась задача вовлекать в свои ряды спецпоселенцев, награждать и поощрять их за трудовые успехи, использовать на работе в соответствии с их образованием и специальностью. Редакциям газеты «Магаданская правда», окружных и районных газет, областному отделу радиосообщений предлагалось наряду с размещением материалов «...об успехах хозяйственного и культурного строительства СССР публиковать также статьи, письма трудящихся, корреспонденции об успехах развития хозяйства и культуры Украины, особенно её западных областей, Прибалтийских советских республик», то же — транслировать по радио. Областному управлению культуры вменя-

лось в обязанность «...включать в репертуар театра, ансамблей песен и пляски и художественной самодеятельности районных домов культуры наряду с произведениями классиков советские пьесы об успехах СССР, расцвете советской культуры, также пьесы и музыкальные произведения, раскрывающие жизнь и успехи хозяйственного и культурного строительства украинского народа и трудящихся Прибалтики, разоблачающие антинародную политику украинских и буржуазных националистов, шире использовать в этих целях кино». Областной отдел Союзпечати и Облкниготорга должен был завезти для распространения среди спецпоселенцев необходимое количество литературы из Украинской ССР и Прибалтийских республик как на русском языке, так и на языках народов этих союзных республик. Среди рекомендованного списка лекций и докладов были следующие: «Дружба народов — источник силы Советского Союза», «Братская дружба русского и украинского народов», «Успехи хозяйственного и культурного развития народов Прибалтийских советских республик», «Чем отличаются социалистические нации от буржуазных наций», «Борьба КПСС за создание и укрепление многонационального Советского государства», «Воссоединение украинского народа в единое советское национальное государство», «Украинские буржуазные националисты — заклятые враги братского союза украинского и русского народов» и др.¹⁶⁰ Из Амурской области в 1955 г. сообщали, что большинство спецпоселенцев выписывает по два — три и больше периодических изданий, часть из них — на родном языке¹⁶¹.

Массовое освобождение вышеперечисленных категорий граждан состоялось в 1954—1959 гг., которое показало, что надежды органов власти на закрепление депортантов в местах ссылки были беспочвенными. Подавляющее большинство освобождённых оттуда выбыли. Так, за 1956 г. и первую половину 1957 г. в Хабаровском крае, Иркутской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Томской, Читинской областях и Бурят-Монгольской АССР получили разрешение на выезд 62 730 бывших спецпоселенцев, из которых 53 180 (84,8%) выехали из мест поселения, и только 9 550 чел. (15,2%) предпочли остаться или отложить выезд¹⁶².

В начале 1960-х гг. указами ПВС СССР¹⁶³ были освобождены последние из оставшихся спецпоселенцев, в том числе участники националистического подполья, бывшие торговцы, помещики и т.п., выселенные из западных областей Украины и Прибалтики.

5.4. «Указники» (крестьяне, выселенные из колхозов на основании Указа ПВС СССР от 2 июня 1948 г.)

Существенно отличалась по социальному составу, правовой основе и мотивации принудительного выселения от остальных групп спецпоселенцев послевоенного периода категория т.н. «указников», под которой понимались крестьяне, выселенные из сёл на основании Указов ПВС от 21 февра-

ля и 2 июня 1948 г. Одним из первых историков, кто обратился к этой проблеме, был В.П. Попов, опубликовавший в 1993 г. в авторском сборнике и научном журнале подборку документов (в том числе полный текст указа ПВС от 2 июня 1948 г.) с комментариями и вступительными статьями¹⁶⁴. Более подробно на базе общесоюзных материалов тему осветил В.Ф. Зима, сопоставивший применение указов от 21 февраля и 2 июня 1948 г. с усилением налогового давления на крестьянство и назвавший такую политику «вторым раскулачиванием»¹⁶⁵. В аналогичном ракурсе рассмотрел проблему канадский историк Ж. Левеск, считая применение указов пиком административного нажима на колхозы, что было логичным продолжением послевоенной политики советского руководства, нацеленной на максимальное усиление административного контроля над обществом¹⁶⁶. Е.Ю. Зубкова раскрывает действие указов сквозь призму общественных настроений на селе, а также обращает внимание на одно из социальных последствий их выполнения — маргинализацию части крестьянства¹⁶⁷.

В целом же в огромном потоке материалов о репрессивной политике советского государства этот сюжет несколько затерялся, а на уровне большинства регионов страны, в том числе и Дальнего Востока, и вовсе не исследовался¹⁶⁸. Частично такое состояние историографии проблемы может быть объяснено относительно небольшими масштабами охвата населения данной репрессией. Однако её политическая сущность и социальная направленность требуют более подробного изучения.

Характер выявленных источников позволяет нам уделить внимание не только «конечному» пункту реализации указа — прибытию выселенных крестьян в спецпосёлки региона, но и его «отправному» этапу — процессу «отбора» выселенцев в дальневосточных сёлах и колхозах. Следует отметить, что среди общей группы официальных отчетов о выселении «указников» из различных регионов страны, находящихся на хранении в фондах ГАРФа, соответствующих материалов по Сахалинской, Камчатской областям и Дальстрою (совр. Магаданская обл.) обнаружить не удалось, что может свидетельствовать о том, что данных территорий в силу особенностей их развития в рассматриваемый период указ не касался.

Появление контингента «указников» в структуре принудительных мигрантов было связано с тяжёлой ситуацией, которую переживал аграрный сектор экономики. Во второй половине 1940-х гг. сельское хозяйство страны находилось в затяжном кризисе, с большим трудом оправляясь от последствий прошедшей войны. Положение усугубили засуха и разразившийся голод 1946 г. Но вместо поддержки деревни правительство лишь усиливало свой пресс. Колхозы за бесценок сдавали государству практически всю произведенную продукцию. Крестьян облагали непосильным бременем многочисленных налогов и натуральных поставок, они работали в коллективном хозяйстве, не получая денежного вознаграждения. В 1946 г. было ликвидировано государственное снабжение сельского населения хле-

бом, что вызвало большой миграционный отток из деревни¹⁶⁹. Естественно, заинтересованность крестьян в работе на общественном поле была весьма низкой, производительность труда падала, усилилось стремление выйти из колхозов. В 1946 г. свыше 4 млн. трудоспособных колхозников не выполнили закона об обязательном минимуме трудодней, свыше 300 тыс. в колхозах не работали¹⁷⁰.

Все это в полной мере было характерно и для Дальнего Востока. Например, в Хабаровском крае согласно докладной начальника краевого УМГБ С. Гоглидзе министру госбезопасности В.С. Абакумову от 14 февраля 1948 г. число дворов в колхозах, составлявшее в 1940 г. 34,4 тыс., в 1946 г. уменьшилась до 30,6 тыс., 1947 г. — до 26,9 тыс., а численность трудоспособных колхозников с 1941 по 1947 г. сократилась с 80 тыс. до 57,8 тыс. чел., или на 40%. Значительная часть молодёжи стремилась уйти из села на работу в промышленность. За время войны сократились посевные площади, средняя урожайность зерновых культур упала до 7,7 ц с гектара в 1945 г. и до 4,1 ц в 1946 г. (для сравнения: в 1940 г. этот показатель достигал 11,6 ц с гектара). В 1947 г. колхозы края недовыполнили план государственных поставок хлеба на 28%, или на 24,5 тыс. т зерна. Основная масса колхозников получала на трудодень менее 500 г хлеба, а около половины — менее 300 г, тогда как в 1940 г. свыше половины колхозов выдали на трудодень от одного до пяти кг хлеба. В период хлебозаготовительной кампании 1947 г. в погоне за выполнением и перевыполнением планов госпоставок партийные и советские органы принуждали колхозы сдавать не только потребительское зерно, но и семенное. Создавшееся положение порождало негативные настроения как рядовых членов, так и руководителей колхозов («Никакой разницы между условиями жизни в нашем колхозе и условиями жизни заключенного в тюрьме я не вижу»; «Хлеба нет. За что же работать? Мне колхоз должен 20 ц хлеба, а ни одного кг не дали, все вывезли государству. Вот поэтому народ и не хочет работать в колхозе», и т.п.)¹⁷¹.

Выйти из кризиса партийно-государственные органы привычно пытались с помощью насильственных способов. На это были направлены Постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» от 27 июля 1946 г., массовые репрессии против председателей колхозов в 1945 и 1946 гг. и др. На Февральском Пленуме ЦК ВКП(б) 1947 г., проходившем в разгар продовольственного кризиса, прозвучал вывод о «расхищении общественных земель колхозов», «растаскивании колхозной собственности», «неправильном расходовании трудодней» в связи с «устаревшими, заниженными нормами выработки»¹⁷².

В этих условиях родилась идея о такой карательно-предупредительной мере, как выселение из мест проживания колхозников, плохо работавших в колхозах. Её инициатором стал Н.С. Хрущев, бывший в то время первым секретарём ЦК компартии Украины, и сама эта мера первоначально была при-

нята на Украине, где ситуация в области земельных отношений после войны отличалась особой сложностью. Результатом инициативы первого секретаря ЦК ВКП(б)У стало принятие Указа ПВС СССР от 21 февраля 1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни» и аналогичного Постановления СМ СССР от той же даты. На основании этих решений только за полтора месяца в республике было осуждено к выселению более 2 тыс. чел.¹⁷³ Их отправили в Карело-Финскую ССР и Тюменскую область для трудового использования на предприятиях министерства лесной промышленности¹⁷⁴. Таким образом, Указ ПВС от 21 февраля не коснулся Дальнего Востока ни относительно выселения собственных колхозников, ни вселения таковых с Украины.

Однако 2 июня 1948 г. ПВС СССР принял ещё один Указ с почти аналогичным названием «О выселении в отдалённые районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Его действие распространялось на территории РСФСР, УССР, БССР (в УССР и БССР за исключением западных областей), Карело-Финской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской и Киргизской ССР. Согласно указу общим собраниям колхозников или сёл и деревень предоставлялось право «...выносить общественные приговоры о выселении из села (деревни) лиц, которые упорно не желают трудиться, ведут антиобщественный образ жизни, подрывают трудовую дисциплину в сельском хозяйстве и своим пребыванием в селе угрожают благосостоянию колхозов, колхозников и их безопасности». Собрание считалось полномочным при условии присутствия на нём большинства членов колхоза или совершеннолетних крестьян села (деревни). Приговор принимался открытым голосованием простым большинством участников собрания, а затем утверждался райисполкомом, после чего принимал законную силу. «Указники» выселялись из пределов края, области, республики сроком на 8 лет в отдалённые местности, перечень которых устанавливал СМ СССР. По истечении 5 лет они могли возбудить ходатайство о возвращении на прежнее место жительства¹⁷⁵.

Следом за указом вышло Постановление СМ СССР № 1841—73сс от 3 июня 1948 г., которое установило порядок принятия решений и категории лиц, подпадавших под действие этой репрессии. Члены семей «указников» могли последовать за ними в добровольном порядке. Райисполкомы обязаны были в семидневный срок после вынесения общественного приговора проверить его и вынести решение об утверждении или отказе в утверждении. В течение этого срока органам МВД надлежало задерживать приговорённых и помещать их в КПЗ «в целях предупреждения возможных побегов и проявления мести»¹⁷⁶. В постановлении значился перечень мест и ведомств, куда направлялись выселяемые. К ним относились бассейны рек

Оби, Енисея и Лены, предприятия Дальстроя, Главцветмета и ИТЛ МВД, а также предприятия горнорудной, лесной, угольной, рыбной промышленности, министерства речного флота и совхозы районов поселения¹⁷⁷. Это означало, что Дальний Восток неизбежно попадал в число регионов, где не только из колхозов выселяли своих «указников», но и принимали таковых на спецпоселение из других краёв и областей.

Руководство страны понимало, что на практике проведение повсеместного выселения из колхозов лиц, которые в тяжёлый послевоенный период не ассоциировались с образом «врага» (как это было, например, с «влазовцами» или участниками националистических бандформирований), могло сопровождаться различными осложнениями. Очевидно, поэтому было решено провести кампанию руками самих колхозников, создавая иллюзию действенности колхозной демократии и направляя недовольство жизнью в деревне на своих же односельчан. Не случайно западные области УССР и БССР, в которых поддержка советской власти была слаба, а колхозный сектор невелик, были исключены из списка выполнения указа от 2 июня¹⁷⁸.

Идеолого-организационная подготовка кампании осуществлялась по двум каналам — через партийные органы и по линии управлений внутренних дел. Милиция контролировала оперативную обстановку и проводила непосредственное выселение конкретных лиц. Партийные власти обеспечивали «результативное» проведение собраний колхозников. Для этого руководители райкомов партии совместно с председателями колхозов и сельсоветов намечали кандидатуры на выселение, затем райкомовские работники проводили собрания в низовых партийных организациях, где обсуждали эти кандидатуры, и, наконец, решение принималось на общих собраниях колхозников.

На Дальний Восток указ ПВС и постановление СМ СССР поступили в руководящие органы в середине июня, и в конце месяца начали проходить первые колхозные собрания. На них присутствовали представители райкомов партии, райисполкомов, органов МВД. Интенсивность проведения собраний и численность колхозников, приговорённых к выселению, были невелики. Как правило, на каждом собрании к выселению приговаривались по одному — два человека и по два — три получали предупреждение. Например, в колхозах Приморского края до 10 августа прошло 43 собрания. Во вторую декаду августа их состоялось только 4, так как началась массовая уборка урожая. В некоторых районах работа по реализации указа не проводилась вовсе «по причине отсутствия подходящих кандидатур». По состоянию на 20 августа было вынесено общественных приговоров на выселение 61 чел. В Амурской области кампания осуществлялась во всех районах, за исключением Селемджинского, расположенного в северной части области и имевшего всего несколько национальных колхозов несельскохозяйственного типа. К 15 сентября 1948 г. в области было проведено 112 собраний, вынесено приговоров на выселение 121 чел., предупреждено 194 чел.¹⁷⁹

Собрания колхозников проходили по единому организованному сценарию. Сначала выступал председатель колхоза. Он говорил о состоянии трудовой дисциплины в хозяйстве, подробно останавливался на характеристике особо злостных прогульщиков и «тунеядцев», доводил до собравшихся содержание указа. Затем с разоблачительными речами выступали рядовые колхозники. После прений шло голосование, по его итогам принималось решение о выселении конкретных лиц. Выселяемый сразу же брался под стражу. Отметим, что предложенные руководством на выселение кандидатуры не всегда поддерживались селянами.

Отчёты с мест показывают, что собрания были многоядными, проходили, как правило, с большой активностью рядовых колхозников, особенно женщин. И это понятно — ведь именно на плечи женщин в военные и послевоенные годы легла основная тяжесть колхозного труда. Например, колхозница Матвиенко из с. Петровки Шкотовского района Приморского края говорила: «В этом году дела в колхозе против прошлого периода идут значительно лучше, однако и на сегодняшний день имеется много ещё недостатков. Мы отстаем с сенокосом, не справляемся с прополкой, а уже приближается уборка хлебов. Отставание наше объясняется тем, что отдельные колхозники ещё плохо работают, не болеют за колхозное добро. Но дело не только в этом. У нас есть много таких людей, которые по существу присосались к колхозу, как пиявки, тянут с него, живут, как паразиты, нигде не работают»¹⁸⁰.

В отчётах сообщалось, что большинство колхозников встретили указ положительно и выражали свою благодарность «партии, правительству и лично тов. Сталину» за то, что они «ограждают труд честных колхозников от лодырей и тунеядцев», «дают право самим колхозникам решать судьбу тех, кто нерадиво относится к колхозному строю». Многие рассматривали применение указа как «единственный метод для укрепления трудовой дисциплины в колхозах»¹⁸¹.

Однако поддержка указа, безусловно, не была абсолютной. В целом по стране при голосовании на общих собраниях колхозников воздержались или были против выселения односельчан от 5 до 10% присутствовавших. В Приморском крае на февраль 1949 г. таких насчитывалось более тысячи чел. из 9 тыс. участников собраний¹⁸². Например, коммунист Т.Е. Никулин из колхоза им. Коминтерна Кагановичского района на собрании говорил: «Это не метод — выселять. Всех выселим, а работать в колхозе будет некому. Колхозники живут плохо, давно не видят хлеба, поэтому и не работают». В колхозе им. Аникеева Биробиджанского района во время чтения общественного приговора на выселение гражданки Нимнюк колхозница Савельева бросила реплику: «Что мы — кулаки, чтобы нас выселяли? Мы не будем своих выселять в Сибирь». Из 73 присутствовавших голосовало за выселение Нимнюк только 13 чел. В колхозе «Трудовая нива» Калининского района Приморского края активность выступавших на собрании была весьма низкой, а голосо-

вало чуть более 50% его участников. Колхозник Бондаренко говорил: «Какая польза колхозу, что мы их выселим из колхоза. Мое предложение — этих колхозников предупредить и объявить им указ и на этом ограничиться, а если они не исправятся, то тогда и применить указ». В с. Борисоглебке Кагановичского района кандидат на выселение Семдянкин заявил: «Я подписку давать не буду, это добровольное дело. Когда колхозники голодают, то никто этого не видит, а теперь нас хотят принудить работать в колхозе»¹⁸³.

На многих общеколхозных собраниях наряду с обсуждением т.н. «паразитических элементов» жители сёл обрушили своё недовольство и на руководителей колхозов — председателей, членов сельсоветов, бригадиров, вскрывая безрадостную картину послевоенной советской деревни. Так, в колхозе им. Кагановича крестьяне обвиняли председателя колхоза Редькина и бригадира Малюгу «в нечутком, издевательском отношении к нуждам колхозников»: Малюга выходил на работу в пьяном виде, ругал колхозников нецензурными словами, больных людей заставлял заниматься тяжёлым физическим трудом, а председатель колхоза Редькин покрывал действия Малюги и вместе с ним пьянствовал. Дополнительным расследованием РО МВД было установлено, что Малюга и Редькин крали и продавали сою и овес из семенного фонда. Материалы на них были переданы в прокуратуру. На собрании в колхозе «Красный дичун» (Еврейская Автономная область) выяснилось, что председатель колхоза Перебейнос в то время находился под следствием за разбазаривание колхозного имущества. Он был приговорён к 5 годам условно и взысканию в пользу колхоза 50 тыс. руб.¹⁸⁴

Общая реакция населения на проведение в жизнь указа ПВС от 2 июня 1948 г. на Дальнем Востоке в основном была спокойной. Отмечались лишь несколько случаев высказывания угрозы по адресу выступавших на собраниях колхозников и попыток мести им. В колхозе им. Мухина Завитинского района 17-летний сын колхозника, получившего предупреждение по поводу своей плохой работы, организовал группу школьников, которые пытались избить одну из выступивших на собрании женщин и вымазали ей лицо сажей¹⁸⁵.

Приговорам на выселение подвергались в основном три группы жителей села. Наиболее часто упоминаются лица, которые игнорировали работу в колхозе, но при этом имели крепкие личные хозяйства. Выступавшие на собраниях колхозники называли их «паразитами», «болячками на здоровом теле», «пиявками, впившимися в колхозное добро», «пауками, тянущими в свою паутину все, что только можно урвать от колхоза и от государства, с честного труженика семьи погибшего фронтовика» и т.п.

Примером единодушного ostrакизма такого рода людей было собрание, проведённое в колхозе «Новый быт» (с. Романовка Шкотовского района), где на выселение была предложена кандидатура колхозника А.Ф. Шевченко. В выступлении председателя колхоза прозвучало, что Шевченко, «... устраиваясь на временные и сезонные работы в торгово-кооперативных ор-

ганизациях, рваческим путём, разными махинациями нажил себе хозяйство, расширил свои просторы. За счёт обмана, шантажа, спекуляции в прошлом, играя на трудностях войны, построил себе дом, купил три коровы, имеет свыше трёх голов свинопоголовья, птицу и личный огород в 0,42 га. Формально числил их на двух дочерях и одном сыне, которые совершенно никакого отношения к нему не имеют, а живут отдельно. Используя свою специальность слесаря, за выполняемые работы для колхоза брал с него втридорога. Проживая на Украине до 1930 г., за произведенную там растрату был осуждён к 2 годам лишения свободы». В прениях выступило 8 колхозников, все они одобряли указ и ругали Шевченко. Например, колхозник Евстафьев говорил: «Я инвалид 2-й группы и совершенно неработоспособный, я даже себя одеть не могу, но всеми силами я помогаю колхозу. Я работаю на птичнике и кормлю колхозную птицу, работа эта мне по силе. Но Шевченко — это паразит. Он нигде не работает, а живет лучше всех (...). Он косит покос для своего стада на колхозном массиве. Я предлагаю применить к этому паразиту и тунеядцу указ от 2 июня с.г. Пусть он там исправляется и испытает всю силу нашего приговора». Колхозница Яблокова под аплодисменты участников собрания закончила своё выступление словами: «Я, гражданка СССР, призываю всех собравшихся здесь поддержать указ от 2 июня 1948 г. и выселить Шевченко с нашего села как паразита, не желающего служить народу, и пусть он там испытает все тяготы, которые мы претерпели от него». После вынесения приговора в момент ареста Шевченко в зале собрания колхозники устроили бурную овацию¹⁸⁶.

На собрании в с. Оренбургском Бикинского района единогласно приняли приговор о выселении Игуменова, который, как следует из выступлений, «...имеет в семье 5 трудоспособных, но никто из них и сам Игуменов в колхозе не работают. В личном хозяйстве имеют три коровы, молочную продукцию продают на базаре по рыночным ценам, план госпоставок по мясу и молоку не выполняют. На колхозной земле посадил 1,5 га огорода»¹⁸⁷.

Подобного рода обвинения прозвучали и в адрес многих других выселяемых. Например, А.П. Васьков из колхоза им. НКВД (с. Петровка Шкотовского района), демобилизовавшись из армии в 1945 г., значительную часть времени нигде не работал, а проживал со своей матерью, в хозяйстве которой имелось две коровы, рабочая лошадь, свой дом и огород 0,85 га. С помощью лошади зарабатывал на вспашке огородов односельчан, беря по 10 руб. за 0,1 га, в том числе с вдов красноармейцев. Колхозник И.А. Сычевский из с. Дмитриевки Черниговского района на протяжении трёх послевоенных лет ежегодно с марта по ноябрь в колхозе не работал, а занимался сезонной охотой. В 1947 г., накосив самовольно на колхозных лугах сено, в зимние месяцы продавал его своим же колхозникам по спекулятивным ценам. Злостно уклонялся от расчетов с государством по обязательным поставкам мяса и молока¹⁸⁸. В колхозе «Заветы Ильича» (с. Борисовка Ворошиловского района Приморского края) собрание вынесло общественный приговор на выселе-

ние семьи А.М. Бушли, хозяйство которого называли «по существу кулацким», а доходы семьи — «нетрудовыми». Он с тремя взрослыми сыновьями и дочерью имел 3 дойные коровы и другой скот, огороды на колхозных землях (в 1947 г. — 3 га, 1948 г. — 1,25 га). В 1947 г. семья накосила 15 стогов сена, собрала более 200 мешков картофеля, свою продукцию продавала на рынке. В 1948 г. Бушля заплатил сельхозналог 11 тыс. руб., купил в селе два дома за 21 тыс. руб. и оформлял покупку третьего. По словам колхозников, выступивших на собрании, сыновья Бушли последние два года нигде, кроме личного хозяйства, не работали («...целыми днями пьянствуют и надсмехаются над колхозниками: “Дураков работа любит”»)¹⁸⁹.

Большое раздражение сельских жителей вызывали и переселенцы, получавшие льготы и ссуды, но уклонявшиеся от работы. Например, в колхозе «Путь Ильича» Завитинского района переселенцу Сиямову выдали 9 тыс. руб. на благоустройство и 2 ц зерна. Но он «...систематически нарушал трудовую дисциплину, занимался рвачеством. Работая шофером, раскомплектовал колхозную автомашину и привел её в полную негодность. (...) Будучи переведенным на работу трактористом, вывел из строя трактор, систематически не выполнял нормы выработки, чем срывал весенний сев. Впоследствии самовольно бросил работу и в период напряжённых сельскохозяйственных работ в колхозе в начале 1948 г. бежал из колхоза. Когда бригадир полевой бригады пришёл вызывать Сиямова на работу, то последний бросился с топором на бригадира»¹⁹⁰.

Третью группу «указников» составляли откровенные пьяницы и тунеядцы. В колхозе «Рассвет» Владивостокского сельского района к выселению был приговорён Макаров Г.А., в прошлом судимый, который систематически пьянствовал, в результате чего в 1948 г. выработал только 32 трудодня. Характерно, что за выселение голосовала и жена Макарова («...и даже перекрестилась, когда его повели для водворения в КПЗ»). Из колхоза «3-й Интернационал» (с. Новонежино Шкотовского района) была выселена Горбачева П.Е., нигде не работавшая с 1937 г. За кражу колхозной капусты в 1947 г. была осуждена к 5 годам лишения свободы условно, но и после этого не изменила образа жизни¹⁹¹.

Вместе с тем на общих собраниях колхозников проявилась и другая сторона человеческих отношений. Желая избавиться от всякого «балласта», сельчане с необъяснимой жестокостью и бездушием отнеслись к больным и немощным людям, многодетным и молодым матерям. Например, в с. Пашково Облученского района к выселению приговорили участника Отечественной войны Саламатина. В 1942 г. он был тяжело ранен, стал инвалидом. Тем не менее, вернувшись домой, работал лесным объездчиком. По работе характеризовался положительно. Два его сына погибли на фронте. Семья жила только за счёт получаемых им жалованья и пенсии. Ещё до общего собрания начальник РО МВД сообщил секретарю райкома партии о том, что эта кандидатура «явно не подходящая». Однако секретарь райкома всё же включил Са-

ламатина в список кандидатур, и колхозное собрание вынесло против него свой приговор, который лишь позже был отменен райисполкомом по представлению РО МВД. В Мазановском районе в колхозе «Ударник» к выселению приговорили мать 9 детей, кавалера ордена «Материнской славы» 1-й степени Слабоделюк О.К., не выработавшую минимума трудодней в связи с плохим состоянием здоровья. В с. Лончаково Бикинского района в таком же положении оказалась колхозница Ильясова, имевшая грудного ребенка, который продолжительное время болел. Между тем муж Ильясовой работал в колхозе бригадиром, и их семью нельзя было отнести к «тунеядствующим» или «паразитическим». Обе женщины были помещены в КПЗ, откуда их освободили только после отмены приговоров райисполкомами. В отличие от них приговор, вынесенный 49-летней жительнице с. Корсаково Хабаровского сельского района Митрофановой, райисполкомом был утверждён. И только на сборном пункте врачебная комиссия установила, что колхозница страдает припадочной болезнью и к физическому труду совершенно не пригодна, после чего приговор был отменен¹⁹².

Среди выселенных оказались инвалиды, больные шизофренией, туберкулезом и другими тяжёлыми недугами, а также жители сёл, не являвшиеся членами колхозов, а работавшие на других предприятиях. В Амурской области к 15 сентября 1948 г. из 121 чел., приговорённых к выселению, 35 были, как сказано в документе, «околоколхозниками, т.е. лицами, не являющимися членами колхозов, но проживающими за счёт последних». Из колхоза «Оборона» (с. Красноярово Серышевского района Амурской области) выселили Дебелову П.Д., которая прибыла туда только в 1947 г., в прошлом жительницу Ленинграда, где перенесшую все ужасы блокады. В сельском хозяйстве никогда не работала и, естественно, не смогла выработать положенного минимума трудодней. Несмотря на доводы органов милиции о том, что в данном случае можно было ограничиться предупреждением, а не выселением, райисполком утвердил приговор¹⁹³.

В колхозе «Колос» Куйбышевского района заместитель председателя райисполкома Аксенов наметил к выселению кандидатуру колхозника Старчукова из-за того, что в 1948 г. последний выработал якобы 54 трудодня. При тщательной проверке оказалось, что списки у председателя колхоза перепутаны и что Старчуков, будучи примерным колхозником, выработал 154 трудодня. Вмешательством РО МВД кандидатура Старчукова была отведена¹⁹⁴.

В некоторых случаях руководители колхозов использовали указ с заведомыми нарушениями, чтобы расправиться с неугодными лицами, свести с ними счеты. Правление колхоза «Партизан» Благовещенского района Амурской области выдвинуло на выселение кандидатуру С.М. Черных, обосновывая это невыработкой им обязательного минимума трудодней. Фактически же Черных, работая комбайнером, первым в МТС отремонтировал свой комбайн и в 1948 г. к дню проведения собрания выработал 120 трудодней, а в 1947 г. — 360. Его жена и сын также добросовестно работали в колхозе.

Однако Черных активно выступал на всех колхозных собраниях с критикой работы правления колхоза. При утверждении приговора из-за его явной тенденциозности более половины присутствовавших колхозников не стали голосовать и демонстративно покинули собрание. Несмотря на то, что за выселение голосовало только 25—30 чел., причём голосование проводилось трижды, Благовещенский райисполком этот приговор утвердил, и Черных незаконно был отправлен на спецпоселение¹⁹⁵.

В колхозе «Большевик» Спасского района на собрание явилось только 130 из 261 чел. Предварительно райком наметил к обсуждению четыре кандидатуры. Но председатель колхоза Заводовский в своём докладе остановился на них вскользь, а всю свою критику обрушил на колхозницу Гуменюк М.И., которая с 1941 по 1945 г. работала в колхозе звеньевой, в 1947 г. была награждена медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны». Но с 1947 г. минимум трудодней не вырабатывала из-за того, что страдала полиартритом. Большинство колхозников не поддержало вынесение приговора. Из 130 участников собрания за приговор голосовало только 46 чел. Секретарь райкома Ясинский стал переубеждать участников собрания. В результате вторичного голосования за выселение Гуменюк отдали голоса 74 колхозника. Приговор был утверждён Спасским райисполкомом. Позднее райотдел МВД провел дополнительное расследование, которое вскрыло ещё одно обстоятельство. Гуменюк с 1941 г. проживала со своим мужем в купленном ими доме, ранее принадлежавшем тестю председателя колхоза, выселенному в 1933 г. при раскулачивании. Последний возвратился из ссылки в 1947 г. и неоднократно угрожал Гуменюк, обещая, что она из квартиры будет выселена. Ещё через некоторое время в спецсообщении из УМВД в Москву было доложено, что случай неправильного выселения Гуменюк и её болезнь не подтвердились¹⁹⁶. Однако все вышеизложенное даёт основание сомневаться в чистоте этого разбирательства.

В с. Ильиновке Михайловского района Амурской области (колхоз «Профинтерн») председатель колхоза умышленно сфальсифицировал материалы общего собрания: вместо 20 чел., проголосовавших за выселение колхозника В.Е. Чернова, он проставил в протоколе 115 (100% присутствовавших). При дополнительной проверке оказалось, что колхозники не поддержали кандидатуру В.Е. Чернова на выселение, потому что он «не вел паразитического образа жизни, а с согласия правления колхоза был отпущен на курсы шоферов и после окончания курсов поступил работать в дорожно-эксплуатационный участок». Решение Михайловского райисполкома о выселении Чернова было отменено¹⁹⁷.

В целом в Хабаровском крае на 1 ноября 1948 г. собрания вынесли 78 приговоров на выселение, 11 из них как необоснованные были отменены райисполкомами. На спецпоселение отправились 66 «указников» (28 муж., 38 жён.) и 64 члена их семей (8 муж., 14 жён., 42 ребенка)¹⁹⁸. Больше всего на Дальнем Востоке колхозников было выселено из Амурской области:

к концу сентября таких насчитывалось 133 чел. (74 муж., 59 жён), с ними выехали 34 члена семей (4 муж., 9 жён., 21 ребёнок). Возвращены 9 чел., в основном инвалиды¹⁹⁹.

Подводя общие итоги исполнения указа от 2 июня 1948 г., зам. министра внутренних дел Серов докладывал в своей записке на имя Сталина, Молотова, Берии, Кузнецова и Маленкова, что на 22 октября 1948 г. из Приморского края было выселено 67 «указников» и 79 членов семей, из Хабаровского края (вместе с Амурской областью) соответственно — 152 и 120²⁰⁰. Таким образом, всего по Дальнему Востоку к концу октября на спецпоселение выехали 219 «указников» и 199 членов семей, то есть 418 чел. Как видим, число пострадавших от указа дальневосточников было относительно невелико, учитывая, что всего в сельском хозяйстве региона на 1945 г. работало 120 тыс. чел., в том числе 92 тыс. — в колхозах и МТС, 13 тыс. — в совхозах²⁰¹.

Из других районов страны выселение по указу от 2 июня 1948 г. проводилось более активно. К началу сентября 1948 г. из сёл РСФСР выдворили 12 тыс. чел., Украины — 9 тыс., из Казахстана — 1,7 тыс. В 1949 г. исполнение указа продолжилось, но в значительно меньших масштабах, а в 1950-е гг. в основном свелось к предупреждениям. По данным В.Ф. Зимы, на 1 сентября 1949 г. наибольшее количество людей было выселено из Курской области — 1 680 чел., Новосибирской — 780 чел., Московской и Вологодской — по 600 с лишним чел. и т.д.²⁰²

Но, несмотря на небольшой охват дальневосточников, реализация указа здесь, как и в других местах страны, возымела устрашающий эффект. Вот гротескная, но отражавшая истинное положение дел ситуация: председатель Лермонтовского поселкового совета Щекин и председатель колхоза «Ударник» Шадрин в чайной на вопрос посетителей, почему они гуляют в рабочее время, ответили: «А что нам теперь не гулять, вышел золотой указ. Мы ещё спим, а колхозники уже работают. А не будут работать — выселим»²⁰³.

Во всех отчётах с мест было отмечено, что трудовая дисциплина в колхозах резко улучшилась, повысилась производительность труда, крестьяне старались выработать необходимые трудодни. В колхозе «Ударник» Бикинского района до проведения собрания на полевые работы выходил 31 чел., а после него — 65, в колхозе «Оренбуржец» соответственно — 16 и 43, в колхозе «Краснофлотец» — 32 и 65. В колхозах «Новый путь» Лазовского района, «Трудовая нива» Калининского района на работу вышли все колхозники. Руководители Амурской области докладывали: «...Если до издания указа руководителям большинства колхозов приходилось ходить по дворам и собирать колхозников на работу, то после издания указа и проведенных собраний (...) ранее не работавшие колхозники сами стали ходить в правление колхоза и просить об определении их на работу». Возвращались в сёла бывшие колхозники, а также вступали в колхозы новые члены. Например, с 23 июня по 1 июля 1948 г. колхоз «Ударник» Бикинского района пополнился на 12 чел. В колхозе «Партизан-ударник» перед собранием 11 семей подали заявление о

приёме их в колхоз²⁰⁴. Однако этот эффект оказался недолговременным, о чём свидетельствовала ситуация в сельском хозяйстве Дальнего Востока в последующие годы.

Почти все выселенные по указу дальневосточники переводились на спецпоселение в пределах региона. Из Приморского края их направляли в Хабаровский край для передачи тресту Приморзолото. Сборный пункт находился на железнодорожной станции Ворошилов-Уссурийский (ныне Уссурийск). Оттуда 20 июля отправили первых 14 приговорённых и 12 членов их семей в сопровождении офицера УМВД и четырёх солдат охраны из конвойного батальона. К 30 июля было отправлено 57 чел., 13 августа — ещё 36. На 1 ноября 1948 г. всего из Приморского края в Хабаровский прибыло 55 «указников» (42 муж., 13 жён.) и 48 членов семей (5 муж., 10 жён., 33 ребенка). Что касается лиц, выселенных из колхозов Хабаровского края, то они за пределы края не вывозились, а также передавались тресту Приморзолото и вместе с трудоспособными членами семей работали на золотодобыче. Выселенцы из Амурской области направлялись в трест Амурзолото (северные районы Амурской области и Хабаровский край). Лишь несколько человек были переданы на прииски Дальстроя в Якутскую АССР²⁰⁵. Согласно приказу № 00143 от 14 июня 1948 г. по УМВД Хабаровского края «указников» из Амурской области, ЕАО и районов краевого подчинения расселяли в приисковых посёлках Нижне-Амурской области и Нанайского района, трудоустраивая в золотодобывающей и лесной промышленности. Сборные пункты для отправки выселенцев были организованы на ст. Завитая, Михайло-Чесноковская, Куйбышевка-Восточная, Благовещенск, Хабаровск²⁰⁶.

Значительно больше выселенных по указу крестьян прибыло в Хабаровский край и Амурскую область из других регионов страны. Основными объектами применения их труда были тресты Приморзолото, Амурзолото, Верхамурзолото, Амурлес, Хабаровсклес, строительство Теплоозерского цементного завода (ЕАО), завод им. Горького.

Кроме дальневосточных районов ещё 7 территорий страны к началу 1949 г. получили «указников» для использования на своих предприятиях: Иркутская область — 4 771 чел., Тюменская — 3 342, Якутская АССР — 3 273, Кемеровская область — 2 458, Карело-Финская ССР — 1 639, Читинская область — 748, Красноярский край — 397²⁰⁷.

Общая динамика численности «указников» на Дальнем Востоке в 1949—1959 гг. показана в табл. 34.

Как видно из таблицы, в 1949—1950 гг. «указники» продолжали прибывать в Хабаровский край и Амурскую область. В 1950—1951 гг. в небольших количествах они появились также в Дальстрое и Приморском крае. Затем их число стало снижаться в связи с отменой приговоров по ходатайствам и окончанием сроков ссылки. Часть «указников» бежала с мест поселения, но на Дальнем Востоке таких было немного. На 1 августа 1951 г. по Хабаровскому краю в розыске находилось 4 чел., по Амурской области — один²⁰⁹.

В феврале 1952 г. зам. министра Госбезопасности СССР Кондаков и начальник 9-го управления МГБ СССР Шиян составили справку «О фактах нарушения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г.». В ней говорилось, что в целом по стране по данному указу были выселены 33012 чел., в том числе «...значительное количество лиц, честно работавших в колхозах и советских учреждениях. Вследствие этого по протестам прокуратуры, заявлениям выселенных и жалобам родственников участились случаи отмены ранее вынесенных общественных приговоров о выселении и решений исполкомов местных советов об их утверждении. Со времени применения Указа в 9-е Управление МГБ СССР поступило 2 896 решений местных исполкомов об отмене ранее вынесенных решений, в том числе в 1948 — 1949 гг. — 599, 1950 г. — 816, 1951 г. — 1 327 и за 20 дней 1952 г. — 157. Наибольшее количество решений об отмене вынесено в Орловской области — 225 (40% к общему числу высланных из области), Пензенской — 211 (36%), Курской — 435 (26%), Таджикской ССР — 25 (26%) и Красноярском крае — 110 (23%). На Дальнем Востоке сведения о досрочном освобождении «указников» нами выявлены только по Амурской области, где на 20 февраля 1952 г. общее число выселенных составляло 125 чел., освобождённых — 15, в том числе в 1948 — 1949 гг. — 10, в 1950 г. — 5 чел.²¹⁰

Таблица 34

Динамика численности лиц, выселенных по Указу ПВС от 2 июня 1948 г., состоявших на учёте спецпоселений на Дальнем Востоке в 1949—1959 гг. (чел.)²⁰⁸

	Хабаровский край	Амурская область	Дальстрой	Сахалинская область	Приморский край	Всего
1.01.1949	2 002	1 773	—	—	—	3 775
1.10.1949	2 637	1 815	—	—	—	4 452
1.07.1950	2 773	1 816	131	—	—	4 584
1.01.1952	2 763	1 618	128	—	12	4 521
1.01.1956	957	434	—	2	5	1 398
1.01.1958	83	5	1	1	—	90
1.01.1959	13	—	—	—	—	13

Среди других категорий спецпоселенцев доля «указников» была невелика: на 1 января 1949 г. в целом по стране она составляла 0,9%, на Дальнем Востоке — 5,8%²¹¹. Данный факт является подтверждением тому, что действие указа было ориентировано не на пополнение принудительной рабочей силы в отраслях промышленности, а на устрашение сельских жителей с целью принуждения их работать в колхозах.

Таким образом, указ ПВС от 2 июня 1948 г. явился продолжением политики нажима на деревню, очередным этапом принудительного загона крестьян в колхозы. Вместе с тем он получил поддержку у большинства колхозников, изнуренных тяжёлыми условиями существования в советской послевоенной деревне и готовых к поиску виновников в своей среде. Одной из наиболее пострадавших от указа групп оказались крепкие крестьяне, склонные к ведению индивидуального хозяйства на рыночной основе. Однако такой путь развития деревни, несмотря на его возможную экономическую целесообразность, противоречил основам самой Системы и был подавлен руководством страны. При этом применялся новый вид внесудебной репрессии, которая сама по себе являлась антиправовым актом, но и в своих рамках открывала путь многочисленным злоупотреблениям. Её «особость» в контексте репрессивной политики находит отголоски до сих пор. В настоящее время бывшие «указники» сталкиваются с отказом в реабилитации со стороны органов МВД на том основании, что их ссылали по «социально-экономическим», а не «политическим» обвинениям²¹².

В колхозах Дальнего Востока применение указа не получило широкого распространения. Думается, что главной причиной этому был острый недостаток трудовых ресурсов в регионе, в том числе и в сельском хозяйстве. Поэтому при проведении данной акции, как и других принудительных миграций послевоенного периода, регион продолжал играть роль не столько источника подневольной рабочей силы, сколько её получателя.

5.5. Ссылнопоселенцы, ссыльные и высланные

В число принудительных мигрантов входили также ссылнопоселенцы, ссыльные, высланные. Если спецпоселенцы формально имели гражданские права, то ссылнопоселенцы и ссыльные были их лишены (на языке того времени это называлось «поражение в правах»).

Ссылку на поселение отбывали лица, которых государство считало особо опасными преступниками — как политическими, так и уголовными. С 1930-х гг. она назначалась приговором судебных органов или решением ОСО при НКВД СССР сроком на 20 лет как дополнительная мера наказания после отбытия заключения в тюрьмах и ИТЛ следующим категориям граждан: а) осужденным на 5 лет и более за контрреволюционные преступления, хищения социалистической собственности, бандитизм, разбой, умышленное убийство, групповое изнасилование, повторное злостное хулиганство, подделку денежных знаков и ценных бумаг, повторное воровство, квалифицированную контрабанду, злостную спекуляцию, покупку, продажу и хранение огнестрельного оружия; б) всем осужденным решением ОСО на срок от 5 до 8 лет в ИТЛ и тюрьмы²¹³.

Указом ПВС СССР от 21 февраля 1948 г. и постановлением СМ СССР № 416—159сс от той же даты переводу в статус *ссылнопоселенцев* (направ-

лению в ссылку на поселение) подлежали все освобождённые по отбытии наказания из лагерей и тюрем со времени окончания Великой Отечественной войны «шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники антисоветских организаций». *Ссылными* являлись лица, направленные в ссылку по решениям судебных органов и ОСО при МГБ СССР. К этой же категории относились высланные в административном порядке в 1937—1938 гг. из центральных городов члены семей троцкистов, правых и др. *Высланные* приговаривались к этому виду наказания также по решениям судебных органов и ОСО при МГБ СССР. К ним же относились лица, высланные из мест, объявленных на военном положении в соответствии с Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г.²¹⁴

На 1 января 1952 г. всего по стране в ссылке на поселении, в ссылке и высылке находились 78 452 чел., из них 71 980 политических и 6 472 уголовника. Наибольшая часть политических ссылных размещалась в Красноярском крае (40%), Казахской ССР (30,2%), Новосибирской области (6,3%), уголовных ссылных — в Красноярском крае (25,4%), Коми АССР (17,3%), Казахской ССР (14,4%). В Дальстрое в это время отбывали ссылку 4 498 (6,2%) политических и 514 (8,0%) уголовных, что соответствовало 4-й и 5-й позициям среди регионов по количеству лиц данных категорий²¹⁵.

В число политических входили осуждённые за контрреволюционные преступления, члены их семей, высланные в 1937—1938 гг. из крупных городов, члены семей изменников Родины, участники националистических банд и групп, члены их семей и др. Таким образом, к числу «опасных политических преступников» были отнесены лица, наказанные и за особые политические убеждения (а в годы Большого Террора большинство таких обвинений были сфальсифицированы), и за совершение реальных преступлений на политической почве.

В конце 1940-х — 1950-е гг. число ссылнопоселенцев и ссылных постоянно пополнялось за счёт перевода в эту категорию освобождавшихся из заключения лиц соответствующих групп. В 1948 г. все административно-ссылные и высланные за вражескую деятельность и антисоветские связи были переданы под надзор и оперативное обслуживание из МВД в МГБ СССР, при этом места их размещения ограничивались районами Колымы на Дальнем Севере, Красноярского края, Новосибирской области и Казахской ССР, куда они и были переселены в течение полугода²¹⁶.

Указом ПВС СССР от 17 ноября 1951 г. на ссылнопоселенцев, относившихся к категории опасных государственных преступников, было распространено действие указа от 26 ноября 1948 г. (20 лет каторжных работ за побег). Часть ссылнопоселенцев, все ссылные и высланные под действие этого указа не попадали²¹⁷.

В качестве примера можно привести судьбы некоторых ссылных и ссылнопоселенцев, отбывавших наказание на Дальнем Востоке. Так, А.М. Зелёный оставил мемуары, в которых пишет о том, что в 1930-е гг. он

работал на руководящих должностях в Главном управлении вагонного хозяйства НКПС, в 1938 г. был арестован по обвинению в троцкизме, приговорён к 15 годам ИТЛ, отправлен на Колыму. После освобождения в 1952 г. сослан в колымский пос. Усть-Таскан. Жил в общежитии, работал мастером механического цеха. Жена с детьми приехать к нему отказалась, следствием чего были его депрессия, запой. Со временем смог выйти из этого состояния, купил дом, создал новую семью с бывшей заключенной. После XX съезда партии ссыльным разрешили вступать в профсоюз, регистрировать браки. А.М. написал заявление о реабилитации. Освободился из ссылки в мае 1956 г. Позже получил справку о реабилитации и паспорт, оформил пенсию с учётом трудового стажа в лагерях. Отказался от предложения остаться на комбинате, выехал в Москву. В Хабаровске задержался, «чтобы наесться вволю»²¹⁸.

Другой репрессированный, И.П. Каганович, вспоминает, как после отбытия лагерного срока на Чукотке (статья обвинения не указана), будучи ещё молодым человеком, в 1954 г. жил в ссылке в Магадане, работал в ремонтных мастерских автобазы. Первое и пятнадцатое число каждого месяца были днями обязательных для ссыльных отметок в комендатуре. Жил в общежитии, мечтал об институте. После смерти Сталина в одно из очередных посещений комендатуры пережил неожиданный эмоциональный взрыв протеста. Собрал документы для поступления в институт, сдал вступительные экзамены. Автор описывает существовавшие в городе «два мира» — ссыльных и вольных, неписанные правила взаимоотношений между ними. Близкая связь его с приехавшей по комсомольскому призыву девушкой и решение пожениться были нарушением этих правил, повлекшим за собой неприятности для обоих. Девушку осудили на комсомольском собрании, затем перевели из города в другой населённый пункт²¹⁹.

Пример иного рода приводится в материалах прокуратуры Амурской области, куда под надзор органов МГБ из Латвийской ССР был выслан Я.Я. Сырмайс за участие в националистической банде и совершение ряда террористических актов над советско-партийным активом. Он лично убил председателя волисполкома и его несовершеннолетнего сына. В начале 1950-х гг. проживал в Благовещенске, работал грузчиком треста «Гражданстрой». Находясь в ссылке, продолжал антисоветскую деятельность, имел связь с другими националистами латышами, жаждал мести за своё выселение из Латвии, высказывал сожаление о том, что, будучи в банде, мало расстреливал советско-партийный актив, в конце концов был арестован²²⁰.

В состав этой категории пенитенциарного населения попали и некоторые граждане других государств. В Дальстрое на 1 января 1953 г. среди ссылнопоселенцев таких было 168 чел., в том числе граждан Польши — 34, Румынии — 18, Китая — 10, Кореи — 9, Германии и Монголии — по 4, Венгрии — 3, Греции, Ирана, Болгарии — по 2, Югославия, Японии — по одному, лиц без гражданства — 72 (среди высланных — один гражданин Румынии)²²¹; на 1 января 1956 г.: всего — 149 чел., из них граждан Венгрии — 15,

Польши — 11, Австрии — 9, Кореи — 13, Германии — 3, Японии, Чехословакии, Румынии — по 2, Франции, Ирана, Югославии — по одному, лиц без гражданства — 89²²².

К сожалению, нет подробных сведений об их судьбе. Возможно, многим удалось вернуться на родину по окончании сроков наказания. Например, в октябре 1955 г. из Магаданской области в Румынию была репатрирована бывшая ссыльнопоселенка М.Г. Думитраш-Грачева, уроженка Румынии. На основании её заявления ей были возвращены деньги в сумме 836 р. 76 к., неправильно взысканные в качестве налога с малосемейных в период работы в Дальстрое²²³.

В 1952 г. часть ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных («антисоветский элемент», депортированные до войны из Прибалтики, Молдавии, западных областей УССР и БССР, высланные в 1937 г. с иранской и афганской границ и др.) была переведена на положение спецпоселенцев. Это считалось переходом в более льготную категорию лиц, находившихся под надзором органов МГБ²²⁴. Тем не менее в отличие от спецпоселенцев число ссыльнопоселенцев и ссыльных к концу 1950-х гг. не только не уменьшалось, но и возрастало (см. табл. 35).

На Дальнем Востоке эта группа принудительных мигрантов в 1952—1956 гг. увеличилась с 5 тыс. до 12,5 тыс. чел., а её региональная доля в масштабах страны — с 11% до 18%. Почти все ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные, попавшие на Дальний Восток, были сосредоточены на Колыме. Среди них в 1952 г. находилось 4 498 политических и 516 уголовных, в том числе 532 чел. контингента «троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы»²²⁶.

22 февраля 1955 г. министр внутренних дел СССР С. Круглов обратился к председателю КГБ И.А. Серову с предложением освободить из административной ссылки членов семей репрессированных участников антисоветских организаций, троцкистов и т.п., высланных из Москвы, Ленинграда, Киева и ряда других крупных городов страны в соответствии с инструкцией НКВД СССР от 15 июня 1937 г. «В последние годы, — отмечал Круглов, — указанные лица, ввиду их преклонного возраста и наличия положительных характеристик, освобождались от дальнейшего нахождения в административной ссылке по заключению органов МГБ — МВД, и в настоящее время их на учёте осталось всего 420 чел., большинство из которых имеет преклонный возраст, в местах ссылки занимается общественно-полезным трудом, а дети некоторых из них участвовали в Великой Отечественной войне и имеют правительственные награды. (...) Данные лица в административной ссылке находятся в течение 18 лет, к уголовной ответственности не привлекались...» Однако в письме от 10 марта 1955 г. И. Серов ответил: «КГБ считает нежелательным изменить местонахождение лиц, упомянутых в письме, ввиду того, что на них имеются серьезные компрометирующие данные, и, кроме того, не исключено, что при переезде в крупные промышленные центры вокруг них

будут группироваться различного рода лица, в прошлом репрессированные. Мы считаем возможным снять этих лиц с учёта ссыльных, но так как они там трудоустроены и сами вопроса о переезде к прежним местам жительства не ставят, то будет целесообразным оставить их на месте»²²⁷.

Таблица 35

**Ссылнопоселенцы, ссыльные и высланные на Дальнем Востоке
в 1952—1958 гг.** ²²⁵

	Ссылно-поселенцы	Ссыльные	Высланные	Всего
01.01.1952				
Дальстрой	3 464	1 034	516	5 014
01.07.52				
Дальстрой	5 927	436	279	6 642
01.01.1953				
Дальстрой	7 801	451	327	8 579
Хабаровский край	7	—	3	10
Сахалинская область	—	1	—	1
Всего	7 808	452	330	8 590
01.07.1953				
Дальстрой	10 228	139	71	10 438
Хабаровский край	10	—	3	13
Всего	10 238	139	74	10 451
01.01.1956				
Магаданская область	11 891	548	—	12 439
Хабаровский край	60	4	—	64
Амурская область	31	3	—	34
Приморский край	5	—	—	5
Всего	11 987	555	—	12 542
01.01.1958				
Магаданская область	нет св.	455	—	
Хабаровский край	нет св.	4	—	
Всего		459	—	
01.01.1959				
Магаданская область	нет св.	397	—	
Хабаровский край	нет св.	3	—	

В начале 1956 г. по Дальнему Востоку на учёте состояло 11 982 ссылнопоселенцев, из них под опеку родственников были переданы 7 чел., в инвалидные дома — 28, осуждено к различным срокам лишения свободы — 66 чел., в розыске находились 3 чел. В наличии были 11 913 ссылно-

поселенцев, в т.ч. 8 530 муж. и 3 383 жён. Из проходивших по учёту 555 ссыльных в местах лишения свободы находились 60 чел., в наличии — 495 чел., в т.ч. 438 муж., 57 жён. По срокам ссылки: до 3 лет — 212 чел., от 3 до 5 лет — 273, от 5 до 10 лет — 5, без указания срока — 5 чел. В составе 276 высланных (на июль 1952 г.) в Дальстрое было 232 муж. и 44 жён., в местах заключения — 3 чел.²²⁸

Массовое освобождение ссыльнопоселенцев произошло на основании Указа ПВС СССР от 10 марта 1956 г., которым был отменен Указ ПВС от 21 февраля 1948 г. С этого времени в ссылку могли направлять только по приговорам судов. Отбывшие сроки наказания прибалтийские националисты подлежали направлению к своим семьям на спецпоселение, а не имевшие семей были освобождены из ссылки на общих основаниях. Численность ссыльных к началу 1957 г. в целом по стране сократилась до чуть более 4 тыс. чел., это были в основном уголовники и бродяги²²⁹.

5.6. «Особый контингент» на Колыме

В конце 1940-х гг. среди многочисленных узников сталинской пенитенциарной системы появилась ещё одна группа, названная «особым контингентом». Долгое время любая информация о ней находилась под жестким запретом. Именно поэтому историография данной проблемы практически отсутствует. Самые первые подступы к ней были сделаны в середине 1990-х гг. магаданским историком С.М. Мельниковым, который обнаружил и ввёл в научный оборот некоторые рассекреченные архивные материалы Дальстроя из фондов ГАМО. В своих небольших публикациях²³⁰ исследователь впервые обнародовал факты пребывания «особого контингента» на Колыме, определил его связь с атомным строительством, обратил внимание на вопиющее беззаконие по отношению к этим людям. Однако в тот период далеко не все имеющиеся в архивах материалы были рассекречены, видимо, поэтому публикации С.М. Мельникова носят предварительный характер. Небольшие фрагменты на эту тему приведены также в монографиях И.Д. Бацаева и А.И. Широкова²³¹.

Другим автором, внесшим свою лепту в постановку проблемы, стал Ж.А. Медведев. В статьях 2001 г.²³² он показал историю создания атомной отрасли в СССР, в том числе судеб её строителей, т.е. тот конкретно-исторический контекст, в котором появился «особый контингент». Ученый-биолог и публицист Ж.А. Медведев в отличие от С.М. Мельникова не работает с архивными фондами, а базирует свои статьи на опубликованных материалах. Но поскольку таковых ко времени написания его работ было ещё немного, то в статьях автора есть некоторые неточности и ошибочные суждения (об этом см. ниже).

Появление «особого контингента» связано с началом широкой реализации в СССР атомного проекта — строительством т.н. атомградов, которое

развернулось с 1946 г. Высокая степень секретности этих объектов отразилась в названиях, зашифрованных номерами: Арзамас - 16, Челябинск - 40, Свердловск - 22, Свердловск - 44. Носителями государственной тайны невольно оказались и строители атомградов, среди которых значительную долю составляли заключённые (у многих из них заканчивались сроки отбывания наказания) и их охрана, спецпереселенцы, бывшие советские военнопленные. После окончания строительства возник вопрос, что делать с этими людьми, дабы информация о сверхсекретных объектах не просочилась вовне. Накопленный к этому времени государством богатый опыт массовых принудительных миграций подсказал привычный и жёсткий ответ — изолировать участников режимных строек в наиболее отдаленном и глухом уголке страны — на Колыме в распоряжение Дальстроя.

Приказом МВД СССР от 7 декабря 1948 г. № 001441 все освобождённые от работы на строительстве № 880 (пос. Саровский Мордовской АССР, строительство объекта для создания атомной бомбы²³³) заключённые в количестве 2 тыс. направлялись в особый лагерь № 5 (Береговой) на Колыме²³⁴. Такая же практика стала вводиться и на других особо секретных объектах — строительствах атомградов и заводов по производству атомного и химического оружия.

В Дальстрой отправляли как заключённых, так и тех, кто работал в качестве вольнонаёмных (к последним относились и спецпоселенцы). Летом 1949 г. для обозначения принудительно переселяемых со спецстроек вольнонаёмных работников была введена категория «особый контингент».

Централизованные руководящие указания по отношению к этой группе людей исходили из Совета Министров и МВД СССР, которые действовали на основании личных директив и резолюций Сталина. Но разрабатывались соответствующие документы при активном участии руководителей атомного проекта — начальника ПГУ, ведавшего всеми атомными объектами, Ванника, его заместителей Серова, Первухина, Завенягина, Комаровского, заместителя Берии генерал-лейтенанта П. Мешина, отвечавшего за обеспечение режима охраны и секретности всех объектов атомной науки и промышленности. Именно на их докладных записках и проектах оставлял свои резолюции Берия и отправлял подготовленные материалы Сталину²³⁵.

14 июня 1949 г. СМ СССР принял Постановление № 3071—127сс, в котором указывал, что направлению с режимных строек в отдалённые районы Дальстроя в качестве вольнонаёмных работников (с заключением трудовых договоров) сроком на 2—3 года подлежат все бывшие заключённые, судившиеся за антисоветскую деятельность, бандитизм, разбой, воровство, рецидивисты, а также солдаты репатрианты и спецпереселенцы, имевшие связи с границей или сотрудничавшие с фашистскими оккупантами²³⁶. В отношении солдат из стройбатов Совет Министров принял постановление об отсрочке их демобилизации²³⁷.

Последовавший за правительственным постановлением приказ министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова о «лицах особого контингента» был издан 25 июля 1949 г. за № 00708. Вместе со строителями на Колыму отправлялись и бойцы военизированной охраны.

Приказ министра был получен в Магадане 18 августа 1949 г., на основании чего начальник Дальстроя И.Г. Петренко издал свой приказ № 00257 от 12 ноября 1949 г., в котором определил задачи по приёму, транспортировке, размещению, трудовому использованию, охране, изоляции и оперативному обслуживанию прибывших в Дальстрой строителей секретных строек.

На всех этапах переезда и устройства на новом месте обеспечивалась строгая изоляция лиц «особого контингента». По прибытии в бухту Нагаева их разместили для проведения санитарной обработки в двух изолированных пунктах, расположенных от Магадана в 3 и 17 км. Отлучка в город из этих мест для прибывших была исключена²³⁸.

Бывшие строители одного и того же объекта должны были направляться в Дальстрой также на одно предприятие, так как соблюдалось строгое правило не смешивать «особый контингент» с разных атомных объектов²³⁹. При выборе для них мест проживания и трудоустройства принимались во внимание два обязательных условия: отдаленность от других населённых пунктов и расположение в тупиках дорог, исключавших транзитный проезд. Исходя из этого, руководство Дальстроя выбрало следующие предприятия: в Западном Горно-промышленном управлении — прииски «Октябрьский» (687 км от Магадана, 36 км от управления, 21 км от ближайшего населенного пункта) и «Желанный» (соответственно — 671, 20 и 20 км), в Индигирском ГПУ — прииски «Победа» (1042, 98, 12) и «Надежда» (1175, 133, 20), в Тенькинском ГПУ — прииск им. М. Расковой (522, 244, 33), в Управлении капитального строительства — Аркагилинская стройконтора по строительству ГРЭС (730, 730, 8)²⁴⁰.

В последующие годы бывшие строители-атомщики работали и на других объектах. Например, в 1950 г. в отчётах Дальстроя по работе с «особым контингентом» среди вышеназванных появился прииск «Маршальский»²⁴¹. К осени 1952 г. «особый контингент» был рассредоточен в следующих местах: Западное ГПУ — прииски Мальдяк, «Октябрьский» и строительство № 2 Энергостроя, Северное ГПУ — прииски «Джелгала», им. Калинина, «Горный», «Верхний Дебин», Тенькинское ГПУ — им. М. Расковой, Индигирское ГПУ — «Победа», «Дальний», «Разведчик», «Партизан», «Хатынах», «Юбилейный» и др.²⁴²

Прииски и посёлки охранялись военизированными частями в соответствии со специально разработанной «Инструкцией по режиму содержания контингента»: выставлялись контрольно-пропускные и наблюдательные пункты, засады, секреты и дозоры.

Прибывшие с режимных строек могли передвигаться только в строго очерченных границах района и ходить на работу по заданным маршрутам.

Даже регистрацию браков и рождения детей разрешалось проводить только путём выезда работников ЗАГСа непосредственно на предприятия по месту работы «особого контингента». Паспорта, свидетельства о браке и рождении стали выдаваться на руки «особому контингенту» в 1950 г. на основании совместного распоряжения отдела кадров ДС и УМГБ по ДС № 51/001479 от 25 февраля²⁴³, в паспортах ставилась отметка: «С правом проживания только на территории ДС»²⁴⁴.

Почти весь предыдущий личный состав тех приисков и строек, куда завезли строителей атомградов, был переведен на другие предприятия. Осталось только минимальное и крайне необходимое число руководящих и инженерно-технических работников по согласованию с органами МВД. Все они, так же, как и служащие, участвовавшие в приёме и оформлении «особого контингента», дали обязательства о неразглашении государственной тайны в соответствии с приказом МВД СССР №162 от 23 марта 1949 г. В целом круг людей, общавшихся в процессе производства с вновь прибывшими, был строго ограничен. При необходимости командировок руководителей производства и ИТР на эти предприятия выезжавший предварительно проходил проверку в райотделе МВД и только в случае отсутствия ограничений получал специальный пропуск²⁴⁵.

Первые партии «особого контингента» прибыли в Магадан осенью 1949 г.: 19 сентября на пароходе «Советская Латвия» — 2 370 чел., 28 сентября на пароходе «Ногин» — 2 285 чел., 17 октября на пароходе «Джурма» — 604 чел. Кроме того, чуть позже индивидуальным порядком к ним приехали ещё 6 членов семей по путевкам ИТЛ-100. Таким образом, в 1949 г. всего на Колыму поступило 5 265 чел., из них со строительства № 313 (Свердловск-44) — 1 151 чел., строительства № 247 (Кузнецлаг) — 3 706, строительства № 585 (Белогорский ИТЛ, пос. Шатки Горьковской обл.) — 258, строительства № 514 (Красногорский ИТЛ, ст. Решоты Красноярской ж.д.) — 150 чел.²⁴⁶

Несмотря на то, что в постановлении СМ СССР от 14 июня 1949 г. были обозначены конкретные категории лиц, подлежащих отправке на Колыму (см. выше), и отбором их занималась специальная комиссия с участием представителей местных органов МГБ, на самом деле заложниками «секретных строек» стал более широкий круг людей. Об этом свидетельствовал поток жалоб, заявлений и прошений в Президиум Верховного Совета СССР, МВД СССР и другие инстанции. Магаданский журналист М. Горбунов со ссылкой на А. Антонова-Овсеенко приводит такой факт: коллектив одного из свердловских сверхсекретных ядерных заводов, выполнивший намеченную программу, был вывезен в Дальстрой в полном составе²⁴⁷.

Участь людей, независимо от того, попали они в «особый контингент» в соответствии с постановлением правительства или «ошибочно», была предопределена. Зам. министра внутренних дел СССР В.В. Чернышов в своём письме от 16 октября 1951 г. на имя начальника Дальстроя И.Л. Митракова писал:

«...Несомненно, могли быть отдельные случаи, когда в список подлежащих отправке на территорию Дальстроя указанной категории рабочих («особый контингент». — Е. Ч.) могли попасть и лица, не заслуживающие такого к ним отношения. Внести какие-либо исправления в настоящее время без ущерба для сохранения государственной тайны затруднительно, поэтому производить массовый пересмотр списков и материалов нецелесообразно»²⁴⁸.

В составе прибывших в ДС в 1949 г. находились следующие группы: солдаты срочной службы — 858, демобилизованные солдаты и бойцы ВСО — 31, спецпоселенцы — 758, бывшие заключённые — 3 618 чел. Из них 4 234 муж. и 1 031 жён. Высшее образование имели 39 чел., среднее специальное — 124. В рядах ВКП(б) состояло 7 чел., один был кандидатом в партию. Вместе с семейными приехали 324 ребенка, в том числе в возрасте до 7 лет — 267, с 7 до 10 лет — 24, с 10 до 14 лет — 25, с 14 до 18 лет — 8²⁴⁹.

Бывшие строители режимных объектов и члены их семей продолжали прибывать на Колыму в 1950—1952 гг., «контингент» пополнялся также за счёт освобождавшихся уже из Северо-Восточных лагерей заключённых — бывших участников спецстроек (об этом см. ниже). На 1 января 1952 г. в системе Дальстроя, по данным С.М. Мельникова, «особый контингент» насчитывал 10 348 чел.²⁵⁰

Специфика состава «особого контингента» сохранялась и после начала массового освобождения этих лиц. Так, на 1 февраля 1953 г. только в Северном ГПУ находилось на учёте 1 049 чел. (911 м., 135 ж.), из них бывшие заключённые — 927, не судимые — 89, «высланные навечно» (лица, относившиеся к т.н. «наказанным народам») — 32, спецпоселенцы — 1. Членами КПСС были 2 чел., ВЛКСМ — 15, с высшим образованием — 17, со средним специальным образованием — 49. На производстве работало 935, заключили трудовые договоры с ДС 548 чел.²⁵¹

Что касается не освобождённых заключённых, отправленных с атомных объектов в колымские лагеря, то в документах они были названы другой категорией — «заключённые-спецконтингент». В навигацию 1949 г. таких насчитывалось 1 252 чел., причём ко времени их прибытия в бухту Нагаева у 163 чел. срок по приговору суда истёк. А всего из этой группы к концу 1949 г. сроки заключения заканчивались у 453 чел.

К заключённым также были применены меры по сохранению режима секретности, в том числе изоляция в отдалённых местах отдельно от остальных заключённых. Их разместили на приисках им. Калинина Западного ГПУ, «Геологический» и «Верхний Дебин» Северного ГПУ, ОЛПе Западного ГПУ. После освобождения из лагерей в 1950—1952 гг. эти лица были взяты на учёт как «особый контингент», содержались в режимных условиях и работали по вольному найму на тех же предприятиях. Направлять их в другие места было запрещено²⁵².

Когда заместитель министра внутренних дел В.В. Чернышов говорил о невозможности исправить положение тех, кто «ошибочно» попал на Колыму

(см. выше), он вместе с тем обозначил комплекс необходимых материально-бытовых условий, которые руководство Дальстроя должно было создать «особому контингенту» в качестве своего рода «компенсации» за их принудительное переселение. В этом комплексе значились следующие пункты: «...а) необходимо обеспечить их нормальное культурно-бытовое обустройство, обеспечивая районы расселения спецконтингентов в достаточном количестве необходимым продовольствием и промышленными товарами; б) принять все меры к тому, чтобы использование спецконтингентов на работах соответствовало их квалификации и подготовке — все специалисты должны быть использованы на работах по своей специальности, с необходимым нормальным заработком, создав этим стимул для повышения производительности труда»²⁵³.

Руководство МВД позаботилось также и о проведении «политико-воспитательной и массово-разъяснительной работы» среди «особого контингента». Для этой цели на всех предприятиях Дальстроя, укомплектованных этой группой работников, были введены должности заместителей начальников предприятий по политработе за счёт сокращения этих должностей на других предприятиях²⁵⁴.

Ж.А. Медведев ссылается в своей публикации на воспоминания А.Д. Сахарова, который сообщал, что заключённых, работавших в Арзамасе — 16, у которых заканчивался срок лишения свободы, «ссылали на **вечное** (выделено нами. — Е.Ч.) поселение в Магадан и другие места, где они никому ничего не могли рассказать»²⁵⁵.

Однако документы показывают, что срок ссылки строителей режимных объектов был ограничен двумя — тремя годами. В 1949 г. руководство ДС заключило со всеми работниками индивидуальные трудовые договоры на три года. Не были заняты только больные и часть женщин (по семейным обстоятельствам). Например, в Кюэль-Сиенском ДСУ Управления дорожного строительства на 1 февраля 1953 г. на учёте состояло 160 женщин, 62 из них имели грудных детей. На тяжёлых земляных работах они не могли быть занятыми, а предоставить им места на подсобно-вспомогательном производстве предприятие не имело возможности²⁵⁶.

Первоначально на всех, заключивших договор, полностью распространили льготы, действовавшие для работников ДС. Позже пришло разъяснение, что с лицами «особого контингента», имевшими поражение в правах по суду, трудовых договоров заключать не следовало, так как они не имели права пользоваться льготами. Таковых на 15 января 1950 г. в Дальстрое насчитывалось 298 чел. 30 января 1950 г. зам. начальника ДС полковник Никешичев разослал всем начальникам управлений ДС, где трудился «особый контингент», указание о расторжении индивидуальных трудовых договоров с лицами, имевшими поражение прав по суду, до истечения срока их спецссылки и поражения прав. После окончания этого срока все процентные над-

бавки за работу в Дальстрое начислялись им в установленном порядке как нанятым на месте, т.е. через 18 месяцев²⁵⁷.

В отчётах руководства ДС отмечалось, что основная масса прибывших была трудоустроена по своим или родственным специальностям, за исключением тех, которых не требовалось на предприятиях Колымы (агрономы, учителя, текстильщики и т.п.) или которые были недоступны ввиду режимных ограничений по передвижению. На запросы руководителей горнопромышленных управлений и приисков о том, можно ли назначать на должности ИТР лиц из числа «особого контингента», зам. начальника Дальстроя Никешичев отвечал: «...Не только можно, но и необходимо (...), сократив до минимума число работников прежнего вольнонаемного состава, особенно бывших заключённых и спецпоселенцев, оставив их только на тех должностях, на которые нельзя подобрать лиц особого контингента»²⁵⁸.

Содержание бывших строителей-атомщиков, прибывших на работу в Дальстрой, регламентировалось приказом МВД СССР № 3265 от 5 ноября 1949 г. Каждому основному работнику выплачивались подъемные в размере 300 руб. и по 150 руб. — членам его семьи, а также суточные за время нахождения в пути — соответственно 26 и 10 руб. Женщинам по беременности и родам выдавалось пособие в размере среднего заработка за последние 3 месяца работы с первого дня оформления отпуска.

Аванс из причитавшихся подъемных в размере 200—300 руб. на основного работника и по 100—150 руб. на каждого взрослого члена семьи был выплачен приехавшим сразу по прибытии в Магадан. Тогда же в счёт зарплаты основных работников выдавались телогрейки, ватные брюки, валенки, шапки-ушанки, шали, байковые и ватные одеяла. Всего было выдано вещевого довольствия на сумму 2 400 тыс. руб. и денежных авансов на 1 815 тыс. руб.

Согласно отчёту руководства ДС в пунктах временного размещения под Магаданом, где «особый контингент» проходил санитарную обработку, «... были организованы и работали магазины, ларьки и буфеты с неограниченным отпуском хлеба, чая, сахара, масла, крупы, рыбы и других необходимых продуктов. Кроме того, работали столовые с трехкратным приготовлением пищи и с большим ассортиментом блюд. Для детей отпускался белый хлеб, свежее и сгущенное молоко и кондитерские изделия». Отправка из Магадана к месту работы осуществлялась автомашинами и частично самолетами в сопровождении конвоя. В сентябре всех кроме женщин с детьми везли на открытом транспорте, в октябре — на крытых машинах и автобусах с печками. Прибывших в навигацию 1949 г. разместили следующим образом: на приисках «Октябрьский» — 1 002 чел., «Желанный» — 922, «Победа» — 930, «Надежда» — 602, им. М. Расковой — 700, в Аркагалинской стройконторе — 1 102 чел. Из остальных 6 чел. были арестованы и привлечены к уголовной ответственности, один бежал²⁵⁹.

А вот как описывают те же события их участники. И.П. Самохвалов из Коми АССР был арестован в Челябинске в возрасте 16 лет и осуждён на 5

лет лишения свободы за антисоветизм. В конце 1946 г. он попал на атомное строительство в Кыштым (Челябинск — 40), где закончился срок его заключения. «Ну, а в сентябре 1949 г., — пишет автор, — нас начали освободившихся увольнять, семейных и холостяков — в телячьи вагоны, оборудованные прожекторами и конвоем, и стали отправлять на этапы. (...) Привезли в порт Находка, там посадили весь эшелон на пароход «Советская Латвия» и через Охотское море в Магадан. (...) Нас распределили по приискам. Я попал км 600 от Сусумана на прииск “Желанный”».

Тамара Л., работавшая в «Челябинске — 40» и вышедшая там замуж за военнослужащего стройбата, вспоминает: «Когда кончилось строительство, пришлось мне с мужем и сыном в возрасте трёх месяцев ехать не туда, куда хочешь, а куда повезут. А повезли нас в 1949 г. в августе на товарняке до Советской Гавани, а дальше на теплоходе «Ногин» в трюме на общих нарах до Колымы. (...) В Магадане солдатам объявили о демобилизации и заставили заключить договор на 3 года. Привезли нас на прииск «Желанный», где до нас были заключённые, и поселили в общие бараки-землянки, женщин, мужчин и детей вместе»²⁶⁰.

В.Я. Рычкова в 1944 г. призвали на действительную военную службу. Отбывал он её в черноморской авиации, был награжден медалями. В октябре 1946 г. в часть приехал вербовщик «на стройку», куда набирал добровольцев, независимо от срока окончания их службы в армии. В Челябинске среди волонтеров стали отбирать тех, кто остался без родителей, а В.Я. Рычков и был таким (детдомовец). В январе 1947 г. всех отобранных доставили в Кыштым. «...А уже в мае без предупреждения и как-то очень быстро всю нашу зону (не лагерную, а строительную) в три ряда опоясали колючей проволокой и пропустили через неё ток в 6 тыс. вольт. И все: на волю ходу — никому. (...) В 1949 г. мы стройку закончили и тут же получили за то от Берия «награду». Посадили нас обманным путём в вагоны-пульманы (мол, тишком надо с секретной стройки уезжать). (...) Ехали 45 суток. Каждые трое из них конвой менялся. Разговоры с ним были запрещены. Когда уже озеро Байкал миновали, поняли мы, что везут нас во Владивосток, а там — как слухи ходили — посадят на шаланду, вывезут в море и утопят, как котят. А было мне всего-то 23 года. Однако, как видите, ничего, обошлось. Посадили нас на пароход и 2 октября привезли в Магадан. А оттуда — на машинах по 20 чел. Всех — не разбирая: и стариков, и детей, и беременных женщин. И на прииск им. Марины Расковой, что в Тенькинском районе. В тупик трассы. У Евражкалаха установили КПП. А нам — три листа на подпись. Суть такая — без права выезда, а за разглашение, кто мы и откуда, — 15 лет строгого режима без суда и следствия. (...) А эков среди нас не было никого — все считались вольными. (...) Работники — сплошь мы, «челябинцы — 40», и также бедолаги из города Глазова. «Чужих», если не ошибаюсь, всего пятеро — начальник, главбух, капитан по режиму и ещё кто-то из начальства. (...) Накануне с прииска эвакуировали женский концлагерь. В нём мы и разместились, кто как

сумеет. Семейные, те квартиры себе, если удавалось, подыскивали в домах. Холостяки — в бараках. Режим был такой, что даже машина за продуктами в Магадан ходила в два этапа. До Евражкалаха, до КПП ехал наш шофер, а оттуда — другой. И так три года. (...) Все мы стали работать по золоту. Кто бил шурфы, кто — на подсобке. А меня поставили механиком по бульдозерам. (...) Женился уже на прииске на такой же бывшей детдомовке...»²⁶¹

Жилищно-бытовые условия, в которых оказались заложники атомныхстроек, были плохими, но для работников Дальстроя, как вольнонаёмных, так и заключённых, это являлось скорее нормой, чем исключением.

Жилья на всех не хватало. Часть людей поселили в помещениях, которые ранее занимали вывезенные на другие предприятия вольнонаемные работники, другие же оказались в бараках с двухъярусными нарами, где до этого содержались заключённые. Нередко в общежитиях вместе с одиночками размещались и семейные. В Аркагалинской стройконторе использовались не только переоборудованные бараки на 220 чел., но и пять утепленных палаток общей площадью 207 кв. м. Повсеместно на одного человека приходилось жилплощади значительно ниже нормы. В посёлках не хватало также столовых, прачечных, бань, медпунктов.

Дальстрою для «особого контингента» пришлось развернуть строительство жилья и предприятий бытового обслуживания. Например, на прииске им. М. Расковой Тенькинского ГПУ к концу 1949 г. было построено 7 жилых домов общей площадью 224 кв. м, продолжалось строительство ещё 8 домов (468 кв. м), пекарни и столовой. В Аркагалинской стройконторе сооружались три барака, столовая, амбулатория, детские ясли.

Яркое представление о реальных бытовых условиях на Колыме бывших строителей режимных объектов даёт содержание приказа руководства Дальстроя № 00357 от 3 декабря 1949 г., который намечал минимальную программу по выправлению ситуации для обязательного выполнения начальниками управлений и предприятий: «По Аркагалинской строительной конторе Управления капитального строительства: 1. Приступить к новому строительству и закончить его в текущем году: 4 барака, из них 2 барака комнатной системы, хлебного ларька, бани-прачечной с введением её в эксплуатацию в январе 1950 г. 2. До января 1950 г. разработать график строительства в 1950 г. и мероприятия, предусмотрев в первую очередь комплекс жилищного строительства. 3. Начальнику г/т «Колымснаб» под личную ответственность навести образцовый порядок в торговой сети на предприятиях, где работает контингент и обеспечить завоз в эти пункты продовольствия и промтоваров в количестве, обеспечивающем нормальное снабжение населения, обратив особое внимание на обеспечение снабжения детей. 4. Завезти на Аркагалинскую стройконтору: одеял — 300 шт., валенок — 200 пар, рукавиц теплых — 500 пар и брезентовых — 150 пар и т.д.

По прииску им. М. Расковой: 1. Находящиеся в стадии строительства жилые помещения закончить и сдать в эксплуатацию к 1 февраля 1950 г.,

пекарню-столовую сдать к 15 декабря 1949 г. 2. Составить график строительства жилых и бытовых зданий со сроком окончания и сдачей в эксплуатацию до 1 июня 1950 г. 3. Разрешить прииску через торговую сеть нелимитированную продажу разнообразных круп, жиров, растительного масла, рыбы, свежих и свежемороженой овощей и растительных консервов. 4. Силами стройцеха прииска изготовить потребное количество столов, тумбочек, табуреток, кроватей и пр. инвентаря.

Начальникам Западного управления генерал-майору тов. Шемена, Индигирского управления — полковнику тов. Смулову и Строительного управления — майору т. Лазареву предложено принять срочные меры к созданию жилищно-бытовых условий и трудоустройства контингента, размещенного на предприятиях указанных управлений»²⁶².

К концу срока пребывания «особого контингента» на Колыме руководство приисков оценивало состояние жилищно-бытовых условий «особого контингента» как удовлетворительное. Так, в Северном ГПУ в январе 1953 г. все семейные были обеспечены отдельными комнатами, а одинокие размещены в общежитиях. Однако при этом были перебои в снабжении повседневными товарами. За месяц было до 90 невыходов на работу по причине отсутствия у рабочих тёплой одежды и валяной обуви²⁶³.

Труднее всего приходилось инвалидам. В июне 1952 г. на предприятиях Дальстроя было учтено 259 нетрудоспособных инвалидов и хронически больных неизлечимыми недугами из числа лиц «особого контингента». На запросы руководства ДС об обеспечении этих лиц министр внутренних дел СССР в закрытой телеграмме от 12 января 1952 г. дал распоряжение взять их на содержание за счёт лагерной сметы, но только тех, кто проработал в ДС свыше двух лет. Однако и через полгода после этого распоряжения ничего не было сделано, так как финансовые работники управлений не могли «решить вопрос, по какой норме обеспечивать этих инвалидов и что конкретно им следует выдавать». Инвалиды же, не имея средств к существованию, оказались в критическом положении. Смертность среди них росла из месяца в месяц, с января по апрель 1952 г. умерло 39 чел. Так как большинство инвалидов прибыли на Колыму в сентябре 1949 г., то согласно распоряжению СМ СССР № 8397 от 12 апреля 1952 г. и приказу МВД СССР № 00405 от 19 апреля 1952 г. их выезд с Колымы мог быть разрешен не ранее сентября 1952 г.²⁶⁴, т.е. они отбывали полный срок своей ссылки, независимо от состояния здоровья и наличия средств к существованию.

Принудительно переселив лиц «особого контингента», государство применяло методы принуждения и в их трудоустройстве. Главным мотивом участия в производстве для людей, оказавшихся на отдалённых колымских приисках, была, конечно, необходимость зарабатывать средства для жизни. Однако далеко не все работали с одинаковой интенсивностью. Специфический состав работников (многие — бывшие заключённые, в том числе уголовники), а также внутренний протест против произвола государ-

ства проявлялись в нарушениях трудовой дисциплины, прогулах, а то и бегстве. Нередки были случаи уголовных преступлений. В отношении прогульщиков действовало специальное распоряжение руководства МВД: «...Лица вольнонаемного состава из числа особого контингента, уклоняющиеся от работы и нарушающие трудовую производственную дисциплину (прогулы), подлежат ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., а материалы в народные суды необходимо направлять и оформлять в точном соответствии с Постановлением СНК СССР № 1502 от 21 августа 1940 г.»²⁶⁵

Отчёты управлений свидетельствуют о том, что этот вид наказания действительно применялся. В Северном ГПУ в январе 1953 г. за прогулы было осуждено 10 чел., 6 дел разобрано товарищескими судами, на 22 чел. наложены административные взыскания. В мае было зафиксировано 50, в июне — 60, в августе — 47 случаев нарушения трудовой дисциплины, на 19 чел. материалы были переданы в народный суд, по остальным наложены административные взыскания. Из Кюэль-Сиенского ДСУ за февраль 1953 г. выбыло 4 чел. в связи с осуждением на разные сроки, а всего под арестом находилось 10 чел. В марте они были осуждены за тяжкие преступления постоянной сессией Военного Трибунала войск МГБ к длительному лишению свободы²⁶⁶.

Работники из числа «особого контингента» нередко сталкивались и с откровенным произволом начальства. Так, в заявлении, поступившем из Дальстроя в Президиум Верховного Совета СССР от бывших участников строительства «Челябинск — 40» приводились факты «грубого нарушения советской законности со стороны администрации приисков», а также «нечеловеческого обращения» отдельных руководящих лиц предприятий.

Давая команду по поводу этого заявления «в оперативном порядке тщательно расследовать и привлечь виновных к ответственности», руководство МВД вместе с тем было обеспокоено «озлоблением и антисоветскими настроениями авторов письма, которые, видимо, также распространяют злостные слухи о якобы ничем не оправданном содержании их в условиях Дальстроя (! — выделено автором. — Е.Ч.)». Поэтому оно считало необходимым «тщательно проверить каждого заявителя в письме, выявить их политические настроения и взять их под постоянное оперативное наблюдение»²⁶⁷.

Ж.А. Медведев в своей публикации пишет, что возвращение лиц «особого контингента» началось после смерти Сталина в 1954—1955 гг.²⁶⁸ Однако он ошибается. Работа по подготовке отмены режима содержания начала проводиться с конца 1951 г. в связи с окончанием двухлетнего срока пребывания первых партий «особого контингента» на Колыме. В Дальстрой пришли указания МВД СССР № 2/59442 от 11 октября 1951 г. и телеграмма министра внутренних дел СССР Круглова № 12 от 12 октября того же года. МВД дало распоряжение «...пересмотреть списки лиц, которые находятся на работах Дальстроя свыше двух лет и установить возможность их освобож-

дения за истечением срока, или предоставить возможность перехода по желанию для работы на другие предприятия Дальстроя. При принятии такого решения должно обязательно учитываться их поведение на работе, в быту и общее политико-моральное настроение и состояние».

В соответствии с указаниями Центра на предприятиях ДС были созданы оперативные группы в составе зам. начальника управления по кадрам и начальника оперативного органа, выводы которых утверждались и проверялись начальниками отраслевых управлений, Отдела контрразведки и Отделения управления кадров ДС.

Начальник Дальстроя И. Митраков 24 марта 1952 г. докладывал Круглову о следующих результатах. На всех лиц, приехавших в 1949 г. в составе «особого контингента» вольнонаёмными (5 180 чел.), были «...собраны производственно-политические характеристики, проверено наличие компрометирующих материалов и на основании этих данных произведено разделение контингента на три категории...»

К первой категории относились 3 539 чел., «...проявившие себя на производстве добросовестными, честными работниками при отсутствии на них новых компрометирующих материалов...», а также женщины иждивенки и большая часть нетрудоспособных инвалидов. Предполагалось, что их можно освободить по истечении срока, установленного постановлением СМ СССР от 14 июля 1949 г.

Ко второй категории были отнесены 1 026 чел., «...имевших связь с оккупационными властями и в достаточной мере оперативно не изученные, а также лица, имеющие ограничения: ссылку, высылку и выселение навечно...». Считалось, что с них можно было «...снять особые ограничения, но по оперативным соображениям следует временно оставить в Дальстрое с правом свободного передвижения».

В третью категорию были зачислены 615 чел., «...проявивших себя в быту и на производстве отрицательно...». На часть из них поступили также новые компрометирующие материалы. Поэтому эту группу оставляли ещё на год в режимных ограничениях.

Из 261 инвалида 178 были отнесены к группе, которую следовало отправить «на материк», а 83 — оставить в Дальстрое.

В число лиц первой и второй категорий вошло большое число специалистов практиков и квалифицированных рабочих массовых профессий. Руководство ДС считало необходимым провести работу по закреплению их за Дальстроем на основе трудовых соглашений соответственно специально.

26 сентября 1952 г. зам. начальника ДС Никешичев утвердил разрядку на выезд лиц «особого контингента», проработавших в ДС три года и уволенных с выездом в центральные районы страны. Всего вывозу подлежали 4 758 чел., из них в 1952 г. — 2 370 чел., в том числе на рейсах пароходов 30 сентября — 900 чел., 8 октября — 510, 26 октября — 500, 30 октя-

бря — 460 чел. По горнопромышленным управлениям: из Индигирского ГПУ в 1952 г. вывозилось 710 чел., Западного — 820, Тенькинского — 340, Северного — 250, Энергостроя — 250 чел.²⁶⁹

Приказы об освобождении лиц «особого контингента» отдавались в строгом соответствии с месяцем их прибытия на Колыму двухлетней давности, о чём свидетельствует, например, отчёт Северного ГПУ за август 1953 г. В нём говорилось: «В течение июля и августа 1953 г. на приисках Северного управления проводилась работа по снятию режимных ограничений с лиц, прибывших в ДС в августе 1951 г. Режимные ограничения с этих лиц сняты на основании приказа начальника ДС № 00302 в количестве 885 чел., из них 14 женщин, прибывших по вызовам в 1952 г. На 1 сентября 1953 г. остаётся 220 чел., из них: прибыло в сентябре 1951 г. — 202, в октябре — 6, в ноябре — 1, в 1952 г. прибыло 11 чел. Работа по снятию режимных ограничений на контингент 1951 г. прибытия будет закончена полностью в октябре. Остаётся 11 чел. лиц, прибывших в 1952 г., с которых режимные ограничения должны сниматься по истечении 2-летнего пребывания в ДС». И действительно, на 1 октября 1953 г. в Северном ГПУ на учёте оставалось 12 чел. «особого контингента» (все — мужчины, бывшие заключённые)²⁷⁰.

Ускорить освобождение не могли ни инвалидность и плохое состояние здоровья, ни ходатайства в высшие инстанции. В фондах ГАМО сохранились письма родственников бывших строителей секретных объектов с жалобами на то, что их близких незаконно задерживают на Колыме. Большинство просителей указывали, что они стары, больны, нетрудоспособны или имеют малолетних детей и нуждаются в скорейшем возвращении их единственных кормильцев в семью. Однако на эти, порой душераздирающие письма всегда высылались стандартные ответы с отказом. Например, Филиппов Н.Ф. (инвалид Отечественной войны, контужен, имел ранения, болел туберкулезом) из Марийской АССР ходатайствовал перед председателем ПВС СССР Шверником Н.М. о разрешении выезда из Дальстроя его приемного сына Смышляев С.Д. (его мать также была нетрудоспособна из-за болезни сердца): «Смышляев С.Д., 1925 г.р., осуждён 16 марта 1946 г. Военным Трибуналом Казанского гарнизона по ст.193 п.7 «г» УК сроком на 3 года ИТЛ. Наказание отбыл в Верх-Невельске Свердловской области, из-под стражи освобожден в ноябре 1948 г. После отбытия срока наказания ему был выписан паспорт, но на руки не выдан. В приказном порядке Смышляев был оставлен для работы на спецстроительстве в Верх-Невельске. Оттуда сбежал в конце декабря 1948 г. и прибыл домой. В марте 1951 г. был задержан органами МГБ и отправлен обратно в Верх-Невельск, где осуждён по Указу от 26 декабря 1941 г. к 4 мес. исправительно-трудовых работ за уход с производства. После отбытия этого наказания выселен на Дальний Север сроком на 3 года. В настоящее время (письмо написано в октябре 1952 г. — Е.Ч.) проживает в пос. Сухачи Ягоднинского района Хабаровского края». Официальный ответ на это письмо дал начальник 3-го отделения Управления кадров Дальстроя Пашин 13 янва-

ря 1953 г.: «...дать право на увольнение гр-ну Смышляеву можем не ранее сентября 1954 г.»²⁷¹

Но даже тем, кто освободился, не всегда удавалось сразу выехать на «материк» из-за ограниченных возможностей транспорта. Например, в ответ на письмо Н. Бодянской от 25 октября 1952 г. в адрес Президиума XIX съезда партии с просьбой об освобождения её мужа был дан следующий ответ из отдела кадров Дальстроя: «Гр-н Бодянский А.Р. прибыл в Дальстрой 28.09.49 по приказу МВД СССР № 00708 — 1949 г. в числе лиц «особого контингента» и содержался в режимных ограничениях. В соответствии с приказом МВД СССР № 00405 — 1952 г. 28.08.52 режимные ограничения с него сняты, и он имеет право на увольнение с выездом из Дальстроя. Нами дано указание по месту работы Бодянского о его увольнении, но, учитывая транспортные затруднения, возможно, что он и не сможет выехать в навигацию текущего года»²⁷².

Некоторые из освободившихся оставались работать на Колыме по собственному желанию, были и такие, кто вернулся туда после отъезда. Например, В.Я. Рычков (о нем см. выше) вспоминает: «Мы вместе с женой (...) уехали было на «материк». А там все чужое, родных нет, булка хлеба стоит 400 руб. Короче, решили ехать обратно — уже сами. (...) С тех пор отработал 18 лет горным механиком на прииске «Бурхала» в Ягоднинском районе»²⁷³.

Следует отметить, что в конце 1940-х — начале 1950-х гг. промышленно-лагерная система Дальстроя вошла в глубокий кризис: эффективность основного производства неуклонно падала, снабжение было неудовлетворительным, лагеря наводнены уголовниками-рецидивистами, которых свозили на Колыму со всей страны, наблюдалось разложение лагерной администрации и охраны²⁷⁴. В этих условиях руководство ДС было крайне заинтересовано более широко использовать квалифицированные кадры из числа «особого контингента». Начальник ДС Митраков неоднократно запрашивал у МВД разрешения приступить к перемещению лиц, изъявивших желание работать на других предприятиях ДС, со снятием с них ограничений по передвижению на территории ДС. Эту просьбу он излагал в своих письмах на имя Круглова в феврале, марте и апреле 1952 г. В докладной от 24 марта он писал: «...В настоящее время на ряде предприятий, укомплектованных лицами «особого контингента», имеется излишек рабочей силы, особенно специалистов, что создаёт трудность их трудоустройства и удорожает себестоимость. В то же время на других предприятиях ощущается недостаток вольнонаёмных квалифицированных рабочих массовых профессий. Учитывая такое положение, прошу Вашего разрешения на немедленное перемещение лиц первой и второй категорий, которое необходимо закончить до начала промыточного сезона». 10 апреля ему ответил Чернышов: вопрос решается в правительстве²⁷⁵.

Однако фактически эта практика уже широко применялась в Дальстрое, и режим по сохранению изолированности бывших строителей-

атомщиков к концу срока их ссылки был существенно ослаблен, вплоть до полного несоблюдения. Причиной этому были как неспособность Дальстроя в условиях переживаемого кризиса организовать полноценную охрану «особого контингента», так и нежелание делать это со стороны руководства предприятий, заинтересованных в более мобильной рабочей силе.

Проверка, проведённая Управлением кадров ДС летом 1952 г., показала «...полное отсутствие какого-либо режима на всех предприятиях, укомплектованных этим контингентом. Контрольно-пропускные пункты отсутствуют, вследствие чего лица «особого контингента» беспрепятственно выходят за пределы территории предприятий, выезжают в посёлки Усть-Нера, Ягодное и даже в г. Магадан, где проживают по несколько дней, общаясь со всеми категориями населения и подчас занимаясь преступной деятельностью. Руководство горных управлений производит самовольные переброски контингента с одного на другое предприятие без конвоя и соответствующего оформления актами. Так, 4 августа 1952 г. с приисков «Хатыннах» и «Юбилейный» на прииск «Дальний» ИГПУ перевели 40 чел., из которых 5 чел. в посёлке Усть-Нера скрылись. Подобные факты не единичны, однако отделы режима и оперработы никаких мер к наведению порядка в режиме содержания не принимают и даже часто не знают об этих грубейших нарушениях. Оперативное обслуживание также не ведётся. Оперработники занимаются только лагерными подразделениями, а вольнонаемный контингент не обслуживают. В результате на предприятиях уголовно-преступный элемент терроризирует основную рабочую массу. Нередки случаи угроз убийством и убийств. За истекшие 8 мес. 1952 г. зарегистрировано несколько случаев убийств. Например, 29 апреля 1952 г. на прииске «Горный» СГПУ убита Петушихина А.И., в пос. Усть-Нера 7 июля убит Крысин М.М., приехавший туда заявить, что на него покушаются, и ряд других случаев. В Управление кадров поступает большое количество заявлений с просьбой о переводе в другие Управления из-за угроз убийством...»

Получив де-факто послабления в свободе передвижения по колымской территории, ссыльные оказались не защищены перед произволом уголовников. Это же подтвердилось и в докладной записке начальника 1-го управления ГУСДС МВД СССР полковника Бабенко руководству ДС от 11 октября 1952 г. «О состоянии режима содержания лиц «особого контингента» на предприятиях ГУСДС МВД»: «...Особый контингент лагерного населения содержится в лагерных подразделениях, режимные условия для категории созданы в соответствии с требованиями приказов МВД СССР и начальника ГУСДС. Режим содержания для «ОК» вольнонаемного населения этих же предприятий находится в неудовлетворительном состоянии и не отвечает требованиям приказов МВД СССР и руководства ГУСДС»²⁷⁶.

По-видимому, официального разрешения на переброску работников так и не было получено, так как в отчётах горных управлений такие факты отмечались со ссылкой на устные указания руководителей отдела кадров

ДС. Например, в мае 1953 г. в Северное управление были приняты с прииска «Разведчик» Индигирского ГПУ 15 чел. лиц «особого контингента» из числа бывших солдат. Их разместили на отдельном участке «Ледяной» прииска «Верхний Ат-Урях». В июне 1953 г. в СГПУ были переведены 11 чел. из Кюэль-Сиенского ДСУ²⁷⁷.

На 11 октября 1952 г. на режимном учёте в Дальстрое оставалось 5 839 чел. «особого контингента»²⁷⁸. В последующие месяцы их число быстро сокращалось. Завершился этот процесс, по всей видимости, в 1954 г., когда были освобождены те, кто попал в «особый контингент» в 1951—1952 гг.

По данным Ж.А. Медведева, после снятия режима свобода местожительства бывших строителей секретных объектов была ограничена областями Урала, Сибири, Дальнего Востока и некоторыми областями Центральной России. Им не разрешалось поселяться в пограничных областях. Они ставились под надзор местных отделов КГБ. Им также следовало оформлять «подписку о неразглашении» сведений об их бывшей работе. Эта подписка была бессрочной. Её нарушение означало арест и лишение свободы. Даже сотрудники или рабочие атомных объектов, которые увольнялись по болезни в 1957—1958 гг. и позже, попадали под эти ограничения²⁷⁹.

Таким образом, феномен «особого контингента» имеет строго очерченные социальные, хронологические и территориальные рамки. Это единственная категория принудительных мигрантов сталинской эпохи, подвергшаяся изоляции на крайнем Северо-Востоке страны в целях «сохранения государственной тайны». Данная акция длилась с 1949 по 1954 г. Будучи осуществленной только на основании постановления правительства и приказа МВД СССР, она имела внесудебный «превентивный» характер и была направлена не на конкретных лиц, а на группу, объединённую общим признаком — причастностью к строительству атомных и других строго секретных объектов. Основными жертвами её стали бывшие заключённые, а также спецпоселенцы. Для них это стало «довеском» к основному наказанию. Вместе с тем, «награду» за участие в важном строительстве получили и не скомпрометированные перед лицом государства солдаты стройбатов и военизированной охраны, а также другие лица, попавшие в «контингент», по всей видимости, скопом. Обезличенный характер репрессии способствовал допущению дополнительного произвола и субъективизма по отношению к этим людям как на этапе формирования «особого контингента», так и в период его роспуска. Пережить лишения вынуждены были и члены их семей. Абсолютно социально незащищенными оказались инвалиды, брошенные на произвол судьбы в условиях Крайнего Севера. К концу срока депортации государство оказалось не в состоянии контролировать установленный им самим же режим пребывания «особого контингента» в Дальстрое, что было одним из свидетельств кризиса, переживаемого сталинской репрессивной системой.

5.7. Общая характеристика принудительных миграций послевоенного этапа

Изложенный в данной главе материал показывает, что в послевоенный период на Дальний Восток было завезено значительно больше принудительных мигрантов, чем в 1930-е гг., что являлось отражением общего для страны увеличения насильственных миграционных потоков, с одной стороны, и разрядкой геополитической напряжённости на Дальнем Востоке — с другой. В целом по СССР с 1945 по 1953 г. численность спецпоселенцев выросла в 1,2 раза (максимальный показатель — 2,8 млн чел. в 1953 г.), в Западной Сибири — в 1,4, Восточной Сибири — в 1,6 раза²⁸⁰, на Дальнем Востоке к 1952 г. — в 4,8 (пик роста пришёлся на 1952 г. — 94,6 тыс. чел.; см. табл. 36). На Дальнем Востоке этот процесс шёл быстрее, чем в других районах страны, но всё же доля дальневосточного региона в спецсылке страны увеличилась незначительно — до 4,1% в 1950 г. (какой она была в 1934 г.), а в 1953 г. снова уменьшилась до 2,3%.

Таблица 36

Динамика численности спецпоселенцев на Дальнем Востоке в 1945—1959 гг. (чел.)²⁸¹

	Хабаровский край	Амурская область	Дальстрой/ Магаданская область	Сахалинская область	Приморский край	Всего по ДВ
01.04.1945	19 063*		—	—	495	19 558
01.07.1945	18 852*		—	—	489	19 341
01.01.1946	18 417*		4 575	—	481	22 992
01.04.1947	22 573*		29 192	—	5 618	57 383
01.01.1948	20 715*		29 811	1 220	3 196	54 942
01.01.1949	15 086	8 387	29 845	3 904	3 676	60 898
01.07.1950	33 544	20 497	28 343	3 918	4 688	90 990**
01.07.1951	39 011	18 816	27 931	4 083	4 660	94 501
01.01.1952	38 854	18 866	27 818	4 072	5 023	94 633
01.01.1953	35 566	16 903	6 234	3 423	2 089	64 215
01.01.1956	21 295	8 536	674	1 239	734	32 478
01.01.1957	13 011	4 593	49	нет св.	574	18 672
01.01.1958	11 124	3 281	339	2	509	15 255
01.01.1959	3 105	978	156	—	102	4 341

Примечания: * сведения по Хабаровскому краю включают в себя также цифры по Амурской области; ** П.М. Полян приводит общую численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке на 1 июля 1950 г., равную 107,3 тыс., ссылаясь на: ГАРФ, ф. Р-9479, оп. 1, д. 641, л. 372 — 380²⁸². Однако наши подсчеты по этому же источнику дают суммарную численность в 90 990 чел.

Табл. 36 показывает динамику численности спецпоселенцев в регионе. Общее же число принудительных мигрантов было ещё выше: в пиковый период (на 1 января 1952 г.) оно достигало 109,9 тыс. чел., поскольку кроме спецпоселенцев сюда следует включить также ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, «особый контингент» на Колыме (см. табл. 37).

Расширилась и география спецссылки на Дальнем Востоке. Если в 1930-е гг. она размещалась только в Хабаровском и Приморском краях, то после войны — во всех краях и областях региона. В начале 1950-х гг. в зону размещения спецпоселенцев входили 15 городов и 66 районов: в том числе в Хабаровском крае соответственно — 2 и 16, Сахалинской области — 4 и 7, Амурской области — 4 и 23, Приморском крае — 4 и 7, Дальстрое — 1 и 13²⁸³.

Однако в начале 1950-х гг. из-за очередного осложнения международной обстановки («холодная война», война в Корее) центральные партийно-правительственные органы принимают решение об ограничении содержания спецпоселенцев и даже отселении их из ряда стратегически важных и приграничных районов. Непосредственным поводом к этому послужила реорганизация управления системой спецпоселений, перешедшей под начало МГБ.

В Постановлении СМ СССР № 3077—1286сс «О передаче спецпоселенцев из Министерства внутренних дел СССР в Министерство государственной безопасности СССР» от 14 июля 1950 г. наряду с директивой «...установить строгий режим в местах расселения политических и уголовных ссыльных, высланных и спецпоселенцев...» давались указания: «...а) расселять ссыльных, высланных и спецпоселенцев в районах Западной и Восточной Сибири, Казахской и Узбекской ССР и Коми АССР не ближе 50 км от магистральных железных дорог и 100 км — от государственной границы СССР, а размещённых в настоящее время в районах, прилегающих к магистральным железным дорогам и пограничной полосе, отселить на указанное расстояние»; (...) д) переселить в течение 1950—1951 г. в районы Западной и Восточной Сибири, Казахской и Узбекской ССР и Коми АССР спецпоселенцев, размещённых в настоящее время на территории Карело-Финской ССР, Туркменской ССР, Татарской АССР, Чувашской АССР, **Приморского края**, Владимирской, Вологодской, Горьковской, Днепропетровской, Ивановской, Костромской, Куйбышевской, Московской, Мурманской, Рязанской, Тульской, Ульяновской, Херсонской, Ростовской и Сталинградской областей, общей численностью 82 473 чел.» (выделено автором. — Е.Ч.)²⁸⁴. В справке от 23 июня 1950 г. уточнялось, что из Приморского края подлежало выселению 3 665 спецпоселенцев²⁸⁵. Однако в заданные сроки намеченное переселение не было организовано. В 1951 г. органы МГБ, приняв под свой контроль спецпоселенцев, подготовили новый проект постановления СМ СССР, в котором возвращались к проблеме «упорядочения размещения» этой категории населения. Перечень мест специального поселения был более конкретизирован и несколько расширен, он включал Казахскую, Киргизскую, Узбекскую ССР, Бурят-Монгольскую, Якут-

скую и Коми АССР, Алтайский, Красноярский края, Иркутскую, Кемеровскую, Курганскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую и Читинскую области. Кроме того, был повторен пункт об отселении спецпоселенцев, ссыльных и высланных из районов 100-км приграничной зоны и 50—100-км зоны от объектов особой государственной важности, железнодорожных магистралей, водных и воздушных путей сообщения.

Расширялась и зона предполагаемого выселения. В частности, на Дальнем Востоке к намеченному ранее Приморскому краю добавились Хабаровский край и Сахалинская область. Переместить спецпоселенцев, ссыльных и высланных по указанной схеме предлагалось в 1952—1953 гг. Данный проект обосновывался «...необходимостью обеспечения государственной безопасности и тем, что места спецпоселений для некоторых категорий спецпоселенцев правительством не устанавливались, поскольку не было решений правительства об их выселении...» К таким категориям относились репатриированные немцы, немецкие пособники и выселенные в 1944—1946 гг. оуновцы. Что касается других групп спецпоселенцев, то, хотя для них и были установлены конкретные районы размещения, но в течение ряда лет происходило их территориальное перераспределение по стране²⁸⁶.

У нас нет информации о дальнейшем прохождении данного проекта. Но по косвенным данным можно сделать вывод о том, что он не был реализован, по-видимому, из-за сопротивления ведомств и местных властей, с одной стороны, и громоздкости самого проекта — с другой. В экземпляре постановления СМ СССР № 3077—1286сс от 14 июля 1950 г. (см. выше), который находится на хранении в ГАРФе в фонде Специального отдела МВД, пункты «а» и «д» выделены с пометой «исключено»²⁸⁷ (дата и автор пометы не ясны). Это же подтверждают и материалы по Дальнему Востоку, где принудительные мигранты продолжали пребывать и после намеченного срока отселения (см. табл. 36). Однако в 1951 и 1952 гг. новых контингентов сюда уже не направляли. В 1952 г. численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке впервые за послевоенный период снизилась, но это произошло не за счёт перевода спецссылки в другие регионы, а в связи с освобождением 30 тыс. «власовцев», у которых в 1952 г. истёк 6-летний срок наказания (см. разд. 5.2.). В 1953 г. проект «упорядочения размещения спецпоселений» и вовсе был отставлен, так как смерть Сталина кардинально изменила вектор дальнейшего развития пенитенциарной системы.

Отличием послевоенного периода было не только увеличение численности принудительных мигрантов, но и усложнение структуры этой категории населения. Если в 1930-е гг. на Дальнем Востоке находился только один контингент спецпоселенцев — «бывшие кулаки», то к началу 1950-х гг. — более 10 (учитывая подгруппы немцев, выселенцев из Прибалтики, Крыма, с Кавказа), плюс «особый контингент» строителей-атомщиков, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (см. табл. 37). Всего же по стране в этот период на учёте ОСП состояло более 20 контингентов.

Как показывает табл. 37, наиболее многочисленными группами в пиковый период их содержания на Дальнем Востоке были «власовцы» (36%) и оуновцы (30,5%), далее по нисходящей — «особый контингент» (9,4%), немцы (8,3%), высленцы из Прибалтики (5,3%), «указники» (4,1%), калмыки (2,0%) и т.д. Основная масса депортантов сосредоточивалась в Дальстрое (39,2%), Хабаровском крае (35,3%) и Амурской области (17,2%). Менее всего их приходилось на Приморский край (4,6%) и Сахалинскую область (3,7%). После 1952 г. с освобождением «власовцев» основным «держателем» принудительных мигрантов становится Хабаровский край, где размещалась большая группа «высленцев-националистов», которых снимали с учёта в последнюю очередь.

Таблица 37

Состав принудительных мигрантов по группам учёта на Дальнем Востоке на 1 января 1952 г. (чел.)²⁸⁸

	Хабаровский край	Амурская область	Дальстрой	Сахалинская область	Приморский край	Всего по ДВ
«Власовцы»	4 464	3 405	24 568	1 060	3 448	36 945
Немцы	3 413	2 163	2 721	795	7	9 099
Калмыки	2	—	31	2 217	—	2 250
«Указники»	2 764	1 618	128	—	12	4 522
Оуновцы	26 316	5 663	—	—	1 556	33 535
Из Прибалтики	760	5 019	3	—	—	5 782
С Кавказа	91	10	154	—	—	255
Из Крыма	97	—	177	—	—	274
Из Молдавии	948	988	—	—	—	1 936
Немецкие пособники	—	—	12	—	—	12
Ссылнопоселенцы, ссыльные и высланные	—	—	5 014	—	—	5 014
«Особый контингент»	—	—	10 348	—	—	10 348
Всего	38 855	18 866	43 156	4 072	5 023	109 972

В конце военного периода правовое положение спецпоселенцев определялось Постановлением СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г., которым провозглашалось, что они пользуются всеми правами граждан за исключением следующих ограничений: они не могли без разрешения коменданта спецкомендатуры отлучаться за пределы района расселения (нарушение этого условия считалось побегом с привлечением виновного к уголовной ответственности), от глав семей требовалось в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру обо всех изменениях в составе семьи (рождение, смерть,

побег), спецпоселенцы обязаны были строго соблюдать установленный для них режим и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур (за нарушение — административное взыскание в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток), все трудоспособные лица должны были заниматься общественно-полезным трудом. После окончания войны некоторую либерализацию режима демонстрировало окончательное освобождение «бывших кулаков», включение спецпоселенцев в списки избирателей во время выборов в советы и др.²⁸⁹

Однако по мере заполнения спецсылки новыми рекрутами, роста их численности и накопления связанных с этим проблем политика в сфере деятельности данного пенитенциарного сегмента вновь ужесточалась. Постановление СМ СССР № 418—161 сс от 21 февраля 1948 г. «О ссылке, высылке и спецпоселениях» требовало от МВД установить строгий режим в местах поселений, исключив возможность побегов (за которые определялось наказание в 10 лет лишения свободы), организовать точный учёт и надзор, обязательное трудоустройство спецпоселенцев. Главы их семей обязаны были отмечаться в спецкомендатурах раз в месяц, а оуновцы и «власовцы» — два раза. В паспортах спецпоселенцев делались особые отметки о разрешении проживания в конкретной местности, а у оуновцев и «власовцев» паспорта изымались, вместо них выдавались справки, удостоверявшие личность, с указанием места работы и разрешенного района проживания. Указ ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. объявлял ссылку «наказанных народов» вечной и устанавливал им в качестве наказания за побег 20 лет каторжных работ. Министерством внутренних дел предпринимались многочисленные проверки периферийных органов, издавались десятки приказов, директив и распоряжений, направленных на улучшение состояния учёта и контроля, оперативно-агентурной работы, борьбы с побегами спецпоселенцев, в 1949 г. с целью переучета на местах проведена выборочная перепись спецпоселенцев. Однако значительных успехов эти меры не имели. В 1948 г. вся работа с агентурой по выявлению в спецсылке «шпионов, диверсантов, террористов и других вражеских элементов» была передана органам МГБ, а в 1950 г. Постановлением СМ СССР № 3077—1286сс от 14 июля Отдел спецпоселений полностью переходил из подчинения МВД в МГБ СССР. В 1953 г. МГБ и МВД СССР были объединены в одно министерство, и Отдел по руководству спецпоселениями вновь оказался в структуре МВД²⁹⁰.

В послевоенный период в соответствии с ростом численности спецпоселенцев расширялась сеть районных и городских спецкомендатур. Только с конца 1949 до середины 1950 г. их количество выросло со 115 до 142 (в Хабаровском крае до 57, Амурской области — 35, Приморском крае — 9, Саха-

линской области — 7, Дальстрое — 34*). Штат комендантов в августе 1950 г. составлял 118 чел., помощников комендантов — 94, надзирателей — 99 (к концу года число последних планировалось увеличить до 140 чел.)²⁹¹. Кроме того, в 1948 г. было организовано Управление МГБ на Дальнем Севере с дислокацией в Магадане и в его распоряжение направлен отдельный усиленный батальон войск МГБ для несения службы в районах ссылки и высылки с дислокацией штаба в пос. Дебине на Колыме²⁹².

Для предотвращения побегов в районах размещения спецпоселенцев создавались оперативно-розыскные отряды, которых в начале 1952 г. насчитывалось в Хабаровском крае — 80, Амурской и Сахалинской областях — по 30, Приморском крае — 20²⁹³. С этой же целью в портовых пунктах в период навигации организовывались группы содействия из местного населения, например, на Сахалине их было 29²⁹⁴.

Согласно отчетам с мест на Дальнем Востоке, в отличие от ряда других регионов страны**, побег из спецпоселений не приняли широкого размаха. Так, на 25 декабря 1946 г. по Хабаровскому краю количество бежавших и не разысканных «власовцев» составляло около 3 чел. на каждую 1000 (это был один из лучших показателей среди регионов)²⁹⁵. Из «указников» на 1 августа 1951 г. в розыске находились в Хабаровском крае — 4, Амурской области — 1 чел.²⁹⁶

Однако во многих периферийных УМВД отчетные показатели и реальность не соответствовали друг другу, что говорило о неспособности силовых структур полностью «держать в узде» постоянно растущую массу подневольного населения. Например, в приказе МВД СССР № 001129 от 15 сентября 1948 г. отмечались «неупорядоченный учёт» и «..крайне слабая организация работы по борьбе с побегими в УМВД по Приморскому краю, где в течение пяти месяцев после издания приказа МВД СССР № 00246—1948 г. (*«О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев».* — Е.Ч.) не принималось никаких мер к выявлению ранее бежавших поселенцев, их розыску и задержанию. До июля 1948 г. УМВД по Приморскому краю числило в бегах только двух человек, в то время как фактически бежало свыше 200 чел., розыск которых организован не был...»²⁹⁷ Более того, обнаружилось, что в апреле — мае 1947 г. во Владивостоке группа лиц (работник горвоенкомата, майор медицинской службы, начальник паспортного стола 2-го отделения

* В 1945 г. на начальном этапе приёма спецпоселенцев в Дальстрое было организовано 12 спецкомендатур, в 1946 — 24, 1950 — 34. См.: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ, 2002. С. 122, 123; ГАРФ. Ф. Р - 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 44.

* Например, в результате проверки, проведённой в 1947 г., выяснилось, что из Архангельской области совершили побег 564 ссыльных из числа семей оуновцев. См.: История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 74.

милиции и учетчица военно-учётного стола того же отделения) при содействии двух спецпоселенцев занимались выдачей за взятки паспортов и военных билетов спецпоселенцам, по которым последние совершали побег²⁹⁸. Оперуполномоченный Артемовского горотдела МВД в 1947 г. выдал 19 репартриантам фиктивные справки, за что получал взятки от 1 000 до 2 000 руб. за одну справку. В результате 16 чел., получив на основании этих справок паспорта и военные билеты, скрылись. Оперуполномоченный был осуждён к 10 годам лишения свободы и исключен из партии²⁹⁹.

Таблица 38

Сведения о побегах спецпоселенцев на Дальнем Востоке в 1949 — 1951 гг. (чел.)³⁰¹

	Бежало	Задержано		Всего в розыске	
		всего,	в т.ч. из бежавших в этом году	на начало года	на конец года
1949 (на 01.11)					
Хабаровский край	57	59			8
Амурская область	47	42			21
Сахалинская область	2	2			1
Приморский край	5	7			27
Дальстрой	5	5			22
Всего	116	115	нет св.	нет св.	79
1950					
Хабаровский край	12	17	12	6	6
Амурская область	4	15	2	16	7
Сахалинская область	—	—	—	1	1
Приморский край	—	6	—	20	15
Дальстрой	5	15	1	20	10
Всего	21	53	15	63	39
1951					
Хабаровский край	8	11	8	6	3
Амурская область	3	7	3	7	3
Сахалинская область	2	3	2	1	—
Приморский край	—	2	—	15	13
Дальстрой	—	2	—	10	12
Всего	13	25	13	39	33

В ход шли и другие ухищрения. В Амурской области 47-летний оуновец длительное время симулировал болезнь ног, передвигаясь с помощью косты-

лей. В 1953 г., получив у коменданта спецкомендатуры разрешение на выезд в районную больницу, он туда не поехал, а совершил побег и был задержан только на Украине. В Сахалинской области два «власовца», подготавливая побег, рассчитывали напасть на коменданта, завладеть его оружием, ограбить кассу отделения Сахалинторга и бежать за границу. Эти сведения были получены оперативным путём сотрудниками Александровского горотдела МГБ, которые организовали засаду у спецкомендатуры в ночь намеченного нападения. При задержании у беглецов были изъяты топор, финский нож и записка «террористического содержания». Согласно информации УМГБ, на следствии один из задержанных был «разоблачен как агент английских разведорганов», который «...по прибытии на Сахалин вел среди спецпоселенцев антисоветскую агитацию...»³⁰⁰

Общее представление об относительно незначительном размахе бегства из спецпоселений на Дальнем Востоке и его дальнейшего сокращения в 1950—1951 гг. даёт табл. 38. Несмотря на издержки отчетности, о которых сказано выше, в целом таблица отражает известную закономерность развития феномена побегов: более активно они совершались в начальный период спецсылки, когда переход в подневольное состояние переживался людьми особенно тяжело. По мере обустройства выселенцев в новых местах число побегов уменьшалось³⁰².

Жизненные условия послевоенных спецпоселенцев так же, как и в предыдущие периоды, были неоднозначными и определялись разными обстоятельствами. Обращает на себя внимание тот факт, что из отчетов постепенно исчезает термин «спецпоселение» при перечислении мест размещения принудительных мигрантов. Спецпоселенцы проживали в городах, посёлках, на станциях и в других пунктах, входивших в административно-территориальную систему региона на общих основаниях и в основной массе имевших смешанное население из «вольных» и «невольных» граждан.

Как показано выше, наиболее многочисленная в регионе группа спецпоселенцев — «власовцы» — состояла в основном из мужчин, занятых в нефтяной, угольной и золотодобывающей промышленности. Как правило, для проживания им выделяли места в рабочих общежитиях.

В тяжелом положении находились принудительные мигранты, отправленные на Колыму, которых нередко расселяли на территории старых лагерных зон. В 1947—1948 гг. особенно острая ситуация сложилась на приисках Северного и Западного Горнопромышленных управлений, где спецпоселенцы размещались по 20—30 чел. в бараках «таежного типа», спали на сплошных нарах из жердей без постельных принадлежностей, для работы не были обеспечены спецодеждой и обувью. Из-за антисанитарных условий там свирепствовал педикулез. На участке «Новый» Фрунзенского разведрайона не было налажено снабжение продуктами и общественное питание, в результате чего в ноябре и декабре 1947 г. трое спецпоселенцев умерли от дистрофии. На прииске «25 лет Октября» из 530 спецпоселенцев 159 попали

в больницу. В связи с этим заместитель министра внутренних дел СССР Рясной в служебной записке от 7 апреля 1948 г. просил начальника Дальстроя И.Ф. Никишова принять срочные меры к улучшению жилищно-бытовых условий спецпоселенцев³⁰³. Но и в декабре 1949 г. проведённое обследование показало, что кардинальных изменений не произошло: многие спецпоселенцы продолжали жить скученно в не подготовленных к зиме помещениях, спали на общих нарах. Были случаи проживания в бане и летних палатках. Прибывая на место работы, люди зачастую находили после перевода заключённых полностью разрушенный лагерь. Для улучшения положения у руководителей приисков не было ни средств, ни заинтересованности, так как на первом месте стоял производственный план³⁰⁴. Не случайно только в 1949 г. от спецпоселенцев в руководящие органы Дальстроя поступило 712 заявлений и жалоб³⁰⁵.

В г. Свободном Амурской области депортанты из Латвии жили в бараках, где до этого находились японские военнопленные³⁰⁶. Часть спецпоселенцев работала и жила не в бывших, а действующих исправительно-трудовых лагерях. Например, в Нижнеамурском лагере (Хабаровский край) в октябре 1949 г. находились 1 245, а в июле 1950 г. — 1209 спецпоселенцев, хотя они и не являлись заключёнными³⁰⁷.

Для семейных естественным желанием было поселиться в отдельном доме или квартире, важным было наличие школ и больниц. В лучшем положении находились те, кого направляли в уже существовавшие населенные пункты с более развитой поселковой инфраструктурой. Сложнее приходилось тем, кто попадал в неосвоенные районы или кого перебрасывали с места на место.

Многое зависело от отношения к спецпоселенцам руководства предприятий. Даже в рамках одного ведомства и района ситуация могла резко различаться. Показательным примером служат результаты проверки устройства спецпоселенцев, переданных для трудового использования в систему треста Хабаровсксельстрой. Проверка проводилась в феврале 1953 г. специальной комиссией в ответ на многочисленные жалобы, поступившие от спецпоселенцев в УМВД и прокуратуру края, она охватывала три стройучастка в Комсомольском районе.

На время проверки во всех трёх посёлках спецпереселенцы проживали только полгода, так как были переведены туда в сентябре 1952 г. из других стройучастков (Вяземского, Совгавани). В то же время часть спецпоселенцев, находившихся там накануне, была переведена на работу в Большекартельский леспромхоз, т.е. это была обычная практика работы треста, но она прямо отражалась на характере бытового устройства людей.

В пос. Талаканке спецпоселенцы (22 семьи, 85 чел.) размещались в отдельных домах («вполне пригодных для жилья в зимних условиях») по одной или две семьи. Почти у всех были свои огороды и благодаря этому запасы овощей и картофеля на зиму, некоторые завели кур и поросят. На ст. Се-

лихино (7 семей, 25 чел.) помещения были «...в основном пригодны для жилья, за исключением одной квартиры, в которой дальнейшее проживание в виду ветхости невозможно». А вот в пос. Литовко все 13 семей (42 чел.) были расселены в надворных постройках — тесных и холодных сараях, где невозможно было хранить запасы продуктов и следовать элементарным санитарным правилам. В пос. Селихино дети учились в школе того же посёлка. В пос. Талаканке младшие ученики ходили на месте в начальную школу, а старших возили специальным автобусом в среднюю школу пос. Хармули. Никаких культурно-массовых мероприятий среди спецпоселенцев не проводилось.

Главное же недовольство и жалобы были вызваны плохой организацией труда и низкими заработками. Лишь на стройучастке пос. Талаканки люди работали с полной нагрузкой, имели неплохие заработки (до 800—1400 руб.), нормирование и оплата труда осуществлялись в соответствии с общими правилами системы «Сельстроя». На двух других участках организация труда была «на исключительно низком уровне», наряды на работу своевременно не оформлялись, рабочим не начислялись положенные сезонно-премиальные и прогрессивные надбавки, нарушались нормы и расценки, постоянно не хватало инструмента и стройматериалов. Строительный лес можно было завезти только зимой, но этого сделано не было («в результате плохой работы тракторов и неиспользования тягловой силы»). Люди вынуждены были постоянно простаивать или использовались от случая к случаю. На стройучастке ст. Литовко 26 рабочих за 5 мес. не были заняты на производстве 386 рабочих дней, из которых были оплачены как простой 9,5 рабочих дней в сумме 76 руб. 95 коп., остальные дни простоя актами не оформлялись и не оплачивались. Некоторые за этот период не работали по 42—44 дня. На требования спецпоселенцев обеспечить их работой начальник Селихинской стройконторы отвечал грубостью.

По этим причинам заработки были очень низкими и не обеспечивали прожиточного минимума. На стройучастке ст. Селихино у разнорабочих в среднем они составляли 112—116 руб., на ст. Литовко — 200—300 руб., у квалифицированных рабочих — 300—500 руб. К тому же выдача зарплаты систематически задерживалась на 2—3 мес., но если на стройучастке пос. Талаканки была реальная перспектива её выплаты в связи со сдачей заказчику объекта, то на других участках этой возможности и не предвиделось, так как стройконтора имела большую дебиторскую задолженность. Не выдавались также подъемные и суточные, положенные спецпоселенцам, переведенным из других мест. В то же время были выявлены факты различных злоупотреблений со стороны руководителей стройконторы — оформление фиктивных нарядов, присвоение денег.

Комиссия сделала вывод о том, что «руководящие кадры стройконторы не соответствуют своему назначению», у них не было необходимых деловых качеств и квалификации, они не пользовались авторитетом у рабочих, но систематически пьянствовали с ними. Обращает на себя внимание

и другой вывод — о самих спецпоселенцах, которые, «...несмотря на перечисленные выше ненормальности, допускаемые со стороны администрации стройучастка, (...) в основном к работе относятся добросовестно, тогда как рабочие не спецпоселенцы систематически не выходят на работу...» Однако положение подневольности не позволяло спецпоселенцам по собственному желанию менять места работы и проживания, в этом отношении они полностью находились в подчинении спецкомендатур и хозяйственных организаций, которым передавались для трудоустройства. В рассмотренном случае они лишь настойчиво требовали перевести их на другие предприятия.

При попытке разрешении этой ситуации ярко проявилось противостояние двух ведомств, каждое из которых преследовало свои цели. Члены комиссии, представлявшие прокуратуру и УМГБ, приоритетной задачей считали следование основам пенитенциарной системы и лишь затем — обеспечение людей приемлемыми материально-бытовыми условиями. Их вывод гласил: «Спецпоселенцы не могут быть закреплены постоянно в тресте «Сельстрой», так как после окончания определённых работ по строительству колхозных посёлков они неминуемо должны перемещаться на новое местожительство, по месту нахождения объектов этой системы, что противоречит основному принципу закрепления спецпоселенцев в определённых местах поселений. В силу изложенного возникает необходимость разрешения вопроса о целесообразности дальнейшего оставления рабочих спецпоселенцев на участках ст. Селихино и пос. Литовко и передаче их для использования на работах в других системах. На стройучастках пос. Талаканки по условиям работы и быта спецпоселенцы могут быть в дальнейшем оставлены на этом участке».

Другой член комиссии — главный инженер треста Хабаровсксельстрой, отстаивая интересы своего ведомства, выступал за то, чтобы сохранить за предприятием эту гарантированную рабочую силу. Он не только категорически возражал против перевода бригад с Литовского стройучастка, но и сообщил, что трест «для строительства колхозного села» ставит вопрос о дополнительном переводе туда рабочих спецпоселенцев из Еврейской автономной области. При этом, правда, трест обещал построить два жилых барака на 10 семей каждый и завезти на производственные площадки строительный лес³⁰⁸. Справедливости ради, следует отметить, что не в лучшем положении оказались и 100 семей (532 чел.) добровольных переселенцев, прибывшие на участок ст. Селихино конторы Сельстроя в 1950 г.: их разместили в бараках и недостроенных домах, частично без окон, дверей и печей, практически не снабжали продуктами питания («люди живут на воде и хлебе, да и хлеба не всегда хватает»), 50% детей болели дизентерией, никакой медицинской помощи им не оказывали³⁰⁹.

Похожая ситуация сложилась в строительных организациях Амурской области, что стало предметом разбирательства на заседании Амурского облисполкома 8 октября 1952 г. В решении за № 992—54с отмечалось:

«...тресты Благовещенскгражданстрой и Амурсельстрой плохо используют рабочую силу из числа спецпоселенцев на стройках. Из-за неудовлетворительной организации строительных работ спецпоселенцы работают с неполной нагрузкой, в течение дня наблюдаются систематические простои, вследствие чего нормы выработки не выполняются, зарплата многих рабочих низкая...» Из-за этого 28 чел. ушли из трестов и трудоустроились на других предприятиях. Большие претензии были к руководству этих организаций и по жилищно-бытовым условиям: 33 семьи спецпоселенцев жили очень скученно в совершенно не приспособленных помещениях (в том числе в противочумном бараке), без отопления и освещения, не имея даже возможности приготовить горячую пищу. Начальник Благовещенского участка треста Амурсельстрой Шелковников проявлял «недопустимую грубость к спецпоселенцам», за что облисполком предложил управляющему трестом наложить на него административное взыскание³¹⁰.

Обеспечение детскими и школьными учреждениями, медицинское обслуживание спецпоселенцев в этот период осуществлялось на общих основаниях со всем остальным населением и зависело от общего уровня развития этих сфер в конкретной местности. Как правило, большинство детей спецпоселенцев школьного возраста учились наравне с другими. В зимнее время некоторые дети из бедных семей не посещали школы из-за отсутствия зимней одежды и обуви. Другой причиной была слишком большая удаленность школ от спецпосёлков (см. прил. 6), из-за этого в Хабаровском крае в 1950 г. не учились 192 ребенка. Кроме того, поскольку среди выселенцев послевоенного периода было много представителей разных этнических групп, получение образования затруднялось плохим знанием или вообще незнанием русского языка³¹¹.

Одной из трудных была проблема содержания инвалидов и одиноких стариков, которые не могли проживать самостоятельно. Таких по стране под надзором ОСП на 1 июля 1950 г. находился 9 281 чел., из них на Дальнем Востоке и Крайнем Севере — 2 234. Дома инвалидов для спецпоселенцев работали в Иркутской и Кемеровской областях, планировалось открытие такого дома в Якутской ССР на 600 мест. По данным руководства МВД, наименьшее внимание устройству нетрудоспособных спецпоселенцев уделялось в Якутской, Коми, Башкирской и Удмуртской АССР, Красноярском и **Хабаровском** краях³¹².

В Магадане в Доме инвалидов на 1 июля 1948 г. находилось 77 спецпоселенцев³¹³ (о положении нетрудоспособных из числа бывших строителей-атомщиков на Колыме см. разд. 5.6.). С трудом, но решился вопрос об открытии такого учреждения в Амурской области, где СМ СССР распоряжением № 16214рс от 15 октября 1949 г. обязал СМ РСФСР в 1950 г. организовать дом инвалидов на 350 мест. С этой целью МВД СССР должен был в октябре 1949 г. передать Амурскому облисполкому помещение бывшего лагерного пункта на ст. Ледяной Амурской железной дороги и оказать помощь в ремонте. Од-

нако вместо этого Амурское управление МВД продало лучшие строения на ст. Ледяной, а в остальных разместилась воинская часть. В 1950 г. большинство свободных зданий бывшего лагерного пункта было разрушено или находилось в ветхом состоянии и требовало капитально-восстановительного ремонта. Поэтому облисполком отказался открыть дом инвалидов в этих помещениях. В конце концов, по предложению УМВД было принято другое решение — открыть дом инвалидов в пустующих помещениях больницы Крестовского лагерного пункта в пос. Орлы в 12 км от ст. БАМ Амурской железной дороги³¹⁴.

К началу 1952 г. по официальным данным, число не работавших инвалидов спецпоселенцев на Дальнем Востоке составляло 867 чел., из них 445 находились в Хабаровском крае, 226 — в Амурской области, 132 — в Дальстрое, 47 — в Приморском крае, 17 — в Сахалинской области; по группам учёта среди них было 298 оуновцев, 227 «власовцев», 115 «указников», 76 немцев, 14 калмыков, 104 выселенца из Прибалтики, 32 из Молдавии, один с Северного Кавказа³¹⁵.

Среди дальневосточных территорий наихудшие социально-бытовые условия были на Колыме, что являлось следствием «лагерной» специфики этого района. Они отражались на положении всех категорий населения, включая полноправных и юридически не свободных граждан, в том числе спецпоселенцев. Администрация образованной в 1953 г. Магаданской области получила в наследство от Дальстроя клубок трудноразрешимых проблем, наиболее запущенными сферами были жилищная и здравоохранение. Как следует из стенограммы заседания пленума Магаданского обкома КПСС от 20—21 сентября 1954 г., в области не хватало свыше 100 врачей и около 300 чел. среднего медицинского персонала. Во многих посёлках больницы размещались в плохо приспособленных помещениях, в крупнейшем райцентре Сусумане её вообще не было. В жилищной сфере Дальстрой практиковал строительство недолговременных бараков «таежного типа», поэтому большинство их пришло в негодность. В Тенькинском районе к временным постройкам относилось 43% жилплощади, 24% составляли уже списанные здания, на их ремонт не отпускалось никаких средств. В Магадане сносу подлежало 140 домов. В Ягоднинском районе в общежитиях проживали 557 семей и 455 одиноких. Во многих посёлках остались проблемы с водоснабжением, не было бань. Плохо было организовано общественное питание и снабжение продовольственными и промышленными товарами, при этом в общем товарообороте по области продажа спирта занимала 25%, а в отдельных торговых предприятиях — до 70%, и т.д. По этим причинам вербованные рабочие по истечении сроков договоров, освобождавшиеся заключённые и снятые с учёта спецпоселенцы в большинстве своём выезжали «на материк»³¹⁶.

Ставка на принудительную рабочую силу в Дальстрое привела к тому, что с её массовым освобождением, начавшемся в 1953 г., предприятия не могли обеспечить выполнение работ. В таком положении оказались все

горнопромышленные* и геологоразведочное управления**. В 1953 г. по амнистии освободелось большое число заключённых, а в 1955 г. закончились трудовые договоры у бывших спецпоселенцев, составлявших значительную часть рабочих, и заменить их было некем, поскольку очередной оргнабор вольнонаёмных работников не дал необходимого пополнения. На областной партийной конференции, состоявшейся 18—20 января 1956 г., руководитель Западного ГПУ с горечью говорил: «За 1955 г. уволено 5 300 чел., а это в большинстве высококвалифицированные кадры, особенно спецпоселенцы, которые проработали на предприятиях ДС более 9 лет...»³¹⁷ Управление «Энергострой» ДС в июле 1956 г. было вынуждено приостановить почти все работы, так как на предприятии осталось лишь 668 рабочих, за предыдущие два месяца уволилось 312 освобождённых спецпоселенцев и ссыльных, а лагерь, откуда поступала основная рабочая сила, был ликвидирован. И только прибытие в августе — октябре большой партии «вольных» работников (по общественному молодежному призыву, оргнабору и самотёком) позволило Дальстрою постепенно наверстывать производственное отставание. Однако потребовались дополнительные усилия, чтобы обучить прибывших профессии, так как в основном среди них оказалась малоквалифицированная молодежь³¹⁸.

Руководство области отмечало высокие трудовые качества спецпоселенцев, повышение их общественной активности. Секретарь обкома КПСС Абалков в справке (1955 г.) сообщал, что многие из 1 579 находившихся в Магаданской области спецпоселенцев являлись передовиками производства. В Тенькинском районе 25 чел. были награждены почетными грамотами, 50 — благодарностями и занесены на Доску почета, троим присвоено звание «Лучший по профессии», ещё трое на слёте передовиков этого райо-

* За 1956 г. в Северном ГПУ число спецпоселенцев и ссыльных уменьшилось с 641 до 163 чел., освобождённых спецпоселенцев — с 976 до 709 чел. В Тенькинском ГПУ в том же году уволилось и выехало «на материк» 2,8 тыс. чел., получивших освобождение от правовых ограничений, численность ранее судимых, ссыльных и бывших спецпоселенцев сократилась на 23%. К началу 1957 г. из 6,7 тыс. работников там оставалось 1864 бывших заключённых (27,7% от общего состава), 203 спецпоселенца и ссыльных (3%), 806 снятых с учёта спецпоселенцев (12%). См.: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6046. Л. 17, 122 — 124, 166.

** Например, в Верхне-Колымском районном геологоразведочном управлении на 01.08.1954 г. инженерно-технический состав включал в себя 162 специалиста (из них 3 бывших спецпоселенца) и 192 практика (из них 30 бывших спецпоселенцев и 2 ссыльнопоселенца), из 1 088 рабочих было 241 бывший спецпоселенец, 10 ссыльных и ссыльнопоселенцев, остальные — бывшие заключённые и продолжавшие отбывать срок. Обеспеченность рабочими составляла только 70%. В Тенькинском ГПУ из 40 горных мастеров по разведке 17 являлись бывшими спецпоселенцами и 15 — бывшими заключёнными. См.: ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 15. Л. 24 — 26.

на (16 октября 1955 г.) получили значки «Отличник соцсоревнования золотоплатиновой промышленности». Награжденный таким значком Я. Рейнгардс впервые в Дальстрое применил метод многоперфораторного бурения, повышавший производительность труда на 375 %. В Магадане 20 чел. было избрано членами местных комитетов профсоюзов, а спецпоселенка Оборовская-Байдалова — заседателем народного суда. Вместе с тем, Абалков обращал внимание на то, что, опираясь на правовые ограничения в территориальных перемещениях спецпоселенцев, хозяйственные руководители не стремились заключать с ними трудовые договоры и решать жилищную проблему³¹⁹. В 1954/55 гг. 137 семей спецпоселенцев направили в Ольский район, где и само коренное население (эвены, якуты, орочи) не имело нормальных условий проживания: они размещались в ветхих времянках, землянках и утепленных дерном примитивных постройках³²⁰.

По остальным краям и областям Дальнего Востока в середине 1950-х гг. большинство местных руководителей докладывали о благополучном обустройстве спецпоселенцев. Так, директор Краснореченского совхоза (Хабаровский край) Кордовский в беседе с сотрудниками краевого УМВД 21 октября 1955 г. рассказал, что рабочие совхоза из числа спецпоселенцев неузнаваемо изменились, стали активно выступать на производственных собраниях, больше говорили о производственных делах, меньше — о личных³²¹.

Аналогичную информацию давал секретарь Амурского обкома партии Ф. Попов Центральному комитету КПСС в ноябре 1955 г. Он сообщал, что все спецпоселенцы, размещенные в области, «...трудоустроены в лесной, угольной, золотой промышленности и сельском хозяйстве. Часть из них работает учителями, ветработниками, в финансовых органах, торговле, медучреждениях и т.д. В колхозах области трудоустроено 1 350 чел., из них 1300 являются членами колхозов. Большинство спецпоселенцев, занятых на работах в сельском хозяйстве, обзавелись личным хозяйством, имеют дома, крупный рогатый скот и другое имущество. Партийные, профсоюзные и комсомольские организации, хозяйственные руководители стали больше привлекать их к общественной работе, поощряют, продвигают по работе. В г. Благовещенске 38 спецпоселенцев занесены на Доску почета, 360 чел. отмечены в приказах и награждены грамотами, 45 чел. выдвинуты на руководящую работу (бригадирами, мастерами и т.д.). (...) Телятница спецпоселенка Омеляш из Борисоглебского совхоза Кагановичского района в 1955 г. награждена грамотой Амурского ОК КПСС и облисполкома. (...) В Верненском совхозе Серышевского района создан хор из спецпоселенцев, который в 1954 г. участвовал в областном смотре художественной самодеятельности и получил высшую оценку жюри*...». Среди спецпоселенческой молодёжи было 180

* Пристрастием к художественной самодеятельности отличались латыши. Имеются свидетельства о концертах, которые они давали своими силами в г. Свободном Амурской области, где проживали в начале 1950-х гг. См.: Паршин Е. Спецпоселенцы и депортированные... С. 3.

комсомольцев, 38 чел. учились в вузах, 26 — в техникумах³²². В Кагановичском районе 57 спецпоселенцев стали участниками областной сельскохозяйственной выставки. Однако жилья в совхозах этого района не хватало, из-за этого многие семьи спецпоселенцев продолжали проживать в плохих квартирах, скученно³²³. В Южно-Сахалинске и Приморском крае два спецпоселенца занимали должности один доцента, другой — научного сотрудника³²⁴.

Относительная стабильность обустройства принудительных мигрантов косвенно подтверждалась и результатами провальной кампании оргнабора в 1955 г. К этому времени спецпоселенцы стали настолько привычным сегментом трудовых ресурсов, что их впервые включили в планы вербовки рабочих для трудодефицитной угольной отрасли. С целью стимулирования процесса этот вид трудоустройства предлагался как переходная форма снятия ограничений по спецпоселению. 22 сентября 1954 г. СМ СССР распоряжением № 10493-рс обязал Главное управление оргнабора рабочих при СМ РСФСР провести в октябре — ноябре 1954 г. набор для предприятий истроек Министерства угольной промышленности СССР на срок не менее 3 лет из числа спецпоселенцев, за исключением лиц, занятых в лесозаготовительной, угольной и горнорудной промышленности, строительстве, на освоении целинных и залежных земель. Отработавшие на шахтах три года подлежали снятию с учёта спецпоселений. Общая разнарядка по стране составляла 32 тыс. чел., при этом спецпоселенцы, находившиеся на Дальнем Востоке, в планы оргнабора не включались, но для работы в Приморском крае (в Артеме и Сучане) и Амурской области (в Райчихинске и на Ургале) требовалось набрать по 2 тыс. спецпоселенцев из других регионов. Лица, заключившие договоры, имели право перевозить к месту работы членов семей³²⁵.

Данная инициатива Совета Министров встретила возражение МВД СССР в той части, которая касалась отмены ограничений по спецпоселению по истечении трёх лет работы. Министр внутренних дел Круглов считал, что в этом случае спецпоселенцы, отработавшие в угольной промышленности много лет, окажутся в худшем положении. Кроме того, он опасался, что это могло «...привести в преждевременному снятию с учёта опасных категорий из числа украинских и прибалтийских националистов»³²⁶.

Несмотря на то, что возражения МВД не были приняты, опасения министра оказались напрасными, так как выполнить разнарядку не удалось. Ответственность за эту часть оргнабора возлагалась на МВД, руководство которого требовало включить в агитационную работу комендантов спецкомендатур, а заключение договоров производить в первую очередь с теми, кто находился в неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях и был плохо трудоустроен, разъясняя им все условия и льготы. Закончить кампанию надлежало к 1 января 1955 г. Однако в основном спецпоселенцы отказывались от выезда в другие места для работы на шахтах, объясняя это тем, что они хорошо трудоустроены, имеют удовлетворительные материально-бытовые условия, обзавелись хозяйством, у большинства — собственные

дома, некоторые работали в государственных учреждениях и на предприятиях различных ведомств как специалисты.

На 1 января 1955 г. из запланированных 32 тыс. было заключено только 1080 договоров со спецпоселенцами, в т.ч. в Новосибирской области — 661, Алтайском крае — 121, Омской области — 119, Томской области — 91, Тюменской области — 88. Поэтому представители предприятий и строек Министерства угольной промышленности СССР в большинстве регионов работу по набору рабочих прекратили³²⁷. Провал кампании по большому счёту являлся отражением того, что система спецпоселений, как и вся пенитенциарная система сталинского образца, себя изживала.

Свидетельством этому было не только продолжение массового освобождения из спецсылки, но и изменение характера отношения к её узникам со стороны государства. В проекте доклада МВД СССР руководству страны от 2 мая 1953 г. отмечалось «...повышение культурного уровня подавляющего большинства выселенных в отдалённые районы страны, рост их сознательности и честного отношения к труду...», на основании чего предлагалось значительно сократить число спецпоселений и коренным образом изменить их режим³²⁸. Постановлением от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» ЦК КПСС объявил, что «в результате дальнейшего упрочения советского общественного и государственного строя» и учитывая, что основная масса спецпоселенцев «включилась в хозяйственную и культурную жизнь и обосновалась в новых местах жительства», применение к ним «ограничений в правовом положении не вызывается необходимостью» (за исключением лиц, осуждённых за особо опасные государственные преступления, и некоторых других категорий спецпоселенцев)³²⁹. Почти сразу же была отменена строгая мера наказания за побеги из спецпоселений: Указом ПВС СССР от 13 июля 1954 г. вместо 20-летней каторги назначалось лишение свободы сроком до 3 лет³³⁰, а в начале 1955 г. было принято решение о выдаче паспортов спецпоселенцам³³¹.

Постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» от 29 июня 1955 г. осудило «...многочисленные факты, когда партийные, советские, профсоюзные органы и руководители предприятий не учитывают того, что спецпоселенцы пользуются всеми правами гражданства СССР, с некоторым лишь ограничением в правах передвижения, и допускают к ним неправильное отношение, зачастую огульно, необоснованно выражают им политическое недоверие...» ЦК партии призывал привлекать спецпоселенцев к выборной работе в местных Советах и общественных организациях, а членов партии, даже бывших, — в партийном аппарате и редакциях местных газет, поощрять передовиков производства наградами, вести политическое воспитание молодёжи через комсомол и т.п. Постановление обсуждалось на местном уровне всех территорий, где находились спецпоселенцы, с принятием соответствующих решений по его

выполнению. Так, бюро Сахалинского обкома КПСС в постановлении от 18 июля 1955 г. обязало райкомы партии «...в кратчайший срок резко усилить массово-политическую работу среди спецпоселенцев, (...) отрешиться от неправильного и вредного взгляда, что спецпоселенцы являются людьми «второго сорта», и принять меры по их вовлечению в активную производственную и общественно-политическую жизнь...»³³²

К концу десятилетия функции спецотдела МВД СССР были исчерпаны, и приказом МВД СССР № 097 от 27 марта 1959 г. он был ликвидирован. Работа по административному надзору за спецпоселенцами и ссыльными была возложена на Главное управление милиции МВД СССР³³³. Ещё ранее, 4 июня 1956 г., Советский Союз подписал Конвенцию Международной Организации Труда № 29, запрещающую применение принудительного труда³³⁴.

Что касается **принудительных выселений** на Дальнем Востоке в послевоенный период, то они уже не проводились столь же активно и массово, как в 1930-е гг. Например, по Указу ПВС СССР от 2 июня 1948 г. из колхозов было выселено чуть более 200 крестьян-дальневосточников (с ними добровольно выехало столько же членов их семей). Практически все были размещены в районах золотых приисков и лесоразработок Хабаровского края и Амурской области (см. разд. 5.4.)

Кроме того, на индивидуальной основе принудительное выселение применялось к нарушителям паспортного режима, введенного в 1930-х гг. и продолжавшего существовать в 1940—1950-е гг. Секретарь Приморского крайкома партии Н.Н. Органов в записке от 5 июня 1948 г. докладывал в ЦК ВКП(б): «Для предотвращения возможности проникновения в г. Владивосток чуждых и классово-враждебных элементов крайком партии на всей территории края восстановил существовавший до войны порядок соблюдения правил пограничного режима. Введена проверка документов и пропусков на право въезда в пограничную зону в поездах, установлена проверка документов и пропусков при передвижении по пограничным районам, приступили к работе по наведению порядка в паспортных и адресных столах городов и, прежде всего, в г. Владивостоке»³³⁵. В 1947 г. в Приморье было выявлено 7 552 чел., относившихся к «преступно-бродячему элементу» или подпадавших под паспортные ограничения, из них административным взысканиям было подвергнуто 7 107 чел. (штрафы составили 525 635 руб.), удалено из пределов края 2 304, в том числе из Владивостока — 1091, арестовано и предано суду «бродяг за нелегальный въезд и проживание в крае» — 402³³⁶.

В сферу действия ограничительных правил проживания были включены все приграничные и стратегически важные зоны, в том числе присоединенная территория Южного Сахалина и Курил, где поддержание строгого паспортно-визового режима объяснялось не только приграничным положением Сахалинской области, но и значительным числом японских подданных до их массовой репатриации в 1947—1949 гг., а также прибытием вербованных рабочих из КНДР. В области регулярно проводились проверки взрослого

населения. По данным А.С. Ващук, во втором квартале 1949 г. в таких рейдах приняли участие 2 220 чел. из состава милиции и пограничных войск. Было проверено 399 349 чел., в результате чего выселена большая группа цыган, выявлены и поставлены на учёт ранее судимые, основная часть которых удалена за пределы пограничной зоны. В Южно-Сахалинске в июне — июле 1949 г. были арестованы и осуждены 6 чел., не имевших прописки и нигде не работавших³³⁷.

Подобного рода проверки, направленные на соблюдение режимного порядка проживания дальневосточного населения, вместе с тем демонстрировали «дыры» в механизме его исполнения, выявляя всякий раз большое число нарушителей. В значительной степени это объяснялось послевоенной активизацией политики обеспечения региона трудовыми ресурсами за счёт организованных переселений*. Среди новосёллов нередко оказывались т.н. «гастролеры» (лица авантюрного характера, часто переезжавшие с места на место), бывшие заключённые, другие «неблагонадёжные» граждане, в запретные районы возвращались те, кто был принудительно выселен оттуда в 1930-е гг. ** Из-за острого дефицита многие хозяйственные организации при найме работников нарушали правила режимной зоны, постоянно ходатайствовали о разрешении прописки «запрещённых» лиц³³⁸.

В Сахалинской области в октябре — декабре 1952 г. было выявлено 2129 чел., не имевших права пребывания в области, в т.ч. проживавших без паспортов и удостоверений — 305, без прописки — 1 086, нарушителей правил въезда в погранполосу — 101, имевших паспортные ограничения — 20, с просроченными паспортами — 221, должностных лиц, допустивших нарушения, — 105 чел., на железнодорожном и водном транспорте за аналогичные нарушения — 153 чел.

Вопрос «О мерах по укреплению пограничного режима в области» заслушивался на заседании бюро Сахалинского обкома КПСС 26 марта 1953 г., на котором усиление внимания к этой проблеме увязывалось с требованием международной обстановки и указаниями МГБ СССР от 13 декабря 1952 г. В выступлении представителя УМГБ отмечалось, что территория Сахалина представляла интерес для иностранных разведок, только в 1952 г. туда было заброшено до 10 чел. агентуры, в т.ч. 4 — американской. Несоблюдение жесткого пограничного режима во многом объяснялось позицией руководителей предприятий, заинтересованных в вербовке и удержании у себя работников любой ценой и закрывавших глаза на отсутствие у них соответствующих до-

* Так, в Приморский край в 1947 г. прибыло и прописалось на постоянное жительство 196 020 чел., а выбыло 147 740; в 1948 г. прибыло 137 731, выбыло 90 179 чел. См.: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 263. Л. 145; Д. 925. Л. 41.

** Например, житель Приморья В. Касьянин был выслан из края в 1939 г. как «неблагонадёжный элемент», но в 1947 г. самовольно вернулся и проживал в с. Извилинке (сведения от 6 мая 1949 г.). См.: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 938. Л. 70.

кументов. Нередко рабочие оказывались при проверках «нарушителями» из-за того, что паспорта на предприятиях у них отбирали³³⁹. Таким образом, поставленная государством задача сохранить закрытость пограничных территорий по-прежнему находилась в противоречии с задачей обеспечения их трудовыми ресурсами.

Рецидивом относительно массовой акции административного выселения предвоенного образца была кампания по «зачистке» Владивостока, который стал главной базой Тихоокеанского военно-морского флота. В 1952 г. решением правительства город был объявлен закрытым для иностранцев и ряда категорий советских граждан. По этой причине в г. Находку переводились многие учреждения, не связанные с обслуживанием армии, флота или порта, в том числе дипломатическое агентство МИД СССР, работавшее во Владивостоке с 1920-х гг.³⁴⁰ Одновременно в соответствии с приказом МГБ СССР № 00108 от 14 января 1952 г. в административном порядке из Владивостока выселялись «неблагонадёжные» жители: имевшие компрометирующие факты в своей биографии (служили в царской полиции, имели контакты с иностранными консульствами и т.п.), реэмигранты из Маньчжурии, все категории послевоенных репатриантов, члены семей репрессированных по политическим статьям и некоторые другие. Они могли поселиться в любом другом нережимном населенном пункте по собственному усмотрению. Например, С.М. Бржезинская, по национальности полька, вместе с сыном была выселена из Владивостока как вдова человека, расстрелянного в 1938 г. в ходе т.н. «польской операции». Она уехала в г. Артем³⁴¹.

У М.И. Лютц, работавшей во Владивостоке в Географическом обществе, отец был шведом по паспорту. Он родился в Иркутске, рано осиротел, воспитывался в семье поволжских немцев, в 1920—1930-е гг. работал во Владивостоке в организации Дальморзверпром (впоследствии — ДВМП), в 1937 г. был расстрелян как «враг народа». Тогда же у семьи забрали квартиру, мать по совету близких уехала из города, дочь вынуждена была поселиться по месту работы — в Географическом обществе. Выйдя замуж, она не сменила фамилию, так как надеялась, что отец после заключения разыщет её (о расстреле семья не знала). По прошествии многих лет Марина Ивановна вспоминала: «В 1952 г. фамилия отца стала для меня большой проблемой. Вызвали в милицию и приказали в течение трёх суток убираться из Владивостока. Мое «географическое» начальство пошло хлопотать в НКВД. Пожалели — дали месяц на сборы. И я уехала «в ссылку» — к свекрови в Клязьму. (...) В Клязьме мы с мужем зарегистрировались вторично — я стала Школиной»³⁴².

В 1953 г. была сделана попытка либерализации паспортного режима. По инициативе Л.П. Берии 21 мая 1953 г. СМ СССР принял Постановление № 1305—515сс «Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей», согласно которому значительно сокращались как перечень преступлений, влекущих за собой паспортные ограничения, так и список городов и районов, где эти ограничения применялись. Владивосток продол-

жал находиться в этом списке. После ареста Берии и в связи с ухудшением криминальной обстановки в стране Совет Министров СССР постановлением от 21 октября 1953 г. вновь внес некоторые коррективы в паспортные правила, но на этот раз в сторону расширения списка режимных местностей, хотя он и оставался короче, чем до мая 1953 г.³⁴³

Выселение «неблагонадёжных» из Владивостока продолжалось и в 1953 г. Несмотря на то, что эпоха Большого Террора осталась в прошлом, выселяемые подвергались унижениям и оскорблениям со стороны должностных лиц. Например, А.А.З.*, дочь расстрелянного в 1938 г. поляка, вынуждена была уехать в Николаевск-на-Амуре в июле 1953 г. Через много лет в своём заявлении в УКГБ она сообщала: «...Я жила со старшей сестрой, у меня муж был на переподготовке. Пришёл участковый, забрал у меня паспорт и сказал: «Пойдешь сама». Я на второй день пошла с ребенком на руках. Зашла — сидит подполковник, я поздоровалась, он промолчал. И говорит мне: «Ты знаешь, что ты — дочь врага народа?». И я ему говорю: «Ещё не известно, кто будет враг народа». Он как закричит на меня: «Молчи, проститутка, я сейчас на твоих глазах разорву твоего выродка». Ой, я не поверила своим ушам, и думаю: «Что ж это такое?» Он отдал мой паспорт, а на нём написано: «В 24 часа освободить пределы Владивостока». Я испугалась, мужа дома не было (...). Потом вызвали мужа. Что они ещё только не говорили: что дочь врага народа и что ещё таким гадам приходило в голову. Мы с мужем всю войну работали в порту г. Владивостока...» Муж выселяемой выехал вместе с женой и ребенком добровольно³⁴⁴.

К сожалению, обобщенных материалов по данной акции выявить не удалось кроме неполного списка выселенных, в котором перечислено 605 чел. Важно отметить, что приказом МГБ СССР № 03000 от 31 октября 1953 г. выселение было отменено³⁴⁵, что явилось несомненным следствием постсталинских перемен в стране. Многие административно выселенные смогли возвратиться во Владивосток.

* * *

После окончания Второй мировой войны политика принудительных миграций в СССР получила своё дальнейшее продолжение и развитие, она охватывала все более широкий круг категорий и большее число репрессированных. Как и прежде, в решении вопроса о размещении подневольных категорий населения на Дальнем Востоке одним из главных являлся геополитический фактор, но в отличие от 1930-х — первой половины 1940-х гг. ситуация кардинально изменилась: военная угроза со стороны Японии была ликвидирована, и СССР как один из победителей во Второй мировой войне почувствовал более уверенную позицию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В результате этого вектор принудительных миграций был направлен в сторону Дальнего Востока. Несмотря на то, что здесь спецпоселенцы дово-

* Имя зашифровано в связи с законом о сохранении личной тайны.

енного этапа вселения («бывшие кулаки») к 1950 г. были полностью освобождены, их убыль с лихвой возмещалась потоками новых депортантов, общая численность которых к началу 1952 г. составила 110 тыс. чел. (приблизительно 3% в общей структуре местного населения*). Насильственные выселения за пределы региона в данный период не проводились.

Тем не менее Дальний Восток сохранил периферийную позицию в размещении депортантов по территории страны, его доля оставалась на уровне 2,3—4,1%, в то время как в Казахстане в 1953 г. находилось 36% спецпоселенцев СССР, Западной Сибири — 23%, Восточной Сибири — 10%³⁴⁶.

Быстрый рост числа спецпоселенцев на Дальнем Востоке проходил на фоне уменьшения числа заключённых: если в конце 1930-х гг. их насчитывалось более 500 тыс. чел., то во второй половине 1940-х гг. — порядка 160—250 тыс. чел.³⁴⁷ Поэтому соотношение этих групп пенитенциарного населения менялось в пользу спецпоселенцев: 1945 г. — 11 : 89; 1949 г. — 34 : 66; 1950 г. — 31 : 69; 1952 г. — 25 : 75; 1953 г. — 18 : 82. В целом же доля подневольных категорий (заключённых, спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных) в общей структуре населения региона уменьшилась: по нашим ориентировочным подсчётам, в 1950 г. она составляла 9,4% (до войны — более 20%), в том числе в Дальстрое — 58% (до войны — более 60%).

В 1950-е гг. Дальний Восток вместе с рядом других регионов страны пережил период максимального подъема, а затем постепенного спада и окончательной ликвидации принудительных миграций как массового явления, что стало результатом кризиса репрессивной системы в целом и началом некоторой политической либерализации в стране в связи со смертью Сталина.

* Этот показатель практически не изменился по сравнению с 1930-ми гг., так как общая численность населения Дальнего Востока после войны также выросла.

- 1 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 148.
- 2 Таблица составлена по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 153.
- 3 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 244. Л. 111 – 113
- 4 Там же. Д. 436. Л. 31 – 32; ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 427. Л. 1.
- 5 Подробнее о судьбах репатриантов см.: Эмиграция и репатриация в России / авт. коллектив – В.А. Ионцев, Н.М. Лебедев. М.В. Назаров, А.В. Огороков. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 75 – 76; Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. С. 151 – 156, 161.
- 6 Население России в XX веке... Т. 2. С. 160.
- 7 Крушанова Л.А. Отношение принудительных мигрантов Дальнего Востока к своему статусу в 1946 – начале 1950-х гг. // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: IV Крушановские чтения: материалы III междунар. науч.-практ. конф. В 3 т. Комсомольск-на-Амуре, 2005. Т. 1. С. 149 – 150, 152.
- 8 История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 485.
- 9 Там же. С. 487.
- 10 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 215. Л. 150.
- 11 Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск: Изд-во ЮСИЭПИ, 2002. С. 71.
- 12 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 262. Л. 283, 284.
- 13 Там же. Л. 417, 418.
- 14 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах и документах: В 2 ч. Ч.2. (1941–1945). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 19, 218, 229 – 230, 263.
- 15 Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах... С. 215, 219.
- 16 Подсчитано по: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1806. Л. 2 об., 69 об., 176 об.; Д. 1807. Л. 32об., 72 об., 156 об.
- 17 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1919. Л. 26.
- 18 Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архивах общества «Мемориал»: Аннотированный каталог. Вып.1. М.: «Мемориал» – Изд-во «Звенья», 2007. С. 109.
- 19 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 123, 132; Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах... С. 219, 230.
- 20 Козлов А.Г. Лагерная система Дальстроя в период послевоенной реорганизации и последующего распада (1945–1957) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 154; Бацаев И.Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключённые) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 71.
- 21 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 2306. Л. 56.
- 22 Там же. Д. 3064. Л. 34.
- 23 Подробнее см.: Чернолуцкая Е.Н. Спецпоселенцы в Дальстрое (1946–1956) // Наука Северо-Востока России – начало века: материалы Всерос. науч. конф. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2005. С. 602 – 605.

- 24 Еланцева О.П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск — Советская Гавань (1930–40-е годы). Владивосток: Изд-во Дальневост ун-та, 1995. С. 59 – 60.
- 25 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 527.
- 26 ГАО. Ф. 542. Оп. 2. Д. 54. Л. 4; Д. 66. Л. 98, 102, 104.
- 27 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 323. Л. 250.
- 28 Там же. Д. 327. Л. 28.
- 29 Там же. Д. 436. Л. 121 – 134.
- 30 Там же. Д. 484. Л. 318 об., 318, 322.
- 31 Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 18; Его же. Спецпоселенцы в СССР... С. 134; Крушанова Л.А. Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945 – 1960-е годы: дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. Рукопись. С. 38; ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 6.
- 32 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 12 – 13, 74, 81, 130 – 131.
- 33 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1. Д. 950. Л. 133 – 134.
- 34 Там же. Д. 950. Л. 6, 13, 48, 52 – 54, 84 – 86, 94, 97, 106, 131 – 138, 146, 151 – 160.
- 35 Таблица составлена по: Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг в цифрах.... С. 263; ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1919. Л. 26; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 323. Л. 252 – 258; Д. 364. Л. 199 об., 200, 207 об.; Д. 366. Л. 35, 35 об., 39 об., 43; Д. 436. Л. 121 – 134; Д. 641. Л. 40 – 42, 56, 65, 374 об. – 350 об.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 165 – 166.
- 36 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д.435. Л.192, 193, 198; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 165.
- 37 ГАО. Ф. 542. Оп. 2. Д. 54. Л. 4; Д. 66. Л. 98, 102, 104.
- 38 Крушанова Л.А. Отношение принудительных мигрантов... С. 152 – 153.
- 39 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3148. Л. 196.
- 40 Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 117.
- 41 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 644.
- 42 ГАПК. Ф. Р-1588. Д. 1577. Л. 1 – 20.
- 43 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 327. Л. 56 – 62, 81; Д. 366. Л. 315.
- 44 Райзман Д.И. Иностранцы – невольники Дальстроя. Магадан: Ноосфера, 2009. С. 92.
- 45 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 135 – 137; Население России в XX веке... Т. 2. С. 164.
- 46 Щеглов В.В. Спецпоселенцы в Сахалинской области // Материалы XXXIII научно-методической конференции преподавателей ЮСГПИ. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 1999. Ч.2. С. 41.
- 47 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 40 – 42, 56, 65.
- 48 «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. документов. (1940-е годы) / сост. Н.Ф. Бугай. 2-е изд. М.: Готика, 2000. С. 280.
- 49 Там же. С. 308 – 309.
- 50 Еланцева О.П. Строительство № 500... С. 59.
- 51 Ткачёва Г.А. Принудительный труд в экономике Дальнего Востока России в 20–40-е годы // Краевед. бюллетень. Южно-Сахалинск, 1996, №1. С. 143.
- 52 Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // Отечественная история. 1991. №2. С. 178.

- 53 ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 244. Л. 108 – 110.
- 54 Там же. Д. 157. Л. 63, 65.
- 55 Там же. Д. 641. Л. 364.
- 56 Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии / вступ. статья, сост., послесл. Н. Бугая. М.: Дружба народов, 1992. С. 78.
- 57 Бугай Н. 40-е годы: «Автономию немцев... С. 176.
- 58 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 435. Л. 183.
- 59 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 334.
- 60 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 383 об.
- 61 Паршин Е. Спецпоселенцы и депортированные // Амурская правда. Благовещенск, 1998. 13 нояб. Прил. «Старая мельница». С. 3.
- 62 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 76 – 78.
- 63 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 128.
- 64 Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5. Спецпоселение. 1920–50-е годы / сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск: Приамурье, 2007. С. 63 – 401; То же. Т. 6. Благовещенск: Приамурье, 2008. С. 39 – 258.
- 65 Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое лит. обозрение, 2005. С. 342.
- 66 Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т. 5. С. 73, 76, 77, 81, 101, 102, 191.
- 67 Там же. С. 70, 77, 184.
- 68 Там же. С. 69, 74.
- 69 Там же. С. 251.
- 70 Бердинских В.А. Спецпоселенцы... С. 338.
- 71 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 551. Л. 175, 175 об., 183; Д. 641. Л. 40, 41, 42, 56, 57, 65, 66.
- 72 Архив УВД Амурской области. Личное дело спецпоселенки А.Т.
- 73 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 323. Л. 252 – 258.
- 74 Архив УВД Амурской области. Личное дело спецпоселенца К.Д.
- 75 ГАО. Ф. 759. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.
- 76 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 364. Л. 84 об.; Д. 365. Л. 85.
- 77 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 323. Л. 252 – 258; Д. 363. Л. 76 об.; Д. 364. Л. 84 об., 97 об.; Д. 365. Л. 85, 97 об.; Д. 366. Л. 144, 156 об.; Д. 435. Л. 136 – 139, 145 – 149; Д. 436. Л. 121 – 135; Д. 597. Л. 228; Д. 641. Л. 76 – 78, 241 – 242, 374 об. – 380 об., 406 об. – 409 об.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990, № 11. С. 11.
- 78 Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев... С. 179.
- 79 Пашков А.М. Советские немцы-спецпереселенцы на Сахалине: политические и демографические аспекты // Архивы в панораме XXI века: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Государственного архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск: Управление по делам архивов Сахалинской области, ГАСО, 2004. С. 73.
- 80 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 374. Л. 26 – 26 об.
- 81 Там же. Л. 27.
- 82 Там же. Л. 29.
- 83 Там же. Д. 484. Л. 157 – 158 об.; Д. 551. Л. 183, 229.

- 84 Пашков А.М. Немцы-спецпереселенцы на Сахалине: политические, исторические и источниковедческие аспекты // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник, №10. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. краевед. музей, 2003. С. 254, 255.
- 85 Щеглов В.В. Спецпоселенцы в Сахалинской области. С. 41.
- 86 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 314 об.
- 87 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 551. Л. 220, 220 об., 229, 233 об.; Д. 641. Л. 207, 208, 222, 230; Д. 436. Л. 157.
- 88 Привалова М.Ю. Советские немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940-е – 1970-е гг. : автореф. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 23 – 26.
- 89 Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев... С. 178.
- 90 См.: Чернолуцкая Е.Н. Немцы на советском Дальнем Востоке: статистико-демографический аспект // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 170.
- 91 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 526 – 527.
- 92 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 364. Л. 97 об.; Д. 484. Л. 314 об.; Д. 551. Л. 197, 210 об.; Д. 641. Л. 76 – 78, 241, 242.
- 93 Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 551. Л. 165 об., 210 об., 233 об.
- 94 Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 363. Л. 76 об.; Д. 364. Л. 84 об., 97 об.; Д. 365. Л. 85; Д. 366. Л. 144; Д. 551. Л. 244, 244 об., 253, 257 об.
- 95 Пашков А.М. Советские немцы-спецпереселенцы на Сахалине... С. 74.
- 96 Архив УВД Амурской области. Личное дело спецпоселенца В.К.
- 97 Крушанова Л.А. Отношение принудительных мигрантов... С. 153.
- 98 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 158.
- 99 Таблица составлена автором по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 551. Л. 152, 152 об., 165 об., 175, 175 об., 183, 197, 210 об., 220, 220 об., 229, 233 об.; Д. 641. Л. 40 – 42, 57, 65 207, 208, 222, 230.
- 100 Там же. Д. 436. Л. 184.
- 101 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 231 – 233, 251; Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 38.
- 102 История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост.: Ауман В.А., Чеботарева А.Г. М.: МИГУП, 1993. С. 11; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. С. 163.
- 103 Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/index.htm> – дата обращения 10.04.2004.
- 104 Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...». С. 94 – 95.
- 105 Иванов А.С. Спецпереселенцы-калмыки на спецпоселении в Тобольском округе в годы Великой отечественной войны // Исторический ежегодник. 2007. Новосибирск: Изд-во «РИПЭЛ», 2007. С. 22 – 26; Серазетдинов Б.У., Иванов А.С. Спецпереселенцы-калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1944–1945): особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 41 (179). История. Вып.38. С. 69.
- 106 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 435. Л. 147; Д. 436. Л. 130; Д. 484. Л. 160 об.; Д. 551. Л. 322 об.; Д.641. Л. 56; Д. 900. Л. 262; ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 1663. Л. 1 – 5.
- 107 Пашков А.М. Книга памяти о калмыках-спецпереселенцах на острове Сахалин. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2003. С. 7 – 10.

- 108 Пашков А.М. Калмыки-спецпереселенцы на Сахалине: политические и демографические аспекты // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.) Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 437 – 438.
- 109 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 161.
- 110 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 177. Л. 138.
- 111 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д. 436. Л. 121, 135; Д. 641. Л. 40 – 42, 65, 207, 209, 230; Д. 900. Л. 258, 262.
- 112 Там же. Д. 484. Л. 317 об. – 318.
- 113 ГАСО. Ф. 53. Оп. 5. Д. 911. Л. 45.
- 114 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 194. Л. 80.
- 115 Полян П.М. Не по своей воле... С. 158, 160.
- 116 ГАСО. Ф. 53. Оп. 25. Д. 1663. Л. 1 – 3, 6.
- 117 Там же. Л. 8.
- 118 Пересчеты таблиц в границах переписи 1989 г. по Сахалинской области: Национальный состав // Архив Госкомстата РСФСР (обращение автора – в 1990 г.).
- 119 Сталинские депортации. 1923–1953 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.П. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. С. 620.
- 120 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 628 – 629, 695 – 696, 766.
- 121 ОСФ УВД Хабаровского края. Д. 2261-с. Хронологическая справка о структурном построении УНКВД-УМВД-УВД Хабаровского края. Л. 65.
- 122 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 155.
- 123 Архив УВД Амурской области. Отборочные списки уничтоженных дел спецпоселенцев. Фондовое дело 42. Т. 2. Л. 9, 15, 49, 73, 81, 96.
- 124 Таблица составлена по: Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 28, 85; Д. 641. Л. 40 – 66, 374 об. – 380 об., 406 об. – 408; Д. 900. Л. 189; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 262 – 264, 275 – 276.
- 125 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 250; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 19.
- 126 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 189.
- 127 Там же. Л. 19, 29
- 128 Там же. Л. 19, 154, 169.
- 129 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 268 – 269, 277, 278 – 279.
- 130 Полян П.М. Не по своей воле... С. 116; Бугай Н.Ф. Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М.: ИНСАН, 1998. С. 118 – 139.
- 131 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 654 – 656.
- 132 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 121, 135, 161, 163; Д. 641. Л. 375 об., 380, 406 об.; Д. 900. Л. 257 об., 258, 261 об.
- 133 Подробнее см.: Бугай Н.Ф, Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. С. 278 – 317; Полян П.М. Не по своей воле... С. 158 – 170.
- 134 Сталинские депортации... С. 643 – 644.
- 135 Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. 1993, № 1. С. 5.
- 136 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 78, 638 – 639; Сталинские депортации... С. 624.
- 137 Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...» С. 221 – 222.
- 138 Сталинские депортации... С. 753 – 755. Противоречивость источниковых сведений по данному сюжету нашла отражение и в сборнике документов. Публикуя вышеуказанный приказ, авторы-составители издания Н.Л. Поболь и П.М. Полян

- во вступительной статье к разделу утверждают, что выселенцы из Псковской области были направлены в Хабаровский край (с. 624). Они также не обратили внимания, что и в статье В.Н. Земскова, на которую ссылаются, Хабаровский край как место вселения депортантов не назван (см. сноску 131).
- 139 Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики... С. 6.
 - 140 Бруль В. Депортированные народы в Сибири...; Полян П.М. Не по своей воле... С. 139 – 140.
 - 141 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 368; История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 525.
 - 142 Таблица составлена по: История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 525; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 86, 121; Д. 641. Л. 42, 375 об.; Д. 900. Л. 258, 261 об.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 263, 275.
 - 143 Паршин Е. Спецпоселенцы и депортированные. С. 3.
 - 144 ГААО. Ф. 754. Оп. 5. Д. 7. Л. 36.
 - 145 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 86, 121; Д. 641. Л. 41; Д. 900. Л. 189, 258, 261 об.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 262, 275.
 - 146 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 275 – 276.
 - 147 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 189.
 - 148 Там же. Д. 641. Л. 368; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 625; Полян П.М. Не по своей воле... С. 140.
 - 149 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 406 об.
 - 150 Сталинские депортации... С. 742 – 743.
 - 151 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 121 – 122; Д. 641. Л. 41, 42, 375, 375 об., 406 об.; Д. 900. Л. 258.
 - 152 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 262 – 264, 275.
 - 153 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 239; Д. 843. Л. 190; Д. 900. Л. 206, 228 – 229.
 - 154 Бруль В. Депортированные народы в Сибири...; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 173; Его же. Принудительные миграции из Прибалтики... С. 7 – 8.
 - 155 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 23.
 - 156 ГААО. Ф. 759. Оп. 5. Д. 7. Л. 32 – 37.
 - 157 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 258, 261 об.
 - 158 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 41. Д. 22. Л. 56.
 - 159 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 708 – 711.
 - 160 ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 36. Л. 54 – 61.
 - 161 ГААО. Ф. П-1. Оп. 15. Д. 670. Л. 2.
 - 162 Население России в XX веке... Т. 2. С. 179.
 - 163 Подробнее см.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 276, 279.
 - 164 Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) / Вступ. статья, комментарии и подготовка текста к публикации В.П. Попова // Отечественные архивы. 1993, № 2. С. 31 – 38; Попов В.П. Российская деревня после войны. Июнь 1945 – март 1953 гг. : сб. документов. М., 1993.
 - 165 Зима В.Ф. «Второе раскулачивание»: (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. №3. С. 109 – 125.
 - 166 Минц М.М. Реферат кн.: Левеск Ж. Изгнание и дисциплина: июньская кампания 1948 г. против уклоняющихся от работы в колхозах. Levesque J. Exile and discipline: The June 1948 campaign against collective farm shirkers. Pittsburgh: Carl Beck Papers, 2006. – 51 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. РЖ. История: М., 2008. № 3. С. 101 – 104.

- 167 Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество. Политика и повседневность. 1945–1953 гг. М., 2000. С. 67 – 69; Её же. На краю советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 107.
- 168 Среди редких исключений в региональных исследованиях см.: Хисамутдинова Р.Р. Антикрестьянская сущность Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. и его осуществление на Урале // Вестник Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2002. № 8. С. 56 – 62.
- 169 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 488. Л. 142.
- 170 Неизвестная инициатива Хрущева... С. 31.
- 171 Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995): учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. С. 19 – 21.
- 172 Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С. 13 – 16.
- 173 Неизвестная инициатива Хрущева... С. 31, 35.
- 174 ГАРФ. Ф. Р-9470. Оп. 1. Д. 373. Л. 25.
- 175 Неизвестная инициатива Хрущева... С. 36, 37.
- 176 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 762 – 763.
- 177 ГАРФ. Ф. Р-9470. Оп. 1. Д. 373. Л. 25.
- 178 Неизвестная инициатива Хрущева... С. 31.
- 179 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 380. Л. 54–57, 63, 71, 105, 110.
- 180 Там же. Л. 59.
- 181 Там же. Л. 57, 60, 64, 99, 111.
- 182 Зима В.Ф. «Второе раскулачивание»... С. 112.
- 183 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 380. Л. 62, 102 – 103, 108.
- 184 Там же. Л. 101 – 102.
- 185 Там же. Л. 103.
- 186 Там же. Л. 67 – 68.
- 187 Там же. Л. 108.
- 188 Там же. Л. 58 – 60.
- 189 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 933. Л. 14.
- 190 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 380. Л. 99.
- 191 Там же. Л. 61, 66.
- 192 Там же. Л. 99 – 101.
- 193 Там же. Л. 109, 110, 114.
- 194 Там же. Л. 100.
- 195 Там же. Л. 114 – 115.
- 196 Там же. Л. 68, 69, 72.
- 197 Там же. Л. 116.
- 198 Там же. Л. 106.
- 199 Там же. Д. 458. Л. 112.
- 200 Там же. Д. 373. Л. 77.
- 201 Тибекин А.Р. Организация и экономика сельского хозяйства Дальневосточного экономического района (1958–1985 гг.). Хабаровск, 1989. С. 133.
- 202 Зима В.Ф. «Второе раскулачивание»... С. 114 – 115.
- 203 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 380. Л. 103.
- 204 Там же. Л. 58, 103 – 105, 111.
- 205 Там же. Л. 54 – 57, 63, 71, 106, 107, 112 – 115.

- 206 ОСФ УВД Хабаровского края. Д. 2261-с. Хронологическая справка о структурном построении УНКВД-УМВД-УВД Хабаровского края. Л. 61 – 62.
- 207 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 164 – 166.
- 208 Таблица составлена по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 165 – 166, 262 – 264, 275 – 276; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 121 – 135; Д. 641. Л. 207 – 230, 374 об. – 380 об., 406 об. – 409; Д. 900. Л. 251 – 263 об.
- 209 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 88.
- 210 Там же. Л. 196 – 197.
- 211 Подсчитано нами по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 164 – 166.
- 212 Описание проекта «Распространение Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» на другие категории реабилитированных и на лиц, сосланных по Указу от 2.06.48 г. URL: <http://memorial.krsk.ru/Work/Report/20010923.htm> – дата обращения: 10.05.2008.
- 213 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.
- 214 Там же. Д. 641. Л. 317 – 318.
- 215 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 674 – 676.
- 216 Там же. С. 564, 762.
- 217 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 204.
- 218 Мемуары о политических репрессиях в СССР...С. 109 – 110.
- 219 Там же. С. 119.
- 220 ГААО. Ф. 759. Оп. 5. Д. 7. Л. 37.
- 221 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 115, 128.
- 222 Там же. Д. 900. Л. 284.
- 223 Там же. Л. 45 – 46.
- 224 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 204 – 205.
- 225 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 134; Д. 641. Л. 3 – 5, 173; Д. 900. Л. 245 об.; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпоселенцы в СССР. С. 712 – 714; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 278.
- 226 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 597. Л.14, 176.
- 227 Там же. Д. 900. Л.174 – 178.
- 228 Там же. Д. 641. Л. 288; Д. 900. Л. 280, 285, 287 об.
- 229 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 257.
- 230 Мельников С.М. Особый контингент в системе Дальстроя // Колыма. Магадан, 1993. №3. С. 37 – 39; Его же. Атомный ГУЛАГ // Россия. М., 1995. 11 – 17 окт.
- 231 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения ... С. 149 – 150; Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг. : Опыты и уроки истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 415 – 416.
- 232 Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ // Вопросы истории. 2001. №1. С. 44—59; Его же. Плаха для миллионов // Военно-исторический журнал. 2001. № 7. С. 49 – 50.
- 233 Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник. М., 1998. С. 379.
- 234 Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ // Вопросы истории. 2001, № 1. С. 47.
- 235 Там же. С. 55; Его же. Плаха для миллионов // Военно-исторический журнал. 2001, № 7. С. 50.
- 236 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 4579. Л. 13.
- 237 Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ... С. 54.
- 238 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3040. Л. 11, 14.
- 239 Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ... С. 54.
- 240 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3040. Л. 16 – 17.

- 241 Там же. Д. 3069. Л. 27.
- 242 Там же. Д. 4579. Л. 105.
- 243 Там же. Л. 47.
- 244 Там же. Д. 3040. Л. 28.
- 245 Там же. Л. 10, 11, 17, 28.
- 246 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3040. Л. 11 – 12. Нумерация строекрасшифрована по: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: МФД, 2002. С. 346 – 347, 349, 351.
- 247 Горбунов М. По следу Берии – до Золотой Теньки // Магаданская правда. 1994. 24 февр., 1 марта.
- 248 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 4579. Л. 13.
- 249 Там же. Д. 3069. Л. 5; Д. 3040. Л. 11, 12, 15, 16.
- 250 Мельников С.М. Особый контингент в системе Дальстроя. С. 38.
- 251 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5136. Л. 40.
- 252 Там же. Д. 3040. Л. 8, 19 – 21; Д. 4579. Л. 28.
- 253 Там же. Д. 4579. Л. 14.
- 254 Там же. Д. 3040. Л. 17 – 18.
- 255 Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ... С. 54.
- 256 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5136. Л. 48.
- 257 Там же. Д. 3040. Л. 5, 25; Д. 3069, Л. 27.
- 258 Там же. Д. 3040. Л. 16, 26; Д. 5136. Л. 39.
- 259 Там же. Д. 3040. Л. 5, 14 – 15.
- 260 Цит. по: Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ... С. 50, 54.
- 261 Цит. по: Горбунов М. По следу Берии...
- 262 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3040. Л. 15 – 19.
- 263 Там же. Д. 5136. Л. 38.
- 264 Там же. Д. 4579. Л. 28, 68.
- 265 Там же. Д. 3040. Л. 9.
- 266 Там же. Д. 5136. Л. 38, 48, 68, 74, 84, 211.
- 267 Там же. Д. 4579. Л. 14, 15.
- 268 Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ... С. 56.
- 269 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 4579. Л. 14, 27, 28, 93.
- 270 Там же. Д. 5136. Л. 222, 273.
- 271 Там же. Д. 5160. Л. 1 – 8. См. также: Мельников С.М. Особый контингент в системе... С. 38 – 39.
- 272 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 5160. Л. 37, 39.
- 273 Цит. по: Горбунов М. По следу Берии...
- 274 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения... С. 124 – 183.
- 275 ГАМО. Ф. Р-23. О. 1. Д. 4579. Л. 28, 40.
- 276 Там же. Л. 105, 108.
- 277 Там же. Д. 5136. Л. 74, 84.
- 278 Там же. Д. 4579. Л. 40.
- 279 Медведев Ж.А. Атомный ГУЛАГ... С. 56.
- 280 Подсчитано по: Полян П.М. Не по своей воле... С. 148.
- 281 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 257. Л. 2, 34, 104; Д. 363. Л. 304; Д. 366. Л. 279; Д. 597. Л. 13 – 14, 228; Д. 641. Л. 40 – 42, 56, 65, 374 об. – 380 об.; Д. 900. Л. 247 об.; ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1806. Л. 2 об.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 165 – 166, 262 – 264, 275 – 276; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» С. 276.
- 282 Полян П.М. Не по своей воле... С. 148.

- 283 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 398 об. – 399 об.
- 284 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 650 – 651.
- 285 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 37 – 38.
- 286 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 667 – 668.
- 287 Там же. С. 650 – 651.
- 288 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 121 – 135; Мельников С.М. Особый контингент в системе Дальстроя. С. 38.
- 289 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 447; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 128 – 131.
- 290 Подробнее см.: История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 79 – 90.
- 291 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 46; Д. 641. Л. 398 об. – 399 об.; 429 об. – 430 об.
- 292 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 762.
- 293 Там же. С. 674 – 675.
- 294 Щеглов В.В. Спецпоселенцы в Сахалинской области. С. 41.
- 295 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 529.
- 296 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 88.
- 297 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 593, 595.
- 298 Там же. С. 74.
- 299 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 935. Л. 305.
- 300 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 702, 704.
- 301 Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 91, 92; Д. 641. Л. 421 об. – 424 об.; 395—397; Д. 597. Л. 6 – 7.
- 302 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 75.
- 303 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 374. Л. 189.
- 304 Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения... С. 141.
- 305 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3064. Л. 61.
- 306 Паршин Е. Спецпоселенцы и депортированные С. 3.
- 307 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 181 – 182; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 41.
- 308 ГАХК. Ф. П-35. Оп. 41. Д. 22. Л. 48 – 58.
- 309 Кабанец А.Ф. Приём переселенцев из западных областей страны в 40-е – 50-е годы для заселения Комсомольского района, по документам архива // Первые архивные научные чтения им. В.И. Чернышевой, посвящённые 90-летию со дня рождения. Хабаровск, 2001. С. 140 – 141.
- 310 ГААО. Ф. 114. Оп. 2. Д. 712. Л. 179 – 181.
- 311 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 633 – 634.
- 312 Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...» С. 261; История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 644.
- 313 ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 2515. Л. 75.
- 314 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 514. Л. 1а – 17.
- 315 Там же. Д. 597. Л. 8.
- 316 ЦХСДМО. Ф. 21. Оп. 5. Д. 7. Л. 11 – 23, 35, 43, 72 – 73, 128 – 139.
- 317 Там же. Д. 69-а. Л. 94.
- 318 Там же. Ф. 21. Оп. 5. Д. 14. Л. 92 – 93; ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6045. Л. 3 – 4.
- 319 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 20 – 23.
- 320 Бацаев И.Д. Основные направления развития социальной сферы Магаданской области во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XX в. // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. Магадан, 2005. № 1. С. 75.

- 321 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 244.
- 322 ГААО. Ф. П-1. Оп. 15. Д. 670. Л. 1 – 3; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 4 – 5.
- 323 ГААО. Ф. П-1. Оп. 15. Д. 748. Л. 1 об. – 2.
- 324 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 148.
- 325 Там же. Д. 843. Л. 13 – 14.
- 326 Там же. Л. 17, 25, 31.
- 327 Там же. Л. 30, 70 – 76, 84, 102, 108 – 109, 151 – 152.
- 328 Сталинские депортации... С. 769 – 770.
- 329 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 160. Л. 22 – 23.
- 330 Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 238.
- 331 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 91.
- 332 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 177. Л. 137 – 140.
- 333 История сталинского Гулага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. С. 92.
- 334 Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества... С. 112.
- 335 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 910. Л. 17.
- 336 Там же. Д. 263. Л. 138, 139, 145.
- 337 Ващук А.С. Политическая ситуация на Южном Сахалине в 1945 – начале 1950-х гг. // Гуманитарные и социально-экономические аспекты обучения и воспитания кадров военно-морского флота: сб. науч. тр. Вып.10. Владивосток, 2007. С. 162.
- 338 ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 263. Л. 145.
- 339 СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 158. Д. 28. Л. 37 – 45.
- 340 URL: <http://www.vladivostok.mid.ru/> – дата обращения: 05.04.2010.
- 341 Интервью с С.М. Бржезинской 2 февраля 1993 г. // Личный архив автора. Подробнее о политических репрессиях против поляков в г. Владивостоке см.: Чернолуцкая Е.Н. «Националы» Приморья в сталинских политических репрессиях // Известия РГИА ДВ. Т. 1. Владивосток, 1996. С. 149 – 160.
- 342 Иванов И. На балет с Ворошиловым // Новости. Владивосток. 2007. 15 июня. С. 21.
- 343 Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества... С. 109.
- 344 ГАПК. Ф. 1588. Д. П-32514. Л. 74, 79.
- 345 Отделение спецфондов Отдела реабилитации и спецфондов ИЦ УВД по Приморскому краю. Список дел с компроматериалами на лиц, подлежащих выселению из г. Владивостока согласно приказу МГБ СССР 00198 от 14.02.1952 г. (временное хранение).
- 346 Рассчитано по: Полян П.М. Не по своей воле... С. 148.
- 347 Ориентировочные подсчеты численности заключённых в дальневосточных лагерях выполнены нами по изданию: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 — 1960: Справочник. М.: Звенья, 1998.

Заключение

В истории принудительных миграций на Дальнем Востоке выделяются несколько этапов, развивавшихся под воздействием трёх основных факторов — общей эволюции государственной репрессивной политики, потребностей трудоёмких отраслей промышленности в рабочей силе, геополитического положения региона.

В 1920-е гг. на этапе становления советских карательных институтов и формирования уголовного законодательства наиболее часто применявшейся формой насильственных переселений были ссылки и высылки, представлявшие собой относительно мягкую меру *персональной* уголовной ответственности за преступления, не относившиеся к числу особо опасных. Наряду с судебной получила развитие их внесудебная (административная) практика, в которой стали проявляться и вызревать черты, ставшие на последующих этапах основными принципами массовых депортаций. Во многих случаях административные выселения имели ярко выраженную социально-политическую подоплеку и применялись тогда, когда не было юридических оснований для привлечения того или иного человека или группы лиц к уголовной ответственности по суду. Вынесение такого «наказания» за судебно-процессуальные рамки лишало людей минимально возможной правовой защиты и создавало почву для произвола властей.

Дальний Восток в этот период был слабообразованным и слабозаселённым регионом, позже других окончившим Гражданскую войну и начавшим советизацию. Для Центра он не представлял значительного экономического интереса, важным было включение этой восточной окраины в общеполитическое пространство страны и укрепление там нового режима. Поэтому проводившиеся здесь репрессивные мероприятия уже тогда имели оттенок социальной «зачистки». Выдворению с Дальнего Востока в другие районы страны или за границу подвергались нарушители паспортно-визовых правил, контрабандисты, некоторые категории реальных или мнимых противников большевиков. В то же время ДВК исполнял традиционную роль места ссылки граждан из других территорий. Принудительные миграции этого периода, как правило, не имели массового характера, если не считать отдельных эпизодов, к числу которых можно отнести административную высылку из Приморья более 3,5 тыс. бывших военнослужащих белых армий, проведённую в экстремальных условиях выхода из Гражданской войны и обозначенную властью нейтральным термином «разгрузка», что должно было подчеркнуть нерепрессивный характер этой акции.

На рубеже 1920 — 1930-х гг. под воздействием начавшейся «сталинской революции сверху» в репрессивной политике советского государства произошёл качественный скачок — резко расширился масштаб карательных акций, более ярко выраженной стала их направленность против стигматизированных слоёв общества, появились новые массовые пенитенциарные институты, объединившие наказание в виде лишения или ограничения свободы с обязательным принудительным трудом (ИТЛ, спецпосёлки). Одним из направлений такой политики был переход к *массовым* депортациям, полностью выходявшим за пределы существовавшего правового поля, первой жертвой которых оказалось крестьянство.

В 1930 — середине 1941 г. на Дальнем Востоке осуществлялись массовые принудительные миграции как в прямом, так и в обратном направлениях. В 1930 — 1934 гг. в ходе общесоюзной кампании по «раскулачиванию» и зачистке западных границ СССР от «социально-вредных элементов» государство выслало в ДВК не менее 35 тыс. чел. из европейской части страны и насильственно переселило внутри края примерно 30 тыс. репрессированных крестьян. Они стали основными «контингентами» системы спецпоселений в ДВК, сформированной на базе золотодобывающих и лесозаготовительных предприятий, в которой в течение данного этапа содержалось от 26 тыс. до 51 тыс. чел. Таким образом, регион был включен в зону т.н. «спецколониализации», призванной обеспечивать начавшуюся бурную индустриализацию страны сырьевыми и экспортно-валютными ресурсами. Относительно небольшие объёмы вселения извне (2 — 4% от общего числа спецпоселенцев в стране и около 2,5% от численности населения ДВК) объясняются пограничным положением Дальнего Востока — главным ограничительным фактором данного направления депортаций.

Тот же фактор определил проведение политики, которую можно назвать социальной «стерилизацией» региона. Общая для страны атмосфера подготовки к ожидавшейся войне на Дальнем Востоке обострялась агрессивной политикой милитаристской Японии, оккупировавшей соседние территории Кореи и Маньчжурии. Особенности геополитического положения обуславливали стратегическую важность Дальневосточного края, что заставляло сталинское руководство применять здесь специальные методы управления и контроля над населением, используя режим запретных зон с ограниченным правом пребывания «неблагонадёжных» и «социально-опасных» групп. В течение десятилетия государственная политика внешнего изоляционизма и эскалации внутренних репрессий приводила ко все большему разрастанию и слиянию пограничных и «режимных» зон, покрывших собой в конце концов почти всю территорию Дальнего Востока, при одновременном расширении списка «опасных» категорий населения.

Вследствие этого ДВК в предвоенный период стал территорией активного и почти непрерывного применения т.н. социальных «чисток», особенно в пограничных районах, которые нанесли серьёзный урон демогра-

фическим и трудовым ресурсам края. В результате принудительного выселения «неблагонадёжных» граждан, осуждённых «тройками» и особыми совещаниями ОГПУ — НКВД, кампании по введению внутренних паспортов, депортаций корейского и китайского населения и некоторых других акций с территории Дальнего Востока было изгнано более 350 тыс. чел. Попутно сталинское руководство силовым методом «ликвидировало» застарелые проблемы, связанные с «жёлтой» иммиграцией, которые не удалось решить более гуманным способом ни имперской, ни советской властью.

Значительное преобладание насильственных выселений над вселениями и социальная «филтрация» добровольных переселенцев свидетельствовали о том, что в данный период в миграционной политике на Дальнем Востоке геополитический фактор был решающим. «Недобор» же трудодефицитными отраслями принудительной рабочей силы в лице спецпоселенцев с лихвой компенсировался другим её видом — заключёнными ИТЛ — более изолированным, управляемым и, по мнению властей, очевидно, более подходящим для этого региона.

Интенсивное промышленное и военно-оборонительное строительство требовало значительного притока новой рабочей силы, а массовые «чистки» — компенсаторного замещения убывших. Если сопоставить все виды региональных миграций 1930-х гг., то обнаружится мощное движение встречных потоков: на Дальний Восток направлялись добровольно-плановые переселенцы, спецпоселенцы и заключённые, в обратном направлении двигались «социально-опасные» и «неблагонадёжные» контингенты, а также «вольные обратники». Внутри региона мигранты перемещались из сёл в города, из погранполосы во внутренние районы и обратно. В этих процессах отразилась вся противоречивость государственной миграционной политики, в которой постоянно сталкивались экономические, стратегические, политические и репрессивные мотивы, что делало её непоследовательной, а зачастую просто нелогичной.

Период Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке был временем мобилизации всех внутренних ресурсов для военной экономики и тревожного ожидания войны с Японией. Депортантов сюда почти не направляли, за исключением небольшой группы трудпоселенцев (около 2 тыс. чел.), мобилизованных в районах Сибири и Средней Азии для работы на строительстве железной дороги Комсомольск — Советская Гавань. Учетное население спецпосёлков к концу войны сократилось до 20 тыс. чел. Прекратились массовые высылки с Дальнего Востока, однако внутри региона в результате продолжения «зачистки» приграничья насильственному переселению в глубинные районы подверглось немецкое население (примерно 3 — 4 тыс. чел.), трудоспособная часть которого вместе с остальными советскими немцами вскоре составила ещё одну группу принудительной рабочей силы — мобилизованных «трудармейцев».

Вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг. явились периодом массовых принудительных вселений на Дальний Восток. С окончанием Второй мировой войны и ликвидацией угрозы со стороны Японии в региональной миграционной политике функция социальной «зачистки» отодвинулась на задний план, приоритетным стало обеспечение производства рабочими руками. Послевоенная репрессивная политика поставляла на рынок труда все новые и новые категории принудительных мигрантов из западных и центральных территорий страны — репатриантов, этнические группы, обвиненные в сотрудничестве с фашистами и вооруженном сопротивлении советской власти, засекреченных строителей-атомщиков, крестьян-«указников» и др. Активно осуществлялось территориальное перераспределение «старых» депортантов (выселенных в предвоенный и военный периоды) в соответствии с потребностями региональных экономик, какими они виделись Центру, и в остром противоборстве между хозяйственными ведомствами и региональными властями.

В результате этого численность спецпоселенцев на Дальнем Востоке к 1952 г. выросла до 94,6 тыс. и вместе с ссыльнопоселенцами, ссыльными, высланными и т.н. «особым контингентом» (строителями атомных объектов) составила 110 тыс. чел. — максимальный показатель масштабов принудительного вселения в регион за весь советский период. Географически «спецссылка», размещавшаяся до середины 1940-х гг. в южной зоне региона (Хабаровском, Приморском краях и Амурской области), в послевоенный период появилась также в его северо-восточной и островной частях (Сахалинской, Магаданской и Камчатской областях)*, распространившись, таким образом, на всю территорию Дальнего Востока. Но это не привело к увеличению доли региона в размещении данного пенитенциарного сектора по стране — она оставалась в пределах 2 — 4%, поскольку не менее массовые потоки послевоенных депортантов направлялись также и в другие районы; 2/3 всех спецпоселенцев страны в начале 1950-х гг. находились в Казахстане, Западной и Восточной Сибири. В общей структуре населения Дальнего Востока доля принудительных мигрантов также почти не изменилась: в пиковый период она составляла около 3%, что объяснялось значительными масштабами общей миграционной прибыли и послевоенным улучшением естественного прироста числа жителей региона.

Административные выселения с Дальнего Востока в этот период проводились на индивидуальной основе в ограниченных масштабах, им подвергались в основном нарушители паспортного режима. Редкие рецидивы внутрирегиональных принудительных миграций (выселение крестьян-колхозников по Указу от 2 июня 1948 г. и «зачистка» Владивостока в 1952 г.) также не были массовыми, охватив в общей сложности менее тысячи чел.

* Имеется в виду территория этих краёв и областей в современных границах; на Камчатке использовались рабочие батальоны.

Международная обстановка позволила власти преодолеть в рамках существовавшего режима характерное для предыдущих этапов противоречие между двумя основными мотивами миграционной политики на Дальнем Востоке, — обеспечением безопасности и производственными потребностями. Теперь и принудительные, и ещё более крупные добровольно-плановые потоки советских переселенцев, а также вновь «ангажированные» после войны советским правительством вербованные рабочие из КНДР и КНР (правда, строго дозированной численностью) «работали» на одну задачу — дальнейшее хозяйственное освоение Дальнего Востока в его прежнем сырьедобывающем обличье.

1952 — конец 1950-х гг. — завершающий период в развитии массовых принудительных миграций. В это время «сбой» стала давать карательная система сталинского образца. Гигантская машина ГУЛАГа вступила в затяжной кризис. Идеолого-оправдательные основания массовых политических репрессий, которые режим выдвигал в экстремальные периоды (коллективизация, форсированная индустриализация, подготовка к ожидавшейся войне, ликвидация последствий войны), ко времени выхода из послевоенного восстановительного периода себя исчерпали. Смерть Сталина лишь ускорила назревшие перемены.

Депортации на Дальний Восток полностью прекратились. В 1952 г. освободили первую крупную группу спецпоселенцев — «власовцев», а в последующие годы десятилетия — почти все остальные «контингенты», в результате чего система спецпоселений как массовый пенитенциарный институт была ликвидирована. Диссонансом общей динамике стал лишь некоторый всплеск численности ссыльнопоселенцев в Магаданской области в середине 1950-х гг., что можно расценить как проявление агонии разваливавшейся системы.

Реформирование пенитенциарного сектора болезненно ударило по отраслям, работавшим в значительной степени на основе применения принудительного труда. В середине 1950-х гг. Центр и региональные власти в стремлении «укоренить» спецпоселенцев в районах расселения и обеспечить лояльность к власти предпринимали попытки их постепенной интеграции в «полноправное» сообщество: смягчался режим правовых ограничений, микшировались негативные политические оценки, из общественного сознания стало вытесняться отношение к спецпоселенцам как к гражданам «второго сорта», приветствовались их производственные достижения и общественная активность.

Однако эти действия оказались слабыми и малоэффективными. Значительная часть освобождённых узников сталинской репрессивной системы быстро покинула районы принудительного проживания, особенно такие неблагоприятные, как Магаданская и Сахалинская области. Оставались в основном те, кому некуда было переезжать. Аналогичный процесс проходил и в исправительно-трудовых лагерях, где с 1953 г. в результате объявления

крупнейшей советской амнистии также началось массовое освобождение заключённых. Предприятиям пришлось переходить на «вольный» тип рабочей силы, но мобилизационные начала трудоустройства во второй половине 1950-х гг. ещё продолжали играть определённую роль в виде оргнаборов и общественных молодежных призывов.

Как эхо ранее проводившихся насильственных вселений потоки бывших спецпоселенцев хлынули с Дальнего Востока. Принуждение не могло стать долговременным фактором укрепления демографического и трудового потенциала. Для действительного закрепления населения в регионе государство не сделало главного. Сталинский режим, не будучи социально ориентированным, не был нацелен на создание достойных жизненных условий ни добровольным, ни тем более принудительным переселенцам, рассматривая последних главным образом как рабсилу (в прямом и переносном смысле) и одновременно как враждебную себе массу.

Принуждение оказало пролонгированное негативное воздействие на морально-психологическое состояние значительного сегмента общества в виде комплекса гражданской неполноценности, горечи необоснованного наказания, изломанных человеческих судеб. Сталинские принудительные миграции продемонстрировали одну из циничных форм государственного произвола: без суда и следствия десятки и сотни тысяч людей поодиночке и целыми семьями, включая младенцев и стариков, стали невольниками режима — изгнаны из своих жилищ, привычных районов обитания, брошены на выживание в суровых условиях севера, тайги и болот, обречены на ничем не оправданную массовую гибель, голод и болезни, тяжёлый принудительный труд. Нельзя не согласиться с современными исследованиями, оценивающими этот феномен как преступление против человечности и своего рода рефеодализацию общества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- акад. - академик
- АмГУ - Амурский государственный университет
- Амурлаг - Амурский исправительно-трудовой лагерь
- АО - Автономная область
- АССР - Автономная Советская Социалистическая Республика
- АХО - административно-хозяйственный отдел
- БАМ - Байкало-Амурская магистраль
- Бамлаг - Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь
- БССР - Белорусская Советская Социалистическая Республика
- ВКП(б) - Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- Владлаг - Владивостокский исправительно-трудовой лагерь
- ВЛКСМ - Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
- ВМН - высшая мера наказания
- военком - военный комиссар
- ВОХР - военизированная охрана
- ВСНХ - Высший Совет Народного Хозяйства
- ВЦИК - Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
- ВЦСПС - Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
- ВЧ - высокочастотная связь
- ВЧК - Всероссийская чрезвычайная комиссия
- г. - год
- г. - город
- г.р. - год рождения
- ГААО - Государственный архив Амурской области
- ГАМО - Государственный архив Магаданской области
- ГАПК - Государственный архив Приморского края
- ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
- ГАСО - Государственный архив Сахалинской области
- ГАХК - Государственный архив Хабаровского края
- ГДУ - Государственный дальневосточный университет
- генштаб - генеральный штаб
- ГК, горком - городской комитет
- ГКО, ГОКО - Государственный комитет обороны СССР
- госкомитет - государственный комитет
- горкомхоз - городское управление коммунального хозяйства
- госрыбтрест - государственный рыбопромысловый трест
- ГПУ - Государственное политическое управление
- ГПУ - Горнопромышленное управление
- гр-не, гр-н - граждане, гражданин, граждан
- ГРУ - Геологоразведочное управление
- губбюро - губернское бюро
- губвоенком - губернский военный комиссар
- губвоенкомат - губернский военный комиссариат
- губвоенревком - губернский военно-революционный комитет
- губисполком, ГИК - губернский исполнительный комитет
- губком - губернский комитет
- губкорсекция - губернская корейская секция
- губоно - губернский отдел народного образования
- ГУГБ - Главное управление государственной безопасности
- губотдел - губернский отдел
- ГУКР «Смерш» - Главное управление контрразведки «Смерть шпионам»

- ГУЛАГ - Главное управление лагерей ОГПУ (НКВД) СССР
 ГУПО - Главное управление пограничной охраны ОГПУ
 Д. - дело
 Дальбюро - Дальневосточное бюро
 ДалькрайЗУ - Дальневосточное краевое земельное управление
 Далькрайисполком, ДКИК - Дальневосточный краевой исполнительный комитет
 Далькрайком - Дальневосточный краевой комитет
 Дальлаг - Дальневосточный исправительно-трудовой лагерь
 Дальревком, ДРК - Дальневосточный революционный комитет
 Дальстрой, ДС, ГУСДС - Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы; Главное Управление строительства Дальнего Севера
 ДВК - Дальневосточный край
 ДВМП - Дальневосточное морское пароходство
 ДВО - Дальневосточный округ
 ДВО РАН - Дальневосточное отделение Российской академии наук
 ДВР - Дальневосточная республика
 ДВСПС - Дальневосточный совет профессиональных союзов
 д.и.н., док-р. ист. наук - доктор исторических наук
 дисс. - диссертация
 докл. - доклад
 ДСУ - дорожно-строительное управление
 др. - другие
 ЕАО - Еврейская автономная область
 жён. - женщина
 зав. - заведующий
 ЗАГС - отдел записи актов гражданского состояния
 зам. - заместитель
 ЗСК - Западносибирский край
 ИГПУ - Индигирское горнопромышленное управление Дальстроя
 изд. - издание
 издат. - издательский
 изд-во - издательство
 ИККИ - Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
 им. - имени
 ин-т - институт
 исполбюро - исполнительное бюро
 исправработник - исправляющийся работник
 ИТЛ - исправительно-трудовой лагерь
 ИЦ - информационный центр
 КВЖД - Китайско-Восточная железная дорога
 Кн. - книга
 КНДР - Корейская Народно-Демократическая Республика
 КНР - Китайская Народная республика
 конф. - конференция
 Колонбюро - Колонизационное бюро
 колонпосёлок - колонизационный посёлок
 компроматериал - компрометирующий материал
 Корбюро - Корейское бюро
 корнаселение - корейское население
 корсекция - корейская секция
 КПЗ - камера предварительного заключения
 КПП - контрольно-пропускной пункт
 КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза
 краевед. - краеведческий
 крайисполком - исполнительный комитет краевого Совета депутатов трудящихся
 Крайком - краевой комитет
 краймилиция - краевая милиция
 крайпрокуратура - краевая прокуратура
 крайУНХУ - краевое Управление народно-хозяйственного учёта
 Краслаг - Красноярский исправительно-трудовой лагерь

- КССР - Казахская Советская Социалистическая Республика
 Л., л. - лист
 леспромхоз, ЛПХ - лесопромышленное хозяйство
 лесхоз - лесное хозяйство
 ЛОН - лагерь особого назначения ОГПУ
 М. - Москва
 м. - мыс
 МВД - Министерство внутренних дел
 МГБ - Министерство государственной безопасности
 медпомощь - медицинская помощь
 медпункт - медицинский пункт
 междунар. - международный
 млн - миллион
 морштаб - морской штаб
 МТС - машинно-тракторная станция
 муж. - мужчина
 нацкомпартия - национальная коммунистическая партия
 нарком - народный комиссар
 наркомат, НК - народный комиссариат
 Наркомвнудел, НКВД - Народный комиссариат внутренних дел
 Наркомздрав, НКЗдрав - Народный комиссариат здравоохранения СССР
 НКЗем, НКЗ - Народный комиссариат земледелия СССР
 Наркомлеспром, Наркомлес, НКЛес - Народный комиссариат лесной промышленности СССР
 Наркомнац - Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР
 Наркомнефть - Народный комиссариат нефтяной промышленности СССР
 Наркомпрос, НКП - Народный комиссариат просвещения СССР
 Наркомторг - Народный комиссариат торговли
 науч. - научный
 науч.-практ. - научно-практический
 нач. - начальник
 начмоботделения - начальник мобилизационного отделения
 НККИД, Наркоминдел - Народный комиссариат иностранных дел СССР
 НКО - Народный комиссариат обороны СССР
 НКПС - Народный комиссариат путей сообщения
 НКТ - Народный комиссариат труда
 НКЮ, Наркомюст - Народный комиссариат юстиции СССР
 НРА - Народно-революционная армия
 НЭП - новая экономическая политика
 о. - отец
 обком, ОК - областной комитет (партии)
 обл. - область, областной
 облздрав - областной отдел здравоохранения
 облисполком, ОИК - областной исполнительный комитет
 ОВИР - отдел виз и регистраций
 ОГПУ, ГПУ - Объединенное государственное политическое управление
 окр. - окружной
 окрисполком, ОИК - окружной исполнительный комитет
 ОИТК - отдел исправительно-трудовых колоний
 ОК - областной комитет партии
 ОКА - Особая Краснознаменная Армия
 ОКДВА - Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
 ОкрЗУ - окружное земельное управление
 ОЛП - отдельный лагерный пункт
 Оп. - опись
 ОРВП - Особый Район Восточных Провинций
 ОРС - Отдел рабочего снабжения
 ОСО - Особое совещание
 ОС ОРС - Отделение спецфондов Отдела реабилитации и спецфондов
 ОСП - Отдел спецпоселений
 ОТП - Отдел трудовых поселений
 ОТСП - Отдел трудовых и специальных поселений
 ОУ - областное управление
 ОУН - Организация украинских националистов

- ОУН-УПА - Организация украинских националистов — Украинская повстанческая армия
- ПБ, Политбюро - Политическое бюро
- ПВО - противовоздушная оборона
- ПВС - Президиум Верховного Совета
- ПГОМ - Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева (Владивосток)
- погранполоса - пограничная полоса
- политохрана - политическая охрана
- пом. - помощник
- пос. - посёлок
- посвящ. - посвященный
- послсл. - послесловие
- ПП - полномочный представитель, полномочное представительство
- Примгубревком - Приморский губернский революционный комитет
- прил. - приложение
- принудработник - принудительный работник (лицо, осужденное к выполнению принудительных работ без содержания под стражей)
- принудработы - принудительные работы
- проф. - профессор
- ПУ - Приморское управление
- ПФЛ - проверочно-фильтрационный лагерь
- р. - река
- разведотдел - разведывательный отдел
- райбюро - районное бюро
- райвоенкомат - районный военный комиссариат
- райисполком, РИК - районный исполнительный комитет
- райкомендатура - районная комендатура
- районо - районный отдел народного образования
- райпрокуратура - районная прокуратура
- РВС - Революционный Военный Совет
- РВСР - Революционный Военный Совет Республики
- РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории
- РГАЭ - Российский государственный архив экономики
- РГИА ДВ - Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
- Реввоентрибунал - Революционный военный трибунал
- ред. - редакция
- РКИ - Рабоче-крестьянская инспекция
- РККА - Рабоче-крестьянская Красная Армия
- РКМ - Рабоче-крестьянская милиция
- РКСМ - Рабоче-крестьянский союз молодёжи
- РКП (б) - Российская коммунистическая партия (большевиков)
- РО - районный отдел
- РОНО - районный отдел народного образования
- РОССПЭН - Российская политическая энциклопедия
- РПУ - районное промышленное управление
- Рыбколхозсоюз - Союз рыболовецких колхозов
- с. - страница
- сб. - сборник
- СВК - Средневожский край
- СГПУ - Северное горнопромышленное управление Дальстроя
- сельхозартель - сельскохозяйственная артель
- СНК, Совнарком - Совет Народных Комиссаров
- Севвостлаг - Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь
- сельхозпереселение - сельскохозяйственное переселение
- СМ - Совет Министров
- сов. - советский
- соввласть - советская власть
- совр. - современный

- Совроссия - Советская Россия
- Совторгфлот - Советский торговый флот
- сообщ. - сообщение
- СО РАН - Сибирское отделение Российской академии наук
- сост. - составитель
- СОУ - Секретно-оперативное управление
- СОЭ - социально-опасный элемент
- Спецторг - отдел специальной торговли
- Спец(труд)посёлок - специальный (трудовой) посёлок
- спецфонды - специальные фонды
- СПО - секретно-политический отдел ОГПУ
- СПС - Совет профессиональных союзов
- ст. - статья
- ст. - станция
- СТО - Совет Труда и Обороны
- СЦДНИ - Сахалинский центр документации новейшей истории
- Т. - том
- ТатАССР - Татарская Автономная Социалистическая Республика
- ТО - Транспортный отдел
- тр. - труды
- тудармия - трудовая армия
- трудколония - трудовая колония
- трудмобилизация - трудовая мобилизация
- тыс. - тысяча
- УГБ - Управление государственной безопасности
- УССР - Украинская Советская Социалистическая Республика
- УзССР - Узбекская Советская Социалистическая Республика
- уисполком - уездный исполнительный комитет
- УК - Уголовный Кодекс
- УМВД - областное (краевое) управление Министерства внутренних дел
- УМГБ - областное (краевое) управление Министерства государственной безопасности СССР
- УНКВД - областное (краевое) управление Наркомата внутренних дел СССР
- УНКГБ - областное (краевое) управление Наркомата государственной безопасности СССР
- УПВИ - Управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР
- УРКМ - управление Рабоче-крестьянской милиции
- УРО - Учетно-регистрационный отдел
- УСВИТЛ - Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей
- учеб.-метод. - учебно-методический
- Ушосдор - Управление шоссейно-дорожного строительства
- Ф. - фонд
- ХОЗО - хозяйственный отдел
- Центросоюз - Центральный союз потребительских обществ СССР
- ЦИК - Центральный исполнительный комитет
- ЦК - Центральный комитет
- ЦКК - Центральная Контрольная Комиссия ВКП(б)
- ЦМЗ - Цветметзолото, Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины ВСНХ СССР
- ЦХСД МО - Центр хранения современной документации Магаданской области
- ЦЧО - Центрально-Чернозёмная область
- чел. - человек
- ЧОН - Части особого назначения

**Дислокация расселения и численность спецпоселенцев —
«бывших кулаков» на Дальнем Востоке в 1941 и 1947 гг.**

Поселки	01.01.1941		01.07.1941		01.01.1947	
	Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
Хабаровский край						
Амурская область						
Мазановский район						
Ивановский	169	731	159	700	101	253
Васильевский	132	454	-	-	52	260
Северный	92	369	87	341	26	64
Октябрьский	62	257	60	257	18	30
Майский	-	-	120	399	25	65
Мамын	-	-	10	31	11	29
Иликан	-	-	12	58	-	-
Дагмара	-	-	5	58	-	-
Пригородный	-	-	-	-	16	40
Оборонный	-	-	-	-	19	60
Всего по району	455	1 811	453	1 844	268	801
Селемджинский район						
Лукачек	219	783	115	364	-	-
Бон	-	-	34	143	58	156
Ивановский	-	-	22	51	-	-
Левая Россошина	169	701	76	315	-	-
Михайловский	-	-	19	48	45	87
Мариинский	-	-	35	104	25	100
Уютный	-	-	39	158	79	161
Стойба	-	-	37	96	-	-
Ольгинский	-	-	15	61	10	29
Златоустовский	154	540	38	72	17	29
Рудник № 3	-	-	32	112	19	53
Жердинский	-	-	16	44	4	9
Электростанция	-	-	45	166	24	65
Верхне-Майский	-	-	12	41	9	20
Александровский	-	-	6	12	-	-
Февральский	-	-	1	2	-	-
Куравинск	-	-	49	194	27	75
Селемджинск	-	-	7	44	62	161
Бысл	-	-	5	30	-	-
Токур	-	-	-	-	53	106
Всего по району	542	2 024	603	2 057	432	1 051

Поселки	01.01.1941		01.07.1941		01.01.1947	
	Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
Верхне-Буреинский район*						
Софийский	147	456	55	173	79	206
Зинайдинск	-	-	6	24	-	-
Рудник Буровой	-	-	27	123	-	-
Сергиевск	-	-	15	65	-	-
Ивановский	-	-	18	79	8	50
Рудн. Молибден	-	-	26	122	-	-
Умальтинский	-	-	10	63	40	105
Иерохан	83	379	32	180	41	131
Усть-Умальта	-	-	-	-	6	28
Всего по району	230	835	189	829	174	520
Шимановский район						
Ст. Мухино	8	138	8	136	-	-
Усть-Тыгда	-	-	-	-	89	256
Сироколь	-	-	-	-	13	40
Всего по району	8	138	8	136	102	296
Благовещенский район						
Грибский	-	-	-	-	7	18
Моховая Падь	-	-	-	-	39	124
Юхта	-	-	-	-	21	67
Всего по району	-	-	-	-	67	209
Всего по Амурской области	1 235	4 808	1 253	4 866	1 043	2 877
Нижне-Амурская область						
Нижне-Амурский район**						
Белая Гора	366	1 519	321	1 219	144	408
Михайловск	194	652	125	610	107	264
Покровск	-	-	25	101	18	46
Гырман	33	276	32	154	34	103
Чля	-	-	26	103	32	88
Колчан	-	-	44	176	-	-
Сивук	-	-	20	54	16	29
Мырган	-	-	13	30	-	-
Александровск	-	-	-	-	11	28
Сретенск	-	-	-	-	21	60
Всего по району	593	2 447	606	2 447	383	1 026
Ульчский район						
Дит-Биран	481	1 975	481	1 975	300	1 043
Резиденция	55	246	55	246	17	54
А. Афанасьевск	373	1 774	363	1 774	351	1 221
Дяппе	188	907	183	889	141	475

Посёлки	01.01.1941		01.07.1941		01.01.1947	
	Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
Спорный	37	170	37	170	52	130
Халан	63	357	63	354	77	200
Халан - совхоз	-	-	-	-	19	53
Половинка	-	-	5	18	3	22
Санники	190	1 014	183	854	112	231
Безымянный	159	797	140	772	41	70
Станочный	60	434	60	390	21	41
Гусиный	106	613	95	473	21	70
Веселый	-	-	13	35	20	55
М. Лазарева	-	-	10	22	-	-
Де-Кастри	-	-	19	329	-	-
Татарский	-	-	-	-	4	18
Перебоевка	-	-	-	-	53	79
Пульсы	-	-	-	-	51	185
Сомнительный	-	-	-	-	79	183
Троицкий	-	-	-	-	55	142
Средний Стан	-	-	-	-	7	35
Детуха	-	-	-	-	8	29
Тыльда	-	-	-	-	21	104
Афанас. совхоз	-	-	-	-	1	4
Всего по району	1 712	8 287	1 707	8 301	1 454	4 444
Район им. Полины Осипенко						
Веселая Горка	-	-	287	1 195	69	170
Упагда	69	293	66	295	56	192
Веселый	319	1 228	26	88	23	41
Н.- Егорьевск	152	952	137	667	63	217
Утесный	120	425	24	111	-	-
Н.-Попутный	193	390	44	183	33	81
Афанасьевск	-	-	38	113	30	86
Гонгрэн	-	-	27	87	23	90
Яшкино	-	-	16	74	6	22
Горелое	-	-	45	216	29	137
В.-Алексеевск	-	-	20	35	170	475
Мальшевск	-	-	33	174	27	143
Онко	-	-	11	27	-	-
Герасан	-	-	9	18	-	-
Главный Стан	-	-	40	132	48	130
П. Осипенко	-	-	14	30	19	42
Медвежий	-	-	51	241	30	61
Веселый (с/х)	44	398	-	-	-	-
Шахта	-	-	-	-	30	124

Посёлки	01.01.1941		01.07.1941		01.01.1947	
	Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
Ясный	-	-	-	-	12	56
Бриахан	-	-	-	-	56	145
Ниламонит	-	-	-	-	13	44
Маклан-Оргачан	-	-	-	-	2	14
Всего по району	897	3 686	888	3 686	739	2 270
Всего по Нижне-Амурской области	3 202	14 420	3 201	14 434	2 576	7 740
Районы краевого подчинения						
Нанайский район						
Монома 1-я	205	1 088	205	1 081	134	506
Монома 2-я	198	860	-	-	39	128
Лидога	220	1 042	220	1 034	45	171
Бихан	327	1 562	327	1 555	166	535
Черный Мыс	110	646	110	650	41	204
Хумме	187	766	187	747	-	-
15-й км	-	-	198	853	-	-
Хавалген	-	-	-	-	12	31
Даур	-	-	-	-	18	53
Троицкое	-	-	-	-	11	40
Аньюй	-	-	-	-	19	38
Боин	-	-	-	-	13	29
Бондарен	-	-	-	-	2	9
Всего по району	1 247	5 964	1 247	5 920	500	1 744
Кур-Урмийский район						
Тулуян	60	227	59	222	39	120
Кукан	-	-	-	-	2	5
Левга	-	-	-	-	2	4
Всего по району	60	227	59	222	43	129
Лазовский район						
Обор	-	-	-	-	43	205
43-й км	-	-	-	-	9	49
Дурмин	-	-	-	-	7	32
64-й км	-	-	-	-	17	35
88-й км	-	-	-	-	19	56
70-й км	-	-	-	-	13	52
1-я Кузнечиха	-	-	-	-	12	50
3-я Кузнечиха	-	-	-	-	45	158
19-й Дурминский	-	-	-	-	59	171
Сита	-	-	-	-	44	146
Хор	-	-	-	-	29	92
Кругликово	-	-	-	-	27	79
19-й км	-	-	-	-	19	61

Посёлки	01.01.1941		01.07.1941		01.01.1947	
	Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
26-й км	-	-	-	-	26	71
Змейка	-	-	-	-	19	55
2-й Ситинский	-	-	-	-	6	21
2-я Меховая	-	-	-	-	27	112
Кедрач	-	-	-	-	17	89
Юмо	-	-	-	-	18	89
Ходы	-	-	-	-	4	38
Антунь	-	-	-	-	25	66
Кутузовка	-	-	-	-	11	43
3-й Сплавной	-	-	-	-	5	18
Бичевая	-	-	-	-	8	39
Всего по району	-	-	-	-	509	1 827
Бикинский район						
Розенгартовка	-	-	-	-	27	90
сельхоз. участок	-	-	-	-	19	46
Всего по району	-	-	-	-	46	136
г. Хабаровск, Хабаровский район						
ХОЗО МВД	-	-	-	-	43	59
ХОЗО МГБ	-	-	-	-	23	35
УШОСДОР	-	-	-	-	42	65
Рыбалка «Амур»	-	-	-	-	34	82
Всего по району	-	-	-	-	142	243
Всего по районам краевого подчинения	1 307	6 191	1 306	6 142	1 240	4 077
Всего по Хабаровскому краю	4 305	25 419	5 760	25 442	4 859	14 694
Приморский край						
Красноармейский район						
Бейча	15	64	15	64	-	-
Сидатун	43	238	43	235	29	78
Благодатный	-	-	6	31	20	43
Незаметный	164	716	130	606	117	300
Каратун	-	-	15	45	-	-
Кедровка	-	-	6	21	4	10
Всего по Приморскому краю	222	1 018	215	1 002	170	431
Всего по Дальнему Востоку	4 527	26 437	5 975	26 444	5 029	15 125

Примечания:

* Верхне-Буреинский район 2.08.1948 г. был передан из Амурской области в административно-территориальное подчинение Хабаровского края;

** Нижне-Амурский район в 1943 г. разукрупнен на два района: Нижне-Амурский и Тахтинский.
Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 71 - 71 об., 148 - 151; Д. 323. Л. 249, 252 - 258.

а) Дислокация спецкомендатур МВД по надзору за спецпоселенцами в Дальстрое в 1946 г.

Спецкомендатуры: №1 — Магадан, №2 — Оротукан, №3 — Утиная, №4 — прииск «Пятилетка» СГПУ, №5 — прииск «Спокойный» СГПУ, №6 — пос. Ягодный, №7 — прииск «Джелгала» СГПУ, №8 — прииск «Туманный» СГПУ, №9 — прииск «Горького» СГПУ, №10 — пос. Сусуман, №11 — пос. Нексикан, №12 — прииск «Чай-Урья» ЧУГПУ, №13 — прииск «Чкалова» ЧУГПУ, №14 — прииск «Октябрьский» ЧУГПУ, №15 — пос. Аркагала, №16 — прииск «Ольчак» ИГПУ, №17 — пос. Нера, №18 — прииск «Победа» ИГПУ, №19 — прииск «Тимошенко» ТГПУ, №20 — Тенькинская стройконтора, №21 — прииск им. Гастелло ТГПУ, №22 — прииск «Расковой» ТГПУ, №23 — пос. Усть-Омчуг, №24 — пос. Н. Сеймчан.

Источник: Козлов А.Г. Лагерная система Дальстроя в период послевоенной реорганизации и последующего распада (1945-1957) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 154; Бацаев И.Д. Колымская гряда архипелага ГУЛАг (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛАг. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. С. 71.

б) Дислокация и численность спецпоселенцев на территории Дальстроя МВД СССР на 1 июля 1948 г. (чел.)

Магадан и его окрестности: автобаза № 4 — 239, УАТ-ОТС — 5, ремпункт — 18, АРЗ — 563, УКС — 313, МСК — 106, монтажная контора — 96, конст. произв. предприятие — 50, КПП Колымснаба — 112, Контора общего снабжения — 134, Контора технического снабжения — 173, Горпищеторг — 84, Управление связи — 122, Центральная сберкасса — 3, Промлаг — 84, Санитарное управление — 130, Дом инвалидов — 77, АХО ГУСДС — 2, ХОЗО УМВД — 68, авиаотряд — 35, УСВИТЛ — 5, ВОХР — 25, Учебный комбинат — 106, Колымпроект — 53, ГРУ — 50, Гидрометеослужба — 17, Энергокомбинат — 70, ЦНИЛ — 11, Дом культуры — 12, Окр. профсоюз — 23, РОНО — 2, издательство «Советская Колыма» — 5, Госбанк — 1, завод № 2 — 307, Управление морского пароходства — 341, Управление рыбного промыслового хозяйства (Веселая, Ола, Армань) — 570, домработницы — 8, автобаза № 1 (Палатка) — 306, 1-й район связи — 31, Ушосдор — 241, автобаза № 2 (Атка) — 318, Снабженческая база (Атка) — 21, ЦЭТМ (Атка) — 111, Дальстройуголь (Хасын) — 116, Горкоммунотдел — 484. Всего 5 648

Северное горнопромышленное управление: прииски Джелгала — 1089, Бурхала — 36, Штурмовой — 170, Ветвистый — 43, Дебин — 25, Горный — 142, Геологический — 40, Туманный — 407, им. Горького — 48, им. Водопьянова — 6, Одинокий — 75, Пятилетка — 593, Спокойный — 84, А. Ат-Урях — 62, Среднедебинский разведрайон — 126, участок прииска Медведь — 70, предприятие п. Спорного — 323, ЖКО УАТ п. Мякита — 34, завод регенерационной резины — 225, 5-е ДЭУ — 170, предприятие п. Оротукана — 216, промкомбинат СГПУ — 31, 7-я дистанция ДЭУ — 9, ключ Красный — 4, предприятие п. Ягодного — 469, Утинский золоторудный комбинат — 992, Нижнедебинский разведрайон — 160, лесозаготовительный участок — 50, больница Усть-Таежная — 65, завод горного оборудования п. Оротукана — 588, санаторий «Горячие Ключи» — 91, Гербинский разведрайон — 30, оленеводческий совхоз — 10, ключ Торопливый — 58, ключ Журба — 122, ключ Герба — 30, 4-е ДЭУ — 55, разведучасток В. Ат-Урях — 25, совхоз Эльген — 30, ТЭК

СГПУ — 366, цементный завод — 13, дорожный отдел СГПУ — 141, больница Эльген — 21, пищекомбинат — 5. Всего — 7 349.

Западное горнопромышленное управление: прииски Фрунзе — 1078, Челбанья — 262, Мальдяк — 62, Желанный — 32, Ударник — 32, Скрытый — 9, им. Калинина — 17, В. Дебин — 35, Перспективный — 67, Беличан — 64, Стахановец — 113, Октябрьский — 594, им. Чкалова — 765, Большевик — 390, Комсомолец — 643, 25 лет Октября — 512, Дальний — 198, Бурустах — 23, разведрайоны Фрунзенский — 112, Хевкандинский — 40, Сусумано-Денский — 12, Бургалинский — 53, Берелехский — 117, Верхне-Нерский — 51, 37-е ДЭУ — 56, 5-я автобаза — 206, совхоз Сусуман — 83, автобаза ЗГПУ — 58, 2-й район связи — 37, ОКС — 29, КГО — 36, ЦРММ — 30, Колымснаб — 17, кирпичный завод — 21, другие организации — 133, МП ЗГПУ — 133, лесозаготовительный участок — 36, агробаза — 85, предприятия пос. Нексикана — 324, лесозаготовительный участок Куранах — 11, 6-е ДЭУ — 15, Делянكير — 23, Аркагалауголь — 133, АРЗК — 325, Адыгалах — 49, Кадыкчан — 30, разные предприятия — 26. Всего — 7 204.

Индибирское горнопромышленное управление: стройконтора УКС — 142, Аляскитский рудник — 313, 8-й район связи — 68, Индибирское ВСО — 33, разведрайоны Ольчанский — 157, Ср. Эльгинский — 150, Н. Эльгинский — 50, Н. Тарынский — 30, Бурхустахский — 46, Предпорожный — 102, прииски Ыт-Юрях — 20, Богатырь — 7, Шерехтах — 2, Панфиловский — 3, Маршальский — 77, Ольчан — 133, им. Покрышкина — 18, Победа — 997, автобаза ИГПУ — 39, ЦРММ — 14, ИРЭС — 73, ЖКО — 23, Санитарный отдел — 12, Колымснаб — 88, совхоз Балганах — 70, Управление ВИГРУ — 50, Общеприисковое ИГПУ — 39, совхоз Адыгачан — 40. Всего — 2 796.

Юго-Западное горнопромышленное управление: пос. Н. Сеймчан — 142, Юрты — 92, Каньон — 251, рудник им. Лазо — 68, Омсукчан — 22, Эльген-уголь — 90, Среднекан — 41, пос. Зырянка — 268. Всего — 974.

Тенькинское горнопромышленное управление: пос. Усть-Омчуг — 304, ремпункты 70 км — 15, 169 км — 16, 239 км — 52, 8-е ДЭУ — 177, разведрайоны Валунистый — 168, Бахабчинский — 158, Чамоуханский — 71, Сангаталонский — 90, Тенькинский — 59, прииски Бодрый — 66, Пионер — 10, Дусканья — 30, им. Ворошилова — 10, Ветренный — 100, им. Тимошенко — 348, им. Гастелло — 348, им. Буденного — 27, Гвардеец — 571, им. Расковой — 42, автобаза ТГПУ — 85, райбольница — 67, Энергокомбинат — 223, рудник им. Белова — 59, рудник Бутыгычан — 56, стройконтора — 543, СЗРК — 854, Омчакский р/п — 265, КДСУ — 59, район Ханиканджа — 32, другие предприятия и организации — 110. Всего — 5 015.

Ягоднинское горнопромышленное управление — 226.

Чаун-Чукотское горнопромышленное управление — 13.

Перевалочная база Дальстроя, бухта Ванино — 385.

Итого по Дальстрою — 29 610.

Источник: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 2515. Л. 75 — 77.

Примечание: сокращения даются по источнику.

**Дислокация и численность
спецпоселенцев — «власовцев» в 1947 г.
в Хабаровском (на 01.01.) и Приморском (на 01.04.) краях**

Область	Район	Спецпосёлок	Число чел.
Хабаровский край			
Нижне-Амурская	Им. П. Осипенко	Главный Стан	70
		Бриакан	45
		Афанасьевск	89
		Ниламонит	56
		Всего по району	260
	Ульчский	Дит-Биран	100
		Троицкий	204
		А.-Афанасьевск	133
		Детуха	49
	Всего по району	486	
	Тахтинский	Белая Гора	10
		Михайловск	70
		В.-Бон	132
	Всего по району	304	
Всего по области		1 050	
Амурская	Благовещенский	Грибский	21
		Моховая Падь	30
		Всего по району	51
	Бурейский	Буряя	185
		Кивда	159
		Кулустай	113
		Талый	50
	Всего по району	507	
	Райчихинский	Райчиха	822
		Алочкин Острог	218
	Всего по району	1 040	
	Всего по области		1 598
	Сахалинская	Александровский	Рудник Мгачи
Рудник Арк			63
Рудник Макаровка			178
Рудник Октябрьский			91
Катангли			34
Всего по району		613	
Охинский		г. Оха	162
		Эхаби	159
		Москальво	286
Всего по району		607	
Всего по области			1 220

Область	Район	Спецпосёлок	Число чел.
Районы краевого подчинения	Лазовский	7-й Дурминский	17
		Малоситинский	88
		Юмо	18
		Ходы	8
		Антунь	132
		Кутузовка	19
		Бичевая	5
		Мотай	34
		Всего по району	321
	Вяземский	Дормидонтовка	15
		Пихта	81
		Всего по району	96
	г. Хабаровск	ХОЗО МВД	56
		ХОЗО МГБ	3
		Ушосдор	5
		Всего по городу	64
	Всего по районам краевого подчинения		
Всего по Хабаровскому краю			4 349
Приморский край			
	Ворошиловский	г. Ворошилов	242
		Липовцы	268
		Тавричанка	237
		Всего по району	747
	Тернейский	Терней	14
	г. Артем		1628
	г. Сучан		914
	г. Совгавань		133
	г. Владивосток		391
Всего по Приморскому краю			3 827
Всего по Хабаровскому и Приморскому краям			8 176

Источник: ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д. 323. Л. 250 — 258.

Численность спецпоселенцев-немцев в Хабаровском крае на 1 января 1947 г.

Поселки	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей до 12 лет
Амурская область					
Мазановский район					
Ивановский	2	3	2	1	-
Новороссийский	5	13	4	7	2
Юбилейный	10	42	8	14	20
Белоярово	8	20	3	9	8
Мазаново	4	15	3	6	6
Всего по району	29	93	20	37	36
Селемджинский район					
Лукачек	18	74	21	53	-
Стойба	11	23	3	20	-
Златоустовский	49	164	31	51	82
Электростанция	97	282	80	90	112
Рудник №3	40	92	23	31	38
Селемджинск	47	98	38	60	-
Токур	41	99	25	47	27
Экимчан	90	159	46	72	41
Всего по району	393	991	267	424	300
Верхне-Буреинский район					
Усть-Умальята	12	57	30	12	15
Умальтинский	38	591	396	65	130
Колонна № 5	28	227	163	22	42
Колонна № 7	15	211	171	29	11
совхоз №3 Аланап	21	117	74	34	9
Угольная шахта	16	144	91	21	32
Колонна № 2	18	176	138	26	12
Колонна № 6	5	89	64	18	7
Всего по району	153	1612	1127	227	258
Всего по области	575	2696	1414	688	594
Районы краевого подчинения					
Кур-Урмийский район					
Тулун	18	55	9	41	5
Кукан	30	84	20	60	4
Левга	15	50	5	35	10
Ижихта	33	103	21	74	8
Сиваки	8	28	13	13	2
всего по району	104	320	68	223	29
Бикинский район					
Розенгартовка, сельхозучасток	-	23	17	6	-
г. Хабаровск					
ХОЗО МВД	1	13	11	2	-
ХОЗО МГБ	-	7	4	3	-
Ушосдор	-	2	2	-	-
всего по Хабаровску	1	22	17	5	-
всего по районам краевого подчинения	105	365	102	234	29
всего по краю	680	3061	1516	922	623

Постановление об освобождении спецпоселенцев К.Ф. и М.Е. Коваленко

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

«...» июня 1948 г. гор. Хабаровск

Я, Комендант ОСП УМВД по Хабаровскому краю ст. лейтенант СТАХНЕВ, рассмотрев личное дело № 14262 в связи с поступившим материалом об освобождении из спецпосёлка спецпоселенца КОВАЛЕНКО Константина Филипповича, 1906 г.р., награжденного правительственной наградой, содержащегося в спецпоселке Ульчского РО МВД.

Нашёл:

КОВАЛЕНКО Константин Филиппович со своей женой КОВАЛЕНКО Марией Ефремовной 1908 г.р. и сыном КОВАЛЕНКО Владимиром Константиновичем 1931 г.р., был выслан в спецпосёлок МВД Хабаровского края в 1933 г. в порядке кулацкого расселения. За время содержания в спецпоселке КОВАЛЕНКО зарекомендовал себя с положительной стороны. За хорошие показатели на производстве в 1947 г. награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Жена его награждена орденом «Материнская слава III степени» за воспитание восьмерых детей.

Спецкомендатура в освобождении их из спецпосёлка не возражает и компроматериалами не располагает.

Учитывая вышеизложенное и руководствуясь приказом МВД СССР и Генерального Прокурора СССР за № 00868/208с от 28 сентября 1946 г.,

ПОСТАНОВИЛ:

Спецпоселенца КОВАЛЕНКО Константина Филипповича и его жену КОВАЛЕНКО Марию Ефремовну с сыном КОВАЛЕНКО Владимиром Константиновичем и остальными малолетними детьми из спецпосёлка освободить и выдать справки на получение паспортов.

Постановление составлено в 3 экз. Один экз. направлен начальнику Ульчского РО МВД для исполнения, второй — в крайпрокуратуру для сведения, третий — находится в личном деле.

КОМЕНДАНТ ОСП УМВД ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ ст. лейтенант СТАХНЕВ.

«СОГЛАСЕН» ЗАМ. НАЧ. ОСП ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ капитан СОКОЛОВА.

Источник: Пашков А.М., Подпечников В.Л. Сахалинская областная Книга Памяти. Т.12. «Возвращенные имена — жертвы политических репрессий». Южно-Сахалинск: Изд-во «Лукоморье», 2003. С. 21.

Из воспоминаний бывшей спецпоселенки Е. Козлоренко

Мой дед по отцу, Козлоренко Григорий Федорович с женой Маланьей Ивановной переселились на Дальний Восток из-под Полтавы в конце прошлого века. Сначала жили в с. Марково Амурской области, потом из-за нехватки наделов земли переехали в с. Грязнушка. У них было семеро детей.

Дед и бабушка по материнской линии Обуховы Иван Дементьевич и Соломонида Стефановна тоже переехали на Дальний Восток в село Грязнушка. Добирались до места больше года. Сначала выкопали землянку. Жили бедно. Бабушка ходила на заработки.

Моя мать вышла замуж за Козлоренко Ивана. А потом дед Григорий поделил братьев. Моему отцу купили небольшую избышку. Мы спали на полу на соломе. Под кроватью жили куры, в избу приносили и телянка. Отец работал с утра до ночи. Он был участником Первой мировой войны, имел Георгиевский крест. Спустя годы, боясь гонений за царскую награду, он ее где-то закопал. Через несколько лет мы смогли перебраться в новый дом. А еще через два года этот дом у нас отобрали, а нас выгнали из села. Наш дом и дом дяди, впоследствии высланного, разобрали и построили из них школу, которая до сих пор стоит.

В начале марта 1931 г. рано утром выслали из деревни дядю — Андрея Григорьевича Козлоренко. Его жена лежала в больнице в Благовещенске, ее забрали прямо из больницы. Выслали также их детей. (...) Эту семью выслали на прииск «Соловьёвский», на лесоработы.

Через двадцать дней и нам сказали, что нас выселяют. Четверых детей посадили на одну подводу, на другую — родителей. С собой взять ничего не разрешили. Повезли в Благовещенск на постоянный двор, отца сразу забрали в тюрьму, а на второй день погрузили нас в вагон и привезли на Улон (около станции Юхта). Там было около 25 бараков, построенных по типу овощехранилищ, без окон. В каждом бараке было человек по двести.

Спали на двухъярусных нарах. Кормили очень плохо. По пять — шесть ведер воды с перловкой на барак — и все. Дети умирали по 10-15 чел. в сутки. Этот лагерь охранялся конвоем. Взрослых гоняли на выгрузку вагонов, заготовку дров. Конечно, без оплаты. В этом аду мы прожили три месяца. Потом нас повезли на пристань Буряя. Выгрузили на голый берег. Одни камни, даже навеса нет. А потом погрузили на пароход «Батрачка», и мы поплыли.

Лето было сухое, река Буряя обмелела, и километра через два нас высадили на берег. Мужчины тянули этот пароходик бечевой через перекаты и пороги, а женщины с детьми шли пешком по берегу. Там, где река подходила прямо к тайге, шли по багульнику, бурелому. Переходили вброд впадающие в реку ручьи и речки. Это было мучение с утра и до позднего вечера, а ночь проводили среди тайги мокрые, раздетые, в наскоро построенных шалашах из веток. И так шли девять дней. Этот «поход» сопровождался воем, плачем, проклятиями. Детей несли на себе. Многие не выдерживали. Тут заболела и умерла моя сестра Нюра. Похоронили ее без гроба. Мама временами теряла сознание, но не было ни лекарств, ни врачей, чтобы ей помочь. А сытый комендант плыл на пароходе!

До Чекунды, куда нас этапировали, пароходик не дошел шесть километров и повернул назад, а люди пошли через тайгу без пищи, вконец ослабевшие. Добрались до Чекунды. Там нам выдали сухари, немного растительного масла и сахар. Папа с мужиками пилил доски вручную. Оплата была только продуктами, которых едва хватало. Жили в закутке при пекарне.

Ещё через год нас на лодке отправили в Умалыту. Караван был из пяти или шести лодок. Их тянули бечевой, а женщины и дети шли пешком. Добирались семь дней. Пришли в Усть-Умалыту, потом шесть километров шли по тропе к месту, где предстояло обжиться и раскорчевывать тайгу под сельхоз для рудника Умалытинского. Жили сначала в шалашах. Мужчины пилили лес, грузили бревна на волокуши и тянули на себе, строили бараки. Работали без праздников и выходных. Комендатура надзирала за постройкой.

Женщины корчевали пни, готовя площадки для строительства. Школу построили через два года, а до этого дети не учились.

Продуктов не хватало, жили впроголодь. А на работу нас выгоняли обязательно. Мы были оторваны от всего мира — ни газет, ни радио. Даже часов ни у кого не было, жили по команде. (...) Добрые люди, жившие в тех местах, делились с нами семенами, давали понемногу картошки для посадки.

Очень тяжелые были годы. Тогда казалось, что хуже уже быть не может. Но подошел 1938 год — и начались повальные аресты без всяких оснований. (...) Всего арестованных было человек 150, среди них — даже шестнадцатилетние мальчишки. Их погрузили в лодки и увезли. Больше их никто не видел. Увезли почти всех мужчин, работа легла на плечи женщин.

В нашей школе было только четыре класса, а школа-семилетка с интернатом была в пос. Софийске, который находился на расстоянии более сотни километров. От сельхоза до Софийска в начале и в конце учебного года добирались пешком по каменистой тропе за три дня. В кровь растирали ноги, мокли и мерзли. Перед рудником «Умалта» надо было переваливать две огромные сопки, которые назывались Пыхти-гора и Сопи-гора. На пути были и две большие речки — Эльга и Ниманчик, переходили их вброд. Дети шли одни, без сопровождающих. В школе нас за людей не считали. (...)

Во время войны нам стали выдавать паспорта, ребят забирали в армию. Отец трудился добросовестно, был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». В 1950 г. мы переехали в пос. Чегдомын того же района. Переезжать куда-то дальше отец с матерью побоялись, остались в местах высылки на всю жизнь.

Источник: Козленко Е. Высылка // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т.1. / ред.-сост. Л.М. Журавлёв. Благовещенск, 2001. С. 371 — 373

Из воспоминаний бывшей спецпоселенки Е.С. Осиповской

Нас, несколько десятков крестьянских семей, в 1931 г. привезли в скотских вагонах из Белоруссии в Амурскую область, в лагерь «Бушуйка» (...). Там было два барака, остальное жильё — землянки. Мужчин отправили на заготовку леса, а женщин — возить дрова и вести другие хозяйственные работы. Жилья не хватало. (...) Питание было очень плохое, одежды никакой. Маленькие дети умерли все, выжили только ребяташки 8 лет и старше. Гробов не было, а сбивали в ряд несколько жердей и на них опускали в неглубокую могилку — земли там не было, одни камни, которыми на 20—30 см закрывали похороненных. Весной вокруг стоял страшный трупный запах.

Через некоторое время часть белорусских спецпереселенцев, в том числе и нашу семью, освободили из этого «лагеря доходяг» (в нём было более двух тысяч больных, совершенно немощных людей) и перевезли в Талдан на заготовку леса и дров.

А в 1932 г. нас из Талдана привезли в 4-й лесопункт Горкинского леспромхоза НКВД. Там уже было построено пять бараков, магазин, пекарня. Сразу делали что придётся, а зимой опять поставили на заготовку леса. (,,) Валили и мужики, и женщины, и ребята. (...) Старики плотничали, а старухи, женщины, подростки раскорчевывали площадь под расширение поселка, где мы жили. (...)

Наступил 1933 год, голодный год. Люди умирали «пачками». Хлеба давали по 600 г в день работающим и по 200 — иждивенцам, да еще 1 кг селёдки и 2 кг крупы на месяц. Подошла весна, рвали траву («курочка», лебеда) да всякую зелень. Открылась дизентерия, вот и пошла смертность. По ночам во дворе только слышно стон, крик «помогите!». Наутро смотришь — лежат трупы на завалинках, на крылечках, не успевали делать гробы и копать ямы. Кто как мог, так и выживал.

В 1934 г. власти решили открыть колхоз, а вернее, неуставную артель «Таежный труженик». Собрали деньги, поехали в Сибирь, купили шесть коров монгольской породы, маленьких. Доили этих коров, молоко делили только на пайщиков. Потом разработали за рекой Тыгдой бугор, посеяли там ячмень, осенью сжали, разделили, стали делать крупу. Потом стали складываться по 2—3 семьи и покупать себе коров. Построили сараи, контору колхозную. (...) Сеяли пшеницу, картошку сажали. А урожай на целине был плохой. На трудодень ничего не давали. Что зимой заработают на заготовках — тем и жили. До 1938 г.

А в 1938-м собрали собрание. Приехал из Тыгды председатель райисполкома Есин. Все колхозники подали заявление об уходе из колхоза — сколько можно бесплатно работать? Провели собрание. (...) Через месяц — массовые аресты. (...)

В общем, сельхозартель осталась. Все испугались после этого. (...) Потом лесопункт перебросили в Сивакский ЛПХ, а здесь осталась одна наша сельхозартель «Таежный труженик»...

Источник: Осиповская Е.С. Как власти сельхозартель сохранили // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т.3. Благовещенск, 2004. С. 460 — 462.

Из воспоминаний бывшей спецпоселенки П.С. Евсеевой

В 1932 г. в марте месяце моего отца Вербицкого Степана Егоровича, проживавшего в деревне Новороссийке Мазановского района, арестовали и увезли в неизвестные места. Семью нашу (а нас было 10 детей) в августе того же года выслали. Из нашей деревни выслали три семьи (...). Погрузили нас на пароход «Муром» в трюм, на железной двери трюма сидел с ружьем мужчина из нашей деревни. Привезли нас на пристань в Суражевку, а потом на поезде увезли до станции Юхта и дальше. Там, около реки Перы, был посёлок высланных, назывался Улан.

В 1933 г. в апреле месяце нас увезли в Хабаровский край на Оборскую ветку, в тайгу. Хлеба давали по 200 г в сутки. Там был сплошной лес и огородов не было. В мае месяце того же года нас, девочек-подростков, отправили на ст. Верино, дер. Переяславка, и 6 км дальше, село Егоровка. Там был совхоз от Обора, и нас послали обрабатывать все то, что было там посажено.

В августе нас, 8 девочек, привезли домой на три дня. В это время только один братик Толя умер с голоду (ему было 6 лет). Младший меня брат Леня (ему было 13 лет) был уже опухший от голода, и я взяла его с собой в деревню, чтобы он не умер. Это было вечером. Вагон товарный, сплошные нары, и мы все, девчонки, улеглись на нарах, а братика я спрятала под нары, так как нас сопровождал стрелок (милиционер). И проснувшись, я стала его потихоньку звать, но его уже там не было, мне сказали девчонки, что его стрелок выбросил из вагона на станции Сета (20 км от Обора). Я так плакала, что не видела, когда его нашли.

Добрался он кое-как домой на вагоне лесовоза и спросил маму: «Мама, а на том свете хоть картошки дадут поесть?» И на следующий день утром он умер. (...)

[Осенью автор рассказа случайно встретила женщину из их спецпосёлка.] Она и говорит: «...У вас все умерли с голоду. Мать продала швейную машинку и с мужиками отправилась тайгой до железной дороги, чтобы доехать до Хабаровска, так как в Хабаровске хлеб продавали вольно, но их стрелки с собаками догнали, и маму заставили на станции Сета месяц пилить дрова. И одна моя сестренка Катя умерла без мамы, и хоронили ее соседи по дому, осталась одна только сестра Мария, которой было 11 лет. Хоронили там всех без гробов: приезжали за покойником с гробом на лошади, а потом из гроба выбрасывали в общую яму. Всего за два года умерли шесть моих братьев и сестер...

Источник: Евсеева П.С. «Мама, а на том свете хоть картошки дадут поесть?» // Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области. Т.3. Благовещенск, 2004. С. 399 — 400.

О семье И.М. Киви

Семья И.М. Киви, жителя с. Южной Лифляндии Шкотовского района Приморского края, оказалась среди многочисленных жертв политических репрессий 1930-х гг. На ее долю выпали и принудительные переселения, и аресты, и расстрел.

Глава семьи Киви Иван Михайлович, уроженец Эстонии, приехал в Приморье в конце XIX в., во Владивостоке получил образование, работал почтовым служащим. Мать Антонина Осиповна, уроженка Подольской губ., попала во Владивосток в начале XX в. Здесь они встретились и поженились, родили четверых детей. В годы Гражданской войны из Владивостока перебрались в д. Лифляндию. В 1933 г. Ивану Михайловичу было отказано в выдаче паспорта с приморской пропиской в связи с тем, что, по данным НКВД, он в 1929-1930 гг., будучи председателем сельсовета, «...скрывал кулаков и саботировал хлебозаготовки».

Семья вынуждена была уехать в Горьковский край, но в 1935 г. ей удалось вернуться на прежнее место. Однако в 1938 г. Иван Михайлович и его сын Михаил в числе большой группы других жителей с. Лифляндии были арестованы и обвинены в «контрреволюционной, шпионской, повстанческой деятельности». Отец был расстрелян, но сыну посчастливилось дожить до окончания Большого Террора, когда дела арестованных пересматривались. Несмотря на то, что обвинения не подтвердились, М.И. Киви после полуторалетнего тюремного заключения был приговорён к ссылке в Якутскую АССР сроком на три года, где он и остался проживать.

*Антонина Иосифовна Киви.
Горьковский край
(совр. Нижегородская
область). 1934 г.
// Личный архив
К.И. Щегоцкой*

*Иван Михайлович Киви
в возрасте 23 лет.
Владивосток. 1906 г.
// Личный архив
К.И. Щегоцкой*

Мать Антонину Осиповну с дочерьми в 1939 г. занесли в списки на выселение из Приморья как «неблагонадежный элемент», однако краевая «тройка» не утвердила это предложение, вынеся резолюцию: «Оставить».

Ниже мы публикуем выдержки из писем младшей дочери Ивана Михайловича — Клавдии Ивановны Щегоцкой (в девичестве — Киви), любезно поделившейся с автором этой книги воспоминаниями о своей семье. Клавдия Ивановна получила среднее образование во Владивостоке, закончила Хабаровский пединститут, работала там же преподавателем немецкого языка, позже — заведующей кафедрой. В 1946 г. вышла замуж за военного врача, имеет сына и дочь. В 1967 г. семья переехала в Луганск.

Из писем К.И. Щегоцкой

«...Отец — уроженец Эстонии. Во Владивосток приехал в конце 1890-х гг. Там закончил гимназию (6 классов), там и дослужился до почтового чиновника, до заместителя начальника почтамта. Там же встретил мою будущую мать Юзефович Антонину Иосифовну — продавщицу газет на железнодорожном вокзале. Родом она из Молдавии (на границе с Украиной), отец имел мельницу, польский еврей. Проиграл все в карты и застрелился. Детей было много, мать — одна из младших, была отдана «в люди». Когда

подросла, ее забрала сестра, а потом ездила по всей стране за братом железнодорожником. Так доехала до Владивостока и нашла своё горькое счастье. Папа получал 40 руб., мать брала квартирантов со столом. Жили они года до 1921-го в городе, а потом переехали к родителям отца в Южную Лифляндию. Мать работала в колхозе до 1948 г. Потом жила со мной в Хабаровске, где и похоронена. Страдала гипертонией, имела два инсульта. Пережить все, что ей досталось — удивительно, что дожила до 67 лет. (...)

О высылке 1933 г. Мне было 11 лет. (...) Мы тронулись в путь в Горьковскую область (до 1936 г. — Горьковский край.. — Е.Ч.). Отец устроился на завод, дети — в колхоз, даже получили квартиру. Отец был грамотным, написал в Москву, как тогда говорили, Калинин и вскоре получил разрешение вернуться. Отец, Михаил и старшая сестра вернулись, а мама, брат и я остались выжидать — действительно ли все будет хорошо. Брат Геннадий остался в Горьковской области, а мы через некоторое время вернулись. (...) После ссылки мы жили поначалу на квартире, потом вернулись в свой дом, но в одну половину, а вторую занимала другая семья. Матери стоило много нервов, пока они не освободили эту часть квартиры. (...)

1938 год принес новое горе в нашу семью — 15 марта арестован отец, 26 марта осужден к смертной казни, в мае расстрелян. Пыток не вынес. 21 мая 1957 г. реабилитирован. (...) В 1938 г., когда приезжала в село бригада НКВД с новой партией несчастных и оклеветанных, мать убежала с узелком в лес или куда-нибудь на сарай, пока машина не уедет. Так поступали многие женщины. Маме достались тяжелые переживания. (...)

В конце августа 1938 г. был арестован и брат — Михаил Иванович. Был он активистом, парашютистом (это было в моде), работал мотористом на рыболовецком катере. Когда его арестовали, ему было 22 года, молодой цветущий парень. (...) Вначале истязали и били. Женщины наступали каблуками на мизинцы, били в пах. В камерах было так много человек, что не хватало места ночью всем лечь. Потом все изменилось. Его новый следователь сказал: «Михаил, я знаю, что ты не виновен. Но твой отец подписал, что ты

*Михаил Иванович Киви в возрасте 20 лет с сестрами Натальей и Клавдией. Пос. Южная Лифляндия Шкотовского района Приморского края. 1936 г.
// Личный архив К.И. Щегоцкой*

М.И. Киви с сестрой Натальей в г. Алдане (Якутия). 1950-е гг. // Личный архив К.И. Щегоцкой

вместе с ним шпионил». В камере с ним сидело много умных людей, научных работников. Вспоминал о них с большим уважением и благодарностью за школу. Михаил вернулся из ада через 18 мес., был сослан в Якутию на три года. Увиделись мы на Партизанском проспекте во Владивостоке (*там находилась городская тюрьма. — Е.Ч.*). Свидание перед отъездом в Якутию. Передо мной сидел абсолютно желтый худой человек, голоса его я не узнала. Когда надсмотрщик отвернулся, он быстро открыл беззубый рот — выбили. (...)

Путь в Якутию был тяжелым, ехали в открытых машинах, стоя на коленях. Обращение с ними было очень грубое. Остановился в г. Алдане. Работал сначала дворником. Ему, еще молодому, было стыдно поднять глаза на прохожих. Квартировать начал с конюшни, спал рядом с лошадьми, обогревался от них, пока добрый человек не поверил ему, дал работу и угол для жилья. Выкарабкался, научился шоферить. (...) Обморозил руки — оказался в чужом краю без хлебной карточки, без больничного, так как отказался от операции по ампутации пальцев. Вылечила женщина травными отварами, делилась последней картошкой, остался с руками. Работал шофером, зав. гаража, экспедитором, но все на машине. Работал на золотых приисках в пос. Ленинском под Алданом. (...) Помогал мне учиться. Все просился на фронт — смыть пятно, но не взяли. Женился на такой же ссыльной, но лучше устроенной. Жил хорошо, имел и квартиру, и машину, и северные. У них двое детей: сын стал летчиком, дочь — педагогом. Уехали они в начале 1970-х гг. в г. Майкоп, где их организация построила свой кооперативный дом. (...) В 1989 г. умер от инфаркта...»

Источник: письма К.И. Щегоцкой автору от 19 августа, 15 и 17 октября 1993 г. // Личный архив автора.

